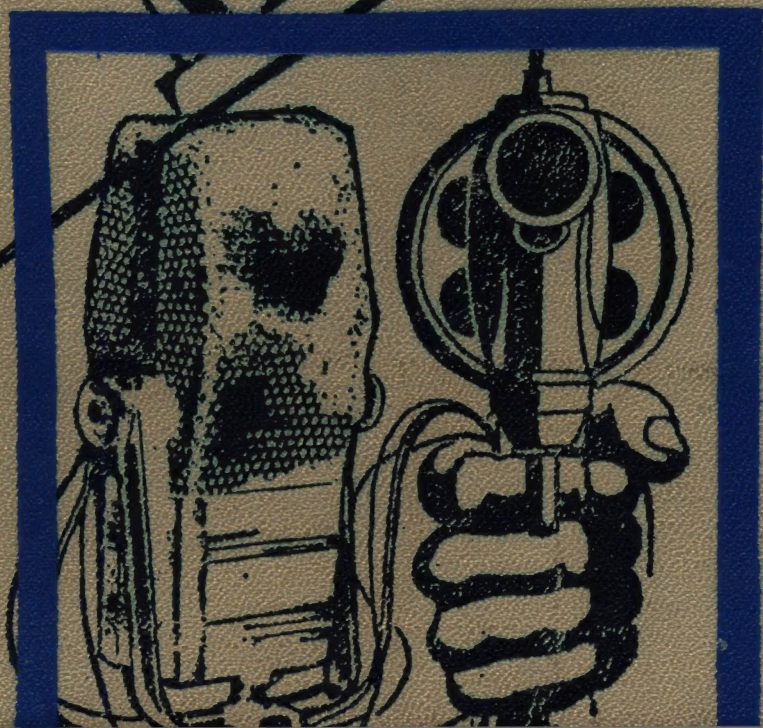

В. КАССИС
Л. КОЛОСОВ
М. МИХАЙЛОВ

ЗАКЛЮЧАЮЩИЙ ВЫБОР

«ИЗВЕСТИЯ»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ

Вадим КАССИС
Леонид КОЛОСОВ
Михаил МИХАЙЛОВ

**ЗА КУЛИСАМИ
АНВЕРСКОЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ»

МОСКВА ♦ 1979

Научный редактор М. ПЕТРОВ

Художник Владимир ОЛЕФИРЕНКО

Основу книги «За кулисами диверсий» составляют публикации в «Известиях» и «Неделе», разоблачающие происки противников мира и разрядки, политики мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Это книга об обостряющих международную обстановку наиболее твердолобых империалистических кругах, не желающих трезво оценить сложившееся в мире соотношение сил. Расчеты таких твердолобых добиться военного превосходства над странами социализма и диктовать им свою волю совершенно нереальны, но опасны для народов и поэтому требуют решительного отпора.

Одним из основных орудий империализма в борьбе против мира социализма являются секретные службы, разведки.

Лидеры империализма, стремясь объединить свои усилия, создать единый фронт, с помощью тайных служб пытаются поправить свои дела в явно проигрываемой ими борьбе социалистической и капиталистической идеологий, в борьбе чем дальше, тем все более острой.

Империализм, следовательно,— вот подлинный дрижер всех выступлений против демократии и социализма. В одних случаях руководящие деятели и институты империалистической системы сами участвуют в таких выступлениях, в других, и значительно чаще, предпочитают действовать через средства массовой информации, секретные службы.

Это они, империалистические разведки, вербуют всякого рода отщепенцев, которые, каждый в отдельности или принадлежащие к таким организациям, как НТС, выступают у микрофонов радио «Свобода» и «Свободная Европа», являются пособниками, а то и платными агентами иностранных секретных служб. Это они, иностранные разведки, выполняют задания врагов мира, рядящихся в тогу защитников «гражданских прав» в социалистических государствах, и в то же время активно участвуют в беззастенчивом попрании прав миллионов и миллионов граждан стран капитала.

Разведки отдельных буржуазных государств связаны между собой, координируют свои действия, направ-

ленные против Советского Союза и других государств социалистического содружества.

Все теснее смыкаются с империалистами пекинские руководители, попирающие права китайского народа.

В США и Западной Европе разведывательные службы засылают агентов в демократические организации, устраивают провокации против демократических сил, организуют политические убийства не только демократических деятелей, но и почему-либо неугодных монополиям в данный момент министров и даже президентов. Империалистические разведки вербуют наемников для борьбы против национально-освободительных движений, организуют заговоры против развивающихся государств, вмешиваются в их внутренние дела, прибегая даже к вооруженной интервенции.

Регионом, где империалистические разведки особенно тщательно координируют свои преступные акции, является Ближний Восток. Здесь самая грязная роль отводится израильским секретным службам. Они являются инструментом сионизма во всемирном масштабе, с их подрывными действиями связана вся история израильской агрессии против арабских народов.

Мы хотим рассказать в этой книге на документальном материале о приемах и методах «психологической войны», которую ведут империализм, его слуги и пособники, в том числе пекинские, против СССР, других социалистических стран, развивающихся государств, в первую очередь тех, кто вступил на путь демократии и прогресса.

Чем лучше народы будут знать и разбираться в неблагоприятных деяниях противников разрядки, чем активнее и решительнее будут давать им отпор, тем чище станет международная атмосфера.

«В содружестве с братскими странами социализма, в сотрудничестве с другими государствами и народами,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев,— Советский Союз успешно отстаивает дело мира. Несмотря на происки сил реакции и агрессии, мир не стал менее прочным. Вера в достижимость мира крепнет в сознании сотен миллионов. И будет крепнуть, так как для всех народов нет более дорогого блага, чем благо мира».

**МАСКА
СОРВАНА**

У позорного столба

— Встать, суд идет!

Эти слова звучат на всех языках, известны всем народам. Но в мире капитала на скамье подсудимых оказываются не те, кого бы надо было на нее посадить. Там судят борцов за подлинные права человека, там выносят обвинительные приговоры людям прогрессивных взглядов, там в любую минуту могут бросить за тюремную решетку, предъявить обвинение в «подрывных действиях» каждому, кто, к примеру, считает, что американским властям, руководителям других буржуазных государств не пристало изображать из себя радетелей гражданских прав в чужих домах, в то время как у себя дома они все более бесцеремонно и грубо попирают эти права. Как метко заметила французская газета «Матэн», Вашингтону, Лондону и прочим западным столицам «следовало бы сначала подмести перед своей собственной дверью, прежде чем читать мораль другим».

Но сильные капиталистического мира сего имеют весьма своеобразное представление о правах человека, у них свои, особые, понятия о морали, честности, не говоря уже о демократии и свободе.

Вместо того чтобы удовлетворить требования народов стереть с лица земли позорные пятна реакционных режимов, расизма и апартеида, осудить палачей, чьи руки обгажены кровью десятков тысяч жертв, этих палачей защищают.

В царство террора превращены целые страны, реакционные режимы которых опекаются империализмом. Сотни тысяч чилийцев прошли через ад тюрем фашистской хунты, тысячи из них убиты, а еще тысячи бесследно «исчезли». В Уругвае на каждые четыреста жителей приходится один политзаключенный. Сила народного гнева, вылившаяся в восстание, охватившее все Никарагуа, смела бы власть диктатора Сомосы, если бы его не спасали американские доллары и американские инструкторы бесчеловечных погромов. В Вашингтоне убоялись цепной реакции, которая в случае перемен в Никарагуа могла бы коснуться, скажем, Парагвая или Гватемалы, где правители тоже сидят на

штыках, обращенных против народных масс. Весьма красноречиво раскрыла суть дела английская консервативная газета «Дейли телеграф», которая в связи с событиями в Никарагуа писала: «Вашингтон не может позволить себе потерять еще одного палача». Нет, не судят Сомосу и ему подобных американские проповедники «защиты прав человека», а молятся за своих ставленников, шлют им благословения.

Американские секретные службы направляют свои отравленные стрелы по другим адресам. ЦРУ, как уже окончательно выяснено, имело прямое отношение к свержению правительства Народного единства и к убийству президента Альенде в Чили. Агенты американской охраны неоднократно устраивали заговоры с целью убийства руководителя революционной социалистической Кубы Фиделя Кастро. Преступную механику этих заговоров не удалось сохранить в тайне. Ее с предельной убедительностью разоблачил кубинский разведчик Николас Сигардо Рос, который долгое время «работал» в ЦРУ под псевдонимом Зорро.

Впрочем, хотя за последние годы раскрыты многие грязные операции американских и других западных тайных служб, немало таких операций еще остались неизвестными. Наверняка плетутся сети новых заговоров против свободы и независимости народов Азии, Африки и Латинской Америки, против социалистического содружества.

Наряду с этим под патронажем империалистов, в первую очередь американских, заключаются сепаратные сделки; наиболее циничная из них — сделка между израильским агрессором и предавшим общеарабские, да и национальные интересы Египта капитулянт-ом Садатом.

Для империалистов поистине все средства хороши. За океаном приняли с почетом и вели переговоры на высоком уровне с главарем родезийских расистов Яном Смитом, хотя его незаконная власть заклеяна ООН при участии самих США. А какие хитроумные маневры проводит западная дипломатия с целью поддержки расистской ЮАР, для того чтобы лишить законных прав и независимости народы Зимбабве и Намибии!

Если мы обратимся к Западной Европе, то увидим, как попираются гражданские свободы в Англии, где организована система тотальной слежки за миллиона-

ми англичан. В то же время граждан Британских островов натравливают на «цветных» иммигрантов афроазиатского происхождения. Продолжается трагедия Ольстера, где английская военщина совершает кровавые бесчинства.

Западногерманские реакционеры ввели в ФРГ позорную практику «запретов на профессии», которая обращена не только против коммунистов, но и против социал-демократов, против всех прогрессивных элементов. Это не мешает таким неизлечимым поборникам «холодной войны», как Штраус, или реваншист Бехер, или газетный магнат-провокаатор Шпрингер, твердить о правах и свободах, о демократических завоеваниях. Оценить эту болтовню в грош — и то дорого!

В тогу «защитников демократии» рядятся и израильские агрессоры. Между тем их преступления в Ливане, на оккупированных арабских землях, попрание законных прав арабского палестинского народа являются издевательством над самим понятием прав человека.

Но, безусловно, пальма первенства в демагогии о «правах человека» принадлежит американским правящим политическим деятелям. Нынешняя администрация с самого начала своей деятельности столь же громгласно, сколь и напыщенно, провозгласила о своем намерении возвести «защиту прав человека» в ранг государственной политики. Не будем цитировать других — от обитателей Белого дома до конгрессменов и сенаторов с расистского Юга США. Наиболее пикантно, что адмирал Тэрнер, директор ЦРУ, которое запачкано кровью многих истинных борцов за прогресс и права человека, вскоре после того как он возглавил это шпионское ведомство, заявил, что он будет на этом посту «продолжать служить делу свободных людей». Комментарии излишни.

Чем упорнее проводится США «государственная политика защиты прав человека», тем яснее становится, что она служит одной провокационной цели — в искаженном свете представить положение в Советском Союзе и других социалистических странах. Инициаторы этой политики оказываются в незавидной роли «защитников» жалкой кучки отщепенцев и преступников в этих странах.

В то же время из этой «государственной политики» полностью исключаются те реакционные режимы,

о которых говорилось выше. И, главное, она не затрагивает грубейшие нарушения прав человека в самих Соединенных Штатах.

Подобная «избирательность» закономерно привела к тому, к чему и должна была привести. Как бумеранг, вернулась к ее организаторам шумиха по поводу «прав человека». Проблема положения с правами человека в самих Соединенных Штатах оказалась в центре внутренней американской общественной жизни. И тот, кто без всяких на то оснований пытался взять на себя роль судей, оказался, образно говоря, на скамье подсудимых.

Как только «джинна выпустили из бутылки», внимание миллионов американцев сосредоточилось на каждодневном нарушении их прав и гражданских свобод. Американские радетели решили взять под «защиту» отщепенцев, иностранных агентов и уголовников в социалистических странах, выдавая их за политических заключенных. Но факты говорят о другом — что в США, как признал американский представитель при ООН Эндрю Янг, в тюрьмах содержатся сотни и тысячи политических заключенных. Во время одного из путешествий главы Белого дома по американским городам его встречали плакатами: «Прекратить беззаконие». Сенатор Абурезх решительно осудил в телевизионной передаче бездеятельность администрации в области политических и гражданских прав американцев. Эти права не только не защищаются, но, как показывает история с «уилмингтонской десяткой», делом Джона Харриса и многими другими, нарушение этих прав является массовой практикой.

Охранка США имеет в своем распоряжении досье на 150 (!) миллионов американцев. Как писал лондонский журнал «Африка», американская правовая система «не утверждает прав тех, кто восстает против угнетения, расизма, неравноправия национальных меньшинств, кто борется за гражданские права, за мир, против агрессии».

В 60-х годах люди, которые планировали и направляли агрессию США в Юго-Восточной Азии, не подвергались аресту и не привлекались к суду за геноцид. Подвергались аресту и привлекались к суду те, кто протестовал против этой агрессии.

Когда чернокожие граждане в Гарлеме, Уоттсе и

Ньюарке восстали против угнетения, полиция прибегла к слезоточивому газу, оружию и судебному преследованию, выступив не против домовладельцев и торговцев, которые их обирали, а против тех, кого обирали.

Расизм, дискриминация и экономическая эксплуатация в США не считаются преступлениями. Отказывать людям в работе по мотивам расовой принадлежности или псла; обрекать их на медленную смерть и увечья в результате нарушений техники безопасности или правил об охране окружающей среды; лишать молодежь национальных меньшинств возможности получить образование; проводить медико-биологические эксперименты на нацменах — все это тоже не считается в США уголовным преступлением.

Даже когда богатые и влиятельные люди совершают уголовные преступления и привлекаются к суду, наказания бывают относительно мягкие. Лица, совершающие преступления против государства, как в уотергейтском деле, и такие правонарушения, как растрата, обман, уклонение от уплаты налогов, подлог и другие серьезные преступления против собственности, в большинстве случаев осуждаются к уплате штрафов либо условно.

Таким образом, уголовное право и тюрьмы в США используются в политических целях.

30 января 1978 года сенат США 72 голосами против 15 одобрил законопроект «С-1437» «О кодификации, пересмотре и реформе Федерального уголовного кодекса». Этот законопроект широкая общественность Соединенных Штатов характеризует как один из наиболее репрессивных в истории страны. Газета «Лос-Анджелес таймс» писала, что «он предоставляет автократические полномочия правительству в деле подавления инакомыслия и протестов любого рода, несет прямую угрозу американским свободам во многих сферах». По предложению сенатора из Алабамы Джеймса Аллена сенат внес в текст законопроекта поправку, запрещающую частным лицам «вступать в отношения и переписку с иностранными правительствами». Эта реакционнейшая поправка может быть применена для любых международных контактов общественных организаций США. Любая поездка в социалистическую или другую страну может быть интерпретирована как

«сношение с правительством» и квалифицирована как преступление, если она негодна правящим кругам страны.

Можно без конца продолжать перечень нарушений прав человека в США. К этому нужно добавить еще одну «деталь».

Заключительный акт общеевропейского совещания, отмечая необходимость выполнения государствами своих обязательств по международным соглашениям в области прав человека, прямо называет соответствующие пакты. Казалось бы, западные страны, поучающие других, должны были первыми войти в число участников этих соглашений. Однако среди них нет США, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Израиля.

Нет в этом списке и Китая, руководители которого пали так низко, что братаются с чилийской фашистской хунтой, мотивируя это тем, что необходим единый фронт всех и вся против... Советского Союза.

Пекинские лидеры в вопросе о правах человека следуют тем же курсом, что и империалистическая реакция. КНР до сих пор не ратифицировала Международный пакт о гражданских и политических правах. Китайский народ вынужден жить в обстановке произвола и насилия, он отстранен от участия в решении всех важных вопросов развития общества и государства.

Что касается сомнительных спекуляций империалистов США вокруг прав человека, то это просто прикрытые реакционной политики.

Вот в чем состоят корни шумной пропагандистской кампании, которая была поднята вокруг мер, принятых советскими судами в отношении противозаконной деятельности некоторых враждебных советскому строю лиц, в том числе платных агентов западных спецслужб.

Какие только формы не принимала эта кампания, и кто только в ней не участвовал — от самых высокопоставленных лиц в Вашингтоне до американского посла в Москве Туна, который пренебрег элементарными нормами дипломатической этики в отношении страны пребывания. Но какими бы мотивами ни определялось стремление того или иного деятеля выставить себя защитником «прав человека» и сколь соблазни-

тельной ни казалась бы ему представившаяся для этого возможность, суть дела не меняется. Тем, кто питает какие-то иллюзии на этот счет, должно быть ясно, что у Советского Союза нет в этих делах, как и в его политике вообще, двойного стандарта: одного, рассчитанного, так сказать, на публику, и второго — для каких-то иных случаев. Правда, подобного рода явления не редкость для буржуазных политиков. Но ведь существуют общепризнанные международные нормы и, наконец, просто такт, соблюдать которые не противопоказано и им.

Советский Союз никому не позволит быть судьей или адвокатом в делах, которые касаются только его самого. Нам нет необходимости заимствовать чьи-то законы или искать пророков в чужих отечествах. Мы решительно отвергали и отвергаем любые попытки вмешиваться в наши внутренние дела, как бы ни обставлялись такие попытки.

Те, кто организовал шумиху о «правах человека», какие бы высокие посты они ни занимали в буржуазном обществе бесправия, оказались в незавидной роли противников мирного сотрудничества народов, нарушителей принципов хельсинкского Заключительного акта, в том числе такого основополагающего принципа, как невмешательство во внутренние дела других государств.

Результаты клеветнической антисоветской пропаганды, несмотря на ее огромные масштабы, идеологические диверсии, проводимые в самых различных формах, не оправдывают затрачиваемых на них материальных средств и усилий многочисленного аппарата, прежде всего секретных служб империализма.

Это происходит по двум причинам: во-первых, насквозь лживым является «идеологическое обоснование» подобной политики, возведенной ныне в некоторых западных странах в ранг государственной; во-вторых, микроскопически мала ее база — так называемые «диссиденты», с помощью которых западные реакционеры хотели бы подорвать социалистическое общество или хотя бы затруднить его развитие.

«Диссидент» означает инакомыслящий. Буржуазная пропаганда на протяжении длительного времени старалась ввести в заблуждение мировую общественность, утверждая, что в СССР и других социалистиче-

ских странах преследуют просто за мысли, а не за действия, нарушающие советские законы и общенародные интересы. Это беззастенчивая ложь. В действительности к ответственности у нас привлекаются и соответственно их вине наказываются люди, отвернувшиеся и оторвавшиеся от общества, народа, занимающиеся антисоветской деятельностью, в том числе в форме шпионажа. Их немного, таких людей.

Их буквально единицы. Их нельзя назвать иначе, как идеологическими диверсантами, так как они сеют ложные слухи, пытаются организовывать различные антиобщественные вылазки. Главное их занятие — снабжать Запад клеветнической информацией. Главное, но не единственное, так как некоторые из этих отщепенцев оказываются легкой добычей для империалистических спецслужб, становятся их платной агентурой, а попросту говоря, шпионами.

Тщетно эти людишки пытаются, рассчитывая на более щедрые валютные и иные подачки, выдавать себя за некую «организованную силу», приписывать себе роль «наблюдателей» за осуществлением Советским Союзом тех или иных международных документов, хотя подобной функции им никто не поручал ни в плане общественном, ни тем более в официальном.

Делается это для того, чтобы пустить пыль в глаза западным боссам, преувеличить свое значение, подороже себя запродать. В действительности «диссиденты» боятся высунуть носы из своих нор. Они охотно позируют и разглагольствуют перед любителями дешевых сенсаций из числа иностранных журналистов и нетребовательных дипломатов, но как огня боятся встреч с советскими людьми, от которых им нечего ждать, кроме презрения.

Известно выражение «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Применительно к покровителям преступников-отщепенцев его можно перефразировать так: «скажите, кого вы поднимаете на щит, и честные люди скажут, кто вы».

Летом 1978 года в Москве состоялись два судебных процесса. Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела уголовное дело агента иностранной разведки Филатова А. Н. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР слушала уголовное дело по обвинению Щаранского А. Б. в измене Родине в фор-

ме шпионажа, оказании иностранному государству помощи во враждебной деятельности против СССР и в проведении антисоветской агитации и пропаганды.

По обоим делам 14 июля вынесены приговоры. Преступники — изменники Родины и шпионы получили по заслугам. Филатов приговорен к расстрелу, Щаранский — к 13 годам лишения свободы.

В течение нескольких дней высокие советские судебные инстанции изучали, обсуждали и оценивали десятки и десятки томов уголовных дел, многочисленные вещественные доказательства, заключения экспертов, заслушивали показания свидетелей. Все данные, полученные в ходе обоих судебных разбирательств, свидетельствовали об одном и том же: на скамье подсудимых сидели в эти дни не просто жертвы заблуждения и не случайно оступившиеся люди. Советский суд судил преступников, которые отлично знали, что они делают.

Филатов был завербован одной из иностранных разведок в то время, когда находился в служебной командировке за рубежом. Он систематически собирал и передавал представителям иностранного государства важные сведения, составляющие государственную и военную тайну СССР. Он продолжал шпионить и вернувшись на Родину. Хозяева снабдили своего агента всем необходимым шпионским снаряжением, шифрами, специальной аппаратурой, предназначенной для сбора, хранения и передачи в разведцентр секретной информации. Все это Филатов широко использовал.

«Услуги» Филатова были неплохо оплачены. Он получал крупные суммы в иностранной валюте, десятки тысяч советских рублей и даже золотые монеты.

Разбирая дело Филатова, судьи рассматривали и изучали не только сами его преступления, но и их побудительные причины, подвергли серьезному анализу путь, который привел человека к самому тяжкому из преступлений — измене Родине. В ходе процесса все более отчетливо рисовался портрет Филатова — чрезмерная самоуверенность, тщеславие, завистливость, стремление к стяжательству, моральная нечистоплотность.

Анатомия любого предательства, как правило, бывает сходна. Эту истину подтверждает сопоставление путей, которые привели на скамью подсудимых обоих

преступников. В случае Щаранского — то же непомерное самомнение, то же тщеславие, стремление любой ценой быть на виду, получить побольше. На первых порах это привело к попытке обрести популярность среди определенных кругов на Западе, которые рады любому поводу для раздувания антисоветской шумихи. Щаранский и его сообщники — нашлось несколько таких — фабриковали злобные пасквилы, в которых нагло и беззастенчиво клеветали на Советскую страну, на наш общественный строй. Они не стеснялись выдавать белое за черное, называть ложные адреса, ставить под клеветническими заявлениями, письмами, обращениями имена людей, которые даже не видели этих писаний.

Антикоммунисты и противники разрядки, которых не так уж мало на Западе, с радостью подхватили злобные измышления Щаранского, широко использовали их в антисоветской, антикоммунистической пропаганде. А заодно попытались превратить вралю и клеветника в «борца за права угнетенных советских людей».

Этого Щаранский и добивался. Дело в том, что он давно уже решил покинуть Родину и уехать на Запад. Но кому нужен там «зеленый» специалист с инженерным дипломом, когда по улицам ходят тысячи и тысячи своих дипломированных безработных? Щаранский не так глуп, чтобы не понимать этого. Западу нужен был «общественный деятель», и изменник пыжился предстать таковым перед своими зарубежными хозяевами. Логика предательства закономерно бросила «общественного деятеля» и «борца за права человека» в объятия спецслужб, превратила его в обычного шпиона. Щаранский повторил путь любого другого изменника. Судьба предателя не может быть иной.

Щаранский и одна из западных разведслужб быстро нашли друг друга и еще быстрее обрели общий язык. В ход пошли конспиративные встречи, инструктивные письма из-за рубежа, которые пересылались через дипломатическую почту одного из посольств, а затем последовали и вознаграждения. Как было установлено в ходе судебного заседания, Щаранский регулярно получал из-за рубежа деньги.

Щаранский лично и через своих сообщников собирал секретные данные о дислокации и ведомственной принадлежности предприятий оборонной промышлен-

ности, о характере выпускаемой ими продукции, о научных изысканиях по закрытой тематике и т. п. Чтобы получить такие сведения, он опрашивал множество людей по вопросам, которые были присланы ему из-за рубежа. Разумеется, что те, которые отвечали на эти вопросы, и понятия не имели о том, как будут использованы все эти сведения.

Собираемые разведданные Щаранский вплоть до своего ареста регулярно передавал на Запад с соблюдением всех мер предосторожности и конспирации. Как видно из материалов дела, Щаранский регулярно помогал агенту одной из западных военных разведок устанавливать конспиративные встречи с советскими учеными и специалистами, которым были известны разного рода секретные данные. Щаранский создавал условия для доверительных бесед, в ходе которых этот военный разведчик выводил не подлежащую оглашению информацию.

Из материалов дела видно, что западные работодатели Щаранского не раз называли его «незаменимым человеком». В этом они правы. Им нелегко будет «заменить» его кем-либо другим: в нашей стране земля горит под ногами изменников и предателей.

Что можно сказать о тех, кто за рубежом льет слезы по преступникам, осужденным советскими судами? Только то, что они сами вымазываются грязью, в которую по уши окунулись Щаранский, Гинзбург, Орлов и другие отщепенцы.

Эти господа получили по заслугам. Так единодушно считают советские люди. Об том убедительно свидетельствуют их многочисленные письма, полученные редакцией «Известий».

На конвертах самые различные почтовые штемпели: Ленинград и Кустанай, Вильнюс и Ташкент, Пермь и Саратов, станица Раздарская Ростовской области и Волгоград, Кострома и Омск, Днепропетровск и Астрахань. Письма идут из больших городов и маленьких деревень. Пишут ветераны Великой Отечественной войны и рабочие, пенсионеры и студенты, врачи и сельские механизаторы, люди, за плечами которых большой жизненный путь, и совсем юные, еще не покинувшие школьную парту. Каждое письмо несет на себе отпечаток индивидуальности его автора, и всем им присущи

такие общие черты, как гордость за Отчизну, суровое осуждение и презрение к тем, кто пренебрегает ее интересами, теряет честь и достоинство советского человека, идет в услужение к иностранным разведкам, пресмыкается перед буржуазным обществом бесправия.

Вот что пишет, например, работница из г. Иваново Панюшкина: «До чего же подлы филатов и щаранский (с большой буквы их фамилии нельзя писать)! И в голову не приходит, как может человек родиться, жить и изменить своей Отчизне, за которую легли наши деды, отцы, братья и сестры».

Как бы продолжает эту же мысль А. Стадниченко из Омска. «Жаль,— гневно восклицает он,— что нашу родную землю топчут еще такие гады и предатели. А ведь они выросли на нашей родной советской земле, которая выкормила их, вырастила и дала образование. А они за все это отплатили предательством стране, которая спасла мир от фашизма. Сколько было погублено советских людей фашистами, но наш народ выстоял и завоевал радость и счастье. И вот эти преступники и изменники предали интересы нашей Родины, продавшись за деньги.

Пусть все помнят, что в нашей стране нет и не будет места изменникам и предателям. И никакая шумиха антисоветская не поможет врагам. У западных стран ничего не получится из их стараний посеять неприязнь к Советскому Союзу, внести раздор между народами и странами».

Во многих и многих письмах отражены такие же чувства. Их разделяют: тт. В. Гуринов из Ташкента, Г. Прокопчук из Омска, ветераны Великой Отечественной войны из Днепропетровска В. Бобонеко (бывший командир 21-го Будапештского полка) и К. Троценко (комиссар Ворошиловградского стрелкового полка); В. Воронцов из г. Георгиу-Деж Воронежской области, Б. Мазур из Ленинграда, Р. Якупова из Астрахани. Старший научный сотрудник К. Омельченко из Ворошиловграда принадлежит к послевоенному поколению, но, по его словам, он знает о войне от матери, прятавшей советских десантников, и от отца, который был на фронте до конца войны. «Мне, моему брату и сестре,— продолжает т. Омельченко,— наша Советская власть дала все. И пусть сколько угодно шумят на Западе о

правах человека. Каждый гражданин Союза ССР знает свое право и пользуется своим правом на свободную, защищаемую государством жизнь. Порочить эту жизнь, тем более предавать ее не позволит никто из нас, ощутивших на себе благотворную руку Советской власти, всего советского общества».

Нам бы хотелось также упомянуть письма читателей: А. Телятникова из Краснодара, выражающего благодарность органам государственной безопасности, которые разоблачили преступников, Н. Пенушкиной из деревни Требукино Рязанской области, приветствующей миролюбивую политику ЦК КПСС и Советского государства, И. Попова из Ленинграда, считающего, что следует лишать советского гражданства тех, кто недостойн этого высокого звания. Прислали свои отклики на недавние судебные процессы и товарищи Шитаков из Новосибирска, Д. Еленчук из Серпухова, пятнадцатилетний С. Широкаредов из Харькова, супруги И. и П. Моисеенко из Донецкого района Ростовской области, ветеран 18-й армии Б. Кобликов из Волгограда.

Прерывая на этом список, мы, естественно, далеко не исчерпали имена тех, кто прислал свои отклики на судебные процессы над антисоветчиками, предателями и шпионами.

Но обратимся к письму еще одного читателя. Оно прислано в «Известия», хотя адресовано «радиоврялям и идеологическим диверсантам «Голоса Америки». Автор письма А. Гаркуша из Краснодарского края объясняет дело так: «Свое письмо я направляю в редакцию газеты «Известия», так как не настолько я наивен и глуп, чтобы адресовать его по предлагаемому американской радиостанцией адресу в Вашингтон. Ведь если бы я это сделал, кто в таком случае о письме и о содержании его будет знать, кроме кучки фальсификаторов из ЦРУ».

А. Гаркуша, имея в виду «Голос Америки» и ему подобные «голоса» и «волны», заявляет, что им нужна «не правда миллионов советских людей, а ложь, клевета, измышления единиц-подонков». Их-то, этих «несостоявшихся людей», превозносят радио и другие органы массовой информации Запада как «поборников прав», превозносят за неимением лучшего.

Товарищ Гаркуша удивляется, как это расплодившиеся по обе стороны Атлантического океана «голоса»

и «волны» до сих пор не поняли, что их «презирают советские люди, испытывают отвращение к антисоветской лжи, в том числе к беспардонной клевете насчет мнимых нарушений прав человека в СССР».

И еще одно. Автор письма глубоко сочувствует читателям, радиослушателям и телезрителям западных стран, «которых изо дня в день кормят ложью, дезинформацией, домыслами». «Поймаешь случайно на приемник, — заключает Гаркуша, — подобную зарубежную волну, послушаешь несколько минут и чувствуешь, как тошнотворный ком подкатывается к горлу».

Хотя в некоторых странах Запада предпринимались отчаянные попытки использовать московские судебные процессы для нагнетания антисоветской истерии, там раздавалось и немало трезвых голосов. Вслед за письмами советских людей приведем и некоторые зарубежные отклики.

Якоб Седерман, юрист, депутат парламента от социал-демократической партии Финляндии, писал на страницах печати:

«...я хотел бы высказать свое мнение о так называемых «диссидентах».

Вспомните Солженицына. Сразу после смерти Франко, выступая по испанскому телевидению, он говорил, что Франко был «великим государственным деятелем» и что испанский народ должен-де беречь его политическое наследие.

Вспомните Буковского. Попав на Запад, он на своей первой пресс-конференции заявил, что хотел бы встретиться со «спасителем Чили» — Пиночетом, которого считает «выдающейся личностью».

Вспомните Сахарова. В свое время он критиковал американцев за «мягкость» их методов ведения войны во Вьетнаме, призывал продолжать бомбардировки и выражал свое возмущение в связи с началом мирных переговоров.

Вряд ли нормальный человек может разделять подобные высказывания и взгляды. Я допускаю что в нашей стране имеются и такие отдельные личности, которые готовы поддержать деятельность и взгляды «диссидентов». Но тем самым они превращаются в противников целей и идеалов движения международной солидарности, выступающего за подлинные права человека, в противников социального прогресса, за который

ведет борьбу рабочее движение. Я также думаю, что они же («диссиденты» и их империалистические покровители.— Авт.) не ратуют за права человека, которые были в свое время декларированы Организацией Объединенных Наций, противопоставившей их насилию и террору нацистского режима в опустошенной Европе».

Все большее число американцев начинает понимать, что правящие круги США развернули шумную кампанию вокруг справедливого приговора шпионам и изменникам под фальшивым лозунгом «защиты» прав человека, руководствуясь отнюдь не какими-то идеалами «гуманности» и «демократии». Как свидетельствовал обозреватель газеты «Вашингтон пост» У. Разберри, их главная цель — отравить международную обстановку, отвлечь внимание мировой общественности от грубого попрания прав человека в Соединенных Штатах.

Официальные лица госдепартамента и Белого дома, писал он, в зловещих тонах говорили о «пересмотре отношений» с Советским Союзом. В воздухе ощутимо пахло дипломатической грозой — и все это из-за того, что два человека предстали в России перед судом за нарушение советских законов.

Между тем в северокаролинской тюрьме в США, продолжает обозреватель, томится священник Бенджамин Чейвис, один из «уилмингтонской десятки», осужденной по обвинению, непосредственно связанному с борьбой за гражданские права. Не единицы, а миллионы американцев убеждены, что истинной причиной осуждения «десятки» явилась их активная борьба за права человека. Администрация же Вашингтона помалкивает о вопиющей несправедливости в отношении Чейвиса и других.

Когда президента США, пишет Разберри, спросили на пресс-конференции об этом широко известном деле, которое признано международными организациями как пример нарушения прав человека, он ответил, что не знаком с деталями и, кроме того, считает, что оно относится к юрисдикции штата Северная Каролина. «Я против несправедливого заключения в тюрьму», — сказал президент. Но кто же публично выскажется в пользу несправедливого осуждения? Что же касается незнания деталей, то, как здесь считают, президент мог бы узнать о Чейвисе во всяком случае не меньше, чем

о Щаранском, — если бы он этого хотел. Его молчание по «делу» о «уилмингтонской десятке» стремятся объяснить тем, что, будучи президентом, он не может вмешиваться в судебные дела штата Северная Каролина. Но логично заключить, что американский президент имеет никак уж не меньшее влияние на северокаролинский суд, чем на советский, иронически замечает обозреватель.

А вот что писал американский журнал «Ньюсуик».

«После процесса Щаранского Советское информационное агентство — ТАСС распространило материал, в котором дело Щаранского связано с делом 38-летнего Филатова, приговоренного несколькими днями ранее к расстрелу за шпионаж в пользу иностранной державы. Дэвид Мартин из вашингтонского отделения «Ньюсуик» исследовал дело Филатова и составил публикуемое сообщение.

Четыре года назад, когда Филатов работал дипломатом в Алжире, его завербовала американская разведка. Вербовке предшествовала организованная «ловушка с приманкой» — так разведчики именуют заранее подготовленную компрометирующую ситуацию с участием женщины. Была использована склонность Филатова к легким связям и найдена соответствующая партнерша.

В должный момент Филатова сфотографировали и, показав снимки, подвергли шантажу. Американцы, которые отныне держали его в руках, позднее передавали Филатову деньги, включая 24 золотые царские монеты. Они снабдили его шифром, принадлежностями для тайнописи, радиоприемником и миниатюрным фотоаппаратом в виде бутановой зажигалки. В Вашингтоне сейчас никому и в голову не пришло притворяться и отрицать, что это — дело рук ЦРУ.

В 1976 году Филатов возвращается в Москву и приступает к своей работе на ЦРУ. Одновременно начинается и неуловимая связь с Щаранским. В основном Филатов действовал самостоятельно, получая инструкции по радио, передававшиеся в убыстренном темпе мощными короткими импульсами. Когда семья не была рядом, Филатов надевал наушники, записывал сгустки сигналов на пленку, затем медленно прокручивал пленку, расшифровывая полученные указания. Информацию, составленную кодированной тайнописью, он отправлял

за рубеж в письмах, на вид совершенно невинных. Для пересылки фотопленки и получения других инструкций и снаряжения Филатову приходилось полагаться на тайники в разных районах Москвы.

По-видимому, роль главного связника Филатова играл сотрудник ЦРУ Винсент Крокетт, который в списках посольства числился в должности «архивариуса» при майоре Роберте Уоттерсе из управления военной разведки. Среди обвинений против Щаранского — его связь с Робертом Тотом, американским журналистом, знавшим Роберта Уоттерса. Однажды Тот получил от майора записку с одобрением его действий. Записка эта попала к русским.

В сентябре 1977 года, меньше чем через полгода пребывания в Москве, Крокетта и его жену Бекки задержали у одного из филатовских тайников, рядом с Костомаровской набережной на Яузе. Крокеттов без шума выслали из Советского Союза — Бекки написала друзьям в Рестон, штат Вирджиния, что они уезжают после пожара в американском посольстве — и они получили назначение в Бонн. Русского шпиона арестовали».

И еще одно свидетельство — газеты «Чикаго сан таймс»:

«Был ли Анатолий Щаранский, которого судили в Москве за измену родине, невиновен?.. Со времени признания Щаранского виновным и вынесения ему сурового приговора американская печать посвятила массу редакционных статей выражению своего гнева, но изучила ли она улики против Щаранского с достаточной степенью объективности?

В отличие от Гинзбурга, советского диссидента, который был признан виновным в «антисоветской агитации и пропаганде», Щаранскому было предъявлено обвинение в повсеместно признанном преступлении — предательстве. Его обвинили в передаче сведений о советской оборонной промышленности и оборонных объектах западной «военно-разведывательной службе» через «иностранного корреспондента». Действительно ли это так уж неправдоподобно?

Мы знаем, что Щаранский, специалист по электронно-вычислительной технике, передавал информацию Роберту Тоту, бывшему корреспонденту газеты «Лос-Анджелес таймс» в Москве. Тот отрицал, что он, Тот,

передал затем эти сведения сотрудникам западных разведывательных органов. В весьма спорной статье он недавно писал, что никакие сведения, полученные от Щаранского, не носили «секретного» характера, но по меньшей мере одной из его статей в свое время предшествовал заголовок «Русский косвенно разглашает государственную тайну».

Нам также известно, что некоторые американские корреспонденты и редакторы долго служили на побегушках у разведывательных ведомств (хочется надеяться, что они этого больше не делают).

Некто Саня Липавский, бывший еврейский активист, как утверждают, показал на суде, что главная цель Щаранского заключалась в «изменении существующего строя в Советском Союзе». Но так ли уж неправдоподобна эта цель? Разве она не может дать мотив для предательства?

У американской общественности не встретила поддержки и резолюция палаты представителей конгресса США «в защиту» проходимца Ю. Орлова, который был приговорен Московским городским судом за вполне конкретные и полностью доказанные подрывные антисоветские действия. Помимо систематического распространения антисоветских материалов на территории СССР, Орлов вошел в контакты с представителями иностранных государств и через них передавал за границу антисоветским центрам материалы клеветнического характера, порочащие советский государственный и общественный строй.

Такая антиобщественная деятельность является преступлением, караемым законом. И это отлично известно американским конгрессменам, как и то, что не может иметь никакой силы и нет никакого оправдания тому, что американский законодательный орган принимает резолюцию по делу, которое совершенно не относится к его компетенции.

Пора любителям вмешиваться в чужие внутренние дела понять, что в отношении Советского Союза такие попытки совершенно бесперспективны. Они встречают осуждение советских людей, отлично знающих, что лицемерные радетели прав и свобод человека ежедневно и ежечасно нарушают их в отношении подавляющего большинства населения своих стран. Наш народ живет по своим, социалистическим законам, он обладает пра-

вами, за которые народам стран капитала предстоит еще упорно бороться. Никому — ни жалкой кучке предателей и иностранных агентов, ни их зарубежным покровителям, какие бы высокие посты они ни занимали, — не дано закрыть солнце свободы, взошедшее над братскими странами социализма. Вопреки всем и всяческим недругам, сияние его лучей доходит до миллионов и миллионов людей всех континентов.

Паяцы

В Заключительном акте общеевропейского совещания содержится положение о том, что государства-участники обязуются «воздерживаться от любого вмешательства, прямого или косвенного, индивидуального или коллективного, во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства-участника, независимо от их взаимоотношений». Следуя духу Хельсинки, наша страна неукоснительно соблюдает достигнутые договоренности. Этого, к сожалению, нельзя сказать об определенных кругах на Западе, которые развязали шумную клеветническую кампанию о мнимом нарушении прав человека в социалистических государствах.

Буквально не проходит дня, чтобы со страниц буржуазной печати, на волнах злобствующих радиоголосов типа «Свободы», «Немецкой волны» и им подобных не звучали потоки измышлений по адресу Советского Союза и других социалистических стран. Очернить впечатляющие достижения социализма, представить в искаженном виде внешнюю и внутреннюю политику Советского государства, накалить международную атмосферу — такова истинная цель тех, кто тоскует по временам «холодной войны», пытается сорвать процесс разрядки напряженности, стремится отвлечь внимание миллионов трудящихся капиталистических стран от таких насущных для них проблем, как массовая безработица, расовая дискриминация, бесправие.

Казалось бы, побиты все рекорды лицемерия и моральной деградации западных «опекунов», самозванно

присвоивших себе право поучать других относительно политических свобод. Ан нет! Как свидетельствуют факты, за последнее время противники мира и прогресса сосредоточили свои усилия вокруг никого не представляющих отщепенцев, выдаваемых за «поборников прав человека».

Горы лжи воздвигаются, чтобы запугать обывателя «преследованиями» в Советском Союзе так называемых «инакомыслящих». При этом делаются ссылки на договоренности в Хельсинки. Но позвольте, какое отношение Заключительный акт общеевропейского совещания имеет к вопросу, касающемуся сугубо внутренней компетенции государства, в данном случае законодательства СССР, в соответствии с которым осуществляется правосудие в отношении лиц, совершивших уголовные преступления?!

А именно эти лица и используются в пропагандистском спектакле, разыгрываемом на политических подмостках иных западных столиц. Дело дошло до того, что выдворенный из СССР уголовный преступник Буковский был принят за океаном в официальной правительственной резиденции. Под стать этому отщепенцу и некий Амальрик, также выдворенный из Советского Союза и гастролирующий в Западной Европе. В Париже он попытался силой прорваться в резиденцию главы французского государства — Елисейский дворец, но был задержан и отправлен в участок. Как заявил в этой связи представитель Елисейского дворца, «иностранцам, находящимся во Франции, не подобает по собственной инициативе назначать себе аудиенцию у президента Французской Республики».

Теперь давайте коснемся другой стороны вопроса. Покуда Буковский, Амальрик и иже с ними находились в СССР, где отбывали определенные им судом сроки наказания за уголовные преступления, стряпчие по их делам в различных западных странах напяливали на них нимб этаких «бескорыстных искателей истины», «поборников гуманизма». Но стоило подобной публике наконец очутиться на этом самом Западе, как она незамедлительно (и добавим, закономерно) предстала в своем истинном обличье, поставив в тупик даже своих ближайших попечителей.

Предоставим слово западногерманской газете «Дюссельдорфер нахрихтен», в которой корреспондентка

Эльфрун Якобс проливает некоторые пикантные детали на пребывание Амальрика в Голландии: «В капиталистическом мире Амальрик позаимствовал не только голубые джинсы, но также и свойственное этому миру отношение к деньгам. В Голландии кое-кто познакомился с этим беззастенчивым стяжателем». Журналистка добавляет, что, несмотря на 3000 гульденов, получаемых от университета в Утрехте, а также жилья, Амальрик «фыркает».

А профессорская чета ван Хет Реве из Амстердама, пригласившая этого господина в качестве «друга и гостя», спустя всего десять дней после его приезда буквально сбежала из своей квартиры. По словам самой госпожи ван Хет Реве, «когда этот человек входит в кухню, у нее все валится из рук». И в заключение немного о кошачьих страстях: «Амстердамские друзья Амальрика с трудом удерживались от того, чтобы утопить в первом же попавшемся городском канале его вывезенную из Москвы кошку Диссу. Эта сиамская кошка впервые вкусила западную свободу: спуталась с каким-то амстердамским котом и забеременела от него, что привело Амальрика в ярость». Автор статьи в «Дюссельдорфер нахрихтен» замечает: «Когда я хотела написать о г-же Амальрик, ее супруг потребовал за интервью тысячу марок. Он даже не предложил мне сесть».

Таков краткий, но довольно выразительный портрет коммивояжера от антисоветизма, нарисованный теми, кто столкнулся с ним на Западе. Нам довелось услышать немало любопытного об отщепенцах типа Амальрика, Буковского и К^о от человека, который отбыл срок наказания за антисоветскую деятельность и в определенный период своей жизни сталкивался с так называемыми инакомыслящими.

«Прежде всего хочу подчеркнуть,— рассказывал нам Ладыженский,— что речь идет о лицах без определенных занятий, не обремененных моральными обязательствами, хотя в саморекламных целях они щеголяют своим интеллектуализмом и «заботой о всеобщем благе», о недоучившихся неудачниках, зачастую с ущербной психикой.

Эти лица, не стесняясь меня, цинично прикидывали, что на данный момент выше котируется на западном «рынке новостей». Двуличие сквозило в каждом из

ких. Конечно, не у всех актерские способности неизвестной госпожи Светловой-Солженицыной, любившей неистово кликушествовать перед иконами в Троицко-Сергиевской лавре, дабы демонстрировать напоказ свою святость (заметьте, истинно верующий человек этого себе никогда не позволит!).

Но многие из подобной публики отлично освоили азы избранной ими «религии» — исполнять роль юродивых, за которую им аплодируют самые отъявленные враги советского строя. Впрочем, все это не мешает им в своем кругу называть вещи своими именами.

Вспоминаю такой случай. Узнав о привлечении к ответственности за антисоветскую агитацию их единомышленника, они стали радостно потирать руки: «Какое дельце, какую изумительную провокацию можно из этого устроить!» Так и сказали: «провокацию». А один из «идеологов» добавил на блатном жаргоне: «...и получить за это крупные башли». Вот вам и «борцы за права человека»!

...В нашем обществе, где стремление принести пользу своей Родине, прославить ее честным трудом стало естественной нормой, перед каждым советским гражданином открыты двери для проявления своих способностей, имеются все возможности в полном объеме пользоваться правами, гарантированными Конституцией СССР. Но те, кто активно участвует в грязном антисоветском спектакле, понимают эти права во вполне определенном плане. Речь идет о деятельности лиц, которые по расписанным для них западными спецслужбами и аналогичными ведомствами сценариям распространяют различные «манифесты», «письма протеста» и т. п., содержащие разнузданную клевету и измышления относительно условий жизни в СССР, порочащие наш народ, политику Советского государства.

Мы не случайно выделили слово «деятельность», потому что излюбленным приемом западной пропаганды является вымысел о том, будто в Советском Союзе судят за взгляды и слова, а не за конкретные преступные деяния, подпадающие под соответствующие статьи Уголовного кодекса.

Тонны бумаги изведены на сей счет антисоветчиками различных мастей. Полемизировать с этой публикой бесполезно, да и претит. Все разглагольствования

подобного толка перевешивают свидетельства живых людей, с которыми нам предоставили возможность встретиться в Скальнинском исправительном учреждении на Урале, где они отбывали срок наказания.

Осужденный И. Р. Школьник, 1936 года рождения, сказал нам:

— Я убедился на личном опыте, что у нас, в Союзе, за слова и убеждения не судят. Судят за конкретные преступления. Да и то, я знаю, что, проявляя гуманность, иногда считают возможным ограничиться строгим предупреждением...

Кстати сказать, такого рода предупреждение за заявления, содержащие заведомо ложные, клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, было сделано Прокуратурой СССР А. Д. Сахарову.

Явной фальшивкой является и другой тезис профессионалов из антисоветской кухни о том, что в нашей стране существует, мол, некое «подполье», «оппозиция». Скрытые и явные враги советского строя, безусловно, хотели бы его занять. Для этого они не жалеют средств, круглосуточно засоряя эфир голосами радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода», засылая идеологических диверсантов, «экипированных» антисоветской литературой и соответствующими инструкциями.

Только плакали денежки организаторов этих провокаций! И если в расставленные ловцами душ сети и попадают отдельные неустойчивые элементы, совершившие уголовно наказуемые деяния, то, получив после судебного приговора время поразмыслить о своем падении, некоторые из них переоценивают свое прошлое.

— Если бы довелось мне начать жизнь заново,— сказал нам осужденный А. В. Усатюк, бывший торговый работник из Молдавии,— внукам и правнукам своим заказал бы слушать различные фальшивые радиоголоса. Такие, как я, попались на их удочку.

Итак, подведем некоторые итоги. Нам приходится браться за перо вовсе не потому, что мнимые «борцы за права человека» представляют социальную угрозу советскому строю. Дело в другом: так называемые «инакомыслящие» становятся, по существу, исполните-

лями и участниками антисоветских провокаций и диверсий, организуемых ЦРУ и другими западными разведками, орудием в их руках. С другой стороны, некоторые рассчитывают, что, выехав за пределы СССР на Запад, они смогут там жить на проценты с накопленного за свои прежние услуги «капитала».

Однако западные филантропы не очень-то раскопеливаются, когда еще недавно ими же обласканные «инакомыслящие» оказываются на Западе, который они из всех сил превозносили, оплевывая все советское. Кому нужен отработанный пар, выжатый лимон, диссидентский мусор?! И тогда «нетитулованные главы демократического движения», «гиганты мысли и отцы русской демократии», с превосходным сарказмом высмеянные когда-то Ильфом и Петровым, начинают поливать помоями друг друга, а заодно и своих благодетелей.

Во время следствия по делу А. Твердохлебова, осужденного за антисоветскую агитацию, были обнаружены письма, присланные ему из-за рубежа одним из тех, кого лишили в последние годы советского гражданства. Компетентные органы предоставили нам возможность ознакомиться с этими письмами.

Прежде всего отметим, что одна из «работ» пасквилянта была закуплена на Западе за сумму, едва превышающую... 10 долларов. «Своим дорого не продают», — сетует автор сего опуса, намекая на то, что его дешево ценят. Явная зависть снедает его, когда он сообщает о выгодной сделке «идеалиста» Д. Панина, который потребовал (и получил) за еще не написанную книгу более 10 тысяч аванса. Когда же издатели получили текст о новом плане спасения мира и общечеловеческой религии, они не захотели его переводить...

В самом деле, все меньше становится охотников платить за словесную макулатуру, которая даже при мизерных тиражах не находит сбыта, пылится на полках. Вот и стремятся иные «деятели» любыми средствами привлечь к себе внимание буржуазной пропаганды, стараясь перещеголять друг друга в настырности. Как пишет западный новожитель, по тамошнему коммерческому телевидению как-то было передано интервью Сахарова: «Сначала передали совсем непонятный текст (голос Сахарова), потом стала кричать в трубку жена: «Мы хотим паблисити!» Любопытен вывод автора пись-

ма: «Все это оставляло впечатление спекуляции телевидением...»

В условиях жестокой конкуренции в мире «свободного предпринимательства» так называемые «борцы за гражданские права» быстро совершают политический стриптиз, представляя в своем истинном виде торгашей инсинуациями. В свое время на Западе напялили нимб «идеалистов-мучеников» на Чалидзе, Литвинова и К°. Но вот они оказались на этом самом хваленном ими Западе, в Соединенных Штатах. И что же? Новоиспеченная фирма Чалидзе—Литвинов незамедлительно поставила «борьбу за права человека в СССР» на утилитарный, коммерческий лад. Добывая для издаваемой ими в Нью-Йорке «Хронике-пресс» всевозможные пасквилы, они снабдили это изданию извещением: всем газетам, желающим перепечатать информацию, необходимо договариваться о цене. Как говорится, комментарии излишни. Предоставим лучше слово уже цитированному нами единомышленнику вышеозначенных «радетелей свободы». Его высказывание в данном случае звучит особенно пикантно: «Вот так и идет борьба за гражданские права среди профессионалов этого дела».

Что же касается «любителей», то их положение в Израиле, как свидетельствует все тот же автор, мягко говоря, совсем незавидное. «Г. Свирский,— пишет он,— с большим трудом перебивается в основном зарплатой жены (которая в Москве уже вышла на пенсию). Теперь она работает на химическом заводе в пустыне в трудных условиях. Может приезжать домой только раз в неделю. Сын, бросивший в Москве пединститут, не может продолжать образования... Юра и Вероника в США. У Юры была временная работа по составлению какого-то антисоветского документа. Теперь она кончилась, и работает Вероника. Опять временно, преподавая русский язык в военной школе. Но это только на лето. Главная их мечта — попасть в «Свободу» или «Посев».

Вот какова «философия» тех, кто публично бахвалится своим предательством! Такова же по существу «философия» новоявленных «борцов за права человека».

Турне балаганной

звезды

Профессиональным антисоветчикам, организаторам пропагандистских шоу в Соединенных Штатах заниматься ничего не нужно: у них и завлеченные щедрым авансом персонажи, и балаганный реквизит всегда под рукой. На сей раз в роли главной героини на подмостках некая Авитал Щаранская. На ней маска и костюм «скорбящей жены» осужденного по заслугам «правозащитника» Щаранского.

На нее направлены юпитеры, кинокамеры. Она раздает душещипательные интервью газетчикам, успевает выступать по трем основным телеканалам США. Она была принята государственным секретарем С. Вэнсом, с ней беседуют супруга и мать президента, ей оказывает честь в Белом доме вице-президент США У. Мондейл, и внимательно выслушивают убежденные седины конгрессмены и сенаторы.

Возникает законный вопрос: что все это значит? Чем в действительности вызван столь громкий переполох в «благородных» домах Вашингтона? Чтобы ответить на эти вопросы, прежде всего желательно познакомиться с самой персоной, вокруг которой уже не первый день крутятся вышеозначенные представители официальной власти, света и полусвета.

Прежде всего выскажемся совершенно определенно: Авитал Щаранской в природе не существует. Есть Наталья Штиглиц, 1950 года рождения, эмигрировавшая в Израиль из Советского Союза 5 июня 1973 года. В то самое время ныне осужденный шпион Щаранский проживал в Москве с Лидией Ворониной, не имея ровно никакого отношения к Штиглиц.

Задавшись целью выехать за границу и преступая в связи с этим желание все законы, Щаранский требует «воссоединения» семьи, когда узнает, что Штиглиц получила в Москве выездную визу в Израиль. Он идет на явный подлог, пытаясь оформить с Штиглиц «религиозный брак» на частной квартире, забыв о Лидии Ворониной и любых моральных нормах.

Тот, кто присутствовал в зале судебного заседания, где слушалось дело Щаранского, помнит ряд приобщенных к делу и зачитанных на процессе документов. В частности, речь идет о заявлении раввина Якова Фишмана, который в самой категоричной форме заявил: «Н. Штиглиц не является женой А. Щаранского». Он подчеркивал: «кампания, ведущаяся на Западе по поводу «трагедии супругов Щаранских», вызывает у меня недоумение. Утверждение Н. Штиглиц о том, что ее обвенчал с А. Щаранским московский раввин,— сплошной вымысел».

Однако Щаранский с упорством маньяка продолжал отстаивать свою «репутацию» эдакого «верного супруга», тем самым снова оказавшись в противоречии с самим собою. Дело в том, что, обратившись опять за выездной визой, он мотивировал свое ходатайство желанием «посетить свою невесту (?) — студентку Тель-Авивского университета Любовь Ершкович». А как же Штиглиц? Судя по всему, на то время она выбыла из игры.

Да, в отсутствии такого качества, как любвеобилие, заподозрить шпиона и отщепенца трудно! Но речь не об этом. Речь о похождениях лжесупруги и тех, кто их организует, поддерживает, финансирует. Речь о воинствующих антисоветчиках типа известных своими просионистскими взглядами сенаторов Джавитса и Мойнихэна, а также Уоллопа и Крэнстона, которые обрядили Штиглиц в «ореол мученицы» и выставляют напоказ жаждущим сенсаций буржуазным писакам и телерепортерам. А этой публике того и надо. Ее голос в общем хоре антисоветской шумихи звучит особенно модно, коль скоро авантюристке предоставляют столь высокие трибуны. Она сегодня в авангарде провозглашенного администрацией Белого дома похода «в защиту прав человека». Так, например, сия гастролерша, выступая в комиссии по науке и технике палаты представителей США, сотрясала воздух призывами к свертыванию научных контактов с Советским Союзом, к бойкоту московской Олимпиады-80.

Однако есть и в Соединенных Штатах немало трезвых комментаторов, политических деятелей, которые с чувством беспокойства стремятся предать гласности всю глубину этого отвратительного фарса.

В американской печати уже появилось немало ма-

териалов, показывающих, кто стоит за спиной мадам Штиглиц, кто дергает за шнурки этой жалкой марионетки. Стало известно, например, что в пропагандистскую поездку по Западной Европе и США ее снаряжали по прямому указанию и на средства израильского правительства. Все ее четыре предыдущих «похода» по США организовывались и финансировались одной из сионистских организаций. Через своего брата гастролерша прочно связана с крайне реакционной националистической организацией «гуш эмумим», по образу и подобию напоминающей американское «общество Джона Бэрча». В день ее прибытия в США израильский посол в Вашингтоне Диниц лично встречал авантюристку и под своим флагом вез в «резиденцию», а позднее, не жалея представительских средств, устроил в честь балаганной «звезды» прием...

Одним словом, портрет этой «звезды» прорисовывается довольно определенно. Вызывает недоумение другое — как его не могут до сих пор разглядеть люди, наделенные властью и полномочиями? Неужели волна антисоветизма, поднятая определенными кругами в США, столь сильно захлестнула им глаза? Не пора ли им дать трезвую оценку собственной действительности? Неужели в Вашингтоне забыли старую мудрость: люди, обитающие в стеклянном доме, должны воздерживаться от искушения швырять камни в других.

Получил, что заслужил

Начнем с цитат. В конце ноября и начале декабря 1977 года иностранные журналисты в Москве, а затем в Нью-Йорке сообщали: «Он заявил, что, по его мнению, советские власти выдали ему разрешение на выезд в США из чисто гуманных соображений». «Они сделали гуманный жест, и я проявлю верность своему правительству, в особенности за границей». «Я не намерен заниматься в США политической деятельностью».

Все эти громкие заверения, оказавшиеся на поверку сплошным лицемерием, принадлежат одному и тому же лицу — некоему П. Г. Григоренко.

Остается еще добавить, что, когда Григоренко получил в ОВИРе разрешение на выезд в США с женой Зинаидой Михайловной, он совершенно добровольно дал обязательство не вступать в контакты с эмигрантскими антисоветскими группировками и не делать публичных заявлений, враждебных советскому строю. Корреспондент английской Би-би-си сообщал из Москвы со слов Григоренко, что если он нарушит эти условия, то «возможно, будет лишен советского гражданства».

Выезд Григоренко и его семье был разрешен на полугодовой срок. Необходимость такого путешествия Григоренко мотивировал тем, что он нуждается в лечении (надо сказать, что лечиться ему и у нас было можно, мотив был провокационен по сути).

Но вернемся к существу. Григоренко давно сделал своей «профессией» антисоветскую деятельность. Он претендовал на ведущую роль в жалкой группке отщепенцев и всеми способами, включая самые неприглядные, добивался того, чтобы его имя как можно чаще фигурировало на страницах иностранной буржуазной печати. Он зазывал на свою квартиру падких на дешевые сенсации буржуазных журналистов, которым годится любое, в том числе самое низкопробное, антисоветское сочинительство. Свое пребывание в СССР они использовали не для изучения Советской страны и освещения ее жизни, основанного на фактах, а для беспардонных выдумок, охаивания всего советского.

Григоренко не ограничивался такими встречами. Он использовал разного рода контакты с иностранцами с одной целью: чернить и чернить наш советский строй. Особенно усердствовал в последнее время, когда пропагандистская кампания о мнимых нарушениях «прав человека» в Советском Союзе и других социалистических странах была возведена в ранг официальной американской политики.

До самого своего отъезда в США Григоренко продолжал заниматься сочинительством и распространением антисоветских клеветнических фальшивок, отправкой за границу сфабрикованных сообщений, направленных против советского общества. Он дважды привлекался к судебной ответственности. Его враждебные Советскому государству действия полностью доказаны.

Но вот Григоренко сошел с трапа самолета в Нью-Йорке. Читатель помнит, как он обещал себя вести в Америке: никакой политики, только хирургическая операция.

Как же сей господин повел себя в США не на словах, а на деле? Он незамедлительно установил связь с эмигрантскими антисоветскими организациями. Их вожаки старались использовать каждый день пребывания Григоренко в Соединенных Штатах для пополнения его антисоветского багажа в переносном и буквальном смысле этих слов. С этим багажом, включая и точные инструкции о каналах связи с антисоветчиками из США, Григоренко и собирался вернуться, вернее, хозяева намеревались его направить в СССР.

Кто они, эти хозяева, а вернее, их агенты? Назовем лишь три имени — Купчинский, Коротницкий и Потапенко. Сообщают, что эти имена фигурируют в картотеке ЦРУ. По поручению ЦРУ или какого-либо другого американского или эмигрантского (подчас эти вещи неразделимы) заведения эти господа не отходили от Григоренко, даже к врачам его сопровождали. Ими **был** составлен специальный вопросник — ведь от него ждали откровенно шпионской информации. Его готовили к более активной и, следовательно, еще более подлой антисоветской деятельности в СССР, когда он вернется в Москву.

Учитывая все вышеизложенное, Указом Президиума Верховного Совета СССР за действия, порочащие звание гражданина СССР, П. Г. Григоренко лишен гражданства СССР. Он не достоин жить среди честных советских людей. Он получил то, что заслужил.

Плоды самовыражения

Несколько лет назад в зарубежную поездку выехал виолончелист М. Ростропович вместе со своей женой Г. Вишневой. В самом этом факте нет ничего особенного. Ведь Ростропович, как и другие деятели искусства, не впервой выезжал за границу в соответствии с широким культурным обменом, который осуществляет наша страна. Но на этот раз Ростропович повел себя

иначе. С первых же дней пребывания за границей Ростропович и Вишневецкая стали выступать с антисоветскими заявлениями на страницах западногерманского журнала «Штерн», французской газеты «Монд», в американской печати. Их высказывания неоднократно использовались радиостанциями «Голос Америки», «Немецкая волна» и другими.

Что же заинтересовало зарубежных журналистов в заявлениях Ростроповича? Может, размышления маститого музыканта о путях развития современного искусства, его рассказ о том, как с помощью советских педагогов он прошел путь от ученика детской музыкальной школы Москвы до маэстро?

Увы! Возвышенные слова «музыка», «искусство», «творчество» понадобились Ростроповичу и его супруге Вишневецкой для иных целей. Из его слов на проведенной пресс-конференции в Париже, как и из предыдущих высказываний, следует, что он и его жена будто бы не могли «свободно работать» в Советском Союзе. Такое откровение, судя по всему, настолько ошеломило корреспондента «Штерна», что он парировал напямую жалобы Ростроповича (далее мы цитируем вопросы и ответы непосредственно по вышеупомянутому еженедельнику):

«Штерн»: Но вы же выступали в западных странах, когда хотели, вы часто бывали здесь.

Ростропович: Этого я как раз и не мог.

«Штерн»: Значит, правда то, что постоянно опровергается в СССР: вам не разрешали покидать страну с 1971 по 1973 годы?

Ростропович: Это правда.

Читателям, видимо, будет небезынтересна такая статистика. Согласно данным Госконцерта СССР, в 1971 и 1972 годах Ростропович концертировал в Австрии и Канаде, Соединенных Штатах и Франции, Венгрии и Японии. В общей сложности он находился за границей на гастролях 155 дней! Эти данные прекрасно известны и тем импресарио, которые выплачивали гонорары как за сольные концерты, так и за записи для телевидения.

Продолжим статистику. Солист Московской государственной филармонии, естественно, имел все возможности и условия для исполнительской деятельности в Советской стране. Директор-распорядитель фи-

лармонии А. И. Каргин сообщил, что в 1973 году Ростропович дал 18 концертов. Выступал он и в следующем году.

«Среди музыкантов, живущих в СССР,— заявлял Ростропович на страницах парижской «Монд»,— моя семья была в особом положении, совершенно непохожем на положение других артистов и музыкантов... Я был лишен возможности самовыражения».

Что касается «особого положения», то Ростропович и Вишневская таковое действительно имели. Лауреат ряда конкурсов и премий, профессор, заведующий кафедрой Московской государственной консерватории и т. п.— разве все это не свидетельства особого признания? Званий и наград была удостоена и Вишневская.

Певица Вишневская, о которой супруг заявляет, будто «на родине ее окружало полное молчание», на сцене Большого театра пела по существу все ведущие партии репертуара — в «Пиковой даме», «Евгении Онегине», «Чио-Чио-сан», «Травиате», «Семене Котко» и т. д. Занята она была и в новых постановках — «Тоске», «Царской невесте», «Игроке». Все годы количество ее выступлений было таким же, как и у других ведущих солисток Большого театра. Такого положения у нее нет и не может быть где бы то ни было.

Вот как на поверку обстоит дело с пресловутым «самовыражением» и с «ограничением свободы творчества», о котором говорят супруги Ростропович.

Теперь еще об одном. В одном из интервью Ростропович и Вишневская утверждали, что для них явилось полной неожиданностью решение о лишении их советского гражданства. Лицемерность подобных заявлений легко доказать. Неоднократно на протяжении долгого времени в посольствах СССР в США, Франции, Австрии, Дании, Люксембурге с Ростроповичем и Вишневской велись беседы о возвращении их в СССР в связи с истечением срока виз. Их неоднократно предупреждали, что необходимо в течение двух-трех месяцев завершить свои дела за границей и вернуться на Родину. В противном случае они сами ставят себя в положение, при котором советским компетентным органам ничего не остается, как рассмотреть вопрос об их гражданской принадлежности. Однако Ростропович и Вишневская не сделали для себя выводов. Более того, в интервью газете «Франс суар» Ростропович заявил:

«Советский Союз — страна мертвых душ, там умерщвляется все живое и прогрессивное».

Да и сами супруги Ростропович не раз публично заявляли, что они не намерены возвращаться в Советский Союз. Так, в 1975 году Ростропович имел ряд бесед с корреспондентами радиостанции «Голос Америки», в которых, к слову сказать, ратовал за активизацию враждебных Советскому Союзу передач этой радиостанции. В одной из таких бесед он заявил: «Америка становится моей родиной». В 1977 году в интервью радиостанции «Немецкая волна» Вишневская, отвечая на вопрос о возможности возвращения в СССР, сказала: «В СССР возвращаться некуда и не к чему». В беседе с последним отпрыском царской фамилии неким В. Романовым еще в мае 1975 года Ростропович и Вишневская говорили о «невыносимой обстановке в СССР», а Вишневская заявила, что ими принято решение не возвращаться в СССР и оставаться за границей.

Помимо интервью и прочих высказываний, порочащих советский общественный строй и высокое звание гражданина СССР, Ростропович и Вишневская продолжали вести антисоветскую работу. Они поддерживали тесный контакт с враждебными центрами, организовали 63 концерта, сборы от которых передали белоэмигрантским организациям, десятилетиями ведущим подрывную работу против СССР. Ростропович передал 35 тысяч долларов в фонд антисоветского журнала «Континент», провел ряд концертов в пользу отщепенцев, выехавших из Советского Союза...

Все это вместе взятое шло вразрез с идеями гуманизма и вызывало законный вопрос: могут ли подобным образом вести себя советские люди, патриоты своей Родины?! Квалифицируя действия Ростроповича и Вишневской как несовместимые с принадлежностью к советскому гражданству, Президиум Верховного Совета СССР постановил за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР М. А. Ростроповича и Г. П. Вишневскую.

Почему же теперь лицемерно возмущаются супруги Ростропович? Ведь всем своим поведением в течение более чем четырех лет они фактически сами добивались этого.

Нельзя сказать, что римская полиция и карабинеры страдают от безделья. Каждое утро выходящие в Вечном городе газеты — «Мессаджери» или «Темпо» — сообщают об ограблениях, поджогах, насилиях, террористических актах. Но загруженность сил охраны порядка не помешала кому-то из высокого начальства оторвать от обычной работы несколько сотен человек, поручив им специальную миссию — охрану Дворца конгрессов в квартале ЭУР.

Римлянам хорошо знакомо это огромное здание. Политические партии проводят в нем свои ежегодные съезды. Организаторы ярмарок и выставок почитают за великое счастье, когда им удастся снять дворец на день-другой. А вот устроителям так называемых «слушаний» по правам человека в СССР и других социалистических странах это помещение было предоставлено с легкостью невероятной. Кто оказал столь высокое покровительство, не совсем пока ясно. Заметим лишь, что итальянский МИД и прочие государственные органы страны поспешили гласно отмежеваться от этого собрания.

По случайному совпадению в дни балагана реакционной эмиграции разных поколений, отщепенцев и клеветников бастовал обслуживающий персонал Дворца конгрессов. И это не оказалось препоной: словно по мановению волшебной палочки, откуда-то появились монтеры, пожарники, буфетчики, уборщицы, вахтеры... Одним словом, определенные силы постарались, чтобы специалисты по дезинформации и махровые антисоветчики получили возможность покричать о каких-то «лишениях», которые якобы терпят граждане СССР за свои политические убеждения.

Целый штат полицейских и карабинеров, в форме и без формы, неусыпно охранял гостиницы и мотели, где проживали участники фарса, так называемые «адвокаты» и «свидетели». По оценкам наблюдателей, «слушание» не оправдало сокровенных надежд их организаторов. Меценаты «устали» швырять в костер этой свистопляски доллары, видя, как грызутся между

собой за обеды с барского стола так называемые «диссиденты». В Риме, например, рассказывали, что неизвестный скандалист Амальрик затребовал от устроителей «слушаний» за свои «свидетельские» показания весьма кругленькую сумму. Договаривающиеся стороны на торгах не сошлись, и г-н Амальрик, охаяв в своем обычном духе предпоследними словами «тощую казну» руководителей балагана, от поездки в Рим отказался.

А теперь для более четкого представления о характере вышеупомянутого сборища, тех пружинах, которые были пущены в ход усилиями западных специальных служб в целях его проведения, нам представляется любопытным познакомиться хотя бы с некоторыми его участниками. Прежде всего заглянем в так называемый президиум. В кресле председательствующего все четыре дня «слушаний» восседал некий Симон Визенталь. Биография этого господина изобилует весьма красноречивыми эпизодами и фактами. Начнем с того, что во время оккупации Львова фашистскими войсками Визенталь совершил «классический побег из тюрьмы». Тщательное изучение обстоятельств «побега» показало, что Визенталь вступил в тайный сговор с нацистами и перешел к ним на службу. Вслед за этим ворота тюрьмы были немедленно открыты. О сем поведала в декабре 1975 года газета «Интернэшнл геральд трибюн».

Польская газета «Жолнеж вольности» рассказала читателям о другом этапе жизни Визенталю: о его сотрудничестве с израильским посольством в Вене, а также о его связях с американской, английской и западно-германской разведками с того момента, когда он возглавил в австрийской столице так называемый «еврейский центр документации». По существу сей институт стал шпионско-диверсионным центром израильской разведки в Европе. Подручным Визенталю наказывалось устанавливать контакты с бывшими советскими гражданами еврейской национальности и обрабатывать их в нужном западным спецслужбам духе. Помимо этого, в недрах «центра» стряпалось разного рода антикоммунистическое варево для так называемого Восточноевропейского института во Фрейбурге (ФРГ). Весьма примечательна в этой связи точка зрения австрийской «Зальцбургер фольксблат»: «Пора ликвидировать».

ровать «еврейский центр документации» С. Визенталя. Своей шпионской деятельностью Визенталь порочит Австрию, которая с 50-х годов является для него домом». Итак, от сотрудничества с абвером — военной разведкой нацистской Германии до руководителя «центра документации», который теснейшим и непосредственным образом связан и финансируется спецслужбами США, ФРГ, Англии, израильской разведкой и имеет прочные контакты с основными сионистскими организациями.

Заметим также, что председательствовавший на «слушаниях» в Риме Визенталь ходит в активистах давно скомпрометировавшей себя радиостанции «Свободная Европа».

Безусловный интерес представляет сообщение независимой итальянской газеты «Република», которая рассказала о причастности к сборищу американца Ирвинга Брауна — представителя реакционной верхушки Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов (АФТ—КПП) в Европе. Господин Браун, по свидетельству итальянской печати, еще раньше получил печальную известность своими настойчивыми попытками подорвать единство итальянских профсоюзов, действиями, направленными против Итальянской компартии и всего рабочего движения страны. Появление его имени в списке членов организационного комитета антисоветского сборища в Риме вызвало обоснованные подозрения о связях провокаторов с заокеанскими организациями.

А вот еще один господин сомнительной профессии — Марио Корти, которого можно легко найти в свите любого приезжающего в Италию «диссидента». Он стал редактором выпущенной к «слушаниям» брошюры с биографиями 29 «советских заключенных». Чести попасть в этот опус удостоились обычные уголовники, с большой охотой согласившиеся, чтобы их провозгласили «инакомыслящими». Издательство же заслуживает особого разговора. Оно именуется исследовательским центром «Христианская Россия». В свое время журналистка Кьяра Валентини из еженедельника «Панорама» достаточно подробно рассказала о деятельности этой организации, весьма далекой от евангельского смирения.

«Христианская Россия» владеет под городом Бергамо виллой Амбивари. Там проводятся курсы, как две капли воды похожие на курсы разведчиков, сотни раз описанные в документальной и художественной литературе. Читаются там такие предметы, как советская литература, экономика СССР, русский язык, методы пропаганды. Один из преподавателей, некий Стюарт, сам признался в печати, что в свое время состоял в американских разведывательных службах, дислоцированных в Мюнхене. Другой сотрудник, Пьетро Модесто, некогда организовал фонд помощи кровавому диктатору бывшего сайгонского режима Тхиеу и одной чилийской радиостанции, психологически готовившей путч Пиночета. Третий лектор курсов на вилле Амбивари — Джованни Бенси бывает там лишь наездами. Основное время он «трудится» на радиостанции «Свободная Европа».

Как писалось в еженедельнике «Панорама», на тайных совещаниях на вилле Амбивари было решено «готовить и отбирать элементы, способные проникать в страны Восточной Европы». Одновременно там занимаются выпуском периодического бюллетеня на русском языке, печатаемого на четырех страницах тонкой бумаги. Это издание вручается туристам для распространения в СССР вместе с карманными библиями. Кстати, один из поклонников «Христианской России», оркестрант из Ла Скалы, недавно хвастался в печати, что сумел всучить несколько экземпляров этой литературы московским прохожим и даже добрался до Сахарова, преподнеся ему такой же подарок, «встреченный с неописуемой радостью».

Советская печать уже рассказывала о том, что осенью 1975 года в Копенгагене состоялось «слушание», вылившееся в прямую попытку вмешательства во внутренние дела Советского Союза и других социалистических стран. Ни у кого не вызывало сомнения, что подобное сборище, на котором кликуши-провокаторы бьются в истерику по поводу судеб «инакомыслящих» в СССР или ГДР, льет воду на мельницу противников разрядки, нарушает хельсинкские договоренности. Рассказывалось также об одной пресс-конференции, проведенной в датской столице неким Андресеном. Во время этой пресс-конференции сидящие за столом устроители извлекли из грязного мешка какой-

то странный металлический предмет и, потрясая им в воздухе, старались убедить журналистов в том, что сие сооружение—самострельная установка для стрельбы «разрывными пулями», что, мол, подобные штучки «рассредоточены в пограничных районах ГДР». В тот час и день — 12 августа 1976 года — выдавшая виды аудитория подняла на смех Андресена и К°. И что же? Тут же железяку теперь решили на «бис» показать в итальянской столице. Смотрите! Вот с какими «пищалами» охотятся в ГДР за «инакомыслящими»! Говорят, что не лишенные юмора итальянцы до сих пор не могут унять острые приступы смеха, когда кто-либо в компании вспоминает этот жалкий фарс.

Накануне «слушаний», да и в дни их проведения, правая буржуазная пресса и радиоголоса старались раздуть громкую рекламную шумиху для нагнетания общей антикоммунистической и антисоветской кампании. Затраты не оправдали надежд. Коэффициент воздействия операции поборников антиразрядки на общественность оказался настолько мизерным, что руководители «слушаний» забили тревогу. Они не смогли скрыть от своей паствы того факта, что общественность Запада все больше теряет интерес к такого рода «мероприятиям», и недовольно огрызаются по адресу ряда правительств стран Западной Европы, которые, мол, не поддерживают их в «борьбе за права человека».

Отповедь провокаторам по заслугам дала прогрессивная печать многих стран, в том числе и Италии. Так, издательство «Наполеоне» выпустило книгу, в которой разоблачается непристойный характер поднятой на Западе шумихи вокруг так называемой проблемы «прав человека в СССР». В ней приводятся, в частности, данные о прямых связях «инакомыслящих» с разведывательными службами капиталистических государств.

В предисловии к книге член Центральной контрольной комиссии Итальянской компартии А. Донини подчеркивает, что ловко оркеструемая шумиха вокруг «прав человека», «преследования верующих» и т. п. организована теми, кто пытается отравить атмосферу дружбы, связывающую трудящиеся массы всех стран с Советским Союзом и другими социалистическими

государствами. Одно дело, пишет А. Донины, выражение различных мнений, а совсем другое — слепая ненависть к марксизму, к коммунизму, явное сотрудничество с иностранными органами информации, шпионажа и подрывными центрами, для которых права человека так же близки, как для бандита с большой дороги близка жертва, которую он собирается ограбить.

В то же время, когда кое-кто пытается глумиться над созданным в СССР реальным социализмом, указывает автор, мы должны помнить, что Советский Союз — страна, в которой впервые было покончено с властью крупных промышленников и землевладельцев, где безработица — это лишь воспоминание о далеком прошлом, где здоровье трудящихся, право на образование, обеспеченная старость надежно гарантированы.

С протестом против римского сборища выступила группа бывших советских граждан еврейской национальности, проживающих ныне в Австрии. В своем письме они подчеркивают, что эта акция не может оставить их равнодушными, ибо ее проведение свидетельствует о том, что на Западе продолжается кампания, жертвами которой в свое время они стали сами. Далее авторы пишут: «Мы пользовались в СССР всеми правами человека, какие только может предоставить истинно демократическое государство, и на себе испытали, что значит хваленая западная демократия в капиталистическом мире...»

В заключение хочется сказать, что в ходе римского сборища ораторы, как по команде, кланялись с трибуны своему господину — Вашингтону.

Запевалы римского «слушания» привнесли свой вклад в операцию «психологической войны», подбросив соответствующую «пищу» американским шефам. Но как бы то ни было, ясно одно — грубые попытки вмешиваться во внутренние дела других государств, под какой бы ширмой они ни осуществлялись, обречены на провал. За океаном организуется много пропагандистских маневров вокруг «прав человека». Нет там лишь одного — истинных прав и свобод для миллионов трудящихся.

Троянский конь

пасквильантов

Человеческие судьбы так же несхожи между собой, как и отпечатки пальцев. Сравнение двух этих вроде бы и несопоставимых понятий пришло не случайно. Мы никак не могли, да и сейчас не можем подобрать слова для того, чтобы определить судьбу нашего собеседника, который в течение нескольких часов рассказывал о себе и о других... Трудная, странная, трагическая... Ей-богу, не знаем. Одним словом, необычная эта человеческая судьба, в которой, кстати, отпечатки пальцев играли не последнюю роль.

Двенадцать судимостей, долгие годы, проведенные за решеткой, побеги из тюрем, особенно последний, когда друзья-«единоверцы» предложили перебраться за границу, где ждало «доходное» место на радиостанции «Свобода» и счет в банке за изданную на деньги американского ЦРУ злопыхательскую книжицу. И неожиданный финал в кабинете одного официального лица в Москве, немало, кстати, удивленного появлением позднего визитера, представившегося коротко, но недвусмысленно: «Я — Александр Петров-Агатов, бывший член Союза писателей. Надоело бегать от Советской власти...»

Еще мыслители древности утверждали, что, не зная себя, человек не может понять других. Александр Александрович Петров-Агатов — бывший член Союза писателей, бывший сотрудник ряда советских газет и журналов долго блуждал в потемках. Поверивший, что нашел правду в божестве, но потерявший веру в людей, он возненавидел землю, на которой родился. В 1947 году — первая судимость, в 1968-м — последняя. Судили Петрова-Агатова за нарушение советских законов и нелегальную пересылку за границу клеветнических произведений против Родины, против советского народа.

А потом наступило прозрение. Нет, конечно, не сразу. Потребовалось время и факты, чтобы человек наконец понял себя и уже другими глазами взглянул

на своих друзей, на тех, с которыми делил тюремные камеры или встречался на тайных «малинах» после очередного побега.

Сам Александр Александрович рассказывает об этой эволюции так: «Я, вероятно, имею больше оснований причислить себя к инакомыслящим, чем другие так называемые «диссиденты». Сразу же беру это слово в кавычки, потому что звучит оно для русского уха более чем препохабно... Впрочем, и понятие «инакомыслящие» не отражает сути вещей. Дело заключалось совсем не в том, что я и мои бывшие друзья «иначе мыслили»... Годы, проведенные в тюрьмах, дали мне возможность познакомиться со многими из тех, чьи имена нынче пережевывают все западные издания и радиотелевизионные компании: Гинзбург, Синявский, Любарский, Амальрик, Огурцов, Орлов, Радыгин... Не скрою, они умели подогреть во мне дух горечи и недовольства существующими в стране порядками. Но мало-помалу я стал убеждаться, что мои «коллеги» совсем не те люди, за которых себя выдают. Приверженцы буржуазных «свобод» и буржуазной «демократии», они оказались самыми обыкновенными корыстолюбцами, поклонниками золотого тельца, не верящими ни в бога, ни в черта; иногда мне казалось, заплати им хорошенько, и они согласятся стать и монархистами, и анархистами одновременно.

Помню, оказавшись на свободе, отправился я к «другу» Александру Гинзбургу за словом утешения и материальной помощью. Он дал мне 200 рублей, заметив при этом, что деньги взяты из «общественного фонда» и их надобно отработать. «Как?» — спросил я. «Напиши о положении заключенных», — посоветовал он. Я написал. А потом увидел свои материалы, напечатанные в антисоветском журнале «Посев», и услышал их в передачах «Голоса Америки». В таком препарированном виде, что аж за голову схватился.

В доме Гинзбурга и ему подобных торговали всем: антисоветскими статьями и сертификатами, «специальной» информацией и иконами, обменивали товары на деньги и деньги на товары. Нет, с этими людьми мне было не по пути. Их деятельность, и в этом я убеждался все больше и больше, не имела ничего общего с желанием помочь людям, с защитой «прав человека». В домах «диссидентов» собираются злобствующие лю-

ди, всякого рода отребье и те, которые продолжают оставаться одураченными западной пропагандой. А рядом с ними соседствуют и просто уголовные элементы».

Вот об одном из них и рассказал нам А. А. Петров-Агатов.

Советские газеты поместили сообщение ТАСС: «Президент США Дж. Картер принял выдворенного из пределов Советского Союза Буковского — уголовного преступника, который также известен как активный противник развития советско-американских отношений...» В Соединенных Штатах уголовного Буковского представляют как «борца за права человека». А. А. Петров-Агатов сидел вместе с «борцом» в одной тюремной камере. Ему и слово.

— С Буковским я познакомился в январе 1971 года. Нас в камере сидело двое: я и Ярослав Лесив, давно уже, кстати, освободившийся и живущий ныне где-то в Карпатах. Оба мы читали, благо, что недостатка в литературе не было. Открылась дверь, и в камеру вошел молодой человек. Мне почему-то сразу бросились в глаза отличные кожаные перчатки на руках этого парня. За свою многолетнюю арестантскую жизнь я, ей-богу, не помню случая, чтобы в камеру кто-нибудь входил в перчатках... Лицо нервное, с желтоватым оттенком, бегающие коричневые глаза... «Буковский, — представился незнакомец. — Не слышали? Обо мне, между прочим, недавно писала «Правда». — «Очень рады. Вроде бы слышали о вас», — сказал Ярослав Лесив.

И началось обычное тюремное знакомство. Говорят, что друг познается в несчастье. Видимо, так оно и есть, особенно когда это познание происходит в тюремной камере. Камера — она, как рентгеновский аппарат, просвечивает любого человека насквозь. Здесь ты весь на виду, как ни ловчи, какую маску ни надевай. Как сейчас вижу, Буковский с презрительным прищуром глаз бросает: «Есть ли кто-нибудь говорящий по-английски? («кто-нибудь» — это мы с Лесивом). Я хорошо знаю этот язык. Между прочим, моя книга о психиатрических больницах наделала много шума на Западе». — «Вы писатель?» — «Да нет... Моя книга — это научный труд. Занимаюсь психиатрией, а основная специальность — биология. Я — биолог. Правда, университета не окончил. Один курс всего. Со второго исключи-

ли... Отец у меня писатель. Коммунистам проданся. Что-то по сельскому хозяйству марает... Позор! А мать работала в Радиокомитете редактором. Вот ведь дура! Нашла, где работать! А что здесь продают в ларьке? Наверное, ни конфет, ни сливочного масла? И как вы живете в этой камере? Она же угловая. Дует и холодно! Надо требовать перевода в средние камеры...»

Забегая вперед, скажу, что Буковский добился-таки перевода в одну из средних камер... В подкрепление своего жизненного кредо он любил цитировать профессора Ганса Селье: «Нравственно лишь то, что биологически полезно». Буковский, между прочим, весьма «успешно» развивал и дальше теории профессора. «Заповедь «возлюби ближнего, как самого себя» не биологична, — говорил он. — Она противоречит законам природы, ее невозможно осуществить. Эгоизм — явление естественное, необходимое, без которого жизнь невозможна. Я — эгоист!»

Однажды мой сосед по камере спросил у Буковского, женат ли он. Тот просто взбесился от этого вопроса: «Вы что, смеетесь, Ярослав? Да разве в этой стране можно жениться? Я посвятил себя борьбе с коммунизмом. Я — революционер. А революционеры не должны жениться. Конечно, биология есть биология и физиологию на коне не объедешь. Но разве мало чужих баб?»

И он начал со вкусом рассказывать о компаниях с интригующим названием «загадка», которые он посещал на частных квартирах своих друзей. Ярослав аж подпрыгнул от этой порнографии: «Да как вы можете! Как вы можете говорить такое!»

И начался у нас разговор о нравственности, о совести и о боге. Я ведь человек верующий, а Буковский никак не хотел уступать свои «биологические» позиции: «Я уже сказал вам, что совесть для меня — биология. Да, в свое время крестился. Это священник Краснов-Левитин уговорил меня, но я глубоко об этом сожалею. Почему? Верить — это значит нести крест, страдать. Ведь некоторые богословы утверждают, что вслед за Христом все как бы распинаются вместе с ним. А я не хочу распятия. Страдать не хочу! Хватит с меня того, что было и есть. А потом, о каком боге можно говорить? Просто смешно! В наш век верить в бога? Вы думаете, например, Солженицын верит?»

Буковский много рассказывал нам о Солженицыне, о том, как познакомился с ним, о том, какой он надменный и деспотичный. О том, что на него, Солженицына, работает много людей. «Сколько у него этих поденщиков, никто не знает. Но Дюма он уже, во всяком случае, давно переплюнул».

Позже мне стало доподлинно известно, что о Солженицыне Буковский говорил со слов других. Впрочем, вранье, пускание, как говорят, пыли в глаза — одна из характерных черт Буковского. Со всеми он знаком, со всеми на «ты». И, конечно же, в том числе с иностранными корреспондентами, аккредитованными в Москве. Вместе пили, вместе ели, вместе даже от сотрудников Госбезопасности удирали и даже в рукопашных схватках с ними участвовали... «Самому приходилось отстукивать статьи в западные газеты по телетайпам, установленным в корпунктах, когда иностранные «коры» пьянствовали... Свиньи они, — то и дело повторял Буковский. — Не хотят передавать антисоветских материалов, боятся потерять Москву. Ведь тут для них блестящие условия созданы».

Всякий раз, получая письма от матери или от знакомых, Буковский говорил одно и то же: «Ох, как мне надоело жить под стеклянным колпаком!» — «А что это такое?» — «Я имею в виду свою известность. Быть известным — это значит жить под стеклянным колпаком, когда тебя рассматривает каждый прохожий». — «Но сейчас-то прохожих нет, — улыбнулся я. — Полный отдых от славы». — «Смеетесь? — рассердился Буковский. — Вот станете известным, как я или Солженицын, тогда увидите, тогда побудете в наших шкурах!»

В шкуре Буковского я, к счастью, никогда не был и, естественно, не буду...

Мы прервем ненадолго рассказ Петрова-Агатова, чтобы сообщить дополнительные подробности о Буковском. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговорила его, как известно, к семи годам лишения свободы за действия, направленные на подрыв и ослабление Советской власти. Вина Буковского была полностью доказана. В том числе и показаниями тех советских людей, которых «инакомыслящий» пытался обратить в свою «веру».

Вот, скажем, Арнольд Никитинский, сотрудник контрольно-пропускного пункта аэропорта Москва —

Шереметьево. Арнольд познакомился с Буковским еще в 1957 году, когда учился с ним в одной школе. Никитинский вспоминает, что в десятом классе Буковский выпустил самодельный журнал под названием «Мученик», в котором поместил гнусные пародии на советскую школу и советскую действительность. Тогда журнал получил должный отпор у учащихся, по требованию которых Буковский был исключен из школы. В начале 1970 года случайная встреча на улице двух школьных приятелей. Буковский не без хвастовства рассказывал о том, что за истекшее десятилетие успел два раза отсидеть в исправительно-трудовой колонии. «Но,— заявил он,— со старым я покончил, ибо не желаю больше торчать там. Хочу заняться переводами книг и статей с иностранных языков, а летом махну в экспедицию».

Однако «голубыми мечтами» Буковский поделился со своим одноклассником для того, чтобы лучше его прощупать. Дальше события развернулись так, что Арнольду Никитинскому стало совершенно ясно, что Буковский пытается сделать его своим сообщником в антисоветской деятельности. Вот как об этом рассказывает сам Никитинский: «В один из октябрьских дней 1970 года, когда я находился на службе в аэропорту Шереметьево, позвонил по телефону Буковский и попросил заехать к нему домой. Я смог это сделать лишь через несколько дней. Мой одноклассник куда-то торопился, попросил меня подождать и сказал, что если придет его приятель Саша, то пусть он тоже подождет. Действительно, скоро пришел Саша, а вслед за ним и Владимир, который вынул из-под полы несколько журналов с названием «Посев». На мой вопрос, откуда у него эти журналы, он ответил, что накануне их провозили через наш контрольный пункт под одеждой. Вернувшийся Буковский стал рассказывать о трудностях провоза такого рода литературы через государственную границу, потом полушутя заявил, что было бы здорово, если бы удалось достать свою типографию. Я спросил, зачем ему все это нужно. Он ответил, что он и его единомышленники борются за «свободу слова и права человека», что они уже многого достигли — «вырвали», как он выразился,— но пока-де этого недостаточно. Через некоторое время Буковский вновь начал разговор о типографии. И вот тогда-то Саша пред-

ложил ему свои услуги. Он сказал, что на днях должен вылететь за границу и может кое-что привезти, если в Москве ему помогут пройти таможенный досмотр.

После этой встречи я понял, что существует анти-советская группа, которая вынашивает враждебные планы и может своей деятельностью нанести ущерб нашему государству».

Буковский пытался найти единомышленников и среди офицеров Советской Армии. Вот что рассказали, например, о встрече с уголовником военнослужащие Виталий Тарасов и Анатолий Бычков. «С Буковским,— говорит В. Тарасов,— я познакомился при следующих обстоятельствах: вместе с сослуживцем Бычковым я решил навестить родителей, проживающих в городе Вязники Владимирской области. Приехав на Курский вокзал, мы взяли билеты на поезд. Поскольку до его отхода оставалось около четырех часов, мы с Бычковым решили поужинать. Зашли в одно уютное кафе, расположенное вблизи вокзала, сели за свободный столик и заказали ужин. Через некоторое время к нам за столик подсели два молодых человека, один из которых назвался Буковским и дал свой домашний адрес и телефон. Он рассказал, что сидел в тюрьме в Ленинграде за свои «убеждения». Как выяснилось дальше из разговора с Буковским, его «убеждения» носят ярко выраженный антисоветский характер. В разговоре с нами наш случайный сосед сообщил, что у него в Москве имеется много знакомых из числа иностранных корреспондентов, с которыми он дружит. Он предлагал мне и Бычкову записать телефоны этих корреспондентов, через которых «можно передать на Запад любую информацию».

В связи с тем, что мне и Бычкову нужно было уезжать, мы распрощались с Буковским и ушли из кафе. Из разговора с Буковским я понял, что он является анти-советски настроенным человеком и ведет активную борьбу с существующим в СССР строем».

Вот что добавил к свидетельским показаниям В. Тарасова его сослуживец Анатолий Бычков: «В тот день, сев за наш столик, Буковский и его приятель заказали бутылку вина, потом еще одну. Сначала они разговаривали между собой, причем разговор вели об издании каких-то материалов, и Буковский утверждал, что может напечатать в газетах любую статью своего

приятеля. Я не прислушивался к их разговору и, когда заиграл оркестр, ушел танцевать.

Вернувшись за столик, я застал Виталия Тарасова с Буковским за беседой. Второго нашего случайного знакомого на месте не было. Он вообще часто вставал из-за стола, куда-то уходил или подсаживался за чужие столики.

Сев за стол, я понял, что Буковский рассказывает о себе, из его рассказа стало ясно, что он несколько раз сидел в исправительно-трудовой колонии. Он заявил, что среди его единомышленников в Советском Союзе есть люди, у которых такие же убеждения, как у него самого. Буковский рассказал, что среди его друзей много иностранцев и он имеет возможность печататься почти во всех западных газетах.

Далее Буковский утверждал, что друзья предлагают ему уйти за границу, но он отказывается, так как считает, что его деятельность здесь нужнее и он не свернет с избранного им пути. Свои взгляды он не скрывает и высказывает их открыто.

Конечно, Буковский, встречаясь с малознакомыми или совсем незнакомыми ему людьми, прощупывая их настроения, не раскрывал своих замыслов до конца. Со своими сокамерниками по тюрьме он был откровеннее. Здесь он в открытую высказывал намерения вести не только идеологическую, но и террористическую борьбу в Советском Союзе. Этими планами он делился с Петровым-Агатовым, которому мы вновь предоставляем слово для продолжения рассказа.

«Мы будем убивать всех, кто стоит на нашем пути,— говорил Буковский.— Оружие желательно иметь советское, чтобы не думали, что мы связаны с Западом».— «А деньги?» — спросил я. «Разумеется, из-за границы. Ведь Советская власть не даст нам средств для борьбы с ней...» — «А у вас было оружие?» — «Еще бы! У нас даже взрывчатка была».— «Зачем?» — «Вы что, с Луны, что ли, свалились? Или вас действительно аист на грешную землю принес!»

Буковский свирепел буквально на глазах, лицо его начинало пылать... В тюрьме время — не деньги. Его не экономят и не берегут. «Ну расскажите еще что-нибудь! Все ближе к отбою», — просил Лесив. И Буковский в который раз вспоминал, как он и его друзья ходили в лес тренироваться в стрельбе, чтобы не про-

махнуться, когда придется убивать советских людей... «Эх, получить бы мне доступ к атомной бомбе,— мечтательно говорил он.— Я ведь полковник по званию. Так аттестовал меня наш собственный штаб. У нас ведь свой собственный штаб был. Ну и типографию хотели свою иметь. Для этой цели пытались наладить контакт с одним из сотрудников контрольно-пропускного пункта в Шереметьевском аэропорту. Не вышло дело, к сожалению, хотя, казалось, было все учтено...»

Буковский старался всегда учитывать все. Я не знаю, какими источниками пользовался он, создавая свой «труд» о содержании в психиатрических больницах якобы здоровых советских людей. Но в камере этот «ученый» очень красочно рассказывал о том, как члены его будущей террористической организации заготовляли фиктивные справки о болезнях шизофренией на случай провала. «Для борца за свободу необходимо уметь симулировать болезнь,— поучал он.— И психическую в первую очередь. Все надо уметь, ибо в борьбе все средства хороши. Тем более, что и цель у нас заманчивая — научить народ бороться за свои права. Разве сейчас это народ? Быдло! Мы хоть сидим — знаем, за что сидим. И вдобавок не работаем. А эти двести пятьдесят миллионов вкалывают».

Прервем в последний раз рассказ нашего гостя еще для одной справки. Дело в том, что Буковский весьма преуспел в симулировании разных болезней. Одно время ему даже поверили на Западе. «Ах,— вздыхали на разные лады буржуазные газеты в унисон с разными «голосами»,— как подорвал свое здоровье талантливый писатель Буковский, как истощил свою нервную систему...» Сейчас вздохи и охи прекратились, особенно после того, как западные репортеры убедились в железной сопротивляемости организма «писателя» шотландскому виски, который тот поглощает отнюдь не в европейских дозах на разных приемах и раутах в его честь за американский счет.

Да и от чего слабеть организму этого уголовного недоучки? В тюрьме Буковский получал вполне достаточный рацион. Находясь на свободе, он нигде ни одного дня не работал, ведя беззаботный образ жизни на средства, которые ему выплачивали за антисоветскую деятельность западные покровители. Тот, кого ныне величают «писателем», никаких университетов

не кончал — ни трудовых, ни гуманитарных и к изящной словесности отношения тоже не имеет. Кляузы и грязные пасквили, нацарапанные Буковским на полу-блатном языке, вряд ли могут называться литературой.

«Ныне Буковский несет свой бред по всему миру, — продолжает рассказывать Петров-Агатов. — Правда, о терроре он уже не говорит. Об атомной бомбе тоже.

Ныне Буковский уверяет, что он не против Советской власти, а только против ущемления якобы ею прав в Советском Союзе. Что он тоже за разоружение, но с позиции силы.

Вопрос о коне, на котором гарцует ныне Буковский, я думаю, после всего сказанного излишен. Всем ясно, что это отнюдь не Буцефал Александра Македонского, не Росинант Дон Кихота и даже не тощий мул Санчо Пансы. А вот у троянского коня, к примеру, с учетом «успехов» некоторых кругов в камуфлировании лжи под правду, ненависти и злобы под любовь и заботу о человеке, появилось немало разновидностей...»

Мы закончили нашу беседу к вечеру. «Ну вот и все, — сказал А. Петров-Агатов. — Нелегко мне было вести весь этот разговор. Но молчать о заблуждениях своих и ослеплении моих вчерашних сокамерников не могу. Знаю, разное могут подумать они обо мне и разное сказать. Бог им судья. Мне же моя совесть русского человека не позволяет молчать».

О чем молчит

говорящая рыба

На этот раз он не рискнул ломиться в резиденцию главы государства. Неудобно все-таки второй раз получать по шее. Французский урок не прошел даром. А тогда некоторым из парижан, находившимся в непосредственной близости от Елисейского дворца, довелось стать свидетелями прелюбопытнейшей сценки. Несколько дюжих «ажанов» тащили от дворца отчаянно упиравшегося человека в расхристанном пальто, который нецензурно поносил на чистейшем русском

языке французскую демократию и ее защитников «ажанов» за то, что они не допустили «мосье Андре Амальрик» к «мосье лё Президан» то бишь к президенту Французской республики. «История не простит вам этого безобразия!— кричал человек.— Наших в Белом доме принимали, а вы меня даже сюда не пускаете!» Ажаны не знали русского языка и поэтому не прореагировали на явные оскорбления в их адрес. А то бы, вероятно, несдобровать студенту-недоучке Андрею Амальрику... Французская полиция не любит, когда ее обижают. Даже «выдающиеся историки», как величают Амальрика некоторые его покровители на Западе и он сам себя...

Повторяем: на этот раз, оказавшись в ФРГ, настыр-ный «диссидент» решил не рисковать. Он отправился не в Бонн, а в небольшой баварский городок Бад-Кройте, где на очередное сборище съехались «доблестные» представители западно-германской партии ХСС — вместе с гостями около сотни человек. Партией этой верховодит Франц-Иозеф Штраус. Фигура достаточно известная. Даже скандально известная. Чем же заслужил герр Штраус такую популярность? Во-первых, тем, что среди западногерманских политиков послевоенного времени он был и остается самым оголтелым антикоммунистом; во-вторых, — самым откровенным противником международной разрядки и мирного сосуществования; и в «третьих, — самым большим докоя по части наиболее скандальных афер за годы существования ФРГ. Глава баварских ультра считает себя неплохим литератором. Во всяком случае, его книга «Вызов и ответ. Программа для Европы» получила восторженный отзыв газеты бывших эсэсовцев «Фрайвиллиге», которая назвала Штрауса «герольдом будущей объединенной Европы». Оголтелый антикоммунистический и человеконенавистнический опус «герольда» привел, кстати, в совершеннейший восторг пекинских руководителей. Во всяком случае, перед своей поездкой в Китай, которая состоялась еще при жизни «великого кормчего», Штраус похвалялся в интервью журналу «Квик»: «Как мне стало известно, некоторые мои высказывания из книги «Вызов и ответ» пробудили в Пекине желание провести со мной беседы».

Герр Штраус был инициатором совещания, на которое стекались вместе со своими гостями представи-

тели ХСС. Сам шеф, правда, не осчастливил его личным присутствием, решив, что его с лихвой заменит председатель земельной группы ХСС в бундестаге Циммерман, который в своем антикоммунизме еще более «святой», чем сам римский папа. Повестка дня совещания — «О нарушениях прав человека...» — нет, читатель не в ФРГ, где нарушение конституции западногерманской секретной службой: подслушивание телефонных разговоров, превращение тайны переписки и неприкосновенности жилища в пустую фикцию — стало чуть ли не нормой обыденной жизни этой страны, где гражданам прогрессивных убеждений отказывают в элементарном праве на труд, — а как было громогласно объявлено — «в Советском Союзе и странах восточного блока». Так вот в качестве основного докладчика на этом «совещании» и выступил Андрей Амальрик, который был представлен «почтеннейшей» публике как руководитель «группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР» и «чрезвычайный и полномочный посол советских инакомыслящих».

Вряд ли имеет смысл подробно излагать выступление Амальрика. Ничего нового по сравнению с тем, о чем он говорил раньше, в других странах и городах, в нем не содержалось. Все тот же коктейль из гнусной антисоветской клеветы и из подстрекательских (в худших традициях времен «холодной войны») лозунгов. Правда, бывший уголовник позволил себе на этот раз весьма резко покритиковать правительства западных стран за то, что они де, мол, «не обращают внимание на систематическое нарушение прав человека в странах восточного блока», и упрекнуть (в мягких выражениях) президента Соединенных Штатов в том, что он «ослабил усилия по поддержке борцов на Востоке». «Демократические силы и западные правительства обязаны усилить давление на Советский Союз, — кричала, брызгая слюной «историческая личность», — использовать для этого все рычаги экономического сотрудничества... Запад должен наращивать вооружения и укреплять военную мощь, ибо Советы признают только силу!» Вот такой поджигательской речью поразил представитель «группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений» баварский ультра из ХСС. Некоторые «ветераны», по утверждению присутство-

вавших на сборище западных журналистов, даже прослезилась. Вспомнили, видимо, прежние годы.

Читатели вправе спросить: а кто же такой Андрей Амальрик. О «выдающемся борце за свободу» уголовнике Буковском в нашей печати уже сообщалось довольно подробно, а вот о «выдающемся историке» Амальрике пока мало кто писал. Что же, восполним этот пробел. Амальрик, как и Буковский, тоже уголовник, только масштабом помельче. Но вернемся к тому уже довольно далекому от нас времени, — а это конец пятидесятых годов, — когда Амальрик, будучи студентом первого курса Московского государственного университета, написал опус «Норманны и Киевская Русь». В нем он повторил доводы «остфоршерских», а проще говоря, гитлеровских историков о неспособности славян к созданию государственности. А теории эти выдал за свои, видимо, из-за горячего желания выглядеть оригинально мыслящим студентом. Преподаватели, естественно, усекли плагиат и указали на нежелательность использования столь низкопробных первоисточников. В знак протеста против «консерватизма профессоров» Амальрик прекратил посещать лекции и начал шастать по корпунктам западных корреспондентов, предлагая купить у него «историю московского студента, исключенного из университета за свободомыслие». И хотя история эта не увидела света, с нее, собственно, и начало развиваться сотрудничество. Западные «советологи» взялись за формирование из Амальрика «представителя интеллектуальной оппозиции». Ему подбросили денег, не очень много для начала, но обещали известность и высокие гонорары за антисоветскую стряпню в будущем. И он начал поставлять клеветнические материалы о нашей стране...

Но об этом грехопадении бывшего студента до поры до времени никто ничего не знал. Просто участковый района, где проживал Амальрик, обратил внимание на то, что вполне трудоспособный юноша ведет весьма паразитический образ жизни. Продает из-под полы редкие книги из библиотеки горячо любимого родителя и спекулирует картинами своих знакомых художников-формалистов. Скажем прямо, административные органы неоднократно предупреждали Амальрика о том, что надо заняться делом, что существует Указ Президиума Верховного Совета РСФСР об

«усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный образ жизни». Но отрок не внял голосу разума. Более того, Амальрик уже успел связаться с сотрудниками посольства Дании в Москве и запродать через них на Запад свой опус «Норманны и Киевская Русь». Не избежал он и контактов с вездесущими сотрудниками американского посольства, которые, естественно, не стали скупиться на гонорар за антисоветские пасквиль студента-недоучки. В мае 1965 года Амальрик был выслан из Москвы за уклонение от общественно полезного труда и антиобщественный образ жизни. Вернувшись обратно в столицу, он активизировал свои отношения с антисоветскими элементами и расширил контакты с московскими корреспондентами американских, английских, французских и голландских газет, которым запродавал написанный им пасквиль «Недобровольное путешествие в Сибирь» и брошюру «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». В начале 1970 года махровая антисоветская организация, именующая себя «Фондом Герцена», издала ее в Амстердаме. Этому, с позволения сказать, труду размером в 69 страниц была создана самая пышная реклама, на которую только были способны радетели «холодной войны». Прочитав брошюру, сразу же поражаешься способности Амальрика, при всем его невежестве в вопросах истории, воплотить в столь малом объеме столько человеконенавистничества вообще и злобы к советскому народу, в частности.

Но не будем предаваться эмоциям. Перелистаем некоторые страницы этого «труда» и процитируем наиболее «яркие» места из него. «Почти десять лет назад, я написал работу о Киевской Руси,— пишет Амальрик.— По независящим от меня причинам я вынужден был прервать свои исследования о начале российского государства, зато теперь, я надеюсь, что как историк буду сторицей вознагражден за это, став свидетелем его конца». Так с первых строчек предисловия Амальрик определяет свое отношение к стране, в которой он родился. Она для него «страна без веры, без традиций, без культуры и умения делать дело».

Ненавистью брызжет от каждой строки, где «историк» говорит о русском народе, у которого «нет или почти нет нравственных критериев». Ну не мерзость

ли? И эту гнусную стряпню на Западе пытаются представить как «историческое исследование»! Для кого? Впрочем, Амальрик сам дает ответ на этот вопрос, когда утверждает: «Я хочу подчеркнуть, что моя статья основана не на каких-либо исследованиях, а лишь на наблюдениях и размышлениях. С этой точки зрения она может показаться пустой болтовней, но — во всяком случае, для западных советологов — представляет уже тот интерес, какой для ихтиологов представила бы вдруг заговорившая рыба».

«Рыба» заговорила. И заговорила с совершенно определенными целями. «Научный» труд Амальрика не имеет ничего общего не только с историей, но и вообще с наукой. Идеи о государстве российском взяты из сочинений германских востоковедов времен гитлеризма. Достаточно упомянуть, к примеру, «Историю русского государства с 500 года до рождения Христова» Бирты, «исследования» историков третьего рейха Шпенглера или Фритцлера, и станет совершенно очевидным тот источник, из которого черпал свои «тезисы» несостоявшийся студент-историк.

Амальрик писал для западных советологов. Об этом говорит он сам. Кто же они, эти советологи?

В 1971 году все тот же «Фонд Герцена» издал брошюру «Андрей Амальрик. Письма и статьи». В ней 90 страниц текста малого формата. В брошюре вошли все произведения «историка», включая и его заявления в местную милицию. Понятно, что «Фонд» пытался всеми силами создать «паблисити» своему подопечному и поэтому не очень-то разобрался в его «публицистических» экзерсисах. В брошюру была включена статья «Иностранные корреспонденты в Москве». В ней говорится, что за семь лет общения с иностранными корреспондентами Амальрик пришел к выводу: некоторые из них не занимаются журналистской работой по сбору объективной информации, а фабрикуют у себя на дому бессодержательные, но полные многозначительных намеков и недомолвок антисоветские статьи, называя себя советологами. Их задача, сообщает Амальрик, пройти за свой корреспондентский срок практику и вновь, не выучив ни единого русского слова, не поговорив ни с одним русским, удалиться на Запад для продолжения карьеры в качестве советологов. Советологи, скрывающиеся под маской журналистов, сами се-

бя запугали разговорами о «вездесущей советской тайной полиции» и боятся высунуть нос из московской квартиры, а в каждом советском человеке, который к ним обращается, видят агента КГБ. «Даже меня,— пишет Амальрик,— несколько раз объявляли агентом».

Но вернемся к отношениям Амальрика с «советологами».

После того как студенту-недоучке приклеили на Западе ярлык «выдающегося русского историка и публициста», его стали сознательно подталкивать к совершению уголовного преступления. Амальрику предложили написать нечто «фундаментальное», подбросив тезисы уже упоминавшейся нами брошюры, которая обливала грязью страну и народ, предвещала им скорую гибель, подстрекала к войне. Оформленные в виде «идей политической оппозиции в СССР», у которых появился конкретный автор, эти тезисы были с помпой опубликованы в виде брошюры за пределами СССР на деньги из специальных ассигнований. Из Нью-Йорка в Москву был прислан специальный корреспондент, чтобы запечатлеть для американской публики «великого историка всех времен и народов». Но реакция советских властей на всю эту серию операций оставила в недоумении «советологов». «Вы только почитайте, что пишет Амальрик, а его до сих пор не арестовали,— удивлялась газета «Вашингтон ивнинг стар».— Не иначе, Амальрик — агент советской тайной полиции».

Спектакль о «преследовании интеллектуалов в СССР» явно не получился. Амальрику передали тогда изданные за границей экземпляры его брошюры и поручили нелегально распространить в СССР. Он не только взялся за это дело, но и пытался привлечь других, обещая им деньги и славу. Таким образом, от сочинения клеветнических материалов Амальрик перешел к нелегальной деятельности по их распространению, стал искать и привлекать сообщников.

Амальрика арестовали. Суд признал его виновным в распространении заведомо ложных измышлений, которые порочат советский государственный и общественный строй, и лишил в соответствии с уголовным законом на три года свободы.

Но и на этом «советологи» не оставили свою креатуру в покое. Они посулили Амальрику прислать при-

глашение в Гарвардский университет читать лекции по русской истории, если он продолжит свою подрывную работу. Тот снова поддался на провокацию и начал вести антисоветскую деятельность среди отбывающих наказание. Он клеветал на советский народ, глумился над памятью тех, кто погиб в войне с фашизмом.

Вновь над Амальриком состоялся суд. Процесс проходил с полным соблюдением законности. Были заслушаны показания более двадцати свидетелей. Амальрика защищал приглашенный им и его женой адвокат...

Кстати, напомним, что в своем заключительном слове Амальрик сказал на суде, что пересмотрел свои взгляды и понял, что был не прав в оценке советской действительности...

Такова история с «говорящей рыбой».

Рассказывая об Амальрике, мы снова хотели бы еще привести свидетельства А. А. Петрова-Агатова. Как и Буковского, он хорошо знал Амальрика, много раз встречался с ним и сообщил некоторые подробности об этой «исторической» личности, которые то ли по незнанию, то ли из-за деликатности не доводили до сведения широкого круга читателей западные средства информации. Мы рассказывали о том, что судьба Петрова-Агатова запутана и драматична. Но кто может бросить камень в человека, осознавшего свои тяжелые проступки перед страной, где родился, и перед народом, из лона которого вышел? И если радиостанция «Свобода», энтэсовские журналы и другие махровые антисоветские издания, захлебываясь от «благородного» негодования, на чем свет поносили А. Петрова-Агатова, называя его «отступником, предавшим своих солагерников», можно не сомневаться, что выбор между добром и злом был сделан им правильно.

Небезынтересно отметить и то обстоятельство, что через весьма небольшой промежуток времени некоторые из антисоветских рупоров на Западе вдруг неожиданно сменили гнев на милость, пытаясь убедить общественное мнение в том, что, мол, этот человек ни с кем из «диссидентов» очень близко знаком не был, в исправительно-трудовом учреждении оказался «случайно» и вообще не «тот, за кого себя выдает». Тут уж настала очередь возмутиться Александру Александровичу. «Мне трудно было ожидать приятных слов в свой адрес, особенно от радиостанции «Свобода», которая не

только постоянно передавала мои стихи и прозу вперемежку с дифирамбами в мой адрес, но и держала вакансию для меня на самой радиостанции. Для нее мой отказ от иудиных тридцати сребренников оказался довольно чувствительным ударом. Отсюда и попытка обвинить меня во лжи сейчас. Но клянусь, в моих поступках не было лжи и корысти. Ослепление, гордыня, честолюбие, желание прославиться — вот та бездна, в которой гибнет человек и все человеческое в нем. Но ведь это не сразу поймешь. А если и поймешь, то не вдруг одолеешь притягательную силу этого зелья. Честолюбивый человек похож на кролика, ползущего в пасть удава. Немногие люди, страдающие врожденными духовными пороками, справляются с собой. Тем более, что рупоры идеологических служб Запада прилагают гигантские усилия для того, чтобы развратить человеческие души, поставить все и вся с ног на голову, фальсифицировать факты и события, превратить неучей в «интеллектуалов», психически больных в «светлых разумом», людей, мерзавцев в «образец нравственности». Вот и появляются, как пузыри на гнилом болоте, буковские, гинзбурги, амальрики — «узники совести», «поборники справедливости», «радетели за права человека». Какая чудовищная ложь! Ни сенсационные ограбления банков, ни кровавые преступления мафии не идут ни в какое сравнение с этими злодеяниями, рассчитанными на массовое, глобальное обольванивание душ человеческих. Сам страдавший целым рядом пороков и не изживший еще некоторые из них, но прозревший в суровых жизненных испытаниях, не без помощи, конечно, добрых и по-настоящему умных людей, я не могу не думать о всех людях без исключения, независимо от цвета кожи, социального положения и вероисповедания, о тех, кому должен рассказать правду. Правду о тех, которые являются узниками в прямом смысле, но не «совести», а бессовестности, и не «справедливости», а зла. Тем более, что время, в которое мы живем, чрезвычайно ответственное. Настолько ответственное, что если мы сегодня сделаем неправильный выбор, то можем оказаться последним поколением человечества. Я вижу свой долг в том, чтобы говорить правду, как бы она ни была горька, ибо только в правде, в борьбе за нее смысл жизни человеческой. Я не хотел выносить на страницы

печати свой личный архив. Но меня обвинили во лжи...»

Мы пересмотрели многие материалы из архива А. Петрова-Агатова. Здесь и письма «диссидентов», и книжица так называемого «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа» (ВСХСОН), изданная в Париже, где была опубликована повесть «Арестантские встречи» с дифирамбами в адрес автора и бюллетень «Материалы Самиздата», издаваемый для «служебного пользования» радиостанцией «Свобода» на деньги ЦРУ, и поганенькая брошюра Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» с дарственной надписью и т. д. и т. п. Справедливости и истины ради приведем выдержки из некоторых документов, чтобы доказать, во-первых, что А. Петров-Агатов был не столь уж незаметной, как пытаются доказать ныне на Западе, фигурой на кухне антисоветчиков и продемонстрировать, во-вторых, какие блюда и на каком масле готовятся на этой кухне...

«Самых Вам наилучших пожеланий, каких и придумать не могу! И много, много Ваших книжек в сафьяновых переплетах и с золотым обрезом. И очень скоро!» Так подогревает честолюбие А. Петрова-Агатова уловник В. Буковский.

Следующая поздравительная открытка написана карандашом. Автор А. Гинзбург. Тот, у которого не переводились инвалютные сертификаты и «подарки» с Запада и который, оказывается, настолько беден, что вынужден ремонтировать шариковый карандаш. «Милай Сан Саныч! В Москве этой самой даже карандаши чинить не умеют, а ничего другого под рукой нет... Саньку я так и не увидел, он в яслях был. Мы ему притащили большую машину и летающий вертолет. Все вполне мирное, что было вовсе не просто, потому как на прилавках «Детского мира» сплошные танки и автоматы...»

Е. Вагин, сбежавший в Америку и пребывающий там в должности шефа идеологического отдела ВСХСОН, подведомственного американской секретной службе, хочет «ритмически, — как он пишет, — выразить переживание растущей близости...»

Мой милый друг, Вы — ипостась Поэта.
Поверьте, говорю Вам не в упрек.
Вы как поэт — носитель яркий Света,
В кругу светил Вы — творчества планета.
И, верно, так Всевышний Сам предрек...

«Почетный гражданин Израиля» Хассаль Каминский пишет для вящей убедительности на бланке израильского учетного банка: «Дорогой Александр Александрович! Я, конечно же, никуда не пропал, как в общем-то в Израиле никто не пропадает...»

Ярый антисоветчик А. Радыгин, ныне проживающий в США: «Прочитала мне Алла куски вашего письма, меня и ее как-то касающиеся. Как всегда, захотелось с вами поспорить, потому что, как всегда, я в ваших построениях, как логических, так и иррациональных, отыскал темы для извечного нашего спора... Правда, ни старые, ни новые разногласия не изменили моего к вам самого теплого и доброго отношения...»

Вроде бы достаточно, что касается эпистолярного жанра. Авторы писем, как видим, старались всеми силами подогреть у А. Петрова-Агатова дух недовольства, сыграть на его тщеславии и гордыне... Перейдем теперь к бюллетеням радиостанции «Свобода». Итак, читаем на первой странице «Материалы Самиздата. Выпуск 8/76. 5 марта 1976 г. Внимание: предлагаемые документы размножаются для использования их штатными сотрудниками радиостанции Свобода. Радиостанция Свобода намерена предоставить эти материалы для использования другим лицам по их просьбе при условии, что они предназначены только для частной информации и использования. Во всех случаях пользования этими документами сопряжено со строгим соблюдением всех ограничений, помеченных на отдельных материалах».

Далее идет оглавление. Среди анонсов за № 2419 начертано: «Александр Петров-Агатов, статья «С Рождеством Христовым!», без места и даты, но на воле, вероятно 6.I.76».

Теперь приведем отрывок из книжки, напечатанной в Париже в типографии «Импрессион интернасьональ» 18—20, рю дю Фобур дю Тэмпл». «...Позже достиг Запада анонимый очерк с громоздким названием «Все-российский Социал-христианский Союз Освобождения Народа: состав, программа, методы работы, идеологические позиции, причины поражения». Очерк был датирован «Ленинград, 1969» и был, несомненно, написан кем-то, хорошо знакомым с деятельностью ВСХСОН. Этот очерк увеличивал наши знания об организации, а также интерес к ней среди специалистов на Западе.

Тем не менее не хватало сведений, проливающих свет на самые личности вождей и членов ВСХСОН. Вскоре два одаренных и осведомленных человека заполнили этот пробел. Первым из них был Александр Александрович Петров-Агатов (р. 1921 г.), многолетний член Союза писателей, который провел в заключении от 1947-го до 1967-го года. Выпущенный в 1967 году, он смог воспользоваться лишь одним годом свободы до нового осуждения на 7 лет за стихи»...

И вот, наконец, брошюрка Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». О самом труде «великого историка» мы уже рассказали. Сейчас — слово А. Петрову-Агатову, который знал хулиганствующего «диссидента» лучше, чем кто-либо другой.

— С «исторической» личностью я встретился последний раз на квартире весьма ценимого на Западе антисоветчика Юрия Орлова незадолго до отъезда Амальрика из Советского Союза. Он вошел с художественно оформленной женой, не пожалевшей на себя ни штукатурки, ни красок и ни кистей, держа в одной руке бутылку шампанского, другой прижимая к груди взъерошенную сиамскую кошку.

— Ура! Победа! Уезжаем в Израиль!

— В Израиль? — удивился ходивший тогда в председателях «группы содействия по проверке выполнения Жельсинкских соглашений» самозванец Орлов.

— Не пугайся, друг! — заулыбался Амальрик. — Израиль только повод для выезда. Зачем мне эта несерьезная страна? Поедем шуметь в Европе и в Америке!

— Вместе с кошкой? — в шутку спросил я.

— Разумеется. Она — мой живой талисман и, если хотите, символ...

«Символ» долго обнюхивал меня.

...Игристое шампанское, которое мы, естественно, не замедлили распить, сделало Амальрика игривым и циничным.

— Вот ведь какие бывают парадоксы... Здесь меня исключили из университета за пропуск лекций, не дав закончить даже двух курсов... По сути дела, ни образования, ничего... А лучшие университеты Запада приглашают читать лекции. Одряхла, очень одряхла западная научная мысль! Но я Западу помогу! Я волью в него новую живительную струю! Мои коллеги из

Амстердамского и Утрехтского университетов поймут...

— Простите, Андрей Александрович,— не выдержал я.

— Знаю, знаю наперед,— перебил Амальрик,— что вы скажете... Какие они, мол, мне коллеги, если все они — профессора, академики, а я всего-навсего студент-недоучка. Но труд мой «Доживет ли Советский Союз до 1984 года?» читали? А с письмами в милицию и другие организации, изданными «Фондом Герцена», знакомы?

Знакомы. И уже об этом рассказали. В биографии Амальрика, опубликованной «Фондом Герцена» в послесловии к брошюре, говорится, что... «до и после университета он работал картографом, медицинским лаборантом, строительным рабочим, осветителем на кинохронике, переводчиком технической литературы, газетным корреспондентом, хронометристом на автомобильных соревнованиях, натурщиком, давал уроки математики и русского языка... работал журналистом, почтальоном и сейчас в ожидании нового заключения занимается разведением огурцов и помидоров».

Да, чего только не успел за свою короткую жизнь совершить Андрей Амальрик, во всяком случае со щедрого пера его биографов из «Фондов Герцена»...

«Все это сплошная ложь,— сказал в заключение А. Петров-Агатов.— Уж кому как не мне известна вся подноготная Амальрика. Он никогда постоянно не работал, разве только натурщиком, позируя своей жене — художнице. Впрочем, нет. Амальрик перепродавал еще книги и спекулировал картинами. А в остальное время он был профессиональным, высокооплачиваемым поставщиком антисоветских пасквилей и клеветнической информации западным советологам, которые передавали его друг другу как эстафету. И вот этому человеку дают читать лекции, он ходит в «борцах за права человека», «качает», как говорят уголовники на своем жаргоне, права. Неужели покровители Амальрика не понимают, что они имеют дело с полушизофреником?

«Я раскрою им глаза! — уверял меня в тот вечер «пророк». — Я заставляю всех этих ослепших и оглохших от собственного ожирения и пресыщения конгрессменов и бизнесменов, борющихся за мир, взять в руки

атомную бомбу, ибо только так можно бороться с коммунистами! Поедьте со мной, Александр Александрович, на Запад. Юрий, друг мой (он обнял Орлова), поедем. Гинзбург пусть едет... Все, все наши... Мы наведем на Западе свой порядок. И ударим, ударим по этой подлой Москве!» Я думаю, что цитировать дальше Амальрика при всей его «великости» не стоит. Недавно мне стало известно из радиопередач западных радиостанций, что опус Амальрика «Доживет ли Советский Союз до 1984 года?» вышел в свет вторым изданием с дополнениями и изменениями. К числу этих изменений относится и признание Амальрика в том, что он-де «малость погорячился», написал о России, что она «страна без веры и без традиций». Да, и еще «пророк» отодвинул срок «гибели Советского Союза». «1984-й рано, — заявляет теперь он. — Произошли кое-какие изменения...»

Одну и ту же рыбу нельзя подавать к обеду два раза, — так говорит старая французская пословица. Неужели этого не понимают господа западные «советологи», для которых говорила «рыба» Амальрик?

Мафиоза в юбке

О мафии, кажется, рассказано все, что известно. И что неизвестно — тоже. Реальность и фантазия, правда и небылицы — все смешалось в один многокрасочный коктейль под перьями мастеров детектива и перед камерами шустрых кинематографистов. Мы в общем-то привыкли к тому, что перед глазами, как правило, проходят зловещие фигуры «мафиози», тех, которые стреляют, душат, подкладывают взрывчатку и безжалостно режут людей, как телят на бойне. Реже мы сталкиваемся с теми, кто, сидя в мягких креслах, отдают приказы — об убийствах, взрывах и поджогах. Конечно, для динамичности сюжета крадущийся в ночи убийца или мирно спящая в пикантном неглиже обреченная дева интереснее, нежели «деловой разговор» двух синьоров, один из которых является «капо дей тутти капи» мафии, то есть ее верховным главнокомандующим... Существует ли он? Да, существует. На Сицилии его,

кстати, называют «теста дель серпенте», то бишь «голова змеи». «А кто сейчас эта голова?» — спросили у нашего коллеги — сицилийского журналиста во время одного из многолюдных приемов в столичном городе Палермо несколько лет тому назад. Коллега, как это ни странно, даже не улыбнулся. Он наклонился к уху и прошептал: «Говорят, что он...» «Он» в этот момент произносил тост за мир и дружбу между людьми. Седые волосы, невинные, как у младенца, голубые глаза, прекрасно сшитый черный костюм, безукоризненный английский язык, привезенный из Кембриджа, на котором звучал спич, чтобы было понятно всем.

«Ты шутишь?» — «Не очень, — ответил коллега. — Во всяком случае, правда это или нет, мы узнаем лет через двадцать... после его кончины».

Мафия не только зарабатывает деньги и убивает того, кто стоит на ее преступной дороге. Она верой и правдой служит буржуазному обществу, его самым архиреакционным кругам... В роли «мафиози» выступают и те, кто в поте лица своего рыскают по всем углам в поисках отребья — буковских, амальриков и прочей уголовной шпаны, из которых можно было бы на скорую руку слепить «борцов» за права человека в нашей стране, создать «группы содействия по проверке выполнения Хельсинкских соглашений» в Советском Союзе и других социалистических странах, «бескорыстных искателей истины», «поборников гуманизма» и так далее...

Немало этих «мафиози», специализирующихся на антикоммунизме и антисоветизме, выступает под видом западных корреспондентов, сотрудников иностранных посольств, торговых представительств и иных ведомств, а также временных гостей нашей страны — туристов из заморских государств.

Нет, мы совсем не склонны считать всех этих охотников за «падшими душами» профессионалами из американского ЦРУ, английской Интеллидженс сервис, западногерманской Бундеснахрихтендист и прочих учреждений, которые получают в тайных службах своих стран основную зарплату. Но у нас нет ни малейшего сомнения в том, что они действуют не по собственной инициативе, а являются или агентами «профессионалов» или доверительными связными агентов и т. д.

И т. п.

Наиболее активно «шуруют» в поисках «диссидентов» или кандидатов в них «мафиози» из Соединенных Штатов Америки: и те, которые находятся в длительных служебных командировках, и те, которые приезжают временно, с одноразовыми заданиями. Методы, которыми они пользуются, не отличаются большим разнообразием — подкуп, шантаж. Цель одна — создать видимость «постоянного протеста» в Советском Союзе, объединить, елико возможно, одиночных подонков в «группу оппозиции», присоединить их к «инакомыслящим» типа Орлова, Григоренко и К°, действующим по принципу «нет денег — нет швейцарцев». Утверждают, что древнюю эту пословицу придумали французы, которые были шокированы корыстолюбием наемных швейцарских солдат. Не знаем, может быть, оно и так, хотя не хотелось бы обижать швейцарцев — они были хоть и наемными, но все же солдатами. Буковский, Амальрик, Орлов, Григоренко и иже с ними — просто мерзавцы, зашибающие «деньгу» именно в этом своем качестве.

А вот еще один француз — великий француз Гюстав Флобер — сказал однажды великолепную фразу: «То, что деньги делают для нас, никогда не компенсирует того, что мы делаем для того, чтобы их заработать». Впрочем, пардон, «мафиози»-вербовщики не всегда достают сразу же чековую книжку. Иногда они пытаются вербовать себе наемников из отщепенцев на «идеологической» основе. Так случилось, например, с уже представленным нами читателям А. А. Петровым-Агатовым. Вот его рассказ о «романе» с одной американской миссис.

«Вышел я на свободу 23 июля 1975 года. У ворот Лефортовской тюрьмы меня встретила Галина Салова, подруга сбежавшей впоследствии в Израиль Людмилы Алексеевой, на квартиру которой меня она и привела. Алексеева долгое время находилась в тени, на манер «серого кардинала», вернее, «кардинальши», так как осуществляла тайную связь с некоторыми иностранными корреспондентами и дипломатами, аккредитованными в Москве, принимала «заказы» на клеветническую информацию для западных изданий, искала возможности пересылки на Запад злопыхательских рукописей неудачников, карьеристов и так далее. А «оттуда» она время от времени получала эмигрантские ан-

тисоветские издания, порнографические открытки, жевательную резинку и разные штучки с яркими этикетками. Поступали «оттуда» также доллары и другая валюта.

Так вот, Алексеева, очень деловая и чем-то озабоченная в тот день, сразу же, без «увертюры», спросила меня в упор:

— Будете уезжать или останетесь в России?

— Останусь.

— Напрасно. Сядете снова. Тем более, что мы вас широко разрекламировали на Западе. Между прочим, вам приготовлено место на радиостанции «Свобода».

Алексеева протянула мне «Бюллетень радиостанции «Свобода» с грифом: «Для служебного пользования». В бюллетене была моя статья и подробная биографическая справка.

— Хотите взять на память? — продолжала она. — Возьмите. Григоренко просил дать вам один экземпляр. Он, кстати, более подробно расскажет о предложении работать на «Свободе». Я очень спешу. У меня свидание с одной особой. Надо передать кое-какие материалы. Сертификаты дать?

— Но мне хотелось бы знать, от кого исходит предложение работать на радиостанции «Свобода»? — озадаченно спросил я.

— Не спешите, друг мой! Всему свое время. Петр Григорьевич вам все расскажет, а потом мы сведем вас с преинтересной особой.

Алексеева пожала мне руку и ушла.

Прошло немало времени, и не одна встреча потребовалась с Григоренко и Алексеевой, несмотря на наше многолетнее знакомство, прежде чем они познакомили меня с вице-консулом американского посольства Эйлин Натансон. Однажды Григоренко начал такой разговор:

— У вас, наверное, плохо с деньгами, Александр Александрович? А ведь вы владелец банковского счета за рубежом. Сколько хоть на нем, знаете?

— Конечно, нет.

— Почитайте, что пишет редакция журнала «Грани», где в нескольких номерах печатались и повесть ваша, и статьи, и стихи.

Григоренко протянул мне 82-й номер «Граней».

— Смотрите, вот обращение к писателям.

Я посмотрел. Там было написано: «авторские гонорары... будут храниться в издательстве до того времени, пока автор найдет возможным их получить».

— У меня такой возможности нет.

— Полноте, милейший Александр Александрович... Возьмите-ка вот эту бумагу (он протянул мне тоненький папиросный листик) и напишите всего несколько слов...

Григоренко встал со стула, прошелся по комнате и стал диктовать:

— «Дорогие друзья! Я нуждаюсь в деньгах. Перешлите мне часть моего гонорара известным вам путем». Все! Разумеется, никому об этом ни звука. Обычными каналами, как вы понимаете, такие деньги не придут...— Петр Григорьевич снова прошелся по комнате.— И деньги вам надо зарабатывать, милейший Александр Александрович. Пишите, пишите и пишите. Конечно, то, что нужно Западу. То, что будут печатать.

— А что будут печатать?

— И это спрашиваете вы?! Человек, у которого чекисты отняли всю жизнь, который столько лет провел в тюрьмах. Пишите о том, как вас мучили, как грудились над вами.

— Никто меня не мучил. Я сам во всем виноват...

— Ах, опять то же самое, опять сплошная достоевщина. Да кому это нужно! Посмотрите на Солженицына. Вот это настоящий деловой человек!

Григоренко помолчал. Потом спросил вдруг совершенно неожиданно:

— На «Свободе» будете работать?

— Мне уже предлагала это Алексеева... Но я, признаться, принял сие за шутку.

— Какие шутки! Это официальное предложение. Не от меня, разумеется, а от руководства радиостанции. Но через меня. Вы же знаете, что там Галич, мой друг! И вообще, мы связаны... Скажу откровенно: в России вам жизни все равно не будет. Амальрик туда уезжает, Алексеева собирается, а Наташа Горбаневская уже там. Ну как? Согласны?

— Надо подумать...

— Тамара Гальперина сведет вас с американским вице-консулом. Я хотел, чтобы это знакомство произошло через меня, но не хочется лишний раз бегать на свидание. Сдавать начал, старею... Тамара помоложе...

Кстати, имейте в виду, что Натансон, несмотря на молодость, мудра, как старая змея. И очень образованная: знает русский, китайский, французский и даже монгольский языки. Официально сия дама занимается проблемами выезда советских евреев в Израиль. Но это, так сказать, ее официальное прикрытие. Фактически же у нее более тонкая и деликатная работа, вы понимаете... Через нее кое-что уходит из Советского Союза и кое-что приходит из Соединенных Штатов. Очень мужественная женщина! В этом вы убедитесь сами. Она неплохо знает вас хотя бы потому, что переправляла на «Свободу» пленку со стихами в вашем исполнении. Теперь изъявила желание познакомиться лично. Завтра в 5 вечера она предполагает ждать вас у скверика рядом с метро «Кировская». Вы сразу узнаете ее — высокая, стройная, молодая и... незамужняя. На ней дубленка. Перчатка с правой руки окажется снятой. Впрочем, Тамара сама подведет вас к ней завтра. А сейчас подождите уходить, скоро здесь будет Людочка, она вам расскажет еще кое-какие подробности о нашем американском друге, вернее, кхе-кхе, подруге...

Алексеева не заставила себя долго ждать. И вновь, как всегда, сразу же взяла быка за рога.

— Дорогой Сан Саныч, — затараторила она, — вы обязательно должны познакомиться с Эйлин, она более чем очаровательна и заранее влюблена в вас. Так что не теряйтесь и не смущайтесь... Правда, у вас есть серьезный конкурент — мистер Пресел, первый секретарь американского посольства. О, это настоящий Джеймс Бонд. По-моему, у них небольшой роман, но это не страшно: мистер Пресел непосредственный шеф Эйлин, и он временно спасает ее от одиночества, для того чтобы она лучше работала.

— А в каком ранге находится моя будущая знакомая? — спросил я.

— Ей недавно присвоили ранг второго секретаря посольства, а приехала она в Москву третьим секретарем консульского отдела посольства. Очень перспективная девушка... Да и вам, Сан Саныч, рисковать нечем, человек вы холостой, свободный, ревнивой жены нет...

— А что, Эйлин боится ревнивых жен?

— Представьте себе, да. Уж скажу вам по секре-

ту, что недавно вышел один скандал. Эйлин очень дружила с Володей Слепаком, вы его знаете, один из наших. Так вот, однажды Маша, жена Слепака, увидев сидящими вместе Володю и Эйлин, подумала, что у них роман и при всех собравшихся надавала вице-консулу по щекам... Мы еле ее отбили. С тех пор у Эйлин жуткая антипатия к женатым мужчинам. В общем, с богом, Сан Саныч. До завтра. Тамара вас проводит на встречу...

Встреча на другой день оказалась на редкость короткой. Миловидная женщина, ничем особо не выделяющаяся, чуть-чуть подкрашенная и капельку кокетствующая, протянула мне руку и на чистом русском языке произнесла:

— Зовите меня Аллой...

Потом она сказала, что очень рада нашему знакомству, так как любит мои стихи и «потрясена» моей жизнью.

— Побег, выстрелы! Это очень любят американцы,— сразу же выпалила она.

— Но я ни разу в жизни не стрелял.

— Но зато в вас стреляли?

— И в меня — тоже нет.

— Но у вас несколько побегов из тюрем.

— Я уходил без выстрелов.

— Вы мне все расскажете? Ладно? Но только в следующий раз. В среду, например, вы свободны?

— Свободен.

— В шесть я буду ждать вас на этом же месте... Не стану возражать, если вы пригласите меня в ресторан... Это, мне думается, самое удобное место для беседы... Пока — самое удобное.

— Какой ресторан вы предпочитаете — в Москве или за городом? — поинтересовался я.

— Мне все равно,— беззаботно ответила Алла.

С деньгами у меня было негусто, несмотря... на банковский счет на Западе. Пришлось идти к Григоренко и объяснять положение.

— Это не проблема! — сказал Петр Григорьевич.— Вот вам сто... Но в дальнейшем, если вы согласитесь работать на «Свободе» и вообще будете с Аллой в контакте, деньги у вас будут. Правда, платить будет она, а не я...

В среду, как мы и условились с Натансон, я подъехал к назначенному месту, предварительно заказав столик в загородном ресторане на станции Михайловская. Там было не очень многолюдно, по отзыву гурманов, он славился хорошей кухней, а мне, разумеется, не хотелось ударить «в грязь лицом» перед иностранкой...

— Простите, но в этот ресторан я не поеду... — сказала Алла.

— Я заказал столик...

— Все равно не поеду...

— Может быть, в «Баку»?

— Нет, не надо ресторанов. Поедем в одно место (Алла достала из сумочки ключи и позвенела ими у меня перед носом). Ваша подруга Люда Алексеева позаботилась о нас. Ловите такси...

Алла назвала шоферу одну из улиц нового района и попросила его остановить машину около универмага. Мы долго шли молча. Моя спутница мило улыбалась и внимательно глядела по сторонам. Несколько раз она останавливалась, словно для того, чтобы определить наше местоположение, оглядывалась назад...

— И скоро голодные путники найдут гостеприимный кров? — не выдержал я.

— Потерпите, друг мой. Здесь совсем недалеко.

Недалеко продолжалось еще с километр. Наконец мы поднялись на пятый этаж высотного дома. Отдельная двухкомнатная квартирка. Уютная. В столовой накрыт стол на двоих. Виски, водка, сухое вино, семга, севрюга, икра и прочие атрибуты для ужина. Полуоткрытая дверь второй комнаты давала возможность узреть половину широченной кровати... Алла сразу же взяла на себя роль хозяйки.

— Раздевайтесь, Александр Александрович. Чувствуйте себя, как дома. Можете снять пиджак.

— Спасибо, мне не жарко.

Мы сели за стол. Поначалу беседа не клеилась. Потом через несколько рюмок отчуждение прошло. Алла буквально забросала меня вопросами: «В каких колониях был? Кто сидит? Фамилии начальников? Кто из сотрудников КГБ вел следствие?» Но особенно ее интересовал, как ни странно, период более чем тридцатилетней давности, когда я работал в печати...

— Напишите нам о журналистских и партийных работниках того периода. Ведь вы встречались с очень интересными людьми. Что вы думаете о них? О их работе в прошлом, характере...

Я молчал. Я не мог не молчать, понимая, чего от меня хотят...

— Мы вам очень хорошо будем платить. Я уж не говорю о том, что все ваши литературные работы будут широко опубликованы и популяризированы на Западе. О работе на радиостанции «Свобода» вам уже говорили?

Нет, не получалось у нас беседы с Аллой — Эйлин Натансон. Она, видимо, почувствовав, что я не очень иду на крючок, прибавила страсти к своему монологу.

— Александр Александрович, мы хорошо знаем вас, ибо интересовались вашим прошлым. Наши цели совпадают, ибо эта цель — святая борьба против советской системы, которая не устраивает и вас. Соглашайтесь на сотрудничество с нами, и мы пойдем рука об руку до самого конца...

До конца мне идти не хотелось, а захотелось домой... Мы попрощались, условившись встретиться через десять дней. Алла осталась на квартире. Решила не уходить вместе со мной.

Через десять дней мы встретились с Натансон еще раз. Теперь уже у метро «Маяковская». Снова вопросы о людях, с которыми работал, о советских писателях, с которыми встречался, о «диссидентах»... Опять звала на «Свободу»...

— Нет, вам в этой стране делать нечего... Только к нам! Только к нам!

— К вам в Америку или на радиостанцию «Свобода»? — полушутя-полусерьезно спросил я.

— Америка и радиостанция «Свобода» — это и есть мы, — отпаривала она. Когда я спросил, не скучает ли она по Америке, — заплакала:

— Скучаю. Очень скучаю. Но вы, пожалуйста, не забывайте, что я — Алла. То есть я — русская. И никакого отношения к американскому посольству не имею... Не подумайте, пожалуйста, что я боюсь. Но так будет лучше. Осторожность никогда не мешает.

Еще через десять дней мы должны были с Аллой пойти в Большой театр на «Лебединое озеро».

— Билеты будут у меня, — пояснила она. — Захватите все свои рукописи, сложив их в коробку из-под конфет. Но в дальнейшем так часто мы встречаться не будем. Это не очень полезно. Держите связь с Григоренко и Алексеевой. Они наши люди. Все через них. В острых критических случаях можете позвонить. Желательно по-английски, конечно, не называя себя. Скажете: «Джон просит». Запишите телефон...

Я записал. Но в театр не пришел, хотя за день до намеченного свидания Тамара Гальперина напомнила мне по телефону: «Не забудьте: завтра у вас Большой театр...»

Почему я не пришел в театр, порвав тем самым связь с Эйлин Натансон? Да просто не захотел быть предателем! И к Григоренко, и к Алексеевой, которые, кстати, уехали за границу и продолжают там бурную антисоветскую и антирусскую деятельность, и ко всем другим «диссидентам» — тоже больше не пошел. По той же причине: не захотел быть предателем... Стыдно признаться, но неоднократные разъяснения сотрудников прокуратуры, органов государственной безопасности, с которыми мне, конечно, приходилось встречаться при арестах своих, о том, что «диссиденты» работают на иностранные разведки, я расценивал как клевету, пропагандистский прием. А на поверку это оказалось правдой. Страшной правдой...

* * *

Так закончилась история знакомства А. Петрова-Агатова с американским вице-консулом Аллой Натансон, которая оставила столько грязных следов от своей грязной работы на Центральное разведывательное управление, сидя под крышей американского посольства в Москве.

Отщепенцы

Зимой на венецианском Лидо делать нечего. Впрочем, как и в самой Венеции... Свинцовые тучи вместе с едким туманом и мелким дождем съедают не только голубизну каналов, но и кружевную ажурность мостов,

повисших над ними. От воды несет гнилью, от насупившихся дворцов замшелой старостью. Сыро, зябко и грустно. В отелях и пансионах полно свободных номеров. Цены на кустарные поделки из знаменитого муранского стекла падают почти до номинала. Без солнечных лучей их фантастические краски тускнеют и уже не побуждают легкомысленно вытаскивать портмоне.

Венецианцы не любят это время года. «Басса стаджоне», — печально говорят они. Первое слово имеет разные значения: «низкий», «мелкий», «тихий» и даже «подлый»... сезон. Говорят так потому, что сокращается число туристов, за счет которых процветают ремесла и торговля, и набегают очередная волна ревматических заболеваний — недуга предков, от которых страдают и старые и малые обитатели «Серениссимы» — «Светлейшей» — так называли Венецию во времена дождей.

А на Лидо и того хуже. Маленький островок, который силы природы растащили за два конца на двенадцать километров, превратив в узенькое лезвие суши на морском мелководье, становится пустынным от людей, как временное местожительство Робинзона Крузо. «Лидо защищает Венецию от Адриатики и помогает ей опустошать карманы туристов». Так утверждают жители «Серениссимы». То ли в шутку, то ли всерьез. А может, и всерьез. На Лидо нет ни каналов, ни мостов, ни дворцов. Но тут регулярно устраивается международный кинофестиваль, проводятся художественные и спортивные выставки, работают фешенебельные пляжи с золотым песком, ночные кафе с представительницами «второй древнейшей», которых в силу их внешней респектабельности не решаются трогать бравые ребята из полиции нравов, и крутится колесо рулетки муниципального казино... Но все это шумит, кружится, сверкает и беснуется в весенне-летне-осенний сезон, когда светит солнце и с моря дует освежающий ветерок. Зимой в промозглую противность сюда редко кто приезжает, хотя круглогодично работает казино. «Басса стаджоне» — сезон бедных или очень экономных туристов, которые не то что на казино, но и на извозчика тратить денег не станут... Традиционные черные пролетки с красными колесами часами стоят у небольшой пристани Лидо в отчаянном ожидании клиентов. Ка-

жется, что и лошади всем своим понурым видом вопиют: «Садись, прокачу».

В один из ненастных февральских дней попали на Лидо и мы. Собственно, на острове делать нам было нечего, потому что приехали по делам в Венецию. Но так уж получилось, что от площади Сан-Марко отходил «диреттиссимо» на Лидо, то бишь прямой пароходик, а это — всего пятнадцать минут ходу. Поездив на грустном извозчике, постояв около дверей работающего, но пустого казино и побродив по забитым сувенирами магазинчикам самой торговой улицы острова, зашли мы в небольшую тратторию перекусить. Уютные столики в белоснежных мантиях скатертей, во всеоружии стекла бокалов и нержавеющей стали приборов были пустыми. Лишь за одним из них сидели трое — две пожилые дамы и еще более пожилой синьор. Кто-то из западных психоаналитиков, кажется Зигмунд Фрейд, которого считают большим специалистом по части всяких сексуальных теорий, утверждал, что если человек входит в пустое кафе, он обязательно сядет в углу спиной к стене, а если увидит одиночного посетителя, то постарается занять место поближе к нему. Такой феномен Фрейд объяснял пещерным атавизмом в психологии современного индивидуума. На заре человечества наши далекие предки в первую очередь старались защитить спину и быть поближе к соплеменнику на случай неожиданной опасности. Не знаем, так ли это, но, войдя в тратторию, не раздумывая выбрали столик неподалеку от начавшей свою трапезу троицы и сели на стулья, которые стояли у стены...

И тут нас ждал сюрприз. Наши случайные соседи говорили без всякого акцента на чистейшем российском языке.

— И все-таки удивительно глупо сравнивать Венецию с Петербургом, не правда ли, Мишель?

— Петербург с Венецией, хочешь ты сказать, дорогая. Не знаю, право. Туман от Невы имел другой аромат, да и вообще тогда мы воспринимали все по-другому: и туман, и архитектурные красоты, и нас самих. Будь так любезна, Анна, положи мне еще салату.

— Да, Петербург, Петербург, золотая пора. Помнишь, Любочка, как мы мечтали попасть на бал к Кшессинской? Интересно, что стало с ее дворцом?

— Кто-то из наших побывал в Петербурге туристом и говорил, что «товарищи» превратили дворец в милицкий участок...

— Не говори так громко, Аня, эти синьоры, как мне кажется, прислушиваются к нашему разговору.

Нам показалось, что сохранять инкогнито неудобно.

— Простите, пожалуйста,— сказал один из нас,— мы не прислушиваемся, а даже понимаем, о чем вы говорите. Видимо, мы соотечественники?

Пожилой господин перестал жевать и подозрительно посмотрел на нас.

— С кем имею честь?

— Мы советские журналисты.

Гладковыбритые щеки господина стали наливаться синевой.

— Мы не соотечественники, милостивые государи! Мы — враги-с! Да, да, враги-с! Думаете, что если вы вышвырнули нас из России, то мы не вернемся? Не мы, так наши дети или наши внуки, но вернемся и покажем вам, краснопузым...

Из рта господина начали вылетать ошметки салата. Нам стало противно. Спорить с ним не имело смысла. Мы встали из-за стола, извинились перед официантом и пошли к выходу. А он продолжал хрипло орать нам вслед: «Не мы, так наши внуки! Запомните это! Вы еще услышите об НТС!»

Об НТС — Народно-трудовом союзе, возникшем из остатков белой армии, находившемся ранее в услужении фашистских разведок, ныне — у натовских секретных служб, — тоже слышать приходилось. И не только слышать, но и беседовать с некоторыми из представителей этой организации: «отцами», «детьми» и даже «внуками». По-разному оказывались эти «представители» в Советском Союзе. Одни приходили открыто, рассказавшиеся и готовые понести наказание за преступления против Родины, другие — тайно, нелегально, еще пытавшиеся пакостить и вредить на советской земле...

Евгения Ивановича Дивнича, с которым довелось встречаться, называли патриархом энтээсовцев. И это не случайно. Отец — офицер царской армии. Погиб на фронте в первую мировую войну. 1920 год. Дивнич вместе с семьей эмигрировал в Югославию, где кончил кадетский корпус. В студенческие годы одним из первых принял участие в создании Народно-трудового

союза нового поколения (НТСНП), впоследствии переименованного в НТС. С 1934 по 1940 год был председателем НТСНП. В марте 1940-го формально отошел от организации. Формально, ибо был не согласен с практическими методами борьбы с Советской властью, хотя и оставался ее злейшим врагом... После освобождения Югославии от гитлеровской оккупации был арестован и осужден советским судом. С тех пор и до конца своих дней Е. И. Дивнич жил в Советском Союзе, а более точно — в городе Иваново, где и умер в ноябре 1966 года.

Незадолго до своей кончины он говорил: «Некоторые считают меня, что я симпатизирую большевикам. Утверждать подобное не только неверно, но и нечестно. Ни годы изоляции, ни риск расстрела не сломили меня. Не только я, но и те, кто шел рядом со мной и знает мою подпольную работу, поведение на следствии и перед трибуналом, могут лишь возмутиться столь нелепым обвинением в мой адрес. Я просто не вправе скрывать то, в чем пора объясниться. Этого требует правда. Этого требует мой долг перед теми, кто ушел «туда» в угоду наших утопий и безрассудно погиб. И вообще настало время протереть губкой наши отношения. Уроки жизни многое изменили. Немало произошло и перемен. Накопились и коренные расхождения между нами. Я целиком включился теперь в жизнь своего народа».

Евгений Иванович недаром выбыл из НТС накануне войны. И отнюдь не по формальным соображениям... «Итак, во имя правды мы отдались борьбе,— отмечал он.— Но как далеки были наши представления от тех сюрпризов, которые ждали нас в дальнейшем. Тогда Советский Союз представлялся нам как «терра инкогнита». Мы мечтали разгадать, что творится за запертой от нас заветной границей. Интересовала не только экономическая сторона вопроса, а тот психологический процесс, который происходил в душе русского народа».

Экономические и психологические процессы, происходившие в Советском Союзе, интересовали не только энтэсовцев. Большой интерес к ним стали проявлять тайные службы. Сначала панской Польши, затем Японии, потом фашистской Германии... Началась

вторая мировая война. Е. И. Дивнич так реагирует на этот период: «Мы узнавали о героизме советских людей, мы были немymi свидетелями зверств немцев над ними, бессильные им помочь. Мы видели умиравших от голода пленных и наблюдали обезьяньи издевательства гитлеровцев над перемещенными. И от этого меня не покидало сознание собственной проституированности. Как больно и бесконечно стыдно было нам, русским людям по ту сторону фронта от русского народа, смотреть в глаза мобилизованным рабочим, пленным и голодающим соотечественникам, стыдно от сознания того, что мы находились на привилегированном положении у их палачей. Кусок хлеба застревал в горле при мысли об этом. Они, эти люди, единственные в мире, дерутся с нечеловеческим напряжением за свободу Европы и человечества под стенами Сталинграда, другие — мужественно переносят голод и холод в осажденном Ленинграде, третьи томятся в невыносимых условиях фашистских застенков, а ты, точно посторонний, пользуешься преимуществами, данными тебе врагом. А ведь совесть не молчала. Она нашептывала: «Беги! Твое место не тут. Ты русский, ты должен быть или на фронте, или среди партизан, или за колючей проволокой концлагерей, но только не в гнусной позе умывающего руки Пилата».

Скажем прямо: совесть пробудилась не у многих. Большинство «отцов» и «детей» российской эмиграции стало активно сотрудничать с гитлеровцами. Если первоначально они оправдывали свою позицию тем, что немцы, мол-де, идут «освободить» Россию от большевиков, а некоторые всерьез верили в то, что, въехав на немецкой спине в Советский Союз, сумеют восстановить «Россию без Советской власти», то последующий ход событий начисто опрокинул все эти «лозунги» и «концепции». Действительно, достаточно было заглянуть в «Майн кампф», чтобы убедиться в том, что гитлеровские солдаты полезли в Советский Союз отнюдь не для того, чтобы сражаться за интересы русской реакции. Кое-кто из ее лидеров проповедовал первоначально теорию «второго Брест-Литовска»: мол-де, советский народ или воткнет штыки в землю, или повернет оружие, как в прошлую войну, но уже против большевиков. Но и здесь энтээсовских «теоретиков» ждал очевидный провал. Совсем иной была природа

начавшейся войны. Недаром ее сразу же называли «войной народной, отечественной войной».

«И когда этот героический, измученный невиданной бойней народ,— писал Е. И. Дивнич,— ограбленный врагом, на пепелище родного дома торжествовал заслуженную победу и каждый советский человек мог с любовью и радостью честно посмотреть другому в глаза с благородным сознанием выполненного долга, эмигранты, в том числе и члены НТС, в роли преступников водворялись в лагеря или шли уныло, понуря голову, в обозах разгромленных героическими борцами России остатков враждебных ей армий. Вот когда во всю ширь сказался позор нашего откола от народа. Утомленный народ ликовал вовсю. По всей стране красовались плакаты: «Слава народу-победителю!» А мы? Мы оплакивали собственное ничтожество, с унижительным чувством пасынков победы!..»

Впрочем, плакать энтэсовцам разных мастей и поколений пришлось совсем недолго. Предатели во все эпохи находили спрос, как тот залежалый и, как правило, дурно пахнущий товар, который покупают для особых целей.

Когда началась Великая Отечественная война, Виктору Астемирову исполнилось двадцать лет. Воевал. Попал в плен к гитлеровцам. Сменил несколько концлагерей. Все делал для того, чтобы как-нибудь выжить. Выжил. Из плена освободили американцы. Можно было бы вернуться на родину. Но побоялся. Американская военная администрация упорно распространяла слухи о том, что тех, кто сдался в плен, ждет Сибирь... В американской зоне оккупации было несладко. Жил впроголодь, без крыши над головой, без языка. Когда появились вербовщики из НТС, ухватился за них, как утопающий хватается за соломинку. Так началась карьера энтэсовца «нового поколения», которое комплектовалось в основном из предателей Родины.

Не сразу пришел Виктор Астемиров к прозрению. Понадобились долгие годы тесного сотрудничества с «вождями» НТС, чтобы понять их истинное лицо, лицо циников, продажных, разложившихся людей, обманывающих рядовых энтэсовцев и полностью находящихся на содержании натовских секретных служб. Итог тяжелого и драматического в своей сущности пути Астемирова — разочарование в энтэсовских иде-

ях, полный разрыв с главарями этой организации и, как естественное следствие, возвращение на Родину.

С этим человеком нам тоже довелось встретиться несколько раз. «За время пребывания в НТС,— сказал В. Астемиров в одной из бесед,— мне волею обстоятельств довелось хорошо познать закулисную жизнь и практическую деятельность НТС. Руководители этой организации утверждают, что она является независимым политическим формированием, имеющим свою «оригинальную» программу. Все это ложь. За годы, проведенные в НТС, я смог воочию убедиться, что у Народно-трудового союза нет ни своих идей, ни свободы действий, ни тем более материальных средств для содержания аппарата и проведения дорогостоящих антисоветских акций. НТС целиком и полностью зависит от американской и других секретных служб НАТО, которые финансируют, направляют и контролируют всю его деятельность, подчас от начала до конца липовую. Везде и всюду энтээсовские главари распространяют версию о том, что организация существует за счет значительных доходов, которые поступают от издательства «Посев». Все это явное вранье. «Посев» никогда, с первого дня рождения по сей день, не приносил доходов. Более того, издательство всегда было убыточным. Только 20 процентов расходов «Посева» погашаются за счет реализации «продукции», а остальные 80 процентов поступают в долларах из специальных фондов ЦРУ. Об этом, кстати, открыто говорил на закрытых совещаниях энтээсовцев один из главарей союза, ныне покойный Гаранин.

...Миф о «революционности» НТС и его самостоятельности также довольно быстро развеялся в моих глазах, как только я приступил к практической работе. Мне довелось быть очевидцем полного морального разложения энтээсовских вождей...

Работая в НТС, В. Астемиров имел возможность знакомиться с личной жизнью и поведением главарей этой организации. Вот почему его убеждение в том, что все они являются платными агентами империалистических разведок и готовы служить кому угодно и продать кого угодно, основывается не на эмоциях, а на конкретных фактах, которые, как утверждают англичане, весьма упрямая вещь. Мы попросили Виктора Астемирова поделиться с советскими читателями

известными ему фактами о жизни и деятельности энтэзсовских главарей.

«Начнем хотя бы с Поремского,— начал свой рассказ В. Астемиров.— Владимиру Дмитриевичу уже под семьдесят. Его родители оказались в Париже, как он сам утверждал, «при сомнительных обстоятельствах». По окончании учебного заведения он работал клерком в парижской уголовной полиции. Однако это не мешало ему находиться в самой тесной связи с бывшим руководителем французских фашистов де ля Рокком. Вот тогда-то Поремский и стал известен гестапо. Гитлеровцы оккупировали Францию. Поремский из Франции направляется в Берлин в распоряжение управления имперской безопасности, а последнее переадресовывает его в ведомство Геббельса. Длительное время Поремский — комендант в школах немецких пропагандистов Циттенгорста и Вустрау и «основной» преподаватель по так называемому «еврейскому вопросу». Здесь он разъяснял будущим «пропагандистам» фашистскую расовую теорию и доказывал необходимость полного уничтожения еврейской нации. Незадолго до капитуляции фашистской Германии Поремский бежал к англичанам. Вначале он был арестован и посажен в лагерь как военный преступник. Однако вскоре англичане освободили его, поручив сколотить ядро НТС. Поремский был полностью в курсе всей шпионской и провокационной деятельности НТС против СССР и его представителей за границей. Был. Потому что сейчас его акции в Народно-трудовом союзе весьма упали. Кончился порох у старого энтэзовца. В семейной жизни, как и в вопросах морали, бывший «вождь» не отличался щепетильностью: кутил, блудил, сожительствовал даже с женой «идеолога» НТС Артемова...»

Позволь, читатель, представить теперь Романова (он же Островский) Евгения Романовича. Ему за шестьдесят. Ходит в ранге председателя исполнительного бюро НТС.

До нападения гитлеровцев на Советский Союз Романов проживал в городе Днепропетровске. За изнасилование мальчика должен был предстать перед советским судом. Но избежал наказания в связи с приходом в город немецко-фашистских оккупантов. Романов тотчас же предложил им свои услуги. Его назначили редактором фашистской газеты, которая начала выходить в

Днепропетровске. Романов пришелся по душе гитлеровцам. Беспринципен и исполнительен. По заданию немецкой контрразведки он открыл книжный магазин, где гестаповцы встречались со своей агентурой. Романов доносил гитлеровцам на честных советских граждан и выдавал евреев, укрывавшихся от массовых расстрелов. В 1943 году немцы были выбиты из Днепропетровска. Романов попадает в Берлин, где получает место ответственного секретаря редакции газеты «Новое слово». Его сотрудничество с гестапо продолжается. По доносам Романова несколько сотрудников газеты были арестованы за «пораженческие настроения».

В первые послевоенные годы Романов становится одним из организаторов так называемой «оперативной» деятельности НТС. Контакты с американцами поддерживал в основном Романов. Через него уже осуществлялось и финансирование НТС американской разведкой. Надо сказать, что тесное сотрудничество Романова с американской тайной службой началось давно. Кстати, именно американские разведчики неоднократно спасали своего подопечного от западногерманских властей, которые привлекали его к ответственности «за нарушение нравственности». Мы уже говорили, что Романов — гомосексуалист. Эта ненормальность в психике Романова особенно развилась, когда он оказался на Западе и почувствовал свою безнаказанность. Нахождение Романова на свободе, прямо скажем, опасно для окружающих. Если ко всему тому, что было сказано, добавить пристрастие Романова к посещению им ночных ресторанов, кабаре и других увеселительных заведений и игорных домов (он заядлый игрок в рулетку, причем игру ведет на крупные суммы, благо для этого располагает неограниченными средствами), то перед нами будет законченный портрет еще одного «вождя» НТС.

Следующий на очереди Околович Георгий Сергеевич. Это старый агент разведок Англии и панской Польши. В тридцатых годах засылался на советскую территорию со шпионскими заданиями. В годы второй мировой войны перешел на службу в гестапо. После нападения фашистов на Советский Союз был направлен гитлеровцами на оккупированную территорию. Являлся резидентом гестапо и руководителем группы провокаторов-подрывников в Смоленске, Витебске, Орше, Мин-

ске, Борисове, Бобруйске. Выступал под разными фамилиями. Чтобы прикрыть провокаторскую деятельность Околовича, гитлеровцы назначили его начальником одного из отделов городской управы Смоленска.

В 1943 году немцы расформировали контрразведывательный орган «Зондерштаб-Р», в котором Околович занимал пост резидента. Но он не остался без «работы». Гитлеровцы назначили его начальником политического отдела вновь созданного разведывательного и контрразведывательного органа «Ингвар», в задачу которого входила борьба против партизанского движения на территории Белоруссии и выявление евреев, которым удалось избежать физического уничтожения во время массовых расстрелов. Околович неоднократно принимал участие в карательных операциях против мирного населения. После окончания войны он, как и многие из тех которые работали на гитлеровцев, сменил хозяев. Околович становится агентом английской и американской разведок.

Рар Лев Александрович до войны проживал в Риге. Во время немецкой оккупации Латвии сотрудничал с гитлеровцами. В конце войны бежал в Германию и был направлен немецкими властями на работу в секретариат так называемого «власовского комитета». Об этом периоде своей жизни Рар рассказывать не любит. После капитуляции гитлеровской Германии оказался в городе Фюссене. Затем перебрался в Англию, где долгое время работал на радиостанции Би-би-си и возглавлял местный отдел НТС. Рар — кадровый агент английской разведки, чего в общем-то не особенно скрывает. Часто выступает в роли такого «дипломата-профессионала», «специалиста» по созданию различных «антикоммунистических блоков», объединений, коалиций, организаций и проведению конгрессов, конференций и митингов. Вся эта мышьяная возня и игра в «блоки», «конгрессы» и т. д. нужна главарям НТС для того, чтобы пустить пыль в глаза своим хозяевам — американцам и англичанам — и выколлотить из них побольше денег. Рар имеет семью. Однако для «укрепления авторитета» в массах долгое время сожительствовал с активисткой НТС Ширинкиной, тем более, что у них совпадали и деловые интересы. Ширинкина, как утверждал Рар, также связана с английской разведкой. Через нее англичане по-

лучали агентурные сведения на Романова, Крушеля и других руководителей «закрытого сектора» НТС.

Сверстник Рара — энтээсовец Редлих Роман Николаевич, немец по происхождению, фашист по убеждению. В прошлом кадровый разведчик гитлеровской тайной службы. В начале войны работал в так называемом «восточном министерстве» старшим преподавателем в школах германских агентов в Цитенхорсте и Вустрау. Впоследствии, как он сам хвастался, якобы являлся руководителем шпионско-диверсионной школы, которая готовила шпионов и диверсантов для засылки в тыл Советской Армии, а также для борьбы с партизанским движением. Неоднократно выезжал на оккупированную фашистскими войсками территорию различных стран Европы. Одно время служил в дивизии «СС» и принимал активное участие в истреблении мирных граждан. После войны оказался в Западной Германии и переметнулся к американцам. Впоследствии завербовался также в разведку Гелена. Среди верхушки НТС слывет опытным «оперативником». В системе «закрытого сектора», то есть внутренней энтээсовской контрразведки, занимал видное положение. Когда отсутствовал во Франкфурте-на-Майне Околович, он решал все вопросы контрразведывательного характера. В личном плане Редлих любит веселую жизнь. Систематические попойки и посещение ночных увеселительных заведений — привычное явление. Благо на эти вещи ему не приходится тратить свои собственные деньги, поскольку хватает американских, отпускаемых на «оперативную» работу.

Следующий энтээсовский тип предстает под двумя фамилиями: Артемов, или Зайцев. Настоящая фамилия его все же Зайцев. Александру Николаевичу под семьдесят. Если не врал, он родился в Рязанской области. До войны якобы учился в аспирантуре Московского института микробиологии. Летом 1941 года был призван в Советскую Армию и направлен на фронт. Там перебежал к немцам. Гитлеровцы направили его в так называемую школу «восточного министерства». Окончив ее, он стал работать преподавателем в другой школе, где обучались фашистские агенты-пропагандисты. Позже гестапо ввело его в состав так называемого «власовского комитета». Можно полагать, что и в НТС Артемов вступил в 1942 году не без ведома гестапо. Надо же

было негласно присматривать за Околовичем, Поремским и другими энтээсовскими главарями, которые в свое время состояли на службе у английской, польской и других разведок, о чем гестапо знало из надежных источников. Не без основания ходили разговоры о том, что гестапо арестовало некоторых главарей в самом конце войны по доносу Артемова. После разгрома гитлеровской Германии Артемов вновь активизирует свою деятельность в НТС и, как ни странно, становится его «идеологом», ибо в теоретических и идеологических вопросах он полнейший профан. Его «теоретические» выкрутасы довели идеологию НТС до таких «вершин», что даже самые «посвященные» не могут разобраться, где начало и где конец, где вопрос и где ответ, где вход и где же, наконец, выход! На одном из закрытых собраний руководящих членов НТС его обвинили, и в первую очередь Поремский, в том, что он, Артемов, уж слишком любит глубокое и мягкое кресло и что в таком положении не все логические выводы делает головой. Он близко сошелся с Романовым. Поговаривали, что «дружба» их покоится на гомосексуальной основе. Так ли это, мы утверждать не беремся, однако факт «неразлучности», совместного проживания в одной квартире и ряд других деталей заставляет думать, что эти разговоры имеют под собой почву. Артемов не только составляет «идеологические брошюрки», но и активно участвует в комбинациях по надувательству американцев. Этим он способствует, как ни странно, получению от них добавочных денежных субсидий. Дело заключается в следующем. Каждое письмо, якобы получаемое из Советского Союза, НТС расценивает на «вес золота». Такими письмами они стараются убедить американцев о наличии «своих людей в тылу врага»...

Как может заметить читатель, в «моральном» облике главарей НТС, о некоторых из которых рассказал В. Астемиров, имеется весьма много сходных черт. Эта, так сказать, общность проявляется и в том, что все они работают на несколько разведок сразу, всем им свойственны карьеризм, обман, пьянство, разврат, попрание элементарных человеческих норм. Все они подхалимничают перед хозяевами из натовских разведок, стремятся на костях ближних своих построить собственное благополучие. Наконец, общее для них — отсутствие каких-либо идей, которыми они могли бы

оправдать свое грязное существование и гнусную, беспринципную деятельность. Их пугает разрядка международной напряженности, они ищут любую лазейку для того, чтобы их, не дай бог, не перестали использовать в качестве «передовых» шавок в антисоветской кампании и особенно в той шумихе о «правах человека», которая всеми силами подогревается теперь на Западе.

Журнал «Посев» — «теоретическое» издание НТС — выступил не так давно с «программной» статьей, в которой подробно излагает «соображения» о том, как использовать Хельсинкские соглашения для борьбы с Советским Союзом. «Советский Союз придает Соглашению большое значение,— пишет журнал.— Этим-то и надо воспользоваться. Соглашение открывает возможность целого ряда больших и малых действий как государствам, так — и это чрезвычайно важно — негосударственным образованиям, группам и даже частным лицам». Далее журнал перечисляет целый ряд пунктов Заключительного акта, которые могут быть использованы для идеологических диверсий. Среди них: улучшение условий для обмена печатными изданиями, развитие контактов среди молодежи, посылка наблюдателей на военные маневры, многоразовые визы для иностранных корреспондентов и т. д. «Все эти пункты,— делает вывод «Посев»,— открытая дверь для широкого идеологического наступления Запада на коммунистический блок».

Вот так представляют себе реализацию положений Заключительного акта антисоветчики, окопавшиеся в НТС. Не только представляют, но и осуществляют враждебные акции, которые находятся в вопиющем противоречии с принципами, провозглашенными в Хельсинки, и, как правило, подпадают под вполне определенные статьи нашего Уголовного кодекса...

У главного здания Ленинградского университета некий лохматый индивид начал разбрасывать листовки. Студенты — народ грамотный. Прочитав, что написано в листовках, они сразу же задержали лохматого человека, препроводили его в здание университета и вызвали милицию. Задержанный оказался бельгийским подданным со средним образованием Антуаном Пипе. Поскольку прокламации, составленные от имени «Фламандского комитета солидарности с Восточ-

ной Европой» и НТС, содержали злобные антисоветские измышления и призывы к свержению в Советском Союзе существующего государственного и общественного строя. Антуана Пипе привлекли к уголовной ответственности. Состоялся суд. Энтээсовский эмиссар получил по заслугам. В общем-то банальная история, похожая, как две капли воды, на некоторые авантюры неудачливых эмиссаров НТС, о которых уже писали наши газеты. Впрочем, у энтээсовских главарей на большее фантазии явно не хватает. Почерк один и тот же. Да и результаты те же... В данном случае хотелось бы поговорить о другом. О минимальной порядочности. Нет, не энтээсовских «вождей». С ними все ясно. А вот разных лохматых молодых людей и девиц, видимо, быстро, даже слишком быстро забывающих о том снисхождении, которое было проявлено к ним советскими властями...

За примерами далеко не ходить. В сентябре 1976 года за распространение антисоветских листовок был задержан французский гражданин Жан-Кристиан Тира, приехавший к нам в страну под видом туриста на деньги и по заданию НТС. В ходе следствия он полностью признал свою вину перед Советским Союзом, осудил свои заблуждения, написал покаянное письмо в Президиум Верховного Совета СССР и, наконец, выступил по телевидению перед миллионной аудиторией с интервью, где говорил о своих ошибках, о вине перед советским народом и желании крепить советско-французскую дружбу... Советские власти, учитывая раскаяние Ж.-К. Тира, сочли возможным его освободить. И что же? Не успел Ж.-К. Тира спуститься с трапа самолета, как французская печать заявила, что он, мол-де, опровергает все свои заявления, сделанные в Советском Союзе. А журнал «Посев» тут же опубликовал якобы заранее заготовленное перед поездкой в нашу страну письмо Ж.-К. Тира, где он писал: «Сейчас я еду в Советский Союз открыто распространять листовки...»

Впрочем, чего можно ожидать от энтээсовских «фюреров»? Измельчали «фюреры», измельчала и агентура, которую засылают в Советский Союз со «специальным» заданием. Те агенты, что приезжают «тайно» для распространения антисоветской литературы, для поисков кандидатов на вербовку очень скоро оказываются изолированными, те же, которых за-

сылают для «открытых акций», не успевают даже бросить листовки — их хватают за руку советские люди и сдают в ближайшее отделение милиции...

Что же, проходит время, меняется мир, у людей на многие вещи открываются глаза. Только у энтээсовских деятелей время остановилось. Впрочем, нет. Там, в этой махровой антисоветской организации, тоже изменилось поколение. На смену «антисоветскому романтизму» пришел подленький прагматизм. Лишь бы выжить, лишь бы не потерять иудины тридцать сребренников, которые пока переводят из-за океана. Пока...

«Русский я, люблю я ушедшую Русь. Мне дорог свет лампы перед кiotом и мил запах ладана. Меня умиляют родные до боли картины Левитана. Я горд Куликовым полем и победой у Бородина. Я люблю все, что составляло жизнь моей страны, люблю ее как свою юность, всегда дорогую и волнующую. Но что мертво, должно быть похоронено и должно уступить дорогу новым всходам... Я не лщу себя надеждой, будто мои слова изменят психологию упершихся рогами в тупик людей. Не так просто излечиться от заскорузлости убеждений. Но неужели каждый, каждый смертный должен лично ожечь руку на огне, чтобы убедиться в егожигающем свойстве?! Рано или поздно, но постепенно на этот путь встанет всякий в душе русский, кто не прет упрямо лбом в стену. Меня кое-кто называет ренегатом... Но тогда объявите ренегатом Коперника и Галилея за то, что они посмели усомниться, будто земля покоится на трех китах... Так прости же меня, Советская власть! Долго я пакостил из-за угла. Но пойми, ей-богу, я делал это без злого умысла. Я безумно люблю Россию, и мне так тяжело быть отщепенцем. Пусти же меня к Родине, и я пойду за тобой и отдам все сохранившиеся во мне силы!»

Так писал в своих мемуарах, которые не успел закончить, Е. И. Дивнич. Он был «романтиком» и мог с полным правом сказать, что не в силе бог, а в правде... Представитель «молодого» поколения энтээсовцев В. Астемиров не был романтиком, но он остался русским человеком и нашел в себе силы, чтобы порвать с прошлым и заслужить звание советского человека. Это очень высокое звание. Его нельзя терять, ибо потом очень трудно бывает вернуть то, что потеряно.

«Не в силе бог, а в правде!» Так говорил Александр Невский, отправляясь бить германских псов-рыцарей.

Спустя почти шесть веков это изречение присвоил себе в качестве эпиграфа махровый антисоветский журнал «Посев». Этот грязный листок издает НТС. Верх лицемерия: организация, известная тем, что в годы второй мировой войны тесно сотрудничала с гитлеровцами, организация, которая давно и неустанно ведет подрывную работу против нашей Родины и других социалистических стран, использовала для своего издания лозунг, с которым русские люди шли сражаться за свое Отечество.

Они отличаются друг от друга возрастом, цветом волос и глаз, отпечатками пальцев, разумеется, особенностями характеров и привычек. Их объединяет одно — ненависть к советскому народу, перед которым большинство виновно в тех или иных преступлениях. Кормит, поит, одевает и заставляет трудиться на ниве антикоммунизма и антисоветизма всю эту разношерстную братию Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки. Мы не можем с точностью сказать, имеются или не имеются другие «альтруисты», которых интересуют дела и души сотрудников издательства, а также так называемого общественно-политического журнала «Посев» и «литературно-публицистического журнала» «Грани». В западной печати, правда, проскальзывали сообщения о том, что антисоветчиками занималось в свое время западногерманское ведомство с длинным названием в одно слово — «Бундеснахрихтендинст» и английское ведомство с таким же длинным названием, но в три слова — «Сикрет интеллидженс сервис», что звучит в переводе с немецкого и английского одинаково откровенно — разведка. Западногерманская и английская тайные службы, конечно, не так богаты, как их американский коллега по плащу и кинжалу, но антисоветчики из Франкфурта-на-Майне — существа без претензий, они и подешевле могут брать за свои услуги, исходя из принципа, открытого еще римским императором Веспасианом, который, совместив такие, каза-

лось бы, далекие понятия, как клозеты и налоги, смог с полным основанием сказать, что деньги есть деньги и они к тому же не пахнут... А «услуги» эти состоят не только в сочинении клеветнических статей для журналов, в издании брошюры «Вольное слово», где печатаются, согласно рекламе, «шедевры» на русском и немецком языках. Господ издателей, журналистов и прочих используют и на ролях платных агентов, провокаторов, вербовщиков и даже преподавателей в отнюдь не богоугодных заведениях, где некоторые из «русских специалистов» читают специальные курсы лекций для будущих профессиональных разведчиков.

И, наконец, последнее. И издательство «Посев», и упоминавшиеся нами журналы созданы на базе Народно-трудового союза, или НТС, как для краткости называют эту махровую антисоветскую организацию на Западе.

Не так уж много попадает в сети НТС «заблудших овец». Энтээсовские «старики» или спиваются, или уходят в мир иной. «Молодежь» — та больше тяготеет к преступному бизнесу или к более солидным и богатым «хозяевам» из натовских секретных служб. «Кадровый вопрос» был одним из основных на проходившем не так уж давно во Франкфурте-на-Майне расширенном совещании сотрудников, авторов и «друзей» издательства «Посев» и журналов «Посев» и «Грани». «Зал, где происходило совещание, — бодро сообщал журнал «Посев», — как всегда, был украшен русским трехцветным флагом и флагом ФРГ (без реверансов не обойдешься, не у себя дома...). За столом президиума находились: ответственный издатель «Посева» Горачек, докладчики — Авторханов, Редлих, Поремский и главный редактор журнала «Посев» Трушнович. В зале руководители НТС: Артемов, Романов и другие; редактор журнала «Грани» Тарасова... Среди гостей — отец Киселев, Галич... Открывая совещание, Горачек напомнил собравшимся, что «первое посевское совещание происходило в 1948 году в Линбурге-на-Лане и что в зале уже мало тех, кто участвовал в нем... Мы всегда ставили перед собой только главные задачи: нахождение путей борьбы за освобождение России и привлечение к этой борьбе свежих сил. Это нелегко...»

Чувствуете, на какой минор переходит «Посев».

«В заключение,— продолжает «Посев»,— хотелось бы отметить тех, кто вложил много сил, времени и нервов в долгую и нелегкую подготовку совещания... Следует сказать прямо — при наших финансовых возможностях без этой помощи мы вряд ли решились вообще устраивать совещание».

Насчет «финансовых возможностей» — это уже намек ЦРУ и другим явным и тайным покровителям антисоветчиков на дополнительные ассигнования. Плохо идут дела у энтэзсовцев. Журналы не находят читателей, курьеры и агенты, засылаемые в Советский Союз, проваливаются, едва успев пересечь границу... А ведь доллары так же, как западногерманские марки, английские фунты, которые «не пахнут», за здорово живешь не платят. Нужна «работа». А работать становится все труднее.

Кто поверит, например, журналу «Посев», если на его страницах регулярно выступает уголовник Александр Удодов... Родился в 1946 году в Минске. Образование среднее. Работал санитаром городской станции «Скорой помощи». Слушал антисоветские радиопередачи. Решил начать печатать враждебные своему народу листовки. Поделится соображениями с одним из одноклассников — Юрой Крикленко, а затем, испугавшись разоблачения, убил его. Потом суд, длительное пребывание в тюрьме. Выйдя на свободу, Удодов решил податься в Израиль. Никто его не задерживал, и в феврале 1975 года бывший уголовник направил свои стопы к «земле обетованной». Он добрался до Вены, но в Тель-Авив не попал и оказался в конце концов в Вечном городе. Нет, совсем не потому, что все дороги ведут в Рим...

В одном из писем своему бывшему другу Удодов сообщает: «Как там бедняга Олег? Не советую ему ехать в Израиль, там таких, как он, встречают, как это ни странно, очень плохо... Люди обычно едут из Израиля как туристы и остаются в Риме. Надеюсь дожждаться здесь кого-нибудь из друзей, у которых хватит ума не ехать в Израиль».

Но в Вечном городе Удодову тоже не понравилось. Вот что писал он своей приятельнице, благодаря которой у нас оказалась фотокопия его послания: «Пособие мое 100 000 лир в месяц — это 100 рублей. 50 плачу за комнату (квартира на Западе стоит 150—200 рублей в

месяц), 10 идет на почту, 10 идет на транспорт, на 30 я живу... А вообще на Западе хорошего мало. Основное население превращено в идиотов буржуазно-сионистской пропагандой. Людей, любящих и знающих свою родину (каждый — свою родину), почти не осталось... Кроме таких людей, как я, кому уже нечего терять, или просто спекулянтов — на Западе русскому делать нечего. ...Никакой свободы на Западе нет, просто конкурентов они убивают капиталом, газетной ложью, умолчанием, лишением работы и т. д. Вся говорильня о свободе — наглейшая ложь... Словом, знайте, что Запад — злейший враг России и русского народа. Правда, капиталисты, управляющие Западом, затыкают рот обывателю шматком сала, чтобы он не рыпался...»

Вы помните, Удодов, это свое послание, адресованное приятельнице и написанное на бумаге со штампом «Читта дель Витикано», то бишь «город Ватикан»? Мы воспроизвели на всякий случай одну страничку этого письма. Может быть, его перепечатает журнал «Посев», где вы так усердно пописываете статейки об «узниках Гулага», о всяких «преимуществах западного образа жизни» и так далее?

Вообще у «рыцарей пера», подвизающихся в «Посеве», «Гранях» и прочих антисоветских изданиях, весьма парадоксальные биографии... «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его...» Так называлась статья в «Посеве», подписанная А. Левитиным-Красновым. «Ваше Святейшество,— пишет он, обращаясь к ныне покойному папе Павлу VI.— Я отнюдь не принадлежу к сторонникам капитализма, я сторонник обновления не только церкви, но и этого мира, холодного, эгоистичного и корыстного. Из мира должны уйти власть денег, социальная несправедливость, неравенство, бесправие. Ватикан подобострастно поддерживает многие шаги Советского правительства и в то же время с полным равнодушием относится к религиозной дискриминации в СССР...»

Видите, как здорово вещает новоявленный «месяц». А откуда он получает свои «тридцать сребреников» и с чьего голоса поет в «Посеве»? Это ЦРУ хочет установить справедливость, равенство и права? Перед войной Анатолий Эммануилович Левитин окончил Ленинградский педагогический институт имени Герцена, а вместо преподавательской работы стал агитиро-

вать против Советской власти, особенно среди верующих. Началась война — Левитин с липовой справкой о плохом состоянии здоровья оказался в Средней Азии. Окончилась война — Левитин вновь в Москве: преподает русский язык в школах рабочей молодежи и одновременно распространяет антисоветскую литературу. За эту деятельность Левитин был осужден и после отбытия наказания выехал в 1974 году за границу, присвоив к своей настоящей фамилии «литературный» псевдоним...

Да, неважно обстоят дела у НТС с литературными кадрами и с антисоветскими изданиями, которые залеживаются, не находя читателей, на прилавках газетных киосков и книжных магазинов. Еще хуже — в плане проведения специальных антисоветских акций, которые особенно интересуют ЦРУ и другие натовские секретные службы и особенно высоко оплачиваются. Правда, фантазия у энтээсовских диверсантов то ли от склероза «отцов» типа Поремского и Околовича, то ли от недомыслия «детей» не отличается, как говорится, ни широтой, ни глубиной...

Как и много лет назад, так и ныне антисоветчики из НТС пытаются завязывать знакомства с советскими людьми для их возможной вербовки или на почве радиолюбительства, или филателии, или интереса к литературе... Да только ничего не получается у господ из НТС.

Не будем голословными. Вот как разворачивались события в одной из «классических» операций НТС, которая доставила столь много хлопот и огорчений руководителям антисоветской организации. Владимир Петров, студент одного из высших учебных заведений Ташкента, увлекался радиотехникой. В какой-то из зарубежных передач некая «филантропическая» организация предлагала всем желающим полный справочник позывных радиолюбителей планеты. Достаточно было направить запрос по определенному адресу. Владимир направил. Однако вместо справочника получил из Швеции письмо от неизвестного господина по фамилии Бьёрн, который предлагал дружить и переписываться, поскольку он-де тоже является радиолюбителем.

Письма от незнакомца стали приходиться довольно часто. И их содержание, выходившее далеко за рамки

радиоинтересов, насторожило Владимира. Он решил проконсультироваться по поводу своей переписки с соответствующими органами, которые, конечно же, раскусили, кто скрывается за фамилией Бьёрн, и решили вывести назойливого шведского «радиолюбителя», а также его хозяев на чистую воду. Владимиру дали совет не только не прерывать переписки, но сделать ее еще более активной. Результат, естественно, не замедлил сказаться. В седьмом по счету послании, опущенном в Москве, Бьёрн, что называется, брал быка за рога. Он уже не скрывал, что действует от имени НТС, что видит во Владимире единомышленника «по борьбе против Советской власти». «Слушайте передачи НТС,— писал Бьёрн,— из них вы узнаете наиболее важные сообщения, изложение наших идей, инструкции одиночкам и группам наших единомышленников в России. Для того чтобы облегчить вам опознание своих радиопередач, мы вас будем называть «Партизан»...»

Так Владимир Петров, студент-дипломник из Ташкента, был зачислен в агенты НТС... В эфире зазвучали голоса: «Партизан», тебе послано письмо. Подтверди слышимость. Напиши, на каких волнах прием наиболее качественный», «Партизан», спасибо за информацию. Она для нас очень ценна. Эти сведения помогают работать НТС».

А «Партизан» вместе со своими друзьями трудился не покладая рук. Шутка ли сказать — нужно было угодить не кому-нибудь, а энтээсовским «специалистам по России», в том числе господину Бьёрну, то бишь предателю и изменнику Родины Дзамболату Хацаеву, который наивно полагал в течение длительного времени, что ему удалось приобрести в Советском Союзе «ценного агента»...

Собственно, по таким же «классическим» канонам развивалась еще одна операция, которую проводила уже знакомая нам деятельница из НТС... Несколько студентов — любителей филателии из города Ивано-Франковска решили организовать интернациональный клуб. С этой целью инициатор идеи Роман Димитрюк обратился в филателистический клуб Парижа с просьбой об оказании помощи. Ответ пришел не из клуба, а от некой Тони Гофман из Гренобля: «Недавно была в Париже и познакомилась там с филателистами. Забра-

ла у них ваше письмо и хотела бы наладить с вами переписку. Мне 28 лет, по национальности русская, хотя родилась и выросла за границей. По профессии медсестра...»

Дальше дела пошли обычной, проторенной дорогой. Несколько писем о жизни вообще, и здоровье в частности. Потом «откровенное» послание с предложением сотрудничества. Правда, переписка шла целых три года, ибо Тоня Гофман (она — уже знакомая нам Ариадна Ширинкина, сократившая на случай знакомства свой преклонный возраст почти наполовину) очень скрупулезно «изучала» Романа Димитрюка. И лишь тогда, когда решила, что он окончательно «созрел», не только сделала ему предложение работать на НТС, но и снабдила средствами тайнописи, инструкциями и прочими шпионскими атрибутами. А Роман действительно созрел и прозрел. По совету сведуших товарищей он взял в помощники своего однокурсника Владимира Буряка, и работа закипела.

В «революционный штаб» НТС полетели сообщения о проделанной «работе». Студенты старались вовсю, чтобы «секретная» информация по военным, политическим и экономическим вопросам выглядела бы таковой и не вызывала сомнений у Ширинкиной и К°... А энтээсовская «контора» просто-таки захлебывалась от восторга в связи с «успехами» новых агентов НТС. В эфир по радио летели благодарности в адрес «Шахтера» — такую кличку дали Роману — и его приятеля Владимира Буряка. Кстати, известно ли «ревштабу» НТС, что мадам Ширинкину, прошедшую гестаповскую школу, так долго водили за нос два студента? Или она до сих пор старается убедить своих шефов в блистательных результатах своей работы с «филателистами»?

Да, не везет НТС. Провал за провалом...

Пошлют курьера в Советский Союз под видом туриста для выполнения особого задания, и он тут же разоблачается. Не повезло, например, Николасу Жданову — сыну русских эмигрантов из Парижа, который осел ныне во Франкфурте-на-Майне и именно оттуда направился в Советский Союз для выполнения «особого задания». Не по-доброму расстались с нашей страной Николас Богатко, Андрэ Лагаррик, Даниэль Новеллаер, Франсуа Туссэн, Борис Пушкарев, Романо

Скальфи, Гулельмо Джилио и немало других. Сколько надежд возлагалось на них, сколько денег было затрачено... Плохо, совсем плохо стали работать господа анτισоветчики. И за что только деньги получают?

Откуда вы, доктор Мамантов?

Утверждает народная мудрость, что гостя встречают по одежке, а провожают по уму. И по впечатлению, конечно, которое он произвел, и по делам, которые оставил после себя.

Илья Александрович Мамантов побывал в нашей стране около двух десятков раз. Немало, как видите. И каждый раз этому респектабельному господину говорили: «Добро пожаловать!» А как же иначе? Ведь Илья Александрович был переводчиком с американской стороны во время исторической эпопеи «Союз — Аполлон». Кроме того, доктор Мамантов, посещая далекие и близкие достопримечательности нашей страны в качестве руководителя групп американских студентов, не устал во весь голос восхищаться не только красотами непревзойденных пейзажей, но и героизмом советских людей, которые сумели за такой короткий срок ликвидировать столь тяжкие последствия минувшей войны. Только один раз запнулся Илья Александрович — когда кто-то из американских студентов, слушая сладкоречивую оду своего шефа, явно не к месту и совсем не деликатно спросил: «А скажите, мистер Мамантов, почему же вы убежали из Советского Союза, если эта страна так вам нравится?» На студента зашикали, а профессор просто недоуменно развел руками: понимай, мол, как знаешь...

Ну как было не сказать «Добро пожаловать!» Илье Александровичу, когда вполне солидная американская газета писала накануне одного из его приездов в Москву буквально следующее: «До недавнего времени доктор Илья Мамантов, профессор русского языка и литературы Южного методистского университета, не интересовался ракетами, астронавтами и космически-

ми полетами. Но когда во вторник состоится космический полет по программе ЭПАС, преподаватель ЮМУ будет работать в тесном контакте с американскими специалистами в наземном центре управления полетом...» Что же, вполне солидное заявление американской газеты, вполне достойная «визитная карточка» героя нашего повествования. Впрочем, и настоящая его визитная карточка, отпечатанная на картоне цвета слоновой кости, не вызывает вроде бы никаких сомнений: «Лайк Интернэшнл Тревел». Проф. Илья А. Мамантов. Консультант по СССР и Восточной Европе. 6606. Снайдер Плаза, Даллас, Техас...

Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть. Так гласит русская пословица. Действительно, трудно заглянуть в душу человека. И когда он в смокинге, и когда он без него. Слов нет, Илья Александрович умеет носить смокинг, он занятный собеседник, вполне компанейский и очень услужливый человек. Но вот у нас перед глазами другая «визитная карточка». В отличие от заметки из американской газеты, озаглавленной довольно длинно и весьма обещающе: «Преподаватель Южного методистского университета будет переводить для астронавтов», сей документ назван очень коротко: «Заявление». Заявление в органы государственной безопасности от инженера Пятецкой.

Вот что написано в этом заявлении: «В октябре 1973 г., находясь в служебной командировке в г. Москве, я познакомилась с гражданином США Мамантовым Ильей Александровичем, проживавшим, как и я, в гостинице «Россия». Первое впечатление Мамантов производил приятное, так как являлся человеком начитанным, эрудированным, благожелательным. Кроме того, тот факт, что он приехал как переводчик группы американских космонавтов, поддерживал к нему интерес.

Однако в процессе дальнейшего общения с Мамантовым его поведение, высказывания и знакомства меня насторожили, и поэтому я считаю своим долгом сообщить об известных мне фактах.

В беседах Мамантов вначале осторожно, а затем все более нагло старался обработать меня в антисоветском духе. Утверждал, что в СССР люди настроены против Советской власти, что советская печать искажает факты, что у нас отсутствует свобода мысли и

слова. В особенно злобном тоне сетовал на то, что США вступили во вторую мировую войну слишком рано и не дали Сталину и Гитлеру уничтожить друг друга — это позволило бы установить «демократический» строй в России. Одобрял поведение ренегатов и предателей, таких, как Солженицын. В то же время пытался меня убедить, что у меня могут быть неприятности из-за знакомства с иностранцем, поэтому рекомендовал соблюдать осторожность. Заверял, что за ним постоянно следят советские «шпионы» только потому, что он гражданин Соединенных Штатов. Его постоянная настороженность также обращала на себя внимание. Мне удалось познакомиться с друзьями Мамантова, в том числе с Жорой Михайловым из Ленинграда.

В беседе Михайлова с Мамантовым я обратила внимание на то, что Мамантов интересовался какими-то данными о научных исследованиях — о вечной мерзлоте, катерах на подводных крыльях. Повышенный интерес проявил Мамантов также и к моей работе. Просил ознакомить его с документами для служебного пользования и передать ему их копии. Свою чрезмерную любознательность Мамантов старался объяснить общим интересом к жизни и деятельности советских людей, а свою осторожность — желанием не причинить мне неприятности. Однако его действия противоречили его словам. Так, отправляя письмо в Ленинград, Мамантов просил меня написать адрес на конверте; часто интересовался, слышен ли в его речи иностранный акцент и отличается ли он внешне от русского; на улице постоянно оглядывался; исподволь учил меня делать то же; проверял, как я ориентируюсь в городе и замечаю ли в толпе некоторых людей, которые якобы идут за нами.

Обдумывая все изложенные факты, я пришла к убеждению, что Мамантов И. А. не только является убежденным антисоветчиком, но его деятельность в Советском Союзе может нанести вред нашему государству, в связи с чем и обращаюсь с этим заявлением».

Даже такое заявление по установившейся у нас практике отнюдь не является еще основанием, чтобы ставить под сомнение порядочность человека. Но таких заявлений, связанных с пребыванием Ильи Маман-

това и его знакомствами в Советском Союзе, оказалось несколько. Нет, мы нисколько не хотим возводить напраслину на профессора русской словесности. Когда он продал одному из советских граждан редкую шведскую фотокамеру «Хассельблат» за четыре тысячи рублей и купил «небольшую партию» банок с черной икрой, чтобы перепродать их на доллары в Соединенных Штатах, окружающие его люди удивились, но ничего не сказали... Ну, сделал бывший россиянин свой «маленький бизнес», и черт с ним, пусть считает, что повезло. Но вот когда Илья Александрович начал заводить странные знакомства и задавать странные вопросы — это, естественно, людей насторожило.

Профессор Мамантов стремился расширять свои знакомства за счет весьма любопытного на первый взгляд круга людей: или имеющих непосредственное отношение к закрытым учреждениям, или же ведущих паразитический, аморальный образ жизни. Казалось бы, как можно сопоставить две столь далеко стоящие друг от друга категории людей? Оказывается, можно. У знакомых из научно-технических кругов Илья Александрович старался выяснить сугубо специальные вопросы, а всякого рода шантрапа привлекала его полным отсутствием каких-либо моральных принципов, что, на его взгляд, облегчало использование этих людей в нужных Мамантову целях.

Вот живет, скажем, в Ленинграде некто Георгий Михайлов — большой любитель заморских вещичек, начиная с жевательной резинки и кончая поношенными костюмами с заграничной этикеткой. Познакомился Мамантов с Михайловым совершенно случайно, но вскоре их уже связывала крепкая дружба. В каждый свой приезд Илья Александрович привозил Георгию «подарки», а тот платил ему все более усиливающейся привязанностью. И когда привязанность эта превратилась в крепкую привязь, он начал требовать у своего «молодого друга» добывать ему сведения отнюдь не безобидные. В конце концов Михайлов попал в такую зависимость от «покровителя», что вынужден даже был «уступить» ему свою любовницу... Мы намеренно опускаем имя и фамилию этой женщины. У нее дочь, и нам хотелось бы, чтобы она выросла хорошим человеком, с другими, нежели у матери, взгля-

дами на жизнь. А свое жизненное кредо эта женщина, биолог по специальности, выражала коротко: «Люблю взрывную жизнь!» Ради «взрывов» она и разошлась с мужем. Ради «взрывов» сошлась с Михайловым и перекочевала затем в цепкие объятия к Мамантову. Впрочем, с Ильей Александровичем «взрывов» не было. Было спокойное вымогательство заграничных тряпок за «определенные» услуги и клятвы в вечной любви к старому ловеласу. Илья Александрович со своей стороны не ограничивался только лишь амурными делами. По его заданиям она несколько раз проверяла на специально разработанном Мамантовым маршруте, не следит ли кто за ним. Выясняла, где, по каким адресам проживают заинтересовавшие его люди, чем занимаются, что о них говорят соседи и так далее.

Любит Мамантов и просто поразвлекаться. Будучи в Москве, побывал Илья Александрович на квартире у Алисы Анатольевны Тилле, которую та снимала в одном доме неподалеку от Птичьего рынка. Общество там собиралось пестрое. Никем не признанные художники-недоучки, окололитературные мальчишки, так называемые «диссиденты», в том числе сбежавший на Запад Амальрик, фарцовщики и фарцовщицы. Тому, что творили эти люди, могли бы позавидовать самые что ни на есть «передовые» кинобизнесмены от порнографии.

Как говорится, скажи мне, кто твои друзья... Среди них есть у Мамантова и некая Наталья Александровна Леттер, она же Кушнир, американская гражданка, дочь военного преступника А. Е. Головатого, бывшего агента гестапо, человека, руки которого по локоть в крови русских людей. Сам выслеживал, сам выдавал, сам пытал, сам вешал и расстреливал. Дети не отвечают за родителей. Это верно. Но Наталья унаследовала от отца ненависть ко всему советскому. Приезжая в составе американских делегаций в роли переводчицы, она не упускала случая, чтобы в разговоре с советскими людьми оплевать все, что делается в нашей стране, все, кроме... некоторых проблем. Вот тут она всегда псет хвалу нашим достижениям. И ищет, ищет с настойчивостью невероятной знакомств среди советских специалистов, имеющих хоть какое-нибудь отношение к космосу, атомному ядру, электронике и почему-то... к погоде. С ними она готова куда угодно и

на что угодно, хоть в ресторан «Русская изба» под петушком, хоть к петушку с отдельной «избой».

Во время таможенного досмотра в Ленинграде, куда Наталья Леттер-Кушнир однажды прилетела с очередной делегацией, у нее в чемодане были найдены и конфискованы антисоветские брошюры. А ее американский «друг», некто Савицкий, упившись до изумления, как-то похвалялся: «Моя Натали все время таскает в Советский Союз антисоветскую литературу. И вообще она агент ЦРУ...»

Да, такие вот друзья у Ильи Александровича Мамантова, который, будучи в лирическом настроении, одним знакомым говорил, что его мать приходится какой-то родственницей «великому Рахманинову», а другим — что его отец по каким-то кровям «связан с братьями Третьяковыми...» Кто же все-таки такой И. А. Мамантов? Заглянем в архивы...

Итак, родился Илья Мамантов 17 февраля 1914 года в городе Тарту. Учился в шестиклассной русской школе в городе Карсава, потом окончил Лудзенскую гимназию, затем поступил в Латвийский университет... Однако завершил курс обучения лишь во время гитлеровской оккупации Латвии в 1942 году. Диплом № 54 магистра естественных наук был выдан 31 января 1943 года. Состоял членом националистической, профашистской корпорации «Рутения» и был тесно связан с членами махровой белогвардейской организации НТС Левицким, Дидковским и Раром, являвшимися гитлеровскими агентами. В 1945 году уехал в Берлин, где работал во враждебной Советскому Союзу организации — так называемом «Комитете освобождения народов России». Ну, а потом, после разгрома гитлеровской Германии, отправился в США.

Ну, а теперь, как говорится, подведем некоторые итоги. Совсем не простой, оказывается, человек Илья Александрович. На словах клянется в любви к «России-матушке», а на деле использует любую возможность, чтобы бросить очередную группу своих туристов на «самостоятельное» изучение достопримечательностей того или иного города с тем, чтобы самому приобрести новые «полезные знакомства».

На словах выступает этаким «поборником прав человека», особенно в последнее время в связи с развернутой в Америке и на Западе антисоветской шуми-

хой, а на деле нарушает каждый раз эти права. Права честного человека, права и обязанности гостя нашей страны.

Американцы и в шутку, и всерьез утверждают, что говорить о ЦРУ в настоящее время, после всех скандальных дел с этой организацией,— все равно, что говорить о веревке в доме повешенного. Нет, мы не утверждаем, что доктор Мамантов платный агент ЦРУ, но то, что он с ним связан, не вызывает сомнения. Ведь очень странно он ведет себя в нашей стране. Может быть, это его давнее хобби, которое осталось у доктора с тех далеких времен, когда он, будучи молодым человеком, восседал в группе своих единомышленников из «Рутении» под знаменем с фашистской свастикой и мечтал о совсем другой карьере...

Путешественники

с начинкой

Международное общение, контакты между странами и народами — процесс многообразный и масштабный. Он включает в себя различные стороны и области — экономику, технику, науку, культуру, туризм, информацию и многое другое. После общеевропейского совещания, безусловно, созданы более благоприятные условия международного общения, выработаны такие принципы отношений между государствами, которые явились победой разума, правильного понимания реальностей современного мира, где сосуществуют государства социалистические и капиталистические, большие и малые, насчитывающие столетия и даже тысячелетия существования и образовавшиеся недавно в результате крушения колониальной системы империализма и победоносной национально-освободительной борьбы народов.

Результаты общеевропейского совещания правильно считают обоснованными компромиссами. Они выразили общую политическую волю государств — участ-

ников совещания в том виде, в каком это возможно в данное время в условиях существования государств с различным общественным строем.

Ни совещание в Хельсинки, ни период, ему предшествующий, ни время, за ним последовавшее, ни Белградская встреча представителей государств — участников общеевропейского совещания, само собой разумеется, не устранили различий в идеологии и общественных системах. Напротив, участники и общеевропейского совещания, и Белградской встречи исходили из того, что эти различия существовали, существуют и будут существовать. Мудрость политических и государственных руководителей, собравшихся летом 1975 года в столице Финляндии, как раз в том и проявилась, что они это поняли и сделали соответствующие выводы.

Главный из них, и он со всей ясностью и четкостью выражен в Заключительном акте общеевропейского совещания, состоит в следующем: никто не должен пытаться диктовать другим народам, как они должны устраивать свои внутренние дела! Народ каждого государства, и только он, имеет суверенное право решать, как ему жить, устанавливать свои внутренние порядки!

Противниками разрядки не раз предпринимались несостоятельные попытки применять иной подход в отношениях между Западом и Востоком. Жизнь убедительно показала, что никому не дано лезть в чужой монастырь со своим уставом...

Это не могут не понимать и те, кому ах как хотелось бы рассеять «дух Хельсинки». Так, например, газета «Вашингтон пост», отвечая американским недоброжелателям хельсинкского Заключительного акта, утверждающим, что он «выгоден только Москве», писала: «Логично ли считать, что политические руководители Западной Европы... с готовностью и с охотой согласились бы подписать хельсинкский протокол, если бы считали его односторонним и выгодным только Москве? Стал бы Папа римский, от которого католики ожидают духовного руководства, умышленно предавать многих своих благочестивых последователей?»

Народам Европы ясно, что результатам, достигнутым в Хельсинки, суждена большая жизнь и никому не удастся поколебать, затушевать их. Работа по прет-

ворению в жизнь хельсинкских договоренностей называется ныне в десятках и сотнях практических дел. Советский Союз выполняет все положения Заключительного акта и ценит усилия тех, кто действует в этом же направлении.

Вместе с тем должны быть решительно отброшены попытки нарушать основополагающие нормы международного общения. В Заключительном акте общеевропейского совещания высшие представители 35 государств, скрепившие своими подписями этот документ, определили принципы, которыми эти государства обязались руководствоваться во взаимных отношениях, подчеркнули, что все эти принципы имеют первостепенную важность, заявили о своей решимости уважать и совместно применять провозглашенные принципы в отношении каждого из государств-участников, «независимо от их политических, экономических и социальных систем, а также от размера, географического положения и уровня экономического развития...»

В тексте принципа «Суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету» говорится, что «государства-участники будут уважать суверенное равенство и своеобразие друг друга... Они будут также уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, равно как и право устанавливать свои законы и административные правила».

Принцип VI озаглавлен «Невмешательство во внутренние дела». Начало его текста таково: «Государства-участники будут воздерживаться от любого вмешательства, прямого или косвенного, индивидуального и коллективного во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства-участника, независимо от их взаимоотношений». А теперь приведем заключительный абзац: «Соответственно они будут, в том числе, воздерживаться от оказания прямой или косвенной помощи террористической деятельности или подрывной или другой деятельности, направленной на насильственное свержение режима другого государства-участника».

Это, как и другие положения Заключительного акта, не оставляет места для различных толкований. Все записано точно, ясно, предельно конкретно.

Как же следует охарактеризовать поведение тех, кто пытается нарушать эти принципы в отношениях с Советским Союзом, действовать против интересов советского народа, социалистического строя, который ему дорог, как сама жизнь? И сами такие действия, и прямое или косвенное им пособничество являются грубым нарушением элементарных норм международного общения. Они противоречат духу и букве хельсинкского документа. Они мешают, направлены против развития взаимопонимания и доверия между народами, дружественных и добрососедских отношений государств.

Не раз писалось о том, как американские конгресмены, да и другие официальные лица, вместо того, чтобы заботиться о выполнении хельсинкских договоренностей Соединенными Штатами, присваивают себе роль контролеров, призванных будто бы проверять, как осуществляют эти договоренности СССР и другие социалистические государства. Но на каком основании американские деятели или деятели других западных стран лезут в чужие дела? Уж извините, господа, это никому позволено не будет.

Чехословацкая газета «Руде право» метко заметила, что, например, американские «самозванные контролеры (из числа членов палаты представителей) поставили себя в курьезное положение». Как отреагировали бы США, если парламент какой-либо другой страны создал комиссию, подобную комиссии конгресса Соединенных Штатов, и она захотела бы заниматься ревизией положения с гражданскими правами американцев или контролем за выполнением хельсинкского Заключительного акта властями США?

Да, известные западные круги весьма односторонне толкуют хельсинкский документ. Они, не утруждая себя аргументами, пытаются найти нарушения у других, забывая о собственных обязательствах. В ряде западных стран в эфире звучат антисоветские радиопередачи, по телевидению показывают грубо сфабрикованные «документальные» фильмы, а печать заполняется измышлениями о Советском Союзе и других странах социалистического содружества.

Некоторые органы буржуазной пропаганды занимаются вымыслами о якобы неправомерных отказах нескольким советским гражданам в выезде на постоян-

ное жительство из СССР в капиталистические страны по мотивам воссоединения семей. Между тем советские организации в этих, как и во всех других, случаях действуют в точном соответствии с законами нашей страны и ее международными обязательствами. Вне зависимости от того, нравится это кому-то или нет, компетентные советские органы будут поступать так и впредь. А попытки давления извне, вмешиваться во внутренние дела Советского Союза обречены на неудачу, они беспредметны и полностью несостоятельны.

Некоторые государства Запада под предлогом существования в них якобы «ничем не ограниченных свобод» предоставляют «политическое убежище» отщепенцам, так сказать, нескольких поколений: тут и престарелые белогвардейцы, и гитлеровские наемники, «по наследству» перешедшие после войны в услужение к западным разведкам и в конце концов скопом переданные в распоряжение ЦРУ. Американские «сребреники» питают также злопыхательские сочинения и выступления кучки предателей, так называемых «инакомыслящих», которые, очутившись на Западе, все мысли заменили одной: ненавистью к земле, на которой они родились. Эти люди знают: чем грязнее их слова и антисоветские действия, тем больше платят, вот они и пускаются во все тяжкие.

Центры антисоциалистических идеологических диверсий всем известны: это мюнхенские радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», тесно с ними связанные издания, вроде «Посева». Так как американская принадлежность мюнхенских радиостанций в последнее время установлена и признана официально, то в качестве «независимых» прикрытий используются различные антисоветские зарубежные организации, в том числе и НТС. Последний проделал тот самый длительный путь предателей, о которых говорилось выше. И пришел к тому же, что и ему подобные: к роли платных агентов ЦРУ.

Роль не только позорная, но и жалкая. В НТС состоят буквально считанные единицы. С этой «организацией» не желают иметь ничего общего те, в ком остались хотя бы следы стыда. Не пускают энтэсовцев и в приличные зарубежные учреждения. Открыто не пускают, но втайне вслед за ЦРУ не прочь использовать для всяких грязных операций.

В связи с этим стоит остановиться на одном обстоятельстве. Попытки НТС и его хозяев приобрести широкую агентуру среди выехавших из Советского Союза, не говоря уже о вербовке советских граждан, оказались безрезультатными. В связи с этим все чаще применяется такой метод: антисоветской литературой, в том числе листовками с откровенными призывами к свержению существующего строя, снабжаются иностранные граждане, едущие в СССР. Норвежский СМОГ, столь же хилые, но претенциозные объединения в других странах — Голландии, Бельгии, Франции, Англии, Италии, Австрии берут на себя весьма неприглядные функции. Иногда они действуют окольными путями, как в эпизоде с французом Тира, а в других случаях по всем правилам конспирации. Норвежец Эйдсвиг, к примеру, не мог не знать, что он везет, если скрыл антисоветские листовки и инструкцию для подрывных действий в специальном нательном поясе.

НТС втягивает в свою подрывную работу граждан других государств. Не будем характеризовать поступки этих иностранных «туристов», заметим лишь, что загодя учитывается возможность их провалов, а потому заготавливаются статьи в их «защиту» то в норвежском «Но», то в французской «Монд», то еще где-нибудь. Организуются одновременно «комитеты солидарности» с «невинными жертвами» советских властей, которые, естественно, относятся соответствующим образом к тем, кто нарушает законы гостеприимства. Изобретаются одновременно «кошмарные» условия следствия над людьми, нарушившими советские законы. В какую же лужу садятся сочинители этих сказок, когда иностранные туристы, несмотря на то что по возвращении домой они подвергаются специальной обработке полиции, не могут отрицать, что с ними в Москве обращались гуманно и великодушно!

Но не о том в данном случае речь. Нас интересует вопрос: как относятся власти соответствующих государств к тому, что на их территории окопались разного рода нечистоплотные организации, подобные НТС, и что они вовлекают в явно неправомерные действия граждан этих государств, которые, по существу, выступают в роли наймитов антисоветских организаций?

Не приходится сомневаться, что если бы на ули-

цах Парижа, Осло или любой другой западноевропейской столицы советские туристы стали разбрасывать листовки с призывами к свержению существующего строя, был бы поднят шум на весь мир. Однако даже сама мысль о том, что подобным образом будут поступать советские граждане, никому не может прийти в голову. Они строго следуют правилам международного общения, уважают законы и порядки тех государств, которые посещают. Советские люди полностью поддерживают линию Коммунистической партии и Советского государства на выполнение всех положений хельсинкского Заключительного акта, включая невмешательство во внутренние дела других государств, уважение их суверенитета, прав, внутренних порядков. Хорошо также известно, что на территории Советского Союза нет и не может быть каких-либо «частных» или «нейтральных» организаций, которые вели бы подрывную работу против Франции, Норвегии или любой другой страны.

Как уже говорилось, государства — участники общеевропейского совещания обязались воздерживаться от оказания прямой или косвенной помощи террористической деятельности или подрывной или другой деятельности, направленной на насильственное свержение режима другого государства-участника.

Кстати, в ряде стран на этот счет имеются соответствующие законы. В Великобритании существует закон, карающий за «возбуждение возмущения против короны, правительства, парламента или судебной системы». По образному выражению одного журналиста, за призыв, направленный против существующего в Дании режима, принц Гамлет, попади он в современную Данию, был бы осужден сразу по нескольким статьям уголовного кодекса.

Но вернемся к похождениям «путешественников с начинкой». Не может быть двух мнений по вопросу о том, что эти похождения несовместимы с договоренностью, зафиксированной в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Нарушители этой договоренности обязаны нести полную меру личной ответственности. Не могут считать себя свободными от ответственности и власти тех стран, гражданами которых являются вольные или невольные пособники диверсий.

ФАЛЬШИВЫЕ ГОЛОСА

Одна из самых злостных антисоветских кухонь, где 24 часа в сутки стряпается ложь, клевета, дезинформация, которую мутным потоком выплескивают через микрофоны в эфир, помещается в Мюнхене на Энглишер гартен. Здесь, в заново отремонтированном здании, разместились многочисленные службы двух радиостанций, громко именуемых «Свобода» (РС) и «Свободная Европа» (РСЕ). Их формальное слияние было проведено в 1975 году.

Кое-кто тщетно пытается доказать, что РС, вещающая на Советский Союз, и РСЕ, передачи которой направлены на другие социалистические страны, после совещания в Хельсинки «перестроились» и занимаются «исключительно объективной информацией». Эти «объективисты» принимают даже позу оскорбленной невинности...

РС и РСЕ и впрямь не раз перестраивались. Но только в одну сторону — в сторону усиления антисоветского, клеветнического характера их продукции. Они меняли вывески, маскировались как могли. А хозяин у этих орудий «психологической войны» оставался тот же — «верховное руководство» принадлежит госдепартаменту США, а также специально выделенным работникам ЦРУ. Назовем некоторые имена американских шефов: Скотт, Кук, Уолтер, Монтондо, Фишер, Эйтлин, Пул, Элбот, Пейтч, Рональдс и многие другие. «Русская редакция» до лета 1977 года была подчинена Джону Лодейзену. Его предшествующая биография: обучение в школе ЦРУ, шпионская деятельность в Москве в должности второго секретаря американского посольства, служба в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, после того как он был выдворен из СССР за дела, не совместимые с дипломатическим статусом.

Модернизируются передатчики и ретрансляционные центры, добавляются часы вещания. По сообщению английской газеты «Дейли мейл», американское правительство попросило разрешения построить новую радиостанцию на территории Англии для усиления вещания на СССР и другие социалистические страны. Это тоже называется «перестройкой».

Было бы неверно не заметить, что в Соединенных Штатах раздаются голоса, сомневающиеся в целесообразности подобного поведения властей, особенно после общеевропейского совещания. Например, конгрессмен Г. Бэрк высказал мнение, что дальнейшие ассигнования на американские радиоцентры, расположенные за рубежами Соединенных Штатов, «не соответствуют интересам США и американского налогоплательщика... Мы принесли бы гораздо больше пользы американскому народу и народам всего мира, если бы способствовали уменьшению международной напряженности».

Западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне», хотя и обходит вполне резонный вопрос о том, почему власти ФРГ разрешают существование на ее территории подрывных радиоцентров, констатирует, что в США это предприятие не может быть популярным. «То, что эти радиостанции, — пишет газета, — целиком и полностью работают за границей, что их персонал состоит по преимуществу из иностранцев и передачи предназначены для третьих стран, является непостижимым для нормального американского бюджетного мышления». И даже американский «Тайм», не обладающий таким нормальным мышлением и в общем-то ратующий за продолжение деятельности РС и РСЕ, писал, что критика в их адрес, в частности советская критика, разделяется во многих странах, которые были участниками общеевропейского совещания. Журнал «Тайм» отмечал: «Как признал один официальный представитель США, «наша собственная позиция, что мы, мол, всегда правы, выглядит не такой убедительной, как нам хотелось бы».

И тем не менее в 1977 году президент США направил в конгресс доклад по вопросам международного радиовещания. Под предлогом «свободного обмена информацией и идеями» нынешняя американская администрация решила расширить еще больше радиопропаганду против социалистических стран. В частности, речь идет о РС и РСЕ.

Западногерманский журнал «Шпигель», располагая, судя по всему, достоверной информацией, сообщал в 1977 году, что Вашингтон намерен продолжать увеличивать бюджет радиостанций, вдвое повысить мощность передатчиков. Кроме того, будет построено в раз-

ных местах 28 новых радиопередатчиков с большим радиусом действия, из которых 16 станут вещать исключительно на Восточную Европу.

Обосновывался вышеуказанный законопроект и тем, что, сняв эти расходы с бюджета ЦРУ, правительство «освободит» радиостанции от влияния разведки. Подобный аргумент вызвал иронические улыбки даже у конгрессменов.

Газета «Нью-Йорк пост», в связи с тем что Белый дом заявил о своей приверженности принципу невмешательства во внутренние дела других государств, писала: «Каким же образом, спрашивается, можно увязать это с дальнейшей деятельностью РС и РСЕ?» Справедливый вопрос!

Можно понять также представителей общественности, включая парламентариев Федеративной Республики Германии, которые протестуют против предоставления территории ФРГ для заокеанских радиоразведывательных центров, находящихся к тому же вне юрисдикции западногерманского государства. Это ничем нельзя оправдать, тем более после поворота в сторону разрядки и в отношениях между государствами на всем европейском континенте.

В докладе конгрессу сказано, что обе эти станции являются «неотъемлемой частью правительства США» и что они плюс «Голос Америки» имеют своей целью «поощрять конструктивный диалог с народами Советского Союза и Восточной Европы»... Поистине циничное утверждение! Ну о каком честном, искреннем «поощрении» можно говорить, если в стенах РС и РСЕ сидят, с одной стороны, штатные сотрудники ЦРУ, а с другой — бывшие агенты гестапо и гитлеровской разведки, изменники Советской Родины!

Взять хотя бы В. Хазнерса, латыша по происхождению, которому перевалило за семьдесят, проживавшего в последнее время на Лонг-Айленде, в Нью-Йорке. Он много лет вел передачи на Советскую Латвию по радиоканалам РС. Его коньком была тема: «Борьба за гражданские права». Он то поучал, то, кликушествуя, сокрушался по поводу того, что, мол, в СССР преследуют евреев. Так кто же он, этот ревнитель «человеческих прав», который по вашингтонской версии ставит своей задачей «поощрение конструктивного диалога с народами Советского Союза и Восточной Европы»?

Хазнерс служил у гитлеровцев начальником полиции Абренского уезда, затем занял должность командира батальона СС, награжден двумя фашистскими железными крестами, занесен в почетный список нацистской армии, в том числе и за антисемитские акции.

Все это было известно ЦРУ, и, очевидно, именно благодаря карательному опыту Хазнерс свыше 30 лет возглавлял эмигрантские латышские фашистские организации в Европе и США и направлял их деятельность в соответствии с подрывными замыслами комитета РС против СССР.

Чтобы представить предательскую деятельность Хазнерса в оккупированной фашистами Латвии, достаточно ознакомиться с отдельными выдержками из разработанной им лично и направленной руководителям полицейских участков инструкцией по «борьбе с партизанами».

Итак, читаем: «Информацию для борьбы с партизанами следует собирать... агентурным путем, используя для этого местных жителей... постоянно нужно соблюдать неизменный закон: партизаны не изгоняются, а уничтожаются. Прочесываемая местность окружается, чтобы партизанам не дать возможность убежать... Если необходимо открывать огонь по зданию, то в первую очередь следует его направлять в сторону дверей и окон, а также других мест, из которых находящиеся в помещении люди могут стрелять... Если имеется возможность, нужно бросать через окна ручные гранаты... Обстреливая помещение, выгодно применять зажигательную амунизию...»

ЦРУ с неохотой рассталось с этим «специалистом» по «защите гражданских прав» после того, как разразился скандал в печати.

Биография Хазнерса не исключение, она как две капли воды похожа на биографию его «коллег» по предательству, службе сначала у гитлеровцев, затем в ЦРУ. Такой «жизненный путь» характерен для подавляющего большинства сотрудников РС и РСЕ.

Из старых «кадров» — Игорь Глазенац, служивший у гитлеровцев, а после войны активно действовавший в различных зарубежных антисоветских организациях, преимущественно монархических, подвизается на РС под псевдонимом Ланин и ведет рубрики «Проблемы пятилетки», «Сельское хозяйство в СССР», «Квалифи-

кация» этого черносотенца ясна без лишних слов.

Под статью ему: Туляганов (Вели Зуннун), Пылаев (Павловский, Шамров, Октябрьев), Дудин (псевдоним Градобоев), Цвирко (Сурко), Менчуков (Олин или Ир-колин), Тенсон (Метнер). Все они в прошлом служили в гестапо, предавали, пытали и вешали советских людей. Таковы и те, кто «вещает» на языках народов СССР. Армянскую редакцию возглавляет Мкртчян, он же Кар-ташьян. В 1942 году сдался гитлеровцам, учился в одной из разведывательно-диверсионных школ «Цеппе-лино». Летом 1943 года Мкртчян в составе фашистских частей был послан во Францию, где принимал участие в расстрелах французских партизан.

Люди, в том числе и предатели, старятся. Мастодон-ты РС, впав в старческий маразм, несут уже такую чушь, которая, как говорится, ни в какие ворота не лезет. Американские шефы решили провести омоложение аппарата диверсионных радиостанций. Начался «естественный отбор». Отбирали по принципу живот-ной ненависти ко всему советскому. Отбирали из отще-пенцев, всякими правдами и неправдами оказавших-ся за советскими рубежами,— выехавших в Израиль, сбежавших во время туристских поездок, а то и вы-брошенных из страны и лишенных советского граж-данства. Это бывшие «литераторы» — А. Кузнецов, одно время выступавший под псевдонимом Анатоль, а теперь уже отбросивший эту кличку, лишенный совет-ского гражданства В. Максимов.

По совместительству В. Максимов и А. Седых — редактор нью-йоркского эмигрантского листка «Новое русское слово» — сколотили так называемый «оператив-ный пресс-центр» (надо же какими-то средствами галь-ванизировать свою деятельность!). ЦРУ и здесь не по-скупилось, выручило долларами, похвалило за замы-сел, который сводится все к тому же: делать все воз-можное, чтобы помешать разрядке, очернить СССР, советский народ. В активистах у шефов пресс-центра подвизается небезызвестный маклер по купле-продаже модернистских полотен А. Глезер. Его политическая физиономия достаточно ясна. Что же касается физио-номии Глезера в буквальном смысле слова, то в конце 1977 года, например, она оказалась сильно «разукра-шенной» его же друзьями, которым почему-то не по-нравилось, что компаньон присвоил их деньги...

Есть у РС и ходоки по науке — Ройтман, Агурский, Давыдова, Венцов, Крончер и иже с ними. Не все проживают в Мюнхене и не все формально связаны с РС. Финкельштейн, считающийся «специалистом по космосу» на том основании, что он до бегства за границу был литературным сотрудником журнала «Знание — сила», на РС маскируется различными кличками.

С некоторых пор в антисоветских изданиях, тесно связанных с РС, мелькает имя некоего И. Земцова, который выступает также по РС. Он тоже проходит в ЦРУ по картотеке «научные работники». На страницах «Посева» Земцов выступил со статьей, в которой объявил, что «наука в СССР носит принудительный характер». Уж кому-кому, а Земцову такое «открытие» делать не след. Он в свое время пытался путем целой серии обманов в стиле Остапа Бендера объявить себя профессором, но в конце концов был с позором изгнан из Ярославского медицинского института. Впрочем, он и впрямь старался принудить некоторых молодых людей заниматься наукой вместо него, присваивая себе авторство трудов, в которых ему принадлежала только подпись...

«Яркий» представитель РС — Кабачник. Он имеет в редакции свою, так сказать, постоянную «рубрику», которая громко именуется «Глазами недавнего москвича». Кабачник выходит в эфир со своими «зарисовками» каждую неделю из... Нью-Йорка. Этот «недавний москвич» расстался с Москвой в 1972 году. Несмотря на свою сравнительную молодость, Кабачник имеет за плечами насыщенную событиями биографию. В 1963 году по решению общественного суда и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года он был выслан из Москвы за тунеядство. Само по себе слово «тунеядство» достаточно емкое. Если расшифровать его применительно к Кабачнику, то выясняется следующее: нигде не работая, этот растленный тип занимался валютными махинациями, скупал из-под полы у заезжих иностранных туристов и бизнесменов носильные вещи и перепродавал заграничные тряпки по спекулятивным ценам. Органы милиции неоднократно задерживали Кабачника, увещевали, предупреждали. Но он упорно не желал заниматься честным трудом. Чем все это завершилось, уже известно.

В 1968 году Кабачник, отбыв наказание, вернулся в Москву. Его снова потянуло на нечистоплотные дела. Кабачник лишь изменил направленность своей грязной деятельности: в компании отщепенцев он накапливал «багаж», собирая по крохам все — непристойные анекдоты, скабрёзные шуточки, гнусные истории. Теперь вся эта слюнявая грязь, разбавленная ненавистью и злобой к нашей стране, приправленная гарниром из хрестоматийных антисоветских катехизисов РС, выдается за достоверные зарисовки «недавнего москвича». Он занимает стул в комитете РС (Нью-Йорк), не уставая создавать на бумаге то, чего никогда не было и не могло быть в СССР.

В 1976 году на должность руководителя татаро-башкирской редакции радио РС назначили 53-летнего Султана Гарипа. Его подлинное имя Султанов Гариф. В 1942 году он на фронте перешел на сторону гитлеровцев. В том же году закончил курсы агентов-пропагандистов в Вустарау и был направлен в созданный фашистской разведкой «волго-татарский комитет». Султанов действовал среди лиц мусульманского вероисповедания, пытаясь вербовать их в «национальные легионы СС». В 1943 году Султанова «внедрили» в патриотическое движение военнопленных. По его и других изменников доносам были схвачены, а затем казнены Муса Джалиль и его боевые товарищи. Предательство Султанова принесло ему бронзовую медаль 1-й степени «За выявление врагов Германии».

После разгрома гитлеризма Султанов бежал из Берлина в Мюнхен, где и предложил свои услуги американской разведке. Услуги были приняты. Султанов в течение многих лет использовался американской, а также английской разведками с целью создания различных националистических организаций, разведывательно-диверсионных банд для засылки в СССР из таких же изменников и предателей.

Настал день, когда Султанов оказался на РС. Собственно, и здесь он занимался тем же, что и ранее, включая поездки в Мекку с целью встреч с паломниками из Советского Союза и стараний обрабатывать их во враждебном советскому строю духе и сбора информации для ЦРУ. В этих же целях он пытался использовать туристов из западных стран, выезжавших в Советский Союз.

Султанов строчит доносы на своих украинских «братьев-предателей», что не мешает ему способствовать продвижению оуновских кадров в аппарат РС (ОУН — организация украинских националистов). Именно эта радиостанция субсидирует издание националистического антисоветского журнальчика «Украинский самостийник», а ряд главарей ОУН в Мюнхене и Париже кормятся за счет казны все той же РС.

Еще в 1959 году ОУН откомандировал на РС Юрия Семенко. Он там служит и поныне.

С первых дней оккупации гитлеровцами Днепропетровщины Семенко пошел к ним на службу. В различных националистических изданиях, организованных с благословения оккупантов («Вільна Україна» — «Свободная Украина», «Дзвін» — «Колокол» и других), он восхвалял фашистов и призывал уничтожить все, напоминавшее о Советской власти, а также «очистить» оккупированную землю от всех евреев, то есть ликвидировать их.

В автобиографии, представленной оккупационным властям в апреле 1942 года, он на все лады восхищался войной и одобрял оккупацию. Это в тот период, когда ежедневно гибли сотни тысяч мирных людей не только в Советском Союзе.

После войны Семенко подвизался чуть ли не во всех антисоветских украинских националистических группировках, редактировал их издания, входил в состав руководства ОУН. Теперь он служит ЦРУ на РС и, собственно, не имеет необходимости пополнять свой фашистский, националистический багаж.

Нашел пристанище на РС Василий Смирнов — еще один фашистский наемник, сельский староста в период гитлеровской оккупации, участник карательных операций против советских партизан, лично расстрелявший шестнадцатилетнего Николая Жукова, который нес хлеб двум советским офицерам, попавшим в окружение и стремившимся перебраться через линию фронта к своим.

Не менее «колоритная» фигура и разъездной корреспондент РС Олег Красовский. Вначале — переход на фронте к гитлеровцам, затем обучение в школе власовцев (РОА).

После войны Красовский вступил в махровую антисоветскую организацию — НТС. Его разъезды по

странам Западной Европы имели не столько корреспондентские задачи, сколько разведывательные. В 1956 году Красовский был направлен в составе группы НТС в Венгрию для связи с контрреволюционерами и ведения подрывной работы среди советских военнослужащих. Побывал Красовский и во Вьетнаме. Его корреспонденции, передававшиеся по РС, восхваляли американскую агрессию.

И вот эту компанию Белый дом причисляет к «неотделимой части правительства США»!

Да, именно так говорится в вышеуказанном докладе президента США: радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» являются «неотъемлемой частью правительства США».

Давно стало очевидным, что РС и РСЕ превращены в разветвленные центры самых различных подрывных операций против СССР и других социалистических государств. Вот почему РС понадобился «корреспондент» в... Новой Зеландии! Кстати, около тридцати корреспондентов РС — Е. Донской, В. Марков (Вена), Н. Кучинов, П. Норт (Испания), К. Лович и Ф. Сартори (Италия), Л. Лобанов и Г. Турков (Япония) и другие по всему свету собирают различную клевету о нашей стране и передают ее в Мюнхен своим хозяевам. Именно для этого на территории ФРГ действует целый ряд институтов, а также подразделений бундесвера, специализирующихся на «психологической войне». РС и РСЕ имеют службу подслушивания радиопередач и телефонных разговоров иностранных представительств в Западной Германии и других странах Запада.

Фирма «Интора» в Вене, возглавляемая Г. Айгнером, — это филиал РСЕ. Отделения РС находятся в Риме, Лондоне, Париже и других западноевропейских столицах, а также в Вашингтоне и Нью-Йорке. Связано с РС энтэзсовское издательство «Посев», не только выпускающее журнал того же названия, но и печатающее для засылки в Советский Союз враждебную литературу, готовящее для такой операции агентов, использующее в своих темных целях некоторых иностранных туристов.

Однако сейчас мы хотели бы остановиться специально на парижском отделении РС, где собралась весьма своеобразная компания «журналистов» — разведчиков, завербованных ЦРУ. Итак, о подопечных ЦРУ, о

тех, кого допускают к микрофонам, кто, как правило, имеет по несколько псевдонимов, выдает себя за «жертвы» социалистического строя, рекламируется как «специалист» по различным областям жизни Советского Союза и других социалистических стран.

На деле же они либо завзятые враги социалистического строя, всякого прогресса, смыкающиеся по существу с неофашизмом, или — еще чаще — болезненно самолюбивые неудачники, путем предательства своего народа пытающиеся найти путь к «известности».

В общем, по своему социально-политическому и моральному облику отщепенцы парижского отделения ничем не отличаются от запевал прочих отделений РС и РСЕ. Все они поднимаются на щит антисоветчиками, в том числе и сановными, фигурируют в качестве «борцов за гражданские права».

Теперь судите сами. «Птица» покрупнее и со стажем — М. Я. Геллер, он же Адам Кручек, родился в Могилеве в 1922 году. Окончил курс наук в МГУ, внештатно сотрудничал в некоторых московских редакциях, в частности с ним близко познакомился коллектив сотрудников «Советской графики». Но где бы Геллер ни появлялся, он прежде всего высматривал, где и как можно пожить. И он пустился на авантюру.

Из приговора судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 6 августа 1953 года явствует, что Геллер М. Я. с 1948 по 1953 год совместно с художественным редактором Гессеном А. И. незаконно присвоили свыше 61 тысячи рублей. За это преступление, согласно советскому законодательству, Геллер был приговорен к 15 годам лишения свободы. После освобождения он выехал за границу и в конце концов осел во Франции. Как это ни парадоксально, но Сорбоннский университет приласкал уголовника. Ему отпустили грехи и допустили до кафедры русского языка и литературы. На вопрос, чем он желает «одарить» студентов, отщепенец не моргнув глазом ответил: «Могут вести курс лекций на тему «Интеллигенция и революция в СССР». Кроме того, знаю проблему «Советское кино» и кое-что еще...»

Геллер втирается в доверие к редакторам реакционного журнальчика польской эмиграции «Культура» и начинает строчить туда антисоветские статьи. «Специалист» по советской литературе рецензирует паскви-

ли Солженицына. Последнее время Геллер активничает и в области радиопропаганды: он зачислен «советником» парижского отделения РС.

Есть и еще один «деятель» — Василий Бетаки. В Ленинграде он был известен как скандалист и интриган. И вот, став в позу униженного и оскорбленного, Бетаки с женой Виолеттой решил выехать за рубеж.

Там для начала был устроен обряд крещения Виолетты. В качестве крестной матери фигурировала все та же Шаховская, а крестным отцом соизволил стать Н. Шалдырван, служивший в бандах Врангеля и бежавший с ними на Запад. В послевоенный период Шалдырван был связан с НТС, являлся сотрудником РС в Мюнхене. Последнее место работы — отделение РС в Риме.

Такой старт заграничной карьеры господина и госпожи Бетаки, конечно, был замечен. Западная пресса стала рекламировать Бетаки как «знаменитого писателя» и к тому же «теоретика», сделавшего «открытия» в национальном вопросе. В настоящее время чета Бетаки работает на РС, а также активно выполняет как «теоретические», так и практические поручения НТС.

Антисоветчики отыскиали в Тель-Авиве и подняли на свой щит Рафаила Нудельмана, который именует себя доктором наук. Во Владимире и Москве, где жил он ранее, никто, однако, научных трудов Нудельмана не видел.

Шефом филиала является Витольд Ризер. Родился он в Польше. Служил и служит ее врагам. Предательство для Витольда Ризера — многолетняя профессия. Он вступил на этот путь еще до второй мировой войны, выполняя поручения английской разведки.

После войны Ризера, как и многих других, подобрало Центральное разведывательное управление США. После выполнения многих достаточно грязных поручений ЦРУ в ряде европейских стран Ризер, очевидно, получил приказ переквалифицироваться в журналиста. Он стал корреспондентом РС в Риме, а затем редактором русской программы РС в Мюнхене. Услугами Ризера пользовались также спецслужбы НАТО. В 1969 году Ризер направляется в Англию в качестве руководителя лондонского отделения РС.

Да, мы еще не сказали, что Ризер больше известен как Виктор Шиманский. Именно под этим псевдони-

мом он строчил клевету и дезинформацию о Советском Союзе, выступал перед микрофоном мюнхенской радиостанции.

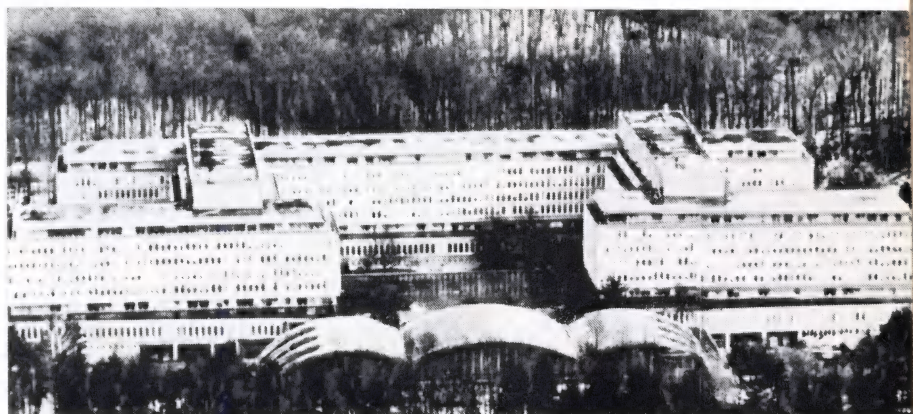
Репутация Ризера-Шиманского как антикоммуниста и антисоветчика, его ненависть ко всему прогрессивному известна его шефам, и потому он без задержек двигался по «служебной лестнице». В 1975 году Ризер-Шиманский назначается шефом объединенного парижского филиала РС.

Все те, о ком сказано, — подшефные Ризера-Шиманского, который заведует кормушкой, отвешивая из нее каждому «по заслугам», выколачивая из отщепенцев как можно больше клеветнических измышлений. И те стараются. Трушин призывает к индивидуальному террору. «Специалист по национальному вопросу» Бетаки выступает в духе Пуришкевича. Не отстают от этих и остальные.

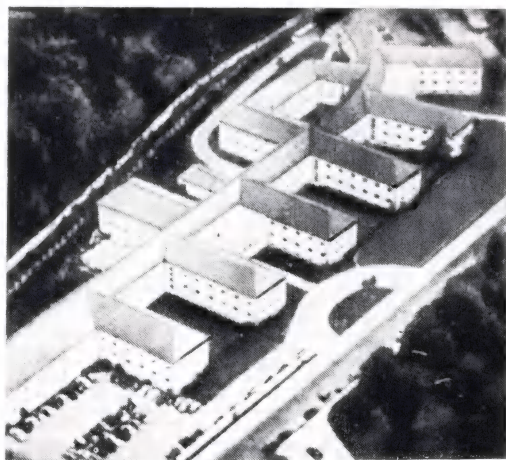
Весьма любопытная деталь: когда Ризер-Шиманский получил от Трушина список тем для эфира (от вопросов религии до вооруженных сил), он немедленно направил на фирменном бланке «Комитета радио «Свобода» в Париже» письмо в Мюнхен на имя Д. Лодейзена (копии Ф. Рональдсу и другим) с предложением использовать ~~странию~~ Трушина в радиопередачах. Ф. Рональдс — сотрудник ЦРУ, до лета 1977 года — директор РС.

Как и вся деятельность РС и РСЕ, гнилой товар, поставляемый ее парижским филиалом и идущий в эфир, несовместим с духом разрядки, с элементарными нормами международного общения. Как уже упоминалось, единственный аргумент, который выдвигается ее хозяевами в пользу продолжения существования этой радиостанции, заключается в том, что она являет-де собой образец «объективности». Как же обстоит с этим на деле? Мы познакомились с передачами РС за полгода и не только не нашли никаких следов «объективности», а обнаружили, что РС все более разнузданно пользуется отравленными средствами ведения «психологической войны». За исключением кратких сводок международных новостей, в которых, кстати, меньше других стран присутствует Советский Союз, все, что происходит в нашей стране, охаивается.

РС, изо дня в день мусолящая одни и те же имена ничтожной группки отщепенцев, не сказала ни единого

Вот они — два ведущих подрывных центра идеологических диверсий современного империализма. В одном сидят хозяева, в другом — слуги. В одном расположилось Центральное разведывательное управление США, в другом — радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа».

Аппаратная мюнхенского радиодиверсионного центра. Отсюда передают фальшивки, отравляющие эфир ложью и клеветой.

Предатель Нигматуллин, который тоже подвизается на РС.

Изменница Родины Ю. Тибина, завербованная в свое время капитаном гитлеровской разведки Марией Де Смит (крайняя справа). Тибина (в центре) ныне отрабатывает иудины сребреники на «Свободе» в качестве агента ЦРУ.

◀ Бывший эсэсовец К. Кромиади (первый слева). Он долго занимался подбором кадров для работы на РС.

Radio Liberty Committee

PARIS BUREAU

September 23, 1976

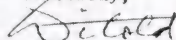
Mr. Jon Lodeesen
Radio Liberty
Englischer Garten
Munich

Dear Jon,

Enclosed are a list of proposed shows by a newcomer, Mr. Nikita Alexeyevich Trushin. Particulars which he gave about himself are also enclosed. The items marked off are -- according to him -- based on information available only to him. At least that is what he says, though it doesn't seem too possible in all the cases mentioned.

I don't suppose you need all this stuff, but you might be interested in one or two subjects and we could give him a try. I realize that in the present budget situation we have to be very careful and I am doing this more as a Memorandum for the record than anything else. He declared to me with great emphasis that he is only interested in a permanent position with us, but when I told him that there was no chance of that for the time being, he climbed down and brought me this list. He knows French and seems to be a bright young man, though more than a little conceited. He also gave me as a present a small box of Russian caviar. It is the first bribe I've received in my twenty years of service with Radio Liberty. Don't think I will not eat it!

Sincerely,

Witold Ryser

cc: Messrs. Matusevitch,
Ronalds,
Tuck

Послание Дж. Лодейзену — одному из американских шефов РС.

**Шереметьево. Таможня. От зоркого глаза
сотрудников этой службы трудно уйти
лжетуристам...**

An den

Kommandeur der Sicherheits-
polizei und des SD in

K i e w .

Betr.: Leo Wladimirowitsch D u d i n , geb. am 31.1.1910 in Wilna
wohnhaft in Kiew, Korolenka 18, Wohnung 16.

Es ist beabsichtigt, Obengenannten sobald wie möglich im
Rahmen eines Arbeitertransportes nach Deutschland zu schicken.
Als Hauptschriftleiter der russischen Zeitung in Kiew und als
Schriftleiter für Aussenpolitik an der ukrainischen Zeitung in
Kiew hat er dem SD grosse Dienste geleistet und bewiesen, dass
er eine politisch einwandfreie Haltung besitzt. Aus den bereits
Kommandeur in Kiew vorliegenden Akten, bei denen sich auch
auf befindet, geht Näheres über seinen Werdegang her-
aus. Ist SS-Oberscharführer Reumann über ihn in Silber-
der jetzigen Pressearbeit in Kiew unbefrie-
den und genau vorgeschriebene, it. Weisung des General-
Verlagsgehilfe-
anz, die gegen-
ten hat, Ver-
trauen zu
seinen lang-
gehen. Bei die-
zentralen Dienst-
lichkeit selbst
Wenn man ihn in

НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД ПО УКРАИНЕ.
Киев. 26.4.1942 г.
НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД В КИЕВЕ.
Киев. 26.4.1942 г.
Касается: Льва Влaдимиpовича ДУДИНА, род. 31.1.1910 г.
в г.р. Вильно. Прож. в г. Киеве, ул. Короленько, 18 кв. 16.

Предполагается вышеозначенного отправить в Гер-
манню с транспортом рабочих. В качестве главного редактора
русской газеты в Киеве и курьера по вопросам высланной по-
литики при украинской газете он оказал СД весьма полез-
ные услуги, что его политические воззрения обуславливают.
Следует отметить, что в Киеве, где предполагается
поставлен в известность и СС-обершарфюрер РЕЗИАН.
Ввиду того, что Дудин в Киеве, т.к. ему
предоставлено содействие в работе. В зданиях газет мо-
жет также использоваться в качестве редактора и уполномо-
чен на издание генерального коммюнике и уполномо-
чен на издание общества издательства).
от издательства генерального коммюнике и уполномо-
чен, что интеллигентная, которая все-таки к ним оказывает
неодовольствие и потеряет доверие, по-
этому на удовлетворение его
отправить в Германию, в
ответственность на
на с

St. Aufw. /
Obersturmführer-

Фотокопии подлинных документов на из-
менника Родины Дудина, завербованного
гитлеровской разведкой. Ныне он является
агентом ЦРУ.

СЕРИЯ:
Форм. 93. Раздаточная
Редактор: А. С. Сидорова.

3 не любить Сам Сами! **ПОВАРАВА**
В Москве этой зимой даже кар
жить и умиет, а зимой дрова под рукой и

КАРТОЧКА

Дорогой Александр,
Александрович!

Самых Вам наи-
лучших пожеланий,
каких и придумать не
могу! И много-много
Ваших книжек в сара-
яновых переплетах и с
золотыми обрезами! И...

Дома у вас чудесный, а вот Сашке и па-
увидел, он в школе был. Мы сашу критикую
шную машинку и мечтающий верный. Все
лучше, но было совсем не хорошо, потому что
принадлежит "Детскому миру" епархиальные танки
мать.

— Я люблю и постоянно читаю в корну. Ки
Адресный не только изобрет.
Все это — Вашими пожеланиями. Целую
Очень — твоя! Ю. Бук

Вот такие открытки посылали бывшему члену Союза писателей СССР А. Петрову-Агатову нынешние «диссиденты» — уголовники В. Буковский и А. Гинзбург.

Обложка паспорта, который был выдан М. Гриневской в ФРГ.

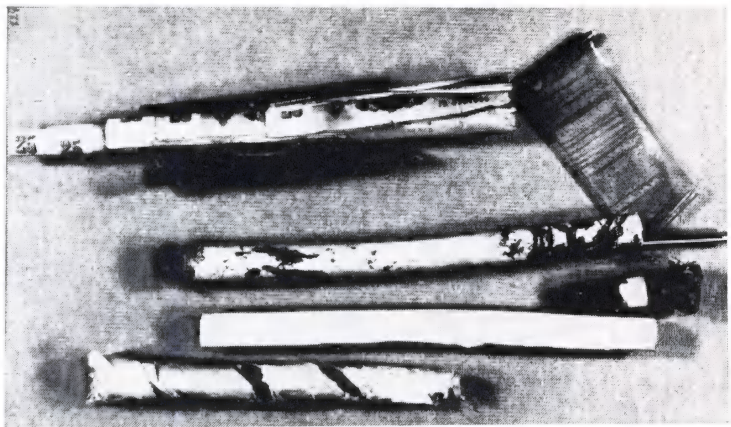

Заведующий консуль-
ским отделом посольства
США в Москве г-н Гросс
и М. Петерсон. Разуме-
ется, не здесь они хоте-
ли бы встретиться...

Шпионская амуниция — от ампул с ядом до
пакетов с «молоком».

Другая разновидность шпионских тайников — куски телефонного кабеля с полостью внутри или шариковая ручка, в которую можно спрятать секретную информацию.

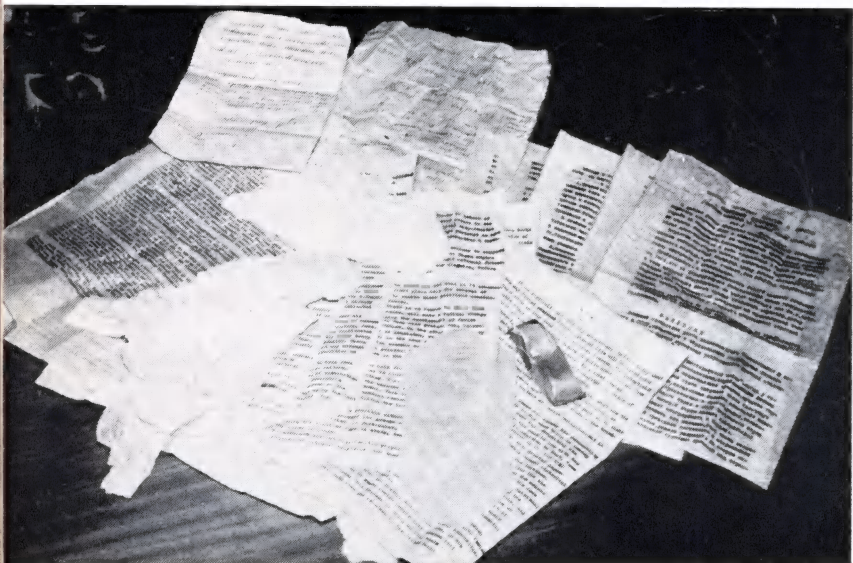

Внешне этот натюрморт выглядит невинно и даже привлекательно. Но если заглянуть с обратной стороны, там целый арсенал подслушивающих устройств... Эта «картина» принадлежала одной из западных спецслужб.

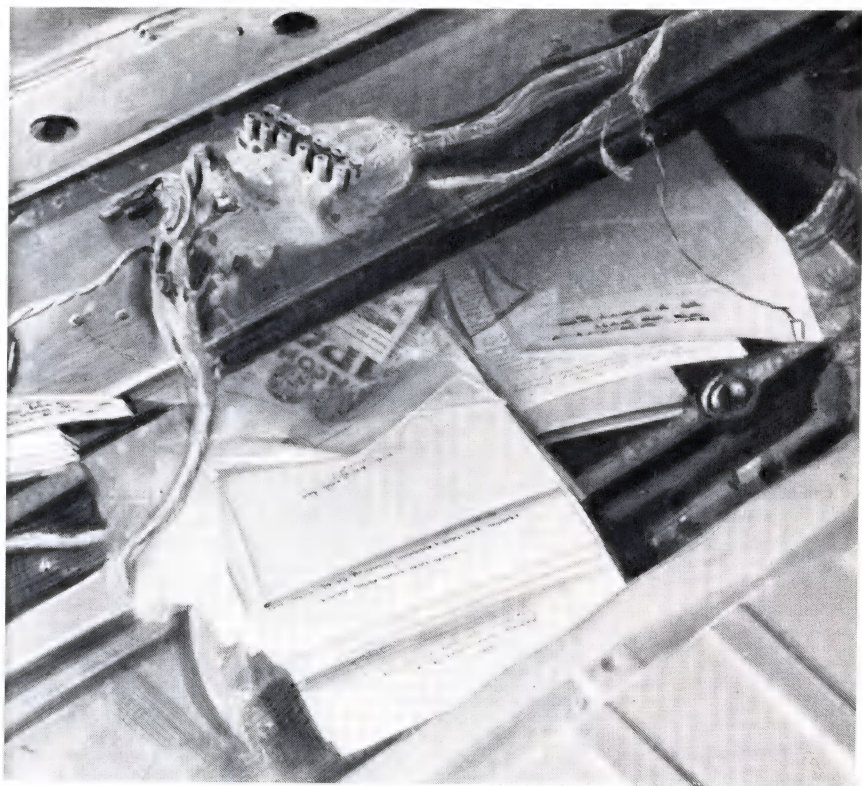

А этот «агрегат» создан теми же спецслуж-
бами для печатанья разного рода подрыв-
ной литературы.

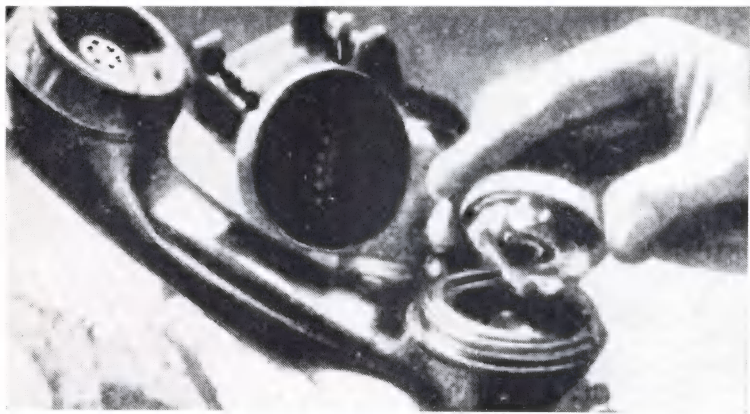

Всевозможные «туристы» нередко тайно пытаются провезти в СССР антисоветские издания, журналы, листовки и даже бриллианты для оплаты «услуг» иных отщепенцев и уголовных преступников.

Тайник, обнаруженный в автомашине Сарельда и Энгстрема «Форд-консул-2000» в тот момент, когда эти «туристы» пытались проскользнуть через таможню в Бресте.

Агенты западных спецслужб готовят оборудование: в телефонную трубку закладывают подслушивающее устройство. Его компоненты настолько малы, что приходится делать пайку через сильное увеличительное стекло.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ

Обучение на радиостанции „Свобода“

В радиостанции „Свобода“ в Нью-Йорке и ее филиалах по всему миру обучают будущих радиовещателей. Обучение проводится на русском языке. Курс включает в себя изучение основ радиотехники, теории радиовещания, а также практические занятия по ведению радиопередачи. Обучение длится несколько месяцев. По окончании курса слушатели получают диплом, подтверждающий их квалификацию. Многие выпускники находят работу в радиостанциях по всему миру.

КТО ПРИНИМАЕТСЯ НА КУРСЫ

Курс радиовещания „Свобода“ открыт для всех желающих. Для поступления необходимо заполнить анкету и предоставить некоторые документы. Прием ведется круглогодично. Обучение проводится на русском языке. Курс включает в себя изучение основ радиотехники, теории радиовещания, а также практические занятия по ведению радиопередачи. Обучение длится несколько месяцев. По окончании курса слушатели получают диплом, подтверждающий их квалификацию. Многие выпускники находят работу в радиостанциях по всему миру.

Курс радиовещания „Свобода“ открыт для всех желающих. Для поступления необходимо заполнить анкету и предоставить некоторые документы. Прием ведется круглогодично. Обучение проводится на русском языке. Курс включает в себя изучение основ радиотехники, теории радиовещания, а также практические занятия по ведению радиопередачи. Обучение длится несколько месяцев. По окончании курса слушатели получают диплом, подтверждающий их квалификацию. Многие выпускники находят работу в радиостанциях по всему миру.

Испытания на продолжительный срок

После окончания курса слушатели проходят испытания на продолжительный срок. Это позволяет им получить практический опыт работы на радиостанции. Испытания проводятся в течение нескольких месяцев. По окончании испытаний слушатели получают диплом, подтверждающий их квалификацию. Многие выпускники находят работу в радиостанциях по всему миру.

Краткое испытание

После окончания курса слушатели проходят краткое испытание. Это позволяет им получить практический опыт работы на радиостанции. Краткое испытание проводится в течение нескольких недель. По окончании краткого испытания слушатели получают диплом, подтверждающий их квалификацию. Многие выпускники находят работу в радиостанциях по всему миру.

Стипендии

Стипендии предоставляются слушателям, которые успешно проходят обучение. Стипендии предоставляются на период обучения. Стипендия может быть предоставлена в виде денежной помощи или в виде бесплатного проживания. Стипендия предоставляется на период обучения. Стипендия может быть предоставлена в виде денежной помощи или в виде бесплатного проживания.

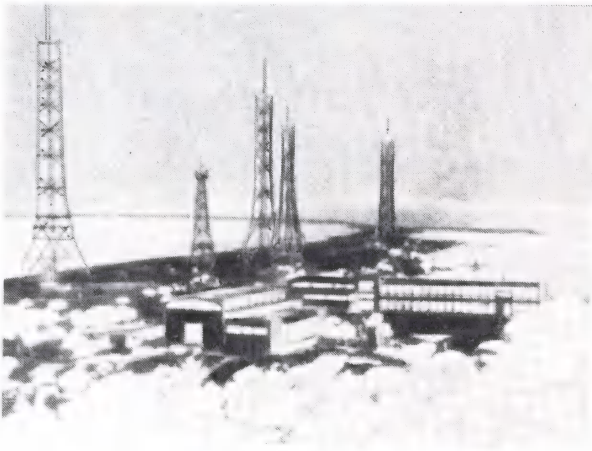

Краткие курсы для практикантов

Краткие курсы для практикантов проводятся в радиостанции „Свобода“. Эти курсы позволяют слушателям получить практический опыт работы на радиостанции. Краткие курсы проводятся в течение нескольких недель. По окончании кратких курсов слушатели получают диплом, подтверждающий их квалификацию. Многие выпускники находят работу в радиостанциях по всему миру.

Так работодатели из ЦРУ рекламируют деятельность подрывных радиостанций, обещая поступающим молочные реки и кисельные берега.

Один из филиалов радиостанции «Свободная Европа» в Испании.

**CHEF FOR FET
OBERST
ERIK FOURNAIS**

KE-SEKTIONEN

Afd.-CHEF
KOMMANDØR-
KAPTAIN

ERIK HARDER

**Afd. FOR BESKJØTE
POLITISKE TRICKS**

KAPTAINLØJTNANT
I SØVERNET

ULRICH SCHMIDT

SIGNATUR-
FORKLARING:

Operativ ledelse

*Uddannelse,
ideologi,
øien orientering*

*Fuld information
fra "Lukket"
mændning*

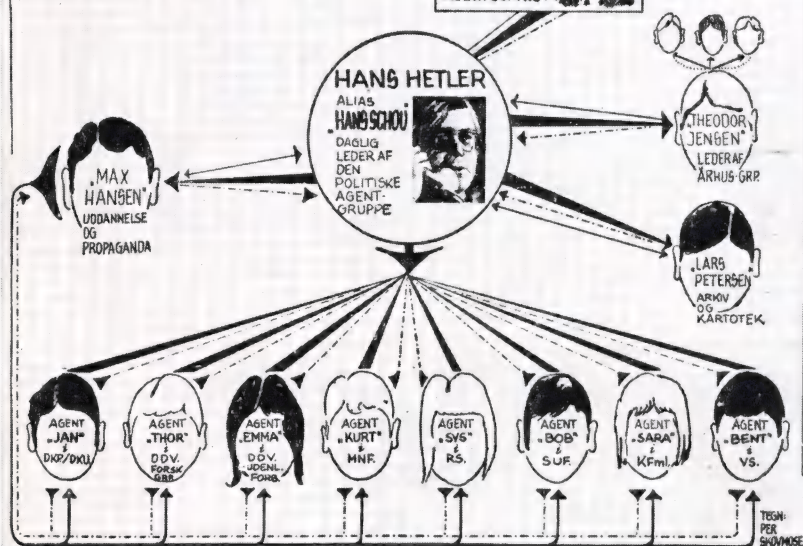

Схема датской военной контрразведки, где, как явствует, Хетлер играл не последнюю роль. Его фотография в центре круга.

доброго слова ни об одном советском человеке — патриоте, будь то колхозник, рабочий, ученый, писатель, артист, космонавт. Ведь до чего договариваются: новозеландский (!) корреспондент РС Петр Егоров (изменник Родины П. Патрушев) обрушивается на социалистический строй за то, что он «в принципе ставит человека выше природы», то есть считает, что природа должна быть поставлена на службу людям.

В злобных попытках опорочить советскую действительность радиодиверсанты выдают белое за черное. На советском морском флоте есть первые в мире женщины-капитаны — это плохо. В нашей стране широко развита сеть детских яслей и садов — тоже плохо. В СССР популяризируется все подлинно художественное, проникнутое лучшими передовыми идеями своего времени, все, составляющее гордость мировой культуры, — и это не устраивает радиолгунов. Все их не устраивает потому, что это происходит в стране победившего социализма.

Вот в этом-то и суть! А пора, казалось бы, понять, что советский народ не хочет порядков на западный манер, что он ушел на целую эпоху вперед от общества частного предпринимательства, от эксплуатации человека человеком. Вернуть советских людей в старый мир никто и ничто не сможет. А ведь как, кто, сколько раз и какими средствами пробовал это сделать — у всех в памяти. Чем кончились такие попытки, тоже хорошо известно.

На зимней Олимпиаде в Инсбруке корреспондентам РС и РСЕ было отказано в аккредитации. На летнюю Олимпиаду 1976 года в Монреаль они пробрались за американской спиной. Все радиопередачи РС об Олимпиаде в Монреале были построены так, чтобы преуменьшить триумфальный успех спортсменов СССР и других социалистических стран. Усилия тратились на то, чтобы извратить характер советского спорта, замолчать его реальные высокие качества и приписывать ему то, что не свойственно нашему физкультурному движению.

К тому же то, что, по указанной выше причине, не договаривали корреспонденты радио РС из Монреаля, «дополнял» Анатолий Кузнецов из Лондона. Олимпиада для него «мрачное зрелище, какие-то древнеримские соревнования гладиаторов не на жизнь, а на

смерть перед жадной, неблагодарной, ошалелой толпой на трибунах и у телевизоров по всему миру». До чего же обозлен на всех и вся этот бывший писатель, являющий собой не только мрачное, но и поистине жалкое зрелище!

Само существование РС и РСЕ противоречит записанному в Заключительном акте общеевропейского совещания положению, согласно которому недопустимо никакое вмешательство во внутренние дела других государств, в том числе и при помощи средств массовой информации.

Ликвидировать орудия ЦРУ РС и РСЕ — это требование все громче звучит в США, где люди осуждают действия конгресса, продолжающего тратить деньги американских налогоплательщиков на мюнхенские реликты «холодной войны». Это требование звучит во многих других странах, и в частности во Франции, где обосновался один из филиалов РС.

Решение хозяев РС о перемещении так называемой «культурной» секции РС из Мюнхена в Париж свидетельствует, по мнению сведущих наблюдателей, о том, что ЦРУ под предлогом «оживления культурной жизни эмигрантов из Советского Союза во Франции» на самом деле использует французскую территорию для усиления своей подрывной деятельности против нашей страны, других стран социалистического содружества.

Не в интересах Франции, а против них действуют эти реакционные силы. В свое время еще генерал де Голль выступал против предоставления территории Франции для агентуры РС. Президент Жискард д'Эстэн неоднократно указывал на необходимость не предпринимать ничего, что могло бы повредить хельсинкским договоренностям, говорил о необходимости находить любой благоприятный повод для новых конструктивных усилий с целью двигать дальше дело разрядки.

С таким выводом нельзя не согласиться.

Логово

Еще древние философы утверждали, что на земле все течет и изменяется, а время, подобно бурной и неиссякаемой реке, не останавливает своего движения

никогда. И события тоже не стоят на месте, ибо происходят во времени. Такова диалектика. Впрочем, на радиостанциях «Свободная Европа» (РСЕ) и «Свобода» (РС) время, вопреки объективным законам, остановилось. Остановилось уже много лет назад, когда в слякотную непогоду «холодной войны» появились на свет один за другим эти незаконнорожденные отпрыски Центрального разведывательного управления США.

На планете нашей стало теплее, и даже самые осторожные люди пришли к выводу, что разрядка — это уже не субъективная случайность, а объективная закономерность, а вот на РСЕ и РС понимают все наоборот. На планете нашей люди разных политических взглядов и вероисповеданий пришли к выводу, что настало время повернуть события в русло все большего взаимопонимания и дружбы, а на РСЕ и РС стараются раздуть костер недоверия и вражды. Более того, официальные и неофициальные лица из Соединенных Штатов с удивительным бесстыдством продолжают, как говорится, пудрить мозги заокеанским и европейским обывателям, утверждая, что «Свободная Европа» и «Свобода» не ведут никакой антикоммунистической и антисоветской пропаганды, а передают лишь «объективную информацию». Но возьмите американскую газету «Нью-Йорк таймс», и вы прочитаете следующие строки: «Обе радиостанции были созданы в Мюнхене (Западная Германия) Центральным разведывательным управлением в рамках его секретных пропагандистских операций и тайно финансировались ЦРУ...» И далее: «Эти две радиостанции ведут передачи на шестнадцать языках на Советский Союз и на шести языках — на Польшу, Болгарию, Венгрию, Румынию и Чехословакию — с начала пятидесятых годов... По указанию президента Картера две радиостанции закупают 11 новых передатчиков. Средства на четыре из этих передатчиков были выделены в прошлогоднем бюджете, и сейчас они строятся близ Мюнхена. Выделение денег на остальные семь передатчиков было отложено до нового года...» Что же, яснее, пожалуй, и не скажешь. Добавим лишь, что в проекте федерального бюджета США на 1979 финансовый год расходы на подрывную деятельность РСЕ и РС предусмотрены в сумме свыше 80 млн. долларов. Следовательно, амери-

канское правительство никоим образом не предполагает свертывать работу шпионско-подрывных центров, деятельность которых заключается в массовой атаке радиостанций на социалистические страны, многочасовом вещании, состряпанном в различных редакциях РС и РСЕ. Эта стряпня должна, по идее руководителей радиостанций, способствовать возникновению «сомнений и недовольства», а также «подрывать веру коммунистов и прокоммунистов в то, что ход мирового развития работает на благо их движения». Весь этот поток клеветы и дезинформации готовят свыше тысячи сотрудников, в том числе бывшие гитлеровские пособники, те, у которых руки в крови, те, у которых совесть заляпана грязью. Они много раз меняли имена и постарались сделать все возможное, чтобы люди забыли о них. Они вытравивали из сердец память об отце, доме, предавали родных, близких и друзей, продали страну, в которой родились. Но советские люди о них не забыли. О предателях вообще не забывают. Истинные фамилии всех карателей, изменников и уголовников известны. Напомним некоторым из тех, кто нынче защищает «права человека» перед микрофоном РС, что о них и об их деяниях помнят. Между молчанием и неосведомленностью не всегда следует ставить знак равенства.

Мы молчали о вас, Юлия Тибина, не потому, что забыли, как вы, нанявшись в гитлеровскую комендантуру переводчицей, выдавали гестаповцам своих односельчан, а потому, что до вас, так сказать, не дошла очередь. А она, эта очередь, дойдет до всех...

Мы знаем, что в 1943 году Тибина была завербована гитлеровской шпионкой капитаном Марией Де Смит и направлена для «повышения квалификации» в школу агентов-пропагандистов, находившуюся тогда в Пскове. Там Юлия не только постигала диверсионные науки, но и вела слежку за своими же сокурсниками, изучала их настроения и выдавала тех, кто казался ей «политически неблагонадежным»... Она выезжала вместе с Де Смит в лагеря советских военнопленных, выступала с пропагандистскими беседами, вела вербовочную работу. После разгрома гитлеровской Германии обе «подруги» оказались в зоне оккупации войск США. Американская разведка не только «великодушно» простила все грехи Де Смит и ее «подопечной»

Тибиной, но и предоставила им возможность сколачивать из эмигрантского отребья различные антисоветские группировки, так сказать, на будущее...

Пословицы и поговорки не рождаются просто так. Если правда, что «муж и жена — одна сатана», то эта старинная русская поговорка как нельзя лучше подходит к законному супругу Тибиной — Кузьме Кабанову. Биографии предателей не отличаются разнообразием. На то они и предатели. Разница только в частности. Не успев оказаться на фронте, Кузьма бросил винтовку и, подняв руки вверх, перешел к немцам. Далее — обычный путь предателя. Расстрелы советских военнопленных, чтобы «закрепиться» на службе у гитлеровцев, затем обучение в школе агентов-пропагандистов при власовской армии в местечке Дабендорф и в офицерском училище в городе Мюнзингине. Американцы пригнали и Кабанова. И не только пригнали, но и включили в состав антисоветской диверсионной группы... Кстати, дуэт Кабанов — Тибина оказался американским рыцарям «плаща и кинжала» весьма занятным. В 1958 году представители ЦРУ поручили супружеской паре организовать и провести в Мюнхене антисоветское сборище эмигрантов разных поколений. Тандем старался вовсю. В качестве основного докладчика и «почетного гостя» уважаемой публике была представлена бывшая гитлеровская шпионка Мария Де Смит. Старая любовь, как видим, не заржавела. Супруги Кабановы, естественно, не стали рассказывать биографию сильно сдавшей и постаревшей нацистской фрау, выступавшей с визгливыми антисоветскими речами.

И все же с пропагандистской работой Кузьма и Юлия справлялись, по мнению американцев, весьма и весьма неважно. Сборища собирались жидкие, эмигрантские союзы и организации рассыпались, как карточные домики. В конце концов в соответствующем подразделении американской секретной службы было принято решение откомандировать неудавшихся супругов-пропагандистов на «Свободу» и определить их на техническую работу. Ныне Юлия Тибина и Кузьма Кабанов трудятся в «мониторинге» на РС, который предназначен для подслушивания радио- и телефонных переговоров советских учреждений, находящихся за рубежом, а также перехватов передач советских

радиостанций с целью их анализа и использования специальными подразделениями ЦРУ.

Дмитрий Чайковский, уроженец Минской области, жизнь прожил долгую. Сейчас ему 65 лет. Но у любого убийцы и подонка количество прожитых лет прямо пропорционально количеству совершенных против своего народа преступлений. Едва гитлеровцы оккупировали Минск, буквально с первых дней, Чайковский предложил свои услуги карательным службам. Он составляет списки партийных работников, активистов, советских патриотов, становится во главе созданной гитлеровской разведкой националистической организации «Белорусская служба батьковщине» (БСБ), получает за свое лакейское усердие чин старшего лейтенанта германской армии. Карьера предателя идет по восходящей. В 1943 году его назначают заместителем начальника учебного центра БСБ в городе Слониме, затем в Минске, а в 1944 году направляют в Берлин. Там в штабе еще одного гитлеровского детища — «Белорусской краевой обороны» (БКО) — он занимается вербовкой кандидатов в Дальвитскую диверсионно-разведывательную школу и некоторое время преподает там специальные дисциплины. В январе 1945 года, за пять месяцев до полного разгрома третьего рейха, гитлеровская военная разведка прикомандировывает Чайковского к так называемой «первой гренадерской штурмовой бригаде», сформированной из предателей и отпетых уголовников, уже в чине капитана... Американская военная разведка спасла преступника от уготованной для него за совершенные злодеяния петли. Спасла, естественно, не из альтруистических побуждений, а имея в виду совершенно определенную цель — использовать Чайковского для сколачивания всякого рода националистических антисоветских группировок. С годами вербовочная прыть агента ЦРУ ослабла. Поэтому с 1954 года его направили на более «спокойную» работу — в качестве сотрудника РС.

Минск — город большой. И встретиться двум людям, тем более во время войны, было совсем не просто. Но, как говорится, рыбак рыбака видит издалека. Надежда Абрамова, конечно же, не могла пройти мимо Дмитрия Чайковского. Они познакомились в СД — гитлеровской контрразведке, агентом которой Абрамова стала сразу же после фашистской оккупации

Минска. Прикрываясь специальностью врача (а она действительно была участковым врачом в Минске), Абрамова вела активную работу по выявлению и выдаче фашистским властям советских людей, связанных с партизанами или помогавших им. На ее совести много загубленных жизней соотечественников. Так же как и Чайковский, Абрамова принимает участие в создании националистической организации в Белоруссии. Правда, в сферу ее деятельности входит «работа» с молодежью. Она выступает с призывами вести тотальную борьбу против Советской Армии, прибегая к шантажу, заставляет некоторых неустойчивых молодых ребят искать советских патриотов-подпольщиков и выдавать их гитлеровцам... Кровавые «заслуги» Абрамовой были высоко оценены. Фашистский палач Белоруссии В. Кубз самолично наградил ее медалью второй степени. Абрамовой, конечно же, нельзя было рассчитывать ни на какое милосердие даже союзников, если бы она попала им, что называется, под горячую руку. Поэтому Надежда Абрамова «умерла». Формально, естественно. А вместо нее «родилась» Мария Теодорович. Под этой фамилией военную преступницу и завербовала в Мюнхене, где Абрамова-Теодорович оказалась после войны, американская разведка. Антисоветская прыть новоявленного агента ЦРУ пришлась по вкусу американцам. Теодорович вместе с Чайковским работает по сколачиванию националистического отребья, затем ее определяют в так называемый «Институт по изучению СССР», являвшийся филиалом РС.

После ликвидации «института» Теодорович перевели в исследовательский отдел РС, занимающийся планированием подрывных и других акций против Советского Союза. Ныне гитлеровская пособница, достигшая уже пенсионного возраста, пребывает в Вечном городе, где по заданию ЦРУ и под крышей некоего литературного учреждения стремится распространять антисоветскую литературу среди советских граждан, приезжающих на Апеннины, а также пытается организовать нелегальную засылку этой литературы в нашу страну. Надо сказать, что пристрастие бывшего участкового врача к литературе началось еще в период гитлеровской оккупации Минска. Именно тогда Абрамова стала пробовать свое перо на страницах про-

фашистского издания «Белорусская газета», редактором которого был Антон Адамович.

Это еще один предатель. Он вместе с Абрамовой пытался сколачивать в Белоруссии националистические группировки, вместе с ней вел «идеологическую» работу среди молодежи. «Заслуги» гитлеровского прихвостня тоже были замечены. В 1943 году Адамович был направлен в геббельсовское министерство пропаганды в Берлин, где, дождавшись капитуляции Германии, перебежал к американцам. И уже затем через соответствующее подразделение ЦРУ оказался в русской редакции «Комитета радио «Свобода» в Нью-Йорке...

Таковы портреты в профиль и анфас некоторых «кадров» на «Свободе», которых американская администрация в «Основном положении о работе всех подразделений радиостанции «Свобода» называет «...голосом бывших советских граждан...».

Каким же может быть «голос» всех этих предателей и палачей, людей без родины и без совести, со столь похожими друг на друга биографиями? Правда, есть и другие, так сказать, «голоса». Этих «деятелей» называют «вторым» или даже «третьим» поколением антисоветчиков, души которых проданы за тридцать сребреников. Это бывшие советские граждане, которые, уехав под разными предлогами из СССР (обычно для «воссоединения с родственниками», проживающими в Израиле), оседают чаще всего в Мюнхене, где находится упоминавшаяся нами радиостанция «Свобода».

Биографии антисоветчиков «нового поколения», как правило, короткие. Вот, например, семейство Махлисов (муж и жена), которые ходят по коридорам «Свободы», взявшись за руки, умиляя всех своей молодостью и ярой приверженностью сионизму. Так и говорят встречному и поперечному: «Мы ярые сионисты». Леонид Махлис родился в 1945 году. В 1971 году окончил факультет журналистики МГУ и махнул в Израиль. Естественно, для «воссоединения»... Его жена Илонна Александрович — дочь певца Михаила Александровича. Когда-то папаша был модным исполнителем неаполитанских песен. Сейчас поет религиозные псалмы в синагоге в Торонто. Люто ненавидит Советскую власть. Но по немощи своей на «Свободе» выступать не может. Поэтому пристроил туда свою дочь. Та хоть

и не поет, но вещает в качестве диктора исключительно на антисоветские темы. Илонна попала на РС не сразу. Поначалу она с мужем работала на израильской радиостанции. Супружеская пара влипла там в какую-то аферу и, естественно, нашла свое спасение на «Свободе»... Людей без грязных пятен в биографиях туда, как известно, не принимают.

Такое вот «пятно» было и у Льва Ройтмана. Вернее, не было, а появилось. Сначала все шло нормально. Старший инженер киевского управления «Транспромналадка» работал, как и все, и плюс к этому учился на заочном отделении юридического факультета. Знакомые Ройтмана отмечали лишь большое пристрастие Льва к карточной игре и неумное его желание зарабатывать как можно больше денег, не гнушаясь иногда «коммерческими» операциями по перепродаже импортных вещичек. В 1967 году Ройтман, завершив юридическое образование, стал работать в киевской областной коллегии адвокатов. И вот тут-то и появилось «пятнышко», которое выразилось в склонении потерпевшей (по делу об изнасиловании) к отказу от прежних показаний и даче заведомо ложных свидетельств — за соответствующую мзду, разумеется. Ройтмана с работы уволили. Выждав некоторое время, он подал ходатайство о выезде на постоянное жительство в Израиль для «объединения семьи» с родной тетей по матери — Эсфирью Кауфман, проживающей в Тель-Авиве. Получив разрешение на выезд, Ройтман направился не в израильскую столицу, а в американский город Нью-Йорк. Там он развелся со своей первой женой, которая выехала вместе с ним. Бросив супругу и ребенка в чужой стране, Ройтман женился вторично. Новая подруга — Шерон Голлер оказалась членом небезызвестной «Лиги защиты евреев». Она-то и привела своего мужа на РС, где Ройтман, сменив свою фамилию на Ростова, вернее, Леонида Борисовича Ростова, стал регулярно выступать перед микрофоном по проблеме «юридической системы в СССР». Вы, конечно, можете себе представить, что это были за выступления...

Таковы образцы «новых кадров» радиостанции «Свобода». Утверждают, что новыми слугами вполне довольны старые хозяева, то бишь американцы. И не просто американцы, а кадровые разведчики ЦРУ.

Впрочем, и среди хозяев появились новые личности.

В нашей печати уже неоднократно и немало писалось о директоре РС мистере Рональдсе. Он не изменился. По-прежнему сидит на двух креслах (как сотрудник ЦРУ и как директор). Но у него появился новый заместитель. Фамилия его — Так. Роберт Лесли Так. Родился в 1922 году. Окончил американскую разведшколу в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ).

Известен в Польской Народной Республике. Работал там на «дипломатическом» поприще. Так — не новичок на РС. Начал свою деятельность на радиостанции в 1961 году, после того как его «попросили» покинуть ПНР. Руководил на «Свободе» русской и национальными редакциями, редакцией новостей и отделом программ, определял политическую линию радиопередач, составлял меморандумы по содержанию программ. Составлял, вероятно, не совсем удачно. Ибо в 1972 году Така откомандировали в Нью-Йорк, что в кулуарах «Свободы» расценили как понижение по службе и в должностном окладе. Утверждали, опять же в тех же кулуарах, что немалую роль в этой черной полосе жизни мистера Така сыграл мистер Рональдс, который в то время был заместителем директора РС и считал, что на пути к креслу директора у него не должно быть «сильных» конкурентов.

Но так просто с Таким дело не кончилось. После слияния РС и РСЕ Така назначили начальником объединенного отдела исследований и планирования. В этом качестве в середине ноября 1975 года он принял участие в конференции по планированию главных направлений передач на Советский Союз и другие социалистические страны. Причем Таку было поручено изучить возможности внесения изменений в программы РС, если они будут вестись через спутник. Видимо, Так достаточно оперативно изучал такие возможности, и его снова повысили. Только как вот на это посмотрит мистер Рональдс? Может быть, пришла теперь очередь ему отправляться в Нью-Йорк...

Впрочем, мистер Рональдс смотрит не только на мистера Така. Ведь на директорское кресло претендуют многие. Один из них — нынешний начальник так называемого отдела изучения аудитории Джордж Перри. Кстати, он сменил на этом посту полковника ЦРУ Макса Ралиса, после того как последнего перевели на

«оперативную» работу в Париж. У нас уже писали о «бюро мистера Ралиса», которое занимается чисто шпионской работой, используя для этого сионистские организации во Франции, белоэмигрантов, отщепенцев, покинувших СССР, и отдельных французских граждан. Так же как мистер Ралис — это не Ралис, а Марк Израэл, родившийся в России и выехавший с родителями за границу в двадцатых годах, мистер Перри — это не Перри, а Георг Перетяткович, родившийся в Кракове и уехавший из Польши в Соединенные Штаты. Но бог с ними, с двухфамильными. Будем называть мистеров на американский манер и вернемся, как говорят французы, к нашим баранам. Вернее, к Джорджу Перри.

Из Польши Перри выехал в Соединенные Штаты. Случилось это в 1948 году, когда ясновельможному пану стукнул 21 год. Пана завербовало ЦРУ, соответствующим образом подготовило и бросило на диверсионно-идеологическую работу. Перри работал под крышами издательства журнала «Америка», посольства США в Москве, американского консульства в Мюнхене, был сотрудником отдела анализа и исследований информационного агентства США, или, как его сокращенно называли, ЮСИА. Называли. Мы говорим об этом центре идеологических диверсий в прошедшем времени потому, что в Вашингтоне официально объявлено о том, что на базе ЮСИА и бюро госдепартамента по вопросам образования и культуры будет создано новое пропагандистское учреждение, которому уже придумали название — Американское агентство по информации и культурному обмену. О том, что скрывается за сменой вывески и увеличением бюджета нового пропагандистского центра США, догадаться нетрудно... Во всяком случае, значительное число штатных единиц, как говорят в Вашингтоне, будет заполнено работниками из того же ведомства, откуда пришел и Джордж Перри. А с ним мы имели возможность хорошо познакомиться еще в 1964 году, когда долговая фигура мистера в темных очках появилась в экспозиционных залах Сокольников на выставке «Средства связи США». Мистер Перри приехал на нее в качестве помощника директора (это официально) и офицера безопасности (это неофициально). Мистер неплохо говорил по-русски, активно вступал в беседы с посетителями, хотя разговаривал с ними коротко и весь-

ма специфически: «Где работаете?», «Сколько зарабатываете?», «Нравятся ли вам американские телевизоры и телефонная система «Датофон»?» А по вечерам, после работы, Джордж Перри гулял. Гулял широко, с аппетитом, на казенные деньги, разумеется. И произошел с ним небольшой казус. Очень рано утром из гостиницы «Украина» пыталась выйти растрепанная девица с объемистым пакетом. Ее задержали дружинники. В пакете оказались: телефонный аппарат новейшей американской системы, из тех, что демонстрировались на выставке, блок сигарет и несколько бутылок виски. «Откуда?»—спросили ошарашенные дружинники. «Оттуда,— сказала растрепанная девица.— От мистера Перри». Скажем прямо, девица имела смутные представления о том, что удобно и что неудобно. Удобно ли познакомиться с иностранцем? Пожалуйста, никто не возражает. Удобно ли тащиться к нему в гостиничный номер на ночь глядя? Наверное, нет. А вот что рассказала тогда Галина З., так сказать, пострадавшая: «Когда я познакомилась с господином Перри, он пригласил меня к себе в номер. Во время нахождения в номере г-н Перри угощал меня виски. И несмотря на мои попытки уйти ввиду позднего времени, г-н Перри запер дверь на ключ и спрятал его. Он отпустил меня только утром на следующий день, около 8 часов 30 минут. Вскоре после того как я пришла к нему в номер, он стал приставать ко мне... Он это делал грубо и нахально. У меня остались следы его рук и синяки на теле...»

Нет, мы нисколько не сочувствуем Галине, так же как и не ставим под сомнение щедрость Джорджа Перри, тем более что подаренный телефон американская администрация выставки объявила «похищенным кем-то из посетителей». Мы не стали бы ворошить прошлого, если бы нам в голову не пришла мысль о том, что в общем-то биографии хозяев до удивительности напоминают биографии слуг на «Свободе». Действительно, мерзкие дела не могут не делаться руками мерзких людей. И какой бы ни был клоповник — из железобетона или мрамора, с зеркальными стеклами или без оных, в нем не будет стоять запах ландышей...

И вот этот дурнопахнущий клоповник стараются выдать хотя и за частную, но имеющую право на существование организацию. Да, мы знаем, что финан-

сирование РС перешло от ЦРУ к специально созданному для этих целей органу — «Совету международного радиовещания». Но он-то, этот совет, подчиняется госдепартаменту! И в каких же это анналах истории международных отношений можно отыскать пример того, как правительственная организация одного государства в мирное время изо дня в день занимается грубейшим вмешательством во внутренние дела другого государства, с которым оно имеет официальные дипломатические отношения? Беспардонная антисоветская клевета, грубые инсинуации и дезинформация американской радиостанции «Свобода», на которой работают бывшие гитлеровцы, уголовные преступники, всякого рода отщепенцы и другое отребье,— беспрецедентный пример нарушения основ международного права, международных обычаев, выработанных десятилетиями межгосударственных связей.

Отлучение

Когда собираешься в гости к людям, у которых прежде не бывал, в общем-то не так уже бесполезно познакомиться с ним и загодя. Поэтому, подъезжая по отмытой весенними дождями дороге к аулу Ассоколай, один из нас еще раз прокручивал в памяти то, что знал об адыгейцах. Древнейший народ, осевший на кубанских землях много-много веков тому назад. Народ, который не раз пытались поработить, изгнать, а иногда и стереть с лица земли сарматы и аланы, жестокие гунны кровавого Атиллы и дикие орды Батыя, крымские ханы и ногайские каймаканы. Даже генуэзские купцы, добравшиеся сюда на своих быстрых бригантинах, и те захотели превратить в рабов свободолюбивых жителей гор, лесов и степей. Бытие определяет сознание. Постоянная опасность вражеских нападений наложила отпечаток на характер и образ жизни адыгейцев, сделала их суровыми и гуманными, добрыми и недоверчивыми, заставила отказаться от постройки фундаментальных жилищ, приучила к постоянным кочевьям, минимуму вещей, скромности в пище, определила характер одежды, неприхотливой, но удобной для того, чтобы мигом взлететь на коня в случае тревоги...

Аул встретил новыми домами из красного кирпича,

под шиферными крышами, с пристроенными к ним гаражами, просторным Домом культуры с народным театром и разнообразными кружками художественной самодеятельности, школой-десятилеткой, магазинами с костюмами и пальто последних моделей... Всему этому голова — многоотраслевой колхоз имени Кирова, один из передовых в Теучежском районе Адыгейской автономной области. Жители аула, с которыми познакомились, сразу же объяснили, что называть их адыгейцами в общем-то правильно, но еще правильнее — адыгами. Так пошло исстари. К историческим дефинициям характера адыгов можно было бы добавить еще чувство ответственности всех за каждого, гордость за свой народ и бескомпромиссность. Обсуждали в субботу свалившуюся неожиданно-негаданно беду — открывшееся предательство бывшего жителя аула, и не нашлось ни одного равнодушного, который остался бы вечером дома, у экрана телевизора...

Немногие получают в Ассоколае «Неделю». Но статью «Слуги и хозяева «Свободы», опубликованную в еженедельнике, прочитали все. Старикам-аксакалам, слабо знающим русский, внуки-школьники перевели статью на язык предков, особо выделив один абзац, содержащий семнадцать строк. А в нем, в этом абзаце, говорилось, что сын бывшего кулака из адыгейского аула Ассоколай Газават Катбамбетов после прихода в августе 1942 года фашистских войск в Краснодар стал сотрудничать с гитлеровцами, был направлен в Замбергскую разведывательно-диверсионную школу, а потом, уже после войны, нанялся на радиостанцию «Свобода», где работал диктором, выступая с гнусной клеветой против нашей страны и своего адыгейского народа, якобы стонущего под «иглом Советской власти».

— Мы просим выступить вечером на сходе, рассказать об этом мерзавце, который опозорил наш аул. В суровую годину весь наш народ грудью встал на защиту родной Советской власти. 28 Героев Советского Союза — уроженцы этих мест, нашей автономной области, а из них семь — адыги. И вот объявился этот выродок, — гневно говорил председатель сельсовета Нух Хаджикечевич Гучетль. — Мы знали, что Катбамбетов ушел с фашистами, но не думали, что он еще продолжает нам гадить...

Ни один материал, тем более такой, как «Слуги и хозяева «Свободы», не идет на полосу без самой тщательнейшей проверки. За строками, посвященными Газавату Катбамбетову, стояли копии допросов бывших гитлеровских пособников, знавших его по учебе в Замбергской разведывательно-диверсионной школе, тексты клеветнических выступлений перед микрофоном радиостанции «Свобода» некоего «защитника прав малых народов» сначала под шутовским псевдонимом Кавкасли, затем и под фамилией Катбамбетов. Было известно и другое: в соседнем с Ассоколаем ауле проживает его дочь Дарихан Газаватовна, не так давно ездившая к нему в Мюнхен...

Итак, аул Октябрьский. Улица Толстого, дом 3. Новый кирпичный домик. На стук в дверь вышла девушка, оказавшаяся сестрой Дарихан по матери, пригласила нас войти. В гостиной добротный гарнитур, на полу ковер, в шкафу за стеклом много книг западных и отечественных классиков, отдельно Сергей Есенин — стихи поэта и книги о нем. Его особенно, как выяснилось, любит Дарихан Газаватовна, или Люба, как зовут ее в районной больнице, где она работает медсестрой в отделении гинекологии. Вошла, зябко поеживаясь, сказала, что больна, простыла, вот и сидит поэтому на бюллетене. На вопрос, что знает о прошлом отца, ответила, что ничего не знает, потому что родилась в 1943 году, уже после того, как Катбамбетов, бросив беременную жену, мать Дарихан, уехал в Краснодар и больше не вернулся домой...

— А что ваша мать говорила о нем?

— Что она может говорить? Мама вышла замуж в шестнадцать, когда все кажется в розовом свете. Да и прожили они недолго — немногим более двух лет. Началась война, и отец исчез уже навсегда. Вообще-то он учительствовал, преподавал в разных школах после того, как окончил педагогический институт в Краснодаре.

— Но вы ведь недавно видели отца?

— Да, видела. Получила разрешение и поехала к нему в Мюнхен.

— Говорили с ним?

— Да, много говорила. Просила вернуться на Родину, признать свою вину, понести заслуженную кару,

честной жизнью, трудом заслужить прощение и снять с нашей семьи позорное пятно.

Плакала Дарихан, настойчиво повторяла, что «осуждает отца» и даже «стыдится его», а в глазах все-таки стоял едва уловимый, немой вопрос: может, не виноват?

Нет, Люба, виноват он и оступился не случайно. Просто не стали рассказывать вам, что перед встречей был еще один разговор в Ассоколае. Собеседник представился несколько длинновато: «Бывший инструктор Замбергской разведывательно-диверсионной школы, бывший обер-лейтенант немецкой армии, бывший советский военнопленный, ныне пенсионер Напцок Заурбий Худович».

— Спрашиваете, был ли я знаком с Газаватом Катбамбетовым? А как же! Не только был знаком, но и рекомендовал начальству по школе Газавата как своего земляка, сына кулака, «нашего» в общем человека, к тому же хорошо знающего русский язык. Опять же по моей протекции получил он звание старшины. Сам просил: «Заур, говорит, похлопочи за меня, а то вы все в военной форме, а я в штатском, и паек не тот». А потом он стал вроде как бы адъютантом у меня. Куда я, туда и он. Выезжали в Берлин, там собирались формировать так называемую северокавказскую бригаду, бывали и в других городах: во Львове, Проскурове, Слониме, подбирали из дезертиров и уголовников «слушателей» в нашу школу...

— А чем занимались в школе?

— Чем занимаются в диверсионных школах? Готовили из «слушателей» диверсантов для заброски в тылы Советской Армии. Но готовили не мы, другие... Мы же только подыскивали кандидатов. После войны я отбыл положенный срок, а потом честно трудился и теперь на пенсии...

— А Катбамбетов?

— Ему удалось улизнуть. Сначала вроде в Турцию, а потом, как я слышал, в Западную Германию.

Да, после разгрома гитлеровской Германии Катбамбетов действительно бежал в Турцию, где встретил своего троюродного брата Али Катбамбетова. Тот помог ему поначалу устроиться, даже начать какое-то торговое дело... Кстати, в 1976 году турецкий гражданин Али Катбамбетов посетил аул Ассоколай, где жи-

вет по сей день его родная дочь Мариэт. Вспоминают аульчане, как целовал турецкий подданный родную адыгейскую землю, как обнимал деревья, как не мог наговориться с дочерью. А она, между прочим, спросила его, оставшись с глазу на глаз: «Люди говорят, что выступает по плохому радио какой-то Катбамбетов и ругает Советскую власть. Не ты ли это, отец?» — «Нет,— ответил Али Шумафович,— это мой троюродный брат. Соблазнился он на большие деньги и продал свою душу «Свободе». Нехороший он человек. На это радио других и не берут. Поссорился я с ним, запретил даже на похороны мои приезжать. Но ты об этом никому не рассказывай. Мало ли Катбамбетовых на свете...»

Но Мариэт рассказала. Правда, к сожалению, намного позже, на сходе, который начался вечером после полевых работ, несмотря на субботу (весна, время дорого, ничего не поделаешь!), в Доме культуры аула. Сказать, что сюда собралось много народа,— значит ничего не сказать. Зал был набит до отказа. Те, кому не хватило места (не стульев, а пространства у стен и в проходах), заполнили вестибюль и стояли около радиодинамика, по которому шла трансляция из зала.

Слово взял председатель сельисполкома. «Товарищи,— сказал он,— многие из вас читали статью в «Неделе» и разобрались, о чем там идет речь. Приходили и к нам в сельский Совет за разъяснением по поводу этой статьи, просили собрать аульчан, чтобы обсудить деятельность радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», выразить протест против их вмешательства во внутренние дела нашего государства. Ну, и больше всего жителей нашего аула возмутил тот факт, что бывший его житель Катбамбетов работал диктором радиостанции «Свобода», болтая о «страданиях» адыгейского народа под «игмом» Советской власти и «преимуществах» капиталистического строя перед социалистическим».

А потом было много выступлений. Стихийных, гневных, бескомпромиссных, на русском и адыгейском языках. «Прочитав статью «Слуги и хозяева «Свободы», мне так же, как и многим другим аульчанам, было больно оттого, что рядом с названием нашего аула стоит фамилия фашистского холоуя,— сказала заведую-

шая фельдшерским пунктом Асиет Барчо.— Вот, оказывается, кто в течение многих лет выходил в эфир, как писала «Неделя», со своими выступлениями о «страданиях» адыгейского народа. Я хотела бы, чтобы все женщины мира пользовались такими правами, какими пользуемся мы — горянки, жили бы так же свободно и счастливо, как мы в нынешней Адыгее...

Да, видимо, плохи дела у твоих хозяев, Катбамбетов, на Западе, если они рассчитывают убедить в чем-нибудь адыгов устами таких вот подонков. Ты давно проклят адыгейским народом. И единственное, что нам остается,— это только стыдиться твоего существования. Вот почему я предлагаю предать забвению имя предателя и на веки вечные вычеркнуть его из славной памяти нашего народа...»

От имени молодежи выступил инструктор по спорту Рамазан Хаджиалдыев: «Мне, как и многим другим, больно от того, что человек, родившийся на нашей земле, вскормленный грудью адыгейки, так вот «прославился». Мы собрались сегодня, чтобы высказать не только свое презрение к предателю Катбамбетову, но и свой протест в адрес организаторов клеветнических, антисоветских передач через радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа».

Адыгейский народ, к которому мы имеем честь принадлежать, сто лет назад стал жертвой преступной провокации. Обманутые лживыми призывами феодалов, мусульманских мракобесов, тысячи адыгейских крестьян покинули родную землю. Многие из них и по сей день мыкают горе на чужбине, где издеваются над их национальными чувствами, где попираются все человеческие святыни. Это было сто лет назад... И вдруг, читая статью, мы узнаем, что есть еще на свете новоявленные провокаторы и мракобесы в лице холуя Катбамбетова, который, как и его предки по классу, надевшие адыгам в свое время хомут бесчеловечной эксплуатации, пытается гнусно клеветать на нашу действительность. Катбамбетов плохо знает историю своего народа, позабыл о его традициях и обычаях. А они, эти традиции, заключаются в том, что предателей и преступников никогда не принимала и не укрывала адыгейская земля».

Персональный пенсионер, ветеран войны и труда Гиса Юсуфович Снаков был знаком до войны с Кат-

бамбетовым и считал его без вести пропавшим. «А он объявился на «Свободе», — заявил бывший фронтовик, — этот иуда, продавшийся за медные гроши. В те годы, когда лучшие сыны Адыгеи, наши аульчане, отдавали свои жизни на фронтах Великой Отечественной войны, сын кулака — Катбамбетов поступил на службу к врагам своего народа, опозорил землю, вскормившую его. Разве подобный человек способен говорить правду? Он сменил хозяев и продолжает свою предательскую деятельность на радиостанции «Свобода», выдавая себя за «защитника» прав человека».

А колхозница Мариэт Хабрачо сказала коротко и ясно: «Опозорил всех своих родственников, не пожалел даже дочь родную. А тоже ведь, оказывается, вякает что-то из-за границы. Чему он нас может научить и что сказать, когда аула-то своего уже почти сорок лет как не видал?»

Таким вот образом говорили о вас, Катбамбетов, на сходе в родном ауле Ассоколай. Впрочем, не родном уже ауле, поскольку имени Газавата Катбамбетова в списках родившихся в Ассоколае более не существует. Вас отлучили от адыгейского народа.

За тридцать с лишним лет, что кулацкий отпрыск провел на чужбине, в ауле выросли новые дома, в каждом из которых поселились телевизоры, холодильники, стиральные машины и современные гарнитуры. Аульчане живут в достатке, многие из них обзавелись собственными автомобилями. Если до войны в ассоколайской школе обучалось 250 школьников и было всего лишь два преподавателя с высшим образованием, то теперь учащихся 700, а учителей, окончивших высшие учебные заведения, уже более сорока. Если до войны в колхозе было несколько тракторов, то теперь их несколько десятков, плюс еще 27 комбайнов и более трех десятков грузовиков последних марок. Если довоенная урожайность зерновых составляла семь центнеров, то теперь она повысилась до тридцати пяти центнеров с гектара. Увеличилась продуктивность животноводства, возросли доходы колхозников. Если вы, Катбамбетов, не поняли закономерностей, сущности и значения этих перемен, то ваши хозяева на «Свободе» вынуждены были понять безнадежность пропагандистских потуг. Поэтому, надо полагать, они и вынуждены

были прикрыть передачи на адыгейском языке, а вас перевели в другое подразделение радиостанции.

...Вот такая история произошла после того, как в «Неделе» была опубликована статья «Слуги и хозяева «Свободы».

Чад из мюнхенской

радиокухни

В одном из номеров «Известий» за 1977 год была напечатана информация ТАСС из ФРГ, озаглавленная «Мстят за разоблачение». В ней рассказывалось о травле бывшей сотрудницы радиостанции «Свобода» (РС) М. Гриневской, которой она подверглась за то, что публично поведала о весьма неприглядных делах этой подрывной организации. Она, как говорится, извлекла на свет божий и вскрыла нравы мюнхенской радиодиверсионной кухни. Впрочем, как она сама отмечает теперь, свара, характерная для обитателей здания на Энглишер гартен, в Мюнхене и напоминающая пауков в банке — это норма их обычного поведения. Но никто из самих «радистов» не рискует выносить сор из избы. Один, было, попробовал — и его как не бывало...

С Майей Яковлевной Гриневской (урожденная Климакова) и ее мужем Б. М. Гриневским мы встретились в Москве после их возвращения в Советский Союз. М. Гриневская показала нам некоторые документальные материалы, которые ей удалось привезти с собой. Мы не ошибемся, если скажем, что лицам, фигурирующим в этих материалах, тесно связанным с диверсионной деятельностью западных спецслужб против Советского Союза, они явно испортят настроение...

Теперь буквально несколько слов о том, как Гриневские попали на Запад и что из этого вышло.

В 1972 году родители Б. М. Гриневского выехали на Запад. Позднее, в результате их настойчивого требования «воссоединиться», семья Гриневского-младшего — он, жена, двое детей и мать жены также покину-

ли Советский Союз. Они оказались в ФРГ, где, как нежелательных гостей, их снабдили документами, в которых прямо значилось: «без права работы», а также озаглавленными необычным словом «терпение». Расшифровывалось это, видимо, так: «Мы вас терпим, но в любую минуту можем выбросить за пределы ФРГ». Как позже стало понятно, обосновавшийся в США и имеющий свое отделение в Западной Германии антисоветский «толстовский фонд» поначалу должен был связать Гриневскую с американской разведкой. Для этой цели ее познакомили с представителем некой «американской фирмы». Он в беседах с Гриневской задавал женщине откровенно провокационные вопросы, надеясь получить на них соответствующие ответы. Но, убедившись в том, что Гриневская для его «фирмы» интереса не представляет, отбросив камуфляж и по-солдатски отрекомендовавшись сотрудником информационной службы НАТО, сей господин заявил: «В таком случае вы мне не нужны».

После этого на сцене появился некий Юрий фон Шлиппе с супругой. Проявив повышенное сострадание к безработным Гриневским, зная, что Гриневская по профессии журналистка, фон Шлиппе дал ей ясно понять, что для нее остается один выход — поступить на службу на РС, и тут же свел ее с Джоном Лодейзеном и Владимиром Матусевичем — теперь уже бывшими руководителями русской редакции РС.

Как рассказывает Гриневская, служба безопасности РС самым детальным образом со всей скрупулезностью проверяет вновь поступающих лиц неамериканского происхождения и не имеющих американских паспортов, неотступно наблюдает за каждым их шагом, изучает настроения. Из-за длительной проверки Гриневская, к примеру, работала без контракта, не в штате. Существует на РС и так называемый «программный отдел», который по штатному расписанию заполнен исключительно американцами. Они не обязаны знать русский язык. Собственно говоря, эта элита и управляет на радиостанции всем и вся. Система службы безопасности, охраны, где засели полиция из бывших гитлеровских приспешников — предателей родины, и другие подразделения РС замыкаются на «программный отдел». Слежкой и подслушиванием разговоров занимаются охотно и многие сотруд-

ники РС. Видимо, за это начальство их благодарит как денежными подачками, так и продвижением по службе.

Шефам РС очень хотелось заполучить в свои руки Гриневскую: во-первых, журналистку и, во-вторых, человека, лишь недавно покинувшего Советский Союз. Как признавался тогда занимавший пост главного редактора русской редакции В. Матусевич, сотрудники второго поколения эмигрантов, то есть дети бежавших из Советской России после революции, и прошедшие гитлеровскую школу предательства и вандализма представители так называемого третьего поколения, и, наконец, лица четвертого поколения: пресловутые «диссиденты»-уголовники — вся эта публика уже выжата как лимон. Они растеряли не только совесть, честь, но и остатки здравого смысла. По словам Гриневской, эта шантрапа умудряется напиваться до положения риз, запершись в своих комнатках-отсеках, в бессильной злобе проклиная свое прошлое, настоящее и будущее. А когда пьяный угар и бред проходят, надо браться за перо, иначе прогонят, как собаку. Но перо скользит по поверхности, создавая «шедевры», в которые уже никто не верит...

Атмосфера, по словам Гриневской, была настолько отвратительна и мерзка, что она почувствовала ее буквально с первых дней пребывания в редакционных коридорах.

Первое, с чем пришлось столкнуться ей на РС, была унижительная система отношения американского начальства к «сотрудникам-инородцам».

— Вы понимаете, — объясняет нам Гриневская, — на РС считается нормой выгонять человека с работы подряд семь — десять раз. Потом таким же образом принимают обратно, так сказать, восстанавливают, но уже на более низкую должность. Гнать, гнать и гнать... Ведь чем человек спускается ниже по служебной лестнице за свои «прегрешения», тем из него легче вить веревки.

Затем Гриневская рассказывает о том, как строится работа на РС, а точнее о самой механике фальсификации и передергивания фактов. Официально этот процесс называется редактированием.

Каждое утро примерно две с половиной тысячи сотрудников РС расползаются более чем по тридцати

отделам. На их столах разложены для обработки до 250 советских газет и журналов. Все это стрижется, склеивается, переписывается, разбавляется «личными» впечатлениями и преподносится как нечто новое, оригинальное, неповторимое. Качество материалов, по убеждению Гриневской, не выдерживает никакой критики. Но когда она как-то попробовала несколько откорректировать явную нелепицу, бросающуюся в глаза ложь и грубую подтасовку истории, то в дело незамедлительно вмешалась американская служба проверки «на лояльность». В практике РС последнее слово «редактирования» принадлежит специальному политическому цензору Гердту, а также некоему Штруму, которого, впрочем, прежде всего интересуют не сами тексты, а их авторы и правщики.

Так вот, Гердт вызвал Гриневскую и без всяких предисловий отстранил ее от редактирования «ответственных» материалов, строго предупредив: «Отныне и навсегда я буду лично контролировать всю вашу работу!»

Среди прочих наиболее важных, находящихся на «передовой линии» отделов РС числится отдел «секретный мониторинг». Он расположен в мюнхенских казармах «Макгро», где сосредоточены службы разведки армии США в Западной Европе. Здесь на специальных аппаратах повышенной чувствительности ведется запись подслушиваемых радиотелефонных переговоров судов морфлота стран социалистического содружества, телефонных разговоров иностранных представителей в ФРГ. Отдел «по исследованию аудиторий» (недавно он переведен в Париж) наблюдает за советскими гражданами, находящимися за границей, изыскивает каналы для переброски подрывной антисоветской литературы в СССР. Это подразделение также подбирает, обучает и направляет в Советский Союз своих агентов в мантиях ученых, под видом туристов, бизнесменов и т. д. «Исследовательский отдел» добывает и анализирует, обобщает и вносит предложения на основании разведанных о Советском Союзе. Полученные «рецепты» используются как внутри РС, так и переправляются по закрытым каналам в штаб-квартиру ЦРУ и НАТО.

Все службы РС тесно связаны с рядом антисоветских организаций, такими, как «толстовский фонд» в

США (отделение в Мюнхене), «славянская миссия» в Швеции, НТС, отделения которого разбросаны по разным западноевропейским столицам. По вполне понятным причинам в этих антисоветских гнездах ютятся отнюдь не желторотые юнцы, а главным образом подагрическое старье, наиболее злобствующее в своем физическом и духовном бессилии.

— И вот представьте себе,— замечает Гриневская,— американские хозяева весьма неохотно расстаются со старыми «проверенными» кадрами — бывшими власовцами, сотрудниками концлагерей, гестапо. Особенно охотно берут на работу членов НТС. Помимо кадрового энтээсовца Юрия фон Шлиппе, по последним данным, на РС приняты новые сотрудники — активные члены НТС, которых американские шефы уж никак не могут обвинить в «сочувствии» Советскому Союзу. На радиостанции чувствуют себя как дома энтээсовцы Красовский, чета Кожевниковых, Тенсон, Рар — последний во всех документах тщательно скрывает свое членство в НТС. Открещиваясь для вида от открытой связи радиостанции с националистической эмиграцией, американцы на деле всячески поощряют сотрудничество «Свободы» с эмигрантскими группировками украинских и прибалтийских националистов, с НТС и сионистами. Что же касается разного рода «диссидентов», то им теперь все чаще приходится довольствоваться крохами со стола американских благодетелей. Сейчас — я тому была свидетельницей — эту категорию лиц используют по конвейерной системе: два-три интервью и — прочь со двора! Так было, например, с Д. Маркишем (сыном Переца Маркиша), который приехал «завоевать Европу», и «диссидентами» Кушевыми. Словом, новые «поборники» прокручиваются на РС через мясорубку и выбрасываются, не задерживаясь на РС более двух-трех дней. Повторяю, а те фашистские недобитки, которые успели сколотить на радиостанции капиталы, чувствуют себя хозяевами положения, точнее — они верные прислужники шефов, за что и поощряются всячески последними. Но вполне естественно, это «социальное» расслоение уже не раз приводило к склокам, ругани, созданию группировок, враждующих фракций. Очередной взрыв на почве борьбы за выживание под солнцем произошел в недрах РС, я слышала, совсем недавно...

Мы спросили Гриневскую в этой связи, читала ли она корреспонденцию, помещенную в «Вашингтон пост» из Мюнхена, пояснив, что автор репортажа М. Гетлер в беседе с нынешним руководителем русской редакции РС Фрэнком Старром задал ему вопрос, правда ли, что сотрудники возглавляемой им редакции «борются между собой и их борьба носит формы ожесточенного затяжного конфликта, в ходе которого выдвигаются взаимные обвинения в фашизме и антисемитизме, и было даже возбуждено судебное дело по обвинению в клевете». Фрэнк Старр утвердительно ответил на этот вопрос. Более того, из его слов явствует, что так как на РС работают и антисемиты, и евреи, и давние эмигранты, состоящие в фашистском НТС, и те, кто по тем или иным причинам недавно бежал за границу, то отношения между ними весьма напряженные». (Не правда ли, мягко сказано?! — Авт.) Некоторые сотрудники РС обратились даже к американскому послу в Бонне Уолтеру Стеселлу с просьбой провести расследование. В числе жалобщиков был и Матусевич, постучавшийся одновременно в совет международного радиовещания, контролирующий РС из Вашингтона. Говорят, что именно после этого Матусевич был снят с поста главного редактора и выдворен из штаб-квартиры РС. Теперь он подвизается в роли рядового корреспондента в Скандинавии. Судя по всему, и назначение Старра вместо Лодейзена также было вызвано отчаянными распрями среди радиодиверсантов. В качестве своего первого успеха на посту надсмотрщика новый американский администратор Старр приводит тот факт, что, мол, сотрудники РС «перестали называть друг друга в коридорах фашистами».

Гриневская не читала статью в «Вашингтон пост». Мы рассказали ей содержание этой статьи. После этого она отметила: во-первых, ее автор сильно сгладил положение вещей. И, во-вторых, она может кое-что добавить, опять-таки из своего личного опыта. Гриневская дает весьма сочные характеристики отдельным членам банды, окопавшейся в РС.

Взять, к примеру, Матусевича. Хотя он и выступает в роли «жалобщика», он сотни раз заполнял эфир собственными сочинениями, проникнутыми животной ненавистью ко всему советскому. Его конек — вопросы литературы и искусства. И здесь он дает волю свое-

му языку! При этом характерно, Матусевич в личных беседах с Гриневской признавался, что давно уже не читает советских книг, не смотрит советских кинофильмов... («Но отрабатывать хлеб-то как-то надо...»)

Заметные фигуры на РС Виктор и Аля (Сара) Федосеевы. Оба имеют израильское гражданство. Федосеев специализировался на антисоветской клевете в отделе новостей. Дружил с Анатолем (Кузнецовым), пока тот активно действовал на РС. Теперь последний отодвинут на задний план. Другие радиодиверсанты именуют его «малоупотребляемым» по причине того, что «выдохся». Жена Федосеева, судя по всему, близка к цензорскому отделу. Вообще же другим сотрудникам в этот сугубо американский отдел, как и в прочие американские службы радиостанции, вход закрыт. Далеко не все американские шефы даже известны в лицо на РС.

— Да и вообще на РС люди друг от друга изолированы. В служебное время им настоятельно рекомендуется воздерживаться от контактов, разве что в буфете... Например, мне приходилось встречаться с Паничами — Юлием и Людмилой. Его псевдоним — Виноградов. Ярый и типичный антисоветчик. Держится крайне нагло, пользуясь тем, что имеет долгосрочный контракт. Ненавидит все русское, хотя является на РС режиссером передач на русском языке. Однажды Панич предложил пристроить на РС испанца Анхелла Гутьерреса. Гутьеррес с 1939 года жил в СССР. Актер, режиссер, преподаватель ГИТИСа. Вернулся в Испанию к матери в 1974 году. Случай привел его как-то на РС. Анхелл выдержал здесь всего неделю, после чего немедленно уехал обратно в Испанию, заметив: «Хоть коров пасти, но только подальше от этих липких митиных и паничей. В клозете воздух чище, чем здесь».

После того, как Гриневская прекратила работу на РС, отказавшись от предложения Лодейзена выступать с антисоветскими материалами у микрофона, она незамедлительно оказалась за воротами. Во Франкфурте-на-Майне, куда она переселилась с семьей, начались провокационные телефонные звонки с угрозами и шантажом. Однажды на улице было совершено хулиганское нападение на мать и маленького сына Гринев-

ских. Каждый выход в город мог закончиться избиением или хуже того...

В мае 1976 года семья Гриневских подала ходатайство с просьбой разрешить им вернуться в СССР. Учитывая ряд факторов и обстоятельств, им разрешили вернуться.

Порвав с РС, до самого последнего дня Гриневские являлись активными членами патриотического общества соотечественников «Дружба» во Франкфурте-на-Майне. Перед отъездом в Советский Союз Майя Гриневская направила в ряд западногерманских газет и международных телеграфных агентств открытое письмо. В нем она называет имена предателей, которые под руководством кадровых разведчиков из ЦРУ отравляют эфир, сеют рознь и вражду между народами. В письме Гриневской, в частности, говорится: «Все эти «борцы за права человека» способны на любую подлость и клевету. За сребреники Иуды они готовы уничтожить собственную мать. Может ли подобный сорт людей давать объективную информацию о чем-либо?! Проверку подстрекательских материалов перед тем, как их выпустить в эфир, осуществляют политические цензоры — агенты ЦРУ. В специальных отделах РС подготавливаются и рассылаются газетам ФРГ статьи-рекомендации, как извращать внешнюю политику СССР и, придавая ей «агрессивный характер», поддерживать отщепенцев в их потугах выступать против существующего в Советском Союзе государственного строя».

В заключение М. Гриневская пишет: «Мое письмо продиктовано искренней заботой о подлинных правах человека. Пусть оно поможет людям понять, кто работает на РС, чем занимается эта радиостанция, кто ею руководит, какова миссия Вашингтона, который направляет в Мюнхен долгосрочные директивы, как вести радиопропаганду против СССР».

Кстати, Гриневская в беседе с нами особо подчеркивала, что Америке не делает чести связывать себя с эмигрантским отребьем, политическим мусором от белоэмигрантов и прислужников гитлеровцев до нынешних уголовников, называющих себя «инакомыслящими». Вся эта компания подвизается на РС, и они-то выдаются за «защитников прав человека»!

— Используя территорию ФРГ для враждебной радиопропаганды против соседних стран,— говорила Гриневская,— американцы ставят своего западногерманского союзника, мягко говоря, в неловкое положение.

С каждым днем становится все очевиднее, что РС—битая карта, что деньги американских налогоплательщиков тратятся на нее впустую. А ведь деньги немалые — свыше 80 миллионов долларов в год, как это предусмотрено новым бюджетом США.

Но в Вашингтоне не хотят смотреть правде в глаза и все еще держатся за неистово чадающий мюнхенский радиодиверсионный центр. Как сообщила «Нью-Йорк таймс», помощник государственного секретаря США по европейским делам Джордж Вест направил письмо на имя Джона Гронуски — председателя американского совета международного радиовещания. Послушать составителя сего послания, как и того, кому оно адресовано, то РС — это сама невинность!

Неужели в Вашингтоне не понимают, что авторы подобных утверждений ставят и себя и рядом стоящих официальных лиц в смешное положение! Кто им поверит?

Информация против дезинформации

Выступая на общеевропейском совещании в Хельсинки, Л. И. Брежнев подчеркивал, что средства массовой информации, являясь одновременно и зеркалом, и одним из рычагов внешней политики государств, «могут служить целям мира и доверия, а могут разносить по свету отраву розни между странами и народами».

В последнее время проблемы обмена информацией особенно часто становятся предметом дискуссий на форумах и встречах специалистов, представителей общественности. Они поднимаются в ООН, ЮНЕСКО и других международных организациях.

В 1978 году нам дважды довелось присутствовать на форумах, где обсуждались вопросы распростране-

ния информации. В апреле в Стокгольме состоялась международная конференция, а в октябре — ноябре эти же проблемы стояли в повестке дня XX сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже.

Все это не случайно. Информация играет огромную роль в формировании общественного мнения, оказывает влияние на международный климат. Напомним: сегодня в мире насчитывается почти 400 миллионов телевизоров, 25 тысяч радиостанций, более миллиарда радиоприемников, выходят десятки тысяч газет и журналов, суммарный тираж которых измеряется сотнями миллионов экземпляров.

Представители сорока трех стран — руководители ведущих телеграфных агентств, крупнейших газет, радио- и телевизионных компаний, международных объединений журналистов — обсуждали в Стокгольме проблемы содержания и форм развития международного сотрудничества в области информации.

На особое значение правдивых сообщений о борьбе против гонки вооружений, попыток вернуть мир к временам «холодной войны» обратил внимание председательствовавший на конференции лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и Нобелевской премии мира Шон Макбрайд. Он подчеркнул также необходимость более широкого и объективного освещения в мировой печати социально-политических процессов, происходящих в развивающихся государствах, оказания им помощи в становлении их собственных национальных систем коммуникаций.

Представители органов информации социалистических стран выступили в Стокгольме с конструктивными предложениями, направленными на более активное участие журналистов в борьбе за взаимопонимание между народами, за разработку демократических норм сотрудничества в области информации. Как отметил в своем выступлении советский представитель, в мире происходит не только так называемый «взрыв информации», но и взрыв дезинформации, когда некоторые органы печати, радио, телевидения на Западе сделали фальсификацию нормой своей деятельности, пытаются вмешиваться во внутренние дела суверенных государств, препятствовать прогрессивным социально-поли-

тическим преобразованиям в Азии, Африке, Латинской Америке.

Эта же мысль прозвучала в выступлениях ряда представителей прессы развивающихся стран. Вот, например, что сказал генеральный секретарь союза информационных агентств Африки Саад Муджбер:

— Материалы, распространяемые западными информационными службами, порой являют собой пример чистой дезинформации; события, происходящие в развивающихся странах, которые действительно заслуживают внимания, умышленно ими замалчиваются, зато второстепенные или просто сенсационные, напротив, подаются широко, в деталях. Кто же готовит блюдо на этой, так сказать, «кухне информации»? Как стало известно из самих американских газет, многие журналисты Соединенных Штатов работают на Центральное разведывательное управление. И это называется «свободой печати»! В связи с этим разве мы не должны относиться к деятельности иных западных корреспондентов, находящихся на работе в развивающихся странах, с определенной степенью осторожности?!

Известно, что колониализм оставил в наследство развивающимся странам чрезвычайно слабую систему средств информации, это бесстыдно используется западными пропагандистами для подтасовки фактов и фабрикация лживых сообщений — иными словами, для идеологической обработки общественного мнения развивающихся государств. Об этом говорили на конференции представители Нигерии, Индии, Пакистана, Ирана и других стран, а также ряда международных организаций.

— К сожалению, — сказал генеральный директор Информационного агентства стран Карибского бассейна Г. Майерс, — приходится констатировать, что очень часто западные телеграфные центры искажают те или иные события в молодых независимых государствах.

Любопытно отметить: стокгольмская конференция была организована ЮНЕСКО с целью изыскания путей улучшения международного обмена информацией. Большинство участников положительно оценили эту инициативу. К этим голосам присоединился и представитель межамериканской ассоциации печати Дж. Биби. А вот в Канберре тот же самый американский «журналист» Дж. Биби говорил дословно следующее: «Нашими

заклятыми врагами являются руководство, а также некоторые деятели в штаб-квартире ЮНЕСКО». В кулуарах конференции закономерно задавали вопрос: с какой же целью такие господа, как Биби, занимали места в зале заседаний стокгольмской конференции?

Характерным примером дезинформации по-американски может служить интервью директора ЦРУ Тэрнера, данное им в конце октября 1978 года радиотелевизионной компании Си-би-эс.

Корреспондент обратился к руководителю шпионского ведомства США со следующими словами: мой первый вопрос заключается в том, улавливает ли ЦРУ какую-нибудь причастность СССР к последним событиям в Иране?

На это Тэрнер ответил: «Я уверен, что в той или иной степени за этим кроется определенное советское влияние».

Зачем, спрашивается, директор ЦРУ пускает в ход заведомую ложь, да еще в тот момент, когда в Иране не прекращаются массовые антиправительственные выступления? Понять это нетрудно: с одной стороны, в Вашингтоне хотели бы обелить политику США в отношении Ирана, а с другой — оклеветать Советский Союз, вбить клин в добрососедские отношения двух государств.

Для достижения своих целей империалистическая пропаганда не брезгует ничем. Вспомним, как на страницах некоторых американских газет в сентябре 1978 года муссировался бредовый вымысел о том, будто и в землетрясении, происшедшем в Иране, повинна все та же «рука Москвы»...

Распространяя очередные небывлицы о причастности Советского Союза к событиям в Иране, господин Тэрнер, разумеется, хорошо знал, что отношения между СССР и Ираном строятся на принципах равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Если же говорить не о мнимом, а о действительном вмешательстве в дела суверенных государств, то этим как раз и занимаются сами Соединенные Штаты.

Чтобы обнаружить причины волнений в Иране, шефу ЦРУ следовало бы обратиться прежде всего к политике своей собственной страны. Именно американские монополии на протяжении многих лет грабят Иран, плача за нефть обесцененными долларами. Хотя

Ирану никто не угрожает, США навязали ему огромную программу вооружений, которая выходит далеко за рамки оборонных потребностей и ложится тяжелым бременем на экономику страны.

США наводнили Иран военными специалистами, «советниками» и «консультантами», подрывной работой которых до недавнего времени руководил Хелмс — один из предшественников Тэрнера на посту директора шпионского ведомства.

Проблемам эффективности, правдивости информации было уделено большое место и в работе Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в октябре — ноябре 1978 года. На заседаниях и в комиссиях обсуждались вопросы участия органов массовой информации в борьбе против милитаристской пропаганды, расизма, апартеида.

Ответственность средств массовой информации перед человечеством велика. Степень, в которой эта ответственность конкретно проявляется, зависит от позиции, занимаемой каждым органом информации и каждым журналистом по отношению к важнейшим проблемам современности. Речь идет прежде всего об обеспечении прочного мира, углублении разрядки международной напряженности, о добрососедском сосуществовании государств независимо от социально-экономического уклада, о взаимном уважении народов друг к другу.

Лишь исповедуя эти благородные, гуманные принципы, можно в высокой степени служить делу прогресса. И, наоборот, можно сильно повредить этому светлому делу, если органы информации и их работники стоят на иной позиции, фундамент которой — отрицание разрядки, ненависть к социализму, печальное наследие «холодной войны».

Долг работников органов массовой информации — полностью устранить все рецидивы, следы «холодной войны», чтобы двинуться вперед к решению ключевой задачи созидания прочного мира. Без активного и ответственного участия в этом деле средств массовой информации этого добиться невозможно.

3 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН осудила «любую форму ведущейся в стране пропаганды, имеющей целью или способную создать или усилить угрозу миру, нарушения мира или акта агрессии».

Выполняя это решение ООН, Верховный Совет СССР принял закон о защите мира, в котором пропаганда войны определяется как тягчайшее преступление перед человечеством. Законы аналогичного характера были приняты высшими законодательными органами Болгарии, Чехословакии, ГДР, Польши, Венгрии, МНР, Румынии. Можно также отметить, что в Конституции Бразилии есть статья, запрещающая пропаганду войны.

Подстрекательство к убийству давно уже запрещено внутренним законодательством подавляющего большинства стран мира. Так почему же разжигание вражды между народами, государствами, проповедь расового превосходства и другие позорные для нашего времени явления еще пытаются оправдать ссылками на «свободу печати»?!

В начале апреля 1978 года агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило из Йоганнесбурга о планах создания там нового «информационного» агентства, ставящего целью не что иное, как распространение расистских материалов. Один из основателей агентства, некто господин Линдстром, так характеризовал его цели. «Мы полагаем,— заявил он,— что во многих сообщениях о событиях в ЮАР и Родезии происходящие там волнения изображаются в основном как расовые волнения. Это неправильно. Основная борьба, которая ведется там, это борьба черных и белых против коммунистической агрессии...»

В высшей степени показательное заявление. Как часто органы информации, находящиеся в руках антикоммунистов, стремятся вместо объективных сообщений фабриковать бессовестные измышления, явную клевету. Разве такого рода информация может способствовать улучшению международной атмосферы, смягчению политического климата?

В наше время ядерное оружие ложится зловещей тенью на все человечество. Жизнь показывает, что правительства государств с различным общественным строем находят общую почву в поисках мер, уменьшающих угрозу войны, решающих спорные проблемы. Но процесс разрядки напряженности, столь важный для судеб всеобщего мира, не может быть поверхностным. Он должен идти вглубь, захватывая все более широкие сферы современной жизни, материализуясь в практических делах и шагах.

Все это имеет прямое отношение к рассмотрению роли средств массовой информации в современном мире. Недаром в числе других положений Заключительного акта, подписанного в Хельсинки, достойное место занимают и разделы, относящиеся к информации, причем, как и другие положения этого исторического документа, эти разделы имеют не самодовлеющее значение, а тесно увязаны с другими, включая и первый принцип Заключительного акта, гласящий, что государства должны «уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные и культурные системы, равно как и право устанавливать свои законы и административные правила».

Таким образом, средства информации не могут и не должны использоваться для вмешательства во внутренние дела других государств, для попыток подрыва существующего общественного строя другой страны или группы стран. Об этом приходится снова и снова вспоминать в связи с разнузданной деятельностью радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа».

Советский Союз и другие социалистические страны — участницы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе выступают не только за неукоснительное осуществление всех положений хельсинкских договоренностей, включая, разумеется, и относящиеся к обмену информацией, но и за расширение развития такого обмена в интересах дела мира и взаимопонимания между народами.

Можно отметить ряд внесенных делегациями социалистических стран предложений, направленных на содействие такому обмену. Таково, в частности, предложение Чехословакии о деятельности средств массовой информации и журналистов, направленной на содействие процессу разрядки в Европе, на развитие доверия между народами; Польши — о сотрудничестве и обменах в области культуры; Югославии — о проведении года европейской культуры и другие.

Нам представляется, что именно в такой плоскости, имея в виду высокие благородные цели укрепления мира и развития международного сотрудничества, уместно ставить и обсуждать вопрос об устранении еще имеющихся барьеров, преград на пути распространения информации.

Обсуждать этот вопрос в абстрактной форме — зна-

чит упускать из виду основную цель: данный вопрос требует, как и всякий другой, конкретного практического подхода — о каких барьерах идет речь и на пути какой информации.

Такое рассмотрение проблемы неизбежно затрагивает и другой вопрос: о роли государств. В принятой в Сан-Хосе в июле 1976 года на конференции государств Латинской Америки и Карибского моря — членов ЮНЕСКО декларации с полным основанием указывается на то, что «государства несут социально-экономические и моральные обязанности и ответственность во всем, что касается мер по поощрению, поддержке, развитию и распространению информации».

Поэтому, говорится в декларации, их долг, то есть долг государств, побуждать отдельных людей и народы к взаимному ознакомлению, взаимопониманию, дружбе, сотрудничеству при уважении национального суверенитета стран и принципа невмешательства государств в дела друг друга.

Эта декларация характеризует смысл и содержание процесса обмена информацией в международном масштабе, указывая и на те ориентиры, которые следует иметь в виду при обсуждении вопроса об устранении еще имеющихся препятствий на пути такого обмена.

Правомерны, на наш взгляд, мнения по этому вопросу и представителей многих развивающихся стран, указывающих на засилье в их средствах информации материалов с Запада, в которых искажаются многие проблемы, с которыми сталкиваются эти государства в утверждении своего суверенитета, в подъеме своей экономики.

Стремление молодых независимых стран развивать свои средства массовой информации совершенно закономерно. Такому процессу следует помогать, имея в виду устранение тех преград, которые стоят на пути включения этих государств в равноправный и широкий процесс обмена информацией по злободневным проблемам современности, по актуальным для этих государств вопросам их развития.

На состоявшемся в сентябре 1977 года в Софии совещании генеральных директоров информационных агентств и агентств печати социалистических стран этот вопрос обсуждался и были приняты практические решения, призванные содействовать полноправному

участию развивающихся стран в распространении информации, в обмене ею.

Советские люди проявляют огромный интерес к жизни развивающихся государств. Наши средства информации помогают удовлетворить этот интерес, полнее раскрывать картину жизни новых государств, пробудившихся континентов.

Советские газеты и журналы помещают очерки о людях стран Азии, Африки, Латинской Америки. Простой человек, его мысли, цель жизни стали предметом внимания советских журналистов и литераторов. Объектив фоторепортера нацелен на крестьянина, возделывающего землю в долине Ганга, и на нефтяника иракских нефтепромыслов Киркука. Перо очеркиста описывает жизнь рабочих медных приисков Заира и сборщиков кофе Анголы. Вместе с тем страницы советских изданий всегда с радостью предоставляются журналистам и писателям из развивающихся стран.

К сожалению, наши искренние стремления знать как можно больше о развивающихся странах, бескорыстная помощь и доброжелательное сотрудничество, которое установилось у нас со многими развивающимися государствами, западные пропагандистские источники всячески стремятся исказить, а искренние помыслы советских людей очернить.

Однако народы этих стран проявляют зрелость мышления. Они научились отличать друзей от врагов, глубже понимать, кто действительно желает помочь им заглянуть в завтрашний день, а кто — ввергнуть в день вчерашний.

В западных странах, где господствуют многонациональные монополии, на развивающиеся государства все еще смотрят как на «потенциал природных богатств», «стратегический рубеж», а конкретного человека со всеми его помыслами и желаниями подменяют термином «обширные людские ресурсы». Конечно, в этих странах понимают, что старые колониальные методы господства изжили себя и сегодня уже нельзя разговаривать с пробудившимися народами языком силы. Поэтому-то и изобретаются новые формы неоколониалистской экспансии, новой формы господства, так сказать, господства в стиле «модерн».

В этом обширном наступлении на развивающиеся страны буржуазные идеологи пытаются протаскивать

идеи «культурного империализма», усиливать духовное влияние на население молодых государств, разоружать антиимпериалистические силы, создавать благоприятную идеологическую почву для дальнейшей эксплуатации природных богатств и людских ресурсов развивающихся стран.

Западные пропагандистские центры не скрывают, что они намерены осуществлять «обработку» людей буквально со школьной скамьи. Возьмите любую развивающуюся страну, ее печать, радио, телевидение и другие пропагандистские институты. На них поистине лавиной обрушивается поток информации, идущей из столиц крупнейших стран Запада.

Это не просто познавательные материалы, изложение фактов, происходящих в мире, тех или иных событий, не просто «что», как говорят между собой профессиональные журналисты. Нет. Западные пропагандистские центры преднамеренно, тщательно, отрежиссированно направляют этот поток информации. Она тенденциозна и подчинена одной цели — служить интересам крупного капитала.

Развивающиеся страны сделали важные шаги на пути создания собственной объединенной информационной службы с целью навсегда избавить свою печать от засилья западных средств массовой информации, искажающих картину их жизни и борьбу за национальное освобождение и прогресс.

В западных столицах негативно встретили это стремление развивающихся стран. Уже не просто лавина, а поистине «девятый вал» обрушился в наши дни на национальные информационные институты развивающихся стран. Взять, к примеру, проходившую в Каире международную конференцию «Международные средства массовой информации и развивающийся мир: перспективы сотрудничества». Как видим, название многообещающее, однако суть этого форума оказалась диаметрально противоположной стремлениям развивающихся стран, а «перспективы» весьма ограниченными. Предложение создать так называемый «многонациональный пул», куда бы вошли представители главных информационных агентств капиталистических и развивающихся государств, по существу явилось попыткой сохранить господство Запада в средствах массовой информации развивающихся стран.

Прискорбно, что среди развивающихся государств США удалось найти свою креатуру в лице, например, руководства египетского информационного агентства МЕН, которое проявило большую активность в проведении каирской конференции.

Не может быть двух мнений, что стремление развивающихся стран создать свои информационные институты — явление закономерное и своевременное. Это диктуется логикой жизни, объективными законами развития современного общества, принципами морали и прав человека. Наш долг — помочь молодым государствам в их справедливом деле.

Вопреки логике, нас упорно обвиняют в том, что мы, советские люди, якобы «не свободны», поскольку пропагандируем социалистический образ жизни, а не критикуем его, как хотелось бы того определенным кругам на Западе. Наши недруги разглагольствуют о якобы имеющих место нарушениях «прав личности» в СССР, о «национальном угнетении», «о неравноправии». Каждому здравомыслящему человеку ясно, насколько смехотворны все эти утверждения. Как говорят у нас в народе, платком солнца не закроешь. Правду о СССР, о нашей Конституции невозможно скрыть от народов.

Хулителям нашей демократии хочется напомнить слова Бенджамена Франклина: «Вымой свой палец, прежде чем указывать на мои пятна». В самом деле, теоретики и практики буржуазной пропаганды пишут и говорят о так называемом «чистом информировании», о беспартийности, независимости, беспристрастности прессы. Но всего этого уже давно нет в природе. Ну о какой свободе политической информации может идти речь, если во Франции, например, монополистический капитал держит в своих руках 90 процентов центральной и провинциальной прессы? В ФРГ 86 процентов центральных газет принадлежит газетно-журнальному концерну «Шпрингер».

Впрочем, и сами западные журналисты откровенно заявляют, что они вынуждены каждодневно и ежечасно выполнять социальный заказ правящих классов, искажать факты, заниматься фальшивками и т. п. Вот что пишет, например, американский специалист по внешнеполитической пропаганде Т. Соренсен в своей книге «Война слов»: «Пропаганда никогда не может быть правдивой и объективной, она должна только внешне

выглядеть правдоподобной, поскольку грубая фальшивка будет быстро разоблачена». А вот о чем сообщает западногерманский журнал «Ауссенполитик»: «Наш багаж идей необходимо вливать в общественную жизнь коммунистических стран всеми средствами современной пропаганды и делать это психологически ловко... Люди в коммунистических странах станут таким образом сознательными носителями западных идей, будет создано чувство всеобщего недовольства, которое является предпосылкой для развертывания — без применения силы — внутреннего изменения и преобразования сущности этих государств».

Спрашивается, как же должны поступать в этих случаях социалистические страны? Понятно, они рассматривают подобные происки буржуазной пропаганды как вмешательство в их внутренние дела и не допустят каких-либо покушений на свой суверенитет.

Советской прессе, радио и телевидению, если проследить весь путь их развития и глубоко вникнуть в содержание их деятельности, присуща как раз объективность информации. В Советском Союзе свобода слова и свобода печати гарантируются Конституцией. Материальные средства, необходимые для фактического осуществления этих свобод, — газета, типография, радиостанция, теле- и киностудия, — являются общественным достоянием, а не собственностью отдельных лиц или компаний.

Насколько влиятельна в советском обществе, в частности, печать, можно судить хотя бы по тому, что, согласно статистическим данным, в среднем на семью у нас теперь приходится 4 периодических издания. Система массовой информации в СССР располагает сегодня 13 тысячами газет и журналов, разовый тираж которых составляет 335 миллионов экземпляров.

В своей деятельности средства массовой информации в Советском Союзе широко используют редакционную почту, общественные приемные газет, встречи с читателями, массовые обсуждения и дискуссии. Сообщая о содержащихся в письмах критических фактах, органы массовой информации вносят свой заметный вклад в искоренение разного рода негативных явлений в жизни социалистического общества.

Эти важные для понимания характера советской прессы обстоятельства особо подчеркнул Леонид Ильич

Брежнев при вручении ордена Октябрьской Революции газете «Известия». «Авторитет «Известий», как и всей советской печати,— сказал он,— связан прежде всего с их глубоким демократизмом. Наша пресса — это ежедневная и всенародная трибуна, доступная каждому советскому гражданину. Здесь откровенно говорится о наших радостях и огорчениях, успехах и недостатках, обо всем, чем мы живем, о чем мы мечтаем, над чем работаем. И понятно поэтому, что многие важные решения партийных и государственных органов принимались и принимаются в связи с публикациями в печати».

Что стоят после этого недобросовестные рассуждения о подавлении демократии, свободы печати в СССР?!

Мастер абсурдов

Методы дезинформации, применяемые буржуазной прессой,— прямое отражение ее классовой сущности. В арсенале западных журналистов таких методов немало. Но все они строятся на одном: как можно завлекательнее обмануть массовую аудиторию «эмоциональными» приемами, рассчитанными, правда, на самый дешевый вкус. Метры западной журналистики поучают своих начинающих коллег: «Надо сразу брать читателя за горло. Пока он опомнится — мы свое дело, считайте, уже выиграли!»

Об этом свидетельствует и все многолетнее творчество Чэпмэна Пинчера — заместителя редактора английской газеты «Дейли экспресс», редакция которой обосновалась на небезызвестной Флит-стрит в Лондоне и принадлежит концерну «Бивербрук». Рупор английской реакции не раз принимал участие в массированных кампаниях по нагнетанию антисоветских настроений среди английской общественности. Достаточно, например, вспомнить фальшивки, распространенные с благословения властей о «советском шпионаже» в сентябре 1971 года. Тогда Советский Союз обвинили в причастности и к событиям в Ольстере, и к забастовкам на английских предприятиях, и вообще в «подрыве устоев» Англии. Договорились до **полного абсурда**,

что, мол, «советские агенты» пытаются украсть сверхзвуковой самолет «Конкорд».

Мы не стали бы ворошить старое, но оно как нельзя лучше подтверждает мысль о том, что новое — это основательно забытое старое. Да, последний «труд» Пинчера свидетельствует именно об этом.

Повторяем, Пинчер не новичок в журналистике. Он родился 64 года назад и преуспел за свою долгую жизнь во многом. Военный колледж дал ему возможность надеть униформу офицера Великобритании. Он поначалу решил подражать своему папаше — майору колониальных войск Англии, душивших свободу народа в Индии. Потом занялся преподаванием невинной науки — биологии. И, наконец, перебрался в газету, где редактировал статьи по науке, военной и медицинской тематике. Увлекался рыбками, птичками, проблемами сна и ядерных исследований, генетики и сельского хозяйства, животного мира и секса. Везде успевал, собирал улыбки и даже срывал аплодисменты поклонниц и поклонников... Но что-то грызло и терзало душу биолога-сексолога. По его челу нет-нет да и пробегала тень неудовлетворенности. Хотелось свершить нечто такое, от чего волны пошли бы кругами. И свершил.

В своем окружении Пинчер особенно не скрывал, что давно «повенчан» со спецслужбами Великобритании, имеет связи в английском МИДе, вхож в парламент. Одним словом — кладезь для сбора секретной и полусекретной информации под рукой. Особенно если за каждую выкладывают либо наличными, либо ресторанными посиделками, либо солидными подарками. Пинчеру отлично было известно то, что разведывательные службы Англии ведут подрывную деятельность против Советского Союза (советская печать не раз выступала по этому поводу за последние годы). Он знал, что для своих темных целей британская разведка старается использовать сотрудников английских учреждений в СССР, бизнесменов, туристов, журналистов, представителей научных кругов. Вполне понятно, таких «гостей» выдворяли и будут выдворять из нашей страны.

И вот, чтобы скрыть эти провалы, свалить все с больной головы на здоровую, Пинчер полез в окопы «холодной войны». Он выпустил книгу «Инсайд стори» («Подоплека событий»), в которой распространяется о

«красной опасности». Во всех бедах Англии Пинчер усматривает вину Советского Союза. По его мнению, СССР виновен и в инфляции, и в демпинге, и чуть ли не в мировом экономическом кризисе капитализма! По его разумению, а точнее, провокационному вымыслу, каждый политический или великосветский скандал — дело рук советских органов безопасности. Еще в декабре 1976 года Пинчер предался далеко идущим размышлениям в своей газете на этот счет, запугивая всех и вся: «Я предсказываю, что в начале нового года будет больше известно о коммунистическом проникновении в парламент, профсоюзы и другие главные (!!!) государственные учреждения в Англии». Прорицатель, конечно, позорно оскандалился. Но, несмотря на это, тот же «тезис» развил в новоиспеченном труде. И чтобы «взять читателя-обывателя за горло», автор утверждает: Советский Союз и не думает о разрядке напряженности. Почему? Да потому, что, по разумению Пинчера, СССР тратит на «разведку в 50 раз больше Англии». Вот до чего «осведомлен» этот Пинчер.

Мы не знаем, сколько фунтов стерлингов получит за свою клеветническую стряпню сей автор. Ясно одно: его творение — еще один камень противников разрядки в разваливающийся фундамент «холодной войны», который они усиленно цементируют, привлекая к этому делу самых неразборчивых подручных.

В разных ролях

Когда руководители австрийского радио — ОРФ просили аккредитовать в Москве Эрхарда Хуттера, они характеризовали его с самой лучшей стороны. Образование у него разностороннее: экономическое, философское и историческое. Особый интерес у него вызывает Советский Союз, что не удивительно, так как в университете города Фрибурга он изучал русскую историю, а затем был оставлен «научным ассистентом по изучению России». Правда, до поездки в СССР «господин Хуттер лишь спорадически занимался журналистикой», но он «обладает хорошими журналистскими способностями». Вывод руководителей ОРФ был мно-

гообещающим: «Мы убеждены, что его профессиональные и моральные (!) качества позволяют ему давать независимую и объективную информацию из Советского Союза».

У радио ОРФ могут быть свои мнения относительно профессиональных способностей Хуттера. У нас мнение иное. Но в данном случае речь не об этом.

Не беремся мы судить и о том, насколько квалифицированно исполнял Хуттер свои профессиональные функции. В данном случае это к делу не относится. И об этом должна прежде всего болеть голова у тех, кто направил его в Москву. Безусловно, за время своего пребывания в Москве Хуттер мог бы сыграть полезную роль в развитии дружественных советско-австрийских отношений. Ему, как и другим иностранным корреспондентам, советской стороной были предоставлены богатые возможности. К сожалению, Хуттер по своему воспользовался этими возможностями. Он злоупотреблял гостеприимством советских людей в целях, далеких от его официального статуса иностранного корреспондента в СССР. Как видно, его интересовали не столько профессиональные обязанности, сколько дела, которые прямо вели к знакомству с уголовным кодексом.

Пошел уже седьмой год пребывания Хуттера в Москве. Достаточная пора, чтобы проявились так разрекламированные руководством австрийского радио моральные качества Хуттера.

Как стало известно, годы пребывания Хуттера в Москве отмечены не столько в области журналистики, сколько в других сферах, где его «таланты» проявились наиболее ярко.

В частности, Хуттер неоднократно пытался проникнуть на своей машине в закрытые для иностранцев районы. Что тянуло туда любопытного австрийского гражданина, неизвестно. Но и это любопытство пусть останется на совести господина Хуттера. Главное, напомним, его моральные качества...

Хуттер женат на советской гражданке, родом из Запорожской области, Раисе Бедилло. Хотя супруг не очень благоволит к родственникам супруги, о чем можно судить по тому, как он однажды избил ее сестру Людмилу, которая была доставлена из квартиры Хуттера в одну из московских больниц с сотрясением моз-

га, кровоподтеком под глазом и другими следами от ударов Хуттера, он с охотой принимал у себя дома запорожских знакомых Раисы Бедилло. Один из них сам работал на закрытом предприятии, у другого на таком предприятии работает жена. Хуттер вел среди гостей из Запорожья антисоветскую агитацию, вручал им для распространения антисоветскую литературу, старался получить через них номера многотиражных газет закрытых предприятий. Запорожские гости снабжались также для продажи по спекулятивным ценам заграничными вещами — блоками сигарет, порнографическими журналами, жевательной резинкой, счетными машинками и т. п.

И, наконец, еще одна, ставшая в конце концов явной, сторона жизни Эрхарда Хуттера, которого, как читатель помнит, начальство рекомендовало как высокоморального господина. Этот «моралист» организовал одно время в Москве с помощью некоего «непризнанного гения» подделку скульптур. А жена Хуттера Раиса, особа, мягко говоря, тоже не очень высоких моральных качеств, занималась скупкой икон, старинных подсвечников и другого антиквариата. В 1978 году Р. Бедилло-Хуттер поехала в город Запорожье, чтобы присутствовать на свадьбе одной своей знакомой и навестить мать. Но и посещение больной матери, и присутствие на свадьбе подруги были только предлогом. Запорожские органы внутренних дел задержали жену Хуттера в момент, когда она расплачивалась за две иконы — «Богоматерь Казанская» и «Параскева, Варвара и Ульяна», украденные из церкви села Заполье Стрийского района Львовской области.

Унять и прекратить подобную деятельность советовали Хуттеру многие, даже близкие ему коллеги из журналистского корпуса.

Принимая во внимание дружественные отношения с Австрией, советские власти не стали привлекать Хуттера и его жену к уголовной ответственности. Австрийским официальным инстанциям в Москве и Вене были сообщены факты неблагоприятного поведения Хуттера, допущенных им правонарушений. К сожалению, с австрийской стороны не последовало надлежащей реакции. В этих условиях было бы по меньшей мере странным, если бы советская сторона продолжала оказывать гостеприимство такому человеку, как

Хуттер. Аннулирование его визы — это минимум того, что необходимо было сделать.

Как известно, журналистская карточка отнюдь не дает права на нарушение законов страны пребывания. Так что ссылки на Заключительный акт общеевропейского совещания, которыми оперируют покровители Хуттера, совершенно неуместны. Хотелось бы напомнить об этом нынешним защитникам Хуттера и верить, что в Вене будут отвергнуты попытки тех кругов, которые с помощью дела Хуттера пытаются бросить тень на успешно развивающиеся советско-австрийские отношения.

Тайны

«Славянской миссии»

Летним погожим днем, когда толпы экскурсантов, иностранных туристов осаждали памятники архитектуры и культуры Ленинграда, по нешумной, удаленной от главных центров паломничества приезжих Большой Пушкарской неторопливо шел хрупкого телосложения юноша в больших роговых очках и вытертом джинсовом костюме. Он исподволь поглядывал на номера домов и, казалось, наслаждался воскресеньем, когда никому не надо торопиться, когда ты целиком предоставлен самому себе.

Пройдя метров двести, он свернул на другую улицу, миновал кинотеатр, возле которого галдели на разные голоса мальчишки из соседней школы, оставил позади булочную, снова изменил направление маршрута и потерялся из виду. Да, собственно говоря, юноша, которого звали Бенгт Гуннар Перссон и который находился в городе на Неве в качестве гостя, пользовался полной самостоятельностью и свободой действий. Он впервые приехал из Швеции в Советский Союз в 1963 году, чтобы пополнить свои знания русского языка на месячных курсах, и заподозрить его в каких-то неблаговидных делишках не было никаких оснований.

Но, как теперь стало известно из его собственных объяснений, эти прогулки по Ленинграду уже тогда носили не такой уж безобидный характер. Отправляясь

в СССР, молодой человек «по совету друзей» решил прихватить с собой литературу вполне определенного свойства. А помог подобрать ее Бенгту Гуннару, который носит теперь уже иную фамилию — Сарельда (о том, как Перссон обратился в Сарельда, мы расскажем ниже), не кто иной, как руководитель законспирированной, антисоветской направленности организации «Славянская миссия» некто Ингмар Мартинссон, обитающий в трехэтажной вилле под Стокгольмом на улице Вестерленд, дом 37. С той поры Сарельд прочно связал себя с провокационной деятельностью миссии, выполнял все ее грязные поручения, а в итоге стал ближайшим помощником Мартинссона.

Второй персонаж нашего повествования имеет значительно меньший стаж связей со «Славянской миссией». Не только потому, что он моложе своего напарника на пять лет — Нильсу Эрику Энгстрему сейчас 26 лет, но и потому, что его функции скромнее, он работал, так сказать, «на подхвате». В отличие от Перссона — Сарельда Энгстрем, судя по всему, не принадлежит к руководящему ядру «Славянской миссии». Прежде чем стать ее соучастником, он, как и все «новообращенные» (не в религию, а в организацию), должен был пройти строгую проверку, получить соответствующие рекомендации. Энгстрем постоянно живет в городе Фалуне с родителями, работает лаборантом фирмы «Стура копарберг». Не знаем, с разрешения ли администрации или под какими-то благовидными предложениями, но начиная с 1974 года Нильс Эрик Энгстрем продолжительные сроки манкировал своими служебными обязанностями, так как совершал неоднократные поездки в Советский Союз и другие социалистические страны.

Официально поездки Сарельда, Энгстрема и других агентов «Славянской миссии» именовались автотуризмом, что позволяло им без всяких затруднений получать въездные визы. Но в ночь с 5 на 6 июня 1977 года в Бресте Сарельд и Энгстрем были задержаны при выезде из СССР, когда в их автомобиле «Форд-консул-2000», номерной знак HNP-368, таможенная служба обнаружила тайник с антисоветскими сочинениями клеветнического характера. Задержанные шведы получили эту «литературу» от лиц, с которыми они тайно встречались во время тура по СССР. Явки были получе-

ны от «Славянской миссии». В основном встречи происходили с так называемыми «незарегистрированными пятидесятниками» и баптистами-раскольниками. Их группы образовались в результате раскола секты, раздоров и раскол между ее руководителями не только на религиозной, но и вполне «мирской» почве, включая шкурнические интересы и борьбу за власть в секте. «Славянская миссия» взяла на прицел в первую очередь именно главарей этих групп, так как их легче подкупить за всякие подачки и деньги. Они — прожженные изуверы-политиканы, выступающие против советских порядков и законов.

Нашей целью не является вдаваться в подробности и излагать положение дел в тех или иных религиозных сектах. Ограничимся тем немногим, что сказано выше. Этот анализ вытекает из материалов следствия по делу Б. Г. Сарельда и Н. Э. Энгстрема. Оно велось вначале в Бресте, а затем в Минске органами государственной безопасности при участии прокуратуры. С первого до последнего дня со всей скрупулезностью и полнотой соблюдались все процессуальные нормы. Обвиняемые имели ряд встреч с представителями шведского посольства в СССР. Все допросы происходили с участием официальных переводчиков. Были допрошены свидетели из числа тех, с кем тайно встречались Сарельд и Энгстрем. Последние отвечали только на те вопросы, на которые они были согласны отвечать, и отвечали так, как они считали нужным. К концу следствия они добровольно дали и письменные показания, дали потому, что осознали преступный характер своей деятельности в отношении Советского Союза. Были сделаны с согласия Сарельда и Энгстрема видеозаписи некоторых их допросов. Оба шведа просмотрели эти записи и официально заявили, что не имеют к ним никаких замечаний.

А теперь несколько слов о том, что собой представляет «Славянская миссия» как организация. Считают, что она зародилась в 90-е годы прошлого столетия. Однако так называемый «комитет евангелической миссии в России», как в то время именовалась миссия, развернул свою работу в ноябре 1903 года. Конкретные сведения о деятельности «Славянской миссии» относятся к двадцатым годам. По замыслам ее идеологов, эта организация должна была заниматься мисси-

онерской работой среди русско-славянской эмиграции за рубежом. Однако ее главари, прикрываясь внешне невинной работой по изданию и распространению библии, по существу с первых дней окопались в стане врагов революции.

Прошли годы. В нашей стране, во всем мире произошли огромные перемены. Победная поступь Страны Советов опрокинула злобные предсказания ее врагов — тайных и явных — о «крахе», «неизбежной гибели СССР». Но руководители миссии не сложили оружия. Особенно возрастает активность «Славянской миссии», обосновавшейся в пригороде Стокгольма, в 1967 году. Причем она носит ярко выраженную политическую антисоветскую окраску, что не имеет ничего общего с так называемой «христианской добродетелью».

Давайте вернемся теперь к нашим «героям» — Сарельду и Энгстрему. Когда их задержали в Бресте, оба эмиссара, в соответствии с инструкциями для всех агентов «Славянской миссии», все отрицали и изображали из себя «оскорбленных» действиями таможенников автотуристов. Сарельд, также в соответствии со стокгольмской инструкцией, делал вид, что не знает русский язык, хотя владеет им практически в совершенстве. Отрицали наличие тайника в машине. Таможенники сами его нашли. Тогда в ход была пущена версия о «невинном характере» того, что в тайнике содержалось. Но антисоветчина говорила сама за себя, тут уж, что называется, деваться было некуда.

И все же понадобились недели и месяцы кропотливого, терпеливого следствия, чтобы выяснить до конца картину деятельности шведских эмиссаров и тех, кто окопался за стенами трехэтажной виллы в пригороде Стокгольма — Брома. Показания задержанных, другие имеющиеся в нашем распоряжении документы вполне позволяют представить характер и место «Славянской миссии» среди прочих антисоветских диверсионных центров.

Если это было известно шведским властям ранее, то та тайна, которой окружает себя «Славянская миссия» в самой Швеции, просто комедия. В том же случае если миссия ведет свою «работу» действительно конспиративно, то теперь тайное стало явным. Конечно, нет уверенности, что на данном этапе удалось выяснить все в полном объеме, но, во всяком случае, до-

статочно для того, чтобы власти нейтральной страны приняли меры, вытекающие из Заключительного акта общеевропейского совещания. Ни одно из государств—участников этого совещания не должно допускать использования своей территории для ведения подрывной деятельности против другого участника. А в том, что «Славянская миссия» — организация подрывная, диверсионная, использующая религиозное прикрытие для отнюдь не богоугодных дел, несовместимых с практикой межгосударственных отношений, сомнений не остается никаких.

Прежде чем привести фактические доказательства этого, внесем ясность еще в два вопроса.

Сразу же после задержания «автотуристов» шведская буржуазная печать, по принятому в таких случаях трафарету, подняла шумиху о том, что они, мол, «невинные жертвы», что их арестовали «незаконно», «без всяких оснований» и т. п.

Подобная нелепая чушь могла действовать на шведского обывателя, так как, по словам Энгстрема, ему самому в Швеции внушали, что в Советском Союзе практикуются «незаконные аресты». Теперь тот же Энгстрем говорит, что он не только на собственном опыте убедился, что это ложь, но и неоднократно слышал от тех подследственных по другим делам, которые находились с ним в одной камере, что в СССР арестовывают только за правонарушения, в полном соответствии с законом.

Что касается признаний, сделанных в конце концов Сарельдом и Энгстремом, то стокгольмская газета «Экспрессен», вполне свободная от подозрений в просоветских симпатиях, черным по белому писала: признания явились следствием того, что обвиняемым были предъявлены «неопровержимые факты».

И наконец: делались намеки, что Сарельд и Энгстрем содержатся в «тяжелых условиях», что с ними «плохо обращаются». Эти вымыслы категорически опровергли сами задержанные шведы. Конечно, говорили Сарельд и Энгстрем, они содержались не в санатории. Но у них нет и не было с первого до последнего дня никаких претензий к властям и они испытывают благодарность за исключительно гуманное отношение. Так говорили они и при встречах с представителями шведского посольства в СССР.

Второе обстоятельство, на первый взгляд побочное, но в действительности непосредственно связанное с существом дела. Как помнит читатель, Бенгт Гуннар Перссон с некоторых пор (уточним: с 1973 года) превратился в Бенгта Гуннара Сарельда. Ларчик открывается просто. Перссон несколько раз ездил в Советский Союз, нелегально ввозя солидные партии формально религиозной, а на самом деле начиненной антисоветизмом литературы. Все это издавалось в Швеции, хотя в выходных данных книг значились советские города — Москва, Ленинград... Вывозил Перссон также нелегальную антисоветскую продукцию, получаемую от агентуры «Славянской миссии» в различных городах СССР. В один из приездов Перссон был выдворен из СССР. Когда он в 1972 году вновь обратился за советской визой, ему, естественно, отказали. И вот через год, в 1973 году, Бенгт Гуннар изменил фамилию и стал Сарельдом. Это позволило ему вводить советские власти в заблуждение вплоть до 5 июня 1977 года, когда он наконец оказался пойманным с поличным в Бресте.

Сарельд, как уже отмечалось выше, не рядовой член «Славянской миссии». Он один из организаторов «Прокламы», которая занимается куплей-продажей так называемой религиозной литературы. Сарельд возглавляет филиал «Прокламы» в Эскильстуне, куда он переехал в 1973 году после изменения своей фамилии. Филиал разместился в особняке из двадцати (!) комнат. Знающие цены на шведскую недвижимость люди считают, что такой особняк приобрести на деньги, выручаемые лишь от продажи книг, невозможно. Здесь попахивает солидными субсидиями весьма влиятельных иностранных организаций. Одну из них называют — Центральное разведывательное управление США.

Из клиентов «Прокламы» вербуются новые сотрудники для «Славянской миссии». Среди таких «клиентов» оказался и Энгстрем. «Проклама» занята «миссионерской деятельностью» в различных странах, вплоть до Индии.

Другое крупное предприятие «Славянской миссии» — радио «Ибра». Инициатором его создания был Леви Патрус. Сейчас «Ибра» возглавляет Ларс Эрик Янссон. Передачи на Советский Союз ведет Ярл Пейси. «Ибра» располагает передатчиками в Португалии,

Южной Америке, в частности в Боливии, а также на Филиппинах, в Японии. Вещание ведется более чем на 20 языках. Еще в 1971 году из Сеула (Южная Корея) через радиостанцию «Теам» началась трансляция религиозных радиопрограмм антисоветского характера на... Сибирь! Невольно и здесь напрашивается вывод: радио «Ибра» пользуется благодеяниями не только шведских покровителей, равно как и вся «Славянская миссия». Ведь не случайно финская пресса не раз писала о финансовых инъекциях миссии от все того же ЦРУ.

С другой стороны, по сведениям находившихся под следствием двух «шведских туристов», «Славянская миссия» связана с аналогичными организациями в Голландии (руководитель Андреус), в ФРГ, с «миссией за железным занавесом» в Норвегии, с «центром по изучению религии и коммунизма», руководимым Майклом Бордо, в Англии, с так называемым институтом имени Мэди в США.

Как известно, все зарубежные диверсионные центры резко активизировались в 1975 году после общеевропейского совещания. У этого «оркестра» есть свой «дирижер», который, по многим свидетельствам, находится за океаном. У каждого центра — своя специальность. «Славянская миссия», как мы уже отмечали, пытается держать в своей орбите определенную категорию лиц в Советском Союзе или странах социалистического содружества, тех, кто не прочь погреть руки на религии, набить карманы банкнотами в той или иной валюте, не брезгая и пожертвованиями своих же прихожан. Ингмар Мартинссон и его подручные подыскивают в нашей стране отдельных продавшихся за сребреники руководителей общин, которые, по существу, предают верующих, обманывают их, лишь бы поживиться тряпками, счетно-вычислительными машинками, магнитофонными лентами иностранного производства. Эти лица — морально опустошенные стяжатели — таким образом превращаются в подручных западных идеологических центров, орудующих против мира и прогресса под прикрытием лживых лозунгов о вере и религии. К ним относятся некий Крючков, Казарезова, Семченко и некоторые другие.

Документы допросов шведских «автотуристов» Сарельда и Энгстрема полностью подтверждают, что «Славянская миссия» — это не что иное, как замаски-

рованный филиал западных спецслужб, направляющий в нашу страну диверсантов в масках служителей культа, которые на самом деле, лицемерно прикрываясь библией, ведут разнузданную антисоветскую подрывную работу, пытаются протащить враждебную нам идеологию, пытаются распространять фальшивки, сеять рознь между народами. Господа из Стокгольма отлично осведомлены о том, что у верующих, к какой бы церкви или секте они ни принадлежали, нет поводов для недовольства, если, конечно, они не нарушают советских законов. Но эмиссары «Славянской миссии» доходят до того, что завозят, например, в СССР сфабрикованное на вилле под Стокгольмом... «Обращение «пятидесятников», живущих в Советском Союзе, во Всемирный совет церквей». «Обращение» это от начала до конца состоит из лживых, клеветнических измышлений.

В этой связи невольно приходит на память грубая фальсификация, состряпанная «божьими слугами» в связи с трагической гибелью неподалеку от Керчи солдата Ивана Моисеева. Утонувшего Моисеева спасти не удалось. Смерть сослуживца тяжело переживали однопольчане, друзья. Иначе отнеслись к этому драматическому событию главари так называемых раскольников. Следы медицинской экспертизы при вскрытии трупа были кощунственно истолкованы ими всем «братьям» как «свидетельство»... пыток! Фальшивка о «мученической смерти» И. Моисеева была переправлена с помощью эмиссаров «Славянской миссии» за границу некоему Клементу Квартусу, который, по его словам, «перевел сие послание на многие языки, размножил и распространил по 45 странам земли». Вот так!

Упорные, хотя и тщетные старания прилагала «Славянская миссия», ставя задачу отравить атмосферу распространением ее агентами ложных слухов при посещении СССР. Этой же цели служили клеветнические публикации в зарубежной печати, в основу которых якобы положены материалы, полученные из Советской страны, а на самом деле вышедшие из-под пера таких антикоммунистов, как переселившийся во время войны из Эстонии в Швецию Алекс Милитс. Кстати, «Славянская миссия» имеет и собственное антисоветское издание «Свет на Востоке».

Как рассказал Энгстрем, диверсионные центры го-

товятся уже и к «Олимпиаде-80», рассчитывая, по его словам, что в период Олимпиады будет ослаблен таможенный контроль и поэтому будет легче провозить антисоветские материалы и распространять их среди участников и гостей Олимпиады.

И снова в ход идут магнитофоны, множительные аппараты, включая детали плоскопечатных станков, счетные машинки, магнитофонные кассеты, средства для тайнописи, а также барахло, включая мужские и женские потрепанные носильные вещи. Деньги стараются привозить советские: так, мол, безопаснее. Недавно, например, упомянутый выше «журналист» Алекс Милитс неизвестно где и каким способом, но что самым грязным, это ясно, заимел 10 тысяч советских рублей и сбыв их за шведские кроны главарю «Славянской миссии» Мартинссону.

Баптист Семченко оборудовал в доме некоего Стрельникова (станция Раменское) студию звукозаписи. «Друг русского народа» из «Ибра» Ярл Пейсти снабдил Семченко двумя магнитофонами «Танберг» и «Ухер», микшерными устройствами, микрофонами, кабелем и т. д. Семченко кое-что перепадало и в рублях. Все это из рук в руки непосредственно от агентов «Славянской миссии». Кстати, никто из них не раскрывает своих подлинных имен даже «клиентам», а имеет клички: Бенк, Сонс, Стефан...

Правила конспирации строго соблюдались во всем: в Москве, Ленинграде, Киеве или каком-либо другом советском городе «автотуристская» машина парковалась обычно в таком месте, где чаще стоят автомобили с иностранными номерными знаками. Затем эмиссары перебирались в такси и совершали поездки по обусловленным в Стокгольме адресам. Подходили к домам по другой стороне улицы, с крайней осторожностью. Оглядывались, дабы удостовериться в том, что за ними никто не наблюдает. Порой встречались с нужными лицами и в метро. Особая инструкция «Славянской миссии» предписывала: одеждой не выделяться из толпы, стараться ничем не походить на иностранцев. Адреса, полученные в Швеции, выучивались наизусть, а бумага, на которой они поначалу были записаны, сжигалась. Существовал шифр для названий социалистических стран, советских городов и обозначения многого другого.

Так, баптист проходил под кодом «лодочник», «пятидесятник» — «летчик», зарегистрированный приход — «автобус», незарегистрированный — «метро», пастор — «загонщик», тайник — «ухо» и т. д. Если надо было срочно позвонить в Стокгольм, то для этого существовал постоянный телефон одной престарелой дамы, которая практически никогда не покидает свою квартиру и может передать зашифрованные сообщения «по инстанции». По возвращении все «путешественники» обязаны представлять руководству миссии подробные письменные отчеты, включая такие, например, данные, как слышимость в разных точках СССР радиостанций «Свобода», «Ибра» и т. д. Помимо этого, в докладных указывались новые адреса, по которым можно было установить контакты.

Каждый выезжающий в СССР или другие социалистические страны тщательно инструктировался лично Мартинссоном, Сарельдом или его братом Андерсом Перссоном, работающим, кстати сказать, в министерстве обороны (!) Швеции. Стоит особо подчеркнуть тот факт, что сам Сарельд — выпускник не обычных, а военных курсов переводчиков, в программу которых входил и такой, по меньшей мере странный, предмет, как допрос «советских военнопленных»... Спрашивается, о какой причастности Сарельда к истинной религии может идти речь, если даже беглое знакомство с биографией этого господина свидетельствует о его прямом отношении к органам разведки?!

И еще о некоторых методах деятельности «Славянской миссии». Каждый ее агент при выезде из Стокгольма снабжается «добрыми советами» из девяти правил конспирации. Дважды в год устраиваются специальные учебные сборы, как правило, не в миссии, а на частных квартирах, в лесу. О сборах их участники оповещаются открытками или по телефону.

«Славянская миссия» разбита на три рабочие группы. Сарельд и его «душка военный» брат Андерс Перссон входят во все три.

Первая группа составляет «планы работы» (прежде всего речь идет о поездках в социалистические страны). Маршруты разрабатываются в помещении миссии с участием Мартинссона и уточняются по географическим картам, схемам.

Вторая рабочая группа уточняет детали путеше-

вий, их исполнителей и задания. К примеру, в последней поездке Сарельд и Энгстрем должны были приобрести несколько экземпляров справочника «Улицы Москвы», отметить места, где расположены на трассе Москва — Киев посты ГАИ, и расстояния между ними. Аналогичные и иные задания, как, например, приобретение схем всех городов, которые посещаются, даются и другим «автотуристам». Для каждой пары устанавливается свой маршрут, не похожий на предыдущие, меняются пограничные пункты въездов и выездов из СССР и других социалистических стран. Намечаемые маршруты, а также сами факты выездов держатся в тайне от родных и знакомых.

Третья группа — транспортная. В ее ведении находятся пятнадцать автомашин с оборудованными фабричным способом тайниками. В гараж, где находятся машины, заранее свозится весь антисоветский груз, с которым отправляются в путешествие. Гаражом-складом управляет некто Роланд Ларссон. Машины регистрируются на подставных лиц, от которых «автотуристы» получают доверенности. Так, машина «Форд-консул-2000», на которой путешествовали Сарельд и Энгстрем, была зарегистрирована на имя Ингерьерд Линден.

Совершенно ясно, что перед нами тщательно законспирированный и организованный по всем правилам империалистических секретных служб центр идеологических диверсий и шпионажа. Религия здесь ни при чем. Ну какое, скажем, отношение к «чистой» религии имеет компилятивное сочинение на 425 страницах, составленное небезызвестным уголовником и антисоветчиком А. Гинзбургом, обнаруженное при таможенном досмотре в тайнике автомашины Сарельда и внесенное в качестве вещественного доказательства в протокол таможни города Бреста от 6 июня 1977 года?! И почему тот же Сарельд пытался в ночь с 5 на 6 июня физически препятствовать сотрудникам таможни, отказываясь добровольно вскрыть оборудованный в автомобиле тайник?!

Но вот минуло время, нарушители закона, судя по всему, поняли, что от неопровержимых фактов никуда не уйдешь! Сущность «Славянской миссии», ее деятельность и смысл собственных преступных акций квалифицировали сами задержанные — Бенгт Гуннар Са-

рельд и Нильс Эрих Энгстрем. Они говорили и писали: «Руководители «Славянской миссии» встали на враждебные позиции по отношению к Советскому Союзу и проводят клеветническую кампанию о положении верующих в СССР»; «Истинные цели «Славянской миссии» и ее название в настоящее время не соответствуют действительности. Если бы верующие узнали, чем в действительности занимается миссия, то вряд ли бы они давали деньги на ее деятельность»; «Мы не знали жизни СССР, ничего не смотрели и ничем не интересовались. Туризм служил только прикрытием»; «Несоответствие сведений о положении верующих в СССР, которые нам давали в Стокгольме, с тем, что есть на самом деле, бросалось в глаза»; «Я теперь понял антисоветскую направленность дававшихся нам поручений. Те, кто нас послал, хотели бы, чтобы в СССР была другая политическая система»; «Мы поняли, что наносили ущерб интересам СССР»; «Мы занимались вмешательством во внутренние дела Советского Союза».

И Сарельд, и Энгстрем просили снисхождения, заверяли, что они не будут больше иметь ничего общего со «Славянской миссией», участвовать в ее неблагоприятной деятельности.

Слова проверяются делами. Поживем — увидим.

Но все, кто имеет уши, да слышат: наш советский дом открыт для тех, кто едет к нам с добрыми намерениями. А пакостить в нашем доме мы никому не позволим.

* * *

В интересах добрососедских отношений между Швецией и СССР советские власти пошли навстречу просьбе шведского правительства и ограничились выдворением Сарельда и Энгстрема за пределы СССР.

Слуги двух господ

В этой книге мы считаем необходимым еще раз коснуться вопроса об ответственности средств массовой информации и журналистов. Напомним, что об этой ответственности говорилось с трибуны общевро-

пейского совещания в Хельсинки. Важность проблем информации зафиксирована в Заключительном акте совещания. Как же ответили журналисты, аккредитованные в качестве корреспондентов в странах своего пребывания, на установки хельсинкского Заключительного акта, относящиеся к условиям их работы?

В этом документе записано, что государства-участники ставят своей целью улучшать условия, в которых журналисты из одного государства-участника осуществляют свою профессиональную деятельность в другом государстве-участнике.

В Советском Союзе, в других социалистических странах многое сделано для осуществления на практике этих положений Заключительного акта.

В Москве, например, аккредитовано почти триста зарубежных корреспондентов, представляющих информационные агентства, теле- и радиокomпании, газеты и журналы самых различных регионов планеты, придерживающиеся самых разных, подчас прямо противоположных политических направлений. Очевидно, эти цифры будут возрастать и дальше. К этому нет никаких препятствий, так как в Советском Союзе отсутствуют квоты на представительство зарубежных средств информации.

За время, прошедшее после совещания в Хельсинки, советская сторона значительно расширила возможности получения информации для иностранных корреспондентов. Этому служат и многочисленные пресс-конференции, и возможность непосредственного обращения в ведомства и общественные организации, по поводу чего Президиум Верховного Совета СССР принял специальный Указ 29 июня 1976 года. Иностранные корреспонденты совершают групповые и индивидуальные поездки по Советской стране. География таких поездок расширена и не включает в себя только районы, которые закрыты по соображениям безопасности, как это предусмотрено Заключительным актом и как это практикуется также на Западе. Упрощены процедуры оформления поездок, сокращены сроки рассмотрения просьб о въездных визах для иностранных журналистов, как правило, они занимают немного времени, в то время как в некоторых западных странах — США, Англии, Италии — ответы на просьбы о визах даются только в течение полутора-двух месяцев. Бо-

лее того, ведомства информации некоторых западных стран в нарушение достигнутых договоренностей выдвигают в ответ на запросы об аккредитации советских корреспондентов за рубежом не предусмотренные никакими правилами и этическими нормами требования. В ряде стран Запада против советских корреспондентов организуются провокации, оскорбляющие их достоинство и наносящие прямой ущерб их профессиональной деятельности.

Вместе с тем отметим такой положительный факт, как введение на взаимной основе многократных виз сроком до года, по которым корреспонденты соответствующей страны и члены их семей могут свободно въезжать и выезжать из страны пребывания.

Что нужно журналисту, аккредитованному в Москве? Только профессиональные навыки и честность. Мы не ждем от представителей буржуазных средств массовой информации симпатий к социализму. Мы понимаем, что они не всегда хотят быть объективными. Но честными, правдивыми они обязаны быть. Эти качества нисколько не мешают им подходить к советской действительности со своих позиций, не требуют отказа от идеологической борьбы в защиту своей капиталистической системы.

Большинство западных журналистов именно так и поступают. И к ним никто не предъявляет претензий. Иное дело, когда некоторые корреспонденты занимаются небылицами, клеветой, искажением фактов, злонамеренными вымыслами. Есть такие, которые, рядясь в тогу «защитников прав человека», избрали своей специальностью описывать и восхвалять все тех же «диссидентов» и ничего и никого, кроме жалкой кучки этих отщепенцев, не замечают и не желают видеть.

Наконец, встречаются еще и журналисты только по названию. В действительности это агенты спецслужб, использующие корреспондентские удостоверения как прикрытие для своей шпионской деятельности. Если они участвуют в фальшивой кампании в защиту «инакомыслящих», то только потому, что среди этих разложившихся людей и через них делаются попытки вербовать агентуру.

До некоторого времени подобные иностранные корреспонденты и органы массовой информации, которые

они представляют в Советском Союзе, категорически отвергали подобного рода обвинения, отрицали свою причастность к разведывательным службам. Отвергали, несмотря на то, что их ловили с поличным. Отвергали, что называется, с порога. Но после того, как действия ЦРУ оказались объектом расследования со стороны конгресса США, опровержения стали менее уверенными. А с некоторого времени почва под ногами «опровергателей» заколебалась еще сильнее. Мы имеем в виду разоблачения, с которыми выступил в журнале «Роллинг стоун» бывший корреспондент газеты «Вашингтон пост» Бернштейн, сыгравший в свое время одну из главных ролей в раскрытии уотергейтского скандала. По словам Бернштейна, он располагает документальными данными о том, что более 400 американских журналистов на протяжении последних 25 лет выполняли тайные задания ЦРУ. Владельцы и руководители радио- и телекомпаний, агентств, газет и журналов, ведущие обозреватели и простые репортеры выполняли весь набор секретных заданий: сбор информации, связь со шпионами в социалистических странах, самостоятельный шпионаж.

Характерно, что если недавние руководители ЦРУ — Колби, Буш извинялись, как-то пытались оправдаться, вывернуться после очередного скандального разоблачения, то их преемник, нынешний шеф Центрального разведывательного управления адмирал Тэрнер до этого не снисходит. Он ясно и цинично дает понять, что не собирается менять установившуюся грязную практику, что он уверен в бессилии конгресса, не боится никаких разоблачений, так как его ведомство — это государство в государстве.

Столь же уверенно стали себя чувствовать и другие секретные специальные службы США — разведывательное управление Пентагона (РУМО), то есть военная разведка, агентство национальной безопасности (АНБ), соответствующие управления и отделы разведки и сыска в государственном департаменте, министерстве финансов, комиссии по атомной энергии и некоторых других американских ведомствах. У каждой из этих служб свой профиль, но все вместе они составляют огромную шпионско-разведывательную систему, действующую практически бесконтрольно.

Нам думается, что настала пора исправить некую

«несправедливость» и внести в дело ясность. Так сложилось, что при всех разоблачениях грязных методов американской разведки называется только ЦРУ. Между тем многие скандальные факты относятся к деятельности других вышеперечисленных американских тайных служб, особенно к РУМО и АНБ. То же следует иметь в виду, когда речь идет о кадрах американской разведки, в том числе и выполняющих ее поручения под журналистской «крышей». Мы не знаем, вошли ли в сакраментальное число 400 американских журналистов — агентов разведки, названных в «Роллинг стоун», некоторые американские корреспонденты, выполнявшие задания секретных служб, находясь в Москве, но имена их известны и приводились в советской печати. В связи с разоблачением их шпионской деятельности вынуждены были, в частности, покинуть Советский Союз г-да Френдли, Крымски, Оснос, Тот. Они сами, конечно, не хотели признаваться в том, что занимались недозволенной деятельностью, не имеющей ничего общего с выполнением корреспондентских обязанностей; и упорно принимали позы оскорбленной невинности. Их всячески старались обелить, отрицая очевидные факты, руководители американских органов информации, а также некоторые представители официальных ведомств.

Вот о чем, например, поведала в конце 1977 года газета «Нью-Йорк таймс». По сведениям, полученным от бывшего президента радиотелевизионной корпорации Си-би-эс, с 1954 по 1961 год эта организация сотрудничала с ЦРУ, делаясь с ним информацией по указанию председателя правления Си-би-эс Уильяма Пейли. Это заявление он сделал в ответ на высказывание Ричарда Сейланта, который сообщил, что, став президентом Си-би-эс, он, мол, порвал связи с ЦРУ, существовавшие при Микелсоне.

«В ту пору подобное сотрудничество меня нисколько не удивляло,— сказал Микелсон, одно время бывший и председателем объединенного руководства радиостанций РС и РСЕ.— То были времена, отличные от нынешних: 23 года назад представлялось вполне нормальным делать это. Я полагаю, что при климате «холодной войны», который тогда существовал, сотрудничали (с ЦРУ.— Авт.) все радиотелевизионные корпорации».

Отвечая на вопросы по телефону из Лондона, Микелсон сообщил, что по просьбе ЦРУ радиотелевизионные корпорации предоставляли агентам разведки информацию, которая была связана с беспорядками и волнениями в зарубежных странах. Он также рассказал, что иногда корреспонденты Си-би-эс по возвращении в Соединенные Штаты встречались за обедом с Алленом Даллесом, занимавшим в то время пост директора Центрального разведывательного управления, для неофициального обсуждения «того, что происходит в мире».

Микелсон заявил, что к нему обращались агенты ЦРУ с вопросами, которые, по его мнению, были «безобидными», и он обычно предоставлял в их распоряжение требуемую информацию.

«Подобная практика началась в октябре 1954 года, когда я возвратился из поездки за границу,— вспоминает он.— Меня вызвали в кабинет Пейли, где вместе с ним были два агента ЦРУ. Именно тогда я узнал, что наш сотрудник в Стокгольме Остин Гудрич был послан туда ЦРУ и работал на него. Так как этот разговор велся в присутствии Пейли, я пришел к выводу, что сотрудничество с ЦРУ осуществляется с благословения председателя правления Си-би-эс».

Да, факты — упрямая вещь. И куда от них деться, скажем, Тоту, бывшему московскому корреспонденту газеты «Лос-Анджелес таймс», который был задержан в Москве в тот момент, когда получал секретные сведения от советского гражданина?! Почему Тоту понадобились не какие-либо общедоступные, а именно секретные сведения? Да потому, что он профессиональный разведчик.

Об этом свидетельствует также и характер путешествий Тота по Советскому Союзу, и то специфическое «любопытство», которое он пытался удовлетворить в ходе этих поездок. Находясь в Таджикистане, он хотел получить сведения о состоянии гражданской обороны. В Ленинграде и Мурманске Тота интересовали: состав почвы районов, принципы застройки Мурманска, глубина закладки инженерных коммуникаций, температурный режим Баренцева и Норвежского морей; в Яку: характер грунта вулканических пород районов бурения нефти, технические данные о новом буровом оборудовании, более совершенном, чем в других странах.

В Киргизии внимание Тота было сосредоточено на таких проблемах, как технология возведения зданий в сейсмической зоне, селезащитная плотина, частота и опасность селевых потоков и землетрясений, атмосферный режим района. Столь же специфичны были интересы Тота при посещении Армении и Узбекистана. Они объяснялись не тем, что Тот специализировался на научных проблемах, а тем, что его шефы из американской военной разведки ждали от него шпионских донесений.

Выполняя разведывательные задания в Москве, Тот был связан с военным атташе посольства США. Как следует из письма сотрудника РУМО Уотерса, Тот был замечен в Пентагоне и положительно оценен лично тогдашним начальником РУМО генералом Уилсоном.

Тот, сказал Уилсон, является «наиболее талантливым нашим человеком в Москве, и его материалы следует читать, уделяя им максимум внимания». В письме Уотерса есть упоминание и о встрече, состоявшейся между Тотом и верховным главнокомандующим вооруженными силами НАТО в Европе американским генералом Хейгом, и указывается, с каким «багажом» Тот должен был приехать на следующую встречу с военным руководителем Североатлантического блока.

За корреспондента «Лос-Анджелес таймс» вступилась было французская «Монд», но, как говорится, села в лужу, не разобравшись в существе вопроса. А бывшего московского корреспондента «Вашингтон пост» Питера Осноса до сих пор «жалеют» некоторые издания Западной Европы и Соединенных Штатов Америки. Причем аргументация у радетелей корреспондентов-разведчиков столь же примитивна, сколь и лжива: в СССР, мол, очень «трудно» работать западным журналистам, так как ограничены возможности контактов между людьми и получения информации.

Выше мы уже показали, каково положение с контактами и источниками информации на самом деле и как их понимал и пытался использовать Тот. Теперь осветим некоторые малоизвестные или совсем неизвестные на Западе факты о поведении в Советском Союзе Питера Осноса.

В нашей книге «Совершенно секретно» было опубликовано письмо врача С. Л. Липавского, в котором он, признаваясь в нарушении советских законов, сооб-

щал, в частности, о противозаконной деятельности корреспондента Осноса.

Дополнительная проверка фактов позволила установить, что один из так называемых и упоминаемых С. Липавским «инакомыслящих», выехавших из СССР на Запад, некто В. Рубин, установил связь через Осноса с ранее покинувшими Советский Союз отщепенцами. По дипломатическому каналу посольства США Рубин сообщил в Москву, что некоторые лица за океаном весьма заинтересованы в том, чтобы из СССР была оказана поддержка неизвестному сенатору Джексону. В чем должна была состоять эта поддержка? В сборе подписей под различными «петициями», а также в сведениях о советских учреждениях и предприятиях, где работали люди, которым временно было отказано в выезде за границу в связи с тем, что их прежняя работа была связана с государственными секретами. Все это подчинялось одной цели — наши недруги задумали организовать в США кампанию с требованием запрещения поставок этим советским предприятиям американского оборудования и технологии. Подогревать в США антисоветские настроения, устраивать провокационные акции против работников этих предприятий, выезжающих в заграничные деловые командировки, — вот чего хотели Джексон и иже с ним, вот в каком направлении действовал Оснос.

Но это не все. На нашем рабочем столе оказались письма читателей из Молдавии, куда однажды занесло Осноса для «подготовки материалов о «сельском хозяйстве республики» (так значилось в официальной заявке). Оснос начал изучать проблему виноградарства не в совхозах, а... в кишиневском ресторане «Крама». Подвыпив, он ринулся к соседним столикам выяснять, есть ли в зале лица еврейской национальности, и стал их агитировать как можно скорее отправиться на «землю обетованную». Он даже сулил «поддержку» тем кишиневцам, которые подадут заявления о выезде в Израиль.

Судите сами, разве такая «работа» иностранного корреспондента имеет что-либо общее с журналистикой? Мы могли бы напомнить Осносу также о его попытке вывезти в нарушение таможенных правил за границу крупную сумму советских денег, напомнить и о спектакле, который он импровизировал на погра-

ничной станции Унгены. Из всего этого явствует, что деятельность Осноса в нашей стране носила грубый провокационный характер, несовместимый с его статусом корреспондента.

ЗаклЮчить эту главу мы решили двумя цитатами. Обе они взяты из американских источников.

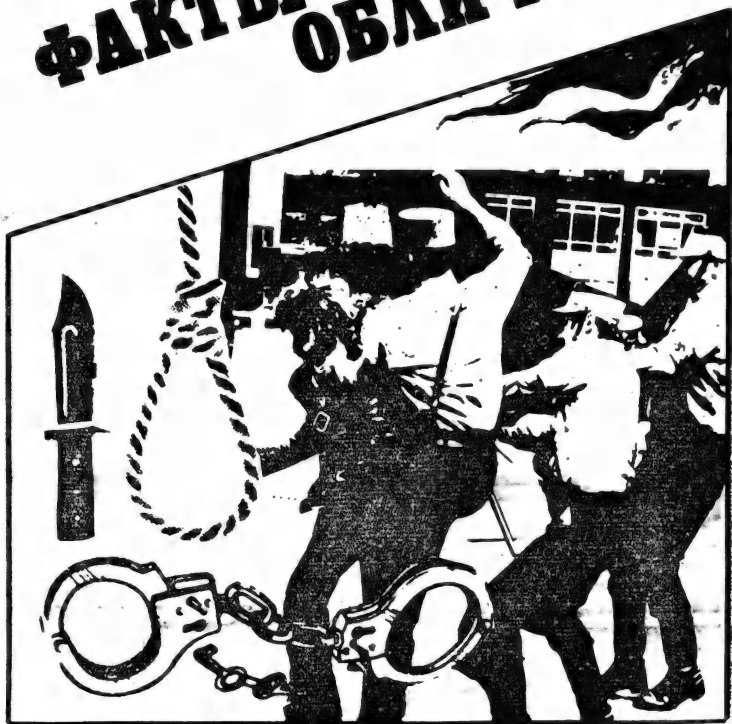
Цитата первая. «Особую озабоченность в США,— писала газета «Нью-Йорк таймс»,— вызывает следующее: читатели, зрители и слушатели начнут верить, что на формирование поставляемой им информации влияет Центральное разведывательное управление» (и другие секретные службы, добавим мы от себя.— Авт.).

Цитата вторая. Она принадлежит бывшему корреспонденту газеты «Чикаго трибюн» в Москве Д. Джексону, ныне работающему в Лондоне. Джексон отнюдь не симпатизирует выступлениям советской печати, в которых разоблачаются шпионские похождения некоторых американских журналистов. И все же он приходит к выводу, что те, кто работает в газетах «по совместительству», а точнее, является слугой двух господ, должны быть названы и изгнаны из журналистских рядов. «Сделав это,— продолжает Джексон,— мы, возможно, погубим крупные авторитеты, некоторые карьеры, видимо, будут поломаны, нарушены обещания, поколеблены иллюзии. Но лучше это, чем компрометация всех американских журналистов, работающих за границей, особенно в социалистических странах».

Действительно, лучше. Те, кого Джексон называет «совместителями», слугами двух господ, портят репутацию и затрудняют работу профессионально честных журналистов, сеют рознь и недоверие между американским и советским народами.

ФАКТЫ ОБЛИЧАЮТ

Набат совести

Время необратимо. Оно несется вперед, сменяя на ходу поколения землян. Такова суровая целесообразность законов диалектики. Но ничто не исчезает бесследно. Уходящие оставляют грядущим Историю. История — это памятники. Разные. От топоров каменного века до металлической доски, опущенной с атомного ледокола «Арктика» в географической точке Северного полюса, от реставрированных развалин древнего Колизея до давно не ремонтировавшейся статуи Свободы при входе в нью-йоркскую гавань, от шапки Мономаха до Собора Парижской богородицы. Бухенвальд — тоже памятник...

«Сначала поезжайте в Веймар, а потом посетите Бухенвальд». Так посоветовали нам коллеги с телевидения ГДР, когда, закончив журналистские дела в Берлине, мы решили почтить память соотечественников, погибших в нацистском концлагере. «Почему?» — спросили мы. «Поймете сами», — ответили они.

Древний город, перерезанный парком с бодро шелезящими кронами платанов и буков, шагнувших сюда из соседних тюрингских лесов, встретил нас оглушающей тишиной солнечного утра. Средневековая брусчатка мостовых, стрельчатые окна старинных вилл, торжественный в своей готической строгости кафедральный собор и почти полное, удивляющее в наш суматошный век отсутствие автомашин и прохожих. Впрочем, ближе к центру города все чаще и чаще стали попадаться разноязычные группы и группки туристов, внимательно слушающих всяческие истории из богатой и удивительной летописи Веймара. Вот и около спрятавшегося в зелени кустов мраморного бюста, воздвигнутого нашему великому россиянину, остановились темнокожие юноши и девушки, попавшие сюда, видимо, из какой-то далекой африканской страны. Французский язык экскурсовода был безупречен, хотя весьма лаконичен. «Александр Пушкин, — сказал он, — великий русский поэт. Он никогда не был в Веймаре, но очень любил Гёте и Шиллера».

Мы, наверное, не ошибемся, если скажем, что Иоганн Вольфганг Гёте и Иоганн Фридрих Шиллер

сделали столь же много для немецкого языка, сколько сделал для русского Александр Сергеевич Пушкин. Михайловское и Веймар. Аналогия? Она напрашивается сама собой. Так уж получилось, что великие основоположники немецкой литературы нового времени надолго связали свои судьбы с небольшим тюрингским городом. И памятник благодарные потомки поставили им один на двоих на центральной площади перед муниципальным театром.

Кто поэзию хочет постичь,
Страну поэзии тот посетит,
Кто поэта хочет постичь,
Тот поэта страну посетит.

Так писал Гёте, имея, конечно, в виду свой Веймар. «Отсюда ворота и дороги ведут во все концы света... Я уже пятьдесят лет здесь и где я только не был! Но я всегда радовался возвращению в Веймар»,— восклицал он.

Редкое постоянство!.. Почти полвека немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель прожил с небольшими перерывами в одном и том же доме, который ныне стал национальным музеем страны. Дом был подарен Гёте герцогом Карлом Августом. Но великий немецкий гуманист весьма недвусмысленно сказал герцогу, что он «оборудовал и использовал свой дом не для зажиточной жизни, а для посильного распространения искусства и науки». Поэтому и появилось его гостеприимное четверостишие:

Почему вы там стоите?
Разве нет дверей, ворот!
Не робейте, заходите!
Вас прием сердечный ждет!

Сердечный прием всегда ожидал здесь в доме на Фрауэнплан Фридриха Шиллера. Не было в истории немецкой литературы столь удивительного и неповторимого дружественного альянса, чем этот. Первое личное знакомство между двумя корифеями произошло в Веймаре в сентябре 1788 года, но истинно плодотворное сотрудничество началось несколько позже, когда Шиллер поселился неподалеку — в городе Йене. «Вы принесли мне вторую молодость,— писал Гёте Шиллеру,— и сделали меня снова поэтом, которым я

почти перестал быть». «Удивительно, сколько реалистического появляется с годами,— признается в письме к одному из своих друзей Шиллер,— и сколько развилось во мне реализма со времени постоянного общения с Гёте». В 1799 году Шиллер, чтобы быть ближе к Гёте, окончательно перебирается в Веймар, где покупает дом на Эспланаде, теперь переименованной в улицу Шиллера...

Обо всем этом нам рассказали в двух домах, ставших ныне музеями, в домах двух великих немцев, принесших славу Веймару, «городу немецкой классики», «городу Гёте и Шиллера». Оставили здесь свои следы и другие знаменитые гуманисты: Гердер и Виланд, Иоганн Себастьян Бах и Ференц Лист...

В июле 1937 года в непосредственной близости от Веймара нацисты создали еще один «памятник» — концентрационный лагерь Бухенвальд. При входе в него вас встретит сохранившаяся на железной решетке до наших дней издевательская надпись: «Каждому — свое». В веймарском архиве Гёте и Шиллера — ценнейшем памятнике немецкой литературы — хранится восемьсот тысяч томов литературного наследия крупнейших писателей и поэтов мира. В братских могилах Бухенвальда похоронены десятки тысяч узников восемнадцати национальностей. Они убиты теми двуногими, тоже именовавшими себя немцами, которые жгли на кострах книги Гёте и Шиллера, которые хотели остановить ход вестминстерских часов и взорвать Собор Парижской богородицы, которые сожгли город Пушкин, думая, что они заставят людей забыть язык великого поэта. В человеческой истории было немало парадоксов. Такого зловещего — не было.

«Люди, приходящие со стороны Веймара и побывавшие на горе Эттерсберг, никогда не забывают, что произошло здесь». Вы прочтете эти строки в Бухенвальде. Нет, ничего из того, что произошло здесь, забывать нельзя! Никто не имеет на то права. Тем более что появилось не так уж мало охотников, которые готовы предать забвению и концлагеря, и крематории, и все преступления нацистов в целом.

В Западном Берлине во время отнюдь не мирной дискуссии в ассоциации иностранных журналистов, мы пытались втолковать нашим коллегам из западных изданий, что следует понимать под идеологи-

ческими диверсиями против социалистических стран. А в это самое время в городе крутили новую ленту западногерманского сценариста и режиссера Йоахима Феста «Гитлер — история карьеры». Что это за фильм? Вполне приличная история о том, как некий субъект по фамилии Шикльгрубер стал фюрером Адольфом Гитлером, как он строил автострады в своем царствегосударстве, был вегетарианцем, не вступал ни в какие союзы с крупным капиталом, платонически любил Еву Браун, гладил по головкам детей, ласкал собак и кошек и весьма сожалел, что ему в «силу необходимости» пришлось осуществить аншлюс Австрии и оккупацию Чехословакии. Этаким «голубой» Адольф, строивший автострады и не имевший отношения к газовым камерам...

А не пригласить ли Йоахима Феста на экскурсию в Бухенвальд? А не напомнить ли ему, что в 1934 году «голубой» фюрер дал секретное указание придумать «нечто такое», что дало бы возможность «быстро и дешево» уничтожать людей? А не напомнить ли ему, что за 12 лет в нацистских концлагерях побывало 18 миллионов человек и что 11 миллионов из них умерли в газовых камерах, были замучены, повешены, расстреляны?

В Бухенвальде, где были убиты 56 тысяч заключенных, сохранились камеры узников, печи крематория, живодерня врачей-эсэсовцев, где они проводили свои преступные опыты над живыми людьми. Памятники? Да, «памятники» изуверству, родившемуся неподалеку от маленького тюрингского городка, которому Гёте и Шиллер принесли славу. Говорят, что в человеческой памяти наиболее долго хранятся воспоминания лишь о хорошем. Может быть, это и так, может быть, это и целесообразно. Но так же, как нельзя вычеркнуть из истории Гёте и Шиллера, нельзя забыть Бухенвальд и предать забвению преступления двуногих в эсэсовской форме.

В тот день, когда мы возвратились из Бухенвальда в Берлин, нам попались в руки последние номера американской газеты «Интернэшнл геральд трибюн», где была опубликована серия статей о варварских экспериментах Центрального разведывательного управления США на людях. Газета сообщала: «Ряд солидных научно-исследовательских медицинских учреждений и

государственных клиник в США и Канаде участвовал в осуществлении разработанного ЦРУ сроком на 25 лет секретного проекта по выявлению возможностей контроля над умственной деятельностью человека. На воплощение этой программы в жизнь было ассигновано 25 миллионов долларов».

Читаешь подобное — и диву даешься! Фашисты в Бухенвальде творили свой звериный суд над невинными людьми в конце тридцатых — начале сороковых годов. В наши дни эту эстафету мракобесия и беззакония переняли под эгидой ЦРУ люди в белых халатах из 80 научно-исследовательских заведений, включая 44 университета США и Канады. Мы позаимствовали эти цифры из отчета перед сенатской комиссией Соединенных Штатов шефа американской разведки адмирала Тэрнера. И хотя, по мнению обозревателей, комиссии удалось получить ничтожные крохи сведений о преступной деятельности ЦРУ в этой области, даже они дают возможность увидеть картину вопиющего нарушения прав человека и грубейшего беззакония.

Американская печать называет несколько фондов, в частности Гешиктера и Джошиа Мейси (они существуют и по сей день), получавших от ЦРУ огромные средства за эти «научные исследования». В качестве подопытных использовались тюремные заключенные, лица, находящиеся на излечении в психиатрических больницах, и так далее. Именно на них испытывались разного рода биологические, химические средства воздействия на психику человека. Так, например, фармаколог Пфайфер проводил по заданию ЦРУ эксперименты на заключенных тюрьмы в Атланте и исправительной колонии для малолетних в штате Нью-Джерси, за что он получал в год 25 тысяч долларов.

На фоне этого нового политического скандала, разразившегося в США, особенно четко просматривается еще одна тенденция вашингтонской администрации. Речь идет о новых средствах массового уничтожения людей, которые за океаном намерены производить в обозримом будущем. Курс на усиление гонки вооружений, на развертывание производства нейтронной бомбы и крылатых ракет — опасный курс. Вот почему, стараясь дезинформировать мировое общественное мнение, пропагандистская машина Вашингтона с откровенным цинизмом назвала нейтронную бомбу

«чистым» оружием. Оно, видите ли, не приносит материальных разрушений, а лишь уничтожает людей!

Обращая свой взор в прошлое, вспоминаешь те дни, когда честные люди выходили на площади и улицы Западной Европы с плакатами, предупреждавшими о коричневой опасности, о реальной угрозе фашизма, поставившего на поток производство средств уничтожения людей. Разве не примечательно, что сегодня на-товские круги вслух заговорили о том, что нейтронная бомба будет размещена на складах в Западной Германии?! Вот откуда, по замыслу вашингтонских стратегов, должна вновь исходить угроза безопасности европейских народов.

«Неужели человечество начинает сходить с ума? — задается вопросом боннская «Форвертс» и продолжает: — Целью становится сохранение материальных ценностей: человеку придается второстепенное значение. Получить возможность снова использовать промышленные предприятия, улицы, системы коммуникаций почти сразу «после того, как...» — вот в чем, оказывается, смысл! «Прогресс» состоит также в том, что трупы людей легче убрать, чем руины городов и фабрик; не человек, а машины достойны сохранения. Нейтронная бомба — это символ извращенного мышления...»

Но миролюбивым народам есть что противопоставить безумной агонии империализма, его «извращенному мышлению». Единство и сплоченность, помноженные на силу убежденности в правоте своего дела, — вот тот могучий заслон на пути маньяков милитаризма. Недавно 28 коммунистических и рабочих партий Европы и Северной Америки обратились ко всем миролюбивым силам, в особенности к социалистам, социал-демократам и христианам, с призывом «выступать за продолжение политики разрядки, за обеспечение мира путем принятия эффективных мер по разоружению».

Гневно протестуют против производства нейтронной бомбы советские люди, народы стран социалистического содружества. Массовые митинги протеста продолжают по всему Советскому Союзу. Да, мы не забыли ужасов второй мировой войны, которая унесла 20 миллионов советских граждан. Мы не допустим, чтобы непоправимая трагедия повторилась вновь. Не

для того сохранили люди Бухенвальд с его колоколом как памятник, как набат совести.

«На этом месте, на обгащенной кровью земле в сердце Германии, мы воздвигли вечный памятник всем тем, кто отдал самое ценное и дорогое, что он имел,— свою жизнь. Он будет повествовать грядущим поколениям о бессмертной славе отважных борцов против тиранов, за мир, свободу и человеческое достоинство. Мы призываем всех живых к действию, мы призываем их не уставать в борьбе против фашизма и продолжать вести людей к победе дела мира во всем мире. Мы не должны допустить, чтобы мир снова был ввергнут в войну и несчастье, а народы оказались на грани катастрофы...» Эти слова были сказаны на открытии памятника в Бухенвальде...

Одиссея старого

художника

В этой истории нет вымышленных людей или фактов.

Директриса мюнхенского отделения «Толстовского фонда» госпожа Самсонова сидела за небольшим рабочим секретером и не мигая смотрела на своих гостей круглыми, как у совы, глазами. Изредка поддакивая, она вслушивалась в равномерное гудение баритона своего визави, молодого человека с самодовольной внешностью.

— Я склонен полагать, что этими Шмидтами стоит заняться. Семейство весьма любопытное. Он — известный советский шаржист. Дочь Евгения — человек энергичный, с образованием, инженер-физик.

— Скажите, Александр, а вы-то давно знаете семью Шмидта? — Самсонова склонила голову набок, как бы подчеркивая особую заинтересованность.

Александр Кацас, новоиспеченный штатный сотрудник радиостанции «Свобода», не хотел признаться, что он познакомился с Евгенией всего несколько месяцев назад в Израиле, в небольшом городке Акко,

расположенном на самой ливанской границе. Сказал лишь, что он лично сумел сманить семью художника перебраться в Западную Германию, уточнив:

— Я по настроению этой женщины понял, что они оказались в такой трудной ситуации, что хотят удрать из Израиля куда угодно, лишь бы выбраться из этой клетки. Они хотели проситься в Советский Союз. Нам,— он подчеркнул это слово интонацией,— это ни к чему, сами понимаете.

— Вы, безусловно, правы, господин Какас,— встал третий участник этой встречи при закрытых дверях — В. Н. Вишневский.

В Акко Какас убеждал Евгению: «Тем, кто бежит из Израиля, легче всего устроиться в ФРГ. Немцы чувствуют вину перед евреями. Теперь, после войны, стараются загладить ее». Согласовав задуманную акцию с «Толстовским фондом», он отправил Евгении письмо из Мюнхена, куда переселился сам, подтверждая, что в принципе в ФРГ устроиться на работу можно. Но когда доверчивая женщина позвонила ему с мюнхенского аэродрома, Какас наотрез отказал ей в помощи, сославшись на занятость. Обращайтесь в «Толстовский фонд», закончил он беседу по телефону и продиктовал адрес этого учреждения: Тирштрассе, 11—17. Сам же постарался упредить визит Евгении Шмидт, оказавшись самым ранним гостем Самсоновой. Он знал, что «Толстовский фонд» связан с Центральным разведывательным управлением США и любая помощь этой организации может поднять его акции.

— Давно ли я знаю Шмидтов? — он задумался на секунду и, театрально расставив холеные руки, не моргнув глазом, выпалил лживую тираду: — Мы частенько встречались еще в Советском Союзе... Нам казалось подозрительным, что Евгения слишком много училась: два вуза! Согласитесь, школы и вузы бывают обыкновенные, а бывают и специального назначения. Утверждать, конечно, трудно, но полагаю, что именно это для наших американских коллег и может стать теперь предметом изучения и вывода о возможном использовании Евгении в наших общих целях. Я не исключаю ее вербовки...

— Виктор Николаевич, а что вы думаете по поводу предмета нашего собеседования? — Самсонова изобра-

зила на морщинистом лице подобие кислой улыбки, делая акцент на местоимении «вы».

Сухопарый, аскетического склада Вишневский подобострастно привстал с кончика стула и отвесил нечто вроде мини-поклона.

— Видит бог, мне доподлинно известно, что и сам Шмидт — лицо незаурядное. Я, с вашего позволения, навел кое-какие справки. В 1929 году он служил еще у Блюхера на КВЖД. Хорошо знал Сергея Эйзенштейна. С первого до последнего дня войны находился на фронте. Был командиром взвода саперов. Попадал в довольно крутые переделки. Это о них говорят, что сапер ошибается лишь раз в жизни. Но ему повезло: он не только остался в живых, но и дослужился до художника армии и фронта. Ну, а теперь — теперь надо его прощупать... А ежели бывший сапер проявит вместо благодарности строптивость, тогда...

— Что вы имеете в виду, господин Вишневский? — с едва уловимым раздражением спросила Самсонова. Она не терпела недомолвок.

— Пока ничего конкретно сказать не могу. Но хотел бы предупредить: один из плакатов Шмидта мне, простите за откровенность, не по душе.

— Что это за работа? — живо поинтересовался Кадас.

— Он назывался «Добьем гадину». Изображал Гитлера, прижатого к земле штыками. Я лично видел сии плакаты на дорогах, по которым проходила Советская Армия. Как вы догадываетесь, мне, человеку, сражавшемуся в армии вермахта, означенная картина мало импонировала в те дни и не вызывает никакого восхищения теперь... — Он многозначительно поднял палец и замолчал.

А Самсонова подумала: если она имела весьма относительное представление о биографических данных Исаака Шмидта, то по части былой и настоящей жизни своего друга Виктора Николаевича Вишневого — он же Иван Лапонов — у нее неясностей почти не было. Сейчас он занимал скромное место в библиотеке «Толстовского фонда» и по совместительству состоял старостой в русской церкви на Сальваторплаце. А было время, когда Иван Лапонов служил у гитлеровцев полицаем в оккупированной деревне Гремяче. За особые «заслуги» ему пожаловали офицерское звание и

выдали униформу войск СС. Весной 1943 года Лапонов принимал участие в расстреле советских людей в поселке Навля на Брянщине.

— Евгения мне рассказывала,— промолвил Кацас,— что Шмидт — член Союза журналистов СССР, что у него значительные связи не только в этом союзе. Он работал на многих международных фестивалях, проходивших в Москве, делая портретные зарисовки крупнейших деятелей культуры разных стран. У него сохранились благодарности и восторженные отзывы о его работах от Феллини, Висконти, Марселя Марсо, Херлуфа Бидструпа, Анны Маньяни, супругов Торндайк, Радж Капура, Софи Лорен, Эрвина Гешонека, всех не перечислишь!

— Так вы говорите, что Евгения уже в Мюнхене? — спросила Самсонова.— Хорошо. Я думаю, что для начала мы ее поселим у Галины Николаевны Кузнецовой. А там видно будет. Что-нибудь придумаем. Если, конечно, они оправдают наши надежды...

— Разумеется,— поддакнул церковный староста. Кацас молчал.

— А что известно о родственниках Шмидта?

— Вот, извольте,— староста положил перед Самсоновой бисерным почерком исписанный лист бумаги.

— Могли бы не создавать ребусы из своих сочинений. Я и в очках здесь мало что разберу...

— Разрешите прочесть?

— Да нет уж, не стоит тревожиться. Можно сказать, привыкла. Сколько докладных-то за свой век сострепали? Поди, на каждого эмигранта... Мы с вами давно связаны одной веревочкой. Не так ли? — И Самсонова углубилась в разгадывание очередного ребуса: «В самой что ни на есть пролетарской семье отца Шмидта было шестеро братьев. Участник войны. Атеист. После войны остались в живых трое братьев, в том числе Исаак Шмидт. Младший брат Исаака — Яков партизанил в отряде Соболевского, под Могилевом. Был схвачен немцами и погиб. О нем есть статья в «Могилевской правде» № 86 за 1960 год. Пишут, что Яков «погиб героически». Отец и мать Шмидта были убиты в первые дни войны в Белоруссии... Жена — русская, Эра Петровна. Выехали в Израиль в ноябре 1972 года. Повод — желание навестить дальнюю и единственную родственницу Шмидта — Гафни Заагаву».

— Так, понятно. Почти все понятно.— Самсонова приподнялась.— Спасибо, господа! Подождем Евгению Шмидт. Надеюсь, что она или уточнит то, о чем мы можем лишь догадываться, или опровергнет наши предварительные выводы. Будем ждать...

Как-то под вечер в начале 1972 года в дверь московской квартиры Шмидта робко постучали. На пороге стоял немолодой незнакомый человек.

— Простите, это квартира художника Исаака Шмидта? Разрешите представиться — Бортновский Юрий Самойлович. По квартирным делам,— он нервно улыбнулся.

— Что ж, входите. Вы можете предложить что-нибудь интересное в плане обмена?

— Да, прочел объявление и решил, как говорится, забежать на огонек...

Гость обвел комнату внимательным взглядом, словно оценивая и взвешивая все «за» и «против».

— Желающих разменяться в наши дни не убавляется. Ох и непоседлив же стал народ! С вами будет проще, квартира в центре Москвы!

— Специалистам виднее,— буркнул хозяин дома.

— Как бы это половчее вам сказать? Я, конечно, маклер, в квартирных делах кое-что смыслю. Но, если угодно, могу предложить и более интересный вариант обмена, чем тот, о котором вы думаете и о которых сообщается в официальных бюллетенях.

— Нет уж, избавьте! — Шмидт протестующе поднял обе руки.— Мы жульничества и махинаций не хотим. И скажу вам по совести — просто боимся. Женечка, будь добра, проводи гостя. Будем меняться через государственное бюро.

— Зачем же так поспешно?! — Бортновский криво ухмыльнулся.— Я вас ничем не оскорбил, худого или конкретного ничего не предложил. Стоит ли выпроваживать человека, который — смею вас уверить — может еще пригодиться столь благородному семейству? — И, перейдя на полупшепот, спросил: — У вас есть родственница в Израиле?

От неожиданности Исаак Шмидт онемел. Но тут же собрался и твердо, своим обычным ровным голосом произнес:

— Да, есть. Я лишь знаю, что ее зовут Заагава. Больше ничегошеньки...

— Вы хотели бы навестить ее? — продолжал шептать незнакомец.

Шмидт приподнял веки, взглянул на жену Эру Петровну, на дочь и молча пожал плечами. Воцарилась тягостная пауза.

— Будьте здоровы! Я навещу вас ровно через неделю. И можете не сомневаться: без адреса Заагавы я не появлюсь, а если все будет, как говорится, «по рукам», то квартирный обмен совершим «на высшем уровне!» — И гость исчез столь же стремительно и неожиданно, как и появился.

Семья Шмидта провела неделю в тревожном предчувствии каких-то неясных перемен. Нет, ни сам хозяин квартиры, ни его жена, ни дочь не думали о переселении на чужбину. Хотя искушение побывать за границей, посмотреть, что собой представляют «чужие города», о которых любил петь Вертинский, поработать там на этюдах, наконец, повидаться с единственной родственницей появилось немалое. «Несколько лет, как я вышел на пенсию, и могу в конце концов позволить себе раз в жизни такую вещь, как путешествие за границу! Заагава ведь не бросит нас на произвол судьбы», — рассуждал про себя художник.

Ровно через семь дней Бортновский вторично посетил квартиру Шмидта.

— Обещание выполнил. Ваша Заагава проживает неподалеку от Тель-Авива в поселке миллионеров Кфар-Виткине. Она владеет приличным хозяйством — плантации грейпфрутов, апельсинов, птицефермы. Рабочих рук, сами понимаете, не хватает...

— И как это вам, Юрий Самойлович, удалось столь быстро и в таких интригующих деталях все разузнать? — Шмидт вскинул густые брови. Он был в настроении.

Бортновский многозначительно улыбнулся:

— Исключительно для вашей дружной семьи! В ином случае не стал бы ломать голову и хлопотать. А вообще-то, — он посмотрел в окно, — все мы слуги Иеговы и должны денно и нощно помогать Израилю. Кто чем может, разумеется...

Шмидт промолчал. «Кто он, этот человек? Друг или тайный враг? Скажешь что-нибудь невпопад, и... поми-

най как звали!» За свой долгий век он многое повидал, многое пережил. Но ведь от того, что он, художник Шмидт, напишет обыкновенное письмо своей дальней родственнице в Израиль, разве могут возникнуть какие-нибудь неприятности?

В тот же день письмо ушло в далекий поселок загадочных миллионеров. А через пару недель поступил и ответ: «Можно приезжать. Здесь и только здесь подлинный рай. Жду». Подпись Заагавы была неразборчива. А может быть, это только так казалось?

Но разве можно вот так сразу подняться с насиженного гнезда, где провел все свои 68 лет? Да и супруга уже не первой молодости, а дочь — дипломированный физик, специалист. Правда, у нее на работе какие-то нелады в личном плане, но разве это повод для бегства за границу? Да и нужно ли все это в конечном счете?! Сомнения мучили Шмидта днем и ночью. И вдруг как снег на голову — новый гость: Михаил Маркович Курицкий. Нет, он сам в Израиль не собирается. У него в Москве приличное — и даже очень приличное — дело, уютная квартира, жена, учатся дети, конечно, бесплатно. Но Михаил Маркович горячий и искренний поклонник Израиля. Он с очаровательной улыбкой раздал членам семьи Шмидта глянцевые открытки с видами Иерусалима, Тель-Авива, Хайфы, полей, пустынь и фруктовых плантаций Израиля и даже вырезанную из какого-то журнала цветную картинку с центральной площадью поселка миллионеров, куда и посоветовал выехать всему семейству «чем скорее, тем лучше». И главное — «под уютное крылышко богатой родственницы».

— Но как же нам все это оформлять? — растерянно спросил Шмидт.

— О, весьма просто! Письмо от Заагавы у вас есть? Есть. Стало быть, вы можете избрать для выезда в Израиль широко практикуемый предлог «воссоединения семей». Ясно?

«Широко практикуемый»... Сама формулировка несколько озадачила Шмидта, но в конце концов он решил, что Михаил Маркович рекомендовал правильный путь.

Больше ни Бортновского, ни Курицкого Шмидты не встречали. Оба словно испарились. И червь сомнения

все глубже забирался в душу художника. В этой душе существовало как бы два человека. Один не торопился с принятием решения покинуть Москву, Советский Союз, другой — колебался. И этот, второй, был значительно слабее, мягкотелее, что ли, первого. Впрочем, он сидел в нем всю жизнь: поддакивал начальству, был рабом чужих мыслей, умел льстить... Когда на жизненном пути вставали трудности, этот «второй» Шмидт прятал голову в плечи. Когда случалась беда у соседа — он сочувствовал, но старался, чтобы его, не дай бог, не вовлекли в «щекотливое» дело, предпочитал оставаться в стороне. Бывало, что ему не хотелось куда-либо идти, что-либо делать, но стоило приятелю с более сильным характером чуть-чуть нажать — и этот, «второй», Шмидт на сто восемьдесят градусов менял свою позицию, тут же со всем соглашался и даже расхваливал подsunутую и в общем-то чуждую ему идею.

Так он и жил, этот «второй» Шмидт, выполняя поручения, но не проявляя инициативы, прислушиваясь, что говорят другие, но не выступая с открытым забралом. Дожив до своих 68 лет, он мало разбирался в политике, которой сторонился. Он слабо представлял себе, что такое «народно-трудовой союз» со всеми его платными агентами империализма, не ведал о деяниях сионистских центров, но мог с доверчивостью и наивностью ребенка поверить любым басням иностранных радиоголосов.

О, если бы он тогда знал, что сионистские центры в Израиле, Соединенных Штатах не стесняются в средствах, лишь бы увеличить численность населения Израиля за счет иммигрантов! Если бы он только знал! Может быть, он не натворил бы всех бед!

Не ведал Шмидт и о том, что в Тель-Авиве, который мелькал перед ним лишь с цветных открыток, министерство иностранных дел создало специальный институт, названный «объединение олим». В функцию этого органа входило оказывать давление на Советский Союз, засылать в СССР подрывные издания, восхвалять в радиопередачах «прелести жизни» в Израиле, вербовать агентуру, организовывать вызовы и от реально существующих, и от фиктивных родственников.

Шмидт не поверил бы, если бы тогда кто-либо мог сказать ему, что Заагава вовсе не желала видеть его

семью, что и письмо за ее подписью было сострепано чужими руками.

Шмидту и в голову не могло прийти, что руководители «объединения олим» в Израиле занимаются не трудоустройством вновь прибывших иммигрантов, а просто наживаются на них, набивая золотом собственные карманы. Важно заманить жертву, а что с ней станет потом — никого не интересует.

Через несколько лет, когда семья Шмидта поймет все это, Евгения в своем дневнике запишет: «Израильские сионисты заинтересованы в любом иммигранте. Ведь за каждую душу Америка платит валютой. Вот почему им позарез нужны эти души, а живые они или полуживые — это уже никого не волнует, так как, после того как вы получили статус иммигранта, они, то есть ваши благодетели, получили причитающуюся валюту. А как вы чувствуете себя после этого, уже никого не волнует».

Самолет коснулся земли и побежал по взлетно-посадочной дорожке венского аэродрома. В числе других пассажиров этого рейса находилась и семья Шмидта. Перед зданием аэровокзала их ждали машины с плотно закрытыми кузовами. Заработали моторы, никто не знал, куда и зачем их везут. Остановка. Всех сгоняют в помещение, похожее на развалины старинного замка. Кругом немецкая речь, выкрики: «Шнель, шнель!»

Через мегафон передали первую команду: «Всем срочно распаковать свои вещи. Террористы могли подложить бомбу. Проверить и немедленно запаковать!»

Когда от людей уже шел пар, тот же надтреснутый голос рявкнул из мегафона: «Всем разобрать свои пожитки и срочно грузиться в автобус». Снова дорога до аэродрома. Вечер. Кто-то строго предупредил: «Посадка в самолет утром. Из автобуса не выходить ни под какими предлогами. Посадка в пять утра».

На третьи сутки, измотанные дорогой, затравленные бесконечными командами и приказами, люди прибыли в Тель-Авив. Солдаты с автоматами наперевес согнали всех в кучу посреди душного зала аэропорта. Кто-то выкрикнул:

— Исаак Шмидт и семейство тут? Вас здесь уже поджидает Гафни Заагава!

Кольцо вооруженных солдат разомкнулось.

— Я пришла сюда лишь для того, чтобы встретить

своих очень и очень дальних родственников,— высокомерно изрекла Заагава, обращаясь к какому-то официальному лицу с пачкой анкет в правой руке.— Дайте им бумаги, и пусть заполняют. У меня своих забот полон рот!

— Помолчите! Вопрос уже решен. Вы обязаны взять семью Шмидта временно к себе.— И он бросил гневный взгляд в сторону Заагавы. Евгения увидела, как белки глаз человека с анкетами в руке налились кровью. Подумала: «Что бы это могло значить?»

— Разве что на месяц-другой.— И, уже обращаясь к Евгении Шмидт, Заагава сказала: — Но вам, милые родственнички, придется поработать. Я хлеб даром есть не даю...

Два месяца каторжного труда прошли как страшный сон. По ходатайству Заагавы, которой не терпелось избавиться от «милых родственников», так как она считала, что полностью выполнила задание по вербовке живых душ, Шмидт наконец получает жилье в старинном городе Акко. Полы каменные. Кроватей нет. Белья нет. Хочешь иметь железную койку — дай взятку Нелли Хоффрихтер или Штраусу, «опекунам» вновь прибывших. Желаешь есть из миски ложкой — готовь новую дань. Не дашь — «опекуны» постараются насолить! Никто из иммигрантов не знает ни законов, ни порядков Израиля. И они, «опекуны», вольны творить с человеком что угодно. А вот если не станешь упрячиться и будешь регулярно платить положенную мзду — дело иное. Не случайно хамоватая госпожа Хоффрихтер гарцевала перед своими просителями, словно лошадь в сбруе из золота, увешанная бриллиантами. Что же касается любого проявления непослушания, то у «опекунов» были предусмотрены разные меры наказания.

Но самой страшной карой могло стать пребывание в сумасшедшем доме, куда Штраус или Хоффрихтер имели право запрятать каждого без заключения врача. Об этом Евгению Шмидт предупредила одна из иммигранток, рассказав историю о том, как однажды ночью неизвестные схватили в квартире мать и дочь и отправили в психиатрическую больницу Акко. Больше их никто и никогда уже не видел...

— Наша задача,— сказала как-то отцу Евгения,— ни в коем случае не принимать от властей никаких

документов. Впоследствии они могут послужить им основанием для навязывания нам израильского подданства. Рано или поздно мы должны выбраться из этого ада... Надо искать помощи.

И вот однажды Шмидт познакомилась с некоей американкой Эдельман, к которой ей порекомендовал обратиться знакомый англичанин Г. Маршалл.

Эдельман терпеливо выслушала Шмидт и буквально позеленела от злобы:

— И вы хотите оставить землю обетованную?! Да как вы смеете об этом думать?! Да я спущу на вас самых лютых псов!

Просчет был очевиден: Эдельман состояла активисткой реакционной сионистской организации «Бнай-Брит», цель которой любой ценой собирать людей еврейской национальности «под одну крышу» в Израиль.

Разговор Евгении и Эдельман израильская контрразведка записала на пленку.

Евгения Шмидт появилась в кабинете у госпожи Самсоновой через некоторое время после того, как хозяйка дома проводила Кацаса и Вишневого.

— Разрешите вас потревожить? — она вошла в кабинет и опустилась без приглашения на стул. — Я — дочь советского художника Исаака Шмидта.

— Чем могу служить, душенька? — фамильярно, с притворной улыбкой осведомилась Самсонова.

— Мне порекомендовал обратиться к вам Александр Какас. Он дал мне ваш адрес. Хотелось бы пока хоть временно устроиться у вас в Мюнхене. А уж потом я перевезла бы сюда отца с матерью... Они пока еще в Израиле.

— Так, так. Устроиться, значит. Это нужно обмозговать. Это вы там, в СССР, привыкли все делать быстро. А здесь иные представления о времени, иные, душенька, параметры жизни... Привыкайте. Вы сколько прожили в Израиле? Меньше года? Впрочем, сие не так уж важно.

— Так я могу рассчитывать на вашу помощь в получении временного жилья?

Самсонова распрямила спину, взглянула на собеседницу. Самсонова чем-то напоминала классную даму, которую ненавидят все ученики.

— Ну что ж, пока отправим вас на постой к Галине Николаевне Кузнецовой. Она, как бы вам это ска-

зять поизящнее, когда-то в молодости ходила в прислугах у Ивана Бунина, а теперь сама пописывает. Ну, а деньги на жизнь у вас есть?

— Карманы почти пусты,— Шмидт доверчиво взглянула на суровую начальницу фонда.

— Не думайте, что я их наполню золотом из собственных карманов. Мы, работники фонда,— не филантропы из благотворительной организации. Вы изволили заметить, что работали в России физиком? Устроим работать на завод «Роденшток». Скажем, в отдел контроля по выпуску линз. Устроит?

— А чем ваш фонд занимается вообще?

— Наша задача переправлять таких людей, как вы, в Соединенные Штаты. Впрочем, госпожа Шмидт, вы часом не советская шпионка?!

Шмидт спокойно отпарировала:

— С таким же успехом я могу вас считать шпионкой американской!

Самсонова помолчала, оценила взглядом собеседницу и заметила с улыбкой:

— Считайте так или эдак, но доверительно, душенька, могу вам сказать, что лично вами, ну и, конечно, вашим папашей весьма интересуются американцы. Вам это о чем-нибудь говорит? Они хотели бы с вами повстречаться.

— Кто это «они»? — сказала Шмидт с явным пренебрежением. — Что же касается Америки, то я в эту страну ни за что не поеду!

— Полноте, полноте,— Самсонова протянула унизанную кольцами руку. — Заходите почаще. Не стоит нервничать. Врачи считают, что нервные клетки не восстанавливаются. А они нам с вами еще пригодятся. Особенно вам. Особенно когда приедут сюда папенька с маменькой...

Родители приехали через месяц. Самсонова пригласила Евгению на аудиенцию.

— Вам необходимо срочно отправиться во Франкфурт, где находится американское консульство, и незамедлительно оформлять выезд в США.

— Я уже объяснила вам свою позицию.— Шмидт держалась непреклонно. — Кроме того, отцу надо быстрее делать глазную операцию. Он слепнет.

— Кстати, как ваша новая квартира на улице Принца Евгения, 4? Устраивает?

Евгения вспомнила отвратительную физиономию коменданта дома Краутбауэра и промолчала. Она решила не обострять и без того натянутые отношения с директрисой «Толстовского фонда». Были бы рядом друзья, она могла бы им рассказать кое-что об этом типе, который гордится тем, что носит в нагрудном кармане портрет Гитлера. А его брат — хозяин крупной конторы «Иммобиль» — того же поля ягода. И тот, и другой многие годы скрывали в своем доме крупного военного преступника второй мировой войны, который в знак благодарности работал у Краутбауэра прачкой, судомойкой. А теперь Краутбауэр наводнил свой дом несчастными рабочими — иностранцами из Италии, Греции, Турции и обирает их как хочет... Но разве может человек, сам живущий в Мюнхене на птичьих правах, находящийся на подозрении у израильской контрразведки и под наблюдением сионистских организаций, возмущаться всем этим позором и высказывать свои мысли вслух, да еще где — в стенах «Толстовского фонда»?!

— Да, мы в целом довольны жильем. Вот если бы не папино здоровье... Кровяное давление подскакивает до 240...

— Это можно поправить, — голос Самсоновой звучал вкрадчиво, с оттенком сочувствия.

— Боюсь, что у нас просто не хватит денег на операцию. Две тысячи марок на дороге ведь не валяются! Мы не наскребем и тысячи.

Самсонова словно предчувствовала такой ответ. Она быстро заходила по комнате и, поправив рукой крашенные букли, стала говорить короткими фразами:

— Нужно срочно устроить выставку Исаака Шмидта. Это поможет решить финансовую проблему. Вы говорите, что у отца повысилось давление. Надо его снизить. За лечение, медикаменты придется платить. Выставку проведем в «Хаусбеггунге». Для ее организации нужна ваша личная помощь. Согласны?

Вопрос прозвучал как приказ. Но иного выхода не было, да и вообще Евгения Шмидт не усматривала в этом предложении ничего дурного. Одно беспокоило ее и настраивало на раздумья: почему директриса столь неожиданно изменила к ней отношение? Или она просто нацепила на себя маску сочувствия? Тактический ход? Но какой?

13 ноября 1973 года в 8 часов вечера состоялся вернисаж. Открывал выставку работ Шмидта «сам» президент религиозной общины «Култустегемайнде» Ганс Лямм.

Когда семья Шмидта уже собиралась покидать зал «Хаусбеггунга», где были выставлены работы художника, к виновнику торжества вдруг подошел солидный на вид мужчина, представился: «Гурьев Николай Иванович».

Распознать в эмигранте эмигранта проще простого. Однако угадать сразу, с кем имеешь дело, что скрывается за исконно русским именем «Николай Иванович», — почти невозможно. Гурьев, скороговоркой выпалив какие-то банальные похвалы в адрес работ Шмидта, покачивая головой, начал сокрушаться по поводу его здоровья:

— Слышал, слышал про вашу беду. Особливо это прискормбно для художника. А здесь, на Западе, любая операция стоит денег, и немалых! Но я могу вам помочь раздобыть деньги. Но пока это наистрожайший секрет. А вообще-то, чтоб вы знали, я в настоящее время сочувствую коммунистам...

Через день Гурьев зашел в квартиру Шмидта. За чаем он стал расспрашивать хозяина о жизни в СССР, что художник делал в годы войны, где погибли его родители, почему он мрачен и так сильно переживает, что покинул родину...

Визиты Гурьева к Шмидтам приобрели постоянный характер. Он вел беседы на различные темы, легко вовлекая собеседника в политическую дискуссию или ненавязчиво выжимая из него какие-то биографические детали. О себе почти ничего не говорил. Однажды он сказал:

— Есть у меня на примете журналист Хольгер. Если пожелаете, свяжу его с вами. Пусть напишет о вас статью, о том, как вы въехали в Израиль, почему убежали оттуда. А в конце статьи расскажет, что бедняга Шмидт теряет зрение. Для художника это хуже самой смерти. Журналист обратится к жителям Мюнхена с просьбой помочь деньгами на операцию глаз. Если каждый житель пришлет по марке, сумма наберется предостаточная. Хватит на врачей, да еще останется на пропитание.

Когда они уселись за стол, Хольгер сразу включил

магнитофон. «Так будет проще, в тексте не ошибемся», — заметил он.

И «не ошибся». 27 декабря 1973 года газета «Абенд-цайтунг» вышла со статьей-фальшивкой. На Шмидта посыпались со всех сторон обвинения в том, что он, мол, ведет «подрывную антиизраильскую работу». Провокация следовала за провокацией. Все попытки оправдаться и доказать, что Шмидт в интервью Хольгеру ни слова не вымолвил о политике, а касался лишь своих личных невзгод в связи с болезнью, говорил о тоске по родине, не привели к нужным результатам. Травля продолжалась.

А в это время Гурьев и компания, сидя за кружкой пива, потирали руки: уж они-то хорошо знали, что сочиненная ими статейка Шмидту даром не пройдет. Пустившаяся на розыски Гурьева и Хольгера Шмидт тут же натолкнулась на глухую стену. Ни того, ни другого ни по одному из известных ей телефонов обнаружить не удалось. Однако сам по себе поиск все же принес некоторые любопытные результаты. Прежде всего Гурьев оказался фигурой весьма популярной в среде, причастной к «Толстовскому фонду». Знали его и в русской церкви на Сальваторплац: он считался опытным мастером по реставрации икон, а посему имел постоянные дела со старостой этой церкви — Вишневым — Лапоновым. И если в зале «Хаусбеггнунг» Гурьева до выставки работ Шмидта никто и никогда не видел, то в русской церкви, которая финансируется специальными службами США и связана с «Толстовским фондом», Гурьев считался верным «прихожанином». И главное, Гурьев — это вовсе и не Гурьев. Вот что расскажет позже в своих записках Евгения Шмидт: «Теперь ясно, для чего Самсонова так уговаривала отца устроить выставку в «Хаусбеггнунге». Ей нужно было, чтобы там Гурьев познакомился с нами. А это крупный «специалист» в своем роде. Ведь на службе у «Толстовского фонда» есть «специалисты» самого разного профиля. Долгое время я не знала его настоящего имени, но теперь знаю хорошо — Виктор Пух. Это он в 1941—1942 годах был следователем СД в Днепропетровске, на допросах зверски избивал арестованных фашистами советских граждан, в первую очередь евреев, которых он люто ненавидел, затем украинцев и русских. Это его разыскивали после вой-

ны как крупного военного преступника, а теперь он живет на воле в Мюнхене. Про него говорят, что он боится выходить из дома, так как многим людям наделал зла. Есть данные, что он работает еще и в тайной полиции ФРГ».

Как-то после обеда, когда по городу из рук в руки ходили листки с интервью Шмидта, к ним в гости напросилась Елена Юрьевна Моссидзе — жена мюнхенского адвоката Моссидзе, дама преклонного возраста, с неумным апломбом и недержанием речи. Она расспрашивала, как и чем питаются Шмидты, объясняла, где можно купить более свежие продукты, как готовить диетические блюда, выясняла, чем Шмидты питались в Москве, какая у них была квартира. В последующие визиты, а они участвовали, она приносила «гостинцы», бесцеремонно вторгалась на кухню, осматривала в гардеробе платья, вмешивалась в семейные разговоры. Со стороны можно было подумать, что эта дама, а не кто-либо другой, настоящая хозяйка квартиры.

Однажды она неожиданно спросила:

— Как это вы отважились уехать из Израиля? Эмиграция оттуда и без того растет. А вы ее увеличили на целых три единицы!

— А вы бы сами пожили там! — не удержалась жена Шмидта. — Вы слышали что-нибудь, например, о городе Акко, куда нас поселили? Раньше он принадлежал арабам. Его оккупировали израильские солдаты. Теперь он похож на пороховую бочку: того и гляди, взорвется, стрельба все время слышится. Да и голодно было.

— Ну что ж, каждому свое...

— Вы бы лучше не стращали нас, а помогли, коль зачастили в гости да набиваетесь в друзья, — вмешалась в неприятный разговор Евгения. — Отца придется класть в больницу. Денег мы за выставку не получили. Жители Мюнхена тоже не прислали ни марки. А вас хорошо знают всюду, вы свой человек в «Культусгемайнде». Так нужели и они нам не помогут?

— Ах, дорогая, разве вам неизвестно, что президент «Культусгемайнде» доктор Лямм выразил свое величайшее неудовольствие редактору «Абендцайтунг», назвав вашу статью антиизраильской пропагандой? Как же после этого скандала просить его о вспомоществовании автору интервью?

— Но эта статья была сострепана Гурьевым! — воскликнула Шмидт.— Мы с отцом совершенно ни при чем, поверьте.

— Извините, но Николай Иванович мой старинный друг, и я не позволю себе поверить вашим недобрым словам.

Шмидт сникла. Она понимала, что борьба идет не на равных. Но отец был плох, и ей, чужой среди чужих, приходилось чем-то поступаться и даже унижаться. Она сказала:

— Я плохо знаю немецкий. Помогите составить письмо рентгенологу Бонфигу с просьбой сделать снимок желудка отца. Мы в любом случае положим его на операцию. А без снимка желудка его не примут в больницу.

— О, это, пожалуй, в моих силах,— Моссидзе распрощалась и вышла на улицу. Вечером позвонила:

— Договорилась на шестнадцатое сентября. Адрес вы знаете? Дахауэр, 423/1. Будьте здоровы!

Евгения Шмидт провела отца в кабинет Бонфига и, сославшись на Моссидзе, передала старика с рук на руки. Минут через двадцать Бонфиг отпустил больного. Старик еле держался на ногах.

— Что он с тобой натворил?!

Шмидт показал на голову:

— Сказал, что нужно сделать еще рентгеновский снимок головы. Больше я ничего не помню...

Вечером Шмидт почувствовал себя совсем плохо, слег в постель. А утром, когда Евгения Шмидт вышла по делам в город, к ним без приглашения зашел практиковавший по соседству врач Хеллер. Он измерил Шмидту давление, сказал жене: «Верхнее — 270. Дела неважные». И ушел. Буквально через несколько минут в квартире появились здоровенные санитары. Оттолкнув женщину, они бесцеремонно вытащили Шмидта из постели и в одних трусах потащили вниз по лестнице к машине.

Из дневника Евгении Шмидт: «В Западной Германии существует закон, по которому, если человека забирают в больницу, ближайшие родственники должны расписаться в том, что они против этого не возражают, В нашем же случае санитары поступили, как бандиты, забрав отца без всякой подписи. Они увезли его в отдаленную больницу «Оберфюринг», хотя в трех мину-

тах ходьбы от нашего дома находится «Швабинский кранкенхаус». Я это объясняю тем, что у госпожи Моссидзе в больнице «Оберфюринг» главный врач ее знакомый. Более того, когда я вернулась из города и застала дома рыдающую мать, вскоре появилась сама Моссидзе. Она сказала, что знает, где находится отец. Предложила ехать туда общественным транспортом. Но я наняла такси, чтобы добраться к отцу как можно быстрее».

По дороге в больницу Е. Шмидт, сидя рядом с Моссидзе, не переставала думать об одном разговоре, который состоялся у нее всего несколько дней назад с отцом. Шмидт еще в Советском Союзе слышал от одного художника, что где-то в Западной Германии проживает некая Моссидзе, которая знает английский, немецкий, русский и французский языки. Родом она из Советского Союза. Почему тогда о ней вспоминали, отец забыл. Но помнил, что она служила в американской армии, вместе с ней вошла в Германию. После окончания войны некоторое время проживала в Бельгии, была связана с натовскими кругами. По национальности — еврейка. Ее настоящее имя — Роза Ильична Тюкель.

И когда Моссидзе как-то забежала к ним в гости, мать Евгении, не думая о последствиях, стала уточнять детали биографии своей 73-летней гостьи. Моссидзе — Тюкель высмеяла ее, заметив, что «никогда и ни при каких обстоятельствах в Советском Союзе не жила» и вообще все это «выдуманная кем-то неумная чепуха». Она просто жена адвоката, светская дама, и не более того.

После этого Моссидзе — Тюкель некоторое время не подавала никаких признаков жизни. А вот теперь она, напротив, проявляет повышенную активность, организует врачебную помощь, сама едет в больницу. Что бы это значило?

На основании официальных документов и выдержек из дневниковых записей Евгении Шмидт можно хронологически проследить весь дальнейший ход событий, установить подробности разработанной сионистскими кругами акции. Итак, обратимся к документам и фактам по датам.

17.9.74. 14 часов 40 минут. Больница «Оберфюринг». Евгения Шмидт дает подписку о том, что забирает от-

ца под личную ответственность. В 16.00, вопреки протестам жены, в ее же присутствии Шмидту делают какую-то инъекцию. В 16.10 он теряет сознание. Евг. Шмидт вызывает такси, чтобы перевезти отца домой. Но ее опережает Моссидзе — Тюкель, по вызову которой немедленно приходит санитарная машина № 666. Санитары везти больного домой отказываются наотрез, заявляя, что если им дадут адрес другой больницы, тогда они смогут удовлетворить желание семьи Шмидта. Евгения Шмидт связывается по телефону с больницей в небольшом городке Фрайсинге, где недавно лежала на операции ее мать. Больница соглашается принять Шмидта. Его определяют в экспериментальное отделение интенсивной терапии. Заведующий Цистель. Это было 17.9.74. в 18 часов 10 минут.

Значительно позже, в феврале 1977 года, доктор Краснощеков, у которого постоянно наблюдался Шмидт, заявил, что рентгенолог Бонфинг ни тогда, в сентябре 1974 года, ни теперь, в 1977 году, никакого снимка желудка ему не передавал и никакого диагноза по этой части не сообщал.

18.9.74. 9 часов утра. У постели Шмидта находится доктор Амир. Было известно, что он только что прибыл из Израиля. Е. Шмидт на всякий случай, заподозрив недоброе, спрашивает Амира: «Вы знаете президента Ганса Лямма?» «Конечно!» — следует ответ. Е. Шмидт решает немедленно забрать отца из больницы. Тогда в игру вступает врач Буданов. Он запрещает отвозить больного домой. Из дневника Евгений Шмидт: «Господин Буданов носит на груди большой золотой крест. Про него говорят, что он из очень верующей семьи. Регулярно бывает в церкви. Является членом народно-трудового союза».

18.9.74. 14 часов. Амир почему-то остается в палате больного. Через некоторое время он выходит в коридор и показывает Евгению Шмидт какую-то пробирку, сказав: «Это пунктат спинно-мозговой жидкости вашего отца. Можно твердо сказать, что у него кровоизлияние в мозг». Из дневника Евгений Шмидт: «Трудно поверить, что еще 16.9.74 г. отец прекрасно себя чувствовал, гуляя со мною по парку, и не подозревал, что окажется в таком положении потому, что «Культусгемайнде» решила отомстить ему за Израиль. Эта организация в Мюнхене насчитывает немало членов,

ведь в городе проживает 5.000 человек еврейской национальности. Но эти «патриоты» Израиля почему-то прочно обосновались в ФРГ, делают гешефты, имеют свои предприятия. Им легко быть «большими патриотами» Израиля, сидя здесь и наживая капиталы любым способом. Ведь деньги не пахнут. А «большие патриоты» являются и хозяевами публичных домов, которых немало в Мюнхене. С одним из таких хозяев мне довелось говорить. В пылу «патриотических чувств» он сказал, что перегрызет любому глотку за Израиль. Но, насколько мне известно, он «грыз глотку» своему напарнику по предприятию из-за дележа барышей».

18.9.74. Врачи сказали, что состояние больного много лучше, можно не беспокоиться. В таком состоянии он может легко продержаться еще месяца три. Буданов подтвердил: «Ничего случиться не может». Около полуночи Евгения Шмидт просит коменданта дома Краутбауэра позвонить в больницу и разузнать по-немецки, как обстоят дела.

Из свидетельского показания Краутбауэра, заверенного у нотариуса: «Я позвонил в больницу в 23 часа 55 минут 18.9.74. Дежурный ответил, что у больного Шмидта пульс ритмичный, чувствует он себя так же, как и днем».

19.9.74. 9 часов. Жене и дочери Шмидта сообщили: «Вчера в 23 часа 50 минут по местному времени Исаак Шмидт скончался». В свидетельстве о смерти, подписанном лечащим врачом Лютьенс, указывалось то же время. В морге, куда были допущены родственники, Евгения Шмидт обратила внимание на множество кровоподтеков на теле отца — явные следы побоев, самых зверских истязаний. Шеф морга Беер на вопросы дочери ответил, что это не входит в «круг его обязанностей». Что же касается похорон, то время есть до 30.9.74.

Из заявления Евгении Шмидт в криминальную полицию: 19.9.74 в 9 часов 30 минут мы видели отца в морге. Он не был еще покойником. Евгения Шмидт считает, что у ее отца, когда он уже был в бессознательном состоянии, брали кровь, которая, по ее словам, в ФРГ «стоит очень больших денег». Я утверждаю, что врач Лютьенс составила свидетельство о смерти на живого человека и именно живым отца отправили в морг. Они решили, что так и так умрет. Морг — на-

стоящий ледник. Если туда положить больного человека, да еще в бессознательном состоянии, он быстро замерзнет.

После 19.9.74 мать и дочь уже так и не увидели Шмидта.

Из дневника Евгении Шмидт: «Его просто украли. Это был единственный способ избежать медицинской экспертизы. Почему бы врачам, «лечившим» отца, не допускать экспертизу, если его смерть была естественной? Это же противоречит логике! А вот если смерть была неестественной, тогда все логично, и только в этом случае можно понять, почему врачи не допустили экспертизу. Сионисты мстят. Они отомстили моему отцу».

19.9.74. Больница в Фрайсинге. На вопрос Евгении Шмидт, когда умер ее отец, шеф отделения, где лежал Шмидт, доктор Цистель отвечает: «19.9.74. То есть сегодня в 7 часов утра». Уже имея на руках документы о смерти отца, подписанные лечащим врачом, Евгения Шмидт тут же показывает их Цистелю. Взглянув на дату «18.9.74, 23 часа 50 минут», Цистель густо краснеет, ударяет кулаком по столу и, хватаясь за телефонную трубку, что есть мочи кричит: «По какому праву вы меня допрашиваете?! Я вызову немедленно полицию!»

25.9.74. В полицию поступает документ, в котором говорится, что Шмидт умер 19.9.74.

Можно было бы приводить многие другие документальные подтверждения, говорящие о совершении злодейского акта сионистами из различных организаций, включая тех, в белых халатах, все еще пребывающих в больнице города Фрайсинга. Стараясь замести следы, преступники чинили препятствия Евгении Шмидт на каждом шагу.

До сих пор семье покойного не удалось установить, на каком именно кладбище он захоронен и захоронен ли вообще. На все запросы Евгении Шмидт криминальная полиция, суд и другие ведомства либо дают уклончивые ответы, либо делают фигуру умолчания.

В заключение всей этой истории, дающей обильную пищу для размышления и суждения о зловещем лице сионизма, о недобитых гитлеровцах и вновь народившихся нацистах, хочется привести еще несколько строк из дневника Евгении Шмидт, с которым мы по-

лучили возможность ознакомиться. Он датирован 23 марта 1977 года.

«По всему получается, что по меньшей мере было три Исаака Шмидта, которого забирали из одного и того же морга разные люди в разные дни и часы. Необъяснимых вещей в этой страшной истории много. Приведу пример. Один документ («ляйхенпас») для вывоза тела из морга датирован 24.9.74, а документ на погребение имеет дату 23.9.74 (!) и т. д. По целому ряду причин я считаю, что, возможно, погребен мой отец в общей могиле бедняков в Фрайсинге или глава похоронной фирмы, связанный с сионистами, Денк, продал тело Шмидта в анатомический институт. Вот почему сионисты из «Культусгемайнде», прикрываясь религиозным законом, отказывают мне в разрешении вскрыть могилу на еврейском кладбище. Вот почему не дает санкции на вскрытие могилы и прокурор. Ведь не могут же они допустить вскрытия места захоронения, чтобы тут же расписаться в содеянном преступлении?! Поскольку у меня нет надежды на местную криминальную полицию, я обращалась в печать: в газеты «Бильд», «Нейе ревью», журнал «Квик», но безрезультатно. Я обращалась в комиссию прав человека в Страсбурге. Они прислали смехотворный ответ, а именно, что, мол, не понимают русский язык, что у них есть любые переводчики, кроме русского. Я сохранила этот ответ. И могу смело сказать: «Да, вот он, фашизм наших дней! Мой отец не был сионистом. Он их не устраивал. И за это зверье растерзало его. Вот он, фашизм наших дней. Вот с чем нам надо бороться».

Прерванная стажировка

В Англии некоторые деятели и органы печати любят распространяться «о преимуществах буржуазной демократии», «неограниченных свободах» и т. д. и т. п.

Таковы слова. А дела? Оставим в стороне вопрос о тотальной слежке за миллионами англичан, на которых заведены специальные досье. В данном случае

речь о другом — о том, как принимают в Англии иностранных гостей, да не случайных, а специально приглашенных в порядке культурных и научных обменов.

Есть в Вильнюсе инженерно-строительный институт. Доцент этого института А. Б. Юркса побывал на Британских островах. И вот что он поведал в письме, опубликованном в советской печати.

Мы приводим это письмо лишь с некоторыми сокращениями.

«Осенью 1977 года я поехал в Англию для прохождения научной стажировки, продолжительность которой определялась по плану десятью месяцами. Однако из-за грубых провокаций британских спецслужб мне пришлось прекратить стажировку гораздо раньше.

Для организации провокаций эти спецслужбы пользовались услугами проживающих там литовских буржуазных националистов. Один из них — житель города Дерби Иозас Шлижис однажды пригласил меня в гости. Я принял приглашение. Ни с того ни с сего И. Шлижис и его жена Ванда вдруг начали меня оскорблять. Я тут же оставил их дом. Выйдя на улицу, я заметил стоящую неподалеку полицейскую машину.

В Бирмингеме я возвращался поездом. Неожиданно появились полицейские и арестовали меня. Я заявил протест, но сопротивляться было бессмысленно. Меня провели в наручниках в полицейский участок и втолкнули в камеру как заключенного. Я снова заявил протест и потребовал предоставить мне возможность позвонить в посольство СССР в Лондоне. В ответ на это полицейские отобрали мои вещи — паспорт, галстук, ремень, часы, очки, обувь. Они оторвали подкладку от плаща и тщательно обыскали все карманы. Однако ничего компрометирующего меня полиция так и не нашла.

Несмотря на это, меня бросили в карцер, в котором я пробыл около шести часов. Время от времени перед мной появлялись полицейские. Я категорически отказался вступать с ними в беседу. Тогда они заявили, что дальнейшее мое пребывание в Англии зависит в первую очередь от меня, намекнув тем самым, что, если я соглашусь сотрудничать с ними, все будет в порядке. Я снова категорически заявил, что никогда не пойду ни на какую сделку.

Тогда один из полицейских ударил меня ногой. Я упал. Он нагнулся и еще ту же затянул наручники. От дикой боли потемнело в глазах. Хрустнул сустав пальца на правой руке. Я заявил, что им придется отвечать за эти издевательства.

После этой экзекуции полицейские подсунули сфабрикованную бумагу, в которой мне приписывались обвинения: 1) будто я приставал к полицейским, 2) будто я испортил стол в вагоне, 3) будто я сломал дверь помещения транспортной полиции.

Я, естественно, категорически отказался поставить подпись под этими вымыслами.

Однако британские блюстители порядка не намеревались оставлять меня в покое. Несколько раз они вызывали меня в суд, где делались попытки вменить мне в вину все те же пункты. Я не признал себя виновным. 5 января 1978 года состоялся последний фарс, во время которого сфабрикованные против меня обвинения вообще уже не рассматривались: в суд не явился ни один свидетель. Но провокации не закончились и на этом.

Как-то в газете «Дейли телеграф» появилась разнужданная статья, в которой мне были нанесены прямые оскорбления. После этого я твердо решил прекратить стажировку и уехать из Англии.

Дружественную поддержку ученых мне приходилось ощущать все месяцы стажировки в университете. К сожалению, в этой стране есть силы, которым не нравится дух Хельсинки, идея расширения связей между учеными СССР и Англии. Чтобы помешать сотрудничеству научных работников, английская реакция прибегает к различным провокациям. Это коснулось и меня. Вот почему я считаю, что факты провокационных действий соответствующих спецслужб Англии и буржуазных националистов должны стать достоянием широкой общественности».

Что могут по этому поводу сказать те деятели и органы печати Англии, которые без всяких на то оснований обвиняют Советский Союз в ограничениях культурных и научных обменов? Нет, distinguished gentlemen, СССР делает все для того, чтобы в соответствии с Заключительным актом общеевропейского совещания развивать такие обмены.

К сожалению, английские власти обращаются к Заключительному акту лишь в демагогических целях, чаще всего антисоветских. А на практике они сплошь и рядом нарушают хельсинкские договоренности, в частности если иметь в виду культурные и научные обмены с Советским Союзом.

Сфабриковано охранкой

Среди международных событий мая 1978 года политические обозреватели выделяют два — работу специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению и сессию совета НАТО с участием глав государств и правительств этого агрессивного блока.

Советский Союз, другие социалистические страны предложили участникам сессии Генеральной Ассамблеи ООН конструктивные инициативы. Это нашло свое отражение в выдвинутой советской делегацией обширной программе мероприятий, направленных на обуздание гонки вооружений и переход к разоружению. В то же время руководящие круги НАТО, противопоставив себя мировому сообществу, ищущему пути к прекращению гонки вооружений, сделали новый виток в деле нагнетания международной напряженности. Под трубные звуки воинственных фанфар натовцы разработали широкий набор мер с целью наращивания военной машины Североатлантического союза вплоть до 1995 года! Здесь и увеличение арсеналов вооружений, расширение военно-морских и военно-воздушных сил, запуск в производство новых ракет и т. д.

Инициаторами этого милитаристского плана выступили Пентагон и Белый дом, которые одновременно дено и ночью призывают к укреплению так называемых служб безопасности и разведывательных органов. От вашингтонской администрации без стеснения требуют усилить подрывную деятельность против суверенных государств, расширить психологическую войну против Советского Союза, социалистических стран.

Спецслужбы США и весь репрессивный аппарат — полиция, ФБР (Федеральное бюро расследований), судебные органы — давно обрели печальную славу орудий самой махровой реакции. Антисоветизм — их платформа. Примером тому является и возмутительный провокационный арест американской охранкой трех советских дипломатов, организованный перед самым открытием специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Заранее разработанная акция была осуществлена агентами ФБР 20 мая в 14 часов 20 минут в пригороде Ньюарка (штат Нью-Джерси). Три советских дипломата были задержаны и в наручниках доставлены в отделение ФБР города Ньюарк. Сотрудники секретариата ООН советские дипломаты В. Энгер и Р. Черняев, а также 2-й секретарь представительства СССР при ООН В. Зинякин подверглись в штаб-квартире охраны оскорблениям и самому наглому обыску. Результат?

Мы беседуем в Москве с Зинякиным, которого ФБР было вынуждено освободить из-под ареста через несколько часов. Незаконным был и арест В. Энгера и Р. Черняева, которые, еще до того как стали постоянно работать в секретариате ООН, приезжали в краткосрочные командировки в США и хорошо известны американским властям как советские дипломаты. Тем не менее на них были заведены судебные дела. Следует сказать, что американские власти в отличие от властей других стран, где находятся международные организации, весьма своеобразно трактуют право дипломатического иммунитета, не распространяя его на дипломатов — сотрудников ООН. За В. Энгером и Р. Черняевым иммунитет не был признан, и их бросили за решетку.

Следует заметить, что осенью 1978 года президент США подписал новый закон, в соответствии с которым еще больше ограничиваются иммунитет и привилегии сотрудников иностранных дипломатических представительств, находящихся в США. Теперь иной дипломат, наверное, задумается, стоит ли ему ехать в США да рисковать угодить под стражу?!

В. Зинякин рассказывает:

— В тот день мы втроем направились в городок Вудбридж, в торговый центр. Можно ли найти какой-

то криминальный умысел в нашем намерении посетить магазин? При всем желании — трудно. Но для ФБР трудностей не существует. И они разыграли такую впечатляющую сцену, какая бывает только в кино.

Когда мы подъезжали к городу, то решили ненадолго остановиться и размять ноги. Но не успели мы даже оглядеться, как мимо нас промчались две огромные автомашины. Как потом мы поняли, они заблокировали дорогу впереди. Через две-три секунды появилась третья, которая с визгом и воем остановилась возле нас. Из нее — опять-таки совсем как в детективном фильме — выскочили несколько агентов. Их предводитель (позже я узнал, что его имя было Пасс) бросился мне навстречу, обеими руками сжимая револьвер с огромным барабаном: «Стой, руки вверх, стой, руки вверх!» А револьвер ходил ходуном в его вытянутых руках. Подскочили еще двое и заломили руки за спину.

Когда нас подвели к зданию отделения ФБР, — продолжает В. Зинякин, — там уже толпились журналисты, были установлены телевизионные камеры. Все разыгрывалось по сценарию низкопробного детектива. Позже мы узнали, что даже ордера на арест были заготовлены еще 12 мая. Кстати, в ходе беспардонного обыска агентам ФБР так и не удалось ничего обнаружить, что могло бы нас как-то скомпрометировать.

Но остальное станет понятно, если мы вспомним, как один ответственный чин ФБР — Джон Э. Кири-Тейлор сказал: дело советских дипломатов — запланированная и разработанная американской разведкой провокация...

Какие же обвинения выдвинула охранка? Чем могли мотивировать свои действия профессиональные провокаторы? Оказывается, «обвинением» в нанесении ущерба интересам национальной безопасности США! При этом представители ФБР бездоказательно заявили, что советские дипломаты якобы получали секретную информацию от «военно-морского офицера». Ни больше ни меньше!

В сфабрикованном документе, на основании которого были получены ордера на арест, устами того же Джона Э. Кири-Тейлора — именно ему была поручена роль «обвинителя» — заявлялось, что В. Энгер и Р. Чер-

няев «противозаконно и сознательно вступили в заговор с целью... получения информации, касающейся национальной обороны США». Американская администрация, прекрасно зная об отсутствии каких-либо вещественных улик, подтверждающих «преступления» советских граждан, предусмотрительно избрала формулировку о «заговоре». И не случайно: обвинение в «заговоре» «не требует» доказательств совершения противозаконных действий.

Даже в ФБР понимали несуразность такого рода «обвинения». Тогда там решили состряпать «вещественные доказательства». Так на свет появились магнитофонные пленки с «записями голосов обвиняемых», фото автомашин советских дипломатов, письменные и устные «показания» агентов ФБР. Последние вызвали улыбки даже у видавших виды американских журналистов: если ФБР официально утверждает, что оно постоянно «контролировало» жизнь и деятельность советских дипломатов и «было не только осведомлено о характере материалов», но и само готовило (отбирало) и даже фотографировало на пленку документы, якобы переданные им американским «военно-морским офицером», тогда возникает законный вопрос: почему же сразу не была пресечена «угроза» интересам национальной безопасности США? Кто же нанес «ущерб безопасности страны»? Выходит, что самих ищеек охраны нужно считать «соучастниками преступления»?!

Выступая на процессе, адвокат Энгера, известный американский юрист Руби, прямо заявил, что обвинение не может представить никаких доказательств вины Энгера, т. к. оно ими не располагает. Разговоры по телефону — это не преступление, поездки на автомашине — это не преступление. А именно эти факты доказываются обвинением. По утверждению прокурора, «секретные документы» предварительно были просмотрены и одобрены правительством. В этой связи адвокат просил членов жюри задаться вопросом: кто же является на деле виновником разглашения государственных секретов?

Во-вторых, на «кино- и фотодокументах», кроме неясных очертаний движущихся по шоссе машин, расплывчатых человеческих силуэтов, ничего разобрать невозможно. И, в-третьих, «голоса обвиняемых» — это разрозненный, а затем склеенный воедино записанный

на ленту набор фраз и слов. Когда же адвокаты запросили сторону обвинения относительно достоверности записей, она оказалась вынужденной признать **сам факт электронного подслушивания частных разговоров** агентами ФБР. Не было лишь уточнено, где и когда ФБР осуществляло эту акцию, которая является нарушением 4-й поправки к конституции США. Оно и понятно. Признать, что ФБР проводит подслушивание в штаб-квартире ООН,— значит вызвать очередной, на этот раз международный, скандал.

Дабы не навлекать на самих себя дополнительных неприятностей, в ФБР сослались на то, что подслушивание производилось с санкции высших властей.

Напомним, что о грязных методах деятельности ФБР известно давно. В операции этого ведомства по слежке входят посещение шпионами различных собраний, расспросы друзей и знакомых наблюдаемых лиц, анализ дневниковых записей, незаконное проникновение в помещения учреждений и частных домов, засылка осведомителей, вскрытие корреспонденции.

Можно привести немало случаев вмешательства ФБР и в судебные процессы. Охранка, например, не раз организовывала анонимные звонки адвокатам с заведомо ложными сообщениями о том, что, мол, тот или иной подзащитный является «осведомителем ФБР».

И в данном случае пленки с «записями разговоров», как и прочие «доказательства», из недр ФБР перекочевали на стол судьи Лейси. Однако он поначалу вообще отказался принять их в качестве доказательств. Судя по всему, его поразил не только характер этих «вещей», но и сам факт задержания, а также обыск советских дипломатов. Он с ходу квалифицировал их как противозаконные. Однако под нажимом охраны и соответствующих высоких ведомств, с одобрения которых проводилась вся акция, Лейси в конце концов изменил свое мнение.

В ходе судебного заседания 8 октября 1978 года в качестве свидетеля обвинения выступал уже знакомый нам сотрудник ФБР Кири-Тейлор. Отвечая на вопросы адвокатов, он старался уходить от ответов, ссылаясь на забывчивость, но тем не менее вынужден был припомнить, что не видел, как В. Зинякин брал где-то секретные документы или что эти документы были у советского дипломата во время его задержания и ареста.

Теперь следует рассказать, как появилась на свет фигура «свидетеля обвинения», которую на первых порах ФБР отказывалось называть, просто фигурировал некий «военно-морской офицер». Когда ФБР удалось подобрать на эту роль платного провокатора, в прессе появилось имя капитан-лейтенанта Артура Линдберга. Мы не знаем, какую сумму он запросил от своих хозяев. Но на память невольно приходит судилище над группой американцев — участников антивоенного движения в штате Пенсильвания. Тогда осведомитель ФБР некий Б. Дуглас затребовал за «подготовку необходимых материалов» 5 тысяч долларов авансом и остальные 45 тысяч долларов — после начала суда. В то время подстрекательскую роль Дугласа разоблачили даже некоторые свидетели обвинения. Теперь же Линдберг, по утверждению ФБР, может подтвердить решительно все и даже под присягой. Даже то, чего никогда не было. Представители обвинения, не считаясь ни с чем, объявили, что его «показания» будут считаться «прямыми вещественными доказательствами». Как же выглядели некоторые из этих показаний?

Как писала, например, газета «Нью-Йорк сити ньюс», Линдберг безнадежно запутался в своих показаниях. Давая словесное описание на предварительном следствии Черняева, Линдберг обрисовал его «коренастым, с темно-коричневыми волосами, круглолицым и носящим очки». Об этом имеется документальное показание в «деле». На суде же оказалось, что Черняев худощав, с редкими волосами неопределенного цвета и без очков. Но вопреки логике Линдберг продолжал упорствовать на суде: «Я убежден (!), что это тот же самый человек».

Еще больший удар был нанесен по ФБР, когда адвокаты подсудимых потребовали дополнительного перекрестного допроса в связи с тем, что в их распоряжении оказались новые документальные материалы: из ВМС США поступили копии бумаг, находящихся в секретном личном деле Линдберга. В них отражена история его вербовки американской охранкой. Выяснилось, что Линдберг был платным агентом ФБР — он решил таким образом «подправить» свое «материальное положение».

Другой «свидетель» — тоже сотрудник ФБР, который ранее заявлял, что он своими глазами видел, как

Энгер закладывает тайник в телефонной будке, припертый к стене вопросами защиты, был вынужден заявить, что он ничего не видел, и публично отказался от своих же слов.

Между тем, по мнению более или менее объективных наблюдателей, эти «показания» и «вещественные доказательства» — грубая инсценировка. «Дело советских дипломатов» заведомо сфабриковано американскими властями, использующими самые различные средства для усиления антисоветской кампании. Приглашенные посольством СССР в Вашингтоне адвокаты, тщательно изучив все «документы», пришли к выводу: каких-либо прямых улик и доказательств у обвинения нет. Основную ставку ФБР делало на якобы найденный при обыске у одного из советских дипломатов «секретный документ», который был передан ему «военно-морским офицером».

— Судя по всему, — рассказывает В. Зинякин, — агенты ФБР намеревались подsunуть эту фальшивку в личные вещи советского дипломата, перед тем как нас арестовать. Тогда у них было бы основание козырять ею в суде. Однако у провокаторов не сработал какой-то механизм: они вообще потеряли этот «документ». Не случайно фэбээровцы сразу после нашего ареста в растерянности допытывались друг у друга, куда запропастился этот «документ». Особенно бесновался тот самый Пасс. Он даже закричал: «Ты еще у меня попляшешь!» Естественно, в их силах было состряпать любой текст и выдать его за «документ обвинения». Так оно и вышло. Злополучная фальшивка, несмотря на то что ФБР так позорно провалило эту акцию, всплыла в суде. Агенты ФБР клянутся на библии говорить только правду — и бессовестным образом лгут, утверждая, будто у меня оказались эти самые «секретные материалы».

Но провокаторы не учли главного, в чем им теперь приходится раскаиваться: они забыли поставить на «вещественные доказательства» отпечатки пальцев советских товарищей. Следует также сказать несколько слов о «кино- и фотодокументах». Американские охранники ведь могли делать все что угодно с автомашиной, которая после нашего ареста оказалась в их руках. Они могли перегнуть ее в любое место города и фотографировать во всех ракурсах. Итак, никакие

документы никогда даже провокатором ФБР не были вручены ни одному из названных советских дипломатов. Нет никаких доказательств, что главный свидетель обвинения Линдберг вообще был как-то известен кому бы то ни было из советских людей. Мало этого, на суде фигурировало «письмо», написанное Линдбергом в ФБР с предложением «услуг» Советскому Союзу. Но даже оно получено судом из рук ФБР.

Одним словом, у обвинения не было никаких юридических обоснований подлинности обвинения, отсутствовали элементарные криминалистические доказательства. Все это они подменяли собственными изделиями и показаниями признанного платного агента и сотрудников ФБР.

Вот почему суд над советскими дипломатами, состоявшийся в главном зале окружного суда в Ньюарке, по мнению объективных наблюдателей, не что иное, как ловко отрежиссированный спектакль, где все было подчинено задаче нагнетания шпиономании, создания атмосферы «погони за ведьмами».

Власть имущие в США открыто призывают к усилению слежки и политических преследований. Еще в 1918 г. бывший шеф ФБР Эдгар Гувер пугал Америку «красной опасностью». Принявшие его эстафету охранники желают быть достойными своего учителя. Но поскольку их ведомство давно приобрело скандальную славу многочисленными подтасованными процессами над инакомыслящими, над истинными патриотами Америки, они вновь решили пустить в ход миф о «советской угрозе», оправдывая свои деяния «соображениями национальной безопасности». Однако скрыть истинный смысл этих деяний не удастся. Цель состоит в том, чтобы, раздув антисоветскую истерию, с ее помощью отвлечь внимание американцев от насущных проблем, подsunуть им хотя и шитую белыми нитками, но все же сенсацию, а главное, постараться опорочить идею добрых отношений между СССР и США.

Вместе с тем должно быть ясно, сколь большое значение имеют эти отношения для обеих стран, да и не только для них. Тем более важно очищать их от искусственно привносимых проблем, которые могут лишь отрицательно сказываться на климате этих отношений, затрудняя решение действительно крупных вопросов, требующих внимания и усилий СССР и США.

Кому это на руку?

В советской печати было опубликовано заявление ТАСС в связи с недружественными действиями канадских властей, которые потребовали совершенно необоснованно выезда из страны ряда сотрудников советских учреждений.

Факты последнего времени убедительно свидетельствуют о том, что в условиях разрядки напряженности все более активно действуют такие силы, которые хотят воспрепятствовать этому процессу. К сожалению, приходится констатировать, что такие силы есть и в Канаде. Именно они накаляют атмосферу, действуют в ущерб улучшению советско-канадских отношений. А поскольку процесс укрепления доверия и взаимопонимания между СССР и Канадой находится в тесной связи с разрядкой международной напряженности и в свою очередь оказывает позитивное воздействие на упрочение разрядки, его противники действуют с удвоенной энергией, стремясь затормозить его любыми средствами.

Возникает вопрос, что же послужило действительной причиной для антисоветской акции канадских властей? Ответ на него дает сама канадская печать: репутация местных спецслужб оказалась за последнее время настолько подмоченной, что они сочли необходимым срочно предпринять какой-либо отвлекающий маневр.

Канадское агентство «Саузем ньюс» в специальном комментарии подвергло критике эту антисоветскую акцию спецслужб Канады и указало на их причастность к шпионажу и слежке за канадцами.

В канадской печати были опубликованы факты о том, что в 1972—1973 гг. сотрудники контрразведки (РСМП) проникли в помещения «Агентства свободной печати Квебека» и Квебекской партии и похитили конфиденциальные документы. Этот скандал пытались замаять, приукрасив дело лживой версией о рядовой «краже со взломом». Но общественность не поверила провокаторам.

В 1977 году, как сообщалось в западной прессе, спецслужбами Канады была внедрена техника подслу-

шивания в служебные кабинеты членов парламента от прогрессивно-консервативной партии. Было также установлено, что канадские спецслужбы систематически контролируют почтовую корреспонденцию отдельных прогрессивных деятелей и членов парламента.

Кстати, не так давно монреальская и торонтская пресса опубликовала статьи, рассказывающие о том, что РСМП ведет секретные закодированные досье на федеральных министров и депутатов парламента. В качестве примера газеты ссылались на то, что досье заведено даже на самого премьер-министра, которое имеет кодовое название «Морской лев». Пресса подчеркивала, что РСМП собирает информацию об указанных лицах путем тайного наблюдения, включая электронную технику подслушивания даже в их спальнях.

Под давлением общественного мнения генеральный прокурор Канады, которому подчинены органы контрразведки, был вынужден признать антиконституционность ряда ее деяний и для вящей убедительности даже уволить нескольких рядовых сотрудников. По мнению наблюдателей, кампания против незаконных действий спецслужб принимает в Канаде настолько широкий размах, что многие резонно сравнивают канадскую ситуацию с недавними разоблачениями деятельности ЦРУ. В стране с некоторых пор официально функционируют две специальные комиссии по расследованию незаконной деятельности спецслужб: так называемая «комиссия Кэбла» в провинции Квебек и «федеральная комиссия Макдональда» в масштабе страны.

Достоянием гласности оказались и неоднократные провокации против сотрудников советских учреждений в разных городах Канады.

Угрозы в адрес советских людей по телефону, наглые слежки на улицах городов, попытки склонения к измене, негласные обыски на квартирах, предложения о невозвращении в СССР, попытки подsunуть антисоветскую литературу и т. п. И еще такие факты: без всякого повода задерживались на магистралях советские автомашины, прокалывались шины, чинились и другие препятствия советским сотрудникам в исполнении их обязанностей. Участниками надругательств являлись представители канадских спецслужб.

Внимание канадских властей неоднократно обращалось на недопустимость подобных действий, на ненормальность обстановки, в которой приходится жить и работать советским людям. Однако провокации не прекращались.

Вполне естественно, было необходимо принимать все меры для защиты законных прав советских людей на территории Канады от подобной «деятельности». Разумеется, советские граждане, проживающие в этой стране, проявляют должную бдительность в отношении провокаторов. Представители посольства СССР в Оттаве в соответствии с общепринятым в дипломатической практике порядком имели контакты с представителями канадских властей, включая сотрудников канадской службы безопасности, подразделения которой несут охрану возле иностранных дипломатических, торговых представительств и в аэропортах. Эти контакты проводились с целью ограждения от провокаций советских граждан, проживающих в Канаде. Однако, как выяснилось, кое-кто решил использовать все это в своих нечистоплотных интересах.

В оттавском международном аэропорту Дорваль с некоторых пор к многочисленному отряду полицейских, таможенных и иммиграционных чиновников присоединился некий Джеймс Вуд. Однажды он предложил перевести официальные контакты с советскими представителями в аэропорту в сферу сугубо личных отношений.

«Разоткровенничавшись», Вуд вдруг сообщил, что в 1973 году канадские спецслужбы разработали секретное мероприятие по вербовке одного советского торгового сотрудника в Монреале... Намекнул на готовящееся провокационное задержание с последующим арестом советского сотрудника в Канаде. Вуд также рассказал, что канадская контрразведка «скрупулезно изучает всех советских граждан, работающих в Канаде, самыми изощренными методами». По его словам, активно применяется электронный шпионаж для подслушивания их разговоров на частных квартирах, где они проживают. Для вящей убедительности полицейский чин назвал до десятка квартир советских граждан, где, опять-таки по его утверждению, 24 часа в сутки действовали подслушивающие устройства...

Вскоре стало совершенно очевидно, что Вуд был

агентом-provokатором. Именно контакт с Вудом был использован спецслужбами, чтобы сфабриковать дело о «высылке из страны» ряда советских сотрудников, никогда и не знавших о Вуде.

Советская сторона не оставляла без внимания факты провокационной деятельности против советских граждан. Однако разговор на эту тему шел по обычным дипломатическим каналам. Теперь, очевидно, настало время кое-что предать гласности.

В 1976 году спецслужбами Канады было разработано и осуществлено вербовочное предложение второму секретарю посольства СССР в Канаде И. В. Захарову. И. В. Захаров дал достойный отпор агентам РСМП. Об этой провокации были поставлены в известность канадские власти. Подобные случаи повторялись неоднократно.

В июле 1977 года в Оттаве к сотруднику советского торгпредства А. Крысину обратился некий Питер Сайди, отрекомендовавшийся руководителем канадской фирмы «Питер Сайди арт энд эдвертайзинг».

Сотрудник советского торгпредства, будучи, естественно, заинтересованным в развитии контактов с деловыми кругами Канады, согласился принять Сайди. Однако последний вместо коммерческих дел стал распространяться о своих связях с РСМП. Заметил, что РСМП требует от канадских бизнесменов сообщать в полицию о контактах с советскими гражданами, и добавил, что лично он принадлежит к категории «особых людей», которым позволено по заданию РСМП свободно общаться и даже «завязывать дружбу» с советскими гражданами. Он также рассказал, что в здании РСМП на Бэнк-стрит хранятся фотографии всех сотрудников советских учреждений и имеются подробные досье, в частности на самого А. Крысина. Сайди явно являлся еще одним provokатором из числа сотрудников РСМП.

Возникает резонный вопрос: каким же образом спецслужбы Канады создают досье на своих и иностранных граждан? В практике иных буржуазных государств, точнее, спецслужб этих государств стало правилом вести слежку за людьми всеми способами. Недавно один западный журнал опубликовал фотомонтаж: человеческие руки держат телефонную трубку, в которой на месте микрофона сидит человек и слу-

шает все, о чем каждодневно говорит с друзьями и сослуживцами владеец телефона. И хотя речь в подписи к этому фотомонтажу шла о другой стране, фотография целиком и полностью могла бы появиться в любом канадском издании: она иллюстрирует положение вещей и в Канаде. Телеобъективы, миниатюрные магнитофоны, тайная слежка, проникновение в чужие квартиры для установки там подслушивающих устройств — вот далеко не полный арсенал средств, с помощью которых стряпаются вышеупомянутые досье. Лишь в 1976—1977 годах были обнаружены десятки подслушивающих устройств в зданиях советского посольства, торгпредства, консульства и даже в представительстве при международной организации ИКАО. Грубо вторгаясь в области служебной и личной жизни советских людей, провокаторы фабрикуют материалы для попыток шантажа и дискредитации советских сотрудников.

Известно, что не так давно на территории Канады была предпринята попытка завербовать сотрудника советского торгпредства М. Он по заданию, которое ему лично передал один из руководителей канадской спецслужбы Томас Квилли в декабре 1977 года, обязывался за определенную сумму денег собирать шпионские данные о кадровом составе, характере и профиле работы одного из московских ведомств, связанных с определенными канадскими фирмами.

Канадские спецслужбы поначалу хотели подключить к работе с М. агентуру Центрального разведывательного управления США, но решили продолжать эту «работу» сами. По их расчетам, М. весьма подходил для шпионской и антисоветской деятельности. Тогда-то на М. они и «бросили» опытных работников РСМП Ф. Дзентремона, Б. Клиффа и Т. Квилли. Давали солидные подарки, тысячи рублей и долларов. Не постыжись открыть счет в оттавском отделении банка «Бэнк оф Монреаль», а затем и в швейцарском «Свис бэнк корпорейшн».

Профессионалы из РСМП разработали четкую схему выхода на связь с этим человеком. Оказавшись в командировке в любой стране, он должен был немедленно вызвать Канаду и набрать телефон 613-234-8602. Этого было достаточно, чтобы в течение трех—пяти дней с ним вступили в контакт сотрудники РСМП.

Если же по каким-либо причинам эта пружина не срабатывала, М. мог зайти в любой стране в посольство Канады и «доложить» о себе, но не послу и не советнику, а только... 1-му секретарю...

Для гражданина М. заготовили (на всякий случай!) канадские паспорта на имена Михаила Дзюбы (№ 287302, серия AF) и Ярослава Стадника (№ 406638, серия ДН). Более того, на него же оформили документ (на случай вероятного «пожарного» исхода), который именовался гарантийным письмом, за подписью самого тогдашнего генерального стряпчего Канады Уоррена Олменда и выдали сфабрикованное свидетельство о рождении № F-63641 вместе с карточкой социального страхования за № 612006692...

Подводя итог изложенному, заметим, что первые роли на подмостках всего этого антисоветского спектакля заняли канадские спецслужбы, а местопребывание их главных режиссеров — штаб-квартира ЦРУ в Лэнгли. В новой истории имеется достаточно фактов, говорящих о том, что противники разрядки напряженности не сложили своего оружия. И нам лишь остается выразить искреннее сожаление по поводу того, что официальные власти Канады вместо того, чтобы отвечать взаимностью на стремление Советского Союза идти по пути доброго развития советско-канадских связей, заняли в данном случае позицию, вызвавшую определенное напряжение в отношениях между СССР и Канадой. Что же касается неопровержимых фактов, изложенных нами, то они позволяют сказать: канадской стороне есть над чем задуматься и трезво взвесить действия своих спецслужб.

Под звуки гавайских гитар

В первых числах сентября 1977 года в газетах Гавайских островов появилось сенсационное сообщение: в частной кондитерской городка Каилуа священнодействуют специалисты-пирожники, производя на свет

самый большой торт в мире. Приводились цифры: длина — 100 футов, количество сливочного крема — 240 фунтов, для украшения этого уникального произведения кулинарии приготовлено 1200 марципановых роз.

Поступавшие из различных источников сведения о небывалом торте походили друг на друга как две капли воды. Разночтение обнаруживалось лишь в предназначении бисквитно-кремового гиганта. Одни утверждали, что его разрежут и по частям продадут с благотворительными целями на пополнение отощавшей казны местной ассоциации больных мышечной дистрофией. Другие, не отрицая данной версии, вещали о готовящейся церемонии по случаю 139-й годовщины со дня рождения гавайской королевы Лилиуокалани, где, мол, будут потчевать тортом-гулливером.

И вот наступил день торжеств. Перед бывшим королевским дворцом Гавайских островов «Лолани палас» на специальный постамент повара в высоких белых колпаках водрузили торт-гигант со 139 зажженными свечами. А 95-летняя Фанни Бернс, тщательно прожевывая марципановую розу, под звуки гавайских гитар стала делиться своими воспоминаниями о незабвенной королеве, с которой ей не раз доводилось встречаться...

Местные журналисты вполне доверчиво отнеслись к весьма красочным рассказам Фанни Бернс. Даже со скидкой на некоторые зигзаги старческой фантазии она с убедительной достоверностью поведала о том, как, будучи одиннадцатилетней девочкой, своими глазами видела американских солдат, высадившихся в 1893 году на Гавайи с военных кораблей. С их подмогой на островах было инспирировано «восстание» коренного населения, и королеву Лилиуокалани сбросили с трона...

А дальше началась уже чистая история, выходящая за пределы девичьего восприятия тех далеких событий, за пределы столь ценного и столь же хрупкого инструмента, как человеческая память. История колонизации Гавайских островов американским империализмом.

Сперва для отвода глаз американцы провозгласили Гавайи «республикой», назначив ее президентом крупного предпринимателя Доула. А в 1898 году Гавайская

республика закончила свое существование, и острова были объявлены владением США, где тот же Доул, который впоследствии стал «ананасным королем», с благословения Вашингтона вступил на должность губернатора.

Вот почему церемония, на которой 2 сентября приглашенные угощались ломтиками торта-гиганта, была метко названа некоторыми журналистами «поминками по независимым Гавайям».

В тот же день, когда на зеленой лужайке перед дворцом «Лолани палас» облаченная в национальные наряды толпа под тающие плавные мелодии исполняла национальные танцы и в песнях оплакивала былые годы, на другой поляне, перед вполне современным зданием профсоюзного центра металлистов штата Гавайи, рабочие сжигали в пылающем костре несправедливые трудовые контракты, навязываемые им предпринимателями. Их было 700 человек. Они аплодировали и пели. В песнях отчетливо слышался призыв к забастовке. Два, казалось бы, не имеющих между собой видимой связи события одного дня. Но если вникнуть в их существо, то можно проследить в этом определенную закономерность. Колонизация островов, а затем, в 1959 году, по существу, насильственное обращение их в 50-й штат США принесли жителям Гавайев те же плоды «цивилизации», явное перепроизводство которых наблюдается невооруженным глазом во всех других штатах континентальной Америки.

Начались слежки ФБР за инакомыслящими, во многих учреждениях были установлены подслушивающие аппараты, элементарное попрание прав человека стало повседневной практикой на Гавайях.

...К кровоточащим социальным проблемам Гавайев XX века за последние годы добавилась еще одна. Пришла она на острова, естественно, не сама по себе, а была экспортирована сюда все тем же Вашингтоном. Для того чтобы более выпукло представить себе всю глубину этой проблемы, нужно мысленно вернуться к весенним дням 1975 года.

30 апреля с падением Сайгона была поставлена последняя точка в летописи длительной самоотверженной борьбы, которую вел народ Южного Вьетнама под руководством Национального фронта освобождения и Временного революционного правительства за полную

свободу и независимость. Под мощными ударами войск освобождения, охваченные паническим страхом, потерявшие дисциплину, бежали отряды разложившейся марионеточной армии. Именно в тот период родилась и была поспешно раздута всем пропагандистским аппаратом США так называемая проблема «беженцев». В течение многих часов и дней американское телевидение, радио, газеты взахлеб расхваливали «самую гуманную» операцию. Боевые корабли, предусмотрительно направленные Вашингтоном, подбিরали с берега беженцев, которые якобы спасались от «коммунистического наступления», а гигантские самолеты, направленные в Южный Вьетнам с грузом оружия, возвращались в США полные детей, которых, мол, в противном случае ожидала бы страшная судьба...

Однако в то время ни слова не говорилось о том, что миллионы вьетнамцев решительно отказывались покидать родину, поднимали восстания, чтобы сбросить с себя последние оковы режима Тхьеу и остаться в своих селах, городах. Сейчас уже доподлинно известно, как на американских судах, участвовавших в «гуманной» операции, люди умирали от недостатка пищи и воды, от болезней. Их увозили разными путями. Некоторых высаживали на острове концлагерей Фукуок, допрашивали и, если находили сочувствующих коммунистам, расстреливали на месте без суда и следствия.

Начало этой «гуманной» акции ознаменовалось смертью более 150 южновьетнамских сирот, погибших в результате авиационной катастрофы неподалеку от аэродрома Таншоннят. А то, к чему она привела, в наши дни можно увидеть, в частности, на Гавайских островах.

Нгуен Ван Ки, с которым мы встретились на окраине Гонолулу, приехал сюда с другими южновьетнамцами отнюдь не по своей доброй воле. Он вспоминает:

— Это была подлая пропагандистская затея, ничего не имеющая общего с соображениями гуманности или сочувствия. Когда Пентагон убедился в неминуемом крахе своих ставленников, он и решил взять на себя «великую миссию помощи» народу Южного Вьетнама, и в первую очередь сиротам. Тогда, правда,

никто из американцев не признавал, что за годы войны в Южном Вьетнаме осиротело по вине сайгонской верхушки и интервентов более одного миллиона детей. Сироты представлялись наиболее выигрышным козырем.

Родственник моего собеседника Нгуен Фан Данг добавляет:

— Из рода в род мы занимались торговлей овощами, никогда и ничего общего не имели с полицейскими, или офицерами сайгонской армии, или теми, кто разбогател на американской войне. Нам нечего было опасаться. А они не стали нас даже спрашивать, загнали по трапу в самолет и высадили сначала на острове Гуам, а уж потом перевезли сюда.

Нгуен Ван Ки вспоминает попавшее в печать письмо бывшего заместителя премьер-министра сайгонской администрации, в котором прямо говорилось о том, чтобы «эвакуацию» южновьетнамцев в США использовать в пропагандистских целях. В нем, в частности, подчеркивалось, что это событие будет широко освещаться в прессе и вызовет положительную реакцию во всем мире, и особенно в США.

— Однако этого не произошло. На Гавайях сейчас находится около трех тысяч «беженцев». Мы поставлены в малоприемлемые для нормальной жизни условия. Посудите сами. Уже давно вообще прекратилась нищенская программа федерального правительства по вспомоществованию «беженцам». На что же рассчитывать, если чиновница из организации помощи эмигрантам штата Гавайи Элайн Сэндобал признает, что ведомство по делам иммиграции откровенно не желает, чтобы мы, вьетнамцы, имели бы возможность пользоваться программой по улучшению бытовых и социальных условий наравне с другими жителями штата.

В разговор снова вмешивается Нгуен Фан Данг:

— Замечу, что мисс Элайн Сэндобал в общем-то справедливо считает, что Соединенные Штаты абсолютно не были готовы к принятию, как она выражается, «такого рода беженцев». Мы для них обуза. А если говорить о вопросе трудоустройства моих соотечественников, то он полностью соответствует этой проблеме в масштабе всей Америки. Устроиться на работу удалось лишь четвертой части всех трудоспособ-

ных «беженцев», а ходит в школы лишь половина наших ребят. Дороговизна на квартиры не поддается никаким сравнениям. Самое скромное жилье на одну семью обходится в среднем в девяносто тысяч долларов плюс покупка земельного участка...

Наши собеседники рассказывают, что тысячи вьетнамцев, вывезенных в свое время в Соединенные Штаты, продолжают настаивать на возвращении на родину. «Большинство из нас были доставлены на чужбину американскими военными властями с помощью обмана, шантажа и насилия», — говорят они, перебивая друг друга.

Нам представилась редкостная возможность побывать и на Кинг-стрит, где живут южновьетнамские «беженцы». Не каждый из них решался назвать свое настоящее имя, не каждый отважился поведать о своем прошлом и настоящем. Причины тому разные. Но вывод из общения с этими людьми можно сделать вполне определенный: их считают здесь людьми «второго сорта». Отмечено немало случаев столкновений и расистских выхонок против этих «небелых эвакуированных». Чтобы избежать физических расправ, они при малейшем обострении обстановки убегают под малонадежную защиту своих жилищ. Южновьетнамцы не раз оказывались в роли козлов отпущения за различные социальные недуги штата Гавайи. На островах уже твердо укоренилось мнение, что иммигранты, мол, увеличивают уровень преступности, выкачивают средства из системы социального обеспечения и обостряют и без того достаточно взрывную проблему безработицы.

— Чтобы покончить со всеми казусами и недоброй жизнью, нужно как можно скорее уехать домой, — говорили эти эмигранты поневоле.

...Имя человека, открывшего Гавайские острова, англичанина Джеймса Кука, сегодня редко вспоминают на Гавайях. Весьма скромное место великому морепроходцу своего времени отведено и в залах морского музея Гонолулу, обосновавшегося на четырехмачтовом фрегате постройки 1887 года «Фолз оф Клайд»; не более того сообщается о капитане в популярных справочниках и туристических проспектах, изданных на Гавайях. Мы не обнаружили в столице ни одного ресторанчика или кафеюшки под его именем, а если го-

ворить о мемориалах или улицах, как-то связанных с этим человеком, то их тоже нет.

Чем объяснить такое непочтение? Во всяком случае, да это и вполне естественно, на родине Кука ему воздано куда больше почестей! Его походам посвящены целые фолианты, изданы дневники самого капитана, составлены биографии отважного мореплавателя. Британцы считают, что два наиболее почитаемых имени во всей истории военно-морского флота Англии — Нельсон и Кук. В Лондоне можно любоваться строгим памятником Куку, а в поместье друга и коллеги капитана — сэра Хью Палисера в Бакин-гемшире воздвигнут выразительный мемориал в его честь.

Мы бродили в жаркий день по Гонолулу и размышляли на тему о превратностях судьбы этого человека. Подумалось, что островитяне отвергали идею об увековечении памяти английского капитана потому, что во время второго захода кораблей Кука на Гавайи между его командой и гавайцами вспыхнул острейший конфликт, который привел к трагической гибели главы экспедиции. Финал схватки так описан в книге англичанина Э. Маклина «Капитан Кук»: «Десятки аборигенов набросились на Кука, который упал на мелко-водье, и начали наносить ему удары ножами и пахуа. Это случилось в восемь часов утра. Куку в то время было пятьдесят лет».

Через два-три дня, обедая в небольшом ресторанчике с японской кухней, мы обнаружили на столике оставленный кем-то рекламный буклет о гавайских музеях. В частности, там рассказывалась история одного древнего пахуа...

Пахуа — это дротик, увесистое железное оружие, которым пользовались древние гавайцы. В заметке шла речь о пахуа, который был подобран матросом из команды Кука на поле схватки после гибели капитана утром 14 февраля 1779 года. Этот дротик был увезен в Англию. За минувшие 200 лет он побывал в руках многих коллекционеров холодного оружия, числился в книгах британских музеев, демонстрировался на выставках древних мечей, а в 1977 году оказался на лондонском аукционе. Здесь этот редкий экспонат приобрел коллекционер из Гонолулу Чарльз Маком за немалую сумму — 63 тысячи долларов. Автор заметки

любезно приглашал всех почитателей старины побывать в его апартаментах на улице Нахуа, 423, и ознакомиться с уникальным предметом старины.

Мы соблазнились предложением и после обеда сразу же отправились по означенному адресу. Признаемся, мы не испытали ни трепета, ни волнения при виде этого дротика, но старались ничем не высказать своего прохладного настроения.

Хозяина музея на месте не оказалось. У витрины, где был выставлен экспонат, стоял здоровенный верзила. Обернувшись к нам, он довольно мрачно заметил, что таких бешеных денег за подобную штуковину никто никогда не платил...

— Вещь стоит столько, сколько радости она приносит ее хозяину, — заметили мы.

— Что верно, то верно, — ответил верзила и хмуро представился: — Приятель Чарльза. Сам-то он уехал в город. Дела... А вы знаете, что именно этот дротик был зарисован официальным художником третьей экспедиции Кука Джоном Веббером?

— Охотно верим.

— Ну так о чем это может свидетельствовать, как вы думаете?

— Реликвия... — начали было мы излагать свои соображения. Но он сделал рукой таинственный жест, словно моля не произносить больше ни слова, и, наклонив голову, прошептал:

— А я убежден, что именно этим дротиком был нанесен последний удар Джеймсу Куку.

Он смотрел на нас широкими глазами, ожидая ответную реакцию.

— Во всяком случае, мы имеем право предполагать подобное. Писатели, исследователи и историки довольно схоже описывают первую реакцию Кука на кражу аборигенами вельбота и инструментов оружейника.

— А именно?

— Кук решил прибегнуть к своему излюбленному маневру — захвату заложника, которого он мог держать на своем корабле «Резолюшн» до тех пор, пока не вернут украденные вещи. Для этого он и высадился с отрядом морской пехоты на берег. А вот дальше все рассказы о происшедшем грешат непохожими под-

робностями, папахивающими литературным вымыслом. Так почему же я не могу внести свою лепту?

— Что вы имеете в виду?

— Этим пахуа был нанесен последний удар...

Наш собеседник был явно возбужден. Его глубоко посаженные глаза бегали с одного древнего предмета лавки-музея на другой, руки дрожали.

— Но эту мысль должна поддержать пресса. Тогда сенсация обретет крылья, и Чарльз сможет неплохо заработать на ней. Согласны? Журналистам ведь может тоже кое-что перепасть...

Нет, мы, разумеется, не могли согласиться с такой беззастенчиво грубой подтасовкой истории. Высказаться пришлось на сей счет без дипломатических любезностей.

— Тогда извините, — он довольно бесцеремонно и сухо оборвал разговор, — а я надеялся, что любой журналист мог бы стать в этом дельце хорошим союзником. По-моему, в борьбе за доллары все средства хороши!

...О «гавайском ренессансе» приходилось слышать еще до поездки на острова.

— Если хотите получить об этом более яркое впечатление, — сказали нам в частной туристической фирме, — сходите на концерт ансамбля «Сыновья Гавайев». Он выступает в отеле «Санд Вилла» в районе Вайкики. Послушайте Эди Камае. Эти парни хорошо знают подлинную народную музыку. Они хотя и не попадают на страницы газет, да и реклама о них мало шумит, но мы их считаем своеобразным зеркалом, отражающим развертывающееся движение коренных гавайцев за спасение национальной культуры. Ведь она почти угасла за последние двести лет, с той самой поры, как нас открыл Джеймс Кук... «Гавайский ренессанс» — это и есть воскрешение нашей культуры, повышение интереса людей к пению, танцам, музыке, истории, ремеслам, старинным народным обрядам. За это идет борьба, нужная нам борьба...

Член исполкома совета организации гавайцев Г. Кеалоа был более осторожен в суждениях. Он говорил:

— Струнный ансамбль «Сыновья Гавайев» да и некоторые другие музыкальные коллективы не считают себя какими-то выдающимися борцами. Да и не стоит

утверждать, что все мы настроены воинственно. Ведь кто-нибудь еще вспомнит историю и скажет, что мы собираемся выходить на улицы с дротиками, чтобы убить еще одного Кука... Я считаю, что основа нашего движения заключается в благородном проявлении этнического самосознания...

Давайте вспомним, что же этнически представляют собою гавайцы. Археологические раскопки свидетельствуют, что первые поселенцы острова Оаху были выходцами с Маркизских островов, а затем судьба забросила на Гавайи мореплавателей — уроженцев Таити, других осколков суши, разбросанных в безбрежных просторах Тихого океана. Волны многочисленных миграций относятся к временам тысячелетней давности и до сих пор таят в себе еще немало загадок.

В наши дни юридически гавайцем может называться тот человек, чьи полинезийские предки обитали на островах до первой высадки экипажа Кука в 1778 году. Таких людей на Гавайях осталось менее 150 тысяч из общего числа жителей 50-го штата 886 600 человек.

Побывав на Гавайях, убеждаешься в том, что подавляющее большинство гавайцев находится в наши дни, по выражению американского журналиста У. Эндикотта, «на дне экономической жизни Гавайев». Они «разочарованы и озлоблены тем, что в школах учителя игнорируют их индивидуальность, традиции и историю», они весьма часто говорят «об утрате гордости, о горечи, вызванной утратой земель и родины предков».

Самый большой остров, который дал название всей цепочке — Гавайи, — в русском переводе означает «остров Орхидей», а один из самых незначительных, Кахулави, означает «остров Смерти».

Кахулави — это 186 квадратных километров голых, не приспособленных для жизни человека скальных пластов. Однако гавайцы считают этот остров священным. По старинному поверью, именно здесь когда-то появилось мифическое существо Лоно — бог плодородия. Он принес людям пищу и покой. С той поры гавайцы ежегодно отмечают праздник окончания всех полевых работ «Макахики», прославляя в песнях и сказаниях остров Кахулави.

И вот в 1941 году специальным приказом ВМФ

США Кахулави был превращен в мишень для тренировочного бомбометания. Бесцеремонность янки возмутила гавайцев. Был создан комитет, а затем и организация «В защиту Кахулави». И, несмотря на то, что Вашингтонская администрация продолжает утверждать, что остров непригоден для экономического использования и лишь может служить нуждам ВМФ США, гавайцы продолжают вести борьбу за его спасение.

Не так давно члены организации «В защиту Кахулави» высадились на острове, пытаясь тем самым вынудить ВМФ покончить с бомбардировками этого клочка земли. Власти арестовали двоих участников этого похода, а двое, в том числе и очень популярный народный певец Джорджи Хелм, утонули, когда пытались перебраться вплавь через восьмимильный пролив к ближайшему острову Мауи.

Осужденный на три года за этот демарш тридцатилетний Ч. Уоррингтон рассказывает:

— Мы все больше и больше осознаем, что происходит с Гавайями. На примере Кахулави мы хотели показать всем, сколь неправильно используется наша исконная земля. Наши деды учили нас заботиться о земле, любить ее. Но это все позабыли наши родители. Мы последнее поколение, способное вернуть хотя бы часть утраченной культуры. У нас остался последний шанс сохранить немного из того, что у нас осталось. Мы должны противостоять охране ФБР, другим спецслужбам США. Мы должны бороться за свои человеческие права, беспощадно подавляемые вашингтонскими лицемерами, которые жонглируют словами о «защите прав человека», а на деле бесстыдно их попирают.

В движении за остров Кахулави проявилась еще и другая тенденция гавайцев. Вслед за аборигенами Аляски, которые добились в ходе многолетней борьбы от конгресса США компенсации, гавайцы также стали добиваться ее от федерального правительства за земли, которые были отняты у жителей в 1898 году.

Недавно в сенат и палату представителей конгресса США направлены две резолюции, которые требуют удовлетворить политические, экономические и культурные претензии гавайцев, а для начала создать комиссию по изучению проблемы репараций. Эти ре-

золюции утверждают, что обширные земельные владения, захваченные Соединенными Штатами в 1898 году, «были общей собственностью туземных гавайцев до свержения их местного правительства».

Старожилы вспоминают, что в 1920 году конгресс «из милости» выделил 189 акров земли для сдачи в аренду лицам хотя бы наполовину гавайского происхождения. Учредили земельную комиссию, чтобы наблюдать за строгим выполнением этой программы. Предусматривалось сдавать в аренду по 40 акров сроком на 99 лет, с символической оплатой в 1 доллар ежегодно. Но на деле вплоть до самых последних лет в комиссии преобладали негавайцы, которые санкционировали откровенные махинации, в результате чего землю сплошь и рядом отдавали «своим людям».

Г. Кеалоа считает, что, хотя туземные гавайцы в своей борьбе и придерживаются разных взглядов на некоторые проблемы, движение их монолитно, у них есть общие интересы, особенно любовь к земле.

Его мысли разделяет Полин Джоуергер, которая преподает историю в Гавайском университете.

— Я убеждена, — рассказывает она, — что возобновившийся поход за культурное самосознание является весьма долгосрочным аспектом движения гавайцев. Чем живут островитяне?

Однозначный ответ на этот вопрос дать не просто. Если говорить о столице — Гонолулу, то этот город целиком находится во власти туристов. Его центр, набережная, прилегающие улицы давно отстроились, он насыщен современными гостиницами, наводнен фирмами по туризму, банками, конторами авиакомпаний, ресторанчиками, кафеюшками, лавками сувениров. Кораллами, изделиями резчиков по дереву, бусами из жемчуга и нежно-розовых ракушек торгуют с тротуаров и прилавков, на пляжах и в отелях, винных лавочках и на базарах. Гавайи посещают до четырех миллионов туристов ежегодно. Было время, когда Гонолулу и его окрестности напоминали сплошную строительную площадку. Сооружались военные казармы, полигоны и гостиницы. Сейчас строительный бум закончился, и появились лишние руки: в сельском хозяйстве — 5500 человек, а в других отраслях островной промышленности насчитывается, по данным департамента труда, 31 700 безработных.

Военные теперь обходятся на перестройке или ремонте своих объектов собственными силами, а пристанищ для приезжих оказалось даже больше чем достаточно. Профессия строителей в загоне. А промышленность? Она главным образом обрабатывающая и ограничивается сахарными и ананасно-консервными предприятиями.

Стоит отъехать от Гонолулу десятков километров, и попадешь в царство сахарного тростника. Лента шоссе, стиснутая с двух сторон сплошной зеленой стеной, бежит на северо-запад. Но вот где-то в глубине плантации прозвучал одинокий гудок паровоза. Минута-другая, и мы у железнодорожного вокзальчика. Игрушечный паровозик тянет за собой два ярко-красных вагончика. Возле незастекленных окошек — пассажиры. Гид в униформе железнодорожного проводника рассказывает туристам о положении дела в сельском хозяйстве Гавайев. Репродукторы на привокзальной площади разносят обрывки фраз: «На наших островах собирают 19 466 000 тонн сахарного тростника и 458 тысяч тонн ананасов. С 1800 года здесь выращивают также папайю. Паровозик, который помогает нам с вами совершить сегодня эту экскурсию, когда-то доставлял платформы с собранным сахарным тростником на завод по его переработке. В двадцатые годы на Гавайях было 380 километров железных дорог. К настоящему времени их почти целиком вытеснили шоссезные магистрали. Мы сохранили только эту ветку специально для развлечения туристов. Наше путешествие займет всего лишь 25 минут...»

И снова зеленый лес из стеблей сахарного тростника в два человеческих роста. Километров через десять плантация переходит в уходящие к горизонту поля, на которых выращивают ананасы. Плоды почти все собраны и свезены на заводишки по производству консервов. Все плантации и консервные предприятия принадлежат нескольким крупным компаниям. Одна из них, «Гонолулу Доул К^о», была основана крупным американским бизнесменом, «ананасным королем» Доулом. Мы побывали на консервном заводе этой компании. На его конвейерах в основном заняты женщины. Труд практически на всех операциях ручной. Производительность низкая, а заработная плата работниц, по их словам, «оставляет желать лучшего».

Миновали несколько полей для игры в гольф и бейсбол, где развлекались гости Гавайских островов, многоступенчатую террасу с фонтанчиком и бассейнами, ведущую к храму мормонов, и вот наконец показали соломенные крыши-шатры так называемого Полинезийского культурного центра. Центр — это музей под открытым небом, где на площади в несколько десятков гектаров сосредоточены типичные постройки в натуральную величину таких государств и островных территорий, как Фиджи, Новая Зеландия, Самоа, Таити, Тонга, Маркизские острова и, наконец, Гавайи.

На территории центра посетители могут отведать национальные блюда полинезийцев, послушать их песни, посмотреть танцы, познакомиться с ремеслами, народным творчеством. Мы провели здесь несколько часов. Усыпанные желтым песком тропинки ведут от хижины к хижине, оставляя за собой зеленые лужайки, поросшие кокосовыми пальмами, которые жмутся к извилистой искусственной речушке. Невольно подумалось, что в жизни народов, населяющих островные территории бассейна Тихого океана, в последние годы произошли важные изменения. На политической карте этого района появились названия новых независимых государств — Западное Самоа, Тонга, Фиджи. Навсегда избавившись от опеки колонизаторов, эти суверенные страны развивают свою национальную экономику, решают накопившиеся за века социальные проблемы.

К сожалению, о Гавайях — 50-м штате США — этого не скажешь. Это штат, в котором права местного населения подавляются особенно цинично.

Став в свое время опорным пунктом для осуществления захватнических планов Пентагона, Гавайи по сей день не избавились от присутствия военщины. На дорогах штата мы не раз встречали колонны военных грузовиков; наблюдали, как на плацах перед казармами маршируют солдаты, а на рейде Гонолулу маячат силуэты боевых кораблей. Раскрывая туристическую карту, приезжий в первую очередь обращает внимание на аршинными буквами напечатанное предупреждение: «Проезд вокруг мыса Каена строго запрещен!»

Нам не удалось побывать и в печальной памяти

Пирл-Харборе, лежащем всего в тридцати минутах езды на машине от Гонолулу. Правда, мы получили благосклонное разрешение гида сфотографировать едва видную цепочку строений этого разрушенного японскими бомбами 7 декабря 1941 года города на расстоянии полутора километров. Позже мы узнали, что представителей других стран местная администрация почему-то пускает в город Пирл-Харбор, где находится музей «Аризона мемориал». Но спорить и требовать своего не было резона. В США особенно.

Помимо военно-морской базы Пирл-Харбор, столичный остров Оаху и по сей день является средоточием прочих военных баз. Вот они: Хикэмская база ВВС, Канеохская военно-воздушная база корпуса морской пехоты, Шофилд Бэрэкс и другие. Известно, например, что еще до начала основных боевых действий во Вьетнаме в Шофилд Бэрэкс была расквартирована 25-я пехотная дивизия, а морские пехотинцы 1-й бригады на Канеохе отрабатывали приемы борьбы с партизанами в джунглях.

Вьетнамская авантюра... Да, ее отголоски прослеживаются не только в насильственно вывезенных на Гавайи «беженцах». Следы бывшего разгула приезжавших «на отдых» из джунглей Вьетнама американских солдат не исчезли с улочек пригорода Гонолулу по сей день. Там до сих пор можно встретить переодетых в гражданское платье, стриженных под бобрик, подвыпивших сержантов с американских баз и кораблей. Здесь процветают все пороки припортовых задворок капиталистического города: проституция, наркомания, грабежи, убийства, насилие.

В тот день, когда мы с помощью обычного плана-схемы и собственных ног познакомились с извилистыми стритами «даунтауна» и жалкими хижинами китайского квартала, в очередном выпуске местной газеты «Стар бюллетень» было опубликовано сразу несколько сообщений под рубрикой «Полицейская хроника». Одно из них гласило: «20-летний преступник проник ранним утром в полицейский участок и унес несколько коробок с марихуаной, которые были конфискованы накануне на пришедшем в порт корабле». Зайдя в этот полицейский участок, мы решили поинтересоваться у младшего чина, который составлял какой-то протокол, кое-какими подробностями, а заодно узнать,

почему в этой информации не указано имя преступника.

— А вам-то от этого легче станет?

— Да нет, просто нам непонятно, по какой такой причине имена других уголовников стали известны общественности, а вот один остался анонимом.

Он посмотрел в окно, докурил в две жадные затяжки сигарету, пуская через рыжие тараканьи усы клубы дыма, бросил:

— Военный моряк с эсминца. Нам запрещено называть в газетах их имена. Еще вопросы есть?

Вопросы были. Но только уже не для младшего полицейского чина...

Испанцы говорят «нет»!

Пригород Барселоны — Матаро. Большой спортивный зал. На импровизированных подмостках — молодой парень в свободном шерстяном свитере цвета вишни. В руках — гитара. Рамон — поэт и певец, родом из Валенсии, последнее время живет в Барселоне. Перебирая струны гитары, он с болью в сердце поет о мраке насилия, о полицейских, которые на рассвете врываются в незащищенные дома и увозили в тюрьму Карабанчель ни в чем не повинных людей. «Мы заявляем твердое «нет» страху, — говорится в песне, — который недавно был здесь самым страшным законом». Он поет о прошлом Испании и о ее будущем... «Они не пройдут!» Этот лозунг все громче звучит на митингах заводских рабочих, на сходках докеров, он начертан на фасадах жилых домов и фабричных стенах.

Мы не случайно начали заметки об Испании с памятной встречи в Барселоне с рабочим поэтом и певцом Рамоном, хотя географически этот город был последним на пути в четыре тысячи километров. Барселона — портовый город, цитадель испанского пролетариата, столица Каталонии. В эту область входят четыре провинции, обеспечивающие не менее 25 процентов национального дохода страны. Здесь сосредоточено более тридцати пяти тысяч промышленных предприятий,

половина из которых находится в Барселоне и ее пригородах. В Каталонии наиболее полно ощущается политическая атмосфера этого государства за Пиренеями.

В Испании впервые после сорокалетнего франкистского режима выпущены из тюрем многие политические заключенные. Всюду проходят митинги и демонстрации, забастовки и стачки. В конце прошлого года состоялась грандиозная общенациональная забастовка, в которой приняли участие свыше двух миллионов рабочих и служащих. Трудящиеся требуют демократических преобразований и свобод, ведут борьбу за социальные права. Оппозиционные партии Испании, их руководящие штабы с каждым днем расширяют свою деятельность, активисты идут в массы и поднимают народ на отпор всем проискам фашиствующих молодчиков, сторонников бывшего режима Франко.

Мы встречались в Испании с газетчиками и сотрудниками радиостанций, с руководителями коммунистической и социалистической партий, с товарищами из Рабочих комиссий—боевых профсоюзных организаций испанских трудящихся.

В стране одновременно активизируются правые и ультраправые силы. Поднимает голову ассоциация бывших фронтовиков-фалангистов. В нее входят около пяти-шести тысяч человек. Это они решили помпезно отметить первую годовщину смерти Франко, выдвинув лозунг: «Мы должны защитить наследие Франко, которое стало объектом предательства». А на стенах домов нам приходилось даже видеть лозунг: «При Франко мы жили лучше». Но интересно, слово «мы» было перечеркнуто ярким суриком и вместо него выведено другое: «кое-кто».

Широкий резонанс в кругах общественности вызвал арест издателя испанского еженедельника «Сабадо графика». Его отдали под суд военного трибунала за публикацию списка одиннадцати официальных лиц, замешанных в грязных махинациях американской авиакорпорации «Локхид».

В то время в печати и по радио часто сообщалось о многочисленных случаях подкупа официальных лиц этой страны администрацией «Локхид» с целью размещения в Испании выгодных заказов. Называлась общая сумма взяток: один миллион триста тысяч долларов. Оказалось, что «Локхиду» удалось сбыть Испании са-

молетов на двадцать семь миллионов пятьсот тысяч долларов. В этой связи в кортесах (парламенте) была создана специальная комиссия, которой и поручили расследовать обстоятельства этих махинаций. Тогда же сообщили, что министр иностранных дел Испании Марселино Ореха Агирре, побывавший с официальным визитом в США, привез якобы оттуда документы, касающиеся этого дела. По данным министерства иностранных дел, эта папка включает более тысячи страниц копий, снятых с подлинных документов. Официальные лица министерства в интервью агентству «Логос» заявили, что вся документация с посыльным была направлена в верховный суд в распоряжение прокурора Антонио Осе Гарсиа Родригеса. Факт направления документации в верховный суд подтвердил и официальный представитель министерства информации и туризма. Однако, как затем сообщил прокурор, документов он не получал. Исчез и посыльный. По мнению журналистов, документы были похищены лицами, которые отнюдь не заинтересованы в их публикации. Но вскоре пресса и радио сообщили сенсационную новость: верховный суд наконец назвал имена генерал-майора Луиса Рея Родригеса и полковника Карлоса Грандаля Сегадес, которые получили от «Локхид» взятки по 298 507 долларов каждый. Они сняты со своих постов. В сообщении также говорилось, что деньги «Локхид», предназначенные для этих лиц, переводились не в Испанию, а помещались в швейцарский банк на различные зашифрованные счета.

Член исполкома ЦК КПИ Санчес Монтеро рассказал нам, что история со взятками «Локхид» отражает общую картину коррупции в испанских «коридорах власти».

«Показательно,— заявил Монтеро,— что реакционные элементы, составлявшие социальную базу франкизма и пользовавшиеся его привилегиями, продолжают и сейчас активную деятельность на политической арене страны. Они занимают важные посты в репрессивном аппарате. Судите сами: мой последний арест и приговор к штрафу в один миллион песет был «обоснован» лишь тем, что я выступил в Мадридском университете на официально разрешенном собрании!»

Встречаясь с журналистами, мы не раз слышали, что сотрудники редакций газет, радиостанций постоян-

но подвергаются угрозам и запугиваниям. Фашиствующие молодчики громят книжные магазины, поджигают газетные киоски, которые занимаются распространением прогрессивных изданий. Экстремистская организация, назвавшая себя «шестой командой Гитлера», систематически угрожает прогрессивным журналистам расправой.

По давней народной традиции в Испании в первые дни января проводится детский праздник «Трех волшебных лодок». Ему предшествует веселая и увлекательная кампания по отыскиванию самых интересных подарков для детей — этим занимаются взрослые, а дети — дети сочиняют и посылают волшебникам письма с изложением собственных просьб.

Нередко испанская печать, пользуясь этим праздником, проводит опросы общественного мнения, рассылает анкеты с вопросами, чего бы желали люди в наступающем году. Ответы можно свести к следующим: покончить с экономическими неурядицами, положить конец террористическим акциям экстремистов, накинута узду на репрессивные органы и избавиться наконец от вмешательства ЦРУ во внутренние дела страны.

Основной этап в общественной жизни Испании ныне характеризуется тем, что завершается сложный переход от франкистского режима диктатуры к буржуазно-демократическому. И вполне понятно, что страну лихорадит, на разных полюсах накаляются страсти, возникают острейшие конфликты и столкновения. Происходит как раз то, чем особенно любят пользоваться западные спецслужбы — и в первую очередь ЦРУ — для своих подрывных акций.

Вмешательство ЦРУ во внутренние дела страны идет по многим каналам. В конце 1978 года стало, например, известно о подслушивании телефонных переговоров министра внутренних дел Мартина Вильи, а также о том, что электронный шпионаж осуществляется за многими политическими, профсоюзными, общественными деятелями. Стараясь сгладить возникший конфликт, сам министр внутренних дел Мартин Вилья на пресс-конференции указал, что отдал распоряжение о расследовании фактов подслушивания. Он не отрицал, что «отдельные преступные элементы в полиции могли воспользоваться своим положением и организовать подслушивание». Об этом сообщили газеты «Диарио-

16» и «Информасьонес». Член исполкома Испанской социалистической рабочей партии Энрике Мухика указывает, что в полиции имеется прослойка, которая тесно связана с франкизмом и стремится использовать все средства, чтобы повредить проходящему в стране процессу. Он считает, что эта прослойка представляет собой небольшую, но весьма опасную группу. А кто на прямую работает с ней? Оказывается, ЦРУ!

Однако все по порядку.

В старой части Мадрида, где на балконах почерневших от возраста домов сушится белье, где в «мертвые» часы сиесты окна наглухо закрыты плотными жалюзи, а островерхие шпили храмов легко взмывают к облакам, приютилась самая популярная в Испании площадь — Пуэрта дель Соль — «Ворота Солнца». Ее известность объясняется тем, что именно здесь расположен географический центр страны, зримым выражением которого служит каменный «верстовой» столб с нулевой отметкой. От него в разные стороны разбегаются первые километры испанских дорог, от него жители государства за Пиренеями измеряют длину своих магистралей. Автострад в Испании много; сработаны они добротнo. В стране развит туризм.

Однако не каждый приезжий знает, что треугольная площадь Пуэрта дель Соль несет на себе печать другой «славы», приводящей в трепет любого испанца. На площадь своим фасадом выходит здание, построенное в стиле ренессанс. В нем свили свои гнезда различные репрессивные службы министерства внутренних дел, включая управление государственной безопасности и политическую полицию. Не случайно испанцы с горькой иронией замечают, что, хотя у «Ворот Солнца» географически и начинаются все пути-дороги, именно здесь они очень часто заканчивались трагедией для многих патриотов. Без суда и следствия. Министр внутренних дел, он же главнокомандующий всеми полицейскими подразделениями Испании, имел, по мнению людей, с которыми мы встречались в Мадриде, самые неограниченные возможности и власть. Конечно, министр поддерживал устойчивую связь с дворцом Пардо, где обитал окруженный верными телохранителями каудильо. Французский журнал «Монд дипломатик» отмечал: «После прихода к власти Франко репрессии всегда были и остаются неременной принадлежностью испан-

ской политической жизни, а репрессивный аппарат, существующий сейчас,— это результат реорганизации, проведенной в 50-х годах в тесном сотрудничестве с американскими разведывательными службами».

Журнал подчеркивает, что после провозглашения печальной памяти «доктрины Трумэна» определенные круги в США и Англии год за годом стали проявлять все больший интерес к Испании, делая ставку на союз с испанскими ультра. В 1951 году посол США в Мадриде Дж. Хейсс как-то заявил: «Нашему миру угрожает не франкистская Испания, а скорее Россия...» И вот, чтобы обеспечить этот самый свой «мир», американские спецслужбы стали активно создавать в Испании, по выражению «Монд дипломатик», «самый кровавый репрессивный аппарат, какой только существовал в Западной Европе после второй мировой войны».

Значительный вклад в установление контактов между ЦРУ и специальными службами испанской диктатуры внес приближенный к Франко генерал Барросо. До своего назначения в 1957 году военным министром Барросо занимал пост военного атташе во Франции, где он сверх меры интересовался организацией французской информационной службы. Затем он был начальником личного штаба каудильо.

В период с 1957 по 1962 год, когда Барросо был военным министром, начались первые официальные контакты на уровне информационных служб Испании и Соединенных Штатов. Испания превращалась в важный бастион Запада, направленный против Советского Союза.

Пришедший к кормилу франкистской власти адмирал Карреро Бланко почувствовал необходимость создания информационной службы, прямо связанной с ЦРУ. Такой службой стала Информационная служба безопасности при канцелярии премьер-министра. Ею руководил полковник Хосе Сан-Мартин, который вместе с полковниками Эдуардо Бланко, Федерико Кинтеро и Касинельо Пересом входил в группу экспертов, связанных со своими американскими коллегами.

Все они — Сан-Мартин, Бланко, Кинтеро и Касинельо — прошли курс обучения в американских разведывательных школах, в основном в Форт-Брагге.

Здесь надо сказать, что руководство испанских

служб информации всегда поддерживало близкие отношения с ЦРУ.

Говоря об агентурной стороне деятельности ЦРУ в разных странах мира, необходимо указать на деятельность в отношении Испании других организаций, находящихся в Лондоне. Эти организации тесно сотрудничали с министерством информации и туризма. Компания «Форум уорд фичурс» со времени своего основания в 1958 году до прекращения деятельности в 1975 году служила каналом помощи, оказываемой ЦРУ определенным крайне правым журналам, таким, как «Фуэрс нуэва». Английский журналист Брайан Крозьер, биограф Франко и «свой» человек во франкистских литературных кругах, был одним из руководителей «Форума». Имеются доказательства, что он подписал с ЦРУ контракт. Другой известный английский приверженец франкизма — Роберт Мосс, теоретик дестабилизации, был в числе связанных с ЦРУ людей, которые часто входили в контакт с испанскими политическими руководителями.

Под видом докладов Института по изучению конфликта Роберт Мосс несколько раз передавал испанскому режиму указания ЦРУ. По указке ЦРУ в Испании осуществлялись политические назначения. Об этом подробно рассказывается в статье, помещенной в тесно связанном с ЦРУ журнале «Висьон», выходящем для Латинской Америки.

Как-то в редакции журнала «Камбио-16» мы разговаривали о деятельности западных спецслужб в Испании, о том вреде, который они приносят стране в целом. Нашим коллегам осведомленности занимать было не надо. Для нас же, пожалуй, был откровением тот факт, что журналисты встречались не так давно с бывшим сотрудником ЦРУ Филиппом Эйджи, который написал книгу «Грязная работа: ЦРУ в Западной Европе». Эйджи довольно точно сформулировал свою мысль: Мадрид был и остается по сей день одним из основных плацдармов ЦРУ.

По вполне понятным причинам американская разведка работает в Испании вне поля зрения властей, а когда чувствует, что ей «наступают на пятки», она находит тысячи запасных позиций, на которых легко продержаться какое-то время перед началом новых раундов. Следует также отметить, что за последнее

время, уже после того как между СССР и Испанией были установлены дипломатические отношения, ЦРУ активизировало свою деятельность в плане создания разного рода рогаток на пути упрочения советско-испанских политических, экономических и культурных связей. «Поскольку Испания,—считает Филипп Эйджи,—весьма ценна для НАТО, присутствие ЦРУ в этой стране приняло широкие масштабы. Американская разведка использует самые различные методы прежде всего для «устранения возможных угроз» Западу. Но, помимо этого, она стремится теми же методами воздействовать на внешнюю политику Испании».

Обращает на себя внимание, что нередко среди бизнесменов, коммерсантов, от которых зависят та или иная сделка, контракт, встречаются люди, весьма далекие от настоящего мира бизнеса. ЦРУ ловко подставляет на широком поле экономических отношений подкупленные фигуры. Цель таких манипуляций понятна: прибрать к рукам торгово-экономические связи между Советским Союзом и Испанией.

Практически весь 1978 год на улицах многих городов страны вспыхивали перестрелки, чинились насилия, совершались террористические акты, лилась кровь. Вспоминаются и некоторые события прежних лет — например, нашумевшее дело об убийстве члена совета королевства, председателя фракции в кортесах от баскской провинции Гипускоа Аралусе-и-Вильяра, его шофера и трех полицейских в городе Сан-Себастьяне. Испанское правительство наделило все службы безопасности безгранично широкими полномочиями «с целью задержания террористов». Демократические партии и организации Испании, международная общественность осудили акт терроризма. Выстрелы в Сан-Себастьяне вызвали напряженность, породили атмосферу недоверчивости. Особенно это ощущалось в стране басков. Этот суровый по осени край, лежащий далеко от проторенных туристических маршрутов, исторически пережил много невзгод и мрачных дней. Более сорока лет тому назад авиабомбы немецко-фашистского легиона «Кондор» обрушили смерть, смели с лица земли деревню Гернику, а танки и минометы итальянских и марокканских наемников в Бильбао и Сэнтэндере утюжили улицы гусеницами,

поливали свинцом отряды бойцов республиканских войск. Ныне на месте страшных пепелищ отстроилась, выросла новая Герника. В условиях новой Испании налаживается жизнь и в Бильбао, Сэнтэндере.

Но люди, одетые в мундиры с блестящими пуговицами, вооруженные до зубов, по-прежнему мелькают на дорогах страны. Если бы еще полицейские и прочие силы «поддержания общественного порядка» занимались только поисками террористов, карали подлинных врагов народа, политический климат в Испании быстрее приобрел бы совсем иную окраску. В Мадриде один из руководителей рабочих, Хулиан Ариса, рассказывал, как жандармы застрелили 19-летнего антифашиста лишь за то, что он написал на стене понятные и близкие каждому рядовому испанцу слова: «Работы!», «Свободы!», «Хлеба!». Хоронить Франсиско Хавьера вышел весь курортный город Альмерия. Народ выразил солидарность с молодым патриотом и грозное «нет!» аппарату репрессий и насилия. Но в Испании производятся аресты прогрессивных деятелей, устраиваются облавы, налеты, слежки. Промышленность продолжает клепать стальные наручники и дюралевые параша для главной тюремной цитадели Карабанчель.

В середине июля 1978 года почти неделю в Памплоне, Сан-Себастьяне, Бильбао, Витории не прекращались волнения, которые вновь привели к созданию в баскских провинциях напряженной обстановки. Была парализована практически вся жизнь в этом районе. Волнения вспыхнули после расправы полиции над участниками мирной демонстрации в Памплоне, которые выступили с требованием о всеобщей амнистии и освобождении заключенных. При разгоне демонстрантов один человек был убит и более 150 ранены. В знак протеста против произвола полиции в различных городах страны басков состоялись митинги, прошли массовые манифестации.

По призыву демократических профсоюзов и левых партий трудящиеся баскских провинций объявили всеобщую забастовку, выразив тем самым свое возмущение действиями полиции. Местная печать указывала, что правые силы пытаются использовать эти волнения в своих целях. Газета «Диарио-16» отмечала в этой связи, что подразделением полиции, разгоняв-

шей мирную демонстрацию, командовал член профашистской организации «Новая сила». Газета «Йа», со своей стороны, сообщала, что 23-летний Герман Родригес, погибший в Памплоне, был убит членами ультрареакционной организации «апостолический антикоммунистический союз Испании».

Обстановка вновь накалилась после убийства в июле 1978 года начальника одного из управлений министерства обороны бригадного генерала Х. Санчеса Рамоса и его адъютанта Хуана Переса, когда они выходили из дома.

Очевидцы рассказали, что убийцы, молодой человек с усами и молодая женщина в зеленом платье, открыли огонь по генералу и его адъютанту в упор, когда они садились на заднее сиденье своей служебной автомашины.

Они сразу же были убиты, но их шофер, рядовой, уцелел, так как в это время он открывал официальный вымпел на капоте автомашины и упал на землю. Убийцы бежали в украденном такси, которое вел третий участник нападения, преследуемые полицейским сержантом, видевшим, как произошло убийство. Он стрелял в них и пробил крышу автомашины и, очевидно, ранил одного из бандитов. Убийцы, угрожая оружием, захватили другую легковую автомашину, которую позднее нашли брошенной в городе Алькобендасе, севернее Мадрида. Полиция начала широкие поиски, используя вертолеты и ищеек. Дороги из столицы были перекрыты.

Несмотря на широко проводимые поиски — в них принимало участие несколько тысяч полицейских, — участники покушения не были обнаружены. Однако в Испании высказывают мнение, что убийство совершено теми же, кто осуществил похищение председателя государственного совета Ориоля и Уркио в декабре 1976 года, а также председателя высшего совета военной юстиции генерал-лейтенанта Вильяэскуса Килиса в январе 1977 года. Во всех трех случаях организаторы террористических акций стремились, осложняя обстановку, заставить правительство отказаться от восстановления демократических свобод. Характерно, что все эти провокации совершались в момент, когда страна находилась на пороге важных политических

событий: национального референдума или перед принятием проекта новой конституции.

В этой связи все газеты выделяли заявление председателя правительства Испании А. Суареса о том, что никакие происки ультраправых сил не в состоянии остановить поступательное движение и правительство сделает все возможное, чтобы успешно завершить начавшийся процесс демократизации.

Убийство генерала Санчеса Рамоса и его адъютанта вызвало возмущение испанской общественности. В своих заявлениях ведущие политические партии, в том числе компартия и испанская социалистическая рабочая партия, а также демократические профсоюзы — рабочие комиссии и всеобщий союз трудящихся — выразили решительный протест против очередной провокационной акции.

Да, демократизация политической жизни в Испании устраивает далеко не всех. Самыми непримиримыми врагами нового являются те, кто связал свою судьбу с режимом диктатуры, созданным генералом Франко. Это и так называемый «бункер» — высокопоставленные политики, занимающие посты в различных правительственных учреждениях и тормозящие проведение политики реформ, это и определенная часть крупной буржуазии, это деклассированные элементы, которые были всегда опорой режима Франко, это и аппарат репрессий.

В Мадриде местное издательство «Планета» выпустило книгу, ставшую сенсацией. Она принадлежит перу личного секретаря каудильо, двоюродному брату Франко генерал-лейтенанту Франциско Франко Сальгало. Этот деятель числился главным доверенным лицом главы фашистского режима, был его глазами и ушами. Книга «Мои конфиденциальные беседы с Франко» примечательна тем, что впервые приоткрывает завесу над дворцом Пардо, откуда диктатор четыре десятилетия управлял страной. Любопытны многие детали, воссоздающие облик узурпатора. Так, например, в его кабинете висел портрет Гитлера. Он лицемерно восхищался президентом Франции Шарлем де Голлем, но в то же время не брезговал регулярно получать из рук британской разведки, которая денно и нощно шпионила за генералом де Голлем, тайные сведения из Елисейского дворца. Именно Франко лич-

но пригласил советников из спецслужб США для реорганизации репрессивного аппарата Испании. Им лично применялись разного рода приемы для строгого контроля над всеми звеньями разведслужб и служб безопасности. Например, дублирование служб в трех секторах репрессивного аппарата давало возможность получать сведения из разных источников по одной и той же проблеме.

Следует сказать, что такая система позволяла диктатору натравливать одну службу на другую и более эффективно контролировать их деятельность. Что же собой представляют эти «три сектора» репрессивного аппарата? По свидетельству «Монд дипломатик», это — вооруженные силы, гражданская гвардия и военная полиция. Практически всеми секторами руководит узкий круг офицеров-ультра из генерального штаба. Особое место в системе репрессивного аппарата занимает Специальная служба информации и безопасности. Она создана в конце 50-х годов под эгидой американских секретных институтов. Ее кодовое название — «Квантум». По заявлению бывшего агента ЦРУ Филиппа Эйдж, «Квантум» поддерживает постоянный и непосредственный контакт с ЦРУ. Основная функция «Квантум» — координация деятельности других разведывательных служб и обработка секретной информации, прослушивание частных и служебных телефонов, главным образом в Мадриде и Барселоне.

Однако деятельность «Квантум» не ограничивается исключительно разведывательными операциями. В нее входит так называемый «отдел действий», иными словами — вооруженные подразделения особого назначения. Среди них: авиадесантная рота, расквартированная на военно-воздушной базе в Хетафе, бригада по социально-политическим делам и моторизованные подразделения мадридской полиции. Помимо прочего, «Квантум» активно сотрудничает со многими фашистскими или крайне правыми организациями, как, например, «Христово воинство», Ажинтер-пресс, «Паладин», и другими. «Судя по всему, — пишет «Монд дипломатик», — «Квантум» опирается именно на эти группы, которые являются наименее контролируемыми. Именно они несут ответственность за многие террористические акции. Самые известные из них — убийство Карреро Бланко и взрыв на мадридской площади Пу-

эрта дель Соль». А если принять к сведению мнение итальянского еженедельника «Эспрессо», то следы преступлений ведут еще дальше...

...Субботнее утро 10 июля 1976 года. Заместитель генерального прокурора Рима Оккорсио сел за руль «мерседеса» и через несколько минут был уже на загородном шоссе. Внезапно путь автомобилю преградила машина с двумя неизвестными. Прокурор мгновенно оценил ситуацию и попытался бежать. Но автоматная очередь настигла его раньше, чем он успел сделать первый шаг. На трупе полиция обнаружила листовки с текстом «приговора», вынесенного Оккорсио «специальным трибуналом» «Нового порядка».

Следственные органы установили, что началось преследование судебных деятелей, которые затевают процессы против фашистских террористов. Оккорсио готовил процесс над 119 участниками фашистского движения. И вот финал. «Категория лиц и учреждений,— пишет «Эспрессо»,— оказывающих покровительство неофашистам, весьма обширна... Она включает также различные иностранные разведки». Далее журнал прямо указывает на связь уже упомянутого нами агентства Ажинтер-пресс с ЦРУ. В частности, их сотрудничество расцвело во время осуществления «программ действия против подрывного влияния Кубы на латиноамериканском континенте».

Ажинтер-пресс было основано в 1963 году под вывеской информационного агентства печати в Лиссабоне по прямому указанию португальской разведки. У его колыбели стояли французские офицеры-оасовцы — специалисты по психологической и контрпартизанской войне. Цель этой организации состояла в вербовке европейских наемников для боевых действий в португальских колониях и заброске диверсантов в центры национально-освободительного движения Африки. Впоследствии боссы агентства изменили характер его деятельности, положив в основу антикоммунистическую направленность, сделав ставку на службу мировой контрреволюции. Грязные следы агентов Ажинтер-пресс не раз обнаруживались рядом с отпечатками пальцев агентуры ЦРУ в Боливии, Гватемале, Чили. Это осиное гнездо установило тесные связи с ультраправыми группировками во многих странах Западной Европы и находится с ними в добрых от-

ношениях по сей день. В частности, Ажинтер-пресс действует рука об руку с организацией «Квантум». Альянс Ажинтер-пресс — «Квантум» в последнее время принял весьма злобный характер еще и потому, что штаб-квартира так называемого агентства после установления демократического строя в Португалии переехала из Лиссабона в Мадрид...

Из бесед, которые мы имели в Испании, можно сделать вывод, что в Мадриде, Барселоне, Аликанте и некоторых других городах орудуют под вывеской экспортно-импортных компаний скрывающиеся от преследования итальянские неонацисты, недобитые нацистские преступники, изменившие фамилии сотрудники греческой и португальской разведок, бывшие оасовцы, вышедшие в тираж тайные агенты некоторых ныне здравствующих западноевропейских разведок и прочий сброд. Все они повязаны между собой, орудуя заодно с испанским «бункером», правыми фанатиками-католиками из «Христового воинства» и другими подрывными центрами как внутри, так и вне страны. Судя по всему, органы безопасности Испании относятся ко всем этим «бывшим» и «новоявленным» вполне лояльно, а если вспомнить «Квантум», то следует применить иной термин: сотрудничают с ними. Ведь арестам подвергаются демонстранты, требующие работы и хлеба, а не те, кто организует на улицах провокации, сеет смуту, создает напряженность на заводах, стреляет в спину рабочих вожakov и угрожает военным переворотом. За спиной реакции стоят репрессивные органы некоторых западных держав.

В этой связи следует напомнить о сенсационном материале, опубликованном турецкой газетой «Барыш». В нем шла речь о разработанной Пентагоном секретной инструкции по «стабилизации дружественных стран» под кодовым названием «ФМ 30—31». На основании этого документа в «дружественные» Соединенным Штатам страны засылаются агенты военной разведки, а также резиденты других спецслужб, в первую очередь ЦРУ, с целью упрочения проамериканских правительств и пресечения борьбы трудящихся за свои жизненные права.

Как писал по этому поводу испанский еженедельник «Посибле», «сообщение об этой инструкции в Турции, где существует несколько американских баз,

на основе договора, весьма напоминающего испано-американский договор, заставляет серьезно задуматься над тем, каковы же подлинные цели США в мире». В статье «Цели Пентагона» автор предупреждает, что, судя по параграфам, рассыпанным на 92 страницах «ФМ 30—31», Вашингтон во всех «дружественных» странах ставит собственные интересы «выше интересов дружественной страны».

Сам термин «стабилизация» предполагает «оказание изнутри помощи режимам, оказавшимся под угрозой из-за отсутствия поддержки народа». Примером «дестабилизации» может служить забастовка шоферов — владельцев грузовиков в Чили, после чего с помощью ЦРУ была проведена главная операция — военный переворот. В инструкции подробно излагаются «права и обязанности» агентов разведслужбы американской армии и других спецслужб США.

Сейчас, когда Испания мучительно переживает процесс становления нового и освобождения от бремени минувших десятилетий, «на самых верхних этажах здания американского посольства в Мадриде руководитель центра ЦРУ в Испании и люди из его «группы тайных операций» внимательно следят за ходом событий в стране в эру, начало которой положила кончина Франко».

Так пишет в еженедельнике «Камбио-16» автор обозрения «ЦРУ здесь, сейчас» и продолжает: «Военные атташе из посольства США поддерживают тесные контакты с военными органами безопасности Испании, а ведь эти атташе — сотрудники разведывательного управления, тайной службы Пентагона, которая конкурирует — и сотрудничает — с ЦРУ». Что же замышляют все эти службы в Испании?

Во-первых, Вашингтон добивается принятия Испании в НАТО и рассчитывает тем самым укрепить переживающий кризис агрессивный блок. Находившийся в международной изоляции режим Франко препятствовал осуществлению этого плана, поскольку некоторые западноевропейские государства не решались вступать в открытый союз с фашистским диктатором. Смерть Франко подстегнула усилия США, направленные на то, чтобы приобщить Испанию к «структуре западноевропейских и межатлантических отношений».

В начале 1976 года был подписан пятилетний договор о дружбе и сотрудничестве между Испанией и США, призванный служить очередным шагом на этом пути. Он предусматривает сохранение военных баз Пентагона на испанской территории в обмен на американскую военно-экономическую помощь в размере 1,2 миллиарда долларов. Выполнение договорных пунктов спецслужбы США держат в Испании под своим контролем.

Во-вторых, Вашингтон опасается нейтрализации внешней политики Испании. Именно в этом кроется здесь, на Пиренейском полуострове, реальная опасность для Соединенных Штатов. По мнению «Камбио-16», США отнюдь не проявляют готовности смириться с появлением «средиземноморской Швеции». И, судя по всему, «предотвращение такого нейтрализма представляет собой наиболее очевидную цель подпольной деятельности американских разведывательных служб в Испании».

Весьма любопытно привести в этой связи высказывания одного бывшего разведчика, кубинца по национальности,— Росса, которого ЦРУ целых десять лет считало «своим». Росс дал интервью журналу «Камбио-16». Заголовок интервью весьма красноречив: «ЦРУ: мадридские встречи». Автор рассказывает, как однажды в мадридской гостинице «Мелья Кастилья» определенного рода задание свело его с человеком, широко известным в кругах американских спецслужб,— Фрэнком-одноглазым (он получил ранение в годы вьетнамской авантюры США). Этот Фрэнк в беседе с Россом сообщил, что прибыл на сей раз в Мадрид в качестве специального посланника Киссинджера (в то время он был государственным секретарем США). Добавил, что в Испании его лучше называть не Фрэнком, а Панчо либо Франсиско. После этого «Франсиско» открыл бутылку вина, разлил его по бокалам и с заговорщическим видом сообщил о личном послании Киссинджера, в котором тот благодарил Росса за «отличную работу на ЦРУ», которая, по смыслу этого послания, «способствовала успешному проведению государственного департаментом политики в отношении Кубы, а также третьих стран». В заключение беседы «Франсиско» преподнес Россу от имени Киссинджера швейцарские часы новейшей марки.

В той же гостинице Росс познакомился еще с некоторыми представителями ЦРУ в Испании, которые работали в тот период в Мадриде под «крышей» посольства США. Ими были: Ф. Шерри, Д. Моррил-младший и С. Цыбульский. Кстати говоря, Цыбульский по сей день «трудится» в Испании. Однако ему пришлось перебраться под другое прикрытие — фирму «Салис-порт». Росс вспоминает: «Всякий раз наезжая в Испанию якобы в качестве агента ЦРУ, я отправлялся на верхний этаж гостиницы «Мелья Кастилья». Именно там и происходили мои встречи с американскими чинами из разведки. Там и до сей поры есть два номера, в которые допускаются только сотрудники ЦРУ в Мадриде. Они ими закуплены на все время».

Росс ничего не выдумал; журналисты из «Камбио-16» сами решили проверить, что это за особые номера. Однако хозяин гостиницы близко не подпустил их к этому этажу, сославшись на то, что «там идет ремонт».

Позже в Мадриде был обнародован в подтверждение этих данных список людей из Лэнгли. Разумеется, после такой осечки руководители ЦРУ позаботились обновить состав своей мадридской разведки, убрав «засвеченных» лиц. Но тем не менее мы его воспроизведем. Итак:

Р. Гэхэгэн, бывший военный, 54 года. Руководитель так называемого отдела политических связей посольства США в Мадриде. Служил в Бразилии.

Уильям Джонс. Атташе, 55 лет. Многие дипломаты помнят его со времени вьетнамской войны. Он был среди тех, кто отвечал за подготовку полицейских сил, прославившихся своими пытками, «тигровыми клетками» и стратегическими поселениями.

Ф. Шерри. Атташе, 48 лет. Отвечал за антикубинские операции в Мексике. Сайгонский «ветеран».

А. Моррил-младший. Атташе, 45 лет. Бывший военный, бывший агент ЦРУ в Каракасе.

Д. Олми. 49 лет. Ветеран ЦРУ. Бывший агент в Малайзии и на Филиппинах.

Ч. Смит. 39 лет. Прежде был агентом ЦРУ в Лаосе.

А на мадридской треугольной площади Пуэрта дель Соль в здании в стиле ренессанса царит олимпийское спокойствие. Да и можно ли представить себе, что созданный американскими спецслужбами более четверти века назад, говоря словами все той же «Монд дипло-

матик», «самый кровавый репрессивный аппарат» выйдет из-под влияния ЦРУ или иных американских разведведомств?! И все же время покажет. Ведь все, чем занимается ЦРУ здесь, в Испании, идет наперекор процессу разрядки международной напряженности. Эта деятельность несовместима с договоренностями, достигнутыми в Хельсинки.

Если же говорить о процессе демократизации в Испании, то, по мнению «Камбио-16», он может сделать актуальным вопрос о подлинном нейтрализме. А это в свою очередь может поставить под сомнение существование американских военных баз и привести к самым коренным изменениям в политике этого района мира.

А пока в Испании происходит бурное увлечение политической арифметикой. По заданию властей, группировок, партий, а то и по собственной инициативе десятки институтов, контор проводят опросы общественного мнения. Среди вопросов фигурирует и такой: «Считаете ли вы допустимым вмешательство во внутренние дела Испании иностранных спецслужб?»

Испанские патриоты единодушно отвечают: «Нет!»

Секретный формуляр

E-10-13

Во внутренних законодательствах Дании насчитывается немало параграфов, которые предусматривают различные меры наказания лиц, совершающих уголовные преступления. Приведем всего лишь две выдержки. Первую из Уголовного кодекса Дании (ст. 100), где указывается, что «лицо, вызывающее своими высказываниями очевидную опасность враждебных действий в отношении датского государства, наказывается тюремным заключением сроком до 6 лет...». И вторая выдержка из Закона о печати Дании № 147 ст. 19 пункт 3, в котором подчеркивается, что за публикации, издания, имеющие «аморальный характер или содержащие призыв к мятежу, а также представляющие опасность для

общественного порядка, предусматривается наказание в виде денежного штрафа или ареста».

Как же эти законы находят применение в повседневной действительности? Часто ли о них вспоминает датская Фемида?

Не так давно датская газета «Актуэльт» опубликовала интервью с начальником контрразведки Оле Стиг Андерсеном. Оно вызвало весьма широкий резонанс в кругах общественности Дании и других стран.

Мы приведем в изложении лишь некоторые откровения начальника контрразведки, по-солдатски граничащие с неприкрытым цинизмом. Так, на вопрос о подслушивании телефонных разговоров Андерсен ответил, что «подключенные номера в Дании легко сосчитать по пальцам на руках и ногах», но тут же посетовал, что можно было бы увеличить их число, «если бы было все в порядке с технической стороной дела». Спросили о существовании тайных картотек на датчан, напомнив, что как-то в печати проскользнули сведения, что контрразведка имеет досье на 400 тысяч человек. С явным разочарованием официальное лицо заметило, что на сегодня «нет и половины от этой цифры». Журналист сказал, что «в 1940 году такого рода картотеки были выданы немецким фашистам. Не может ли подобное вновь произойти при определенной ситуации?» Официальное лицо через газету заверило общественное мнение в том, что в недрах контрразведки разработан план экстренного уничтожения секретного досье... Когда Андерсена спросили, с какими спецслужбами сотрудничает вверенное ему ведомство, он вместо ответа подчеркнул, что его ведомство — есть «глаза и уши демократии».

Не успели рядовые датчане опомниться от нокаута, нанесенного по их гражданским свободам «демократическим» ведомством Андерсена, как в Копенгагене разорвалась новая «бомба». Газетчики из «Экстрабладет» Якоб Андерсен и Сёрен Якобсен опубликовали серию сенсационных материалов, связанных с деятельностью уже другой разведки Дании — военной и некоего Ханса Хетлера, торговца канализационными трубами по профессии и нациста по призванию. В биографии этого 45-летнего господина всякого вдосталь. Прямо скажем, преуспел. Член самой реакционной в Дании партии; рядовой осведомитель, выросший в агента более круп-

ного масштаба, издатель архиреакционного листка «Минут»; активный глашатай сайгонского режима, переметнувшийся после победы героического Вьетнама и краха американской агрессии в лагерь сеульской реакции, и, наконец, владелец уникальной картотеки на 200 000 датчан.

В ту пору, когда он, например, примкнул к самой правой, самой махровой, так называемой независимой партии, в которую вошли помещики, реакционная буржуазия, главной его задачей (по его же словам) было «столкнуть эту партию еще дальше вправо. Но, убедившись в тщетности своих попыток, я вышел из ее рядов. Я попытался пролезть в аппарат какой-либо газеты, чтобы взрывать все изнутри. Меня никто не брал. Тогда я сам учредил «Минут». Вот так!»

Поговаривают, то ли он, то ли его отец в знак любви к Гитлеру переименовал распространенную датскую фамилию Енсен на более созвучную бесноватому фюреру — Хетлер. Не случайно сегодня в его ультраправой газетенке работает отъявленный нацист Эрик Хост, который готов во всем, даже во внешних манерах, подражать Гитлеру. Оголтелый антикоммунизм и антисоветизм «Минут» — это как бы та соломинка, за которую хватаются Хетлер и Хост. Они насыщают ее страницы такими дозами антисоветчины и прочего яда, которые вызывают отвращение даже у иных выдавших виды ультраправых политиканов.

Но если до последнего времени датчане имели представление лишь о содержании этого грязного, напичканного с первой до последней страницы грубой руганью листка, то теперь «Эстрабладет» открыла им глаза на то, кто его создает, кто пытается калечить человеческие души всеми своими гнусными деяниями и подметными статейками. Как же случилось, что в подвале дома Хетлера за семью замками хранится его личная картотека на 200 000 человек?! При этом доподлинно известно, что 60 000 карточек Хетлер завел на своих соотечественников — прогрессивных деятелей. Как могло произойти такое в стране, где не устают твердить о демократии, свободе, равенстве, о гарантиях гражданских свобод?!

Недвусмысленный ответ на эти вопросы как раз и дают репортажи в «Экстрабладет». Оказывается, вплоть до 1972 года Хетлер подвизался в роли платно-

го агента военной контрразведки Дании (ФЕТ). Не жалея сил и времени, он рыскал по Копенгагену и другим городам страны, вынюхивал, выспрашивал, выискивал. Он не брезговал никакими приемами, коих в арсенале агента накопилось предостаточно. Он мог, часами, сутками не вылезая из засады, следить за своим объектом. Приятели во время пьяных оргий называли его «ищейкой». А он и в самом деле превратился в послушную ищейку, денно и нощно отрабатывающую хозяйские харчи.

Но обанкротившемуся торгашу клозетным оборудованием надо отдать должное: он уже в те годы заглядывал вперед, рассчитывая сосредоточить в своих руках компрометирующие материалы на отдельных лиц, чтобы при необходимости, помножив их на обычную фальсификацию, шантажировать жертву. Работая на ФЕТ, делец не забывал и себя. Так создавалось личное политическое досье Хетлера.

Когда Хетлер взялся за эту омерзительную работу, — рассказывал нам один датчанин по имени Хартлинг, — Дания еще не состояла в «Общем рынке». А то он мог кое-чему поучиться в этом плане, например, у бельгийской секретной службы. Каких-нибудь полгода назад там тоже раскрылось скандальное дело по тайному сбору сведений о служащих учреждений «девятки». Конфиденциальная анкета, которую обязаны заполнять все чиновники учреждений ЕЭС, предназначена для выявления «инакомыслящих», подозреваемых в демократических взглядах или симпатиях к коммунистам. Вся эта практика, в том числе и «работа» Хетлера, как мы считаем, противоречит положениям Заключительного акта общеевропейского совещания. Одним словом, западноевропейское издание «охоты за ведьмами». И в нем Хетлер один из самых рьяных закоперщиков.

Главный агент отдела «грязных политических трюков», Хетлер пользовался подпольной кличкой Ханс Скоу. В его распоряжении находилась целая группа политических агентов, внедренных в различные организации — компартию, социалистическую народную партию, молодежные организации и т. д. Лично Хетлер имел трех заместителей. В кресле начальника ФЕТ в ту пору восседал полковник Эрик Фурке. Ныне генерал-майор Фурке верой и правдой служит в разведорганах

штаб-квартиры НАТО в Брюсселе. Хетлер редко «выходил» непосредственно на шефа. В повседневной агентурной работе он был связан с капитаном 2 ранга Ульрихом Шмидтом — руководителем отдела «грязных политических трюков».

Эта ударная команда разработала и внедрила в повседневную практику секретный формуляр E-10-13, а проще говоря — учетную карточку, в которую и заносились тайные сведения на отдельных лиц и организации. Формуляр использовался контрразведкой для контроля за «политическим поведением датчан».

И все же некоторые датские журналисты усомнились в том, что Хетлер мог за сравнительно короткое время самолично собрать секретное досье на 200 000 человек. Такая задача посильна лишь с введением в эту операцию ЭВМ. Известно, например, что в частной сыскной конторе Чинчера из Цюриха, который ведет слежку за прогрессивно настроенными лицами и организациями Швейцарии, насчитывается что-то порядка 10 000 политических и общественных деятелей. А здесь — 200 000, и не в конторе, а у одного человека! И вот уже выдвинута смелая версия: Хетлер безусловно создал своими руками «домашнюю» картотеку. Но карточки на все 200 000 человек оказались у него в подвале лишь в 1968 году. Дело в том, что именно в 1968 году датские власти официально запретили ведение соответствующими органами картотек на лиц за политические убеждения и принадлежность к той или иной партии. Не желая расставаться с богатейшей тайной картотекой, ФЕТ, по мнению местных обозревателей, и припрятала ее до поры до времени в надежных покоех своего главного агента «грязных политических трюков».

Но бурной деятельности Хетлера суждено было прерваться в 1972 году по его же собственной вине. Точнее, из-за чересчур строптивого характера. У него стал слишком длинный язык, а вспыльчивость превратилась в норму поведения. ФЕТ решила распрощаться со своим буйным агентом, которому уже и море казалось по колено. Однако в штаб-квартире ФЕТ долго не могли определить, как быть с картотекой. Наконец пришли к одному мнению: алчный игрок и авантюрист, Хетлер за определенную мзду разрешит ФЕТ пользоваться секретным и бездонным кладезем. И, судя по

всему, не ошиблись: контрразведка за минувшие годы не раз прибегала к помощи Хетлера. Не исключено, что тайный альянс ФЕТ — Хетлер так и продолжался, если бы не разоблачительные материалы, появившиеся в «Экстрабладет». Эту острую сенсационную тему подхватили другие газеты, радио, телевидение.

Шапки на первых страницах печатных изданий кричали: «Военная контрразведка сотрудничает с правым экстремистом Хансом Хетлером!», «Хетлер сообщает военной контрразведке данные на политических деятелей», «Преступный союз ультраправого Хетлера с ФЕТ». Официальные власти поспешили опровергнуть эти утверждения, но не учли одного — с заявлением выступил сам Хетлер. Он решил, что наконец-то настала пора свести счеты с руководством контрразведки за то, что в свое время оно, по существу, выбросило его на улицу. Хетлер подтвердил, что ФЕТ все время пользовалась его картотекой вплоть до июня 1977 года, когда агенты обращались к нему дважды. Потрясая винтовкой, еще в годы вьетнамской войны полученной в подарок от одного сайгонского генерала, Хетлер излагает свое кредо: «Я давно искал путь, как наиболее эффективно бороться с коммунизмом. Тайная картотека — не худший вариант...»

Скандал вокруг связей Хетлера с ФЕТ стал предметом бурного обсуждения в датском парламенте (фолькетинге). Министр обороны и юстиции Орла Мёллер поспешил назначить специальную комиссию для расследования обстоятельств дела, на всякий случай заверив общественность, что если у ФЕТ и были контакты с Хетлером, то лишь при старом правительстве до 1973 года. Теперь, мол, все в порядке...

Раздраженные и озадаченные неожиданным разоблачением альянса ФЕТ — Хетлер, определенные силы исподволь повели кампанию против газеты «Экстрабладет», рассчитывая тем самым отвлечь внимание общественности от самого существа вопроса, связанного с прямым нарушением прав человека в Дании. Но, как заявил один из инициаторов расследования этого скандального дела — лидер Социалистической народной партии депутат фолькетинга Г. Петерсен, обвинять газету за публикацию столь серьезных и настораживающих материалов нельзя. «Если ведь все подтвердится, — сказал он, — то чины из военной контрразведки должны

будут нести полную ответственность в административном порядке».

«Ну, а разве сам Хетлер не должен быть привлечен по закону к суду?» — вопрошает датская общественность. Даже помимо тайного сотрудничества с ФЕТ по составлению и использованию картотек, запрещенных властями Дании в 1968 году, на его личном счету накопилось немало темных делишек...

Но пока суд да дело, прогоревший торговец чугунами трубами для унитазов, распустив сальные патлы, сидит в своем кабинете и, разглядывая очередной секретный формуляр Е-10-13, не устает расточать угрозы: «Вот и этому политическому деятелю я могу в одну минуту устроить неплохое свидание с грехами юности. Так, так... Куда от меня ему деться?»

Казалось бы, более убедительную иллюстрацию к буржуазной демократии в действии вряд ли можно придумать. Впрочем, расскажем о других датских типах — «искусствооведах», «фабрикантах» и «пасторах»...

Началом лета в Дании традиционно принято считать июньские дни разъезда на каникулы школьников, подавляющего большинства чиновников ведомств и министерств, работников предприятий. Заметно снижается в это время и политическая активность страны — парламентарии тоже стремятся побыстрее выбраться за пределы душного, наводненного толпами туристов Копенгагена. И тогда пустеет знаменитый дворец Кристианборг, где размещаются парламент (фолькетинг), различные министерства, правительственные службы.

На старинных гравюрах видно, что именно от этого дворца-замка в давние времена разбегались во все стороны света узкие улочки древней столицы Дании. Кое-что от седой старины здесь сохранилось и поныне. Однако изучать былое — удел исследователей-историков. Нас в Копенгагене заинтересовал вполне современный объект, а точнее, еще один субъект, пытающийся довольно бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела Советского Союза. Его полное имя — Ойвинд Фельдстед Андресен.

Этот деятель, судя по всему, отказался от традиционных каникулярных привилегий и отсиживался в своей копенгагенской резиденции, строка очередной антисоветский пасквиль. Убедиться в его присутствии мы могли, отыскав в справочнике Копенгагена номер его

телефона и набрав цифры: (01) 22-70-28. Однако сперва несколько подробнее о самом Андресене, его коллегах и «некоей мистической», по словам газеты «Актуэльт», организации, которую означенный господин возглавляет (в Дании ее иногда называют сокращенно по инициалам Андресена — ОФА).

В телефонном справочнике этот господин назван «фабрикантом». Он один из совладельцев завода «Металварефабрик» (металлоизделий), расположенного по адресу: Блегдамсвей, 32. В. Правда, еще несколько лет назад датские справочники приписывали ему иную профессию — искусствоведа. Сегодня он, как мы вскользь заметили выше, вполне овладел третьей — матерого антисоветчика. Попробуем разобраться, когда, как и с чего все началось.

Андресен и К^о развили особенно активную деятельность в период подготовки к совещанию в Хельсинки. Они опирались на придерживающихся правых взглядов служителей культа, реакционно настроенных офицеров, помещиков. Трибуной для подогревания общественного мнения стали наиболее реакционные буржуазные газеты. Основная политическая платформа — все та же торгашеская кампания за «гражданские права».

В арсенале тех, кто собрался ныне под обтрепанными знаменами антиразрядки, имеются разные средства: примитивная клевета, злонамеренная дезинформация, подстрекательская пропаганда в соответствующей печати. Они прибегают к явным и тайным попыткам вмешательства во внутренние дела социалистических государств. А в целом все это направлено на то, чтобы создавать атмосферу недоверия, вражды и ненависти, взаимного непонимания в отношениях между странами и народами.

Стоит ли говорить, что коэффициент отрицательного воздействия работы идеологов антиразрядки всех мастей, в том числе и подвизающихся на этой ниве в Дании, на людей, проживающих в социалистических странах, до смешного ничтожен. Однако именно бесконечные провалы операций и диверсий, затеваемых нашими врагами, толкают их на создание хотя бы видимой «массовости» борьбы «за права человека». Именно в этих условиях и возникла в Дании некая «мистическая» организация ОФА, скрывающаяся за тщательно

замаскированным адресом Р. О. Вох 1035, ДК-1007, Копенгаген.

Йохан Шушкевич, редактор по внешнеполитическим вопросам газеты «Ланд ог фольк», в разговоре с нами заметил:

— Да, Андресен и К° ведут у нас в стране антисоветскую деятельность. Но шансы на эффективность у них невелики. Во время так называемого «слушания дела о правах человека» среди участников начались грызня, распри. Да и вообще у них много «дутого». Реакция поднимает голову везде, где появляется возможность. Мутные волны антикоммунистической пропаганды постоянно обрушиваются на наши бастионы. Андресен старается не отстать от ненавистников прогресса, пристраивается к ним...

В датской столице нам пришлось беседовать со многими людьми, которые располагали информацией о деятельности Андресена и ОФА. Если основываться на этих данных, вырисовывается такая картина.

Осенью 1975 года Андресен со своей компанией добился разрешения президиума фолькетинга использовать дворец Кристиансбург для так называемого «слушания дела о правах человека в Советском Союзе». В этой связи газета «Актуэльт» с возмущением писала: «До сих пор неизвестно, кого представляет эта организация, что кроется за ее созданием и откуда она получает финансовую помощь». И все же группа депутатов фолькетинга правого крыла с восторгом поддержала план проведения «слушания».

Примечательно: стало быть, есть в Дании официальные деятели, которые поддерживают ОФА, предоставляя ей залы для соборщ, игнорируя приведенную выше статью из уголовного кодекса страны. В то же время другие официальные лица, с которыми мы встречались в датской столице, в целом негативно высказывались об этой организации. Они справедливо усматривают уже в самом ее существовании нарушение хельсинкских договоренностей, считают, что проявление подозрительной «заботы» об «инакомыслящих» в СССР или ГДР, Польше или Чехословакии есть попытки вмешаться во внутренние дела социалистических стран, что это может, в частности, нанести ущерб благоприятно развивающимся советско-датским отношениям.

С этим нельзя не согласиться. Ну, а если тогда,

в 1975 году, сотрудники «Актуэльт» не знали (возможно, оно так и было!), за чей счет существует ОФА, из какой кормушки получает пропитание ее глава и единый идеолог, то теперь неразгаданных ребусов не осталось. Специальные службы США давно заметили искусствоведа и фабриканта Андресена. По словам людей сведущих, этот деятель днюет и ночует в покоях американского посольства в Копенгагене. Особенно сей гость зачастил сюда после того, как приступил к подготовке очередного сборища «по правам человека». Любопытно, кто же предоставил агенту Центрального разведывательного управления помещения для новой провокационной вакханалии?! Можно не сомневаться — тот, кто считает, что деньги не пахнут. Ну, а Андресену, пожалуй, все равно: он расплачивается наличными в долларах, получаемых от ЦРУ, в долларах американских налогоплательщиков...

На счету ОФА несколько проведенных балаганов. Об одном из них нам рассказали его очевидцы. Он состоялся 12.VIII.76 года в Копенгагене при участии так называемого западноберлинского «Рабочего сообщества 13 августа». Что же стояло в повестке дня этого «митинга», где добрая половина слушателей состояла из заинтригованных представителей печати, радио и телевидения западных стран? Его устроители извлекли из грязного мешка какой-то странный металлический предмет и, потрясая им в воздухе, старались убедить аудиторию, что это — деталь самострельной установки, оснащенной «разрывными пулями», что, мол, такие установки «рассредоточены в пограничных районах ГДР».

Присутствующие поинтересовались, почему им демонстрируют какую-то «подозрительную железяку», а не самую установку. Западноберлинский гость, потев и краснея, поспешил оправдаться, что, мол, «датское правительство на основе закона об оружии не дало разрешения на ввоз в страну всей самострельной установки».

Один из журналистов под дружный смех окружающих тогда сказал: «Я полагаю, что это абстрактное произведение из железных скобок, гаек и крючков — дело рукотворчества искусствоведа и фабриканта Андресена и произведено оно на «Металварефабрик», где он, кажется, еще числится совладельцем этого предприятия».

Кто же еще выступает на одних балаганных подмостках с Андресеном? Каковы задачи ОФА? На какие средства она существует? Именно с этих вопросов и началась наша телефонная беседа с главарем ОФА. Скажем откровенно: интервьюируемый оказался не в форме. Он все путал, врал, выкручивался. Воинствующий антисоветчик на страницах желтой прессы в этой ситуации оказался королем голым. В биографии разоблаченного «короля» есть немало темных страничек. Одна из них — его отстранение от ОФА в августе — сентябре 1975 года. Люди знающие говорят, что он по собственной глупости переусердствовал и не угодил ЦРУ. Ему дали хороший пинок, а на тепленькое место быстро посадили предателя венгерского народа Э. Эстерхази. Но этот тип выступил всего лишь в роли «халифа на час»: с ноября 1975 года даже его имя словно ветром сдуло со страниц датской печати. В телефонном интервью Андресен не сумел сказать ничего внятного по этому поводу. Бормотал он какую-то нелепицу и о своем ближайшем сподручном Леоне Никулине, поляке по национальности. Будто он ничего и не знает о том, что Никулин — уголовник, и доморощенный шпион, и, кроме того, закоренелый сионист. Его настоящая фамилия — Эпельбаум (этот тип носит фамилию своей жены — Никулиной). В свое время, проживая в Советском Союзе, получив всего-навсего среднее образование, умудрился приобрести незаконно диплом об «окончании» Семипалатинского педагогического института. Это позволило ему устроиться работать заведующим учебной частью в детском доме (1941 год). Вскоре проворовался и был осужден. В 1946 году снова устроился на должность учителя. В 1958 году уехал в Польшу. За злобную антиправительственную деятельность Никулин арестовывался властями ПНР, после чего был выслан из страны и осел в Дании. Для того чтобы дорисовать словесный портрет Никулина, скажем, что он числит в своих ближайших приятелях отщепенцев Амальрика, Буковского и пр.

Заметим, что Андресен оказался в роли явно привилегированного собеседника: он висел на противоположном конце провода и мог лгать сколько угодно, даже краснея. Но когда его спросили, имеет ли он постоянные контакты с реакционным «народно-трудовым союзом» или такими известными антисоветскими орга-

нами, как «Посев», «Новое русское слово», радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», он, прижатый к стенке, подумав секунду, раздраженно выпалил: «Да, да, имею!»

«Но ведь все эти организации в той или иной степени связаны со спецслужбами США, стало быть, ваши частые визиты в американское посольство явление не случайное. Не так ли, господин Андресен?» — поинтересовались мы в конце беседы.

«Мы — борцы за права человека. А в этой борьбе все средства хороши!» — буквально заорал он в трубку.

Что верно, то верно. ЦРУ, реакционеры всех мастей прилагают немало усилий, чтобы через различные организации вести провокационную работу. Под дымовой завесой «защиты гражданских прав» развязывают враждебные делу мира и социального прогресса пропагандистские кампании, стремятся подавить силы демократии и национального освобождения. Во всех подобных акциях они опираются на так называемых «диссидентов» или иных отщепенцев типа Андресена, Никулина, Эстерхази. Говоря об этих злобствующих перерожденцах, мы не случайно всегда прибегаем к формуле «жалкая кучка», «горстка», подчеркивая их духовное и количественное ничтожество. Это в полной мере относится и к датской организации ОФА, и к так называемому датскому отделению «западноевропейской духовной миссии». Эту организацию в Копенгагене возглавляет пастор К. Неерскоу. Действуя рука об руку с ОФА, этот богослужитель тоже не может похвастать своим «творческим» активом. Б. Каравадский да Л. Осбрандт — вот и весь штат сотрудников, сочиняющих и издающих один раз в два месяца худосочный антисоветский журнальчик. Ведущая тема их стряпни все та же — «борьба за права человека» в СССР и других странах социалистического содружества.

Рассказывают, Каравадский в пылу гнева осыпал нецензурными словами и проклятиями датскую газету «Информашон» за то, что она, видите ли, опубликовала материал ТАСС, показывающий истинное лицо Буковского, а вот, мол, его «достоверную» и «самую свежую» информацию о положении «инакомыслящих» в СССР редакция не пожелала печатать.

Судя по данному факту, даже газета, в общем-то далекая от симпатий к коммунизму, уловила зловещий

дух тлена в сочинениях ближайшего подручного пастора Неерскоу и решила не пускать его на свои страницы.

Разумеется, подобная реакция «Информашон» может рассматриваться только как положительная. Но, к сожалению, аналогичные примеры можно пересчитать по пальцам, если говорить вообще о позиции буржуазной прессы Дании. Время от времени средства массовой информации разворачивают бурные антисоветские кампании и, судя по всему, действуют под руководством постоянного и весьма опытного дирижера. И тогда двери редакций широко открываются перед андресенами, каравадскими и прочими «специалистами по русским делам». Они трубят и заклинают, гnevаются и призывают вести борьбу «за права человека», шумят в той же тональности и о «советской военной угрозе».

Возникает вопрос: а не лучше ли редакторам этих изданий оглянуться вокруг себя да заняться проблемами собственного дома?! А там есть над чем призадуматься. Тот же вопрос о «правах человека». В Дании процветает безработица, существуют неблагоприятные условия для учебы студентов из необеспеченных семей, дискриминация в вопросах предоставления работы по политическим мотивам, полицейская слежка, подслушивание телефонных разговоров, незаконные обыски квартир, неравноправное положение гренландцев и т. д. По данным копенгагенской газеты «Политикен», рождаемость в стране упала до уровня 1933 года, хотя в тот год численность населения составляла 3,5 миллиона человек, против 5 миллионов в настоящее время. «Политикен» считает, что снижение рождаемости — результат высокой безработицы среди молодежи и ее неуверенности в будущем. Одним словом, своих, внутренних тем больше чем достаточно в современной Дании.

Ну, а если всерьез говорить о «правах человека», то у нас их нет и не будет для всякого рода подонков, диверсантов. И пусть не надеются разные искусствоведы-фабриканты, бывшие торгаши и нынешние пасторы, что честные люди будут проходить мимо их нечистоплотной деятельности, которая не имеет ничего общего с великими целями борьбы за человеческое достоинство, за подлинные гражданские права.

Преступники

в белых халатах

В ответвлениях нью-йоркской Бликкер-стрит, улицы, которую называют «Бродвеем богемы», на подмостках обшарпанного и почерневшего от табачного дыма кафе одно время шел своеобразный спектакль.

У него не было определенного названия, а у актеров — заученных ролей. Да и актерами их можно было назвать весьма условно. Дело в том, что за пять долларов каждый желающий получал возможность наблюдать чужую жизнь во всех ее бытовых проявлениях.

На сцене без кулис и декораций, не обращая ни малейшего внимания на любителей сомнительных зрелищ, «актеры» спали и хлопотали у плиты, разговаривали по телефону и отправляли естественные надобности, ругались между собой и демонстрировали интимные стороны человеческих отношений...

Шоу, которое, по замыслу его авторов, призвано было показать, что в западном обществе не существует никаких ограничений и рамок для выражения «свободы личности», в конце концов прогорело.

Но само общество, породившее этот доведенный до абсурда спектакль, беспощадно растоптало все нравственные нормы, бесцеремонно вторгается в такие сферы жизни, которые по своему характеру должны быть ограждены от праздного любопытства и нездоровых сенсаций, требуют к себе особо деликатного, бережного отношения.

Говоря это, мы имеем в виду прежде всего такую область, как медицина, с которой соприкасаются практически все.

Читателям, видимо, будет небезынтересно узнать, что в западногерманском городе Гейдельберге несколько врачей-психологов создали «коммуны»... душевнобольных. По их разумению, пациентам ни к чему было принимать медикаментозные средства, лечиться в медицинском смысле. Единомышленники подобного «направления» в психиатрии выискались и в Лондоне.

Как и следовало ожидать, дело закончилось плачев-

но — для подопытных больных. Идея «коммун», явно навязанная определенными концепциями (кстати, авторы не скрывали своих левацких взглядов), привела к резкому ухудшению состояния психически неполноценных людей. Они стали жертвами тех, кто презрел гуманные начала науки и поправ нормы медицинской этики.

Своеобразной оборотной медалью злоупотребления высоким званием врача являются случаи, когда лечению подвергаются люди совершенно здоровые.

Как свидетельствует, например, итальянская «Гадзетта дель пополо», лишь в психиатрических лечебницах Италии содержится около 800 человек с абсолютно здоровой нервной системой. Ряд клиник представляет их в качестве даровой рабочей силы на частные предприятия.

Примечательно: в уголовном кодексе Италии имеется положение, согласно которому судья вправе препроводить обвиняемого в психиатрическую лечебницу без соответствующей санкции медицинских органов.

Таким путем власти избавляются от лиц, которые в буржуазном обществе признаются «социально опасными».

Для тех, кто не гнушается упекать здоровых людей в психиатрические больницы, вполне допустимы и преступные опыты на самих больных.

В 50—60-х годах на Западе широко практиковались хирургические операции, при которых разрушались различные участки мозга. Скажем, у больного шизофренией достигалось снижение возбуждения за счет резкого обеднения психической жизни и эмоциональных реакций. Иными словами, речь шла о необратимой трансформации человеческой личности.

Безответственное экспериментирование над больными касается не только психиатрии, но и более широкого круга заболеваний, в частности животрепещущей для человечества проблемы борьбы с раком.

Стоит ли говорить, что необходимо всячески оберегать и не травмировать больного излишней в данном случае информацией о характере и прогнозе тяжкого, большей частью смертельного заболевания.

Как же обстоит дело в этой связи в капиталистических странах, например, в Соединенных Штатах Америки?

Порой заболевание человека, находящегося в поле внимания прессы, начинают смаковать, обыгрывая малейшие детали. Сенсация раздувается тем больше, чем выше ступенька на лестнице американского истэблшмента, которую это лицо занимает...

Такой подход не только антигуманен по своей сути. Он неразрывно связан и с нарушением одной из кардинальных проблем медицинской этики — соблюдения врачебной тайны.

Идет ли речь о раке, саркоме и других видах злокачественных опухолей, гинекологии или расстройствах определенных функций и т. п., сведения, сообщенные больными и их родственниками врачу, а также результаты медицинских исследований не могут и не должны в ущерб пациенту быть достоянием всеобщей гласности. В Советском Союзе разглашение такого рода информации категорически запрещено законом.

Развитие медицинской науки, использование новых методов хирургии и успехи фармакологии несут с собой немало этических проблем. Это касается трансплантации человеческих органов, молекулярной биологии и генетики, вопроса о допустимых пределах хирургического вмешательства и т. д.

В силу специфики психических заболеваний особенно остро в наши дни встают проблемы соблюдения этических норм в психиатрии.

Мы рассказали об экспериментах пятнадцатилетней и двадцатилетней давности на человеческом мозге, что неизбежно приводило к разрушению личности пациента. А вот и более свежие примеры.

В 1975 году западногерманский бундесрат единогласно решил распространить правила о применении новых лекарственных средств на лиц, находящихся в местах заключения, и душевнобольных. Единственным условием при этом ставилось получение на то их «добровольного согласия».

«Добровольное согласие» лица, страдающего психическим расстройством, или отчаявшегося заключенного, который надеется таким путем купить свободу или по крайней мере сократить срок пребывания за решеткой, — может ли быть циничнее спекуляция на «правах человека», якобы гарантированных в западном мире?!

Выражая резкий протест и возмущение решением бундесрата, западногерманский гуманистический союз провел, как писала газета «Франкфуртер рундшау», прямую аналогию с временами «третьего рейха».

Напомним, что нацисты, для которых не существовало никаких моральных норм, узаконили проведение экспериментов над душевнобольными и их физическое уничтожение.

Аналогичные опыты проводились в годы второй мировой войны и в спецлабораториях милитаристской Японии. Судя по всему, кое-кто хотел бы воскресить эту варварскую практику.

На память приходят вопиющие факты нарушения элементарных человеческих прав, приведенных летом 1977 года в докладе Компартии США. «Заключенные в США — крупнейшая группа людей в мире, подвергающаяся экспериментальному воздействию различными фармакологическими средствами и другим экспериментам, — говорится, в частности, в этом документе. — К заключенным все чаще применяют методы модификации поведения, включая электроток, лекарственную обработку и даже нейрохирургию». В докладе указывается, что во многих тюрьмах, для того чтобы «сломить» заключенных, используются такие химические депрессанты, как таразин, либриум, валиум, проликсан; их подвергают обработке слезоточивым газом «мейс». В школах маленьким детям угнетаемых национальных меньшинств ставят диагноз «потенциальной» агрессивности, стремления к насилию, некоторым из них принудительно производят нейрохирургические операции. В одной из тюрем США медицинский осмотр проводит... ветеринарный врач.

Необычайно острый политический скандал разгорелся летом 1977 года в США в связи с разоблачениями преступных экспериментов над людьми для испытания различных наркотиков, а также других препаратов, пагубно воздействующих на нервную систему и мозг человека. В этой аморальной и безнравственной программе, по заявлению самого шефа ЦРУ С. Тэрнера, участвовало по меньшей мере 80 научно-исследовательских заведений, включая 44 университета, 12 госпиталей и клиник, 3 исправительных учреждения. Операции «Артишок», «МК-ультра», «Мкехта» — все они служили разработке химических, биологических и радиоло-

гических материалов, пригодных для воздействия на психику человека для контроля его поведения. За этими кодовыми названиями скрывались презрение к человеческой личности, предельная жестокость, смерть. Причем, как свидетельствуют новые факты, эти адские опыты под ширмой различных «исследований» ЦРУ продолжает осуществлять и по сей день. Как здесь не вспомнить выступление доктора Р. Каннеса на 118-м съезде медицинской ассоциации в Нью-Йорке в июле 1969 года, который с высокой трибуны заклеил многих членов этой организации, назвав ее «ассоциацией убийц»!

Японская газета «Йомиури» приоткрыла завесу над тайной деятельностью Центрального разведывательного управления США — испытаниях сильнодействующих наркотических средств на военнослужащих в целях «политической и идеологической обработки».

По сведениям газеты, продукцию для экспериментов поставляла американская компания, словно в насмешку именовавшаяся поэтическим именем «Лилли» (штат Индиана), а ведал опытами некий доктор Уиллис Гиббонс.

Позволительно спросить: что думают на сей счет те врачи-психиатры на Западе, которые не упускают случая поразглагольствовать о соблюдении норм медицинской этики и принципов гуманизма?!

Если же вести речь не о мракобесах типа Гиббонса, а об истинных представителях западной медицины, в частности психиатрии, действительно стремящихся применить свой опыт и знания во имя благородной цели помощи больным, то в капиталистическом обществе их возможности крайне ограничены — как в силу нехватки врачей, так и недостатка коек, профилакториев и т. д. Не следует также забывать, что на Западе медицинская помощь — это деньги, деньги и деньги...

И это в то время, когда, по общему признанию, на Западе продолжается неуклонный рост психических заболеваний и неврозов.

Они — закономерное следствие происходившего в последние годы экономического спада с его массовым обнищанием, ростом сексопатологии, наркомании, преступности. С характерным для Запады высоким уровнем безработицы, неуверенностью в завтрашнем дне,

борьбой за выживание, неумной погоней за «преуспеванием». Все это приносит населению большие психологические перегрузки. Так, например, в США результаты исследования, проведенного комиссией по состоянию психического здоровья людей, свидетельствуют, что около 32 миллионов американцев — 15 процентов населения — нуждаются в постоянном психиатрическом наблюдении и лечении. По оценкам специалистов, это больше, чем когда-либо в истории страны.

Только прямые расходы населения, связанные с лечением психических расстройств, исчисляются в 17 миллиардов долларов в год. В стране насчитывается 10 миллионов алкоголиков, свыше полумиллиона американцев — неизлечимые наркоманы.

Острые психозы, неврозы, тяжелые нарушения поведения у подростков, самоубийства — все это, по признанию многих зарубежных ученых-медиков и социологов, стало бичом современного «общества потребления».

Согласно данным другой комиссии, которая по поручению бундестага в течение четырех лет проводила специальное обследование в ФРГ, каждый третий гражданин этой страны страдал или страдает психическим недугом. Число нуждающихся в помощи врача-психиатра достигает 8 миллионов человек!

Как же все эти больные пользуются медицинской помощью? Перед нами газета «Нюрнбергер нахрихтен» за 7 февраля 1976 года. Заголовок гласит: «Тяжелое положение. Острый недостаток психиатрической помощи». В заметке приводится признание профессора Яна Поля, что в нынешних условиях в ФРГ на 100 психических больных, находящихся в стационарах, приходится лишь... один психотерапевт.

Цифра весьма симптоматическая, если принять во внимание, что речь идет о ФРГ — стране высокого, по западным стандартам, экономического потенциала, с традициями классической школы психиатрии.

В условиях непрерывного роста числа душевнобольных существенные изъяны и пороки в области организации психиатрической помощи и лечения на Западе заставляют ученых и деятелей здравоохранения задумываться над многими проблемами.

В частности, выдвигается идея создания психиатрических пунктов помощи, максимально приближенных

к населению, рассматривается аспект быстрой адаптации больных в обществе.

По этому вопросу мы попросили высказаться доктора медицинских наук, заместителя директора Института психиатрии Академии медицинских наук СССР Р. А. Наджарова.

— Советский Союз,— сказал Рубен Александрович,— является пионером в области пересмотра старых концепций преимущественно «больничной психиатрии» и использования методов внебольничного лечения. Специальным приказом Министра здравоохранения СССР запрещено применение какой бы то ни было насильственной методологии.

Истинный гуманизм, стремление помочь больному, вернуть его в общество всегда были отличительными чертами русской и советской психиатрии. Напомню, что еще в период голода и гражданской войны профессор П. Б. Ганнушкин создал систему районных психиатров, которая в последующие годы выросла в психоневрологические диспансеры.

Именно в СССР были заложены и основы ресоциализации, то есть восстановления работоспособности больных, страдающих различными психическими заболеваниями.

В советском законодательстве предусмотрены конкретные меры адаптации больных в обществе с тем, чтобы они могли принимать посильное участие в его жизни.

Так, администрация предприятий создает этим людям определенные условия, например сокращенный рабочий день, и предоставляет удлиненный отпуск. К их услугам учреждения, осуществляющие вторичную профилактику при обострениях болезни (дневные и ночные стационары и т. д.).

Нетрудно понять, насколько ограничены возможности тех энтузиастов, которые хотели бы улучшить систему здравоохранения, в частности психиатрию на Западе.

Может быть, следует объединенными усилиями разрабатывать новые пути лечения и профилактики психических болезней, а не превращать больных в объекты экспериментов, сосредоточить усилия на чисто медицинских задачах.

Что касается советских психиатров, то они принимают активное участие в международных съездах, совещаниях, симпозиумах, посвященных проблемам лечения и реадaptации, и готовы и впредь вносить конструктивный вклад в это общее благородное дело.

Да, этические проблемы медицины заслуживают самого серьезного внимания. В последующих главах мы еще раз более подробно остановимся на этических проблемах медицины, покажем, как на них взирают некоторые «ученые» на Западе.

Лжерадетели

В августе—сентябре 1977 года в Гонолулу состоялся VI Всемирный конгресс психиатров.

В международном аэропорту Гонолулу длинные очереди утомленных многочасовыми перелетами пассажиров покорно выстраивались перед застекленными кабинками иммиграционных чиновников в униформах США. Вырисовывалась весьма безрадостная перспектива томительного ожидания встречи с пограничными властями в душном зале крупнейшего аэровокзала Гавайских островов. Однако не успели еще пассажиры последнего утреннего рейса присоединиться к несметному скопищу туристов, бизнесменов, коммивояжеров, как под сводами тускло освещенного холла прозвучала английская речь: «Группу советских врачей, прибывших для участия в шестом Всемирном конгрессе психиатров, просят быстрее пройти вперед для оформления документов...»

В этом незначительном на первый взгляд эпизоде интуитивно угадывался жест гостеприимства и уважения к заслуженным, широко известным психиатрам из Страны Советов.

Члены делегации советских психиатров Д. Д. Венедиктов, З. А. Бабаян, академики АМН СССР А. В. Снежневский и Г. В. Морозов, профессора Р. А. Наджаров, Н. М. Жариков, А. С. Тиганов и другие один за другим предъявляли свои документы чиновнику-контролеру, который с явным любопытством, а может быть, и пристрастием изучал советские паспорта и въездные ви-

зы, выданные американским посольством в Москве. Столь представительная делегация из СССР прибыла на Гавайские острова впервые за всю их историю. А когда наконец благополучно завершился и таможенный досмотр, девушки в колоритных национальных одеждах преподнесли делегатам гирлянды из живых цветов гибискуса и орхидеи — традиционный знак сердечного приветствия, с давних времен существующий на Гавайских островах.

Что ж, по такому доброму началу казалось, что здесь, в самом центре Тихого океана, делегатов должна окружать в дни работы конгресса самая благоприятная атмосфера, действительно способствующая укреплению научных контактов психиатров разных стран. Но, с другой стороны, каждый понимал, что первые эмоции могли оказаться ошибочными. Нельзя было забывать, что за последние годы, начиная с V конгресса в Мехико (1971 г.), против советской психиатрии определенными западными кругами велась разнузданная, ни на чем не основанная кампания. И что особенно настораживало — исполком Всемирной ассоциации психиатров смотрел на эту неблагоприятную возню сквозь пальцы. В ходе работы VI конгресса стало ясно, что исполком оказался на поводу у тех, кто решил научный форум превратить в арену грязных политических инсинуаций, интриг и клеветы на Советский Союз, страны социалистического содружества. Это была настолько заранее спланированная акция, что многие иностранные журналисты, освещавшие работу конгресса, откровенно писали об этом в своих репортажах.

Члены советской делегации — одной из самых представительных на конгрессе — в своих заявлениях еще до его открытия выражали несогласие с некоторыми пунктами повестки дня, особенно с тенденциозной направленностью так называемой «сессии свободной дискуссии». Как отмечала местная газета «Гонолул адвертайзер», «в интервью нашему корреспонденту академик Андрей Снежневский подчеркнул, что советская делегация решительно против такого рода «свободной дискуссии», которая по существу является политической демонстрацией». «В любом случае Снежневский оказался прав».

Безошибочно можно сказать, что запевалами в антинаучном, антисоветском хоре так называемой «сво-

бодной дискуссии» стали представители США Вайнберг и Шредер. В одной с ними упряжке выступали М. Нельсон (США), Дж. Григор (Психиатрический колледж Австралии и Новой Зеландии), просионистски настроенный господин из Великобритании Сидней Блох, прежде всего известный не своими учеными трудами, а откровенной подтасовкой фактов и клеветнической стряпней, и некоторые другие. Кстати сказать, этот антисоветчик вкупе с ему подобным деятелем с Британских островов Ридузем перед самым конгрессом выпустили книгу, состоящую из тенденциозно подобранных клеветнических материалов, искаженных фактов.

Используя психически больных людей в качестве инструмента для достижения грязных политических целей, что уже само по себе является злостным нарушением принципов гуманизма, они шумят теперь о том, что им удалось принять резолюцию, предложенную делегатами от Великобритании. В ней голословно утверждалось, что в СССР и ряде других стран здоровых людей признают больными. Заметим, что эта провокационная резолюция была протащена большинством лишь в два очка.

Надо при этом особо подчеркнуть, что сама машина голосования в этой организации основана на весьма странной системе, когда количество голосов той или иной страны зависит от ее денежного взноса. Такой порядок носит явно антидемократический характер. Как известно, во всех ведущих международных организациях голосование проводится по принципу: одна страна — один голос. Во Всемирной ассоциации психиатров, как это ни парадоксально, голоса элементарно покупаются. Иными словами, например, США имеют 30 голосов, а Нигерия — всего один голос. И как отметил на пресс-конференции советской делегации в Гonoлулу Э. А. Бабаян, если бы голосование носило демократический характер, инициаторы и авторы так называемой резолюции королевского колледжа (Англия) потерпели бы полное фиаско. Но все равно и теперь, подчеркнул советский представитель, моральная победа осталась за силами прогресса, за Советским Союзом. Ведь нашу страну поддержали 33 государства, и лишь 19 выступили против.

Хочется к этому добавить, что во время голосования

не было ни счетной комиссии, ни соответствующих протоколов, а сами бюллетени были демонстративно уничтожены на глазах у изумленных участников заседания. Концы были спрятаны в воду. Советская делегация предложила свою резолюцию о недопустимости случаев преднамеренного использования психически больных лиц в целях политической пропаганды, направленной на раздувание недоверия и враждебности между народами и государствами, и призывающую психиатров различных стран в случае эмиграции психически больных лиц в другие страны по той или иной причине оказывать этим лицам необходимую лечебную помощь. Эту резолюцию даже отказались рассмотреть. Но мы хотим напомнить, что, несмотря на активные антисоветские маневры устроителей конгресса, профессор Ю. М. Саарма (Эстонская ССР) единогласно был избран председателем секции фармакологии, а академик Г. В. Морозов также единогласно избран членом президиума этой секции.

На наш взгляд, необходимо обратить внимание еще на один неблагоприятный маневр тех, кто стоял за спиной организаторов форума. В Гонолулу рядом с настоящими врачами-психиатрами оказалось несколько уголовников и психически неполноценных лиц, которые были наняты и привезены на Гавайи для разжигания страстей и создания нездоровой атмосферы на конгрессе. Возникает резонный вопрос: чьи национальные интересы представляли они на прошедшем конгрессе, за чей счет путешествуют эти лица по городам и весям, раздавая фальшивые векселя на свое «научное» прошлое и настоящее?! И по какому моральному праву, например, уголовно преступным элементам местные власти предоставили помещение для проведения провокационной пресс-конференции в здании высшего административного органа штата Гавайи? Ведь этих лиц не захотела принять даже ассоциация владельцев отелей в Гонолулу — сугубо коммерческая организация!

Более того, на вопрос советского представителя, «могли бы, уважаемые коллеги, представить доказательства экспертов о том, что вышеуказанные лица вполне здоровы», никто из этих коллег не отважился подойти к микрофону и сказать что-либо вразумительное. Тогда от имени Всесоюзного общества невропатоло-

логов-психиатров Советского Союза советский делегат Э. А. Бабаян потребовал продемонстрировать судебно-психиатрические заключения, подписанные известными зарубежными психиатрами или хотя бы их письменные заключения конкретно на тех психически больных, которые в западной печати объявлены «психически больными из политических соображений». Увы! Президент Американской ассоциации психиатров, уже упоминавшийся выше г-н Вайнберг заявил, что в его распоряжении таких документов нет. Вздорность обвинения была для всех более чем очевидна.

Мы твердо уверены в том, что вся эта нечистоплотная затея была нацелена на то, чтобы получить возможность вмешаться во внутренние дела Советского Союза, а также для своеобразной «защиты» горстки так называемых «инакомыслящих», которые ведут внутри нашего государства антиобщественную, нередко шпионскую деятельность, направленную на подрыв государственного строя.

Однако давайте еще раз мысленно вернемся в холлы гостиницы «Шератон-Вайкики», где проходил VI конгресс Всемирной ассоциации психиатров. Вернемся и зададим его устроителям еще целый ряд вопросов. На каком основании, например, во время работы конгресса члены отдельных западных делегаций, а заодно с ними и подозрительные лица из так называемого агентства «Смелоскуп» весьма бесцеремонно пытались распространять среди участников научного форума письменные заявления и воззвания уголовников и отщепенцев? На чьи средства издавалась вся эта подметная макулатура в стиле худших времен «холодной войны»? По какому праву уголовные преступники допускались в пресс-центр, где на столах и стендах также демонстрировались антисоветские, не имеющие ничего общего с настоящей психиатрией издания, сострепанные под руководством агентов «плаща и кинжала»?

Советская делегация в этой связи заявила официальный протест, но весь этот набор недобросовестных, дурно пахнущих брошюр и листовок оставался лежать на столах в кулуарах до окончания конгресса. Разве сам по себе этот факт не говорит о той позиции, которую заняли хозяева форума? Добавим, что покровительствовал на конгрессе лицам душевно больным

с уголовным прошлым не кто иной, как сотрудник одного из официальных органов США некто Хартли.

Мы вправе также поинтересоваться у руководителей пресс-центра, кто пригласил на этот представительный форум радиодиверсантов из мюнхенской «Свободы», ведущей разнузданную кампанию против Советского Союза и стран социалистического содружества. Разве можно было ожидать от тех, кто в годы войны сотрудничал с фашистами, а сегодня кормится за счет спецслужб США, объективного освещения работы конгресса? Что происходит, господа хорошие?! Кто дал вам право превращать научный форум, призванный, по идее, способствовать расширению и углублению контактов между психиатрами, в арену оголтелой демагогии и спекуляции?! Кто стал покровителем клеветников, которые во время работы конгресса пытались оболгать ведущих советских психиатров, подтасовывая и фальсифицируя факты?!

Нам представляется совершенно справедливым искреннее заявление одного из американских психиатров, участника конгресса, о том, что судебные органы соответствующих стран должны разобраться в недозволенных выпадах некоторых делегатов и привлечь их к ответственности.

Советские психиатры постоянно подчеркивают, что в силу специфики психических заболеваний особенно остро в наше время встают проблемы соблюдения этических норм в психиатрии и принципов гуманизма. Советская делегация представила специальный доклад по проблемам этики, который, по признанию многих ученых, выгодно отличался от других сообщений. Дело в том, что все этические нормы в Советском Союзе неразрывно связаны с правовыми основами и закреплены законами. В других странах Запада такого положения в практике никогда не было и нет. Зато театрально поразглагольствовать на сей счет в этих государствах особенно любят отдельные врачи-психиатры, связывая эту в высшей степени деликатную проблему с «особыми правами» больных людей. Но когда дело доходит до практических мероприятий, до реальной действительности, то это выглядит в лучшем случае пустым резонерством, чистой демагогией. Более того, как свидетельствуют непреложные факты, так называемые «ученые мужи» в плане чисто практическом не гнуша-

ются при любом удобном случае использовать психически больных людей в провокационных антисоветских целях.

А как расценить, например, предложение американской делегации о создании некоего специального «комитета», который являлся бы своеобразной надстройкой для политического вмешательства во внутренние дела национальных ассоциаций психиатров?

Как подчеркивали на конгрессе в Гонолулу советские ученые, лица, которые проходили лечение в наших психиатрических больницах и затем по тем или иным причинам выехали за границу, снова оказывались в психиатрических клиниках. Так случилось, например, с Львом Константиновым, который лечился в Советском Союзе от шизофрении, а затем, оказавшись в Вене, прямым ходом угодил в психиатрическую лечебницу. По поводу этого случая газета «Фольксштимме» писала: «Судьба Константинова убедительно разоблачает лживость распространенных на Западе средствами массовой информации утверждений о неких советских «психотюрьмах». И одновременно она служит обвинительным актом всем тем, кто пытается нажить политический капитал на страданиях тяжело больных».

Вся эта фальшь могла бы быть легко разоблачена публикацией историй болезни всех тех, кого западная пропаганда с удивительной настойчивостью преподносит в качестве «здоровых инакомыслящих», начиная от душевно больного уголовника В. Файнберга до того же Л. Плюща, которого прихватили с собой в Гонолулу противники профессионального сотрудничества и разрядки. Однако наши ученые считали и считают, что публикация историй болезни в открытой печати нарушила бы врачебную тайну.

Во время секционных докладов и дискуссий в Гонолулу мы, советские журналисты, слышали немало добрых отзывов о советских психиатрах — многотысячном отряде советских медицинских работников. Многие зарубежные коллеги, побывавшие в СССР, давали высокую оценку заключениям экспертов-психиатров, с которыми им пришлось познакомиться в Институте имени Сербского и других лечебных учреждениях. В частности, недавно в нашей стране по приглашению Министерства здравоохранения СССР гостила

делегация известных врачей-психиатров Австрии во главе с вице-президентом Австрийского общества невропатологов и психиатров, профессором Харрером. После посещения многих психиатрических больниц, лабораторий Харрер подчеркнул, что во время поездки по Советскому Союзу делегация познала очень многое. Он осудил заявления неосведомленных деятелей о преследовании так называемых «диссидентов» в СССР и принудительном содержании этих лиц в психиатрических больницах. Профессор Харрер также отметил, что национальное общество психиатров Австрии отклонило требование «Эмнисти интернэшнал» в связи с VI конгрессом психиатров в Гонолулу принять резолюцию против Советского Союза. Он сказал: «После всего, что мы увидели в СССР, выражаем удовлетворение, что мы приняли такое решение». А участник конгресса видный психиатр из Швеции К. Блумквист заявил: «Я и многие коллеги изучали вопросы, связанные с так называемыми «советскими «диссидентами», которые были помещены в психиатрические лечебницы. И что же? Мы убедились, что эти лица действительно оказались психически неполноценными».

Конгресс в Гонолулу показал, что кое-кому на Западе невыгодно признавать успехи советской психиатрии, что на ее фоне слишком уж контрастным является тяжелое положение больных в странах капитала. Вот и стараются эти ломовики от науки сеять вокруг себя самые невероятные мифы о советской психиатрии. Советские ученые ни в коей мере не умаляют роли и практической ценности деятельности прогрессивно мыслящих психиатров западных государств. Достоин лишь сожаления, что некоторые недалёковидные ученые, поддавшись минутной слабости или беспардонной агитации просионистского лобби конгресса США, оказались причастными к заранее спланированным политическим интригам.

Но как бы ни старались участники антисоветской игры использовать больных людей в своих целях, советские психиатры со всей убежденностью будут отстаивать благородные принципы гуманизма и этики, решительно осуждая тех, кто преднамеренно передергивает факты, создает провокационную шумиху, вносит раскол в единство ученых-психиатров, уводит общественность в сторону от решения действительно на-

сущных задач современной медицины и всеми силами стремится затормозить благоприятно развивающийся процесс разрядки напряженности, роста доверия и сотрудничества между народами.

«Дух Оноды»

Нас познакомило с ним японское телевидение. На газетных страницах казалось, что его портрету чего-то недостает. А когда он сделал первый шаг в экране телевизора, мы поняли: не хватало движения. Черно-белая маска сменилась живыми гримасами лица: сразу заговорили глаза, прочитались морщинки, появились капельки пота на скошенном от напряжения лбу. Человек как человек, ничего особенного. А когда заговорил, ублажая адский нетерпеливый ажиотаж журналистов, — да простят натурализм! — слюна мыльной пены вдруг запузырилась в уголках его перекошенного рта и обильно увлажнила репортерские микрофоны. Стало до тошноты противно смотреть на эту сцену, а пришлось. Такое зрелище уникально по своей сути.

В Японию, на родину, вернулся самурай. Вернулся ровно через 29 лет и три месяца. Прилетел с Филиппин. Блудный лейтенант императорской армии Онода был представлен миллионам ошарашенных японских зрителей сразу по всем семи телевизионным каналам.

Ранее в японской прессе уже появлялись сообщения о том, что на филиппинском острове Лубанг обнаружены следы бывшего японского лейтенанта Хироо Оноды, который считал, что война еще продолжается, так как старший офицер не дал ему приказа сдаться в плен. Те, кому положено, знали этого старшего офицера. Но до поры до времени в Токио скрывали имя майора Танигути. Именно он в конце 1944 года вызвал в свой кабинет лейтенанта Оноду и приказал: «Вы укроетесь в горной местности острова Лубанг. В задачу вверенной вам группы входит: сбор информации о противнике, террористические акции, диверсии на американских взлетных полосах. Вы должны подготовить все для нашего возвращения на Лубанг. Помните заповедь: «Японский солдат обязан уметь противопоставить

свое доблестное воинское искусство численности врага, а свое тело — вражеской стали». Мы вернемся! Этот приказ могу отменить только я!»

Онода склонил голову и щелкнул каблуками.

Онода прибыл на Лубанг с отрядом солдат. Численность его подразделения достигала семидесяти человек. К началу 1946 года, когда американцы провели на острове несколько рейдов, часть солдат Оноды была убита, 40 человек сдались в плен. Онода и трое его ближайших подручных укрылись в джунглях.

К тому дню, когда на борту линкора «Миссури» Япония подписала акт о своей безоговорочной капитуляции, на ее заморских территориях оставалось около 5 миллионов японских, тайваньских и корейских солдат. К концу 1946 года большинство из них возвратилось домой. По сведениям японских властей, примерно 3600 человек, которые были живы к моменту капитуляции, так и не вернулись на родину. Полагали, что около 150 солдат могли по-прежнему скрываться в джунглях тихоокеанских островов.

Первые послевоенные годы... Десятки, сотни солдат добираются до Японии пароходами и самолетами.

Но постепенно этот поток людей с очень схожими биографиями начинает иссякать. Полагают, что Онода стал самым последним пленником джунглей, вернувшимся на родину.

Теперь он стоял во весь рост, упираясь бритой головой в верхний срез экрана телевизора, на фоне реактивного самолета японской авиакомпании «Джал», в лучах солнца и навалившейся славы. Стоял и выплевывал в торчащие со всех сторон, словно иглы дикобраза, микрофоны зазубренные фразы о верности отчизне, императору и так далее, и тому подобное.

Не ошибемся, сказав, что ни в своем волчьем логове на Лубанге, ни на летном поле международного токийского аэропорта Ханэда бывший лейтенант императорской армии не ведал, что станет неким знаменем, щитом в руках определенной категории власть имущих в Японии. Впрочем, возможно, они не просто сделали его своим идолом, а сами придумали... Создали для себя, для своих корыстных нужд и целей! Гипотеза? Возможно. Но не лишенная оснований. Уж слишком рьяно с места в карьер взялись иные причастные к делу господства превозносить дух Оноды. Вот, мол, с кого следует

брать пример! Вот он, наш герой-современник! Обезьяны, питоны, тигры, лианы, папоротники, погони, засады, таинственные знаки, ночные шорохи. Добровольный пленник джунглей с тридцатилетним стажем, самурайский клинок, обрез, выцветшая гимнастерка, опорки на ногах и «стальное» сердце императорского солдата. Учитесь у лейтенанта Оноды! Где ваши лучшие помыслы? Бросайте думать о благах жизни. Жгите в кострах прогрессивные книги, забудьте про мирную конституцию, вооружайтесь! Пора смыть позор поражений в прошлой войне...

Стоп! Уже до оскомины на зубах знаком мотивчик этих заливчатских перепевов. Его сочинил не кто иной, как Юкио Мисима, вспоровший себе живот в штабе японских сил самообороны. Это он призывал к возрождению японскую армию, требовал уничтожить мирную конституцию, проповедовал смерть за императора, возводил в почет все, что связано с убийством, насилием, считал своим кумиром Гитлера и насаждал «самурайский дух». Главарь ультраправых Мисима совершил харакири 25 ноября 1970 года. В мае 1974 года словосочетание «самурайский дух» претерпело незначительное изменение, но содержание осталось прежним: «дух Оноды».

Подгримированная физиономия самурая глядит белозубым оскалом на читателей модных журналов, иллюстрированные еженедельники демонстрируют его в окружении родных, односельчан, знакомых. Он на госпитальной койке, в вагоне поезда, в автомашине, в храме, на прогулке, за завтраком, за туалетом. В профиль, анфас, затылок. В кимоно, в вечернем костюме, юкате. Улыбка, грусть, размышления. Да, ему есть о чем вспомнить. Биография «богатая»...

1944 год. Онода поступает в «отряд № 33». Его тренижные классы полны препятствий, спрятаны от посторонних глаз в глухой местности недалеко от Токио в префектуре Сидзуока. Здесь шпионско-диверсионная школа «Футамата».

От многих других курсантов школы Онода отличался тем, что принадлежал к «среднему классу». Он это подчеркивал всякий раз, когда приходилось иметь дело с однокашниками из сословия крестьян-бедняков. Курс обучения — сокращенная программа. Всего три месяца. Приходилось торопиться. Помимо чисто япон-

ского военного искусства Онода осваивает английский язык и изучает опыт ведения партизанской войны советских партизан в тылу гитлеровских войск (!). Готовят к возможному длительному пребыванию в одиночестве, к выполнению своей диверсионной работы независимо от того, в каком состоянии находится регулярная армия, что происходит на фронте.

На свидетельствах о рождении выпускников для полной конспирации не были обозначены их имена.

К концу третьего месяца Онода стал мастером своего дела, и, в награду за особые успехи в познании «кодекса самурайской чести», его забрасывают на тихоокеанский театр военных действий — на остров Лубанг. Последний приказ самурай Онода получает, как мы уже знаем, от самурая Танигути.

Тогда, весной 1946 года, на Лубанге и других тихоокеанских островах, американцы с переводчиками-японцами через мегафоны зывали к укрывшимся японским солдатам, предлагая им выйти из берлог. «Япония капитулировала! Прекращайте бессмысленное сопротивление и складывайте оружие!» Эхо многократно повторяло этот призыв. Наконец 40 солдат, находившихся под началом Оноды, бросили своего предводителя и сложили оружие.

Онода остается глух и нем. Вместе с ним младший унтер-офицер Симада, рядовые 1-го класса Акацу и Косука.

В 1951 году у Акацу не выдерживают нервы. Он сдается властям.

В мае 1954 года отряд вступает в перестрелку с подразделениями филиппинцев. Силы неравные. Симада с простреленной головой остается лежать в горном ущелье. Наступает июнь. Из Японии на Лубанг прибывает делегация для «спасения» Оноды и Косуки. Напрасно! 1959-й год отмечен усилением поисков — несколько групп японцев, включая родственников Оноды, побывали на Лубанге. Никаких результатов! В 1972 году полицейский патруль нападает на след Оноды и его спутника. Завязывается перестрелка. Мать Косуки получает тело своего сына и привозит его в Японию. И снова в 1973 году на Лубанг приезжают престарелый отец и брат Оноды. Несколько недель проводят в жарких и влажных джунглях, надеясь расшевелить сердце Оноды. С помощью переносного гром-

когоговорителя они умоляли своего беглого родственника объявиться и предстать перед престарелыми родителями. Онода обещали всепрощение, полную свободу и жизнь без притеснений. Этот деликатный вопрос был закулисно согласован с филиппинскими властями, так как официально Онода числился в списках противников, совершавших в годы войны акты насилия против филиппинского народа. Но лейтенант оставался глух и нем... Ведь ему вдалбливали, что он не имеет права нарушать ни один приказ. Он должен жечь, убивать, взрывать, а не поддаваться на слащавые речи даже своего родного отца!

Оглушенный милитаристской пропагандой, он еще верил, что его армия придет за ним и вызволит из лесного плена. Известен случай: когда в 1960 году на острове Гуам обнаружили двух японских солдат и привезли в Японию, они забились в истерику, увидев себя на военном аэродроме США. Бывшие солдаты императорской армии решили, что они на земле, которую захватил их противник. На самом деле американцы высадили их на своей авиабазе близ Токио.

Онода продолжает совершать набеги на деревни, чтобы раздобыть продукты питания, прибрать к рукам все, что плохо лежит — тапочки, крестьянскую куртку, ремешок для обтрепанных штанов. Однажды ему повезло: кто-то оставил на терраске дома транзисторный приемник... Еще в школе диверсантов Оноду обучили обращению с армейской радиоаппаратурой. Этот приемник оказался даже более примитивным, более простым в обращении. С тех пор беглец получил возможность слушать мир. Он понимал, что все изменилось, что и Япония уже не та, но...

В феврале 1974 года на Лубанг приехал бывший студент Норио Судзуки. Он разбил палатку на опушке леса и стал ждать. Как-то под вечер Судзуки готовил на костре ужин. Погода была тихая, джунгли молчали. Вдруг где-то хрустнула веточка. Судзуки насторожился, повернул голову и замер: перед ним стоял человек в истрепанной униформе, с винтовкой наперевес. Почти инстинктивно Судзуки спросил по-японски:

— Вы будете Онода-сан?!

Незнакомец кивнул головой. Потом приблизился, соблазненный запахом вареного риса, мяса и соевой подливки. Присел. Завязался разговор. Судзуки назвал

Оноду «героем, который умеет выполнять приказы». Онода распустил слюни. Потом сказал:

— Да, майор Танигути приказал умереть, но не выдать своего присутствия...

— А если майор прилетит на Лубанг и отменит свой приказ? — спросил Судзуки.

— Тогда иное дело...

10 марта 1974 года свой пришел к своему. 63-летний Танигути прилетел на Лубанг, чтобы отдать, наконец, приказ Оноде сложить оружие.

«Фарсом бумажных комедиантов» назвал эту сцену один из честных японских журналистов. На безлюдном горном склоне, в кровавых отблесках тропического заката друг перед другом стояли двое — бывший начальник и бывший подчиненный бывшей императорской армии. Все «бывшие». Ветер трепал остатки бывшей шевелюры на голове Оноды, хлестал полусгнившим ремешком карабина по трясущейся руке своего бывшего хозяина. Две тени поверженной армии, не узнавая друг друга (за давностью?!), пялили глаза в темноте, продолжая разыгрывать затянувшийся из-за технических огрехов сценарий спектакля... «Бывшего» требовалось в одночасье приподнять над толпой. Ни полслова о том, что на счету бывшего отряда, которым командовал Онода, десятки расстрелянных и замученных филиппинцев. Ни слова, ни намек на мародерство, насилия, зверства. В собственной вотчине куда проще обстригать любое, даже самое грязное дельце. Онода раздает интервью, вздыхает с непрошено набегающей слезой о своих погибших самураях Симаре, Акацу, Косука... Да, на чужбине он тосковал по близким, мечтал увидеть родину, но... «самурайский дух»! Он подавлял желание, вставал превыше эмоций и сентиментов...

И вот ему уже предлагают наперебой руку, сердце дамы света и полусвета. Сколачиваются из «ниоткуда» появившиеся средства «фонда Оноды». Графоманы посвящают ему стихи в японском жанре «хайку», поэты сравнивают его с умытой дождями весной, прозаики числят «совестью нации». Он совершает поездку в местечко Хамамацу префектуры Сидзуока, где встречается со своими однокашниками по разведшколе «Футамата». Добрая сотня бывших диверсантов хлопает носами, проливая обильные слезы умиления во

время церемонии открытия монумента, гранит которого, по идее организаторов этой затеи, должен увековечить «подвиги» Оноды и прочих выпускников школы «Футамата».

К торжествам были допущены лишь избранные. На церемонии раздавались боевые призывы, игрались военные марши... Наконец Оноду оставляют в покое, предоставив возможность отбыть в свои пенаты. На время от его имени и за него вещает только брат. Тот самый Тосире, который блуждал по джунглям на Лубанге с ручным мегафоном.

Да, томно прикрыв глаза, ощущая в собственном теле частицу перепавшей славы, рассуждает Тосире, наша семья выразила благодарность властям за помощь в поисках дорогого Оноды. Мы были приняты на самых верхах... Нам оказали честь самые, самые... Мы позволим брату совершить поездку на Лубанг. Он хочет отблагодарить местные власти (читай: замести следы совершенных преступлений). Что касается трудоустройства, то наша семья намерена обеспечить его какой-нибудь работой. Правда, пока нам еще не ясно, согласится ли он что-либо делать или нет... Но Онода не собирался отягощать себя общественно полезным трудом. Уж кто-кто, а он-то, прожив некоторое время в Японии, понял, что сама по себе его роль, само по себе его имя двадцать четыре часа в сутки работают на определенную категорию влиятельных лиц. И не он должен их благодарить за вызволение из зелено-лианового плена, а они его, причем пожизненно, за то, что он, Онода, бывший солдат императорской армии, вместе со своим обрезом передал любителям острых ощущений самое ценное для них оружие — «дух Оноды».

До чего же был прав автор статьи в «Майнити дейли ньюс», озаглавленной «Консерваторы плывут по волнам ностальгии», который писал: «Судя по всему, консерваторам с сенсационным возвращением Оноды просто повезло... Он уже обласкан, купается в ореоле славы. Он стал предметом для подражания и напоминанием того, каким был (должен быть!) японец». В этой цитате следует пояснить лишь один момент. Почему автор считает, что консерваторам подфартило с возвращением Оноды? Да потому, что либерал-демократы как раз в то время развернули активную предвыбор-

ную кампанию. В ловких руках определенной группы правящей либерал-демократической партии Онода сразу же стал знаменем, под которым она повела борьбу за кресла в парламенте.

Мечтал ли Онода угодить из своего тропического изолятора в самую гущу столичных политических страстей и баталий? Думал ли он тридцать лет назад, что с его именем на устах облаченные во фракционные пары кандидаты будут переступать порог парламента? Автор статьи в газете «Майнити дейли ньюс» точно проанализировал, каким образом и под каким соусом можно наиболее выгодно продать избирателям образ бывшего лейтенанта, чтобы завоевать их голоса. Ссылаясь на беседу с кандидатами, он приходит к выводу: рост цен, инфляция, мизерные фонды на социальные нужды, жилищное неустройство — вот примерный комплекс вопросов, от которых участники предвыборной гонки должны отбиваться во время поездок по стране. Нужен внушительный противовес. Гарантировать снижение цен, прекращение инфляции, улучшение пенсионного обеспечения никто в условиях бушующей стихии японского общества, естественно, не может. А вот исподволь заронить в души избирателей трогательный рассказ о мужестве, выдержке, самопожертвовании, наконец, о чистом пуританстве — это сколько угодно. А он — Онода — авторитет. Ссылаться на него повелел сам всевышний...

Как заявил один из правых членов парламента, «Онода — герой, и благодаря ему я горжусь, что я тоже японец».

Молодой парламентарий-консерватор Т. Конода от префектуры Ямагата пошел еще дальше. Он и дня не рискует прожить без размышлений о «подвиге Оноды». Он глаголет: «Стоит мне лишь мысленно представить его образ, как некие высокие чувства овладевают всем моим духом и телом. Я впитываю благотворный бальзам флюидов, прилетающих ко мне от бывшего лейтенанта Оноды». Далее выясняется субстанция онодовских флюидов. «Онода вел в джунглях спартанский образ жизни, — вещает доморощенный философ Т. Конода, — а я убежден: когда профсоюзники выходят на демонстрации, требуя повышения зарплаты, они становятся на антисоциалистический, неверный путь».

Пожонглировав разнородными модными словечками для саморекламы, Т. Конода утверждает, что «коммунисты заблуждаются, требуя равноправия в обществе». И снова: «Весенняя борьба японских трудящихся за свои права антинародна. У них и так хорошая зарплата, чего им еще нужно? Возьмите, например, Оноду...» Как-то в газетах появилась заметка о том, что бывший лейтенант Онода изволил слегка приболеть. Телеграфное агентство Киодо немедленно разъяснило, что предаваться панике еще рано, что это обычная простуда уложила Оноду в постель. Дней на десять, не больше.

Прочитав бюллетень о состоянии здоровья Оноды, мы попросили знакомого газетчика прокомментировать его.

— Ничего удивительного, — сказал тот. — Онода им крайне нужен. Пусть, мол, избиратели видят, сколь душевно относятся к Оноде консерваторы. Реклама. Тонкий расчет.

— Но рекламу за чистую идею ваши газеты не печатают. Каждая строчка стоит тысячи иен!

— Разумеется. Так ведь один черт, деньги идут из партийной кассы консерваторов, а не из личного кармана. Для них казна пустой никогда не бывает. Монополии не скупятся. Торгуют приемниками, холодильниками, виски и отваливают чистоганом от прибыли. Рука, как говорится, руку моет. А газетам безразлично, что рекламировать: виски или Оноду. Лишь бы платили.

А жаль, что в нынешней Японии есть люди, с поразительным упорством путающие завязтых военных преступников с подлинными героями. Когда представляешь себе, что от лейтенанта Оноды до реакционно настроенного парламентария Т. Коноды всего один шаг, право, делается не по себе.

Онода сорвал со своего «подвига» все, что мог. Издав книгу с его «воспоминаниями», издательства в Японии, США и некоторых других странах неплохо подзаработали. Но его прибыли оказались намного выше, если учесть, сколько ему отвалили консерваторы, победившие в парламентской борьбе. Онода разбогател, побродил по свету (опять-таки с «героическими» рассказами о своих разбойничьих похождениях), округлился в лице, пополнил гардероб ультрасовремен-

ной одеждой. Он вырядился как петух в ярко-красный пиджак, кружевную рубашу, ботинки на высоком каблуке и пошел гулять по ночным заведениям. Кутил долго. Но везде оставался «героем». Так хотела правящая партия.

И вот однажды он услышал, что найденный на острове Гуам в 1972 году такой же «бывший», как и он, воспользовался своим именем — его звали Йокоу — и стал совершать челночные рейды от одной японской фирмы в Бразилию. «Нагрузка» небольшая, а деньги падают в карман буквально с неба... И бывший шпион-диверсант, мародер и убийца наряжается в костюм коммивояжера.

Но вскоре Оноде подвернулось еще более выгодное предприятие: ему предложили в Бразилии «должность»... землевладельца. Вот так, землевладельца!

Отыскалась, видите ли, «добрая душа», решившая безвозмездно помочь Оноде. Однако смысл этого предприятия, как считают трезво мыслящие наблюдатели, заключается в ином. Появление Оноды в Японии совпало по времени с началом активного флирта Пекина с Токио. А, как известно, по замыслам китайского руководства, важным звеном в цепи антисоветской стратегии должен был стать договор с Японией. И как только этот договор осенью 1978 года был подписан, в Токио один за другим зачастили высокие военные чины, а Пекин стал принимать военные делегации. Например, в Китай выезжала группа из трех видных японских милитаристов — генерал ВВС в отставке Танака, который является одной из ведущих фигур в области самолетостроения, бывший генерал Окавара (специалист по электронике) и конструктор ракетного оружия Одзава. Цель поездки — укрепление японо-китайского альянса в военно-технической области.

Казалось бы, при чем тут Онода? Онода тоже специалист. Только в иной области. В соответствующих подразделениях японских секретных служб подумали и решили: во-первых, на какой-то срок его надо убрать из Японии, дабы не раскрылись его тайные сделки с либерал-демократами; во-вторых, есть основания полагать, что филиппинские власти в конце концов могут предъявить ему обвинительный акт за 34 убитых, сотни раненых филиппинцев, за грабежи, изнасилование, поджоги домов; в-третьих, Онода может за-

няться исподволь подготовкой себе подобных пока и на чужбине. Ведь для японо-китайского альянса, по убеждениям японской военщины, нужны и диверсанты типа Оноды. А они на улице не валяются, их надо готовить заранее, не спеша. Сегодня Онода проводит «работу» среди таких же, как он, японских эмигрантов, в разные годы и в большом числе перебравшихся в Бразилию. А появится нужда — его мигом перебросят куда-нибудь в горный район под Токио в существующую по сей день шпионско-диверсионную школу. Японским милитаристам позарез нужны оноды-наставники! Да и Пекин в них тоже кровно заинтересован...

Лицо фашистского

призрака

На Западе сейчас в ходу утверждения о том, что поскольку со смертью Франко приказала долго жить последняя открыто запрограммированная фашистская диктатура, то потеряла свою актуальность и проблема неофашизма. Вряд ли стоит много говорить о том, что подобные успокоительные заявления представляют собой сознательную дезинформацию. И потому, что физическая смерть Франко не означает автоматического и моментального уничтожения франкистского режима в Испании. И потому, что хунта Пиночета ставит новые «рекорды» беззаконий и фашистских бесчинств в Чили. И потому, наконец, что если иметь в виду неофашизм, то он, как правило, не рекламирует себя официально, а маскируется. Более того, в условиях международной разрядки и роста влияния демократических сил фашистская реакция действует всё наглее. Ее следы ведут к заговорам, убийствам из-за угла, уличным погромам, к разбойничьим налетам.

Именно такие формы «деятельности» характерны в настоящее время для неофашизма. Не просто установить связь между «Португальской армией освобож-

дения» (ПАО) и иностранными наемниками, между фашистско-монархическим «Итальянским социальным движением» и «четвертой партией» в ФРГ, которую намеревается использовать как свое «секретное оружие» Франц-Иозеф Штраус. Но такая связь существует, и она устанавливалась и отрабатывалась в течение ряда лет.

Особенную тревогу у прогрессивной общественности вызывает тенденция нынешних неофашистов объединиться в международном масштабе, создать свой центр, или, как его назвал итальянский еженедельник «Темпо», «черный интернационал». По свидетельству западной печати, это логово неофашизма переместилось временно в Барселону.

«Нас хотят уничтожить, но это не удастся. Нас пытаются назвать по именам, но не могут. У Европы сегодня нет спинного хребта. Оказаться в ее тюрьмах или на скамье подсудимых было бы позором. Надо стрелять и незаметно уходить в подполье».

Таков последний приказ «черного интернационала», текст которого один из агентов Интерпола (международная криминальная полиция.— Авт.), как писал уже упоминавшийся нами еженедельник «Темпо», получил от итальянского фашиста Марио Тути, скрывающегося от правосудия по обвинению в убийстве двух полицейских... Приказ был отдан в Барселоне. Когда? Интерпол предполагает, что это случилось или 5 декабря 1974 или же 10 января 1975 года. Именно поэтому уголовная полиция особенно внимательно изучала списки пассажиров, прибывших в те дни из Мюнхена, Парижа и Милана в Барселону.

Но почему Барселона? В свое время один из лидеров ИСД — итальянской неофашистской партии — заявил о существовании «национал-революционного интернационала, объединяющего все правозэкстремистские группы», хотя и отрицал, что он имеет свою постоянную резиденцию, органы печати и секретариат. А вот, по сведениям Интерпола, у «черного интернационала» есть и постоянная резиденция, и секретариат. И находятся они в Барселоне. Именно здесь проходили «съезды» фашистских экстремистов; здесь отсиживались и, может быть, отсиживаются преступники-экстремисты; здесь издаются подпольные фашистские листки. Короче говоря, испанский город занял место

«столицы» в клубке «черных заговоров». Вот почему первые телеграммы, касающиеся розыска Марио Тути, пришли в Барселону... И он действительно обосновался здесь, этот убийца, ставший вдруг «знаменитым» и заботливо опекаемым...

На каких ролях состоит Марио Тути в «черном интернационале»? И вообще, кто они, эти люди, составляющие основное ядро международной фашистской организации? Итальянский еженедельник собрал на этот счет довольно много сведений от частных лиц, от общественных и иных организаций. «Черный интернационал», — говорится в одном из документов Интерпола, — объединяет, инструктирует и направляет деятельность основных неофашистских организаций в Европе и их южноамериканских и южноафриканских коллег...» «Это не секта, — указывается в другом документе Интерпола, который цитирует «Темпо», — а конфедерация фашистских течений, которые не имеют выработанной программы и действуют тайно ради достижения поставленных перед собой целей».

Можем добавить, что эта организация родилась из течений и группировок, которые остались после разгрома немецкого и итальянского фашизма. Основателем «черного интернационала» считается французский нацист Морис Бардеш, который созвал в Риме в 1950 году первый «съезд» «европейских национальных течений». На этом сборище присутствовали, в частности, представители «немецкого социального движения» (ФРГ) во главе с неким Пристером, «новошведского движения», «итальянского социального движения» и французского движения «новый порядок», возглавлявшегося самим Бардешом. С тех пор неофашистские сборища представителей правозэкстремистских течений некоторых европейских стран собираются более или менее регулярно, хотя не всегда информация об этих «симпозиумах» попадает в печать. Так, например, в 1970 году один из лидеров итальянской неофашистской молодежной организации, примыкающей к ИСД, — Массимо Андерсон заявил, что в 1969 году состоялось заседание европейского фашистского слета и что на нем были представлены, в частности, греческое «движение четвертого марта», испанские ультраправые круги, группирующиеся вокруг реакционного журнала «Фуэрсэ нуэва», португальская фашистская

организация «авангардия» и французская «новый порядок». С помощью специального бюллетеня представители европейского неофашизма предприняли попытку наладить «единство языка и единство действий» между ними... В 1972 и 1973 годах подобные встречи проходили недалеко от Мюнхена, в городе Планнече. Все теории фашизма, расизма вообще, антикоммунизм, ненависть к демократии — вот тот оселок, на котором проверяют готовность тех или иных течений к «решительным действиям». Какие это течения? О них также рассказал еженедельник «Темпо».

«...Среди итальянских группировок правозкстремистского толка, которые входят в «черный интернационал», известны: «новый порядок», «черный порядок», «революционный фашистский фронт» (им руководил упоминавшийся Марио Тути), «пророки террора», «черный отряд», «ангелы отмщения», «Бенито Муссолини-8», «группа черных партизан», «динамитчики», «национальный комитет Италия порядка»... Наиболее значительные иностранные группировки, входящие в «черный интернационал», это: «новый порядок» (Марсель), «тужур» (Дьеп), «Гитлер» (Париж и Лондон), «порядок и традиции» (Лиссабон, Мадрид, Сантьяго), «Нитцше» (Афины, Токио, Сингапур), «ахтунг» (Мюнхен, Амстердам, Брюссель).

Участие в «черном интернационале» пока не конкретизировано никаким официальным документом. Однако известно, что его «генеральный штаб» состоит из 32 человек. Среди них семь итальянцев: Стефано делье Кьяйе — один из приближенных нынешнего секретаря ИСД Альмиранте, Элио Массигранде — один из фашистских боевиков, арестованный недавно в Греции, Джанкарло Роньони — основатель фашистской газеты «Феникс» и один из террористов, разыскиваемых полицией за взрывы на железных дорогах, Клементе Грациани — один из приближенных «черного князя» Юлио Боргезе, недавно умершего в Испании, Сальваторе Франча — главарь туринской группы «новый порядок», ныне разыскиваемый полицией за террористические акты, и, наконец, Марио Тути из Эмпполи, появившийся на арене черной хроники в связи с убийством двух полицейских. В Барселоне говорят о нем как о персонаже, «который весьма высоко ценится в международных фашистских кругах»...

«Но кто же глава «черного интернационала»? Как указывается в документе 26785/Д — «...Номер один фашистской международной организации — это французский журналист Герэн Серак. 40 лет. Длинное лицо, бегающие глаза. В течение десяти лет имел конспиративную квартиру в Лиссабоне по улице Пракас, 15. После падения режима Казтану он бежал в Барселону, прихватив часть имевшегося у него архива. Появляется в Европе под тремя именами: Жан Валентэн, Филип Эрлу или Антуан Пери. Его лучшими друзьями являются бывший капитан СС Роберт Лерой, бывший боевик ОАС Жан Мари Лафорит и некоторые дельцы в Барселоне».

Газета французских коммунистов «Юманите» писала: «Является ли Герэн Серак главой фашистского «интернационала»? Существует ли фашистский «интернационал»? На первый вопрос можно лишь ответить предположительно. На второй — без колебаний утвердительно, поскольку это исторически установленный факт. Тот же черный паук плетет свою сеть от Франкфурта-на-Майне до Лиона, от Рима до Парижа и даже гораздо дальше...» Но что делал Герэн Серак раньше? Известно, что он был капитаном «второго ударного отряда» во время алжирских операций, затем одним из «активистов» французской террористической организации ОАС. После провала алжирского путча Серак создал новую террористическую организацию «ОАС-Метро», которая была вдохновительницей неудавшегося покушения на генерала де Голля в пригороде Пти-Кламар. Однако Герэн Сераку удалось исчезнуть, когда начались массовые аресты оасовцев. Его имя всплыло на страницах печати после падения фашистского режима в Португалии, когда в архивах ПИДЕ — салазаровского гестапо — были обнаружены документы, свидетельствующие о том, что Серак работал и на ПИДЕ и на ЦРУ, которые были тесно связаны между собой. Длительное время бывший оасовец возглавлял «агентство печати» под названием «Алжинтер-пресс», которое служило прикрытием для международной фашистской организации «порядок и традиции», имеющей свои филиалы в Бонне, Буэнос-Айресе, Женеве, Риме, Вашингтоне, Стокгольме и некоторых других городах.

В настоящее время Герэн Серака, известного боль-

ше не как идеолога неофашистов, а организатора налетов, покушений, различных провокаций, спекулянта оружием, то есть, короче говоря, «практика», состоящего на службе у «черного интернационала», разыскивает полиция. Выдан международный ордер на его арест, хотя это не мешает ему, как пишут некоторые газеты, появляться в Лионе и спокойно разгуливать по Парижу...

Французская контрразведывательная служба в документе, направленном парижской прокуратуре, отмечала: «Факт создания «черного интернационала» стал реальностью после многочисленных слетов, съездов и совещаний фашистских организаций». Вот наиболее важные из них, согласно данным французской контрразведки: 8 апреля 1967 г. — в Аббиатегра-со, близ Милана; 2 мая 1968 г. — в Дьеппе; 8 июня 1968 г. — в Риме; 9 декабря 1968 г. — в Афинах; 7 мая 1969 г. — в Виареджо (Италия); 12 сентября 1969 г. — в Лиссабоне; 10 марта 1971 г. — в Милане; 14 июня 1972 г. — в Мюнхене; 26 ноября 1973 г. — в Амстердаме; 1 марта 1974 г. — в Каттолике (Италия). Основная тема слета на адриатическом берегу Апеннинского полуострова: «Терроризировать бомбами антифашистов. Усилить террористические акты повсеместно. Создать атмосферу напряженности и насилия, используя оправдавшие себя методы незабвенного ОАС...»

В списке французской контрразведки не упоминается слет неофашистов в Барселоне, который, согласно сведениям, полученным Интерполом, состоялся в Барселоне или 5 декабря 1974, или 10 января 1975 года и который «является наиболее важным в истории «черного интернационала». О чем говорили на этом слете? До сих пор точные данные отсутствуют, кроме упоминавшегося приказа: «стрелять и незаметно уходить в подполье». Но из чего стрелять? Откуда у неофашистов оружие? Четыре наиболее крупных торговца оружием в Европе категорически отрицают какие-либо «деловые отношения» с «черным интернационалом». Имеются сведения о том, что оружие закупается через посредников в Швейцарии и Ливане, а также в Чили — у хунты Пиночета. Для «черного интернационала» оружие — вопрос очень важный, ибо оно служит не только для террористических це-

лей, но и для пополнения казны. Неофашисты тайно перепродают его почти всем реакционным режимам. Многочисленные ограбления, в том числе и кража людей с целью получения выкупа, зачастую дело рук «черного интернационала», который пополняет этим способом свою кассу. Имеются сведения о том, что организация эта начала печатать фальшивые доллары. Тайный «монетный двор» находится на небольшой яхте, которая путешествовала недавно по Сене.

Неофашисты, как мы уже говорили, действуют не только на европейском континенте. Они все более активно заявляют о себе за океаном — в Аргентине, Гватемале, Уругвае. Что касается США, то здесь «нацистские партии» пока не очень велики. Но влияние правых, реакционных, расистских сил в Соединенных Штатах весьма велико. Расследование деятельности Центрального разведывательного управления (ЦРУ) приоткрыло тайну части зарубежных грязных операций американской разведки. Но большая половина айсберга осталась под водой. Между тем без участия ЦРУ не обходится ни одно темное дело. В прошлом — это переворот Пиночета в Чили, заговор греческих «черных полковников». Ныне щупальца ЦРУ протянулись к Португалии, Анголе, Испании, Ирану и многим другим местам.

Осенью 1975 года генерал Спинола, руководитель заговора против демократических преобразований в Португалии, совершил турне по Европе. До возвращения в Португалию Спинола жил в Бразилии, где был тесно связан с бывшим губернатором штата Гуанабара Карлусом Ласердой, который, в свою очередь, был другом бывшего работника американской дипломатической службы в Бразилии и посла США в Португалии Фрэнка Карлуччи.

Об этом сообщил итальянский журнал «Эуропео», напечатавший статью «Тень Спинолы — человек с площади Фонтана в Милане». Спинола встречался в Швейцарии с бывшим директором ЦРУ Маккоуном, ныне вице-президентом американской монополии «ИТТ», щедро финансирующей заговорщиков в тех странах, где она видит угрозу своим интересам. Встречался Спинола тайно и со Штраусом. А личный референт Штрауса депутат бундестага ФРГ от ХСС Хепп поддер-

живал контакты с Леруа, главным сотрудником уже упоминавшегося нами оасовца Герэн Серака. Его имя и связано с крупным террористическим актом, организованным итальянскими неонацистами на площади Фонтана в Милане. В данном случае он выступал как один из организаторов заговорщической «португальской армии освобождения» — ПАО. Другой ее организатор — Сабловский, американец из Филадельфии, выполнявший поручения ЦРУ при организации фашистского переворота в Чили.

В ПАО завербовано примерно четыре тысячи человек — португальцев, бежавших после апреля 1974 года из Лиссабона, а также из бывших португальских колоний, в частности из Анголы. Значительную часть «бойцов» ПАО составляют наемники: французы из ОАС, немцы-нацисты, итальянцы. Инструктором в ПАО служит полковник Шрамм, тот самый, который вербовал и возглавлял банды наемников в Конго и в Нигерии.

К этим сведениям, почерпнутым из итальянского журнала, можно добавить сообщения из Анголы. Согласно этим сообщениям в интервенции ЮАР в эту страну участвовали испанские и португальские фашисты, бывшие солдаты американской армии, орудовавшие во Вьетнаме, а также и шраммовские наемники.

Итак, цепь замыкается. Современный неонацизм — ударный отряд мировой реакции. Этот «черный интернационал», тесно связанный с иностранными разведками, главным образом американской, не брезгует никакой черной работой. Его следы обязательно обнаруживаются там, где совершаются преступления против демократических режимов. За примером далеко ходить не надо...

Печать окрестила это происшествие необычно длинно: «одной из самых загадочных политических сенсаций послевоенной Италии». Может быть! Хотя случались истории и похлеще. Убивали из-за угла профсоюзного вожака, который начинал беспокоить ситых земель баронов; взрывался при «загадочных обстоятельствах» самолет президента крупнейшей государственной компании, который начинал «мешать» грабительской политике международных нефтяных «сестер»; расставался с жизнью прокурор,

который начинал слишком открыто намекать на то, что «много знает»...

В тот раз обошлось без убийства. В Генуе украли заместителя прокурора Марио Сосси. Вечером он возвращался домой после работы с большим черным портфелем в руках. Нет, там не было никаких секретов — всего лишь документы о повышении цен на сахар и оливковое масло, находящемся в противоречии с законом. В нескольких шагах от дома судью ожидал «ФИАТ-127». Сосси втокнули в автомашину, и она умчалась в неизвестном направлении... Что представляет собой Марио Сосси? «Консервативен,— пишет о нем еженедельник «Эспрессо».— Но ужасно не любит, когда его называют фашистом. Правда, в юношеские годы состоял членом молодежной фашистской организации...»

Пока три тысячи карабинеров, не считая служебных собак, разыскивали Сосси по Апеннинскому полуострову и вне его, аншлаги газет и журналов пестрели вопросами: «Кто украл? Зачем?» Впрочем, некоторые пытались ответить на них. Неофашисты, например, вопили вовсю: «Это дело рук коммунистов!» Те, что поосторожней, блудливо намекали: «Террористы из «красных бригад»... Мы еще вернемся к «бригадам». А сейчас обратим внимание на прилагательное...

Вот уже много лет, как в Италии гремят взрывы, совершаются поджоги, организуются бандитские налеты... Все это называется «стратегией напряженности». Цель — свержение республиканского строя в Италии; авторы — наиболее реакционные и экстремистские круги на Апеннинах, поддерживаемые за рубежом; основные исполнители — «итальянское социальное движение» и примыкающие к ней «ультра».

Когда стреляют в коммуниста, полыхает здание прогрессивной организации, молодчики с кастетами нападают на забастовщиков или достоянием широкой общественности становятся подробности готовившегося государственного переворота — тогда все ясно. Недаром же столько пишут в последнее время, в том числе и буржуазные газеты, о «черном заговоре» в Италии. Может быть, поэтому решили сменить прилагательное те, которым не терпится повторить на апен-

нинской земле греческий или чилийский «эксперимент»?

Когда в миланском Сельскохозяйственном банке и в римском Банко дель Лаворо с разницей в двадцать пять минут взорвались 12 декабря 1969 года две адские машины, оставив на полу более сотни мертвых и искалеченных тел, тогда ведь тоже кричали о «злодеянии красных». Но сегодня даже итальянский первоклашка знает, что повинны в этом два руководителя фашистской организации «новый порядок» — Фреда и Вентура по прямому, неопровержимо доказанному обвинению в причастности к кровавым событиям 1969-го...

Когда на одной из римских окраин была подожжена квартира секретаря местной секции ИСД и в огне пожара погибли двое его детей, тогда тоже пытались взвалить вину на «красных». А позже выяснилось, что секретарь неоднократно выступал против политики террора своей партии, и нити следствия уверенно потянулись на улицу Трех Фонтанов, в штаб «социального движения»...

Когда в некоторых итальянских городах появились листовки с призывом к «вооруженному восстанию», тоже намекали на активизацию «красных»... А 16 октября 1973 года прокурор из города Падуи подписал ордер на арест помощника комиссара полиции Молино по обвинению его в причастности к антиправительственному заговору. Несколькими днями позже министр внутренних дел лишил его всех званий и регалий. «Это было сделано не только для того, чтобы наказать нарушившего присягу сотрудника полиции, — отмечал еженедельник «Панорама», — но и вернуть силам правопорядка утраченное доверие общественности, узнавшей, что многие служащие полиции и министерства внутренних дел замешаны в неофашистских преступлениях. Среди них карабинеры, утаивавшие улики против чернорубашечников, агенты секретных служб, сотрудничавшие с фашистскими провокаторами, работники прокуратуры и судов, делавшие все возможное, чтобы не предавать виновных суду...» Мы подчеркиваем: все это пишет буржуазный еженедельник.

Помощник комиссара Молино, производя обыск у руководителя одной из вновь появившихся фашист-

ских группировок, нашел оперативный план военного переворота, а также перечень адресов примерно 400 политических деятелей, подлежащих физическому уничтожению; в первую очередь, конечно, коммунисты, конечно, социалисты, конечно, профсоюзные и прогрессивные общественные деятели. Но не только они. Премьер-министра Италии, например, уточняет «Панорама», должны были арестовать и расстрелять в горном местечке Аспаго, где он обычно проводит отпуск. Министра внутренних дел предполагалось убить у дверей его собственного дома в Генуе. Секретарю итальянской социалистической партии смерть была уготована в городе, где он родился...

Молино обнаружил эти материалы, но скрыл их. Более того, следствию стало известно и то, что полицейский в свое время предупредил уже упоминавшегося нами неофашиста Фреда об особом внимании полиции к его персоне.

Итак, новый заговор. Новые правозкстремистские группировки — «Джерси», «Роза ветров», «Джустичери д'Италия», «Восемнадцатый легион». Уже обнаружена тесная связь их с Джорджо Альмиранте — главварем чернорубашечников, секретарем «итальянского социального движения».

А теперь возвратимся к украденному Сосси и «красным бригадам». Вопрос, который задал еженедельник «Эспрессо» одному из высоких полицейских чинов, занимающемуся «делом Сосси», родился, наверное, не случайно: «А не фашистские ли провокаторы эти похитители, маскирующиеся под «красных»?». Ответ полицейского был хотя и категоричен, но мало аргументирован. «Нет, — изрек он. — Они сами это отрицают. И потом речь идет о четырех десятках юнцов, которые нам известны...». «Раз они известны, почему вы их не арестуете?» — задала этот естественный вопрос «Панорама».

Действительно, почему? Ответ напрашивается сам собой. Потому, что кое-кому нужны провокаторы, которые могли бы легко менять цвета. И не являлась ли еще одной неофашистской клюквой эта «загадочная политическая сенсация послевоенной Италии»? По черк меняется, но пером террора водит одна и та же рука...

Говоря об Италии, мы ни на минуту не забываем,

что еще свирепствует фашистская диктатура в Чили, что опять начинают поднимать голову молодчики из распущенной в Западной Германии НДП, регулярно собираются на свои экстремистские шабашки австрийские «зеленые блузы» и «патриотическая гвардия», вылезают из щелей французские «ультра»... Всех их сближает ненависть к демократии, к прогрессу, к разрядке международной напряженности. Они пытаются объединиться, скоординировать усилия, чтобы нанести концентрированный удар там, где реакции удастся вызвать экономический хаос, усилить политическую неустойчивость, притупить бдительность народа и подорвать его единство...

Когда-то черная волна фашизма покатилась от берегов Адриатики. Теперь она вновь возвращается к тем же берегам. Перед «походом на Рим» в 1921 году чернорубашечники Муссолини имели в парламенте 35 депутатских мандатов. Сегодня ИСД стала четвертой партией на Апеннинах по числу получаемых на выборах голосов. Ее ряды насчитывают 400 тысяч человек, входящих более чем в 4 тысячи секций.

Сенатор-коммунист Террачини говорил в одном из своих выступлений: «Если сейчас не будут приняты все необходимые меры, чтобы нанести удар по тем центрам, которые организуют акты насилия и фашистские провокации, если не будет сделано все для того, чтобы разбить эти орды, запретить их выступления и добиться их роспуска, то народу придется самому расплачиваться за преступное попустительство».

Конечно, нельзя сравнивать Италию двадцатых годов с сегодняшней, прошедшей через горнило Соппротивления. Никто не утверждает, что итальянские неочернорубашечники смогут захватить власть в нынешних условиях. Но сам факт существования ИСД — это постоянно действующий катализатор напряженности, это «пятая колонна» международной реакции, которая на европейском континенте наиболее активно пробует сегодня свои силы в Италии. «Черный князь» Боргезе, пытавшийся устроить фашистский переворот в конце 1970 года, недаром сбежал в Испанию, где и умер. Главарь «социального движения» Альмиранте не зря выражает свое «восхищение» кровавыми делами палача чилийского народа генерала Пиночета. Между ними идет «обмен опытом».

В последнее время, в частности в связи с похищением и убийством бывшего итальянского премьера Альдо Моро, много говорится и пишется о прикрывающихся левацкой фразеологией экстремистах. Полностью выяснились их социальные корни. С непереложностью установлено, что ультралеваяки служат на деле крайней реакции. Многие их акции, включая террор, похищения и убийства людей, налеты на помещения демократических организаций, ставят своей целью создать атмосферу страха, обстановку анархии. Нередко все это делается по прямым заданиям империалистических разведок. И в конечном счете псевдолевые экстремисты очень близко примыкают к неонацистским группировкам, у них общие роли.

Хотелось бы обратить внимание вот еще на какое обстоятельство. Тем, что на политической авансцене в некоторых западных странах наибольший шум производят так называемые леваяки, умело пользуются правые силы. Создаются большие удобства для их активности, причем не только в национальных рамках. Вот некоторые факты. Опять же в Риме состоялась конференция крайне правых группировок Италии, Франции и Испании. В их программе — создание антикоммунистической организации под названием «Правые силы Европы». Кто ее участники? Это все те же ИСД, французская организация того же направления «Форс ну-вель» и испанская «Фуэрсэ нуэва». Руководители этих группировок провели в итальянской столице пресс-конференцию, на которой заявили, что цель создания новой региональной неонацистской организации заключается в том, чтобы вести борьбу с наступлением левых сил в Европе, и прежде всего с ростом авторитета и влияния коммунистических партий. На конференции в Риме был принят так называемый базовый документ с призывом ко всем реакционным и консервативным силам Европы присоединиться к тройственному союзу итальянских, французских и испанских неонацистов. Одной из ближайших задач этого союза должно стать создание единого фронта правых на намеченных на 1979 год выборах в европейский парламент — эти выборы собирается организовать западно-европейская девятка — страны Европейского экономического сообщества.

Весь мир протестует против нового чудовищного оружия — нейтронной бомбы, против пропаганды новой войны, которой занимаются идеологические службы империализма.

Полиция против демонстрантов, требующих работы и человеческих условий жизни.

Бастующие говорят гневное «Нет!» безработице.

Экономический кризис вверг в панику фондовые биржи многих капиталистических государств. Предприниматели хватаются за головы, биржевые маклеры — за телефонные трубки.

А демонстранты выходят на улицы, используя острейшее оружие классовой борьбы—стачки.

Вот такой ночлег предлагает «свободный мир» человеку, свободному от работы...

Римские инвалиды протестуют против нищенских пенсий, на которые можно жить лишь впроголодь.

Чудовищно бесправным остается положение негров, пуэрториканцев, индейцев и других национальных меньшинств в странах капитала.

Положение белых безработных — тоже не лучше.

**В некоторых буржуазных государствах
вновь поднимают голову неонацисты, меч-
тающие ввергнуть мир в пучину новых
военных потрясений.**

**Но народы отвечают им мощными демон-
страциями протеста.**

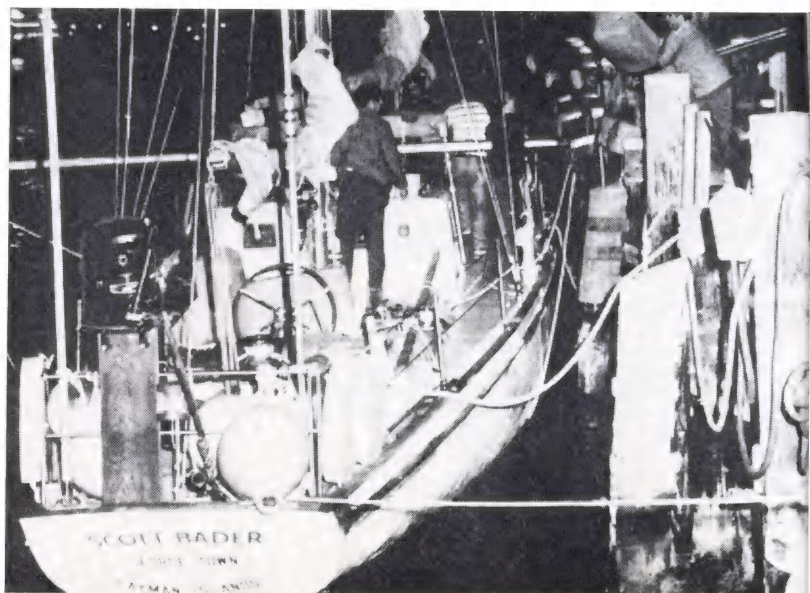
Этот юноша был убит на одной из римских улиц фашиствующими молодчиками во время демонстрации в защиту демократических свобод.

Ночь. Безлюдный переулок. Но где-то здесь сейчас должен раздаться взрыв, где-то прольется кровь. Экстремистские молодчики из «красных бригад» готовят очередное преступление.

В мире преступного бизнеса особое место занимает мафия. Это не только концерн бандитов, но и послушное орудие в руках архиреакционных кругов. Одна из жертв мафии...

Страшные волны «белой смерти» — наркомании захлестывают «свободный мир». Наркотики переносят на плечах через горы, перевозят на фешенебельных яхтах, в автомашинах. И все для того, чтобы сделать этот укол дурмана...

Буржуазные пропагандисты лицемерно кричат о том, что только на Западе гарантированы свободы и права человека. Вот они, эти права: дети, матери и старики, лишенные родины и средств к существованию.

Очередная партия солдат в маскхалатах для подавления народных волнений. В их распоряжении самолеты, бронемашины, автоматы.

Падре Джозеф Трэмбли — тайный советник кардинала Ришелье — один из «отцов» европейского шпионажа.

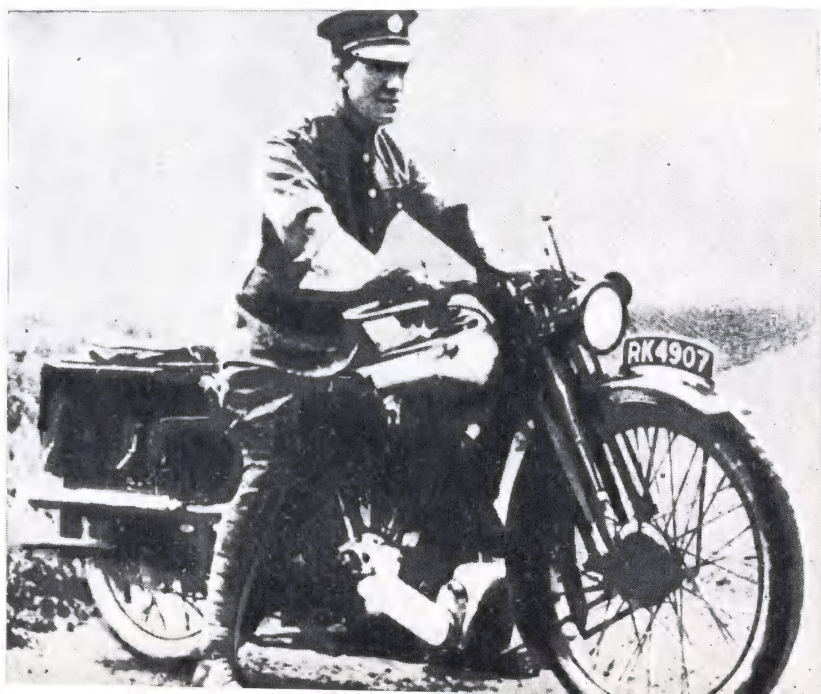

Жозеф Фуше — министр полиции при Наполеоне.

Сэр Фрэнсис Уолсингем — государственный секретарь королевы Елизаветы. Первый шеф секретной службы Великобритании.

Много легенд и былей ходило и ходит о двух разведчиках — Мата Хари и Лоуренсе, которые были якобы мастерами шпионажа, непревзойденными интриганами. Да, это так, хотя последнее больше относится к мотоциклисту, исколесившему пески Аравийской пустыни и даже погибшему в катастрофе на этой самой машине.

Испания, страна Сервантеса, вставшая на путь социальных преобразований, хочет навсегда покончить с фашизмом и происками империалистов.

Примерно в это же время в австрийском городе Зальцбурге состоялась встреча 18 консервативных и христианско-демократических партий из 14 европейских стран. Они создали европейский демократический союз. В действительности это союз антидемократический, и западногерманская буржуазная газета «**Франкфуртер рундшау**» метко окрестила его новым «черным интернационалом».

Радиостанция «Немецкая волна» поведала о том, что в городе Вюрцбурге состоялся симпозиум, на котором главным оратором был небезызвестный Штраус. Цель симпозиума, как говорилось в радиопередаче, «критически проанализировать итоги изучения фашизма на международной арене». Понимать эту псевдонаучную формулу надо как поиски аргументов для реабилитации фашизма.

То, о чем мы говорили, свидетельствует, что речь идет не только о теории, но и о практике. Последователи фашизма не перевелись, они пытаются расширить сферу своей деятельности.

Жизнь полностью подтверждает вывод, который был сделан еще на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году. **«Мы считаем,—** говорилось в документе совещания **«Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил»,— что необходимо усилить борьбу против фашистской угрозы, давать беспощадный отпор профашистским вылазкам.** Фашизм усиливает свою активность в момент обострения кризиса империализма, когда возрастает стремление реакции применять методы грубого подавления демократических и революционных сил... Неофашизм смыкается с деятельностью империалистических разведок, организующих реакционные перевороты.

Все эти проявления фашизма наталкиваются на возрастающее сопротивление народных масс. Чтобы это сопротивление было успешным, необходимы единые действия всех антифашистских сил, а также усиление международной поддержки со стороны коммунистических и рабочих партий, демократических и прогрессивных движений всех стран».

13 октября 1978 года ТАСС сообщало из Дели:

«Уровень радиоактивности в районе недавних сильных наводнений, вызванных разливом реки Ганг и ее притоков, превысил норму на 40 процентов». Об этом говорится в заявлении для печати видного индийского ученого-физика, профессора делейского университета С. К. Трикха. Как сообщают сегодняшние индийские газеты «Пэтриот» и «Хиндустан таймс», группа специалистов во главе с С. К. Трикха, с помощью сотрудников департамента атомной энергетики Индии проводившая замеры радиации в ряде районов крупнейшего в Индии штата Уттар-Прадеш, подвергшихся небывалому по своей силе наводнению, установила резкое повышение радиоактивности. С. К. Трикха считает, что это результат утечки радиоактивных элементов из ядерных установок, оставленных в Индийских Гималаях Центральным разведывательным управлением США.

Весной 1978 года всему миру стала известна новая акция американского разведывательного ведомства. Его агенты, действовавшие под видом «альпинистов», «утеряли» в шестидесятых годах портативную ядерную установку для питания станции, содержащую радиоактивные изотопы плутония-238. Они устанавливали ее на пике Нандадеви в Индийских Гималаях, вблизи индийско-китайской границы, для сбора шпионских сведений. Инцидент произошел в верховьях крупнейшей водной артерии Индии — реки Ганг, что создало возможность радиоактивного заражения реки и обширных районов, по которым она протекает.

Видные государственные и общественные деятели Индии, представители различных политических партий выразили крайнее возмущение действиями американского шпионского ведомства на территории Индии, поставившими под угрозу жизни многих миллионов людей. ЦРУ попыталось «успокоить» мировое общественное мнение, заявив, что вероятность радиоактивного

заражения реки ничтожна. Однако исследования физиков дельтийского университета убедительно доказывают обратное. Инцидент с «экспедицией» ЦРУ не закрыт. Опасность, нависшая над здоровьем и жизнью тех, кто живет и работает в бассейне Ганга, становится реальностью.

Индийские города Бенарес и Хардвар — в странах Юго-Восточной Азии признанные места массового паломничества. Они лежат на берегу реки Ганг, вода которой, по поверью, способствует продлению жизни. Тысячи людей из Непала, Шри Ланки, Индонезии собираются сюда на религиозные праздники Ганга — дашера и кумба-парва. Богомольцы совершают традиционный обряд омовения, пригоршнями утоляют жажду, наполняют про запас «священной» водой кувшины, бутылки.

Можно понять возмущение и беспокойство народных масс Индии, других стран этого региона, когда они узнали, что воды Ганга в любой момент могут стать радиоактивными в результате разгерметизации контейнеров с ядерным веществом американского производства.

Печать многих стран отмечает, что, если не отыскать и не обезопасить утонувший в снегах Гималаев груз ЦРУ, опасность нависнет над жизнью миллионов индийцев также и потому, что Ганг означает не только своими обрядовыми купальнями. Он вместе с отводными каналами дает живительную влагу половине всех земель речной долины. Только в штате Уттар-Прадеш орошаются многие тысячи гектаров пашни.

Как же произошли события, которые, по свидетельству «Нью-Йорк таймс», ЦРУ полностью подтвердило? Когда тайное стало явным, — а это произошло через 13 лет, — руководителям американской разведки не оставалось ничего другого, как лицемерно вздыхать по поводу «печального события». Они рассекретили то, что помимо и вопреки их желанию перестало быть секретом для всего мира.

Вот как описывало операцию ЦРУ, приведшую к «печальному событию», ежемесячное приложение «Аутсайд» к американскому журналу «Роллинг стоун».

...Казалось бы, восходя на снежные вершины Гималаев, бессмысленно тащить с собой тяжелый тюк с какой-то металлической штуковиной, но этот тюк был

особым. Он излучал тепло, которое ощущалось даже после того, как его уносили. Индийские носильщики (которые были наняты американцами, но, конечно, ничего не знали о цели путешествия.— Авт.) все рвались нести этот груз. Американцы же, зная, что это за груз, проявляли меньшее рвение. Они не были уверены в том, что вместе с теплом он не излучал повышенную радиацию.

Альпинисты сопровождали детали аппарата весом в 125 фунтов, который они рассчитывали собрать и установить на вершине одной из самых высоких гор в Индии Нандадеви. Они были «рабочими лошадками» операции ЦРУ. Груз содержал последнюю техническую новинку ЦРУ: ядерный генератор для питания аппаратуры слежения.

Эта группа ЦРУ начала восхождение на Нандадеви после осенних муссонов 1965 года. Но ледяные ветры и необычные в это время года бури задержали, а потом наступление зимы вынудило их повернуть обратно, немного не достигнув вершины. Решив вернуться весной и закончить задание, они нашли укромное местечко на южном склоне горы и оставили там свой груз.

Только весной они поняли свой просчет. Техническая новинка ЦРУ пропала во время зимней лавины.

...Ледники горы Нандадеви отчасти образуют истоки Ганга. Загрязнение этих «священных» вод плутоном или хотя бы даже угроза их загрязнения были беспрецедентным нарушением неписаного международного ядерного кодекса.

ЦРУ привлекло американских альпинистов с опытом восхождений на Гималаях и в Аляске, и многие с готовностью согласились «помочь». ЦРУ предложило им гарантированных 1000 долларов в месяц за работу, которая была рассчитана примерно на год, плюс бесплатную поездку в экзотические края, увлекательное восхождение и скромное морально-патриотическое удовлетворение.

Большинство альпинистов восприняло это предложение как величайшую удачу. Один из альпинистов работал на двух должностях, чтобы прокормить семью и завершить последний год учебы. Деньги ЦРУ свалились к нему с неба. К тому же ЦРУ ходатайствовало перед деканом, чтобы снять с него кое-какие учебные

обязанности и дать ему возможность как можно скорее получить диплом. Дело кончилось тем, что этот альпинист потратил часть года на «акклиматизацию» в отеле на горе Юнгфрау в швейцарских Альпах; у него получился приятный отпуск, и ему так и не пришлось поехать в Гималаи.

У большинства остальных были аналогичные перспективы. «Часто ли случается, что тебе предлагают бесплатно развлечься,— сказал один из них.— Я бы сделал то же самое, если бы мне еще раз предложили. Я получил массу удовольствий».

В целом 14 альпинистов приняли предложение ЦРУ, хотя в конце концов только 9 из них были посланы в Индию.

ЦРУ в общих чертах информировало президента Джонсона об этом проекте, но попросило его ничего не сообщать о нем правительству Индии.

В конце 1964 года американские альпинисты собрались в штаб-квартире ЦРУ Лэнгли, где они дали клятву, одинаковую для шпионов повсюду: никогда никому ничего не рассказывать до самой смерти. Отсюда их переправили в Харви-Поинт (Северная Каролина) — часть из них на шпионском самолете, на котором все опознавательные знаки на фюзеляже были замазаны и все окна, за исключением окон кабины пилота, закрашены.

Харви-Поинт представляет собой унылое сборище потрепанных барачков. Но за главными воротами находится центр испытания боеприпасов и взрывчатых веществ. Эта база принадлежит военно-морским силам, хотя они часто предоставляют ее в распоряжение других правительственных органов. В Харви-Поинт ЦРУ тренировало кубинцев, настроенных против Кастро, перед вторжением в залив Кочинос в 1961 году, а теперь оно доставило туда этих альпинистов для прохождения ускоренного курса ядерного шпионажа.

Руководить этой операцией было поручено Биллу Макнеффу, невысокому, крепко сбитому ветерану ЦРУ. Ему помогали специалист по подрывным работам, бывший пилот У-2, психиатр и целая группа менее заметных «стратегов». Весь процесс подготовки был окутан покровом безотлагательности и повышенного драматизма. Специалист по подрывным работам

поведал будущим участникам операции о деталях использования пластической взрывчатки, обучив их методам подготовки углубления в заледенелом горном склоне, чтобы установить в нем станцию слежения; другой специалист ЦРУ потратил немало времени, чтобы научить их собирать это устройство.

Но к большей части атрибутов шпионских романов, рассказывает один из альпинистов, «прибегли специально, чтобы произвести на нас впечатление, и в результате мы лишь потеряли массу времени». Психиатр использовал свой детектор лжи, чтобы подробно опросить членов группы относительно возможной склонности к наркотикам, гомосексуальных наклонностей, верности (семье и отечеству) и, со столь свойственной этой профессии близорукостью, о друзьях, которые могли бы оказаться коммунистами.

«Вскоре, — рассказывает другой горовосходитель, — мы уже проводили большую часть своего времени на волейбольной площадке или как следует закладывали». Спиртное, вспоминает он, немного помогало выдерживать невыносимо томительные и примитивные лекции об образе мышления азиатов.

По прошествии нескольких недель из Харви-Поинта восходителей перебросили к горе Маккинли на Аляске высотой в 20 320 футов — самому высокому пику на территории всех пятидесяти штатов США. Служба национальных парков закрыла южный склон горы Маккинли для других альпинистов, пока вновь созданная группа отрабатывала методы «тылового обеспечения» предстоящего восхождения. Репетиция прошла не особенно успешно. Неблагоприятная погода и другие трудности помешали ее участникам добраться до вершины, что было весьма неприятным предзнаменованием, которое в ЦРУ, впрочем, решили игнорировать.

К осени 1965 года участники группы собрались на севере Индии, и американцы были вынуждены соблюдать там принцип анонимности, без которого невозможна ни одна шпионская операция.

На вертолете будущие восходители были доставлены на лужайку, на которой расположился нижний лагерь на склоне Нандадеви, и по низкорослой, чахлой траве поднялись оттуда к базовому лагерю. Место,

где был расположен нижний лагерь, на высоте около 14 000 футов и в окружении горных хребтов, оказалось едва ли не единственным в Индии заповедником для редко встречающегося в наши дни голубого гималайского барана.

Нандадеви, почти отвесная стена, покрытая снегом, внушительно возвышается на севере штата Уттар-Прадеш у северо-восточной границы Индии, примерно в 500 милях к югу от долин Синьцзяна и в четырех милях над ними. Первоначально специалисты ЦРУ пришли к выводу, что наблюдение нужно вести с высоты 27 000 футов. Но после каких-то дополнительных расчетов, произведенных в последнюю минуту, они сочли, что вершины Нандадеви, возвышающейся на 25 645 футов, будет достаточно. Нандадеви, которую сотрудники управления позже окрестили кодовым названием «Синяя гора», получила свое название по имени богини в индуистской мифологии.

Над базовым лагерем в ступающих сумерках альпинисты могли различить хребты, уходящие в ночь и прячущиеся друг за другом, и немного дальше, за облаками тумана, почти отвесные склоны, покрытые вечными снегами. Предстоявшее восхождение обещало быть трудным. До этого момента лишь две экспедиции сумели добраться до вершины, и нужно учитывать, что их участники не были обременены дополнительным грузом ЦРУ.

Если кто-нибудь вздумал бы задавать вопросы, американские восходители должны были объяснить, что приехали в Уттар-Прадеш для выполнения задания по проводимой военно-воздушными силами программе биологических исследований в условиях большой высоты. Металлический цилиндр, который грел спины носильщикам, примерно в два фута высотой и три фута в обхвате, представлял собой атомный генератор «СНЭП», предназначенный для использования в космосе. Именно он и был центральным элементом всей системы приборов слежения. В собранном виде он размещался на опоре, которая была похожа на невысокий флагшток, и был подсоединен кабелем к ящику с радиоэлектронной аппаратурой. Генератор давал электроэнергию для питания этой аппаратуры, которая должна была передавать данные с антенны на станцию примерно в 40 милях, где обработкой телеметри-

ческой информации должен был заниматься специалист ЦРУ.

Весь успех этой операции зависел от тонкого топливного стержня, входившего в отверстие в активной зоне генератора. В топливном стержне был заключен плутоний-238, смертельно опасное ядерное топливо, производящее тепловую энергию в процессе своего распада. В слоях металла вокруг топливного стержня должны были возникать разные температуры, за счет которых в них генерировалась электроэнергия. Топливный стержень должен был постепенно срабатываться подобно тому, как разряжаются обычные сухие батареи, но если расчеты ядерных гениев ЦРУ были правильны, ящик с радиоэлектронной аппаратурой должен был быть обеспечен электроэнергией из ядерного реактора лет на 75, а то и больше.

Топливный стержень был доставлен в базовый лагерь на склоне Нандадеви в массивном свинцовом контейнере, который был слишком тяжелым, чтобы участники экспедиции пытались поднять его на вершину. Восходители собрались в кружок, когда стержень осторожно вводили в металлический цилиндр. «После того как эта операция была благополучно закончена,— рассказывает один из них,— мы по очереди потрогали активную зону реактора. Тепло чувствовалось на ощупь».

Бывшая спортивная звезда, Патриот (клички, данные ЦРУ некоторым участникам операции.— Авт.), два других американских восходителя, четыре индийца-носильщика составили первую группу, которой предстояло предпринять первую попытку восхождения на «Синюю гору». Они начали подниматься по южному склону горы в сентябре 1965 года. Их пунктом назначения была вершина или какое-нибудь место поблизости от нее, на северном склоне горы. Но погода и горы объединились против них.

Они находились примерно в 2000 футов от вершины, когда, наконец, приняли решение возвращаться. Но, не желая, чтобы весь их труд пропал даром, они укрыли груз ЦРУ между скалами, оставив его там до своего возвращения.

На весну 1966 года к этой группе был подключен альпинист, известный по американской экспедиции 1963 года на Эверест. Он хорошо разбирался в радио-

электронной аппаратуре и был знаком с картографией. Но когда группа приступила в апреле к восхождению, этот альпинист слишком наглотался морозного воздуха. Он совершенно охрип и простудился. После этого ему пришлось вернуться назад, а другие участники восхождения тем временем продолжали пробираться к месту, которое бросили полгода назад.

Но их ноша исчезла. Ее унесла горная лавина. Стена снега и обломки скал обрушились на это место и пронеслись дальше вниз, оставив за собой сложное хитросплетение беспорядочных борозд и впадин на месте, где стояли участники экспедиции.

Когда известие о потере устройства дошло до Вашингтона, там меньше всего стали думать об угрозе, которую несет с собой потеря реактора для здоровья и жизни миллионов людей. Деятели ЦРУ заботились, чтобы не пострадала их карьера, а официальные круги о том, чтобы никто ничего не узнал. Так или иначе, но было принято решение прекратить поиски реактора. Руководство ЦРУ таким же манером стремилось похоронить свою неудачу. Правительство США не информировало о случившемся правительство Индии.

Американский ежемесячник потратил еще несколько своих страниц, на которых привел различные детали походов «альпинистов» из ЦРУ. Но у него нашлось лишь несколько строк для того, чтобы беспристрастно сообщить: «Если прикоснуться к плутонию или вдохнуть его, это может привести к смертельному исходу, а собрать радиоактивный материал, если он окажется на снегу, уже невозможно. Если бы он попал в воды Ганга, это могло бы привести к заболеванию раком каждого, кто выпьет хотя бы микроскопическое количество воды или съест зараженную рыбу».

И сразу же вслед за этим следует сусальная картинка награждения «Бывшей спортивной звезды» и бывшего шпиона-«альпиниста».

«В начале 1968 года Центральное разведывательное управление пригласило его в свой штаб. Его провели в святая святых для аудиенции у вице-адмирала Руфуса Тэйлора, занимавшего второй по значению пост в управлении, и затем на торжественной церемонии он был награжден медалью «за особые заслуги». Но как только медаль была приколот к его лацкану, к нему подошел сотрудник ЦРУ, снял ее, убрал в ящик стола

и запер ее на ключ. Он не может оставить медаль у себя, разъяснил ему Тэйлор, или хотя бы упоминать о том, что был награжден ею, так как это может причинить ущерб национальной безопасности страны.

Трудно без возмущения читать эту хвалу шпионажу, который для пущей «привлекательности» облекается в такую торжественно-таинственную форму.

А каково подлинное лицо этой шпионской романтики?

В декабре 1970 года «Нью-Йорк таймс» писала: «Больше двух десятилетий назад в США решили, что под наблюдение американской разведывательной службы необходимо поставить весь мир. Обширная сеть тайных агентов, подставных организаций, электронных подслушивающих и фотографирующих устройств охватила весь земной шар. Наши шпионы действуют повсюду, стремясь проникнуть в государственные тайны той или иной страны, и часто вмешиваются в чужую политику под предлогом «самозащиты»...

Первые «подвиги» американских спецслужб в Юго-Восточной Азии относятся к концу 40-х годов. В начале 50-х ЦРУ провело очередную операцию по снабжению оружием, боеприпасами и продовольствием двенадцатитысячной армии гоминьдановцев, перекочевавших из Китая в Бирму. Цель? Подготовка головорезов к борьбе против национально-освободительного движения в Индокитае. Бирманская провинция Кентунг оказалась полностью во власти ЦРУ. Агентам из Лэнгли удалось создать так называемое «автономное правительство», которое оккупировало часть территории независимой Бирмы. (Теперь эти «партизаны» получают поддержку, в том числе военную, от Пекина.— Авт.)

В начале 1962 года в западной прессе проскочило сообщение о том, что наследник престола, сын махараджи высокогорного Сиккима Палден Тхондуп обручен с... американкой Хоуп Кук. А в июньском номере журнала «Ньюсуик» за 1974 год был помещен материал, в котором рассказывалось о том, как «шпионка Кук была внедрена в Сикким ЦРУ».

Гонконгский журнал «Фар истери экономик ревью» в сентябрьском номере 1975 года опубликовал статью Криса Маллина под заголовком: «ЦРУ: тибетский за-

говор». Автор писал: «Немногим более десяти лет назад на пустынной дороге в штате Колорадо произошла авария с автобусом. В отличие от обычных автобусных аварий на этот раз она была не очень серьезной, и поэтому местные жители были удивлены, обнаружив, что место происшествия оцеплено войсками. Прошло некоторое время, прежде чем причины этих особых мер предосторожности стали известны: автобус вез тибетских заговорщиков, которые, судя по всему, даже не знали, что они находятся в Соединенных Штатах».

Начиная с 1956 года по наши дни ЦРУ периодически забрасывало в район Гималаев шпионов, диверсантов, оружие, боеприпасы, разведтехнику. Крис Маллин в английской газете «Гардиан» в этой связи 19 января 1976 года рассказал о создании ЦРУ крупного шпионского центра в Мустангской долине, входящей в состав Непала. Автор пишет: «Изолированная от остального мира двумя горами высотой в 27 000 футов — Аннапурной и Джаулагири — Мустангская долина представляет собой стратегически идеальное место, поскольку оттуда всего несколько часов пешего перехода до шоссеиной дороги Синьцзян—Лхаса, проходящей через Тибет. Из всех операций ЦРУ—это, безусловно, была географически самая удаленная».

Учитывая сверхсекретный характер операции — до ареста в Катманду завербованных ЦРУ горцев с радиопередатчиками о ней ничего не знали даже непальские власти, — политические обозреватели стран Азии считают, что помимо стрелкового оружия, склады которого были обнаружены близ Катманду, американские спецслужбы могли в тот период забросить в район Мустангской долины и портативные ядерные установки для питания станций по сбору шпионских сведений о сопредельных странах.

Как было установлено, обнаруженное в 1964 году в Непале оружие китайского производства попадало в руки диверсионных банд не откуда-нибудь, а из американского посольства в Катманду. Впоследствии выяснилось, кто именно из «дипломатов» снабжал агентов шпионскими передатчиками и прочим оборудованием для подрывной работы. Им оказался некий Рокки Стоун. Провалившегося разведчика во фраке дипломата сами же американцы без лишнего шума

убрали из Непала. Но правительство Непала этим не удовлетворилось и справедливо потребовало, чтобы так называемое американское Агентство международного развития, которое имело собственные самолеты и два вертолета, немедленно прекратило пользоваться своим частным аэродромом в этой стране.

Немаловажную роль в тайных операциях ЦРУ за минувшие годы сыграла небезызвестная «коммерческая» авиакомпания США «Эйр-Америка», за фасадом которой скрываются американские разведывательные организации. Эта служанка ЦРУ выполняла и продолжает выполнять, в частности, роль связующего звена ЦРУ в Азии. А возглавляет здесь все секретные акции США так называемый «Комитет 40». В него входят: директор ЦРУ, заместитель министра обороны, председатель объединенного комитета начальников штабов и заместитель государственного секретаря по политическим вопросам.

Учитывая, что проведение тайных операций за рубежом связано с постоянным риском, ЦРУ использует для прикрытия своей агентуры разного рода организации, фирмы, институты. Такой «крышей» является и «Фонд Азии». Эта «частная, неприбыльная» организация появилась на политической арене в 1954 году. Но за истекшие годы большинство азиатских стран разобрались в ее истинной сущности, отвернулись от шпионского фонда. Произошло немало громких скандалов, связанных с разоблачениями его «активистов». Так, например, ректорат Индийской школы международных исследований опубликовал открытое письмо, в котором заклеил это детище ЦРУ, подчеркнув, что, принимая субсидии от «фонда», некоторые члены ректората постепенно оказались вовлеченными в неприглядную шпионскую деятельность.

С этой «пятой колонной» был тесно связан матерый американский разведчик Уолкотт, который перевез в Индию на собственном самолете, помимо оружия, на 150 миллионов долларов контрабандного золота и драгоценных камней для подкупа и найма агентов.

По заданию ЦРУ Уолкотт одно время занимался аэрофотосъемкой военных объектов Ливана. Ливанская контрразведка напала на его след. Но он успел вовремя исчезнуть. Затем его арестовали в Дели за доставку очередной партии оружия. При таинствен-

ных обстоятельствах Уолкотт вновь улизнул из тюрьмы и бежал на своем самолете, хотя тот был опечатан индийскими властями и находился в столичном аэропорту Сафдаржанг. И все же через несколько лет Уолкотт вновь был схвачен за руку и отправлен индийскими органами безопасности за решетку. При обыске у него обнаружили значительное число авианавигационных карт различных районов Индии, особенно Гималаев. Индийская печать в этой связи подчеркивала, что наряду с основной деятельностью — шпионским картографированием — Уолкотт по совместительству занимался завозом контрабандного оружия по указанию того же ЦРУ.

Летом 1968 года Индии пришлось закрыть границу с Бирмой для того, чтобы помешать возвращению около тысячи сепаратистов из племени нага, прошедших в Китае обучение тактике ведения партизанской войны. Спустя некоторое время появились сообщения о подготовке новых отрядов мятежников в китайской провинции Юньнань. А из перехваченных документов выяснилось, что Пекин настойчиво требует прислать в Китай побольше людей для учебы в военных лагерях. В октябре 1975 года индийский журнал «Линк» сообщал, что при аресте очередной группы сепаратистов, возвращавшихся из Китая, у них были изъяты значительные суммы американских долларов, которые им вручили китайцы. И здесь приложило свою руку Центральное разведывательное управление США, которое действует теперь в контакте с соответствующими китайскими службами.

Разведгруппы ЦРУ, носящие кодовые названия «Скоуп» «118», «118-А», состоят, как правило, из семи человек, включая радиооператора, фотографа и специалиста по подслушиванию телеграфных переговоров. Патрулирование вдоль границы ведется от поста к посту на сотни километров. После выполнения задания группу подбирает самолет все той же «Эйр-Америка» — компании, обслуживающей ЦРУ. Собранный материал передается американским подразделениям по дешифровке, расположенным на Окинаве. Для окончательной оценки обстановки ЦРУ старается получить параллельную информацию: данные аэрофотосъемки или снимки района Гималаев, сделанные со спутников-шпионов.

Затерянное в гималайских просторах ядерное устройство уже создает реальную угрозу радиоактивного заражения огромного пространства Индии. Но никто не может дать гарантии, что завтра аналогичное устройство не «исчезнет» где-нибудь в труднодоступной местности другого государства.

Причастность ЦРУ к событиям в Гималаях еще раз свидетельствует о крайне опасных авантюрах шпионского ведомства США, о грубом нарушении суверенитета Индии. Вот почему ее компетентные органы приступили к тщательному расследованию обстоятельств дела и потребовали безотлагательного разъяснения от американской стороны.

Не останутся ли, однако, эти требования гласом вопиющего в пустыне? Во всяком случае, нет никаких оснований полагать, что американские секретные службы по доброй воле прекратят свои грязные операции в Азии или уменьшат их масштабы.

КИТАЙСКАЯ «КАРТА»

Великоханьские

ШОВИНИСТЫ

Официальный рупор Пекина газета «Жэньминь жибао» и другие органы массовой информации в последнее время много внимания уделяют пропаганде новой конституции КНР, которая была принята на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) пятого созыва в марте 1978 года. Подчеркнуто-патетически в общем хоре звучит хвала «мудрой национальной политике» Пекина. В этой связи представляется небезынтересным разобраться и выяснить: действительно ли новая конституция обеспечивает подлинные права «шаошу миньцзу» — «национальным меньшинствам», как именуют в Китае в официальных документах неханьские, то есть некитайские, народы.

Если подсчитать площадь, на которой проживают 50 наций, народностей, этнических групп общей численностью более 50 миллионов человек, то она составит 60 процентов всей территории Китая. Такова статистическая сторона вопроса.

Неханьские народы в основном расселены в приграничных районах Северного, Северо-Западного, Южного и Юго-Западного Китая. Эти земли издавна подвергались колонизации; в отношении некитайских народов осуществлялась политика геноцида, насильственной ассимиляции. Жители приграничных областей не раз вместе с китайцами поднимались на вооруженную борьбу против китайских императоров и милитаристско-феодалных группировок, оказывали сопротивление гоминьдановской реакции, участвовали в китайской революции, которая, как они надеялись, должна была, наконец, открыть путь к равноправию всех наций, к решению национального вопроса на справедливой основе. Во всяком случае, ряд партийных документов прежних лет позволял нацменьшинствам с оптимизмом смотреть в будущее. Этим народностям была даже обещана федерация республик Китая, кото-

рая предполагала уважение и равноправие всех неханьских национальностей.

Однако Мао и его сообщники полностью игнорировали принципы пролетарского интернационализма. В основе ленинского учения по национальному вопросу лежит право наций на самоопределение. Между тем практически из конституций КНР 1954 года, 1975 и, наконец, 1978 годов вытекает, что право на национальную государственность имеет лишь одна — ханьская нация. Остальные национальности получают с великоханьского стола сомнительную систему «районной автономии», которая дает возможность осуществлять насильственную ассимиляцию неханьских народностей.

С особым ужасом вспоминают неханьские народности год «культурной революции», когда и без того куцая система местной национальной автономии была фактически сведена на нет. Канула в небытие комиссия ВСНП по делам национальностей. Волна погромов, расправ без суда и следствия, расстрелов, надругательств прокатилась по всем пяти автономным районам страны. На местах органы власти возглавили китайцы-военнослужащие. Так, председателем «ревкома» Тибета стал командующий Тибетским военным округом ханец Цзэн Юня, а в Синьцзян-Уйгурском автономном районе также не местный уроженец — Лун Шуцзинь. Первым секретарем парткома Тибетского автономного района был «избран» ханец Жэнь Жун. «Культурная революция» к тому же стала средством безжалостного подавления национальных культур.

В докладе Хуа Го-фэна на сессии ВСНП в 1978 году пятый раздел именовался «Усилить строительство политической власти и сплоченность национальностей». В нем, в частности, речь шла о «революционных комитетах».

Статья 37 новой китайской конституции гласит: «Местные революционные комитеты, то есть местные народные правительства, являются исполнительными органами местных собраний народных представителей, государственными административными органами на местах». В действительности вся кампания по созданию «ревкомов» в Китае означала утверждение военно-бюрократического аппарата, в котором даже спе-

циально подобранным представителям нацменьшинства отводилась роль чисто представительская, а подлинная власть сосредоточивалась в руках китайцев.

В этой связи напрашивается вывод: хотя авторы новой конституции и пытаются на словах подгримировать свою национальную политику, она по существу узаконивает те органы власти, против которых выступали тибетцы, уйгуры и другие народности Китая. Пекин не сделал надлежащих выводов из провалов своего национального, а точнее — антинационального курса.

В результате политики великодержавного шовинизма Пекина в Тибете произошли стихийные вооруженные восстания в 1967, 1968, 1970 годах. Китайская армия (НОАК) силой оружия сумела подавить эти выступления, однако поставить народ на колени пекинским руководителям не удалось. И хотя 300-тысячная армия КНР по-прежнему расквартирована в селах и городах Тибета, очаги сопротивления продолжают существовать в различных местах этого высокогорного района.

В статье 4 конституции 1978 года сказано: «Все национальности равноправны, они должны сплочиваться воедино, помогать друг другу и учиться друг у друга. Запрещаются дискриминация и гнет в отношении любой национальности, а также действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей».

Как представляет себе на практике Пекин идею «сплочения национальностей воедино»? Оказывается, ни больше ни меньше, как поглощение этих национальностей ханьцами. Еще в 1960 году журнал «Сяньцзян хунци» писал, что «китайцы составляют 94 процента всего населения и с точки зрения политического, экономического и культурного развития они являются более передовыми. Поэтому слияние национальностей должно осуществляться на основе одной национальности. Особенности китайской нации превратятся в общие национальные особенности национальных меньшинств».

Что же касается положения той же статьи конституции о действиях, направленных на «подрыв сплоченности национальностей», то она дает властям возможность считать такими действиями любое проявление национальных чувств. В соответствии с этой политикой

Пекин проводил и проводит курс на наибольшее распыление национальных меньшинств. Так, в свое время уйгурам — основному населению Синьцзяна — было отказано в праве создать в рамках КНР на основе ленинских принципов на самоопределение свое национальное государство. Вместо этого Тибет и Синьцзян были выделены в так называемые «особые пограничные районы», превращены в своеобразные полигоны, где Пекин не только испытывает «надежность» своего великоханьского курса, но и отбирает у людей землю под военные базы, военизированные поселения ханьцев, испытательные центры ядерного оружия.

К чему это приводит, видно хотя бы из сообщений, полученных из Синьцзяна. В них говорится, что в конце февраля 1978 года в некоторых уездах произошли вооруженные выступления местного населения против притеснения со стороны китайских властей. В ответ на это ЦК КПК и военный совет ЦК КПК приняли решение о «суровом подавлении вооруженного восстания».

Следует также отметить, что в январе 1978 года, то есть уже при нынешнем китайском руководстве, был смещен со своего поста первый секретарь парткома Синьцзяна Сайфуддин, а на его место пришел ханец Ван Фэн, что наглядно свидетельствует о дальнейшей «китаизации» нацменьшинства по всем направлениям. В Синьцзян насильственно переселено более пяти миллионов ханьцев. Но на этом политика ассимиляции Синьцзян-Уйгурского автономного района не закончена. Пекин планирует перебросить туда еще более 60 миллионов лиц китайской национальности, резко сократив за этот счет проживающих там представителей нацменьшинств.

Пекинские лидеры любят говорить об «извилистости» своего пути. Так же неоднозначна была за минувшие годы и линия маоистов в отношении национальных меньшинств, в частности тибетцев. Как отмечает гонконгский бюллетень «Чайна ньюс анализис», вся «мудрость» Пекина состоит в том, чтобы ослабить тетиву, когда она слишком натянута и грозит порваться.

Весной и летом 1972 года началась кампания по пропаганде среди национальных меньшинств «образ-

цовых» пьес жены Мао — Цзян Цин. Именно в то время нацменьшинствам была предоставлена возможность свободно распевать их национальные песни, демонстрировать другие виды искусства — применительно к тематике, которая излагалась в «образцовых» пьесах. В Пекине, Юньнани, Тибете были вновь открыты институты национальностей. На церемониях начала учебного года вывешивались лозунги на языках нацменьшинств дословно такого содержания: «Объединиться, чтобы завоевать еще большую победу!»

Пьесы Цзян Цин «пересаживались» на местную почву национальностей, однако героями, преподносившимися как образец поведения, по-прежнему оставались китайцы, которых теперь воспевали на языках различных национальностей. Одним из таких героев стал Ту-ло. Его причислили к «лику святых», возвели в ранг «великого борца». Он сражался (и погиб) с классовыми врагами (врагами тибетцев!). Навлекая на себя гнев тибетцев-ламаистов, он твердил: «Мы не верим в духов, мы не верим в дьявола; мы следуем за председателем Мао по пути социализма».

1978 год в Китае, как известно, проходил под лозунгом ликвидации последствий деятельности «банды четырех», в которую входила Цзян Цин. «Образцовые» пьесы Цзян Цин преданы анафеме. Нужно было избрать новый путь и в отношении нацменьшинств. Не найдя ничего другого, ухватились, в частности, за апробированный «картографический экспансионизм». С помощью археологических экспедиций пекинский режим пытается, например, доказать, что обширные земли соседних стран являются «китайскими».

В частности, Пекин давно стремился превратить в свою колонию Монгольскую Народную Республику. Вспоминается эпизод, происшедший на монголо-китайской границе зимой 1957 года. Тогдашний министр железных дорог Китая Тэн Дай-юань оказался среди иностранных журналистов. Кто-то спросил его, почему до сих пор не отрегулированы спорные пограничные вопросы между КНР и МНР. (Было известно, что монгольская сторона не раз предлагала провести переговоры на эту щекотливую тему.) Министр ухмыльнулся, подошел к валявшемуся на песке ржавому чайнику, сильно пнул его ногой и заметил: «Для чего нужны переговоры? Там, где чайник упадет, там и будет на

Сегодня граница. А завтра я отброшу его еще дальше. И тогда там будет новая граница...»

В 1962 году Китаю все же пришлось заключить с МНР соответствующий договор. Но антимонгольские провокации не прекращались.

«Беспрецедентным,— как подчеркивал Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого народного хурала МНР Ю. Цеденбал,— является отношение Пекина к Монгольской Народной Республике. Китайские руководители не раз заявляли о своем намерении аннексировать нашу страну. Эти наглые притязания сопровождаются идеологическими и экономическими диверсиями против Монголии, усилением военных приготовлений, которые создают непосредственную угрозу безопасности МНР.

В сложившихся условиях МНР видит свою первоочередную задачу в том, чтобы давать решительный отпор проискам врагов мира, неустанно разоблачать антинародную, антисоциалистическую сущность политики китайского руководства, крепить узы дружбы, братства и интернационального союза с великим Советским Союзом и другими странами социализма, непоколебимо выступать за торжество дела мира и безопасности народов».

Не оставляя все эти годы в покое Пекин и жителей Автономного района Внутренней Монголии. Маоисты кроили и перекраивали границы района, в конце концов сократив его площадь почти в два раза. Они искусственно отделяли от Автономного района земли и присоединяли их к площадям, которые были заселены в соседних провинциях ханьцами. Сейчас во Внутренней Монголии монголы составляют не более 12 процентов населения.

Жизнь показывает, что Пекин давно уже скатился в одно болото с оголтелыми душителями свободы и независимости народов. Маоисты экспортировали, например, в Кампучию свой «опыт» проведения террористических акций, накопленный в Тибете, Синьцзяне, Внутренней Монголии. Ведь именно в этих районах Пекин в первую очередь старался вырвать с корнем всякое недовольство маоистским режимом, чтобы обеспечить себе базу для внешнеполитических авантур.

За истекшие годы из Китая не раз раздавались призывы превратить территории автономных пригранич-

ных районов в форпосты борьбы с Советским Союзом. Ныне гром военных барабанов раздается с удвоенной силой. И все это еще и еще раз подтверждает мысль о том, что между политикой великоханьского шовинизма, проводимой Пекином внутри страны и на международной арене, существует самая прямая связь, что великоханьский шовинизм служит базой антисоветизма, является преградой на пути оздоровления политического климата в Азии, во всем мире.

За китайской стеной

В нынешнем Китае один политический кризис сменяет другой. Соперничающие группировки внутри руководящей верхушки Пекина продолжают борьбу за власть, скрещивают шпаги, сводят взаимные счеты. Фракционные баталии ведутся, как правило, замаскированно, в глухих закоулках Чжуннаньхя — местах проживания китайской правящей элиты. Однако некоторые эпизоды этих баталий выносятся за массивные стены Чжуннаньхя с помощью настенных дацзыбао — неотъемлемой части жизни Китая последних лет. При этом пекинские идеологи создают видимость «свободы личности», пропагандируя мысль о том, что жителям «поднебесной» разрешается проявлять собственную инициативу и вести со стен площади Тяньаньмэнь или университета Цинхуа политические дебаты, открыто высказывая свое мнение.

В действительности же все обстоит совсем не так. Не первый год дацзыбао выпускаются под диктовку самих фракционеров, которые в данное конкретное время защищают или порочат то или иное «провинившееся» лицо. Иными словами, дацзыбао отражают точку зрения определенной группировки. Ошельмовать человека, обвинить его в «десяти тысячах грехов», приклеить ему ярлык «флюгера», «каппутиста», «со-трясателя» ничего не стоит. Причем в дацзыбао придерживаются конкретики, а в официальной печати имен обычно не называют, хотя по схожим с дацзыбао формулировкам можно довольно точно опознать

«того, который стал человеком-гиеной» или «зажимщиком».

Изначальная травля жертвы с помощью дацзыбао — весьма распространенный прием китайских властей. Эскалация такого рода критики обычно приводит к аресту, суду, тюрьме или высшей мере наказания — расстрелу. Но в целом, свидетельствует английская газета «Обсервер», «судьба провинившегося решается задолго до того, как он предстанет перед судом. Заседания суда проводятся лишь для того, чтобы утвердить решение, уже принятое официальным представителем юстиции».

Чехословацкая газета «Руде право» в статье, посвященной внутривластному положению в Китае, подчеркивает, что лишь за 1977 год маоисты казнили несколько тысяч человек. Западные журналисты, побывавшие за последнее время в КНР, даже зная обстановку в области прав человека, стараются не поднимать эту тему, обходить ее стороной. Известен, например, случай, когда канадский корреспондент Росс Мурро опубликовал серию статей, раскрывающих истинное положение в области прав человека, и был за это лишен пекинскими руководителями возможности продолжать работу в Пекине.

Однако скрыть от мировой общественности обстановку террора и насилия пекинским лидерам не удается. За последние десять лет многие провинции Китая превратились в арену жестокой братоубийственной войны. Была парализована работа предприятий, транспорта, нарушен цикл сельскохозяйственных работ. Развал и хаос повлекли за собой коррупцию, нищету, вызвали проблемы трудоустройства. Под прямой угрозой оказалось основное право человека — право на жизнь. «...Живущие на Западе ученые китайского происхождения, — сообщает «Вашингтон пост», — которых изредка приглашают в Пекин, знают, что права человека в этой стране попорчены. А мы просто не знаем, сколько людей казнили, например, за последние месяцы по обвинению в политических преступлениях...»

Газета в этой связи вспоминает формулу Мао, согласно которой пять процентов народа — наверняка «реакционеры». Эти люди вообще не имеют возможности пользоваться никакими правами. Под этот процент могут попасть все те, кто неугоден пекинским ру-

ководителям, все те, кто попадает под категорию инакомыслящих. А ведь пять процентов от 900 миллионов — это 45 миллионов человек! По мнению наблюдателей, 30 миллионов китайцев до настоящего времени относятся к разряду бывших богатеев, и вот уже без малого тридцать лет подвергаются самой жестокой дискриминации. Их считают людьми «второго сорта», оплачивая за ту же самую работу на 10—20 процентов меньше, чем остальным. Им выделяют наиболее трудные для обработки участки земли. За отцов и дедов нередко приходится расплачиваться детям: для них, например, ограничен прием в школы и вузы. Даже «Жэньминь жибао» вынуждена была недавно признать, что «независимо от того, совершали ли родители ошибки или нет, известны случаи, когда в личные дела детей вкладывались клеветнические и фальшивые материалы». В результате у них возникли трудности самого неожиданного характера.

Оспаривать предъявляемые обвинения семьи «бывших» не имеют никакого права. Среди «реакционеров», томящихся все три десятилетия в тюрьмах, немало больных, престарелых людей.

«Слово «закон» в Китае вообще не употребляют,— пишет «Обсервер».— В КНР нет письменного свода законов. Власти по своему усмотрению решают, что дозволено, а что нет. А эти решения принимаются в зависимости от того, куда дует политический ветер».

Иные буржуазные теоретики пытаются объяснить такое положение в китайском обществе древними «традициями», при которых сама идея судопроизводства и беспристрастного применения свода законов никогда, мол, не имела глубоких корней, а концепция свободы личности вообще «слабо разработана» в Китае.

В годы работы в Пекине нам не раз приходилось беседовать с учеными, юристами на схожие темы. И вот что примечательно: тогда, в самом начале 50-х годов, эти люди с возмущением вспоминали дореволюционные времена, когда власть имущие решительно подавляли свободу личности. Так, профессор Чжан (имя этого человека умышленно изменено), который когда-то преподавал в Яньцзинском университете (этот вуз был крупнейшим в Китае и считался «бастионом

американской цивилизации», где обязательным языком был английский, а главным предметом являлся («Америка и ее демократия»), рассказал такую историю:

«Теперь мы все перевоспитались под знаменами революционных идей. У нас есть все права. Раньше было как: на лекциях профессора проповедовали идеи гуманизма и высокой морали, выпренне говорили о философии Конфуция и прочих древних мудрецах, о любви к человеку, а потом, задрав ноги на американский манер на плечи рикши, закуривали сигарету и катили к женщинам легкого поведения. Они пользовались всеми правами. А народ? Взять хотя бы конституцию середины 30-х годов, которая явилась «законным» оформлением самой зверской фашистской диктатуры. Например, что такое «баоцзя»? «Баоцзя» — это полицейская система круговой поруки в деревне. Ее насаждали тогда с целью искоренения малейших проявлений демократических свобод. Деревня разбивалась на десятидворки и стодворки, члены которых взаимно отвечали за «поведение» друг друга перед властями. Я помню даже стихи тех лет.

Баоцзя, баоцзя!
Жить нельзя, дышать нельзя.
Все в цепях и кандалах.
У начальников в руках
Кнут и страшная печать.
Заставляют нас молчать.

Кстати говоря, этой же системой пользовались и японские милитаристы, когда они вторглись в Китай и оккупировали часть его территории».

Мы не случайно привели воспоминания профессора. Объясним, почему. По выводам многих наблюдателей пекинские руководители разбили сейчас страну на ячейки, которые называются «коллективами». Практически каждый в этой огромной стране принадлежит к какому-то «коллективу». Это своего рода вторая, наиболее главная для человека «прописка». Дело доходит до анекдотов, когда, знакомясь друг с другом, китайцы не спрашивают, как вас зовут, а интересуются, «из какого вы коллектива».

«Коллектив» — это все. Он определяет границы экономической жизни семьи, создает эталоны морали, да-

ет указания иметь женщине детей или нет, предписывает, как и когда убирать жилище, улицу и т. д. Но главная функция «коллектива», его руководителя — это постоянная, хорошо отлаженная система взаимной слежки и доносов, что по существу не делает разницы между прежними «баоцзя» и нынешними «коллективами».

Не так давно газета «Гардиан» писала: «В каждом переулке Китая есть свой осведомитель. Одиночество неизвестно в Китае, поскольку сосед доносит на соседа, друг шпионит за другом». Газета добавляет, что в ЦК КПК создан даже специальный отдел, который является «центральным пунктом проверки миллионов доносов, ежедневно поступающих от шпионов внутри страны». На языке пекинских лидеров тотальная слежка, преследование за политические убеждения именуются «эрой всеобщего порядка в «поднебесной». А чтобы этот «порядок» стал еще прочнее, время от времени обнародуются списки казненных «контрреволюционеров», состоящие из сотен имен. К этой крайней мере прибегали прежние правители страны и продолжают прибегать нынешние. При этом находятся такие активисты, которые дено и ночью призывают к увеличению казней для более жестокой расправы с «политически вредными элементами», которые якобы пользовались поддержкой «банды четырех».

В этой связи невольно вспоминаются резкие атаки пекинской пропаганды на Конфуция, с одной стороны, и кампании в защиту одной из наиболее мрачных фигур в многовековой истории страны императора Цинь Ши-хуана (III век до нашей эры) — с другой. Китайским идеологам весь этот нарочитый маскарад понадобился только для того, чтобы поставить на одну доску деспотизм давно усопшего изувера и идею «революционного насилия» диктатуры пролетариата и списать за этот счет тысячи невинно наказанных людей. Чтобы представить себе более вышукло, каким образом пекинская пропаганда проводит в жизнь эти идеи, напомним одно высказывание, приведенное в книге «Да здравствуют идеи Мао Цзэ-дуна», изданной в Пекине в 1967 году. Оказывается, Мао еще в 1958 году говорил: «Цинь Ши-хуан издал приказ, который гласил: «Кто ради древности отвергает современное, род того будет искоренен до третьего колена». Если

ты привержен к старине, не признаешь нового, то вырежут всю твою семью. Цинь Ши-хуан закопал живьем всего только 460 конфуцианцев. Однако ему далеко до нас. Мы во время чистки расправились с несколькими десятками тысяч человек. Мы поступили, как десять Цинь Ши-хуанов. Тот закопал 460 человек, а мы 46 тысяч — в сто раз больше. Ведь убить, а потом вырыть могилу и похоронить — это тоже означает закопать живьем. Нас ругают, называют циньшихуанами, узурпаторами. Мы все это признаем и считаем, что еще мало сделали в этом отношении, можно сделать еще больше».

В годы «культурной революции» Мао и его сторонники действительно превзошли убийцу-императора. Жертвами террора оказались миллионы людей. Одних казнили, других бросали в тюрьмы.

В поистине бедственном положении находятся китайские крестьяне. Призыв «навести порядок» в деревне и «покончить с произволом», который чинят в отношении крестьян власти на местах, прозвучал два года назад. Однако воз и ныне там. Рукоприкладство, моральная и физическая травля неугодных лиц, принудительные штрафы, поборы — все это можно увидеть в китайских селах. В печать просочились сведения о секретаре уездного парткома провинции Шэньси Лю Шу-жуне, который занимался избиением крестьян и подавал пример другим кадровым работникам. Заместитель секретаря парткома коммуны «Юаньди» устраивал показательные порки ремнем. В деревнях были созданы «частные» тюрьмы, где над людьми устраивались пытки. Заточенных в эти так называемые «пункты ополченцев» держали на голодном пайке, доводя до полного истощения. Дело доходило до того, что несчастные либо кончали жизнь самоубийством, либо сходили с ума.

Несмотря на этот произвол, виновные не понесли должного наказания. Объясняют это тем, что во главе провинции Шэньси находится лицо, близкое к Хуа Го-фэну. Аналогичная ситуация сложилась в провинции Чжэцзян. Там, например, власти учинили расправу над работницей овощного магазина. В результате женщина получила серьезные увечья. Налоги, использование крестьянского труда без элементарной компенсации нередко приводят к тому, что люди остаются без еди-

ного юаня в кармане, голодают. Однако жаловаться на несправедливость они боятся.

Один западный журналист на страницах швейцарской «Вэнкатр эр» поведал о том, что, согласно постановлению о наказании за «контрреволюционную» деятельность от 22 февраля 1951 года, правительство присвоило себе право заключать в тюрьму, арестовывать (с последующим бесследным исчезновением), приговаривать к каторжным работам, подвергать пыткам или казнить кого угодно по самому ничтожному поводу. Для этого достаточно одного лишь подозрения.

Особенно много тюрем и концлагерей, по словам газеты, создано за последние годы в высокогорном Тибете. Управлениям, в ведении которых они находятся, присвоены чисто в китайском стиле высокопоэтические названия: «Аллея утренней росы», «Светлый ручей», «Возле Алтаря неба на улице Обновления» и т. д. Самые «опасные» заключенные содержатся в лагере Голмо. Его считают «абсолютно надежным». Вот почему он служит местом «последнего заключения» для тех, кто упорно не желает «перевоспитываться». В тюрьме Санин в городе Лхасе томятся 300 «важных преступников». Их ежедневно подвергают допросам, нередко бросают в карцер. На их тюремной одежде начертан иероглиф «опасный». Вообще же в китайских тюрьмах, по словам автора репортажа, широко применяются меры физического воздействия, позволяющие получать «важные признания».

Примеров произвола китайских властей множество. Вирусы репрессий, распространяемые по Китаю, множатся с опасной быстротой. «В сегодняшнем Китае,— пишет гонконгский бюллетень «Чайна ньюс анализ»,— речь идет не просто о попрании прав человека. Отсутствие всяких прав на свободное политическое мнение стало опорой, поддерживающей систему. И пока вирус мести и ненависти будет жить в политическом организме страны, китайский народ не сможет дышать свободно».

Да и о какой законности может идти речь, если в стране отсутствуют уголовный, гражданский и процессуальный кодексы. Их проекты, по сообщениям китайской печати, были разработаны еще в 1962 году, однако так и не утверждены до наших дней. Вполне за-

конно возникает вопрос: как же в этих условиях может претворяться в жизнь конституция, которая была принята в начале 1978 года? А ведь в ней, например, восстанавливается право обвиняемого на защиту и на открытый суд, как это, впрочем, предусматривалось еще конституцией 1954 года, которая на практике вместе с началом «культурной революции» перестала существовать. Вновь заговорили о прокуратуре, которая по идее должна контролировать законность, а также выступать в роли обвинителя. Китайцам на словах обещаны и некоторые другие гарантии.

Однако говорить о том, что Пекин способен полностью восстановить законность, предоставить людям подлинные права, нет никаких оснований. Конституция 1978 года, например, так и не возродила принцип независимости судебной власти от власти политической, что, кстати, было зафиксировано в конституции 1954 года. Не восстановила она также и содержащегося в том документе обещания обеспечить всем гражданам равенство перед законом. В Китае по-прежнему в ходу ярлыки, вроде «помещиков», «злодеев», «идущих против течения». А прочные связи Пекина с реакционными режимами Чили, ЮАР и прочими человеконенавистниками свидетельствуют о его приверженности к тем правителям, которые являются наипервейшими душителями гражданских свобод.

Вопреки ухищрениям пекинских властей, стремящихся скрыть за Китайской стеной маоистские преступления, вопиющие нарушения прав человека, происходящие в Китае события все же становятся достоянием гласности. Моральный климат государства продолжает оставаться тяжелым. Лишая населяющие страну народности основного права — права на жизнь, китайские лидеры в то же время присваивают себе право говорить о нарушениях прав человека в других странах, раздувают кадило «холодной войны». Поджигательская политика Пекина встречает растущий отпор со стороны всех честных людей земли. Народы мира понимают, что нынешний экспансионизм китайских руководителей есть отражение неуверенности в завтрашнем дне, объясняется неспособностью решить внутренние насущные проблемы страны, в том числе и проблему гражданских и политических прав человека.

Выстрелы

на «крыше мира»

Огромный горный район в Азии — Тибет представляет собой поистине несметную кладовую природных богатств. Нефть, уран, золото, железные, медные и цинковые руды, уголь, свинец, серебро... В долинах, в условиях повышенной солнечной радиации, можно собирать невиданные урожаи злаковых и овощей. Тибет располагает ценнейшим лекарственным сырьем, на котором основана прославленная народная медицина: стенник, венечник, ревень, олени панты, мускус. Но главное — исключительно выгодное стратегическое положение района. В Пекине это хорошо знали и, исходя из великоханьских концепций, проводили в отношении Тибета соответствующую политику.

В свое время нам пришлось побывать в Тибете, встречаться с религиозными и административными главами района — далай-ламой и панчен-ламой, простыми кочевниками-скотоводами, лавочниками, крестьянами, ремесленниками. Примечательной была встреча в Ахасе с генералом Чжан Цзину — заместителем (иначе его не назовешь) Пекина в Тибете. Именно он осуществлял тогда на «крыше мира» коварный план Мао Цзэдуна по разжиганию среди тибетцев недовольств, сеянию смут, провоцируя их на антикитайские выступления. Цель была одна: поставить «бунтовщиков» силой оружия на колени и окончательно подмять под себя все тибетское население горного массива. О том, как осуществлялся этот план, и хотелось бы рассказать.

...В октябре 1950 года в верховьях реки Меконг показались первые отряды Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Путь, который вел нас в Ахасу несколько лет спустя, тоже лежал через эти места. Потребовалось два дневных перехода, чтобы преодолеть мощный водораздел между реками Янцзыцзян и Меконг (там два хребта — Айла, который дорога пересекает на высоте 4600 метров, и Гэла — 4620 метров). Запомнился бредущий по дороге человек в изодранной одежде, без шапки. Через каждые три шага он ложил-

ся на землю, простирает вперед руки, затем становится на колени, вставал, снова ковылял и снова ложился; буддист-паломник направлялся в Лхасу. Тысячи километров полз он таким образом до святых мест.

В 1951 году после переговоров между местной администрацией и правительством КНР было подписано «Соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета» из семнадцати пунктов. В документе подчеркивалось, что НОАК уважает тибетский народ, что армия пришла сюда, чтобы строить новую, счастливую жизнь для тибетцев. Обратите внимание: «НОАК уважает...»

Вступив в пределы Тибета, НОАК начала строить шоссейную дорогу. За четыре года и девять месяцев высокогорная магистраль была вчерне проложена: первый отряд вошел в Лхасу в декабре 1954 года. Естественно, дорога изменила представление тибетцев о времени и пространстве. Ведь по ней можно было добраться из Чэнду до Лхасы за две недели! Но начало продвижения частей НОАК было омрачено стычкой с местными подразделениями. Под городом Чамдо китайская армия разгромила отряды тибетцев и силой заняла этот главный город Восточного Тибета. Казалось, что в трех тысячах монастырей замерла жизнь, а 800 тысяч монахов — четвертая часть населения — попрятались по своим кельям. Но так лишь казалось. Кочевники-скотоводы, крестьяне и рядовые ламы, за счет труда которых процветала тибетская верхушка, не теряли надежды на лучшие дни.

Из рассказов очевидцев нетрудно представить ход описываемых ниже событий.

...На небольшой захламленной площади перед многоступенчатым монастырем Суранг, врубленным задней стеной в темно-бурую гранитную скалу, собирались тысячи крестьян, монахов, скотоводов. Чуть поодаль виднеются задымленные палатки кочевников. На длинных жердях сушатся сапоги, белье, халаты. Бегают голые ребятишки, разгуливают огромные черные вороны.

На низкорослой лошади к разномастной толпе подъезжает всадник. На нем выцветший домотканый халат, шапка, похожая на треух; в мочке, оттягивая ее, блестит бирюзовая серьга. На поясе — увесистый тесак в ножнах из кожи яка.

— Начнем сходку? — не повышая голоса, спрашивает он у парней из передних рядов.

— Ямо! Ямо! — несутся со всех сторон возгласы одобрения. Толпа гудит, тяжело дышит.

Всадник выпрастывает ноги из стремян, прыгает на пыльную землю и лезет на деревянный чурбак возле гигантского молитвенного колеса с изображением двух мистических буддийских знаков Ян и Инь, олицетворяющих единство противоположных начал в природе. Колесо вращается денно и ночью силой падающей из ручья воды.

— Говори, Дзорен, говори! — слышится из задних рядов. — Мы хотим знать правду!

Дзорен распахивает на груди халат и достает отпечатанный в типографии листок.

— Вот, смотрите. Эта «Памятка для солдат Народно-освободительной армии Китая» сочинена в штабе армии, когда она вошла в Тибет. Здесь приведены наши национальные нравы и обычаи, которых никому не дано нарушать. Слушайте:

«Боец НОАК, помни и выполняй!

Никогда не спрашивай возраст у старого человека, ибо это означает, что ты желаешь ему смерти.

Если поселился в доме тибетца, спроси тотчас, не живет ли здесь лама. Если живет — займи место этажом ниже.

Войдя в дом, жди, когда тебя пригласят сесть. Справа от хозяина должен сидеть первый гость, слева — второй.

Для еды употребляй только свою миску. Чужую никогда не бери.

Не убивай ничего живого и не уди рыбу в озерах.

Наняв караван яков, помни, что он может идти только в пределах данного удела. Если караванщик сам не переступит границы соседнего удела, не настаивай на этом...»

Оратор поправил съехавший на лоб треух и продолжал:

— А что происходит на самом деле? С того дня, как китайская армия пришла в наш район Кам, нарушений этих правил ханьскими солдатами не пересчитать. Но мы не вправе даже заикнуться об этом. Они провоцируют нас. В Пекине забыли или не желают

знать учение Сунь Ятсена. Они провоцируют, вынуждают нас идти на крайнюю меру — восстание!

По толпе прокатилась волна ропота. Вверх взметнулись, как крылья мощной птичьей стаи, сотни мускулистых рук. Словно призывный набат, в холодном горном воздухе прозвучал удар монастырского колокола. Где-то глухо зарокотал барабан. К вечеру в селении не осталось ни одного взрослого мужчины: они влились в ряды восставших.

Несколько дней спустя в стан горцев пробрался корреспондент одной из пекинских газет. Дзорен, который в округе возглавил восстание, согласился дать ему интервью. Оно никогда не увидело бы света, если бы сподвижники по борьбе не записали разговор с журналистом на магнитофонную ленту.

Дзорен говорил: «Всю свою историю тибетцы опасались двух зол: своего хозяина-феодала на этом свете и бесчисленных кар после «перерождения» духа в другом своем существовании. Двести семей феодалов на земле наших отцов творили все, что хотели. Страх, животный страх вынуждал людей работать в поле, не поднимая глаз, пасти скот, не видя неба.

Я не буду вспоминать, что было, когда в Тибет пришли англичане. Лучше вспомнить, что нам обещала китайская армия и чем обернулись эти заверения: сплошной ложью и обманом. Тибетских девушек заставляют выходить замуж за ханьцев. Пятнадцать тысяч детей без нашего согласия вывезли в Китай под предлогом обучения их чтению и письму. Молодых и стариков, как скот, кнутами сгоняют на прокладку военных дорог, строительство мостов, казарм, аэродромов. Не считаясь с нашими обычаями и устоями, нам навязывают «народные коммуны». В города переселяют из центрального Китая демобилизованных солдат. Почти весь урожай, который раньше мы отдавали феодалам, теперь идет на содержание трехсоттысячной армии.

Мы не против ханьского народа. Мы всегда уважали его. Мы не против коммунистов вообще. Многие из моих соотечественников читали книги Сунь Ятсена и Маркса, переводя их с ханьского языка на тибетский. Но мы не можем мириться ни с феодалами, ни с теми, кто их поддерживает в Пекине. Мы будем бороться до конца со всеми, кто хочет растоптать на-

циональную культуру, человеческое достоинство и автономную целостность тибетского народа».

Пройдут годы, и французский журнал «Экспресс» напишет: «Кама подняли восстание против пекинских эмиссаров. Таким образом, национально-освободительное движение тибетцев с самого начала носило антипекинский и антифеодальный характер».

Дзорен значительно позже, когда восстание было подавлено артиллерией и танками, а многие его участники бежали за пределы Тибета, вспоминал:

— Все могло бы быть иначе. Когда стали строить первую шоссейную дорогу, связывающую Лхасу с Китаем, наши скотоводы и крестьяне помогали армии. На трассе работало более двухсот тысяч яков. Да и за труд китайцы вначале платили лучше, чем было принято в прежнем Тибете. Солдаты помогали собирать урожай, одаривали одеждой, чаем, мукой. Когда в Пекин стали посылать на учебу детей знатных сановников, то за места даже шла борьба. Не трогали китайцы и торговцев. Но так длилось недолго. Вскоре все тибетское, национальное стали объявлять «плохим», все китайское — «хорошим». Тибетцы стали «варварами», людьми «второго сорта». Они должны были во всем подчиняться приказам китайского «большинства».

Дзорен рассказывал, что маоисты отказались от идеи объединения тибетцев в рамках одной автономной единицы. Они фактически расчленили население: в Тибетском автономном районе проживает менее половины всех тибетцев Китая. Остальная часть разбросана по автономным округам и уездам.

— Мы не сразу поняли это, а когда прозрели — взялись за оружие. Сигналом для массового выступления послужило решение Пекина повысить налоги с крестьянских дворов.

Над Тибетом загремела канонада. Пекин бросил против ополченцев армию, вооруженную современным оружием. Тысячи людей навсегда остались на поле боя. Но партизаны уходили в доступные лишь им горы, сосредоточивались в древних крепостях и продолжали сражаться.

Сильные бои развернулись вокруг самого крупного монастыря Восточного Тибета — Литанга в феврале 1956 года. В конце концов повстанцам пришлось ук-

рыться в стенах монастыря Литанг: перевес регулярных войск в огневой мощи был очевиден. Оборона продолжалась 26 дней. Две тысячи монахов и крестьян стойко держались за стенами обители, невзирая на нехватку воды и провизии.

Армейскому командованию пришлось прибегнуть к помощи авиации. Раздались взрывы бомб.

В середине 60-х годов пламя «культурной революции» перебросилось на окраинные районы КНР, в том числе в Тибет. Ставка делалась на то, чтобы быстро «обработать» население в духе «идей Мао Цзэдуна». События 1959 и 1962 годов, когда китайские власти ввязались в вооруженный конфликт с Индией, в основе которого лежали территориальные притязания Пекина, достаточно ясно говорили о военно-стратегической роли тибетского района для Мао. Но необходимо было учитывать и идеологический аспект. Самой крупной и организованной силой в Тибете издревле был буддизм. А китайская народная ассоциация буддистов объединяла под своей эгидой сто миллионов человек.

Однажды утром жители Лхасы не узнали своего города. Дома, магазины, лавки, храмы, колодцы, каменные изгороди были обклеены тысячами листовок с призывом: «Уничтожим «четыре старья»!» Далее разъяснялось, о чем идет речь: старые идеи; старые привычки; старые обычаи; старая культура. Хунвэйбины объявили смертный бой всей самобытной многовековой культуре тибетцев.

Перед старинным храмом Цзекан, вокруг которого в VII веке выросла Лхаса, несколько дней пылал гигантский костер. Хунвэйбины жгли старинные тибетские книги, свитки, медицинские справочники, уникальные словари. Избивая лам, бесчинствующие молодчики врывались в кельи, крушили мебель, рубили топорами алтари, ломали древнейшие скульптуры.

Пройдут годы, и беженцы, которые были очевидцами тех событий в Лхасе, расскажут:

...Сола Церинг до шестидесяти лет прожил в Шигацзе — городке, застроенном двух- и трехэтажными домиками из грубого камня или кирпича-сырца. Узкие переулки, засыпанные серым песком. Сильный ветер кружит вдоль глинобитных стен листву. Но еще осень не взяла верх, еще зеленеют вековые деревья. Сквозь их трепещущие ветви на западе проглядывают наряд-

ные терракотовые стены и золоченые крыши монастыря Ташилунпо. Сола Церинг там никогда не был. Он кузнец: делает подковы, железные скобы, петли для дворцовых ворот. Профессия кузнеца в Тибете, равно как и профессия скотобоя,— презренная. Людям этой профессии в монастырь вход закрыт.

Теперь Сола Церинг живет в лагере для беженцев. Промышляет другим — шьет сапоги, куртки. Но глаза стали плохо видеть. Ну, а если бы продолжал жить там, в родном Шигацзе? Он отвечает: «В Шигацзе светило солнце с восхода до полудня прямо на мою наковальню. Глаза все видели. Умел выковать булавку. Но мастерскую разрушили хунвэйбины. Я отказался ползать на четвереньках перед портретом Мао и целовать их сапоги. Меня обозвали «скотом». Потом избил. Сын и три брата ушли в горы. Я тоже бросил Шигацзе. Потом мы перебрались сюда, на южные склоны Гималаев, в лагерь для беженцев. Я часто ночами вспоминаю родину. Но возвратиться в обездоленный сад не хочу».

А между тем в Тибете ускоренными темпами продолжалось строительство новых шоссе, дорог, мостов, полигонов, армейских складов, аэродромов. На «крыше мира» появились и ракетные установки с дальностью действия от тысячи до четырех тысяч километров.

В 1976 году Пекин объявил о завершении строительства стратегического моста «Конка бридж» через Брахмапутру в ближайшей к индийской границе точке. Теперь, по заключению военных специалистов, китайская армия могла выйти в приграничный район за несколько часов и перегнать, как по конвейеру, с основной магистрали Чамдо — Лхаса солдат, военные грузы, снаряжение. Со временем стали известны некоторые подробности действий Пекина на заоблачных высотах Тибета.

Впервые сведения о существовании лагерей в Тибете появились на страницах китайской «Синьцзян жибао» в июне 1956 года. Массовое создание мест заточения для тибетских политзаключенных ведется с середины 1959 года — со строительства тюрьмы Дхапчи близ Лхасы на месте бывшего армейского лагеря. Вслед за ней появилась тюрьма в Лходзонге. Считают, что это одна из крупнейших темниц не только в Ти-

бете, но и во всем Китае. За ее стенами томятся до 50 тысяч (!) заключенных. По свидетельству тибетского эмигранта Кунсанг Янджена, каждый месяц в Ахасе казнят до сорока тибетцев.

Пекин использовал заключенных на строительных работах. Примерно десять тысяч из них возводили ГЭС на реке Киту. Тысячи других к востоку от Ахасы, в районе Онгпо и Нингтри, сооружали железную дорогу, мосты, изготавливали кирпич, осушали болота, строили военные укрепления по 10—12 часов в сутки. Естественно, Пекин держит такие данные в тайне.

Вообще информация о Тибете наших дней на страницах китайских центральных газет — явление крайне редкое. А уж если она выходит из-под пера сочинителей из агентства Синьхуа, то в ней что ни слово, то похвала «усилиям», направленным на «улучшение жизни» населения этого района.

1 мая 1977 года в Ахасе неожиданно открылась фотовыставка «Председатель Хуа Гофэн в Тибете». На ней экспонировалось около ста фотографий, запечатлевших приезд делегации из Пекина в 1975 году на торжества по случаю десятилетия Тибетского «автономного» района. Синьхуа сообщило: «Первый секретарь парткома Тибетского автономного района Жэнь Жун разрезал ленточку, а секретарь парткома Ян Дуншэн произнес речь». Даже из этого небольшого перечня видно, что на высших постах в Тибете по-прежнему сидят китайцы.

В конце 1976 года «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью, где говорилось, что ныне численность автономного района определяется в 1,7 миллиона человек, из них 120 тысяч — китайцы (в эту цифру не включен состав воинских частей). На высшей ступени местных административных органов, сообщал корреспондент, китайцев большинство.

Привлекает внимание и другое: пропаганда Пекина старается не вспоминать ни о восстании народности кама, ни о провале своей «культурной революции», ни о бесчинствах хунвэйбинов в монастырях и древних хранилищах тибетских рукописей, ни о надругательствах солдатни над мирными жителями.

В сообщениях Синьхуа бойцы НОАК, как всегда, «лучшие помощники» тибетцев. Они помогают убирать

урожай, спасают поля от стихийных бедствий, отдают крестьянину последнюю рубашку. «Образованные» китайские юноши, присланные в Тибет «со специальным заданием», теперь, видите ли, «служат делу развития национальных меньшинств», обучая тибетцев премудростям сельскохозяйственной науки, письму и чтению. А чтобы доказать, как власти заботятся об охране исторических памятников, в Пекине не устают рассказывать сентиментально-драматическую, в китайском стиле, историю:

«Когда началось сооружение дороги от Лхасы до аэродрома, трасса из-за сложного рельефа должна была проходить через 20-метровую статую Будды. Инженеры решили во что бы то ни стало спасти статую. Преодолевая невероятные трудности, рабочие, раздирая в кровь руки, прорыли в горе под Буддой туннель и вышли победителями в схватке с природой. Священная реликвия была сохранена потомкам».

С помощью подобных сообщений создается картина эдакой безоблачной идиллии, родства и единения душ. Не слишком ли уж стремительный поворот от погромов к благоденствию?! Факты камня на камне не оставляют от «информации» Синьхуа. Вспомнить хотя бы нашумевшую голодовку тибетских беженцев, проведенную с целью добиться претворения в жизнь трех резолюций ООН по Тибету: в них содержался призыв положить конец практике, при которой тибетцев лишают элементарных человеческих прав.

Сосредоточение десятков дивизий на тибетских кручах пекинские идеологи объясняют необходимостью создания «кулака для нанесения удара по горстке классовых врагов», то есть по противникам пекинского режима, и подготовки к войне на случай «нападения Советского Союза». Так пытаются они прикрыть свои великодержавные замыслы в отношении тибетских народностей, принуждая их стать соучастниками антисоветской политики...

Открываем последнюю страничку журналистского тибетского дневника за 5 сентября 1955 года. Приводим запись полностью: «Написано на ходу в машине. Поднимаемся на перевал горы Сецила. Высота — 4695 метров. По счету это тринадцатый перевал на нашем пути.

Миновав перевал, въехали в широкую долину Кичу, обрамленную пологими холмами, на которых стоят буддийские монастыри. Впереди уже показались долишки Лхасы. Далеко на западе в пролете горных хребтов сгрудились лиловые тучи. Из-за них снопами вырываются последние трепетные лучи нежаркого солнца. Они освещают златоглавую громаду дворца-монастыря Поталы и высеченные на придорожных скалах символы, означающие «хорошую судьбу», «победу», «счастье в жизни»...

Когда же сбудутся эти надежды тибетцев?

Ставка на национализм

Среди тех, кто осенью 1978 года в Японии подтолкнул правящую либерально-демократическую партию к скорейшему завершению японо-китайских переговоров о так называемом «договоре о мире и дружбе», приветствовал включение в текст договора статьи о «совместном противодействии двух стран гегемонии» некой третьей страны, под которой маоисты совершенно определенно подразумевают СССР, немалую роль играли хуацяо. Так называют лиц китайской национальности, которые постоянно проживают за рубежом, равно как и местных граждан китайской национальности. (Здесь и далее имеются в виду лишь те хуацяо, которые являются сторонниками Пекина, проживающими в странах Юго-Восточной Азии, — ЮВА.) В Японии их насчитывается свыше 50 тысяч. Пропекински настроенные хуацяо заодно с другими силами реакции делают попытки вбить клин в добрососедские советско-японские отношения и вовлечь Японию в русло антисоветской политики.

Давно замечено, что пекинские дипломаты, аккредитованные в японской столице, ведут подрывную работу по пропаганде антисоветизма, используя в качестве подручных хуацяо в Токио, Кобе, Осаке, Иокогаме и других городах. Обозреватели считают, что орудующая в Японии «невидимая империя» — те хуацяо, которые настроены пропекински, — получает регулярно из Пекина соответствующие рецепты для обработки

общественного мнения как в определенных печатных органах, так и в ходе личных контактов с парламентариями, представителями делового мира и политическими деятелями. Отмечается также, что активность хуацяо возросла после визита японского премьер-министра Т. Фукуды в Вашингтон.

Как известно, Пекин в чрезвычайной спешке произвел ратификацию договора с Японией. Нажим с китайской стороны сыграл решающую роль в процессе ратификации договора японским парламентом. «Китайская церемония» закончилась обменом, также в самые короткие сроки, ратификационными грамотами, для чего в Токио изволил прибыть «сам» Дэн Сяопин.

Цифры обитающих за пределами Китая лиц китайской национальности органы печати разных стран приводят разные. Большинство сходится на 25 миллионах человек. «Хотя китайцы составляют всего лишь 6 процентов населения Юго-Восточной Азии,— пишет журнал «Форчун»,— экономический вес хуацяо чрезвычайно велик. Их опорными пунктами служат Сингапур (75 процентов населения), Малайзия (35 процентов), Таиланд (10 процентов), Индонезия (3,5 процента), Филиппины (около 2 процентов)».

И все же цифры сами по себе расшифровывают далеко не все. Слой буржуазии среди китайской эмиграции располагает, с одной стороны, значительным капиталом, с другой — имеет разветвленную сеть связей как внутри одной страны, так и между общинами, находящимися в других государствах. На всех уровнях, начиная с крупнейших банков и кончая крошечными сельскими лавчонками, они занимают ключевые позиции в коммерции, промышленности. Немало выходцев из Китая подключились к парламентской и политической деятельности, а то и занимают посты в кабинетах министров ряда стран Юго-Восточной Азии.

Пекин никогда не выпускал из поля своего зрения весьма мобильную и в целом послушную армию хуацяо. Правда, его политика в отношении лиц китайской национальности, проживающих за пределами КНР, периодически подвергалась корректировке, отражая неустойчивое состояние дел внутри самого Китая. Однако это предмет особого разговора. Ясно одно, нынешнее пекинское руководство приняло маоцзэдуновскую эстафету политики в отношении зарубежных

китайцев и даже решило усилить их обработку. Как отмечалось в докладе Хуа Гофэна на последней сессии Всекитайского собрания народных представителей, Пекин отводит хуацяо роль «моста» для его связей с ЮВА.

Представляется интересным проанализировать, в какой именно плоскости Пекин намерен осуществлять этот курс. Печать стран Южной и Юго-Восточной Азии не раз отмечала, что китайские лидеры постоянно прибегают к услугам легальных и нелегальных эмигрантов, выполняющих роль шпионов и диверсантов. Одни из них проходят подготовку в специальных школах Китая и затем «внедряются» в банки, учреждения, на промышленные предприятия. Другие выступают в роли доморощенных активистов Пекина, ведя слежку за членами правительств, изучая военные объекты, дислокацию оборонных сооружений. Это не голословное утверждение. Его подтверждает, например, близкая к правительству Индонезии джакартская газета «Брита буана», рассказавшая о раскрытии крупной подпольной организации на острове Ява, которая вела шпионаж в пользу КНР. Во время следствия выяснилось, что в организацию входило около ста человек китайской национальности, в том числе военнослужащие КНР, нелегально, по фальшивым документам проникшие в Индонезию. Хуацяо из этой организации помогли китайской «иммиграции» осесть в Индонезии, снабжали их паспортами и прочими сфабрикованными документами. А их главари регулярно получали из Пекина инструкции о методах и формах подрывной деятельности в Индонезии.

Газета «Мердека» сообщила, что за последнее время органами безопасности в стране арестовано 1250 жителей КНР, проникших незаконно в Индонезию. Она призывает свое правительство принять действенные контрмеры по пресечению нелегального въезда граждан КНР и усилить контроль за деятельностью хуацяо.

Подрывная деятельность китайской агентуры просматривается и в других государствах региона. Индийский журнал «Блитц» отмечал, что «положение китайцев в местной экономике настолько прочное, что, например, в Индонезии, Малайзии, Сингапуре и отчасти на Филиппинах китайские бизнесмены могли бы бук-

важно за несколько дней создать в каждой из указанных стран настоящий экономический (читай — и политический) хаос».

«На воре шапка горит» — гласит русская народная мудрость. И не случайно в ходе недавних визитов китайских лидеров в страны Южной и Юго-Восточной Азии, а также во время пышных приемов, оказываемых лидерам некоторых стран региона в Пекине, Хуа Гофэн и его окружение не устают повторять, что китайская колония в Юго-Восточной Азии «вовсе не используется для ведения подрывной работы против существующих режимов в государствах региона». Заверялось, что КНР выступает за то, чтобы все хуацяо в странах ЮВА приняли гражданство этих стран, соблюдали существующие в них законы. С другой стороны, отмечалось, что, мол, Пекин будет приветствовать и поощрять визиты китайцев из азиатских стран в КНР для их встреч с родственниками...

Однако обмануть общественное мнение пекинским лидерам не удастся. Вот что, например, пишет по этому поводу сингапурская «Стрейтс таймс»: «Пекинское руководство настойчиво призывает к «патриотическим чувствам» хуацяо, видя в них «важную силу, которую необходимо использовать». По замыслам маоистов, не только «этнически» чистые эмигранты, но и дальние потомки уже давно покинувших родину китайцев должны стать активными пособниками Пекина в осуществлении его великодержавных устремлений.

Что же касается тезиса Пекина о визитах хуацяо в Китай для «свиданий с родственниками», то легко просматривается и его совершенно определенная подоплека. Маоистов интересуют лишь те «родственники», которые связаны с исследованиями в области военной техники, оборонной промышленности, современной физики, химии, медицины. По свидетельству прессы, Пекин активно продолжает склонять к выезду в КНР из США и некоторых стран Западной Европы классных специалистов китайского происхождения. Лишь в первой половине 1978 года свыше двухсот хуацяо, занятых в различных сферах науки, особенно в военной, получили приглашения покинуть США и переехать на работу в КНР.

Если же говорить о гражданстве лиц китайской национальности, проживающих за границей, то, вполне

понятно, Пекину гораздо выгоднее, чтобы хуацяо принимали бы гражданство страны пребывания. Это обеспечивает им более широкие возможности для внедрения в определенные отрасли промышленности, органы государственного аппарата...

Выражая мнение Пекина, «Жэньминь жибао» как-то писала: «Подавляющее большинство китайской буржуазии за границей занимает «дружескую и патристическую позицию», и посему следует добиваться «сплочения с ней». Причина проста: капитал состоятельных хуацяо лишь в странах ЮВА составляет, по самым скромным подсчетам, 15 млрд. долларов. Но одновременно пропекинская агентура, а также засылаемые на территорию стран ЮВА провокаторы активно продолжают преследовать неимущих хуацяо, которые, даже испытывая двойной гнет — местной и «своей» буржуазии, отказываются сотрудничать с маоистами.

Показательна в этой связи раздуваемая Пекином в пропагандистском плане антивьетнамская кампания. Китайские лидеры продолжают расточать угрозы в адрес правительства социалистического Вьетнама, которое, мол, заняло «неправильную позицию» в отношении хуацяо, проживающих на территории Вьетнама, и это «нельзя оставить без последствий». Что же произошло на самом деле? На этот вопрос ответил орган ЦК КПВ «Нян зан». Разъяснив, что выработанные в ходе социалистических преобразований положения о плане преобразования частного сектора в промышленности и торговле равно относятся ко всем гражданам, газета писала: «Почему небольшой кучке буржуа во Вьетнаме из числа лиц китайской национальности китайская сторона уделяет такое большое внимание и в то же время полностью игнорирует судьбу многих сотен тысяч подлинных трудящихся — китайских эмигрантов, которые подвергаются в разных районах земного шара беспощадной эксплуатации, преследованиям и даже физическому уничтожению?»

Ответ один: Пекин и впредь намерен руководить и использовать в своих великодержавных националистических интересах имущую часть хуацяо.

Существует прямая взаимосвязь между политикой великодержавного шовинизма Пекина, которую он проводит внутри страны, и его курсом на международной арене. Враждебные провокации пекинского руко-

водства в отношении Социалистической Республики Вьетнам есть логическое продолжение его политики в национальном вопросе непосредственно в Китае, которая отличается крайним великоханьским шовинизмом. Но «вьетнамский народ,— авторитетно и веско заявило правительство СРВ,— не позволит разжечь в себе чувства узкого национализма, приложит все усилия к тому, чтобы защитить традиционную дружбу между народами двух стран». Китайским лидерам не дает покоя разработанная в свое время в недрах Центрального разведывательного управления США стратегия «Троянский конь». Она как раз и была нацелена на подрыв внутренних государственных устоев стран социалистического содружества, развивающихся государств с помощью завербованных ЦРУ агентов из числа местных предателей, отщепенцев. Что же касается Пекина, то он для этой цели широко использует верных ему хуацяо.

В некоторых гонконгских газетах появились инспирированные Пекином рассказы о том, что в обстановке нарастающей конкурентной борьбы с промышленно-финансовыми объединениями у семейных объединений хуацяо, у родственно-деловых компаний остается-де «все меньше шансов выстоять». Теперь каждому ясно: эта дезинформация, как пробный шар, запускалась для отвода глаз. За ее дымовой завесой шло активное наступление Пекина с целью ориентации хуацяо на дальнейший захват ключевых позиций в экономических и политических сферах той или иной страны, активизировалась деятельность секретных служб по организации «пятой колонны» в независимых государствах региона, усиливался процесс сращивания капиталов хуацяо с финансовой олигархией, с местной военщиной.

Общественность ЮВА с тревогой следит за действиями Пекина, который далеко не случайно в конституции КНР законодательно оформил свои взаимоотношения с хуацяо и продолжает, по словам корреспондента Франс Пресс, укреплять с ними связи с помощью дипломатических мостов, которые в настоящее время наводит в ЮВА и считает их «лучшим средством» для данной цели. Как отмечают политические наблюдатели, маоисты проявляют в этом отношении небывалую прыть. Ссылаясь на вполне достоверные

источники, сообщают о подготовке Пекином мастеров шпионажа, специализирующихся по конкретным странам региона, которые будут засланы пекинскими руководителями в открывающиеся в этих странах посольства КНР под маской дипломатов.

Вся эта провокационная возня Пекина не может не беспокоить не только миролюбивые силы развивающихся стран региона, но и всех, кто заинтересован в укреплении мира на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Для кого

открывались секреты

Не так давно пекинские лидеры, расточая обольстительные улыбки, побратавшись с отставными натовскими генералами, водили хоровод вокруг Запретного города в китайской столице. Делегацию выходцев из прошлого возглавлял приближенный одного из фашистских главарей Геринга некто Гейнц Третнер.

Вся жизнь Третнера была связана с профессией специалиста по массовому уничтожению мирных жителей, начиная с бомбового удара по испанской Гернике в 1937 году и кончая последними днями второй мировой войны. Впрочем, и в послевоенные годы он не расставался с бредовыми идеями о нападении на Чехословакию и ГДР, Польшу и Советский Союз. Теперь, лишившись по возрастному цензу просторного кабинета с настенной стратегической картой, он подыскал себе надежных единомышленников у стен Запретного города.

Нет нужды повторять, что пекинское руководство ничего «просто так» не делает. НАТО с некоторых пор стало подобно магниту притягивать маоистов. Визит бывших натовских заправил в Пекин сблизил позиции хозяев и гостей. И вот после легкого флирта с третнеровской камарильей Пекин еще активнее взялся за укрепление связей со странами НАТО, за увеличение импорта оружия.

Попутно пекинские штабисты-милитаристы занялись и такой немаловажной формой наращивания своей боевой мощи, как приобретение закрытой военной информации, хранящейся в сейфах других суверенных государств. Особенно промышленно развитых. Но и промышленный шпионаж шпионажу рознь. Случай, о котором речь пойдет ниже... Впрочем, все по порядку.

В октябре 1977 года в Канаде состоялся суд над инженером-консультантом системы связи ПВО НАТО Питером Трзу. Разбирательство проходило в обстановке исключительной секретности. Однако отдельные факты скандального дела Трзу все же стали достоянием общественности.

Он был привлечен канадскими властями к уголовной ответственности «за незаконное хранение информации и документов», а также за то, что «не принял должных мер предосторожности и своими действиями нанес угрозу их безопасности». Обращают на себя внимание такие детали: во-первых, власти Канады, имея в руках неопровержимые улики, еще в 1973 году лишили Трзу возможности доступа к каким бы то ни было секретным документам. Однако, как выяснилось теперь, он продолжал получать задания по линии НАТО на разработку секретных проектов в рамках своей специальности вплоть до февраля 1977 года.

Во-вторых, приговор, отправивший инженера-шпиона на два года за решетку, вызвал вдруг бурю негодования прежде всего в... США. В чем же дело? Ведь в США, кому положено, знали доподлинно о лишении инженера доступа к секретным бумагам. И все же продолжали снабжать его совершенно закрытой документацией. В общей сложности за этот период Трзу получил ни много ни мало 85 секретных контрактов!

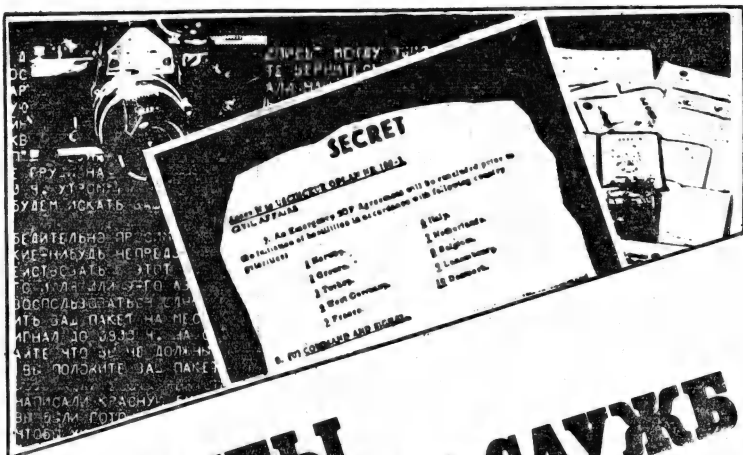
Непосвященному человеку разобраться в этой коллизии отнюдь не так-то просто. Свет на все пролила газета «Торонто стар». Она поведала о том, что вся информация по упомянутым выше вопросам не залеживалась в Канаде, а переправлялась через океан в... Пекин. В роли передаточного звена выступал некий Натан Рувель — юрист международного торгового агентства «Хилл, Бэттс энд нэшь» из Нью-Йорка. Система была отлажена и срабатывала безукоризненно. Получив особо важные документы, Рувель тут же вы-

ходил на связь с агентами Пекина и передавал их из рук в руки.

Известно, что в Соединенных Штатах существует весьма могущественная китайская община. Часть ее — пропекински настроенные лица китайской национальности, именуемые хуацяо, заняты в самых различных областях науки, техники, просвещения, в бюрократическом аппарате, торговле Нью-Йорка. «Торонто стар» называет пока лишь один дуэт хуацяо — К. Чэна и Л. Сю, которые, по ее словам, поддерживают постоянные «контакты с Пекином» и являются пропекинскими активистами хуацяо в США. С ними-то и общался «юрист» Рувель, а точнее — завербованный американскими спецслужбами торговец чужими секретами.

Итак, кажется, теперь все становится на свои места: передавая конфиденциально секретные материалы Трэу, американские специалисты знали, что они попадут из канадских сейфов точно по адресу — в пекинские. Такой пассаж вполне понятен в условиях пресловутой нормализации американско-китайских отношений. Журнал «Форин афферс», например, писал: «США должны резервировать за собой право непосредственно продавать Китаю военную технику... в случае ухудшения советско-американских или советско-китайских отношений». В этой цитате, применительно к описанному случаю, достаточно лишь заменить слова «военная техника» на «секретную информацию», и все будет понятно.

Во всей этой истории удивление вызывает одно: неужели в Вашингтоне до сих пор не уяснили простую истину — тот, кто сегодня помогает вооружать китайских милитаристов, в любой момент сам может угодить под их прицельный огонь. Что же касается непосредственно «операции хуацяо», то канадские власти, разумеется, сами разберутся, как и почему без их ведома, попирая национальные законы страны, с ее территории осуществлялась беспрецедентная акция по торговле информацией закрытого свойства.

СЕКРЕТЫ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ

1607902

«Электра»

не вернулась

За последние полтора-два десятилетия Япония стала ареной многих политических заговоров, убийств, похищений или же попыток похищений иностранцев — коммерсантов, дипломатов, журналистов, общественных деятелей, моряков, государственных служащих. Как правило, за каждым заговором маячила злобная тень Центрального разведывательного управления (ЦРУ). На ролях непосредственных исполнителей незаконных операций подвизались главным образом завербованные ЦРУ лица японской национальности либо американцы японского происхождения. Не обходилось и без исключений. Но главное, что хотелось бы подчеркнуть, — уголовные акции такого рода разыгрывались с соучастием японской полиции и в той или иной степени оказывали влияние на официальную политику страны. Бывали случаи, когда и сами полицейские чины становились жертвой мести ЦРУ.

Перед нами стенограмма протокола № 45 — комиссии по делам кабинета министров нижней палаты японского парламента. Запрос депутата Оидэ гласит: «Что касается реально возникших инцидентов, то они породили множество проблем. И эти проблемы нужно решать. Нужно решать их с учетом гарантированных в нашей конституции прав человека и недопустимости с точки зрения правовой системы Японии неконституционных явлений. Прежде всего должны защищаться права человека... Не настало ли время, чтобы в пределах, известных главному полицейскому управлению, японскому народу прямо сказали о том, что такое ЦРУ, что делается полицией для защиты народа, для ограждения влияния ЦРУ на жизнь народа?»

Было бы наивно полагать, что в высших эшелонах власти современной Японии нашелся человек, осмелившийся вступить в единоборство с ЦРУ. Что же касается японской полиции, то она давно находится в тесном контакте с американской разведкой. Причем если она, затеявая очередную акцию, прибегает к сво-

им излюбленным методам — угрозам, запугиванию, шантажу объекта, то непременно устанавливает связь с охранным отделением главного полицейского управления. Немало японских полицейских за минувшие годы были завербованы ЦРУ, выполняя поручения его дальневосточного штаба, который сперва размещался в Токио в здании «Юсэн биру». На его фасаде для прикрытия была прибита вывеска «Ди-Ар-Эс» («отдел документальных исследований»). Потом штаб-квартира дальневосточного филиала ЦРУ переехала на базу Иокосука, в невзрачного вида дом, неподалеку от моря. Его достопримечательностью являлись: американский флаг и высоченная антенна. Она стала постоянно действующим передаточным звеном между Лэнгли и представителями американской разведки, работающими под «крышей» посольства США в Токио.

Как отмечает вашингтонский корреспондент газеты «Иомиури», Япония все послевоенные годы выступала в роли аванпоста ЦРУ на Дальнем Востоке. Так, например, здесь «работали» американцы Дж. Я. Кэннон, Кларк, Мэрфи, Браун, Глазго, американцы японского происхождения (нисэи) — Виктор Мацуи, Кавада, Фукуда, Номура, Хасимото, Тони, Тами Идзумимото и другие.

Все перечисленные агенты входили в группу, которая занималась осуществлением операций в области «грязной работы» (тайными операциями): заговоры, похищения, подрывные акции, подкупы, вербовка и т. д. Вторая группа сотрудников ЦРУ находилась непосредственно в американском посольстве, занимаясь сбором политической, экономической и культурной информации. Так, по сведениям «Иомиури», с 1950 по 1968 год главным «специалистом» по проблемам Дальнего Востока в Токио работал Уильям Нельсон. В 1957 году, когда Советский Союз впервые в мире осуществил запуск искусственного спутника Земли, он и руководитель «грязных операций» Тами Идзумимото получили из центра секретное указание: «Собирать информацию по космическим проблемам через туристов, возвращающихся из СССР. Давать всем отправляющимся в СССР задания привозить пробы грунта из районов, прилегающих к советским базам по запуску спутников, хотя бы одну горсть». Соответствующие американские научно-исследовательские центры надея-

лись с помощью анализа частиц, остающихся на земле после запуска ракеты, выяснить характер ее горючего.

В 1960—1966 годах секретные операции, которые ЦРУ осуществляло против социалистических стран и демократических организаций в самой Японии, направлялись Уильямом Блоу, который позже, по свидетельству «Июмиури», участвовал в проведении переворота в Чили, а ныне занимает руководящее кресло в Дальневосточном отделе Лэнгли. И уж кому, как не этому господину, знать историю, которая закончилась столь трагически.

О ней наш рассказ.

Начальник второго охранного отделения главного полицейского управления Японии Масаки Накамура добрался до своего дома в тот вечер довольно поздно. После отпуска накопилось немало неотложных дел, а тут еще предстояла длительная командировка в Соединенные Штаты. Поездка в США — дело заманчивое, да и почетное: Вашингтон предоставлял для руководящих сотрудников японской полиции всего одну «путевку» в год. Да и льготные условия не могли не прельщать: бесплатный проезд в оба конца, бесплатные гостиницы, оплата питания, кое-что на карманные расходы. Срок тоже приличный — за 2 месяца можно увидеть столько интересного...

Размечтавшись, Накамура отложил в сторону газету и включил телевизор. Зазвенел телефон. Полицейский привык к ночным, утренним звонкам — служба беспокойная, требующая постоянного напряжения.

— Страховое агентство просит у господина Накамуры прощения за столь поздний час. Но нас очень просили связаться с вами именно сегодня и предложить застраховать вашу жизнь на случай...

— Кто просил?!

— Человек не назвал своего имени, но представился сотрудником вашего управления...

Профессионально уточнив некоторые детали, Накамура уверился в надежности человека, находившегося на противоположном конце провода.

— Жду вас завтра, здесь. Запишите адрес: Тиёда-ку, Хаябуса-тё, 13...

По третьему каналу с ипподрома транслировали осенние бега. В третьем заезде бежал его любимец по

кликке Пегас. Накамура знал хорошо не только эту стремительную, сильную, как пружина на старте, лошадь, но и жокея. Когда-то он начинал с ним службу в полиции, а вот теперь... Кусакабэ-сан стал вольной птицей, имеет приличный заработок, целый веер юных поклонниц, а он прозябает в стенах самого «холодного» управления. Накамура почему-то вдруг вспомнил, что из полиции за последние годы ушло немало его добрых знакомых. Одни перешли в частные сыскные фирмы, другие открыли коммерческое дело, третьи неплохо устроились в Управлении национальной обороны (УНО).

Друзья тоже предлагали ему перейти в УНО. Соблазняли тем, что при втором отделе управления по настоянию деятелей из правящей либерально-демократической партии создавалось особое исследовательское бюро, а точнее — разведывательный орган. В парламенте его появление отстаивали на том основании, что, мол, нынешняя международная обстановка диктует необходимость заниматься сбором разного рода информации и Управлению национальной обороны. Своих опытных кадров в этой области УНО не имело. Вот и пришлось тогда консерваторам постучаться в двери шефа полиции...

На сотрудников бюро были возложены различные функции — осуществление радиоперехватов, обработка материалов, получаемых из охранного отделения главного полицейского управления, ну и как само собой разумеющееся — поддержание контактов с ЦРУ. Впрочем, Накамура лучше других знал, что практически вся секретная информация, которой располагает его управление, попадает прежде всего в руки ЦРУ. Может быть, именно поэтому ЦРУ столь скептически и относится теперь к делам разведывательного органа УНО. Получая «сливки» из полиции, оно в нем мало заинтересовано.

Эти мысли одолевали его и весь следующий день, когда он страховал на приличную сумму (за счет управления!) свою жизнь, когда подписывал ордер на арест опасного рецидивиста Ясито и просматривал годовой финансовый отчет. Окончательно из равновесия его вывел во время обеденного перерыва его подчиненный Сюндзо Судо.

— Вчера мне позвонил один приятель, который

работает на ЦРУ, и попросил уточнить, кому принадлежит машина с номерным знаком нашего управления. И что же вы думаете? Он назвал номер вашего автомобиля!

— И вы подтвердили это? — Судо заметил, что голос начальника дрогнул.

— Да, Накамура-сан. С моим другом нельзя играть втемную. Он не та фигура. Все равно узнал бы. Но тогда мне, согласитесь, за обман несдобровать.

Накамура промолчал, но для себя сделал вывод: ЦРУ вело за ним слежку. Однако докопаться до причины начавшегося лихолетья он так и не смог. Он не думал, что встреча с Мацуоки, состоявшаяся за неделю до этого разговора, могла стать для него роковой.

Нисэй Ямада никогда не слыл лириком. Его указания всегда носили конкретный, не терпящий возражений характер. В ЦРУ его за это ценили и поручали самые ответственные задания.

— Завтра установите наблюдение за человеком, который около восьми утра зайдет в кафе «Хани» в подвальном помещении здания «Тэкко биру». Коренаст, возраст около 40 лет. Лицо круглое. Держится настойчиво. — Ямада, помолчав, бросил: — Ясно?

Агент Масаки согласно кивнул головой.

«Ровно в 8.00 в кафе вошел мужчина, соответствующий приметам Ямады, и, внимательно оглядевшись, сел за свободный столик. Он находился в кафе около 30 минут. Затем поднялся и вышел на улицу. Отсюда мы начали вести за ним слежку. Он проследовал мимо южного выхода из Токийского вокзала и через Кадзибаси вышел на Гиндзу. Там в течение получаса он прогуливался, делая вид, что разглядывает витрины магазинов. Было ясно, что он беспокоится, нет ли за ним наблюдения. В 11.30 он остановил такси и поехал в район Уэно. Выйдя из такси в переулке района Дайто-ку, он подошел к черному дощатому забору, окружавшему небольшой дом, и, открыв дверь, скрылся внутри. На двери не было таблички с фамилией владельца. До 19.00 из дома так никто и не вышел. На следующее утро мы начали наблюдение неподалеку от кафе «Хани». Вскоре мы увидели его, выходящего из кафе. Прогулочным шагом он направился в сторону Гиндзы и вскоре подошел к кинотеатру в районе Цу-

кидзи. В 10.20 он купил билет и стал прогуливаться в фойе. Затем вдруг подошел к телефону-автомату и стал набирать номер. Я стоял неподалеку от него, и мне удалось услышать, как он сказал: «Мосимоси! Это говорит Мацуока!» Так я узнал его имя.

Закончив разговор, Мацуока быстрым шагом вышел из кинотеатра и стал искать такси. В 10.42 он подъехал на такси к зданию министерства просвещения на Торанамоне и, выйдя из машины, несколько раз смотрел на часы. Было ясно, что он кого-то ждет. Вскоре со стороны Акасаки к Мацуоке подъехал черный лимузин. Открылась дверца, и он сел в машину. В 10.55 она остановилась возле дома по адресу: Тиёда-ку, Хаябу-са-тё, 13. На доме была укреплена табличка: «Масаки Накамура». Мацуока вышел из машины и скрылся в особняке.

Через несколько дней мне удалось по номеру машины установить, что она принадлежит главному полицейскому управлению. Остальное помог уточнить мой знакомый полицейский Сюдзо Судо».

Приезд полицейского чина к своему начальнику вряд ли мог вызвать подозрение у руководства японской полиции. Накамура принимал у себя дома многих сотрудников. Одни беседы носили конфиденциальный характер, другие — за обеденным столом, без соблюдения особых мер предосторожности. Однако его отношения с Мацуокой носили совершенно особый характер.

Дело в том, что Мацуока был завербован ЦРУ и вел шпионскую работу против Советского Союза. Добывая какие-то «сведения», чаще всего придуманные им самим, он за соответствующую мзду продавал их Накамуре. Американская разведка с помощью своей агентуры вскоре раскусила этот альянс. В посольстве США негодовали: как он посмел вступить в преступную связь! Было решено проучить виновных. В первую очередь — Накамуру. В Вашингтон полетела шифрограмма: «Передача Мацуокой информации японской полиции наносит серьезный ущерб интересам США. Его участь решим на месте. Приглашение Накамуре просим оставить в силе».

В практике американо-японских отношений по полицейским службам не было сбоя: пребывание любого сотрудника японской полиции в США использовалось

сперва для тщательного изучения и обработки человека, а затем для его вербовки. В любом случае полицейский возвращался домой, будучи крепко связан с ЦРУ. Случай с Накамурой стал исключением. Его решили проучить...

В заключение приведем еще одно сообщение, опубликованное «Иомиури»:

«17 марта 1960 года в воздухе на большой высоте над гористой местностью, недалеко от реки Огайо в южной части штата Индиана, взорвался пассажирский самолет «Электра» авиакомпании «Норт-Вест Эйрлайн». Все находившиеся на борту 63 человека погибли. Ни одного целого трупа обнаружить не удалось. Остатки крыльев самолета были найдены в 8 километрах от того места, куда упали моторы. Самолет следовал рейсом Миннеаполис — Майами через Чикаго. Взрыв произошел через 30—40 минут после взлета с аэродрома в Чикаго. В тот же день, уже после того, как стало известно об этой катастрофе, в 17.44 в полицейском управлении Чикаго раздался странный телефонный звонок, и детский голос сообщил: «В самолет, вылетевший с чикагского аэропорта «Мидуэй», заложена бомба. В числе погибших — начальник второго охранного отделения главного полицейского управления Японии Масаки Накамура...»

Вместе с Накамурой погибла и его переводчица — Икэда Тиэки, которая служила в ЦРУ и проживала в Соединенных Штатах. По первоначальному замыслу ей поручалось осуществить вербовку Накамуры. Когда же в Лэнгли было решено вербовку заменить казнью, менять ничего не стали. Маршруты, встречи были заранее известны Накамуре, и любое отклонение от программы могло вызвать у него нежелательное подозрение. Особенно это касалось переводчицы. Шефы американской разведки решили принести в жертву и ее.

Взрыв над штатом Индиана потряс своей нечеловеческой жестокостью все слои японской общественности. Только ничтожное число лиц, причастных к этому страшному инциденту, знало его подлинную подоплеку. Но даже и те, кто знал, не могли ответить на вопрос: какова же была та информация, которую получил Накамура и из-за которой ЦРУ погубило столько невинных людей!..

Длинные руки Сеула

У этого преступления длинная история. А начало ее было разыграно согласно канонам американского детектива.

После прошедшего под утро ливня улицы Токио походили на парную. Первый августовский тайфун уже отшумел над японской столицей, и, судя по всему, этот дождь стал его последним заключительным аккордом. Но солнце было еще задернуто серым покрывалом облаков.

Ким Тэ Чжун, шаркая шлепанцами, подошел к окну, неторопливым движением отодвинул в сторону плотную штору. Рассеянный уличный свет вяло упал на низенький журнальный столик. Окна номера выходили на запад, и даже в ясный день солнце посещало временное пристанище Ким Тэ Чжуна лишь после пяти часов вечера. Он щелкнул выключателем телевизора и прошел в ванную. Из зеркала над громоздким фарфоровым умывальником на него глянуло лицо уставшего от тревог немолодого человека. Желтая сморщенная кожа дряблыми складками висела на квадратных скулах. Ровные ниточки жестких бровей подчеркивали выпуклый лоб, ежик черных волос. Из-под них шурились щелочки глаз с темными матово блестящими зрачками.

Наскоро ополоснув лицо и руки холодной водой, Ким Тэ Чжун накинул на острые плечи легкий халат. На широких рукавах, спине, длинных, путающихся в ногах полах английскими буквами было выведено название отеля: «Гранд палас».

Постоялец 2211-го номера «Гранд паласа» тяжело опустился в кресло перед цветным телевизором марки «Сони», прислушался к монотонной, словно звучащей на одной ноте, речи комментатора. И хотя его родным языком был корейский, он, прожив в Токио без малого десять месяцев, уже мог уловить основной смысл телепередачи. Получасовая утренняя программа посвящалась событиям на Корейском полуострове.

Ким Тэ Чжун повернул рычажок, прибавил звук и весь обратился в слух. На экране появилась знакомая

со школьной скамьи географическая карта — схема полуострова. Названия городов — Сеул, Пхеньян, Вонсан — были обозначены японскими иероглифами, но он «читал» их так же свободно, как прилежный ученик сдает учителю страноведения экзамен по немой карте. Жирная белая линия, наложенная на 38-ю параллель, разделяла полуостров на два государства — Корейскую Народно-Демократическую Республику и Южную Корею. Засыпать эту разверзшуюся пропасть, укрепить пока еще зыбкие связи между Югом и Севером Кореи, приблизить день мирного объединения страны — вот какими мыслями жили все эти долгие месяцы Ким Тэ Чжун и его товарищи по борьбе, такие же политические эмигранты. «Скоро, — скучным беспристрастным голосом вещал диктор, — состоятся экономические консультации на правительственном уровне между Японией и Южной Кореей. Эта страна крайне заинтересована в модернизации стратегических областей своей промышленности с помощью японских инвестиций...»

Ким Тэ Чжун взглянул на мини-календарик, вмонтированный в циферблат ручных часов: «Сегодня 8 августа. Стало быть, консультации состоятся...» — Он скосил глаза на дверь, выходящую в гостиничный коридор. С минуты на минуту должен был прийти Ян Ир Дон. Он пригласил его к себе в гостиницу для обсуждения некоторых практических вопросов, связанных с деятельностью политических эмигрантов, проживающих в Японии. Тотчас после завтрака Ким Тэ Чжун вместе с Ян Ир Доном отправятся к императорскому дворцу и там с глазу на глаз поговорят о делах. Так было задумано.

Японо-южнокорейский военный альянс принимал с каждым годом все более зловещие черты. Это ни для кого уже не было секретом. Переговоры между Токио и Вашингтоном позволяли судить о том, что с Японией не снимается ранее возложенная Соединенными Штатами ответственность «за безопасность южнокорейского режима». Печать широко комментировала эту далеко идущую формулу. Сведущие наблюдатели указывали на реальную возможность увеличения японской стороной поставок военного снаряжения сеульскому режиму. Делегация высоких чинов Управления японских сил самообороны и научно-исследовательского

центра побывала в Южной Корее, где знакомилась с положением дел в южнокорейской армии.

В дверь осторожно постучали. Ким Тэ Чжун поднялся навстречу гостю. Он уже успел сменить гостиничный халат на легкий серый костюм.

— Входите, входите! — Он протянул руку. В его манере держаться было что-то доверчивое и вместе с тем властное. — Вы точны, Ян Ир Дон, как обычно. — Пропуская вперед главного гостя, он столь же приветливо поздоровался с его приятелем Ким Гён Ином. Оба они были хорошо знакомы Ким Тэ Чжуну, и он даже обрадовался, что Ян привел с собой Ким Гён Ина. «Это придаст нашей встрече более естественный характер и вызовет меньше подозрений у разного рода «наблюдателей», — подумал он.

— И не страшно вам жить на двадцать втором этаже? — полушутя поинтересовался Ян Ир Дон, указывая легким кивком головы на журнальный столик.

— Ах это... — рассеянно протянул владелец номера. — Полагаю, что волнение преждевременное. — Он взял со столика один из последних номеров «Дейли Йомиури» с фотографиями «проснувшегося» вулкана Асо в префектуре Кумамото. — Восемь лет молчал, а посмотрите, какой кра-са-вец! — нарочито растягивая последнее слово, Ким сделал на нем ударение.

— Вам не кажется, что от действующего вулкана до землетрясения может оказаться всего один миг? — Ян Ир Дон прищуренными глазами обвел почти квадратную комнату, как бы спрашивая хозяина, в какой стене могут быть запрятаны подслушивающие устройства, и нарочито громко продолжал:

— Помните землетрясение 1923 года? Потребовалось всего восемь секунд, чтобы превратить Токио в руины и пепелища. Но тогда в столице проживало что-то около полутора миллионов человек. Не выбралось из этой катастрофы 140 тысяч. Нынешний город вообрал в себя 12 миллионов жителей. Представляете, какие возможны жертвы?!

Хранивший до этого молчание Ким Гён Ин заметил:

— Я слышал, что японские тектоники разработали «упреждающий» проект борьбы с землетрясениями. Они предлагают пробурить в зоне наиболее вероятного эпицентра несколько десятков скважин, заложить в

них взрывчатку и искусственно вызвать опережающее землетрясение...

— Я не специалист в этой области, но это все равно что выпустить из бутылки джинна,— засмеялся Ян Ир Дон.

— Между прочим, туристические фирмы и торговцы назвали очнувшийся вулкан Асо «злым джинном»,— потряс газетой Ким Тэ Чжун.— Они из-за него терпят сплошные убытки. Ежегодно в префектуру Кумамото наезжало до 30 тысяч любителей горных троп и пейзажей. А теперь полиция запретила приближаться к горе Асо на пушечный выстрел. Вот, почитайте!

— Зато наши иммиграционные власти распахнули перед японскими туристами все двери,— ехидно вставил Ким Гён Ин.— Сто девяносто тысяч за восемь месяцев. Невиданная цифра!

Ким Тэ Чжун, пользуясь правом хозяина, вежливо прервал беседу и пригласил гостей к завтраку. Столик был скромно сервирован на три персоны. «Словно знали, что я буду не один»,— подумал про себя Ким Тэ Чжун, но тут же отогнал эту мысль и начал изучать меню.

В центре на белой скатерти стояла изящная вазочка с пурпурным тюльпаном. Бесшумно двигались официанты. Из-под прикрытого изящным козырьком потолка ненавязчивым пианиссимо по залу растекалась знакомая мелодия из популярного кинофильма «История любви». Наконец подали кофе.

Ровно в 13 часов 30 минут Ким Тэ Чжун и его коллеги покинули столик и, не торопясь, направились к выходу. В дверях Ким Тэ Чжун успел заметить открытую, совершенно пустую кабину лифта, незнакомых людей в масках и вдруг почувствовал, что проваливается куда-то вниз...

...Машина с дипломатическим номером на повышенной скорости проскочила мимо ограды Белого дома, свернула в полупустой, окутанный бурым мраком переулочек, неожиданно развернулась на сто восемьдесят градусов и, захлебнувшись в выхлопном облаке газа, помчалась обратно. Вечерний Вашингтон, обряженный сполохами рекламы, жил своей размеренной жизнью.

На уныло длинной торговой магистрали негритянского квартала бисер электрических лампочек отра-

жался в черных лужах тротуара, соперничая с трепетными бликами перевернутых созвездий. Автоматично с выключенными фарами вырвалась из прилегающей улицы и остановилась перед лавкой деликатесов. Из нее вышел человек среднего роста в легком плаще и незаметно слился с разношерстной толпой. Через час с небольшим он уже сидел в кабинете своего шефа на территории южнокорейского посольства, четко фиксируя в памяти рубленые фразы инструктажа:

— Наши консульские работники заготовили для вас новый дипломатический паспорт с западногерманской въездной визой. Вам надлежит первым же рейсом вылететь в Бонн. Там вас ждет пост советника посольства. В этом качестве вам надлежит провести операцию особой важности. Детали узнаете на месте. Пока запомните главное: отныне вас зовут не Ли Сан Хо, а Ян Дон Вон. Резюмирую: вы — господин Ян, советник южнокорейского посольства в ФРГ. Надеюсь, все понятно?

Погожим июньским днем 1967 года Ян Дон Вон сошел по трапу самолета авиакомпании «Люфтганза» на поле международного аэропорта Кёльн-Бонн.

С той поры, когда Ян близко познакомился в Сеуле с директором Центрального разведывательного управления и перешел к нему на службу, сменив мундир офицера морской пехоты на фрак дипломата, ему приходилось выполнять разные задания. Под вымышленными фамилиями он подвизался в посольствах, специализировался на краже секретных документов, занимался вербовкой шпионов, набил руку на шантаже и провокациях. Какую «работу» ему предложат здесь, на берегах Рейна, он еще не знал, но догадывался, что «простой» игры ожидать не приходится. Его считали птицей «высокого полета».

— Итак, господин советник, — посол Южной Кореи в Бонне Дук Шин Чой многозначительно приподнял брови, — вам предстоит провести операцию под кодовым названием «Плюс 17». Скажу откровенно, задание не из легких, но вам оно по плечу. Иначе мы как-нибудь обошлись бы собственными силами и не тревожили вас с этим срочным вызовом из Вашингтона.

Ян Дон Вон из собственного опыта знал: если секретное задание исходит от самого посла, значит, дело

носит совершенно особый характер и связано с непосредственной директивой «Центра».

— Вам сорок лет, господин советник, а для человека с вашей нележкой, я бы добавил рискованной, профессией этот возраст означает расцвет сил и творческих возможностей, — расплывшись пастозными щеками, польстил Ян Дон Вону посол. — А теперь, не теряя времени, перейдем к существу нашего дела.

Они спустились по лестнице во двор посольства...

Не одну бессонную ночь провел в то лето Ян Дон Вон, раскладывая перед собой сложнейший пасьянс операции. В кратчайший срок ему предстояло «обезвредить» группу южнокорейских граждан, находившихся в ФРГ и выступавших против сеульского режима. В понятие «обезвредить» входило не только похищение семнадцати инакомыслящих лиц, но и их насильственный вывоз в Сеул.

Ян Дон Вон выполнил задание и 7 декабря 1967 года снова объявился в США под своим прежним именем Ли Сан Хо, беспрепятственно получив аккредитацию при южнокорейской миссии в ООН в ранге министра. Дипломат-разведчик был щедро отмечен начальством: ему присвоили звание бригадного генерала разведки. «Я привел этих бунтовщиков в посольство, даже не связав никому руки, — бахвалился генерал-гангстер на банкете среди своих самых близких друзей-сослуживцев. — А потом мы затолкали их, как стадо баранов, в транспортный самолет и перебросили из Бонна в Сеул. Ну, а там с ними обошлись по всем правилам. Кое-кого поставили к стенке. В том числе и этого сочинителя музыки Юн И Сана...»

Наступил 1971 год — год так называемых «президентских выборов» в Южной Корее. Прелюдией к этой грязной кампании взяточничества, подкупов, спекуляций явилась широкая полоса арестов и преследований лиц, неугодных сеульскому режиму. Ведущая роль в этом крестовом походе принадлежала шефу южнокорейского ЦРУ Ли Ху Раку. Это именно по его указке сеульская охранка учинила жестокую расправу над священнослужителями Пак Хэн Гю и Квон Хо Геном. Противники раскола страны профессор Пак Дэ Ин и

бывший член «национального собрания» Ки Гю Нам были убиты. В тюрьму брошен один из прогрессивных армейских офицеров Юн Пиль Ён.

Охранка не осталась в стороне, когда кандидатом в президенты от оппозиционной Новой демократической партии в начале 1971 года был выдвинут Ким Тэ Чжун. Он обратился к народу с широкой позитивной программой: демократизация южнокорейского общества, развитие связей между Югом и Севером Кореи и, наконец, мирное объединение страны.

Политическую платформу Ким Тэ Чжуна сеульские власти расценили как «подрывную» и, несмотря на то, что он собрал около пяти с половиной миллионов голосов, пошли на него в атаку с открытым забралом. Анонимные звонки по телефону, угрозы в письмах, интриги, шантаж, сплетни — все это было пущено в ход против главы оппозиционной партии. Когда Ким Тэ Чжуну стало известно, что над ним готовится физическая расправа, он, по совету друзей и единомышленников, решил эмигрировать. Это совпало по времени с введением в Южной Корее чрезвычайного положения: стоял октябрь 1972 года.

Ким Тэ Чжун поначалу избирает местом своего временного местожительства США, где имеется сравнительно большая колония южнокорейских эмигрантов, оппозиционно настроенных к режиму Пак Чжон Хи. Он видит реальную возможность объединить этих людей и организовать на борьбу за единую демократическую Корею. В июле 1973 года ему удается создать «Национальный конгресс за восстановление демократии в Южной Корее и воссоединение страны». Окрыленный успехом, Ким Тэ Чжун полон кипучей энергии и оптимизма. А в это время шеф южнокорейского ЦРУ Ли Ху Рак и его подручные в США пристально следят за каждым его шагом и выжидают момент, чтобы убрать с дороги.

На арене вновь появляется злобешая фигура бригадного генерала, теперь уже посланника при южнокорейском посольстве в Вашингтоне — Ли Сан Хо. Нити заговора с целью убийства лидера южнокорейской оппозиции ведут к нему, повзрослевшему на шесть лет «Ян Дон Вону». По разработанному сеульской охранкой графику в это самое время в Нью-Йорке оказывается закадычный друг и крестный отец своего став-

ленника Ли Сан Хо — бывший директор сеульской охраны Ким Хыун Вук, вслед за ним в Вашингтон прибывает Дук Шин Чой, тот самый южнокорейский посол в Бонне, который давал в свое время Ли Сан Хо инструкции по похищению семнадцати патриотов. И если этот последний формальным предлогом для своего вояжа избрал участие в сборище отребья из так называемой «антикоммунистической лиги», то бывший шеф ЦРУ сумел оказаться в Нью-Йорке вполне «профессионально»: о его приезде иммиграционные власти США не имели никаких сведений (!). Во всяком случае, так писала осведомленная газета «Нью-Йорк таймс».

Однако сеульской разведке так и не удалось справиться с Ким Тэ Чжуном. Получив своевременный сигнал от эмигрантов — соратников по совместной борьбе, он успел покинуть американскую землю раньше, чем машина преследователей достигла главного нью-йоркского аэропорта.

...8 августа 1973 года. 13 часов 30 минут, Токио. Гостиница «Гранд палас». Скоростной лифт стремительно проходит световую отметку «1-й этаж» и опускается еще ниже, в подземный гараж. Человек вздрагивает: кто-то резким коротким движением вводит ему в руку иглу шприца. Секундная боль, и перед затуманенным взором плывут, кувыркаются радужные круги. Но он еще чувствует на своей шее чьи-то холодные сильные пальцы, слышит прерывистое дыхание, обрывки слов незнакомых людей. Его обмякшее тело спешно заталкивают в машину. Он пытается оказать сопротивление, кричать. Нет, поздно — силы иссякли, рот, глаза туго-натуго перевязаны зловонной тряпкой. Мрак лабиринтов подземного гаража сменяется мраком исчезающего мироощущения.

Но вызванный инъекцией принудительный сон длится недолго. «Они не рассчитали дозу», — от одной этой мысли становится немного легче, хотя неизвестно, чего ждать в следующую секунду. Всеми порами Ким Тэ Чжун начинает ощущать скорость движения автомашины. Короткие остановки следуют через каждые две-три минуты. Это — светофоры на перекрестках. Значит, они все еще едут в черте перегруженного транспортом города. Из-за перегревшегося мотора нечем дышать. Окна плотно закрыты. Лицо придавлено к

шершавой спинке сиденья. Теперь машина задержалась на месте подольше. Что это? Полицейский кордон? Нет, в Токио служба дорожной полиции на автомашинах. Тогда какая причина вынудила их остановиться и ждать? Ну конечно же, обычная пробка перед «Толл гейт»! Ворота — въезд на загородное шоссе. Здесь надо платить подорожный налог... И снова он попадает в забытие. Теперь уже от града ударов по голове, животу, спине.

Проходит, кажется, целая вечность, прежде чем к нему снова возвращается сознание и он пытается восстановить события сегодняшнего утра. Да, да, сразу после завтрака в гостинице «Гранд палас» с Ян Ир Доном и Ким Гён Ином они направились к лифту. Он собирался рассказать «коллегам» о планах организации в Токио штаб-квартиры «Национального конгресса за восстановление демократии в Южной Корее и воссоединение страны»... Ян Ир Дон и Ким Гён Ин находились рядом, когда он при выходе из ресторана сделал последний шаг. Потом его тело перестало повиноваться разуму.

В третий раз Ким Тэ Чжун очнулся на морском берегу. Он уловил соленый, пахнущий гниющими водорослями ветер, ровный шум набегающих на песок волн. Его выволокли из машины и бросили на дощатую палубу баркаса. «Спеленай его так, чтобы акула могла с ним разделаться как положено», — прорычал кто-то над самым его ухом. Ким Тэ Чжун решил, что они собираются выбросить его в море. Он почти утвердился в этой мысли, когда почувствовал, что кто-то, чертыхаясь, привязывает к его ногам и рукам увесистые железные грузила.

Затарахтел мотор. Баркас вздрогнул и, набирая ход, легко пошел от берега. Часа через два его перетаскивали в каюту, пнули напоследок в живот сапогом и оставили в покое. Тело ныло, голова раскалывалась от побоев. Наконец днище баркаса заскрежетало по прибрежной гальке. Его кто-то окликнул. Это был врач. Он приказал снять рубашку. Затем осмотрел руки, ноги, измерил кровяное давление и кому-то крикнул, что оно у «пациента» упало.

— Сделай ему укол или угости его чем-нибудь, — слышалось в ответ, — да так, чтобы это самое давление больше не барахлило! — Вокруг засмеялись.

Инъекция возымела почти моментальное действие: Ким Тэ Чжун погрузился в глубокий тяжелый сон, который длился сутки, а может быть и больше.

— Приказываю не двигаться и не подавать голоса ровно три минуты! Понял? Не двигаться! — кто-то надсадно прохрипел ему в самое ухо. Рядом мерно рокотала машина. Но вот мотор взвыл, рванул — и все сразу стихло. Он ощущал, как пульсирует в висках кровь, слышал тонкое пение цикад.

Изнемогая от слабости и побоев, Ким Тэ Чжун сорвал с глаз повязку, приподнялся на локте и оглянулся. Здесь все было знакомо. Каждый особнячок, каждая улица. Он лежал на земле перед своим собственным домом в пригородном районе Сеула Содэмун. Сквозь раскрытое настежь окно гостиной отчетливо донесся бой старинных настенных часов. Десять глухих ударов. Солнце уже поднялось довольно высоко. Тень от дома почти касалась его распухших связанных ног. Он взглянул на циферблат часов. На календаре было 14 августа 1973 года...

Курту Вальдхайму,
генеральному секретарю ООН,
Нью-Йорк

«В настоящее время лидер южнокорейской оппозиции Ким Тэ Чжун находится в Сеуле под домашним арестом, южнокорейские власти намерены наказать его на основании антикоммунистического закона страны. Представляется сомнительным, чтобы Сеул внес ясность в неблагоприятную историю похищения Ким Тэ Чжуна 8 августа и, тем паче, чтобы он был освобожден из-под ареста. Для возвращения его в Японию мы просим вас оказать нажим на южнокорейские и японские власти, чтобы они предприняли серьезные и действенные шаги в этом направлении.

Токио, 31 августа 1973 года»

(Из телеграммы председателя социалистической партии Японии Нарита.)

«...Сведения, которыми мы располагаем в связи с похищением видного оппозиционного деятеля Ким Тэ Чжуна, позволяют сделать вывод о сотрудничестве в этом инциденте южнокорейской разведки и японской

службы безопасности. По существу совершение этого акта насилия южнокорейскими властями подрывает суверенитет Японии».

(Из запроса депутата-коммуниста Ц. Хо-сино в юридической комиссии верхней палаты японского парламента 23 августа 1973 года.)

«Японский посол в Сеуле Т. Усироку обратился с официальной просьбой к южнокорейским властям вернуть Ким Тэ Чжуна и вместе с ним его двух коллег — оппозиционных политических деятелей Ян Ир Дона и Ким Гён Ина. Посол подчеркнул, что это необходимо для расследования, которое ведут японцы по поводу обстоятельств похищения Кима».

(Из телеграммы агентства Киодо Цусин, Сеул, 4 сентября 1973 года.)

«Самые различные круги и печать страны требуют немедленно возратить Ким Тэ Чжуна в Японию, провести тщательное расследование дела и наказать виновных. Только так правительство может заверить нас в том, что оно не допустит повторения подобных случаев в будущем».

(Из редакционной статьи «Токио симбун». Токио, 5 сентября 1973 года.)

...День 8 августа выдался в Токио на редкость жарким и влажным. На газонах возле стадиона «Коракуэн», где пышно цвели азалии, с дерева на дерево стремительно переносились стайки юрких, пронзительно кричащих птиц. Зарывшись в темно-зеленой пышной листве гинко, они умолкали на какой-то момент, потом снова устремлялись вперед.

Мужчина среднего роста в черном тропической ткани костюме от приличного портного проводил глазами последнюю стайку птиц, посмотрел на часы и размеренным шагом направился в сторону гостиницы «Гранд палас».

С тех пор как в 1965 году Южная Корея заключила так называемый южнокорейско-японский «договор о нормализации межгосударственных отношений», по которому Япония признала сеульский режим в качест-

ве «единственного правительства на Корейском полуострове», посланник посольства Южной Кореи в Токио Ким Чэ Квон и его коллеги чувствовали себя в этой стране на высоте. «Конечно, не так вольно, как эти перелетные птички, но мы тоже можем себе кое-что позволить!» — улыбался собственным мыслям посланник.

Когда Ким Чэ Квон вошел в вестибюль отеля «Гранд палас», электрические часы над конторкой дежурного администратора показывали 14 часов 15 минут. Обойдя погруженный в полумрак холл с напускным видом скучающего человека, он опустил в глубокое мягкое кресло и достал из кармана пиджака газету.

Мимо сновали возбужденные, переполненные радостью встречи с загадочным восточным городом американские туристы, дымя дорогими заморскими сигарами, медленно прохаживались деловые люди. Мальчишки-бои в униформе катили по коврам вестибюля тележки с чемоданами, коробками, зонтами — от автобусов и легковых машин до стеклянных дверей и от стеклянных дверей до бесшумных скоростных лифтов. Отель бурлил привычной жизнью с ее атмосферой телефонных звонков, случайных и деловых встреч, многозначущих взглядов и долгих рукопожатий. Ничто не говорило здесь о том, что всего лишь сорок пять минут назад в чреве этого отеля было совершено преступление.

Казалось, ничто не могло пролить свет, выдать зачинщиков, организаторов и непосредственных участников похищения Ким Тэ Чжуна.

Но это только казалось...

Выдержки из показаний и заявлений лифтеров, бов, официантов, постояльцев отеля «Гранд палас», представителей южнокорейской эмиграции, следователей и полицейских чинов:

— Посланник Ким Чэ Квон пришел в гостиницу в два часа пятнадцать минут.

— План похищения лидера оппозиции был разработан лично Ким Чэ Квоном. Его визит в «Гранд палас» через 45 минут после свершения преступления связан исключительно с «проверкой исполнения задания». Ким Чэ Квон дипломат-разведчик. Его подлинная фамилия — Ким Ки Вань. Он — бывший генерал

южнокорейских ВВС, а теперь — один из руководителей Центрального разведывательного управления Южной Кореи.

— Ким Чэ Квон выполнял прямую директиву шефа сеульской разведки Ли Ху Рака. Ему поручили довести до конца дело, которое сорвалось в Соединенных Штатах у посланника генерала Ян Дон Вона.

— В распоряжении токийской полиции имеются отпечатки пальцев другого сеульского дипломата. Их обнаружили в номере гостиницы «Гранд палас», где проживал похищенный Ким Тэ Чжун. Это — первый секретарь южнокорейского посольства в Токио Ким Дон Вон. Он тоже связан с сеульским ЦРУ.

— Я жил в «Гранд паласе» и видел подозреваемых похитителей. По фотографии я опознал первого секретаря южнокорейского посольства Ким Дон Вона. Он действительно находился среди пятерых неизвестных, которые около 12 часов дня 8 августа поднялись лифтом на 22-й этаж отеля.

— До токийской полиции дошли слухи о том, что Ким Тэ Чжун будет похищен приблизительно 10 июля, вскоре после того как он прибыл в Японию из Соединенных Штатов. Полиция вела наблюдение за Ким Тэ Чжуном до конца июля. Однако ничего не случилось, и пост был снят. Позже полиции стало известно, что группа неизвестных лиц ведет слежку за Кимом. Они начали шпионить за ним с конца июля. Полиция продолжает разыскивать участников этой группы, которые, по-видимому, являются южнокорейцами, проживающими в Японии.

Итак, подведем итог. Нити заговора против южнокорейского оппозиционера Ким Тэ Чжуна ведут в Сеул, к теперь уже отставному шефу ЦРУ Ли Ху Раку. Среди участников этого заговора — подручные Ли Ху Рака в Соединенных Штатах и Японии, облаченные во фраки дипломатов. Помимо первого секретаря посольства Ким Дон Вона, который сразу сбежал в Сеул, японская печать назвала еще ряд дипломатов-разведчиков, а также сотрудников других официальных организаций сеульского режима, представленных в Японии. Из 70 членов посольства Южной Кореи, по данным японских властей, 21 человек сотрудничает с сеульским ЦРУ.

В полицейском управлении говорят: «Мы старались быть корректными, поскольку во всей этой истории затрагивается статут иностранных дипломатов». В этой связи полиция не сочла возможным сразу же провести аресты даже тех лиц, по поводу которых имелись «все доказательства их соучастия в преступлении» (!!).

Добавим: и дали им возможность беспрепятственно выехать за пределы страны.

Неясным во всей этой истории остается еще один момент: как могла японская полиция «снять наблюдение» за Кимом, располагая сведениями о готовящемся покушении? От кого был получен такой приказ?

Вот что писала в своей передовой статье газета «Акахата»: «Следует обратить серьезное внимание на то, что это дело могло возникнуть лишь при нынешнем характере японо-южнокорейского сотрудничества. Оно свидетельствует о тесных связях между японской полицией и комиссией по делам общественной безопасности, с одной стороны, и разведывательными органами режима Пака — с другой. Японское полицейское начальство регулярно получает приглашения из Сеула и наносит туда «дружеские визиты».

Может быть, именно здесь и надо искать ключ к разгадке этого скандального дела, которое, по свидетельству японских обозревателей, переросло в серьезный политический вопрос, вскрыло еще одну неприглядную сторону японской действительности.

Любопытно, что южнокорейский президент Пак Чжон Хи в начале декабря 1973 года перетасовал свой кабинет и убрал с поста шефа разведки Ли Ху Рака. Даже для сеульского режима он оказался слишком уж одиозной фигурой.

С тех пор прошло пять лет. Все эти годы сеульский режим жаждал расправиться с Ким Тэ Чжуном до конца, сделать так, чтобы он исчез навсегда и имя его покрылось пылью забвения. Но этого не случилось. Не из-за недостатка стараний слуг диктатуры Пак Чжон Хи. Они без раздумий готовы были применить самые крайние меры. Но боялись. Боялись потому, что сведения о похищении Ким Тэ Чжуна из Токио и о том, что он находится в Сеуле, проникли в печать и подавались как сенсация не только печатью Японии, но и других стран. Боялись потому, что судьбой бывшего кандидата в президенты, сторонника мирного объеди-

нения Кореи продолжали интересоваться южнокорейские эмигранты, вынужденные жить вдали от родины. Имя Ким Тэ Чжуна и сообщения о репрессиях, которым он подвергается в Сеуле, от случая к случаю, но год за годом появлялись в мировой печати.

Вот почему Ким Тэ Чжун продолжал жить. Но сеульские временщики сделали все, чтобы превратить эту жизнь в ад. До 1976 года лидера оппозиции держали за решеткой без суда. В 1976 году состоялся «суд», приговоривший Кима к пяти годам заключения. Его держали в одиночной камере, размеры которой с трудом позволяют лечь. Никакого солнечного света, никаких прогулок и переписки.

Примерно в таких же условиях находились и другие люди, хотя бы только заподозренные в оппозиции к диктатуре Пак Чжон Хи. Все они подпадали под действие декрета о чрезвычайном положении, изданного в 1975 году. Этим декретом запрещается фактически любая оппозиционная политическая деятельность, в том числе и критика самого декрета. Не удивительно, что «население» южнокорейских тюрем оказалось весьма пестрым — от тех, кто подписал «Мюндинский манифест», требовавший восстановления демократии и отставки Пак Чжон Хи, до священников римско-католической церкви.

Но вернемся к Ким Тэ Чжуну. Для него был создан наиболее тяжелый режим. В знак протеста в мае 1977 года он объявил голодовку. В ноябре того же года в токийских газетах можно было прочесть короткую телеграмму из Сеула: «Здоровье Ким Тэ Чжуна резко ухудшилось». Его поместили в тюремный госпиталь.

Последние по времени сведения о нем поступили от токийского корреспондента агентства Франс Пресс. Он передавал 8 июля 1978 года из японской столицы, что ему удалось связаться по телефону с Сеулом и переговорить с женой лидера южнокорейской оппозиции.

Госпожа Ким рассказала, что накануне она и несколько других инакомыслящих взяты под домашний арест. Она добавила, что до этого ей разрешали посещать ее мужа в тюремной больнице в сопровождении полицейского.

Повторяем, это было последнее сообщение о Ким Тэ Чжуне. Что произошло с тех пор — неизвестно.

Представляет, однако, интерес и кое-что другое, а именно: роль Токио и Вашингтона в истории с лидером южнокорейской оппозиции. С полной определенностью установлено, что и в японской, и в американской столицах с самого начала знали, что Ким Тэ Чжуна посещала сеульская охранка — южнокорейское ЦРУ, тесно связанное и с японскими, и с американскими секретными службами.

На этот счет имеется несколько достоверных свидетельств. В начале 1977 года в США находился коммунист, депутат японского парламента А. Хасимото. Ему удалось связаться с бывшим заведующим южнокорейским отделом государственного департамента США Д. Ренардом. После ухода в отставку у этого американского дипломата язык развязался, и он заявил: «Похищение Ким Тэ Чжуна является делом южнокорейского ЦРУ и на этот счет нет никаких сомнений». Несколько позднее высокопоставленный сотрудник американского ЦРУ (пожелавший, естественно, чтобы его имя названо не было) подтвердил это свидетельство Ренарда в интервью корреспонденту японской газеты «Йомиури».

Что касается того, как удалось похитить Кима среди бела дня в столице Японии, чуть ли не на глазах японской полиции, то и на это обстоятельство пролил дополнительный свет тот же Ренард. Он сообщил, что в сентябре 1973 года по поручению сеульского диктатора южнокорейский миллионер Чхо Чун Хун передал через своего японского друга миллиардера Осано около 300 миллионов иен тогдашнему премьер-министру Танаке. Это была взятка «за политическое урегулирование» дела о похищении Ким Тэ Чжуна. Это было вознаграждение коррумпированному премьеру за то, что японские власти на время, понадобившееся на похищение южнокорейского оппозиционного деятеля, закрыли глаза и заткнули уши. Что они и сделали.

Итак, есть все основания считать весь этот детектив совместным сеульско-токийско-вашингтонским изданием.

В связи с этим обратим внимание на одну пикантную деталь. Когда нынешняя американская администрация стала демагогически вещать со всех амвонов, что теперь Соединенные Штаты будут строить свои

отношения с любой страной в зависимости от того, соблюдаются ли в ней права человека, в Сеуле забеспокоились. Неужто и к ним будет применяться эта мерка? Тогда хоть «караул» кричи. Ведь южнокорейская диктатура держится на «трех китах»: американских штыках, американских и японских экономических инъекциях и собственной практике беспощадного подавления южнокорейского народа, его политических и гражданских прав.

Но прошло совсем немного времени, и даже невежественные южнокорейские марионетки разобрались в сути дела. Они поняли, что к ним, как и к другим реакционным режимам, американские разглагольствования о «защите прав человека» не относятся. Напротив, гости из Вашингтона, достаточно высокопоставленные, по-прежнему братались с Пак Чжон Хи и даже приветствовали его «твердость», как и сеульские порядки в целом.

Министр культуры и информации Южной Кореи Ким Сон Чжин, фамильярно похлопывая Вашингтон по плечу, заявил: «Мы разделяем с Соединенными Штатами этот принцип (о правах человека), но каждое правительство должно знать, как осуществлять этот принцип в той обстановке, в которой оно действует». Мы, дескать, отлично понимаем наших американских друзей: они нарушают права человека в США, а мы будем делать это в Южной Корее. Всякий другой подход, продолжал южнокорейский сатрап, был бы равнозначен «нарушению той морали, которую проповедают Соединенные Штаты».

Хороша эта «мораль», если ей аплодируют палачи своих народов!

Человек, пришедший с Запада

Его Величество Счастливый Случай... Чаще всего о нем слышишь от людей необычных профессий. Говорят, что повезло летчику-испытателю, когда, вопреки законам аэродинамики, вышел над самой землей из

штопора, казалось бы, окончательно приговоренный к смерти самолет. Говорят, что повезло разведчику, когда, вопреки законам логики, ему удалось в одиночку оставить с носом все тайные службы противника (правда, такое чаще случается в многосерийных телефильмах). Говорят, что повезло журналистам, когда, вопреки законам среднеарифметической удачи, именно им в самый неожиданный момент выпал козырной туз сенсации...

В тот день Фортуна улыбнулась нам дважды. Предстояло знакомство не только с человеком редкой профессии, но и удивительной судьбы. Предстояло встретиться с бывшим помощником бельгийского военного атташе, профессиональным разведчиком Ван Энгеландом, оставшимся в Советском Союзе и начавшим борьбу уже по другую сторону баррикад, против рыцарей «плаща и кинжала», окопавшихся в секретных службах НАТО.

Ломка привычного уклада — дело очень тяжелое и далеко не всем бывает по плечу, особенно когда прожито на свете более пяти десятков лет.

Что греха таить, не легко было Ван Энгеланду порвать с привычным миром, пренебречь карьерой и пережить «непонимание» бывших коллег. Как пришел к трудной победе над самим собой и предрассудками, к выполнению высшего человеческого долга бывший натовский разведчик, нам и предстояло услышать...

— Здравствуйте, раздевайтесь, проходите... Ну, давайте знакомиться: Иван Иванович Ван Энгеланд. Немного странно звучит, не правда ли? Но зато абсолютно точно. Так переводятся с французского на русский мои имя и отчество — Ван Иоханнес... И в моем советском паспорте тоже так записано.

Ну что ж, пусть Иван Иванович. Ибо ничто в его облике не выдает иностранца. Волнистые русые волосы, серые со смешинкой глаза, немного курносый нос. Утверждают, что приходя в дом к незнакомому человеку, можно сразу же составить о нем довольно точное представление: стоит лишь пройти по квартире. Может быть, да, а может быть, и нет... Во всяком случае, если бы мы не знали о военном прошлом Ивана Ивановича, то, наверное, подумали, что здесь живет человек, посвятивший себя одной из муз. Весь кори-

дор и половина стен заставлены шкапами и стеллажами с книгами по искусству. На остальных стенах — множество картин... Впрочем, есть одна зацепка — строгая дисциплина обстановки. От этого квартира кажется очень просторной, хотя мебели в ней немало.

— Виски, коньяк?

— Лучше чай... С утра вроде бы не сподручно.

Иван Иванович смеется.

— Все зависит от точки зрения и отношений с Бахусом. Один из моих непосредственных шефов в бельгийской разведке, бывший штурман бомбардировочной авиации майор Лионард считал, например, что рабочий день должен начинаться обязательно с аперитива. Мы поражались его лошадиной выносливости, ибо «аперитивился» он раз пять в течение рабочего дня и частенько уходил домой походкой матроса, спустившегося на берег после бурного плавания.

— А как же работа?

— Работу делали мы, а он руководил. Правда, не очень долго... Впрочем, мы отвлеклись. Насколько я понимаю, вы ждете от меня рассказа?

— С гораздо большим нетерпением, чем чая.

— Что ж, тогда начнем, пожалуй... Но должен вас заранее предупредить, чтобы не рассчитывали на двенадцать серий «Семнадцати мгновений весны». Жизнь разведчика и сложнее, и проще, нежели хотят ее видеть некоторые сценаристы. Впрочем, нужно отдать должное автору «Мгновений» — он все же дал понять зрителям, что Штирлиц — образ собирательный. А то уж очень впечатляюще получается: с Мюллером и Шелленбергом — на дружеской ноге... Так вот, я не был на дружеской ноге ни с Даллесом, ни с Геленом, ни с шефом английской МИ-6 сэром Диком Голдсмитом Уайтом, ни с их поздними преемниками, хотя имел среди своих знакомых немало натовских разведчиков. О том, как «союзники» грызлись между собой и подсиживали друг друга, разговор впереди. Вашим читателям будет, вероятно, небезынтересно узнать и о так называемых «методах» подрывной работы натовских разведок, о том, как собирают шпионские сведения, пытаются вербовать агентуру в Советском Союзе и в других социалистических странах военные и прочие атташе, а также их ближайшие сотрудники... Об этом,

как я уже сказал, речь пойдет позднее. А сейчас немного предыстории.

Сегодня мне исполнилось пятьдесят два. Не так уж мало, не правда ли? Во всяком случае, даже по самым оптимальным среднестатистическим нормам, я прошагал большую половину дороги, которая, как всякому известно, не бесконечна... И, наверное, нет ничего удивительного в том, что появилось желание побыть одному и подумать. В человеческой жизни не может не быть коллизий — больших или малых, ибо столкновение добра и зла, хорошего и плохого — это та неизбежная диалектика, которая не минует никого. Самое главное — попытаться отыскать ответ на sacramентальный вопрос: почему? Тогда легче. Страшно то, что необъяснимо. Когда умерла мать — это было трагедией. Но люди не научились еще бороться с раковыми опухолями, особенно тогда — тридцать лет назад. Когда через три месяца после кончины матери не стало отца — это тоже было трагедией, когда в далекой юности угасла нежданно-негаданно первая любовь — это было уже страшно.

Никто не может заменить умерших родителей. Умершую любовь сменяет другая. Не всегда, правда. Если очень повезет. Она пришла ко мне через много лет, в другой уже стране. Сегодня, вернувшись пораньше домой, чтобы подготовиться к семейному торжеству, я совершенно случайно обнаружил подарок, спрятанный моей женой. Она преподнесет его вечером, когда соберутся друзья и знакомые... Я знаю, что лежит в этой небольшой коробке, перевязанной шелковой лентой. Но обязательно же удивлюсь «неожиданному» презенту, так необыкновенно умело выбранному моей подругой. Подаркам надо всегда удивляться. Они ведь не так часты в нашей жизни...

Один из них, кстати, мне вручил сегодня начальник паспортного стола. Он лежит передо мной, этот документ, удостоверяющий, что я — гражданин Советского Союза. Иоханнес (теперь уже Иван Иванович) Ван Энгеланд, бывший помощник бельгийского военного атташе. Люди моей профессии, как правило, не раздают визитных карточек, во всяком случае, таких, где указано истинное место работы. А трудился я последние четверть века в учреждениях, которые имели прямое отношение к разведывательным службам

НАТО. Итак, военный разведчик, отказавшийся от своей профессии и порвавший с хозяевами, которым служил. Почему? Ответить на любой вопрос однозначно очень трудно. Тем более на такой...

Родился я в 1924 году в небольшом бельгийском городке, что запрятался среди сосен Кампэна, между журчащих ручейков и прозрачного, словно хрусталь, озера, которое казалось мне огромным, как море. У каждого из нас что-то оседает в памяти от далекого детства. У меня — это терпкий запах сосновой смолы и ломящая зубы холодная, до удивительности вкусная вода, которую пил из ручейка. Я очень любил лес, он начинался сразу же после нашего дома, который был самым крайним в городе. И лес отвечал мне такой же искренней любовью. Во всяком случае, он ни разу не запутал меня в лабиринтах своих чащоб, не подставил под лоб злого сучка и не утопил в коварной трясине. А ручьи и наше «огромное, как море», озерцо сразу же доверили мне сокровенные тайны. Никто из сверстников не ловил такого количества лещей и плотвичек, как я. От зависти они прозвали меня «колдуном»... А мне хотелось быть Тилем. С Шарлем де Костером, нашим бельгийским Толстым или Достоевским, а может быть, и тем, и другим одновременно, я познакомился очень рано. С тех пор «Легенда об Уленшпигеле» стала моей настольной книгой на всю жизнь. Иногда в трудные моменты я листаю ее страницы, нахожу ответы на вопросы, черпаю силы и оптимизм. По тем, мальчишеским временам мне и моим сверстникам были еще не совсем понятны «странные» отношения Тили с Неле. Мы вообще девчонок в нашу компанию не принимали. А вот гимн гёзов доходил до самой глубины души:

Бей, барабан войны,
Бей, барабан! Да здравствуют гёзы!

Кто из нас, бегавших по лесным тропинкам с деревянными мечами и фанерными щитами, мог предполагать, что война уже стояла на пороге нашей родины, кровопролитная война....

Детство между тем кончилось. В нашем городке имелась только восьмилетняя школа, директором которой до своей смерти был отец. Кстати, это обстоятельство делало меня самым несчастным человеком.

За прогулы или плохо отвеченный урок мне доставалось не только в школе, но и дома, причем в условиях домашнего очага — весьма чувствительно... Так или иначе, но надо было думать о будущем. И родители после долгих споров и раздумий отправили меня в колледж в город Терноут, где я поселился в интернате. Но, к сожалению, учиться мне так и не довелось. Как сейчас помню прекрасное весеннее утро 10 мая 1940 года. Я проснулся очень рано от далеких раскатов грома. «Наверное, надвигается гроза», — подумалось мне. Но в окно светило яркое солнце с абсолютно безоблачного неба. А потом в спальни прибежали взволнованные воспитатели, велели всем быстро одеваться и выходить во двор. Когда мы собрались, вышел директор. Он был весь в черном. Черный котелок, черный костюм, черный галстук, черные туфли. Так наш мэтр появлялся только по воскресеньям, когда ходил в церковь. Он снял котелок, вытер платком лоб, сказал: «Дети мои, случилось нечто ужасное. В четыре часа утра Германия напала на Бельгию и уже подвергла бомбардировке несколько городов. Это война, дети мои... Но прошу вас, сохраняйте присутствие духа. Немедленно соберите все самое необходимое и как можно быстрее возвращайтесь домой, любым способом. Нужно проявить мужество, ибо транспорт уже не работает, большинство мостов взорвано или будет разрушено в ближайшее время. Так что торопитесь...»

И вот я на улице с тяжелым чемоданом, один среди толпы мечущихся в панике людей. До дома около четырех десятков километров. В шестнадцать лет мне еще трудно было ассоциировать слово «война» с реальностью. В тот миг она предстала в далеких раскатах орудийного грома и растерянных лицах мужчин и женщин, которые бежали навстречу, обгоняли или оставались позади... Я прекрасно понимал, что произошла трагедия. На память пришел Тиль, вернее, песня Тили:

Пепел Клааса стучит в мое сердце,—
В нашу страну ворвались палачи...
Смерть живодемам! Бей, барабан,
Бей, барабан войны!
Да здравствуют гёзы! Бей, барабан!
Есть у нас ядра, порох и пули,
Шары из железа и чугуна...
С нами господь...

У нас были ядра, порох и пули. И господь был. У тех, кто в него верил. А вот король Леопольд III, главнокомандующий бельгийской армией, не верил ни во что. 28 мая 1940 года он подписал акт о капитуляции, объявив себя «военнопленным немцев», то есть, короче говоря, совершил наивысшее предательство по отношению к стране и народу. Однако подлинные патриоты не сплеховали. Наши славные гёзы сороковых годов вписали много мужественных страниц в историю Сопротивления. Но об этом немного позже...

А тогда, 10 мая, где пешком, где на попутных машинах, я к вечеру все-таки добрался домой. Родители были настолько ошеломлены случившимся, что даже не спросили меня, как я доехал. На семейном совете стали обсуждать, что делать: бежать или оставаться? Мама плохо чувствовала себя. Страшная болезнь уже начала свою тайную, разрушительную работу. Отец вспомнил о тех страданиях, которые выпали на их, молодой супружеской пары, долю, когда они в 1914 году — после начала первой мировой войны — эмигрировали в Англию. «Нет уж,— сказал после долгого раздумья отец,— пускай уходят молодые. А нам надо оставаться. Если уж суждена смерть, то пусть в стенах родного дома...» Моя сестра ждала ребенка. Ее муж был призван в армию, и от него не было никаких вестей. Она сказала, что остается... А я? Я решил бежать во Францию.

Через несколько дней волна беженцев унесла меня за сотни километров от родного дома. Время стирает увиденное когда-то. Но трудно забыть вой пикирующих бомбардировщиков с черными крестами, взрывы, запах гари и труп молодой женщины, рядом с которым, словно окаменевшая, сидела, скрестив руки, маленькая девочка с огромными, пустыми глазами...

Несколько месяцев нас продержали во французском лагере для перемещенных лиц на берегу Средиземного моря. Опять бомбежки, стрельба, убитые... Капитулировала Франция. Лагерное начальство объявило нам, что все беженцы могут вернуться в свои страны и что, мол, немецкие оккупационные власти не сделают-де им ничего плохого. Были сформированы поезда, чтобы отвезти нас на родину. Однако многие из них по пути были переадресованы в рейх... Гитлеровцы обманули. Им нужна была дешевая рабочая сила.

Тех, кто не согласился работать, расстреляли или отправили в концлагеря, многие погибли от бомбежек, многие умерли от голода и непосильного труда...

Мне повезло. Я попал в «хороший» поезд, который гитлеровцы для пропаганды доставили в Брюссель. Наша столица в те трагические дни изменилась до неузнаваемости. Она оказалась грязной и зловонной, кишашей паразитами в серо-зеленых мундирах.

Радость моих родителей была неопишуемой. Не всем удалось вновь увидеть своих детей. А жизнь наша из дня в день становилась между тем все более тяжелой.

То, что можно было забрать, гитлеровцы забрали. Не было хлеба, а уж о мясе вообще не вспоминали. В нашем городке исчезли все кошки и собаки. Говорили, что они превратились в колбасу, которую спекулянты продавали за бешеные деньги на черном рынке. Мои старики жили впроголодь. А помочь я им ничем не мог. Потому что большую часть времени приходилось отсиживаться в лесу. Немцы регулярно прочесывали наш городок, и всех молодых, которые попадали к ним в лапы, немедленно отправляли в Германию — на заводы. В дом я приходил тайком поздним вечером. Однажды совсем было собрался уйти в горы, к партизанам — в то время гремела слава о партизанском батальоне, которым командовал Жан Коллар, или Жорж, — да помешала одна встреча. Встреча в лесу...

Они появились совершенно бесшумно за моей спиной, когда я, сидя на корточках, пек в маленьком костре несколько картофелин, которые захватил ночью из дома. Говорят, что иногда человек чувствует спиной чужой взгляд. Я тогда ничего не почувствовал. Просто кто-то тихо и деликатно покашлял сзади. Их было трое, с автоматами на груди. Одного узнал сразу. Конечно, «Жорж»! Его портрет гитлеровцы расклеили на стенах домов нашего городка. Полмиллиона франков обещали они за голову легендарного партизанского командира.

— Бонжур, — сказал он, насмешливо улыбаясь. — Решил пообедать?

— Да, мосье... Если хотите...

— Спасибо. Лучше скажи, эсэсовцы еще в городе?

— Нет, ушли вчера...

— А ты почему здесь прячешься?

— Они могут вернуться...

— Что ж, логично. Не правда ли, Эжен?

Широколицый партизан добродушно улыбнулся.
«Конечно...— Его произношение выдавало иностранца.— Значит, немцев нет?»

— Нет...

— Тогда прощай.

Трое повернулись, чтобы уходить. Мне вдруг стало необыкновенно тоскливо.

— Можно с вами?

— Куда с нами?

— К партизанам...

— А почему раньше не пошел?

— Больные родители. Я у них один остался...

— А сейчас они поправились?

— Нет...

— Тогда чего же кипятишься...

О Жане Колларе и его партизанах ходили легенды. Это были настоящие гёзы! Они уничтожали гитлеровцев, взрывали склады с боеприпасами, спускали под откос поезда с гитлеровской солдатней. Всем своим сердцем я, мальчишка, был с бельгийскими патриотами.

И сегодня, перешагнув свой пятидесятилетний рубеж, я еще раз обнажаю свою голову перед мужеством 50 тысяч участников бельгийского Сопротивления, перед светлой памятью 15 тысяч бойцов, расстрелянных или замученных гитлеровцами в лагерях. Это они, используя благоприятную обстановку, сложившуюся в результате побед Советской Армии на советско-германском фронте, освободили при помощи восставшего народа Антверпенский порт и весь Льежский район.

Только потом, значительно позже, узнал я, что спутниками Жана Коллара были русские. Узнал, когда героически погибли и сам Коллар, и его друзья.

Советские люди внесли достойный вклад в освобождение моей страны, куда они были завезены гитлеровцами на каторжные работы. При помощи бельгийцев многим из них удавалось бежать. Они уходили в арденнские леса и горы, где создавали свои собственные партизанские группы или же вливались в отряды патриотов Бельгии. Специальное соединение советских партизан действовало и в отряде Коллара. Давая характеристику советским воинам, их бесстрашию,

смелости и отваге, Жорж говорил: «О, с русскими ребятами можно работать! Они самому дьяволу башку оторвут!»

И Жорж действительно умел работать с русскими ребятами. Тех двоих его спутников, которых я повстречал в лесу три десятка лет назад, звали Евгений Доценко и Алексей Девяткин.

Евгений Доценко попал в плен к гитлеровцам в первые дни войны. Тяжело раненного, его отправили в концлагерь, находившийся в городе Мюльгейме. Отсюда вместе со своими друзьями он бежал в июне 1942 года. После двухмесячных блужданий Евгений оказался сначала на территории Голландии, а затем Бельгии. В районе Льежа Доценко связался с бельгийскими патриотами, которые переправили его в отряд Жана Коллара. Они стали большими друзьями.

1 апреля 1944 года Евгений Доценко отправился в район Вербомон, где у него была назначена встреча с одной из групп советских партизан и несколько позже — с Жаном Колларом. Но по пути он натолкнулся на эсэсовскую засаду и, отстреливаясь, стал прикрывать отход своих товарищей. Фашисты ранили Доценко, схватили его, подвергли зверским пыткам и затем, разmozжив голову отважного партизана прикладами, бросили труп его на берегу реки Амблев...

В тот же день в перестрелке с немецким патрулем был убит и сам Жан Коллар.

А четырем с небольшим месяцами позже погиб и третий из моих лесных знакомцев — советский партизан Алексей Девяткин. Он был очень скромным человеком и не любил рассказывать о себе. Знали только, что родом он из-под Куйбышева, что работал до войны трактористом. Потом первые июньские бои 1941 года. Ранение, плен, бельгийские шахты, побег, партизанский отряд... Алексей был прирожденным конспиратором. Появлялся и исчезал он наподобие призрака. Поэтому, как правило, именно ему поручали распространение антигитлеровских листовок и воззваний. Если уж Алексей Девяткин брался за дело, можно было не сомневаться в том, что листовки появятся на стенах большинства домов... В небольшой городок Виллет Алексей приходил несколько раз. И так уж случилось, выследил его местный торговец Мишель Массу,

который был агентом гестапо. За Девяткиным началась настоящая охота. 13 августа 1944 года три эсэсовца, переодетые крестьянами, набросились на Алексея, когда он расклеивал листовки на городской площади. Завязалась схватка. Один из гитлеровцев выпустил по Девяткину автоматную очередь. Смертельно раненного партизана эсэсовцы затащили в ближайшее кафе и начали зверски пытаться его... Алексей не сказал ничего. Ему выбили зубы, переломали все пальцы на руках, вырвали волосы. Но он молчал. Труп Девяткина фашисты заперли в кафе, хозяина увезли с собой. Спустя несколько часов в городок примчались партизаны, чтобы спасти товарища. Но было поздно... Партизана похоронили в лесу. А потом, после войны, гроб его перенесли в Виллет, и похоронили героя на местном кладбище с воинскими почестями.

Иногда случаются в жизни странные события. Трое в лесу. Бельгиец и два русских. Общность идеалов борьбы и общность судеб. И так вот совпало, что в конце августа 1944 года попал я в небольшое селение Комблен-о-Понте, стоящее как раз на слиянии двух речушек — Урт и Амблев. И там услышал из уст супругов Жоржа и Леоны Амуар историю борьбы и гибели трех моих лесных знакомцев. В годы войны эти двое простых людей отдавали свой дом партизанам. Здесь находили убежище бежавшие из гитлеровских лагерей русские, отсюда уходили они в горы. Здесь слушали голос Москвы, и отсюда он, размноженный в тысячах листовок, звучал в окрестных городах и селениях. Здесь Леона сшила красное знамя для партизанского полка Коллара, отсюда ее муж Жорж перевозил добытые для патриотов оружие, продовольствие, одежду. Здесь жил и работал Евгений Доценко, отсюда ушел он на последнюю встречу с партизанами, неподалеку от этого дома принял он неравный бой и погиб, прикрывая отход своих товарищей.

Я знаю, что после войны супруги Амуар перевезли останки Евгения Доценко из города Льежа и похоронили его на кладбище в Комблен-о-Понте. На народные деньги был поставлен комиссару памятник у полотна железной дороги, там, где он принял свой последний бой...

Вам могут показаться странными, на первый взгляд, отклонения от основной темы. Но смысл того, что я

рассказал, не в необычности встреч с героями Сопrotивления — моим соотечественником и двумя русскими, а в гораздо более важном и глубоком. Может быть, тогда впервые у меня, еще мальчишки, мелькнула мысль, вернее, вопрос о том, почему так бесстрашно отдают свои жизни советские партизаны за свободу другого народа. Ведь именно после встречи в Комблен-о-Понте я записался добровольцем в королевские военно-воздушные силы Англии, чтобы внести свою частицу борьбы в разгром гитлеризма. Но так уж сложилась судьба, что пришлось сначала работать переводчиком, а затем вернуться в Бельгию, чтобы продолжить карьеру военного — сначала в одном, а затем в другом ведомстве...

Уже работая в бельгийской разведке, встретился с моими «лесными братьями» еще раз — в объемистом досье о Сопrotивлении, которое хранилось в архиве. Нет, там не было описаний их героических подвигов. Просто сухие формуляры о датах рождения и гибели, о том, в каких отрядах числились и где воевали. И фотографии всех трех, тогда еще живых, среди множества других фотографий патриотов партизан, которые спасли мою страну и мир от фашизма. И я сегодня, заняв гражданское место среди советских людей, потерявших в прошедшей войне 20 миллионов своих лучших сынов и дочерей, именно сегодня могу с чистой совестью сказать, что причисляю себя к бельгийцам, которые боролись за то, чтобы на освобожденной от черной нечисти земле воцарился долгожданный мир. Я причисляю себя к тем бельгийцам, ибо ради памяти погибших за правое дело я в конце концов ушел из лагеря натовских любителей военных авантур, в который затянула меня моя нелегкая судьбина...

Как я оказался в бельгийской разведке? Мне нередко задают этот вопрос. И каждый раз отвечаю на него предельно кратко: случайно. Действительно случайно. Меня, честно говоря, никогда не волновали ни легкомысленные авантюры танцующей шпионки Маргарет Целле, больше известной под именем Мата Хари, но одинаково непрофессиональной как в индийских танцах, так и в европейском шпионаже, ни сомнительная слава английского археолога и разведчика сэра Томаса Эдварда Лоуренса, чей столь высоко ценившийся в Интеллидженс Сервис профессионализм в обеих

областях обернулся потоками крови и многими тысячами бессмысленно загубленных жизней для арабских племен... Короче говоря, я никогда, даже во сне, не видел и не представлял себя в роли разведчика, профессии, столь заманчиво звучащей для простого обывателя.

Впрочем, именно это обстоятельство, видимо, и сыграло решающую роль в выборе моей кандидатуры для работы в одном из отделов секретной службы Бельгии. Когда я стал «своим» в бельгийской разведке, один из сотрудников отдела, занимающегося подбором кадров, раскрыл мне за рюмкой аперитива секрет моей столь легкой проходимости в «святая святых». «Мон шер,— сказал он,— наши шефы всегда придерживались железного правила не принимать на работу тех, кто или очень хотел, или, наоборот, очень не хотел переквалифицироваться в кадровых разведчиков и осесть в нашей конторе. Ты оказался золотой серединой, которая устроила всех: не очень рвался к нам и не очень сопротивлялся, когда позвали. И потому ты здесь».

Что ж, может быть, оно и так. Но вернемся к делу. Итак, после приезда из Англии, где я служил в королевских военно-воздушных силах, меня назначили в одно из подразделений министерства национальной обороны, занимавшееся вопросами подготовки военных летчиков, которых Бельгия, в соответствии со своими обязательствами перед НАТО, должна была поставлять для военно-воздушных сил Атлантического союза. Американцы держали под контролем нашу службу. Мне довольно часто приходилось сталкиваться с заокеанскими инспекторами, чувствующими себя хозяевами положения. Я, как правило, докладывал им сводки о ходе подготовки пилотов, которым предстояло затем отправиться в США на стажировку. Особенно досаждал нам один американский полковник из МААГ (консультативная группа по вопросам военной помощи), который навещался к нам чаще других. Его терпеть не мог мой шеф. Едва заведя из окна вылезавшую из автомашины нескладную фигуру полковника в ковбойской шляпе с широкими полями и с неизменной сигарой во рту, он бросал мне на ходу: «Беседуй с ним сам, меня нет»— и надолго исчезал из кабинета.

Прошло уже много лет, а я до сих пор помню зрительную ухмылку, изжеванную сигару в углу рта и до удивительности противный голос американского полковника, как будто бы наша последняя встреча состоялась вчера.

— Молодой человек, мне нужен ваш шеф.

— Одну минуточку, посмотрю, на месте ли господин полковник.

Я уходил из приемной, топтался около двери пустого кабинета моего начальника, громко стучал в дверь и через несколько минут возвращался назад.

— Простите, но полковник вышел.

— Куда?

— Не могу знать.

— Это черт знает что. Вы работаете или...

— Мы не были предупреждены о вашем визите.

— Я не обязан вас предупреждать. Надо сидеть на месте и заниматься делом!

Американец усаживался в кресло и клал ноги на мой стол. Говорят, что в капле воды можно увидеть море. Может быть. Но я твердо убежден, что нельзя по одному человеку судить о народе. Существует мнение, что все американцы кладут ноги на стол. Видимо, это не так. Ну, а если и кладут, то, наверное, не в присутствии незнакомых людей и не в официальной обстановке. Ноги американского полковника на столе действовали на меня, как красная тряпка на быка. Приходилось всеми силами сдерживать неодолимое желание сказать все, что я о нем думаю. Но нужно было соблюдать субординацию.

— Может быть, я могу быть чем-нибудь полезен?

— Мне нужны сводки прохождения подготовки бельгийских курсантов.

— Они в моем распоряжении.

— Да? Ну тогда докладывайте.

Я делал подробный обзор тренировочных полетов и оценок теоретической подготовки наших ребят. Американец что-то помечал в своем блокноте.

— Доложите вашему шефу, что я приеду завтра в это же время. Пусть ждет и никуда не выходит... Кстати, вы неплохо говорите по-английски, молодой человек, и могли бы работать в МААГ. Подумайте над моим предложением. Разумеется, получать вы будете зна-

чительно больше, чем в вашей паршивой конторе. Гуд бай!

— Хорошо, я подумаю, господин полковник...

«Черта с два,— думал я про себя, смотря в спину удаляющемуся американскому инспектору,— ни в какой МААГ я не пойду ни за какие деньги. А вот за нервность в моей работе шефу неплохо было бы дать мне надбавку к зарплате». Но просить надбавки не пришлось. Вскоре меня вызвал начальник секретариата министерства национальной обороны. «Завтра к трем часам явиться в отдел кадров министерства».— «Зачем?»— спросил я, вместо обычного «слушаюсь»... Начальник, ничего не ответив, пожал плечами, что могло означать и «ничего не знаю», и «не задавай наивных вопросов».

Впрочем, мой непосредственный шеф поставил тот же «наивный» вопрос, когда я доложил ему о вызове. «Не знаю, господин полковник, мне ничего не объяснили».— «Странно. Но надеюсь, вы не искали протекции, чтобы сбежать на другую работу?»— «Нет, уверяю вас. Я сам в полном неведении, о чем пойдет речь...»

Речь пошла именно «о другой» работе. Какой? На этот вопрос не дал мне ответа и майор, перед которым лежало мое личное дело. Сначала он задал мне тьму вопросов в отношении моих предков начиная с третьего колена, потом выразил удовлетворение от того, что я говорю на некоторых европейских языках, затем снял телефонную трубку и набрал трехзначный («Следовательно, внутренний»,— отметил я про себя) номер телефона.

— Привет, Шарль. Ты помнишь наш вчерашний разговор? Да... Он у меня. Думаю, что подойдет... Ты тоже? Ну и хорошо. Когда он должен явиться к тебе? Так, договорились...

Разговор шел обо мне, но я ничего не понимал. Майор явно забавлялся моим ошарашенным видом и тянул паузу.

— Не волнуйтесь. Возможно, вам предложат более интересную работу. Вы ведь не против?

— Какую работу?

— Это объяснит майор Мэртенс, к которому вы придете завтра к 10 часам утра вот по этому адресу.

Он протянул мне маленький листок из отрывного блокнота и встал из-за стола, давая понять, что визит окончен.

— Простите, мосье, а где работает майор Мэртенс?

— Узнаете завтра. Желаю удачи.

Я вышел из кабинета, зажав в руке маленький листочек с адресом. Французский философ Блез Паскаль высказал как-то не очень новую, но грустную мысль о том, что «человек — всего лишь тростинка, причем самая слабая в природе». Но, добавил он с приливом оптимизма, «...тростинка думающая». Моя голова тоже стала лихорадочно соображать. «Другая работа. Более интересная. Чего же тут плохого? Ведь не письма же меня пошлют разносить в конце концов со знанием четырех языков, хотя в нашем свободном мире случается и такое... Но почему столько таинственности в недомолвок?» На память пришло еще одно из изречений великих (я их коллекционировал всю жизнь) — на сей раз Иммануила Канта, которое очень любил мой покойный отец: «Мысль без содержания пуста, интуиция без концепции слепа». Адрес на листочке ничего не говорил моим мыслям, а концепция разговора с майором ничего не подсказывала моей интуиции. «Подождем до завтра, — подумал я, — утро вечера мудренее».

На следующее утро без пяти минут десять я нажал кнопку звонка у входа в здание, адрес которого был указан в листочке. Дверь открыл дежурный в военной форме: «Вы к кому?» — «К майору Мэртенсу». — «Ваши документы». Дежурный посмотрел список, затем дал мне бланк, который я должен был заполнить: фамилия, цель визита, с кем встреча, число, месяц и время заполнения бланка. Написав все, что требовалось, я вернул бланк. «Идите за мной», — сказал дежурный.

...Майор Мэртенс оказался очень высоким и сухопарым человеком с вкрадчивым голосом. Он предложил мне сигарету и задал несколько вопросов, из которых сразу же стало очевидным, что моя биография известна ему так же, как и мне: во всех тонкостях. Поговорив затем о погоде и последних кинофильмах, майор вдруг спросил: «Хотите у нас работать?»

Скажу прямо, мне давно осточертела работа по подготовке пилотов, не столько из-за конфликтов с

нашими ребятами, которым приходилось обучаться в трудных условиях, сколько из-за скандалов с американскими инспекторами. Я постоянно был перегружен, не получая взамен ни морального, ни материального удовлетворения. Может, рискнуть? А майор между тем бесстрастным голосом начал перечислять те блага, которые я мог со временем получить.

— Господин майор, я, право, не знаю, чем мне нужно будет заниматься. Но исходя из того, что вы мне сейчас сказали, мне пока в принципе возразить нечего.

— Вот и отлично. Значит, договорились. Работа несложная. Вы будете моим помощником в некоторых делах, которые потребуют ваших знаний иностранных языков и умения держать язык за зубами. Это не каламбур. Вы начинаете свою карьеру в «Ж. И.», что означает служба безопасности и разведки. На прежней работе своему начальству пока ничего не говорите. Они все узнают в свое время.

Майор увидел, что я внимательно рассматриваю большую, во всю стену, карту Восточной Европы, висевшую над его головой, которая вся была усеяна красными, зелеными и белыми точками.

— С этой картой вы еще встретитесь, как только мы закончим некоторые формальности... До скорого свидания.

«Формальности» заняли не так уж много времени. Примерно через неделю мой авиационный полковник получил секретный приказ. Сказать, что он очень обрадовался моему «продвижению», было бы преувеличением. Я бы сказал даже, что он был крайне недоволен, даже взбешен фактом потери специалиста со знанием иностранных языков.

— Черт знает что творится в нашем государстве. Вот почему шла вся эта мышьяная возня с вами... А вы тоже хороши! Не могли сказать заранее — я бы отстоял вас от «гестапо»...

Меня поразило столь непочтительное отношение полковника к нашей разведывательной службе.

— Почему «гестапо»?

— А вы думаете, что разведка — это пансион для благородных девиц? Увидите, там зря денег не платят.

Шеф, теперь уже бывший шеф, не подал мне руки, хотя я вежливо и почтительно сказал ему: «Прощай-

те, господин полковник». Где мне было знать, что эту фразу я повторю слово в слово еще раз, через много лет, в других обстоятельствах и с другой интонацией...

Зимой 1951 года я перешел на новое место работы. Майор познакомил меня со всеми офицерами службы. Многие из них не очень пришлись мне по душе. Молчаливые, неприветливые, подозрительные. Все на одно лицо. А вот майор нравился мне с каждым днем все больше и больше. Обаятелен, демократичен. Никаких начальнических ноток в голосе, никаких признаков высокомерия. И свое «отцовское» напутствие, когда мы однажды остались тет-а-тет, он произнес непринужденно, как бы шутя, хотя речь шла о вещах довольно серьезных.

— Дорогой Иоханнес, поскольку отныне вы полноправный «акционер» нашей конторы, разрешите дать дружеский, а если хотите, начальнический совет. Все, что здесь услышите, увидите и прочитаете, имеет гриф «секретно» или «совершенно секретно». Простых дел и бумаг у нас, как правило, не бывает. Поэтому никому, даже самым близким людям, не следует говорить о том, чем вы занимаетесь. Я не хочу вас запугивать, но слишком откровенные беседы одного из бывших наших офицеров со своей болтливой женой на служебные темы кончились тем, что ему пришлось пустить себе пулю в лоб. Вы себе представить не можете, как мы, его коллеги, огорчились, узнав об этом. А супруга покойного огорчилась еще больше, когда ей сообщили, что она и пенсии за мужа получать не будет.

«Неплохо для начала,— подумал я.— А не лучше ли мне было оставаться на прежней работе?» Нет, мой новый шеф явно читал мысли на расстоянии. Словно отвечая на мой тревожный вопрос, он сказал:

— Кстати, о работе. Нас интересует все, что имеет отношение к авиации; военное оборудование, характеристики самолетов, аэродромы, наземные гражданские и военные сооружения, личный состав и размещение военно-воздушных сил во всех странах мира.

— Во всех?

Майор внимательно поглядел на меня..

— Да, во всех. Конечно, в первую очередь нас интересуют исчерпывающие данные о военно-воздуш-

ных силах Советского Союза и его союзников. Но не плохо знать и о том, что делается за забором у друзей, особенно тех, что отделены от нас Атлантическим океаном. Они не очень откровенны, хотя, может быть, и нельзя этого требовать от великой державы, ведь она нас угощает «шампанским», а не мы ее...

— Дружба, родившаяся за бокалом вина, проходит вместе с похмельем.

Я попытался поразить майора знанием старинных немецких пословиц. Но Мэртенс оказался на высоте:

— Иногда бывает и запой. Цицерон по этому поводу сказал точнее: крепкой может быть дружба между равными... Но все это из области лирики. Для начала вы ознакомьтесь с некоторыми тематическими досье, а потом будете дополнять их, используя шифровки и документы, присылаемые нашими военными атташе.

Майор Мэртенс держал меня в стороне от дел, которые не имели ко мне непосредственного отношения. Может быть, проверял меня, присматривался. Во всяком случае, шифровки на тонкой папиросной бумаге от наших резидентов за рубежом, которые хранились под семью замками, он стал давать мне не сразу. А когда эти материалы стали ложиться на стол ежедневно, передо мной начала вырисовываться весьма странная картина работы бельгийской разведки, основным направлением которой являлись Советский Союз и другие социалистические страны. В официальных и служебных документах они именовались «потенциальными противниками» НАТО...

Прошло некоторое время после моего официального зачисления в кадры бельгийской разведки, и майор Мэртенс поручил мне первое самостоятельное и «ответственное» (так он сказал) дело. Вы помните, я говорил о карте с цветными точками, которая висела в кабинете майора над его головой? Так вот, мне нужно было нанести на нее последние уточнения о наличии в социалистических странах военных аэродромов. Для этого я получил доступ к совершенно секретной картотеке, которая постоянно пополнялась сведениями от военных атташатов и зарубежных источников. Мне дали задание проверить соответствие имеющихся на карте объектов с данными картотеки. Теперь уже стало ясно назначение цветных точек. Красная, например, означала аэродром с бетонированной взлетно-посадоч-

ной полосой длиной свыше 2000 метров; зеленая — с более короткой полосой; белая — вспомогательный аэродром, не имеющий взлетно-посадочной полосы с твердым покрытием. Другой раздел картотеки был посвящен исключительно размещению авиационных частей. В каждой карточке указывался номер полка, дивизии, воздушной армии, типы и количество самолетов. Заносились в карточки имена тех военных, которые имели генеральские звания, и тех, кто был рангом ниже, если занимаемые ими должности заслуживали внимания.

Позднее я получил возможность работать с разведывательными сводками, которые майор хранил особенно тщательно. В них содержалась информация, полученная от агентов. Каждый из них имел свою кличку или «псевдоним», как более деликатно выражаются литераторы: «Шарль», «Альфа», «Браво», «Квебек»... Несмотря на конспирацию, многим были известны реальные имена тех, кто стоял за этими псевдонимами. О некоторых из них знали и американцы. На моей памяти — скандал, разыгравшийся между бельгийской и американской секретными службами из-за одного очень ценного агента, который поставлял всегда точную информацию. Янки попытались перевербовать агента, посулив ему значительно большее денежное вознаграждение, нежели он получал. Агент сообщил о попытке перекупить его шефу службы, и тот отправил американским коллегам гневный меморандум. История эта, правда, не получила своего развития, потому что американцы весьма недвусмысленно дали понять о нежелательности продолжения дальнейших разговоров на эту тему.

Постепенно у меня все больше и больше открывались глаза на характер работы. Я не был настолько наивным человеком, чтобы считать, что служба в разведке является благотворительной деятельностью по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения, отнюдь нет. Но я был вначале убежден, что тружусь, так сказать, на благо национальной обороны. Однако практика постепенно развеяла мои иллюзии. Вся работа бельгийской разведки, а ее структура стала ясна мне буквально через несколько месяцев, была подчинена не проблемам национальной безопасности, а выполнению многочисленных заданий штаб-квартиры

НАТО, которые на три четверти состояли из запросов, касавшихся экономики, политики, состояния вооруженных сил Советского Союза и его союзников. А поскольку в штаб-квартире хозяевами были американцы, то именно от них приходили всевозможные циркуляры, начинавшиеся весьма категорично: «Штаб верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе настаивает, чтобы...», «Разведывательный отдел настоятельно советуется...» и т. д.

Однажды в наш отдел пожаловал из Парижа американский генерал Джон Швейцер. Ему нужно было перепроверить данные о строительстве аэродромов около Гросс Дельна в ГДР. Судя по информации, которую мы получили от одного из оперативных отделов службы, в этом районе работали два агента, которые давали разноречивую информацию по одним и тем же вопросам. Когда приехал американский генерал, шеф попросил меня принести досье «Гросс Дельн» и оставить их вдвоем. На другой день майор сказал: «То, что мы сообщили штабу верховного главнокомандующего, представляет чрезвычайный интерес. Кстати, советую вам развивать личные связи с американцами, они знают больше нас».

Вообще-то наши офицеры из различных служб поддерживали довольно тесные контакты с военными атташе и другими имеющими отношение к разведке лицами из союзнических стран, для того чтобы выудить максимум сведений по проблемам, о которых мы были мало информированы. При этом использовался метод «ты — мне, я — тебе». Правда, каждая из сторон старалась обойти партнера. Вспоминаю одну забавную историю, когда бельгийскому офицеру, сообщившему важные сведения американскому коллеге, последний подкинул под видом «агентурного донесения» перепечатку статьи из какой-то американской газеты.

К этому времени был назначен новый директор нашего управления полковник Марго, который положил конец «торговле секретами», особенно с американцами. «Я ненавижу америкашек, — говорил он в узком кругу, — потому что они выжимают нас, как лимон, а взамен — ничего, кроме беспокойств и неприятностей. Так что вместо того чтобы давать себя об-

манывать, старайтесь быть похитрее с этими гангстерами. Или же отделяйтесь от них. Я не хочу давать им больше того, что им полагается».

Иногда полковник любил прихвастнуть. «Недавно я встречался с шефом западногерманской разведки — БНД Геленом, — сказал он как-то моему начальнику. — Мы договорились, что ценная информация о Советском Союзе будет направляться и нам».

Страны — члены НАТО в принципе обмениваются информацией. Но в Бельгию в мою бытность поступали лишь те сведения, которые, по мнению руководителей американской разведки — истинных хозяев разведывательных служб НАТО, нам положено было знать. Зачастую они содержали старые, уже известные факты и данные. Американцы в свою очередь требовали, чтобы все разведки стран — членов Атлантического союза направляли им «для обобщения» еженедельные отчеты, касающиеся в основном сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил Советского Союза. Там эти данные объединялись, проверялись и затем в виде аналитических обзоров с выводами ЦРУ и РУМО (разведывательное управление министерства обороны США) рассылались партнерам по НАТО.

Между тем пришло время расстаться с моим «учителем» — Мэртенсом. Его повысили в звании и перевели в стратегическую авиацию на оперативную работу.

На место Мэртенса назначили бывшего штурмана бомбардировочной авиации Лионарда. Он отличался от других ярко-рыжим цветом волос и постоянным запахом винного перегара, который исходил от него и ранним утром, и поздним вечером. Майор Лионард был железным человеком с железной логикой. Первоначально он считал, что работа не волк и что, во-вторых, питание определяет сознание. Он неплохо относился ко мне, потому что я к тому времени уже весьма квалифицированно составлял разведсводки. Ему оставалось лишь подписать их и отправить в секретариат службы как свое собственное творчество.

Рабочий день «Рыжего» складывался весьма своеобразно. На работу он приходил с получасовым опозданием, чтобы был ясно виден временной барьер, отделяющий «начальство» от «рядовых». До 11 часов он

читал газеты и беспрестанно курил свою трубку. Затем отправлялся в бар, возвращался к 12 и отбывал сразу же домой обедать. После его ухода я открывал настежь окна, чтобы избавиться от запаха более ужасного, чем автомобильная гарь. Возвращался Лионард только через час после окончания обеденного перерыва. Лицо его напоминало очищенную свеклу, и распахнутые окна уже не помогали... Бравый майор до окончания работы успевал еще два-три раза спуститься в бар. Начальство знало, что Лионард пьет, но почему-то не трогало его. Впрочем, дело делалось. Я работал за двоих, и майор поэтому весьма ценил мое усердие, регулярно представлял меня к поощрениям.

Шло время... Я все больше и больше убеждался в том, что моя служба — небольшой винтик в огромной натовской машине, все рычаги управления которой находятся в руках американских капитанов «холодной войны». Думал я и о своей жизни. «Три главных события переживает человек, — говорил французский просветитель Жан де ля Брьюер. — Он рождается, живет и умирает. Но он не чувствует, когда рождается, страдает умирая и не успевает осмыслить свою жизнь, пока живет». Человеческая жизнь, что она такое? Для чего я живу? Ради денег? Но разве они могут продлить мою жизнь? Ради счастья? Но я не определил, что важнее для меня: собственное эгоистическое счастье или счастье всех других. Человеческая жизнь, отдельная человеческая жизнь — это лишь маленькая искорка из гигантского костра мироздания. Она загорается и гаснет. Но как? Забирая тепло себе или отдавая тепло другим. Вот какой искоркой быть в этом костре — мне и предстояло решить, хотя решение это пришло значительно позже.

Часто у меня спрашивают, когда впервые зародилось сомнение в правильности избранного пути. Положа руку на сердце скажу — не сразу. Это сейчас мне стала очевидна вся нелепость утверждений об «агрессивности» Советского Союза, явно видны попытки со стороны зарубежных «советологов» придать вид «объективности» махровому вранью. А тогда, в разгар «холодной войны», не я один находился под влиянием психоза неизбежности военного столкновения между двумя мировыми системами. Понадобилось время для

«прозрения». Впервые я почувствовал, что мы идем куда-то не туда, получив указание принять участие вместе с работниками сектора «психологической войны» в организации курсов по подготовке следователей для допроса «советских военнопленных». Директива по этому «мероприятию» последовала от руководящих органов НАТО. Для этой цели были взяты на учет все военные, говорившие по-русски. Отдел кадров получил приказ подготовить для нас списки выходцев из русских семей, проживающих в Бельгии. Через несколько недель «курсы» начали свою работу.

Обучение будущих «следователей» состояло из двух частей — теоретической и практической. Программа была составлена по американской системе. Она начиналась с ознакомления всех курсантов с военными терминами на русском языке. Офицеры-преподаватели прошли специальную подготовку в Соединенных Штатах и Голландии. Курсы размещались в пригороде Брюсселя, в местечке Евере. Начальником этих курсов был подполковник Колперт, толстый, невысокого роста человек, с весьма покладистым, при первом знакомстве, характером. Он неплохо владел русским языком и считал сам себя одним из крупнейших специалистов по Советской России, что любил подчеркивать во время отеческих бесед со своими слушателями. Благодаря курсам мне удалось заглянуть за стены специального подразделения военной разведки, именовавшегося SDRA, которое занималось подготовкой специальных операций за рубежом и работой с зарубежными информаторами, то есть агентурой.

Но вернемся к курсам «следователей». По окончании теоретической части начались практические занятия. Каждый курсант должен был выступать в роли «следователя» и в роли русского «военнопленного». Перед «следователем» лежала шпаргалка с вопросами, которые он должен был задавать «пленному» и определить, говорит тот правду или лжет. Курсант-«военнопленный» получал «биографию» и сценарий, который он должен был запомнить наизусть. Вот один из примеров такого «сценария», который остался в моей памяти. «Вы ефрейтор Смирнов Петр Сергеевич, 25-го артиллерийского полка, 3-й роты. Командир батареи — капитан., его помощник — лейтенант... когда началась война, ваша часть располагалась в городе

Смоленске. В ночь на... ваше подразделение посадили на грузовики вместе с оружием и вещами и повезли на запад. По пути вы встречали машины с боеприпасами, эшелоны с танками, инженерные войска и т. д. В районе Бреста, неподалеку от леса, вы попали в засаду и вас взяли в плен. Вы решили ничего не говорить «следователю», кроме имени, года рождения и личного номера...» Запомнивший эту «биографию» курсант помещался в темной комнате. Внезапно загоралась сильная лампа, направленная прямо ему в лицо, и допрос начинался...

К этому времени я уже долго занимался изучением русского языка и достиг, надо сказать без ложной скромности, немалых успехов, что, кстати, и заметил подполковник Колперт. И вот как-то мне предложили попробовать исполнить роль «пленного». Мои успехи превзошли все ожидания. На некоторое время я превратился в профессионального «подследственного». Вживаясь в «биографии» моих ролей, я и обратил внимание на то, что советские военнослужащие попадают в «плен» почему-то в русских городах. «Кто же агрессор в таком случае?» — думалось мне, и эта мысль начала сверлить мозг днем и ночью... «Лучше один раз увидеть, чем сто раз прочитать», — кажется, так утверждал неаполитанец Марко Поло, предпочитавший книгам путешествия. Я решил при случае попросить начальство направить меня в Советский Союз для стажировки. Мне не терпелось познакомиться с народом, который отдал 20 миллионов жизней, чтобы спасти мир от гитлеровской чумы, который первым послал в космос человека и о котором столько шумела западная пропаганда...

Однако удобного случая для разговора на эту тему как-то не представлялось. Но, как говорит старая восточная пословица: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Он, этот «Магомет», явился ко мне в образе подполковника Колперта, с которым я встретился однажды уже после прекращения работы курсов в кабинете моего рыжего шефа.

— Ян, подполковник Колперт назначен военным атташе в Москву. Он неплохого мнения о тебе.

— Очень приятно. Поздравляю вас, господин подполковник. Спасибо.

— Но ему нужен помощник, разбирающийся в авиации.

— Чем могу служить?

— Тем, что поедешь в Москву. Как, подполковник, подходит наша кандидатура?

— Конечно, подходит. Если я не ошибаюсь, он производит впечатление славного малого.

Потом, обращаясь ко мне, добавил:

— Я буду доволен, если вы согласитесь. Ваше знание языков, особенно русского, мне очень помогло бы.

Итак, вроде бы все складывалось самым наилучшим образом. Фортуна подкинула мне из своего рога избытка неожиданный и приятный сюрприз в лице подполковника Колперта, который согласился взять меня в Москву. Наконец-то появилась реальная возможность увидеть столицу таинственной страны за «железным занавесом». Но я никогда не верил в легкие решения сложных проблем. «Где больше ума, там меньше везенья, где больше везенья, там меньше ума». Примерно так звучит в переводе с древнегреческого одно из изречений Аристотеля. Я не считал себя любимцем фортуны и поэтому решил еще раз переговорить с глазу на глаз с Колпертом, чтобы получить от него подтверждение ранее данного обещания. Такой разговор состоялся через несколько дней после нашей встречи у «Рыжего».

— Разрешите, господин подполковник?

— Заходите, Ван Энгеланд. Чем могу служить?

— Я хотел бы вернуться к нашему разговору в отложении Москвы. Если вы не передумали и не подобрали другого человека на место, обещанное мне, то я готов ехать.

— Нет, у меня не возникло за это время никаких сомнений по поводу вашей кандидатуры. Более того, я уже говорил о вас с генералом. Так что подавайте рапорт. Я вас поддерживаю.

Поблагодарив подполковника, я, не теряя времени, принялся за составление прошения о предоставлении должности помощника бельгийского военного атташе в Москве и через три недели получил официальное уведомление об удовлетворении моей просьбы.

Наступили лихорадочные дни. Честно говоря, я не знал, с чего начинать: то ли с теории, то ли с практики. Читать ли книги и справочники по Советскому

Союзу или шить меховую шубу на случай «сибирских» морозов? И вообще что брать с собой, имея в виду такие незнакомые мне понятия, как русская зима, гастрономы, рубли, несоизмеримость масштабности расстояний и образа жизни по сравнению с бельгийскими мерками. Между тем подполковник Колперт уехал на несколько дней в Москву, чтобы на месте ознакомиться с обстановкой и делами своего будущего «хозяйства». Я с нетерпением ожидал его возвращения, чтобы посоветоваться, так сказать, со свежим «москвичом». Однако его впечатления от командировки внесли в мою душу больше сомнений, чем ясности. Впрочем, может быть, потому, что подробной беседы у нас не получилось — подполковник куда-то очень торопился, да и настроен он был весьма агрессивно. «Не знаю, что вам посоветовать, — ворчливо говорил он. — В магазинах ничего нет, кроме хлеба, да и то черного. Так что запасайтесь всевозможными консервами в расчете на год — до очередного отпуска... Я уже не говорю о носильных вещах и других предметах обихода. Цены на них фантастические».

Забегая вперед, скажу, что сейчас, просматривая свои дневники, которые я вел в Москве в течение многих лет, не могу без улыбки читать строки о том, как гремели банки с консервированными овощами, мясом, рыбой, паштетом и молоком... Как гремели они потом, когда уборщица выбрасывала их, уже протухшие, на помойку... А цены, например, на фотоаппараты, часы, сигареты — на все то, чем я потом одаривал своих друзей в родных пенатах, оказались действительно фантастическими. Фантастически низкими по сравнению с теми, по которым продавались такие же товары в брюссельских магазинах. Но все это было потом. А тогда я приехал в аэропорт экипированный не хуже, чем Амундсен накануне экспедиции на Северный полюс...

«Каравелла», подпрыгнув, оторвалась от бетонной дорожки брюссельского аэродрома. Светило щедрое мартовское солнце. В салоне самолета, где мне было отведено место, находились двенадцать пассажиров. Хорошо, что не тринадцать. Мне это число не нравилось. В общем-то я не суеверен, особенно когда стою на земле, а вот в небе, рядом с господом богом... За время работы в авиации пришлось видеть всякое. «А

не так уж много летит желающих посетить Страну Советов», — подумал я. Неподалеку сидела симпатичная девушка, строгая и молчаливая. Она явно намекала своим поведением на то, что не желает ни с кем заводить знакомство. Наверное, сотрудница какого-нибудь советского учреждения в Брюсселе. Кстати, и подполковник Колперт говорил мне, что русские до удивительности нелюдимые и подозрительные люди. Я ошибся. Тайнственная незнакомка оказалась новой стенографисткой бельгийского посольства в Москве Сильвией Стеркс. Ей, между прочим, потом подложил большую свинью военный атташе, нет, не Колперт, а приехавший вместо него полковник Годе. Но об этом особый разговор... Никаких загадок не представили двое веселых пассажиров, которые сразу же после взлета вытащили бутылку виски и начали к ней активно прикладываться. С каждым глотком лихие американцы становились все более шумливыми. К посадке в Варшаве они явно перебрали и поднялись со своих кресел только после третьей попытки. По сравнению с «Рыжим» они, конечно, были слабы. Я вспомнил о своем бывшем шефе с большой теплотой. Он дал отличную характеристику на меня начальнику разведуправления, с которым довелось побеседовать за день до отлета в Москву.

— Желаю вам успеха на новом поприще. Надеюсь, что вы оправдаете наше доверие.

— Благодарю вас, господин генерал. Мне хотелось бы только уточнить один деликатный вопрос, касающийся моей будущей работы.

— Да, пожалуйста.

— Я еду в Москву как помощник военного атташе или для другого дела?

— Нет, делом будет заниматься подполковник. Это его прямая обязанность. Ваша же задача — заниматься всей его канцелярией. Обращивать материалы, составлять отчеты, вести переписку. Не беспокойтесь, подполковнику даны подробные указания на ваш счет... В общем, в чужие дела не суйся, мой друг, хва-тит своих.

Начинало смеркаться. Самолет подлетел к Москве. Вжглись световые табло «Пристегнуть ремни», «Не курить». На французском, английском и немецком языках стюардесса объявила, что температура в горо-

де минус девять градусов. «Прохладно для конца марта», — подумал я. Через иллюминатор было видно, что на земле лежит снег. «Каравелла» побежала по обрамленной сигнальными огнями посадочной полосе, затем замедлила бег и начала подруливать к отведенному ей месту стоянки. Когда самолет остановился, я взял ручную кладь и пошел к выходу, где уже стояли два советских пограничника...

— Мосье Ван Энгеланд?

— Да, это я.

— Дюбюрк из бельгийского посольства. Рад вас приветствовать. Машина ждет снаружи. Сейчас закончим с формальностями и поедем.

Встречавший меня оказался в «ранге» швейцара. Уже потом я убедился, что работники посольства, включая и самого посла, весьма недоброжелательно отнеслись к назначению военного атташе и его помощника, поскольку считали, что они причинят им дополнительные хлопоты. Поэтому на аэродром и послали швейцара...

На следующий день — это было 1 апреля — начался мой первый официальный день в бельгийском посольстве. Он целиком ушел на знакомство с сотрудниками, которые, разумеется, надавали мне сразу же кучу «полезных» советов. Самый главный из них: не заводить знакомств с русскими и другими людьми из стран за «железным занавесом». Мне так и сказали: «Если вы хотите сейчас же получить обратный билет на самолет, вам достаточно показаться в обществе советских людей». По наивности я понял это предостережение как первоапрельскую шутку. Но все было правильно. И пусть попробует кто-нибудь из сотрудников бельгийского или других западных посольств не доложить о своих контактах с советскими гражданами в течение 24 часов лицу, отвечающему за вопросы безопасности, оно, это «лицо», позаботится о предоставлении сотруднику еще двадцати четырех часов... чтобы собрать чемоданы. На этот счет имеются абсолютно точные инструкции, и мне не раз приходилось быть свидетелем неожиданных и досрочных отъездов некоторых моих бывших знакомых. Правда, есть категория дипломатов, которым не только не запрещается, а, наоборот, весьма рекомендуется заводить связи среди советских людей...

На дипломатических приемах и различных раутах по торжественным случаям они резко выделяются из многоликой массы гостей с микронной точностью подогнанными парадными мундирами, обилием аксельбантов, крестов и медалей и, естественно, бравой выправкой. Представители военных атташатов легко знакомятся, безбоязненно, направо и налево раздают свои визитные карточки и вообще ведут себя, как простецкие «рубахи-парни», готовые сразу же, без оглядки, отправиться хоть на край света с «приятным» собеседником, особенно если этот «край света» находится в зонах, не предназначенных для посещения иностранцами...

В Большой Советской Энциклопедии на букву «А» написано просто, конкретно и ясно: «Атташе военные, военно-морские, военно-воздушные — должностные лица дипломатического представительства, представляющие соответствующие рода войск своей страны перед вооруженными силами гос-ва пребывания и оказывающие помощь дипломатическому представителю по всем военным вопросам. По своему положению военные А. приравниваются к дипломатам, входят в состав дипломатического корпуса и пользуются дипломатическими привилегиями и иммунитетами».

Следовательно, «...оказывающие помощь дипломатическому представителю». Посольство и другие дипломатические институты одной страны находятся на территории другой обычно до тех пор, пока отношения между этими государствами развиваются нормально. Они, эти отношения, могут быть более или менее дружественными, но, вероятно, исключением из правила является тот посол, который занимает сей высокий пост для того, чтобы специально портить установившееся дружеское «статус-кво». Более логично считать, что его основная функция — развитие и улучшение взаимопонимания между народами. Имеется в виду, что военные атташе — одни из важных помощников послов в этом благородном деле. Но много ли они положили кирпичей в фундамент мира и дружбы, особенно те, что представляют в Советском Союзе и других социалистических странах государства — члены Атлантического союза? Этот вопрос я задавал себе не раз. И каждый раз отвечал кратко и категорично: нет! Конечно, они по-разному понимали и

выполняли свои функции, но находились на одном корабле, агрессивный курс которого прокладывали ЦРУ и РУМО. Военные атташе всех родов войск, их помощники и сотрудники стремились использовать любую возможность, чтобы попасть в районы расположения военных объектов, в запретные зоны, грубо нарушали правила передвижения по Советскому Союзу.

Ничем не отличался от них и подполковник Колперт, мой непосредственный шеф. Еще в Бельгии он заявил во всеуслышание, что прибудет в Москву не самолетом, а на автомашине, чтобы посмотреть по дороге, «что к чему в Советском Союзе». Такая была у него натура — сразу же пустить пыль в глаза начальству своим особым рвением к порученной работе. Я был в курсе всех дел Колперта, поэтому и начну свой рассказ с него.

Итак, Эрнест Анри Жорж Колперт. Насколько я помню, родился он в 1911 году в городе Дижоне, окончил королевское военное училище, потом служил в первом велосипедном полку. К началу второй мировой войны, как он сам говорил, командовал ротой. Но воевал недолго — пришлось сдаться в плен. Просидел в нацистском лагере для военнопленных вплоть до 1945 года и был освобожден советскими войсками. Позже, находясь в Москве, Колперт будет всем встречным и поперечным рассказывать на приемах с пьяной слезой умиления, что «выучил русский язык в знак преклонения перед советским народом-освободителем». По возвращении в Бельгию Колперт работал в отделе кадров при председателе комитета начальников штабов, затем был назначен на должность начальника разведотдела штаба сухопутных войск. В 1962 году он занимал пост офицера связи по линии НАТО в ФРГ, где активно работал против социалистических стран. Здесь в 1962 году состоялось одно из его вербовочных дел. Я излагаю это «дело» так, как мне рассказывали о нем сам Колперт и потом его преемник — полковник Годе. Кстати, Годе не питал, мягко говоря, дружеских чувств к Колперту и поэтому добавил некоторые детали, о которых тот в свое время, по вполне понятным причинам, умолчал.

...Некто Вольфганг Экке, уроженец города Виттенберга, крупный специалист по мелким кражам, выехал из ФРГ во Францию с целью вступить во француз-

ский легион и поискать удачи не в карманах соотечественников, а в заморских авантюрах, когда можно было грабить в открытую, не боясь полиции. Однако медицинская комиссия не пропустила Экке в связи со слабостью его здоровья, и он, вернувшись в Страсбург, случайно попал в поле зрения сотрудника французской спецслужбы Дюмонта, который и завербовал искателя легкой жизни, установив ему месячное содержание в 300 западных марок. Основная работа Экке заключалась в сборе шпионской информации о военном потенциале социалистических стран для разведывательных служб НАТО. По служебной необходимости Дюмонт познакомил как-то своего агента с бельгийским представителем в НАТО Эрнестом Колпертом, и тот решил сразу же «проявить» себя. «Слушай, милый,— сказал он Экке, встретившись с ним в пивной,— какой смысл работать на французов и всю эту контору? Тебе сейчас платят 300, а я дам 400 марок, но добытую информацию ты будешь передавать мне». Бывший уголовник как-то даже растерялся от такого нарушения «джентльменских» законов и, думая, что его проверяют, рассказал обо всем своему французскому хозяину. Началось выяснение отношений. Французская разведка через штаб НАТО предъявила бельгийской «сестре» обвинение в «неродственном» отношении к общим интересам. Перепалку замяли, но Колперт все же не успокоился. «Напрасно ты все рассказал Дюмонту,— по-отечески журил он агента.— Бельгийцы никогда не боялись французов. И ты их не бойся, сынок. Отныне я буду платить тебе 1000 марок, но, кроме меня, ни с кем не связывайся и никому ничего не говори». По требованию Колперта Экке переехал в ГДР, откуда должен был сообщать о передвижении советских воинских частей и подразделений Немецкой народной армии. Но работа у агента не клеилась. Он опять переехал в ФРГ, где был арестован как «агент Востока» полицией, которая не забыла и его прошлые уголовные дела.

Но вернемся все же к Колперту, поскольку он пока главный герой повествования. Свою деятельность в качестве военного атташе в Москве Колперт начал весной 1964 года. К этому времени седина щедро посебрила его виски, а каждодневные возлияния и чревоугодничество округлили фигуру моего шефа. В штат-

ском, костюме Колперт походил на этакого благодушного бюргера. Но под маской доброты скрывался эгоист и скряга. Путем постоянного нытья о «недостаточности престижа у советских властей» подполковнику удалось в скором времени выклянчить в Брюсселе новый чин... Он стал полковником. Все русское, или, точнее, советское, вызывало у него ненависть. Я никогда не слышал от него ничего хорошего или положительного о Советском Союзе. Все, с его точки зрения, было плохо в этой стране. Все следовало стереть с лица земли. Из-за своей слепой ненависти полковник терял минимальное чувство меры и объективности. И это, естественно, сказывалось на донесениях, которые он отправлял в министерство национальной обороны.

В одной из первых бумаг, где он излагал свои впечатления о столице, ее населении, условиях жизни, ценах в магазинах и так далее, все было тенденциозно. Отчет начинался так: «Москва — унылый, мрачный город с плохо налаженной жизнью, где рядом с такими огромными зданиями, как МИД, гостиницы «Украина», «Ленинград», Университет, квартал на площади Восстания и т. д., стоят старые, обветшалые дома и лачуги. Целые семьи теснятся в одной-единственной комнате, которая похожа на свинарник... Люди грязны, плохо одеты, неказисты и глупы... Цены на продукты в три раза выше, чем в Бельгии, а на одежду — в пять, а иногда и в десять раз. Подобную картину можно было наблюдать в Бельгии во время оккупации».

Чего же хотел господин Колперт? Ни много ни мало — полного уничтожения всех социалистических стран. Вот почти дословный текст его разговора с одним из сотрудников посольства, при котором довелось присутствовать и мне.

— Я со всей ответственностью заявляю вам, что война будет обязательно. Она необходима, потому что существуют Советский Союз и другие страны под его эгидой, которые должны быть ликвидированы. Это во-первых. Она неизбежна, потому что люди размножаются так же быстро, как тараканы, и нет никакой возможности, да и целесообразности, кормить такую массу двуногих. Они голодают, и голод толкает их на войны.

Сотрудник был явно ошарашен подобной точкой зрения.

— Но простите, полковник, такую же теорию проповедовали нацисты... И разве на войну их толкнул голод?

— Конечно! Догитлеровская Германия находилась в тяжелом экономическом положении. Гитлер дал работу миллионам немцев, начав гонку вооружений, но не подумал о рынках сбыта... Война же давала решение этой проблемы.

— Следовательно, надежды людей на мир напрасны?

— Конечно. Ничто не в силах предотвратить войну.

— Зачем же тогда существование посольств, усилия дипломатов?

— Не горячитесь. Вы спросили: будет ли война? Я вам ответил — да, потому что так действительно думаю. Если бы я был пессимистом, то сказал бы, что война будет через год. Но поскольку все считают меня оптимистом, то допускаю, что война будет развязана через несколько лет.

Вот с такими взглядами начал работу в СССР мой шеф. Какими идеями мог он руководствоваться в своей работе? Конечно, идеями подготовки к войне. На кого работал полковник Колперт? Во-первых, на свою, так сказать, «родную контору». Во-вторых, на американцев, англичан и кого угодно, если того требовали интересы НАТО и приносили дополнительные «командировочные» полковнику Колперту. «Всю собранную мной информацию,— откровенничал он со мной,— я передаю в первую очередь Фитцджеральду (американский военный атташе того времени в Москве). Он в общем-то человек своеобразный, на близкую дружбу не идет, старается показать, что только он один работает успешно... Но «благодарит» за работу более чем щедро и при случае подбрасывает кое-что из своей информации и нам».

Впрочем, и тем, и другим, своим и «чужим» полковник Колперт поставлял не всегда достоверную и оперативную информацию. «Дорогой друг,— поучал он меня,— всегда нужно помнить о том, что о нашей работе в Советском Союзе судят в Центре по количеству страниц в получаемых от нас отчетах, поэтому не будем скупиться на писанину».

В поездках по Советскому Союзу Колперт сочетал приятное с полезным, то есть почти всегда включал в свои вояжи какой-нибудь туристский город, где можно было спокойно отдохнуть. Он, как правило, брал с собой жену, и, нужно отдать ей должное, она помогала ему во время этих поездок. Например, когда Колперт предполагал, что за ним следят, она отвлекала внимание, притворяясь заинтересованной какой-нибудь казармой, которая ее мужем была заранее намечена для «осмотра». Я знаю, что многие военные атташе (вместе со своими семьями) уезжают «по делам» по нескольку раз в год в Волгоград, Ленинград, Владимир, Ярославль, Сочи, Ялту и во многие другие города. Можно с полной уверенностью сказать, что у военных ведомств стран — членов НАТО сложились обширные и подробные сведения по целому ряду районов Советского Союза, так же как и крупные счета к оплате... Учитывая, что эти материалы так или иначе сосредоточиваются в одном месте, избираемые туристские маршруты, к которым питают особую слабость западные военные дипломаты, пройдены и описаны уже сотни раз...

Тем не менее мой шеф хотел, чтобы его отметили среди других за качество и количество сведений, направляемых в службу. Для этого он всегда плутовал, дописывая в отчеты всякие небывлицы. Вот как в общих чертах полковник подготавливал свои «миссии» — как он любил называть поездки по СССР... Вместе с женой они разрабатывали «идеальный» маршрут и определяли места остановок в пути. Затем начинался период «сбора документации». Жена отправлялась в московские гостиницы за проспектами «Интуриста». Он шел в книжные магазины или поручал мне купить книги о городах, которые собирался посетить. Поскольку шеф оплачивал путевые расходы за счет конторы, то мог позволить себе многое. Когда, вернувшись из «миссии», он отдавал мне счета для подготовки справки о возмещении затрат, я всегда убеждался в его «щедрости» за счет казны короля. Однажды бухгалтерия указала ему даже на «несоответствие целям миссии» расходов на театр, цирк, гида из «Интуриста» и так далее. Колперт в объяснительной записке попытался оправдаться, заметив, что если он иногда и оказывается вынужденным посещать какие-то «жалкие»

спектакли или бывать в «унылых» окрестностях того или иного города, то он делает это исключительно «в интересах службы, чтобы как можно лучше изучить образ мышления жителей данного района и их условия жизни...»

Мне столько раз доводилось обрабатывать материалы шефа, в которых со всеми подробностями рассказывалось о способах сбора им разведывательной информации во время поездок по СССР, читать его отчеты, готовить для него блокноты и карандаши для ведения записей в карманах, слушать хвастливые рассуждения о том, как с «большим риском» для себя ему удалось перехитрить «коварных» русских, что уже не приходилось сомневаться, кто такой полковник Колперт — нет, отнюдь не защитник интересов безопасности маленькой Бельгии, а участник опасной игры, которую ведет разведсообщество НАТО...

Полковник Колперт немало путешествовал по СССР. Но его поездки проходили по одной и той же раз и навсегда заштампованной схеме. Менялись названия городов, длина маршрута и способ передвижения, все остальное можно было предугадать. Поэтому, читатель, вернемся на несколько лет назад в город Таллин. Сразу же скажу, что я не был вместе с Колпертом в этом прибалтийском городе и таллинский во-яж полковника описываю так, как мне рассказывали о нем сам Колперт и его супруга, которым я помогал по возвращении составлять отчет по этой поездке.

Итак, Таллин. На одной из пустынных улиц, где находится некое военное учреждение, на тротуаре стоит грузный мужчина в макинтоше. Засунув правую руку в карман, он темпераментно перебирает там что-то. Мужчина — мой шеф Колперт. Упиваясь собственными мужеством и выдумкой, он осуществляет «визуальную разведку». В кармане у него небольшой блокнотик с отрывными листами, на которых он «незаметно», не вынимая руку из кармана, записывает специально укороченным карандашом номера машин, подъезжающих к военному учреждению, и звания офицеров, входящих и выходящих из него.

По противоположной стороне улицы фланируют две «ассистентки» господина полковника — его собственная жена Марта Колперт и супруга советника посольства Госсенарус Гельтмайер, которую хитроумные

супруги-шпионы взяли с собой для отвода глаз: все же она жена «чистого» дипломата. Они недалеко останавливаются у книжного магазина, делают вид, что рассматривают витрину, затем, отпрянув от нее, начинают с изумлением смотреть в серое небо, будто увидели там по меньшей мере летающую тарелку с инопланетянами. По идее, женщины должны страховать полковника от неприятностей; на самом же деле своим более чем странным поведением они привлекают внимание даже самых индифферентных прохожих... Побродив по городу с обязательным заходом в церковь, вся троица возвращается в гостиницу. Госсенарус, не привыкшая к «шпионской» жизни и переполненная эмоциями, отправляется на дрожащих ногах к себе в номер. (Насколько я помню, всегда сдержанный полковник в этой части своего рассказа даже вспыхнул немного, раздраженно упомянув что-то в отношении бестолковости карьерных дипломатов и их жен, которые, находясь за границей, только и знают, что пить виски на приемах, вести светские беседы да скупать по случаю в комиссионных магазинах картины и меха.)

Заперев дверь, супруги Колперт усаживаются за стол, чтобы провести «оперативное» совещание. Они раскладывают на столе фотокопию карты Таллина с нанесенными на ней военными объектами и начинают составлять «перспективный» план. Дело в том, что на этот раз моему шефу и его супруге предстоит выполнить весьма деликатную операцию, связанную с изъятием документов из тайника, заложенных туда агентом. Затем Колперты обрабатывают материалы, полученные в течение первого дня пребывания в Таллине. Сначала делается работа для себя. Из отрывных листочков, с которыми он манипулировал в кармане, в записную книжку переносятся номера автомашин, количество полковников, майоров и других военнослужащих, встреченных на улицах, и так далее. Затем наступает очередь путеводителя по Таллину и любезно принесенной горничной телефонной книги. Колперт переписывает «стратегические» данные и сверяет их с записями в блокноте, сделанными им перед отъездом в Таллин.

На следующее утро после завтрака мои земляки оказываются на Ратушной площади. Женщины захо-

дят в один магазин, другой, а полковник, держа в левой руке газету, следует дальше по улице к антикварному магазину. У его входа стоит невзрачно одетый человек с газетой в левой же руке. Сигнал принят. Колперту ясно, что в тайник, расположенный в парадном подъезде дома № 17 на улице Кясперта, будет заложена информация. И вот назавтра полковник, на сей раз уже только в обществе своей жены, едет в новый жилой массив. Они долго бродят по улицам и, убедившись, что на них никто не обращает внимания, отправляются на такси в привокзальный район. Там, зайдя в нужный подъезд, Марта Колперт забирает в тайнике документы и стрелой несется на улицу. Да, в такой ситуации, вероятно, есть причина для волнений. Оказавшись в номере, она разжимает потную руку и извлекает из варежки три небольших рулончика серовато-белой бумаги, исписанной мелким почерком. Радость полковника неопишима. Бегло просмотрев материалы, Колперт возвращает их своей жене, и она тотчас начинает раздеваться.

...Извините, читатель, но я вынужден говорить и об этих подробностях потому, что, помимо обязанностей жены, мадам Колперт выполняла еще функцию ходячего сейфа для секретных документов своего супруга. Колперт страшно гордился своей женой. Рассказывая о ее «героизме», он говорил: «Вы знаете, Ян, ей просто Нобелевскую премию нужно дать за изобретательность!»

О, скольким женщинам с врожденной склонностью к авантюризму не давала покоя скандально-трагическая судьба супершпионки Мата Хари, раздутая бульварными писателями! Но Марта Колперт совершенно искренне поклонялась этому «шпионскому идолу». Знакомаясь, она проглатывала букву «р» в своем имени, и получалось этакое элегантно-«Ма...та». Мадам Колперт любила не только «идола», но и деньги. Поэтому не за страх, а за совесть помогала своему супругу. Она аккуратно записывала в блокнотик диктуемые полковником номера военных машин, попадавших во время путешествий по дороге, места расположения воинских частей, без усталости щелкала затвором фотоаппарата, запечатлевая на память «пейзажи», в которые обязательно вписывались или казарма, или подъездные пути к военному объекту, или же на худой конец обнесен-

ный высокой оградой завод. Но ценность новоиспеченной Мата Хари заключалась не в этом.

Мы с вами остановились на том моменте, когда мадам Марта начала раздеваться... Дело в том, что, находясь с мужем в командировках, она хранила все секретные материалы в некоторых интимных предметах своего туалета... Я хорошо помню, что «открытие» мадам Колперт произвело среди жен западных военных атташе настоящий фурор. У нее нашлись десятки последовательниц. Действительно, рассуждали они, кому придет в голову искать секретные материалы в столь неожиданных местах. Представляю, как в брюссельской конторе наши коллеги, получая подлинники донесений, недоумевали, почему струится столь тонкий аромат французских духов от присланных документов...

Полковник был «изобретательным» человеком. Однажды он долго убеждал своего коллегу, что военный атташе должен быть хотя бы один раз «пойманным для шумихи за не очень серьезное нарушение советских порядков». «Зачем?» — спросил у него удивленный собеседник. «Для карьеры, разумеется. Кто же откажет в лишней звездочке потерпевшему во имя отечества?» Полковник очень хотел быть генералом и в этой связи разрабатывал свой план «несерьезного» нарушения советских законов. В один из осенних дней Колперт «проник» в расположение солдатского клуба в городе Владимире. Он, естественно, думал, что его, как Орлеанскую деву, сразу же потащат на костер инквизиции. А казнь не состоялась. Сначала его вежливо попросили покинуть территорию клуба, потом, видя, что полковник не понимает, чего от него хотят, пригласили милиционера. Служитель правопорядка, правда, не знал французского языка. Но ему все же удалось в конце концов растолковать «интуристу» на владимирском диалекте, как добраться до центра города...

С «подвигом» у полковника ничего не получилось, а рисковать по-настоящему он больше не хотел — приближался срок его возвращения в родные края. Незадолго до этого события между нами произошел такой диалог:

— Я не намерен выращивать тюльпаны после того, как уеду из этой свинской страны. В разведке штаба НАТО скоро откроется вакансия, и это место мне по

душе. Оно стоит немало — сорок тысяч бельгийских франков в месяц. Разве можно такими деньгами пренебрегать? Добавьте их к моей пенсии, и получится весьма кругленькая сумма.

— Неужели?

— Да, дорогой. Освобождается место «специалиста по СССР»... Моя стихия. Я много лет занимался Советами, прекрасно знаю историю России и коммунизма, плюс опыт, накопленный в качестве военного атташе. У меня, видимо, есть шансы на успех.

— Возможно, но, поверьте, дело не простое. Будут и конкуренты.

— Не волнуйся. Папаша Колперт не дурак и знает, в какую дверь постучать.

За несколько месяцев до отъезда из Москвы полковник практически перестал выезжать в длительные путешествия по стране для выполнения заданий по сбору разведывательной информации.

Впрочем, для этого имелись вполне резонные основания. Из Советского Союза были выдворены некоторые западные военные атташе и другие дипломаты, занимавшиеся недипломатической деятельностью. Мой шеф явно отсиживался. Из Брюсселя пришла телеграмма, в которой выражалось недоумение по поводу неожиданно родившейся у полковника привязанности к Москве. Я находился в кабинете, когда он читал это послание.

— Много они понимают, сидя там, — буркнул шеф. — Прочитайте, Ян, и подготовьте ответ в том смысле, что мы перед отъездом заняты обобщением опыта работы как нашей, так и наших коллег. Черт их побери! У меня же нет страховки на случай объявления «персоной нон грата».

— А разве подобная страховка существует?

— Разумеется. Мне однажды предложили такой вариант наши английские коллеги. И не только предложили, но и дали письмо с адресом одной лондонской страховой компании, пришедшее на имя их сотрудника майора Эйлвина, которому оно вроде бы не понадобилось... Я лично страховаться не хочу, ибо не имею в виду уезжать как «персона нон грата»... А вот письмо сохраните. Оно может пригодиться для будущих поколений...

Письмо компании «Т. Стивенс Пул лимитед» сохранилось. Оно пролежало несколько лет среди моих дневников и некоторых документов, оставленных Колпертом при отъезде. Разбирая их перед тем, как сесть за мемуары, я вновь натолкнулся на сей любопытный документ. Он не очень многословен. Вот его текст: «Страховой полис № X 62103622 на случай признания «персоной нон грата». Дорогой сэр, настоящим ставим Вас в известность, что срок указанной выше страховки истекает 31 декабря 1963 года. Нам доставило бы удовольствие получить от Вас указания в отношении ее дальнейшего продления».

Полковник Колперт явно не хотел страховаться. «Берут они вроде бы недорого, — объяснил он мне, — всего 105 долларов в год, а выплатить в случае досрочного отъезда обещают три тысячи. Но все равно, неприлично такое страхование для профессионального разведчика. Он должен думать о работе, а не о том, сколько заработать на провале, как это делают англичане». Меня несколько удивила резкость полковника по отношению к англичанам, ибо поначалу, насколько я знаю, он очень дружил с британскими военными атташе и довольно активно им помогал. Затрудняюсь сказать, какая кошка пробежала между ними, но не упускал он случая поиронизировать над сотрудниками тайной службы ее величества. Один раз Колперт рассказал мне такой эпизод.

— Вы слышали о пожаре в английском посольстве?

— Да, господин полковник. Там загорелось восточное крыло здания, по-моему, из-за старой электропроводки.

О подробностях пожара и причинах, его вызвавших, я уже был информирован помощником американского военного атташе Ливером, но хотелось знать, что скажет Колперт на этот счет.

— Дело не в старой электропроводке, а в том, что они потеряли чувство меры. Вы, наверное, знаете, что английская разведка имеет специальное подразделение, которое занимается добыванием разведывательной информации путем негласных радиоперехватов. Так вот, один из основных центров этого подразделения находится в Москве, в английском посольстве, в восточном крыле, которое и загорелось. Там было установлено огромное количество радиоэлектронной

аппаратуры для перехвата той информации, которая передается русскими по эфиру и очень интересует СИС вместе с военной разведкой.

— Какой информации?

— Самой необходимой. Ну, скажем, такой, как организация противовоздушной обороны СССР, или структура оборонной промышленности, или производство вооружения и военной техники... Помещение, где размещался этот пост в восточном крыле, было строгой заперто для всех посторонних. До пожара о нем знали, видимо, только американцы. Обслуживают его военные и гражданские специалисты, направляемые из Великобритании... В общем, дело поставлено не так, как в нашей конторе, где работников можно сосчитать по пальцам на одной руке. Вот так-то, Ян. А вы вот при нашей бедности отказываетесь мне помочь хотя бы тем, чтобы сесть за руль автомобиля...

Шеф опять попытался пробудить у меня желание заняться «оперативной» работой.

— Господин полковник, на этот счет у нас имеется с вами твердая договоренность и приказ нашего генерала. Зачем еще раз поднимать вопрос, тем более перед вашим отъездом? Но вы не закончили рассказ про пожар...

— Ах да, о пожаре. Англичане, видимо, перестарались, включили в один из дней всю аппаратуру одновременно, провода не выдержали нагрузки и загорелись.

Ливер сообщил некоторые любопытные детали. «Вы можете себе представить, — говорил он, — что осталось от шедевров английской техники после того, как пожарники полили ее из брандспойтов. Правда, нет худа без добра. Пожар помог им перестроить заново весь центр радиоперехвата, получить для него дополнительное помещение в основном здании посольства и оснастить более совершенной аппаратурой».

Американские военные дипломаты, как я заметил, тоже почему-то не очень любили англичан. Особенно те из них, которые активно занимались разведывательной деятельностью в Советском Союзе и имели тесные контакты на этот счет с моим шефом. Это военный атташе США Фитцджеральд, военно-морской атташе Гркович, военно-воздушный атташе Николас, помощник военного атташе Ливер... Я думаю, что их дружба

с Колпертом была, конечно, не платонической. Известно, что американская разведка располагает специальным фондом, за счет которого оплачиваются «услуги» по сбору информации об СССР военными атташе и дипломатами некоторых стран, имеющими возможность посещать те районы Советского Союза, куда американцам пробраться трудно. Колперт был одним из тех, кто довольно часто пользовался этим источником дополнительных доходов. Во всяком случае, «обобщая опыт» работы западных разведчиков в СССР, он всегда с особенной похвалой отзывался о деятельности «американских союзников», особенно по визуальной разведке. «Просто и гениально,— говорил мой шеф.— Важно только выбрать удачный маршрут, собрать хорошую компанию и достать билеты в мягкий вагон. Один из окна купе фотографирует объекты, другой, находящийся рядом, записывает в блокнот название места, время проезда и другие сведения, третий подстраховывает своих коллег, находясь в коридоре вагона. К сожалению, нам для такой работы не хватает персонала. Правда, можно кооперироваться с другими... Но те, кому веришь, обходятся своими силами, а с теми, у кого мало сотрудников, работать опасно... Нет, американцы — вне конкуренции. Посмотрите при случае на крышу их посольства. Чего там только нет! И обычные антенны, и специальные, и целый комплекс другой аппаратуры новейших образцов, упрятанной в деревянных будках. Контроль за работой радиопередающих средств, а также радиорелейных линий, по которым идут междугородные телефонные разговоры, у них поставлен куда лучше, чем у англичан, а уж о нас и говорить не приходится... В общем, пора собираться домой. С нашей техникой и возможностями далеко не уедешь».

В последний месяц своего пребывания в Москве полковник Колперт вообще потерял голову. Он все время твердил мне, что обязательно явится объектом «провокации» со стороны русских. Во всем, что у него не ладилось, он видел «руку красных». Задержка с доставкой контейнеров для того, чтобы отправить в Бельгию багаж, не состоявшийся из-за порчи международной телефонной линии разговор с Брюсселем, внезапно открывшийся насморк у мадам жены — короче говоря, большие и мелкие неурядицы он выдавал за злонаме-

ренные действия советских властей против его персоны.

Видимо, именно поэтому он не пригласил никого из советских граждан, с которыми поддерживал отношения по линии МИД, Министерства обороны, УПДК и так далее, на свой прощальный коктейль, что обычно делают другие дипломаты. Пришли только знакомые полковника Колперта из представительств западных стран, каждый из которых принес по традиции бутылку шампанского. Во дворе на Донской под открытым утренним небом и состоялось прощание. Все говорили полковнику и его жене комплименты, а мой шеф посматривал на часы. «Уже десять,— тихо сказал он мне,— пора отправляться». Колперт пошел к машине, где сидела его жена (они решили ехать домой на автомобиле), помахал всем рукой и тронулся в путь. Вслед за ним разъехались и гости. Я поднялся в кабинет, чтобы привести там все в порядок, поскольку на следующий день к работе должен был приступить полковник Годе, который уже неделю как приехал в Москву и жил в гостинице «Варшава», ожидая отъезда своего предшественника. С самой первой встречи он не поладил с Колпертом, и эта неприязнь была взаимной. Кстати, полковник при отъезде надул своего преемника, продав ему втридорога оставшиеся напитки и бельгийские деликатесы, которые решил с собой не брать. Впрочем, не хочу вмешиваться в их личные отношения. Скажу лишь, что один полковник стоил другого.

С Годе мне довелось работать меньше, чем с Колпертом. Новый шеф поначалу вроде бы повел себя иначе, чем прежний. «Я приехал не для того, чтобы играть в бойскауты или шпионы,— заявил он мне в одной из первых бесед.— Главное, что надо сделать,— это исправить оплошности, совершенные Колпертом, и то свинство, которое он допустил по отношению к русским, не пригласив их на прощальный коктейль. Вы мне поможете, Ван Энгеланд». Коктейль мы устроили. И на этом благие пожелания моего нового шефа развивать дружеские отношения с советскими коллегами окончились. В своих симпатиях он отдавал предпочтение англичанам. Особенно его восхищала их активность в сборе научно-технической информации.

«Вы знаете, сколько людей занимается у них этим делом? — спрашивал он у меня. — Нет? Кроме военных»

разведчиков, еще целый отдел посольства. Англичане как-то говорили, что отдел посольства по науке почти целиком укомплектован служащими Объединенного разведывательного бюро министерства обороны. Эти джентльмены живут, как лорды. Они заключают контракты с английской военной разведкой на разработку той или иной темы и спокойно трудятся, поскольку их положение позволяет им заниматься разведкой практически открыто. Они стараются получить доступ в советские научно-исследовательские учреждения, познакомиться с ведущими специалистами, у которых пытаются выуживать нужную им техническую информацию. Используют они и отдельных ученых, приезжающих в Россию на разные симпозиумы и конгрессы».

Насколько можно было понять из рассказа Годе, СИС тоже имеет свои виды на этот отдел, считая его хорошим прикрытием для проведения тайной разведывательной деятельности. Коллизии возникают у всех. В разведке они бывают особенно острыми, имея в виду специфику работы и разные задачи, которые стоят перед теми или иными тайными службами страны. СИС, как политическая разведка Великобритании, больше интересовалась расширением возможностей для приобретения новой агентуры, чем техническими новинками, и для этого пыталась как можно шире использовать базу отдела науки английского посольства. Против такого вмешательства в их «внутренние дела» категорически возражали представители военной разведки, полагая, что и отдел науки, и его сотрудники должны заниматься исключительно «научными» проблемами и не ставить себя под угрозу провала, влезая в «политику».

Среди друзей Годе, с которыми он поддерживал особенно тесные отношения, были такие активно работавшие английские военные разведчики, как военный атташе Великобритании Чарльз Харпер, военно-воздушный атташе Рой Даттон, помощник военно-воздушного атташе Стенли Вильямс, и некоторые другие. Кстати, один из помощников военно-воздушного атташе в английском посольстве — Джонс Мэдок осуществлял (и он этого не скрывал сам) специальные контрразведывательные функции, то есть, короче говоря, следил за английскими военными дипломатами, особенно за их контактами с советскими людьми. Я вспомнил о нем потому, что полковник Годе тоже через некоторое вре-

мя стал отдавать предпочтение контрразведывательной «работе», причем на уровне гестаповского провокатора. Годе был ленив или труслив, а может быть, и то и другое вместе, чтобы заниматься активной разведкой. (На моей памяти он совершил лишь одну поездку с американцами — в Архангельск: ему поручили собрать максимум сведений о железнодорожных сооружениях, да и то, вернувшись, он переписал все данные из справочников и старых отчетов Колперта, хранившихся в делах.) А хлеб свой надо было чем-нибудь оправдывать. Вот он и выдумывал всякие небылицы.

Вы помните мое упоминание о том, что Годе подложил «большую свинью» мадемуазель Сильвии Стеркс, той самой, которая летела со мной из Брюсселя? В посольстве она стала работать стенографисткой и в Москве встретила однажды студента-бельгийца, который обучался в Ленинградском университете. Они стали дружить. Когда студент приезжал на каникулы, Сильвия помогала ему деньгами, продуктами и в общем-то ни от кого не скрывала своих отношений. У студента, между тем, были разные истории с другими девушками, он пьянствовал, дебоширил, и дело кончилось тем, что его исключили из университета. Однако Годе усмотрел в этом происшествии нечто большее. Будучи в Брюсселе, он наговорил столько небылиц о бедной девушке, которая-де явилась причиной выдворения студента, что ее сразу же отозвали из Москвы и отстранили от работы, «требующей особой ответственности». Может быть, она до сих пор не знает, кто лишил ее работы...

Конечно, поворот в моей судьбе произошел не потому, что Колперт был человеконенавистником, Годе — иезуитом, а мои коллеги из западных военных атташе — разведчиками, наносившими ущерб делу мира, за который боролась та страна, в которой они находились. Работа есть работа. Я тоже ею занимался. Но вот во имя чего?

Не скрою, с каждым годом мне все больше и больше нравились советские люди, мне казались ближе и понятнее их идеалы. Никогда за все годы пребывания в стране, которая стала теперь для меня второй родиной, я не слышал выражения ненависти или недоброжелательства по отношению к другому народу. Здесь

все от мала до велика смотрят вперед, в будущее, работают не покладая рук для того, чтобы обеспечить все-народное благосостояние. Я с тоской думал о том моменте, когда придется возвращаться обратно в Бельгию... Когда сравнивал свое будущее с будущим советского человека, который с каждым годом живет все лучше и лучше, который не знает щемящей душу тревоги за завтрашний день, думал о стране, где все плечом к плечу борются за общее счастье, борются против тех, кто мешает миру на земле, я неизменно приходил к выводу, что мое место среди людей, которые строят светлое будущее.

Еще в брюссельской конторе мне попало в архивах прелюбопытнейшее заявление работника оперативного отдела штаба американского командования на европейском театре военных действий некоего Рольфа Ингерсолла, позднее оно было воспроизведено в книге «Совершенно секретно»: «Каждый из нас, кому впервые довелось столкнуться с партизанскими силами во Франции и позднее — в Бельгии, был поражен их большими достижениями в трудных условиях... История, которая попытается приписать честь победы союзников во Франции и Бельгии только артиллерии и авиации союзных армий, будет неполной. Установлено, что Соппротивление заменило нам лишние два десятка, а может быть и больше дивизий». Да, это была борьба за мир. Томас Манн утверждал: «Мир — это расцвет культуры, искусства, мысли, а война — всего лишь триумф вульгарности». Нет, мне не хотелось быть вульгарным...

В связи с приездом моего преемника я начал как ни в чем не бывало готовиться к возвращению в Бельгию. Служебную квартиру уступил новому помощнику военного атташе, а сам переехал в гостиницу «Будапешт».

За день до намечавшегося отъезда я собрал все свои дневники, записи, бумаги и, приехав в гостиницу, сел писать письмо полномочному посланнику, чтобы объяснить все... Закончив его, вышел на улицу, взял такси и доехал до Хлебного переулка. Там бросил свое послание в почтовый ящик посольства и пошел пешком по вечерним московским улицам. Столица как будто бы изменилась. Может, это произошло потому, что я стал смотреть на дома, улицы, площади и людей другими

глазами. Ведь Москва навсегда должна была стать моим родным городом...

Рано утром в номере зазвонил телефон. Подняв трубку, узнал голос нашей переводчицы.

— Алло, господин Ван Энгеланд?

— Да, слушаю вас.

— Полковник беспокоится, почему вас до сих пор нет на работе. Вы, случайно, не больны?

— Нет, я абсолютно здоров, и полковнику это прекрасно известно. Передайте ему, что я все объяснил в письме нашему полномочному посланнику.

— Подождите, не вешайте трубку, с вами хочет говорить господин полковник!

В трубке что-то щелкнуло, затем раздался яростный крик Годе:

— Я прочитал твое проклятое письмо! Ты делаешь глупость! Подумай еще раз, ведь...

— Зачем? Все решено. Прощайте, господин полковник!

Такова история Иоханнеса Ван Энгеланда, рассказанная на страницах этой книги с его слов с привлечением дневников и некоторых документов, хранящихся в архиве бывшего натовского разведчика. История, как видите, не совсем обычная. Как не раз подчеркивал сам Ван Энгеланд, потребовалось немало времени и жизненных передряг, чтобы он понял несправедливость избранного жизненного пути и принял, прямо скажем, нелегкое решение...

Конечно, извечный вопрос: «быть или не быть» и с кем быть? Чем оправдать прожитую жизнь... Конечно, искренние симпатии к советскому народу, который с каждым годом живет все лучше и лучше, который не за страх, а за совесть борется за общее счастье, борется против тех, кто мешает миру и прогрессу на земле. И все же окончательный выбор он сделал после того, как один из его американских коллег передал ему копию выдержек из совершенно секретного справочника. Это был оперативный американский «план 10-1», составленный Пентагоном на случай, если вооруженным силам НАТО в Европе в «будущей войне» придется разворачивать на нашем континенте диверсионную борьбу с применением атомного, биологи-

ческого и химического оружия. Об этом плане не знали тогда даже самые близкие союзники США по НАТО... Это был совершенно людоедский документ, предусматривающий проведение стратегии «выжженной земли» на случай военных неудач натовских войск... Верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе, американец, ежегодно передает свой «список пожеланий» в отношении объектов для уничтожения атомным оружием штабу американской стратегической авиации в США, находящемуся в Омахе, штат Небраска. Там разрабатывается «план накрытия» объектов с помощью различных средств доставки атомного оружия к цели. Одним из результатов этой разработки для американских военно-воздушных сил в Европе и явился справочник «Требуемые ядерные мощности». В перечне объектов для атомного нападения имеется, например, город Киль, который фигурирует в списках несколько раз. Объекты нападения классифицированы в справочнике в зависимости и от того, как их целесообразно уничтожить — взрывом на земле или взрывом бомбы в воздухе. Особая таблица приводит нужную высоту взрыва для бомб мощностью от 2,5 килотонны до 1,4 мегатонны. Эта последняя в семь раз мощнее той, которая была сброшена на Хиросиму.

Он не был в Хиросиме, не имел возможности познакомиться с американским летчиком, нажавшим кнопку бомбосбрасывателя, но ему, как он сказал, довелось видеть фильм, по сравнению с которым киноленты Хичкока — не более чем страшные сказки для детей. Сгоревшая земля, испарившиеся от адской вспышки люди, оставившие лишь тени на каменных стенах, и сотни тысяч тех несчастных, что были обречены на мучительную смерть от ожогов и белокровия. Вот тогда-то и встал перед Йоханнесом Ван Энгеландом тот самый вопрос — «быть или не быть?» Быть или не быть соучастником, хоть маленьким, но соучастником новой страшной ядерной трагедии? Ведь кнопку бомбосбрасывателя нажимал не американский президент, а простой летчик из американских военно-воздушных сил, который слепо повиновался приказу. А если попробовать не подчиниться приказу? И он не подчинился. Ибо понял, что бороться за мир нужно только делом, а не благими пожеланиями.

Арена адмирала

Тэрнера

Как известно, великий Шекспир утверждал: «Весь мир — театр». Шеф ЦРУ США адмирал Тэрнер считает, что в это крылатое выражение необходимо внести, говоря адмиральским языком, «поправку на время». По Тэрнеру выходит, что весь мир — арена деятельности ЦРУ.

В самом деле, куда сегодня не обратишь взор — ото всюду торчат уши американской разведки, всюду видны следы ее грязных рук. Агенты ЦРУ появляются на этой арене то в мантиях ученых, то с журналистской фотокамерой, то в облике дипломатов. Примеров тому не счесть, однако обратимся пока к одному, но весьма характерному, да еще имеющему самое прямое отношение к нашей стране.

В одном из номеров газеты «Вашингтон пост» появилась заметка, в которой было сказано нижеследующее: «Представители администрации (США.— Авт.) подтвердили, что М. Петерсон действительно являлась агентом ЦРУ». Кто такая М. Петерсон?

Марта Петерсон — гражданка США, кадровый сотрудник ЦРУ. До лета 1978 года она работала под прикрытием государственного департамента, а еще более конкретно, под «крышей» американского посольства в Москве. Ее официальный пост — вице-консул. Практически дипломатическими делами Петерсон занималась мало, главным образом для отвода глаз. Она получала задания из Лэнгли и выполняла прежде всего их.

Как-то вечером Петерсон выехала на своей машине в город. Покатавшись, остановилась. Пересела в автобус, из автобуса в троллейбус, метро, из него — в такси. Шофер высадил ее на одной из слабо освещенных набережных Москвы, подальше от посторонних глаз. Сделав еще «лисий» круг по парку, М. Петерсон вышла в район моста. Поднялась по ступенькам и... почти детской слабенькой ручкой с кольцами и браслетами вывернула из могучего сооружения увесистый камень. Но

в это самое время ее довольно твердо схватили за другую руку.

— Вы не имеете права! Я протестую, я иностранка! Кто вы?

Ей в надлежащем месте несколько позже разъяснили, кто пресек очередную вражескую акцию ЦРУ. Советская контрразведка стояла, стоит и будет стоять на страже интересов советского народа!

Контрразведчикам удалось установить, что «увесистый камень» — это не что иное, как хитроумный тайник. В нем находились фотоаппараты, деньги, золото, специальный вопросник. Но обнаружили и нечто такое, что не всегда увидишь среди обычного «джентльменского набора шпиона». Там же лежали небольшие черные ампулы. После экспертизы установили: в ампулах сильнодействующий яд.

После этого в МИД СССР пригласили американского посла г-на Туна. Ему вручили ноту протеста, которую мы и хотим предложить вниманию читателей:

«Советскими компетентными органами была задержана с поличным при проведении шпионской операции — в момент закладки тайника — атташе посольства США в Москве Петерсон Марта Д. При задержании у нее была обнаружена портативная радиоаппаратура.

Во время официального разбирательства, проведенного в присутствии советника посольства США, контейнер, заложенный М. Петерсон, был вскрыт, и в нем оказались шпионские инструкции, миниатюрная фотоаппаратура, различные драгоценные изделия, крупная сумма советских денег, 2 резервуара со смертоносным ядом и специальная инструкция по его использованию.

Таким образом, совершенно очевидно, что американские спецслужбы ведут активную подрывную деятельность на территории Советского Союза, используя для этого и дипломатическое прикрытие в лице посольства США и не останавливаясь перед такими средствами, как смертельные яды.

Министерство заявляет решительный протест и объявляет сотрудницу посольства М. Петерсон персоной нон-грата.

Одновременно министерство обращает внимание посольства на то, что, как явствует из проведенного компетентными органами предварительного расследования, к этому шпионскому делу причастны также

первый секретарь посольства Р. Фултон и сотрудники госдепартамента США С. Карпович и Дж. Грюнер. Известно, что это не единственный случай, когда американские дипломаты занимаются деятельностью, не совместимой с их официальным статусом.

Министерство настаивает на том, чтобы американской стороной были приняты эффективные меры для прекращения подобного рода деятельности, прямо противоречащей задаче конструктивного развития отношений между нашими странами».

Петерсон, естественно, выпроводили из нашего советского дома, и въезд этой госпоже обратно заказан. Но мы хотим добавить еще кое-что: достоверно установлено, что яды, обнаруженные в тайнике для шпионки Петерсон, пересылались ей ЦРУ в Москву не впервые. Выяснилось, что этот яд уже был использован против одного человека, который хотел помешать агентуре ЦРУ проводить в нашей стране преступные акции.

Что думает по этому поводу господин Тэрнер? Газета «Вашингтон пост» отмечает, что шеф ЦРУ, давая показания в конгрессе США, утверждал, будто ныне американская разведка отказалась от политических убийств и действует «по закону», что, мол, в ЦРУ даже забыли, как он выглядит, этот яд! Как видно из приведенного выше факта, это очередная ложь! Кстати, не вредно вспомнить, что лгали и предыдущие шефы ЦРУ. А вместе с ними лгали, обманывая народ, покрывая эту ложь, и самые высшие чины американской администрации.

Об одном из шефов ЦРУ — Р. Хелмсе, о том, как он лгал в сенатской комиссии по иностранным делам, рассказывает «Нью-Йоркер». Нам представляется весьма любопытной эта публикация, и мы приводим ее с некоторыми сокращениями. Итак, однажды...

«Сенатская комиссия по иностранным делам собралась, чтобы рассмотреть вопрос о назначении президентом Никсоном Ричарда Хелмса послом Соединенных Штатов в Иране. В то время Хелмс, которому исполнилось пятьдесят девять лет, только что оставил пост директора Центрального разведывательного управления. Хелмс был связан с разведкой большую часть своей жизни. Сначала, в годы второй мировой войны, он работал в Управлении стратегических служб, а в

1947 году, когда на смену этому управлению пришло вновь созданное ЦРУ, он стал агентом этого ведомства. В начале 60-х годов Хелмса назначили руководителем отдела тайных операций ЦРУ, затем заместителем директора управления, и, наконец, в течение шести с половиной лет он был директором ЦРУ.

В то время когда комиссия по иностранным делам рассматривала вопрос о назначении Хелмса, единственным отрицательным фактом, известным членам комиссии, был, пожалуй, следующий: появившиеся в печати сообщения, что ЦРУ пыталось помешать кандидату на пост президента Чили от партии, придерживавшейся марксистских взглядов, д-ру Сальвадору Альенде одержать победу на выборах, проводившихся в 1970 году в полном соответствии с чилийской конституцией. Большинство членов чилийского парламента подлежало переизбранию через месяц, и если бы противники Альенде получили две трети или более голосов, они могли бы наложить вето на все вносимые им законопроекты и, возможно, даже добиться его отставки.

Слушания в сенате, посвященные утверждению должностных лиц, носят обычно сугубо формальный характер. Такой характер носили и слушания об утверждении Хелмса, проходившие при закрытых дверях. В ходе заседания сенатор Стюарт Саймингтон, демократ от штата Миссури и старый приятель Хелмса, упомянул о сообщениях печати по поводу вмешательства ЦРУ во внутренние дела Чили. Он задал Хелмсу вопрос:

— Не предпринимали ли вы или сотрудники Центрального разведывательного управления каких-либо попыток свергнуть правительство Чили?

— Нет, сэр, — ответил Хелмс под присягой.

— Передавали ли вы какие-либо денежные суммы противникам Альенде? — спросил Саймингтон.

— Нет, сэр, — ответил Хелмс.

После коротких слушаний комиссия приняла решение рекомендовать сенату утвердить Хелмса послом в Иране. На следующий день сенат официально выразил согласие с этим назначением.

6 марта Хелмс вновь предстал перед сенатской комиссией по иностранным делам — на этот раз ему предстояло дать ответ на обвинение, что ЦРУ, действуя заодно с «Интернэшнл телефон энд телеграф корпо-

рейшн» (ИТТ), пыталось воспрепятствовать избранию Альенде в 1970 году. Показания Хелмса комиссии — как и ранее под присягой и при закрытых дверях — были сходны с его прежними показаниями: он отрицал попытки ЦРУ воспрепятствовать тому, чтобы Альенде стал президентом Чили. Позже, во время слушаний в подкомиссии по многонациональным корпорациям, Хелмса поддержали по этому вопросу Джон Маккоун, предшественник Хелмса на посту директора ЦРУ, а ныне один из директоров ИТТ, и Гарольд Дженин, директор-распорядитель и председатель совета директоров ИТТ. Впрочем, Маккоун признал справедливость одного из обвинений, а именно, что ИТТ предлагала ЦРУ миллион долларов для использования в Чили. Чарлз Мейер, занимавший в то время пост помощника государственного секретаря по межамериканским делам, под присягой заявил, что Соединенные Штаты не вмешивались во внутривнутриполитические дела Чили даже после того, как правительство национализировало принадлежащую ИТТ собственность на сумму в 160 миллионов долларов.

За день до вторичного появления Хелмса в комиссии по иностранным делам из сообщений о результатах выборов в Чили стало ясно, что сторонники Альенде получили достаточно мест в парламенте и он сохранил свой пост. Но в сентябре того же года военная хунта свергла его правительство, а сам Альенде был убит. Новый режим выплатил ИТТ 125 миллионов долларов компенсации за национализированные предприятия.

В апреле 1974 года, через год с небольшим после того, как Хелмс давал показания в сенате, перед подкомиссией по разведке комиссии палаты представителей по делам вооруженных сил выступил с показаниями — при закрытых дверях — Уильям Колби, занявший пост директора ЦРУ. Он засвидетельствовал, что за год до избрания Альенде президентом Чили ЦРУ передало его противникам миллион долларов. В период между его избранием и утверждением результатов выборов чилийским парламентом ЦРУ израсходовало 340 тысяч долларов на взятки членам чилийского парламента с тем, чтобы они проголосовали против утверждения Альенде президентом. Колби признал, что в 1973 году ЦРУ передало полтора миллиона долларов настроенным против Альенде представителям муниципальных

властей в Чили и что с 1970 по 1973 год ЦРУ израсходовало там пять миллионов долларов на «дестабилизацию» его правительства (этот термин означает создание условий, при которых правительство не могло управлять страной). Колби заявил также, что расходы в сумме восьми миллионов долларов на тайные операции в Чили были заранее одобрены «комитетом 40» при Совете национальной безопасности. На этот комитет возлагалась ответственность за утверждение всех подобных операций. В то время во главе «комитета 40» стоял Генри Киссинджер, специальный помощник президента по национальной безопасности. Другие члены комитета также занимали важные правительственные посты, но, как заявил один из них, «комитетом фактически являлся сам Киссинджер, и никто, кроме него». Вскрылось также, что в 1970 году ИТТ передала по совету и с помощью ЦРУ главному политическому противнику Альянде 350 тысяч долларов.

Член палаты представителей Майкл Харрингтон, демократ от штата Массачусетс, ознакомился со стенограммой показаний Колби и возмущился частично потому, что они доказывали непосредственное вмешательство Соединенных Штатов в политическую жизнь другой страны, а также потому, что они свидетельствовали о фиктивности контроля со стороны комиссий конгресса, призванных удерживать разведывательную деятельность в допустимых рамках, и подтверждали, что высшие должностные лица неоднократно самым беспардонным образом лгали конгрессу и общественности. Письмо с кратким изложением секретных показаний Колби Харрингтон направил председателям двух комиссий конгресса, которые непосредственно занимаются иностранными делами и деятельностью правительства. Одной из них была, разумеется, сенатская комиссия по иностранным делам, которой Хелмс и давал показания под присягой. Через несколько месяцев копия письма Харрингтона попала к сотруднику «Нью-Йорк таймс» Сеймуру Хершу, который написал большую статью о показаниях Колби. В своей статье Херш приводил выдержки из показаний бывшего посла в Чили Корри и бывшего помощника государственного секретаря Мейера, которые в конгрессе под присягой утверждали, будто Соединенные Штаты не вмешивались в чилийскую политику. (Члены конгресса, казалось, были

в меньшей мере возмущены тем, что им лгали представители, чем тем, что их же коллега сказал им правду, поэтому в палате представителей организовали кампанию за вынесение Харрингтону порицания.)

Через неделю Джеральд Форд, который уже в течение месяца был президентом США, устроил пресс-конференцию, посвященную в основном вопросу об объявленном им за восемь дней до этого помиловании Никсона. Но в ходе этой пресс-конференции был задан и вопрос о вмешательстве ЦРУ во внутренние дела Чили. Президент ответил: «Одно время, три-четыре года назад, правительство Альенде пыталось уничтожить средства информации оппозиции — как печатные органы, так и радио и телевидение, — а также ликвидировать оппозиционные политические партии. И усилия, предпринятые в этом случае, состояли в оказании помощи в целях сохранения оппозиционных газет и других средств массовой информации, а также сохранения оппозиционных политических партий. Думаю, что это в интересах народа Чили и, безусловно, в наших интересах».

В действительности же правительство Альенде не подвергало газеты цензуре, оппозиционные партии действовали открыто и свободно, и выборы проводились в соответствии с конституцией Чили. Заявление Форда вызвало удивление. Хотя ЦРУ в течение по меньшей мере двадцати пяти лет вело подрывную деятельность против зарубежных правительств (известно, что с помощью ЦРУ свергнуты правительства Ирана, Гватемалы, Конго (Заира), Доминиканской Республики, не говоря уже о всех попытках организовать перевороты в таких странах, как, например, Куба), управление делало все, чтобы снабдить Белый дом аргументами, дающими возможность «отрицать» подобные грязные операции. Но теперь президент Соединенных Штатов — и более того, президент, не имевший отношения к подобным операциям, — защищал практику ЦРУ и, по существу, одобрял ее как официальную правительственную политику. Как отметил через несколько дней в «Нью-Йорк таймс» Том Уикер, президент, в сущности, заявил, что Соединенные Штаты имеют право «свергать законные правительства с помощью подкупа, обмана и насилия».

Через четыре дня после пресс-конференции в «Нью-

Йорк таймс» появилась новая статья Херша о Чили. Ссылаясь на «разведывательный источник», он писал: «Среди тех, кто получал крупную финансовую помощь (от ЦРУ), были организаторы общенациональной забастовки водителей грузовиков, продолжавшейся 26 дней осенью 1972 года. Эта забастовка серьезно расстроила экономику Чили и вызвала первый из ряда трудовых конфликтов, с которыми пришлось иметь дело президенту Альенде. Непосредственно финансировались ЦРУ также забастовки владельцев магазинов и шоферов такси, нарушившие жизнь столицы Сантьяго летом 1973 года, незадолго до свержения Альенде военной хунтой».

Как писал Херш, восемь миллионов долларов, израсходованных ЦРУ в Чили, были обменены там на «черном рынке», в результате чего американские расходы фактически составили около сорока миллионов долларов. Даже по расточительным стандартам разведывательных служб эта сумма была, по всей видимости, непомерной.

22 января 1975 года, через четыре с половиной месяца после того, как общественности стало известно о секретных показаниях Колби относительно тайных операций ЦРУ в Чили, Хелмса вновь вызвали в сенатскую комиссию по иностранным делам для объяснения данных им за два года до этого противоречивых показаний. Его не привели к присяге, большинство членов комиссии относились к нему с почтением, и лишь двое из них — сенаторы Фрэнк Черч, демократ от штата Айдахо, и Клиффорд Кейс, республиканец от штата Нью-Джерси, — настаивали на том, чтобы он защищал свои предыдущие показания. Признав, что ему было известно о тайных расходах американских денег в Чили, Хелмс утверждал теперь, будто эти деньги «передавались для оказания помощи местному населению и на финансовую поддержку газет, радиостанций и так далее». Он добавил: «Я не думал, что эти деньги передавались политическим партиям». Хотя трудно объяснить, каким образом сумму, эквивалентную сорока миллионам долларов, можно было передать «группам по оказанию помощи местному населению» и средствам информации в стране с населением в десять миллионов человек, не привлекая серьезного внимания, никто из сенаторов не задал Хелмсу об этом никаких дополни-

тельных вопросов. Хелмс не говорил, что он лгал комиссии в своих предыдущих показаниях, — а он, несомненно, лгал, — но утверждал, что ему следовало проявить при даче этих показаний большую осторожность. «Я считаю, что сделал одну ошибку в своих показаниях, — заявил он членам комиссии. — Возможно, это была серьезная ошибка; я, по-видимому, должен был потребовать не включать мой ответ в протокол или предложить обсудить этот вопрос в другом месте, поскольку, как вы помните, в то время правительство Альенде находилось у власти в Чили, и нам были бы ни к чему дополнительные дипломатические осложнения.

И я должен сказать, что у меня всегда имелась возможность подойти к любому сенатору и конфиденциально попросить его снять вопрос, поскольку мы затрагиваем весьма секретную область».

Хелмс мог легко уклониться от прямого ответа, сказав что-нибудь вроде: «Не могли бы вы поставить этот вопрос по-иному, сенатор?» — и это был бы сигнал о том, что затрагивается секретный вопрос. Обычно этого достаточно, чтобы сенатор, задающий вопросы, переменил тему.

Многие из защитников Хелмса утверждают, будто руководителей разведки фактически побуждают лгать или неправильно излагать факты, ибо сами члены конгресса не хотят знать секреты этой службы. С одной стороны, считается, что агенты разведки нередко действуют незаконно, а знать о преступлении и не сообщать о нем само по себе является преступлением; с другой стороны, если тайна, связанная с национальной безопасностью, становится широко известной, любое лицо может быть обвинено в ее разглашении и измене государственным интересам. В любом случае утверждение, что члены конгресса могут быть не заинтересованы в ознакомлении с подробными сведениями, является скорее критикой в адрес членов конгресса, чем оправданием свидетеля, который лжет им. Так бы там ни было, сенатская комиссия по иностранным делам, несомненно, проявила халатность в случае с Хелмсом — даже когда она вызывала его повторно для объяснения противоречивых показаний. Сенаторы, по существу, игнорировали такие важнейшие моменты в деятельности ЦРУ в Чили, как передача денег забастовщикам, чей саботаж, по всей вероятности, и сделал воз-

можным государственный переворот. И никто из членов комиссии не потребовал от Хелмса объяснить, на каком основании ЦРУ пыталось свергнуть лидера, избранного в соответствии с конституцией, и законное правительство.

В связи с тем что Хелмс лгал, давая показания в ходе слушаний, посвященных утверждению его в должности, возник вопрос: а не лгал ли он комиссии, выступая с показаниями по другим вопросам? Во время слушаний в связи с утверждением Хелмса в должности сенатор Кейс напомнил об известных фактах проникновения агентов американской разведки в антивоенное движение в Соединенных Штатах в конце 60-х — начале 70-х годов.

— Известно ли вам что-либо о деятельности ЦРУ в этой связи? — спросил Кейс.

— Я не помню, просили ли нас об этом, — ответил Хелмс, — но мы не занимались подобными делами, потому что, как я считал, это было бы явным нарушением нашего устава.

В июне 1975 года — через пять месяцев после повторного вызова Хелмса в комиссию по иностранным делам — комиссия Белого дома, возглавлявшаяся бывшим вице-президентом Нельсоном Рокфеллером, опубликовала подготовленный ею доклад о деятельности ЦРУ. В докладе говорилось, что в бытность Хелмса директором ЦРУ управление подготовило и провело операцию «Хаос», заключавшуюся во внедрении агентов в антивоенное движение с целью получения информации о нем и подрыве его изнутри. Для этого, в частности, в память электронных вычислительных машин были заложены сведения о более чем трехстах тысячах американских граждан и организациях, выступавших против войны во Вьетнаме. Вся эта операция была явно противозаконной.

В течение всего этого периода в газетах появлялись многочисленные сообщения о незаконных действиях ЦРУ и ФБР, и в конце концов конгресс был вынужден учредить в каждой палате специальную комиссию по делам разведки. Этим комиссиям поручалось расследовать возможные неправильные или противозаконные действия разведывательных служб и рекомендовать меры по устранению злоупотреблений. Председателем сенатской специальной комиссии был Черч. 20 ноября

1975 года — примерно через пять месяцев после появления доклада комиссии Рокфеллера — она опубликовала, несмотря на энергичные протесты со стороны правительства Форда, результаты своих расследований по вопросу о покушениях на руководителей других государств. Из доклада комиссии стало известно, что в 1961 году, когда Хелмс был заместителем начальника отдела тайных операций ЦРУ, этот отдел непосредственно участвовал в планировании убийства премьер-министра Конго Патриса Лумумбы. Однако комиссия «не нашла» доказательств, что сотрудники ЦРУ фактически принимали участие в его убийстве. Авторы доклада утверждали, что, будучи заместителем директора ЦРУ, Хелмс, по-видимому, не информировал ни директора управления, каковым был в то время Маккоун, ни Белый дом о своих неоднократных приказах об организации покушения на Фиделя Кастро убийцами из мафии. Хелмс также не сообщил об этих заговорах комиссии Уоррена, когда она расследовала дело об убийстве Джона Кеннеди, — по словам самого Хелмса, потому что его «не спрашивали о них конкретно». Согласно докладу комиссии Черча, в 1963 году Хелмс распорядился, чтобы один из агентов ЦРУ, выдав себя за личного представителя министра юстиции Роберта Кеннеди, затребовал одного из кубинцев с целью убить Кастро. Как выяснилось, Роберту Кеннеди ничего не было известно об этом. Возможно, испытывая определенное беспокойство за свою собственную безопасность, президент Джонсон однажды вызвал Хелмса к себе и потребовал отчета о попытках физического устранения Кастро. Хелмс перечислил их по порядку — за исключением по крайней мере одной, предпринятой в то время, когда Джонсон находился на посту президента.

Незадолго до опубликования доклада о покушениях на зарубежных лидеров появились сообщения, что министерство юстиции расследует вопрос о том, не лжесвидетельствовал ли Хелмс перед сенатской комиссией в 1973 году. В свете необычного выступления президента Форда в защиту тайных операций ЦРУ представлялось далеко не ясным, пойдет ли правительство на судебное преследование человека, который руководил многими из подобных операций с тех пор, как Соединенные Штаты начали заниматься такими делами — по

всей видимости, сразу же после окончания второй мировой войны. Говорили, что министр юстиции Эдвард Ливи был за привлечение Хелмса к суду. Говорили также, что доказательства его лжесвидетельства были представлены федеральному большому жюри. Летом 1976 года, однако, представитель министерства юстиции заявил репортеру, что вероятность предъявления обвинения во лжесвидетельстве была «сорок против шести-десяти».

После того как Форд потерпел поражение на выборах осенью 1976 года, предполагалось, что он передаст вместе с президентским постом нерешенное дело Хелмса — самое неприятное политическое наследие, какое только может быть,— Джеймсу Картеру.

За месяц до того, как новое правительство приступило к исполнению обязанностей, Херш опубликовал на первой полосе «Нью-Йорк таймс» статью, в которой со ссылкой на достоверные источники утверждал, что большое жюри «рассматривает заявления о причастности высших должностных лиц Центрального разведывательного управления и «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» к сговору с целью сфабриковать и согласовать сделанные ими в сенате в 1973 году заявления относительно роли ИТТ в Чили.

Адвокатом Хелмса был Эдвард Беннет Уильямс, которого считают, пожалуй, лучшим в стране специалистом по уголовным делам. Поскольку Хелмс являлся под присягой одной из комиссий конгресса и поскольку лгать под присягой комиссии конгресса — преступление, у Уильямса было мало зацепок для судебной защиты. Но по-настоящему усердный адвокат никогда не допускает, чтобы закон мешал ему добиваться цели. К тому времени, когда Уильямс закончил подготовку к защите, ему удалось убедить почти всех в Вашингтоне, что Хелмс, когда давал показания, стремился сохранить государственную тайну, которую он, как лицо, давшее присягу ЦРУ, обязан сохранять. Кое-кто встретил это утверждение с насмешкой. «Присяга, требующая неразглашения информации, отнюдь не дает права на ложь,— заявил бывший высокопоставленный сотрудник министерства юстиции.— Боже мой, да Хелмс разглашал секреты где угодно, если это было нужно ему». Однако многим хотелось поверить Хелмсу, потому что у него было много друзей, включая не-

которых из самых влиятельных людей в стране. Целый ряд из них присутствовал на банкете в его честь, организованном через пару недель после того, как он вернулся из Ирана. Банкет устроили известный журналист Том Брейден с женой, а среди присутствовавших были сенатор Саймингтон, бывший губернатор штата Нью-Йорк, Роберт Макнамара, министр обороны в правительствах Кеннеди и Джонсона. Был также и государственный секретарь Киссинджер, проявивший нечто большее, чем простой дружеский интерес к исходу дела Хелмса, ибо судебный процесс почти наверное вскрыл бы его собственную роль в чилийских событиях и уничтожении столь большого числа людей хунтой, свергнувшей Альенде.

Эти социальные силы подпирались многочисленными сторонниками Хелмса в печати. Кампанию возглавили журналисты Эванс и Новак, которые предупреждали в своих статьях, печатавшихся во многих газетах, что любое судебное преследование Хелмса «опозорит страну и ее последних президентов» и что судебный процесс над ним, по словам не названного по фамилии «выдающегося представителя демократической партии», «нанес бы США самый большой ущерб».

Приблизительно в три часа дня 31 октября 1977 года судья федерального окружного суда Баррингтон Паркер открыл судебное заседание по рассмотрению уголовного дела 77-650 — «Соединенные Штаты Америки против Ричарда М. Хелмса». В зале заседаний присутствовали помощник министра юстиции Сивилетти, Уильямс и Хелмс. Репортеров не было. Вопреки давно установившейся практике министерства юстиции извещать печать о предстоящих разбирательствах важных дел, касающихся правительственных чиновников, об этом заседании министерство не объявило. Как установили позже репортеры на основании бесед с секретарем суда и ознакомления с материалами судебного дела, заседание продолжалось около получаса. Оно началось с заявления Сивилетти судье Паркеру: правительство предъявляет Хелмсу обвинение в том, что он дважды проявил «преступное упущение при даче сведений», «отказавшись дать или уклонившись от ответов на существенные вопросы» сенатской комиссии по иностранным делам. Это было самое мягкое обвинение, какое только могло выдвинуть правительство против

Хелмса. Максимальное наказание за такое правонарушение — один год тюремного заключения и штраф в тысячу долларов по сравнению с пятью годами тюремного заключения и штрафом в две тысячи долларов за лжесвидетельство. Поскольку в обвинении говорилось, что Хелмс нарушил закон дважды, он мог быть приговорен максимум к двум годам тюремного заключения и к штрафу в две тысячи долларов.

Сивилетти сообщил судье Паркеру, что министерство юстиции настоятельно не рекомендует наказывать Хелмса тюремным заключением. Позже в журнале «Нью рипаблик» появилась статья, в которой сообщалось, что юристы министерства юстиции и адвокат Уильямс совместно предлагали судье Паркеру в частных беседах в его кабинете приговорить Хелмса к тюремному заключению на тридцать дней условно и без штрафа. Судья вынес им порицание за оскорбление суда предложением такой сделки.

4 ноября Хелмс предстал перед судьей Паркером, чтобы выслушать приговор. Паркер приговорил его к двум годам тюремного заключения и к штрафу в две тысячи долларов. Первая мера была тут же заменена «годовичным испытательным сроком без надзора».

Хелмс и Уильямс вышли из здания суда и с ликованием приветствовали столпившихся репортеров, фотокорреспондентов и операторов телевидения. Уильямс заявил им: «Вопреки утверждениям, сделанным ранее, он будет носить этот приговор как знак почета, как знамя».

Хелмс сказал, что он согласен с Уильямсом, и добавил: «Я вовсе не чувствую себя опозоренным. Я считаю, что опозорил бы себя, если бы поступил по-иному».

Через несколько дней Хелмс приехал в «Кенвуд гольф энд кантри клуб» — модное место под Вашингтоном, где встретился с группой бывших коллег по ЦРУ, организовавших в его честь торжественный обед. Они произносили один за другим тосты за здоровье «великого американского героя» Хелмса, а затем, устроив складчину, собрали достаточно денег на погашение его штрафа.

Способ, которым администрация Вашингтона решила дело Хелмса — или отрешилась от него, — вызывает много вопросов. Однако поскольку правительство лишило общественность всякой возможности узнать прав-

ду о случившемся, эти вопросы можно лишь задавать, не получая на них ответа. И поскольку столь много фактов остаются неизвестными, мы не можем знать даже, правильно ли поставлены эти вопросы.

Не поощрит ли тот факт, что Хелмса не привлекали к судебной ответственности за лжесвидетельство, других сотрудников разведывательных служб также лгать под присягой?

Если они будут лгать под присягой, то можно ли будет привлечь их к судебной ответственности за лжесвидетельство после прецедента с Хелмсом?

Если они будут иметь большую свободу лгать, то не получат ли они большую свободу совершать преступления по своему усмотрению?

Если они будут иметь большую свободу совершать преступления и лгать о них, не опасаясь серьезного наказания, то есть ли какой-либо способ заставить их отвечать за свои действия?

Если у нас есть тайное правительство, действия которого невозможно контролировать, то не изменилась ли коренным образом наша политическая система без нашего ведома и без нашего одобрения?

Если Хелмса не привлекли к судебной ответственности за лжесвидетельство, то не является ли решение президента и министра юстиции сговором с целью помешать отправлению правосудия?

Являются ли активная подрывная деятельность против зарубежных правительств и покушения на зарубежных лидеров приемлемой для Соединенных Штатов политикой?

И, наконец, может ли правительство, преднамеренно предпринимающее действия по уничтожению демократических институтов за рубежом, не уничтожать демократические институты в своей собственной стране?»

Мы не рассчитываем, что официальный Вашингтон даст ответ на эти вопросы. И лишь очень наивные люди поверят в рекламируемое ныне «очищение» методов деятельности американских тайных служб. Реклама — рекламой, а в Канаде обнаруживается, что чуть ли не половина персонала американского посольства использует свой дипломатический иммунитет как прикрытие для шпионажа против Канады. И это лишь один из многих скандалов, которые связанны с ведомством, воз-

главляемым ныне Тэрнером, и которые то и дело выплывают на поверхность.

Не будем гадать, плохи ли актеры, слаба ли режиссура или подгнили подмостки.

Не в этом суть. Она в том, что дело, которому они все служат, исторически проигранное дело.

Тень над Гималаями

В начале апреля 1978 года крупнейшие телеграфные агентства мира со ссылкой на газету «Индиан экспресс» сообщали о том, что Индия вынуждена усилить меры безопасности на индийско-бирманской границе в районе штатов Нагаленд и Манипур. Чрезвычайные меры были приняты в связи с имеющейся информацией о том, что через бирманскую территорию в направлении индийской границы передвигаются отряды сепаратистов из племени нага, обученных и вооруженных в Китае. Их общая численность достигает шестисот человек. Отмечалось также, что за последние недели произошло несколько вооруженных столкновений между сепаратистами и бирманскими войсками безопасности в районе границы...

В середине июня 1960 года из Вашингтона в Лондон специальным самолетом прибыл директор Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес. Предстояла встреча с руководителем британской «службы безопасности» МИ-5.

Эта служба функционирует с августа 1909 года, сначала как особый отдел Скотланд-Ярда для борьбы с ирландскими патриотами. Ее архизасекреченный руководитель никогда не значился ни в одном справочнике «Кто есть кто», скрываясь за строкой загадочного индекса «ГД» (генеральный директор службы безопасности).

Встреча Даллеса с «ГД» проходила при закрытых дверях. Однако тема беседы маститых руководителей крупнейших спецслужб капиталистического мира все же очутилась на страницах газет. Повинен в том оказался человек, из-за которого Даллесу пришлось столь неожиданно совершить заокеанский бросок. Это

был Запао Ангами Физо. Шоошренный «общением с самим Даллесом», который принял его сразу же после конфиденциальной беседы с британским «ГД», Физо ударил во все пропагандистские колокола.

Не успел еще самолет Даллеса долететь до Вашингтона, как люди Физо уже развезли по редакциям английских газет копии скороспелого манифеста под заголовком «Обращение к миру». Документ преследовал две цели: во-первых, привлечь внимание Организации Объединенных Наций и, во-вторых, сорвать намечавшуюся на июль 1960 года встречу официальных лиц правительства Индии с представителями племени нага в Дели.

Кто же такой г-н Физо? Со страниц иных западных газет Физо выглядит таким непримиримым поборником правды, «защитником» 600 тысяч человек, принадлежащих к племени нага, которое проживает на крайнем северо-востоке Индии вдоль границ с Китаем и Бирмой. Еще со времен британского господства эти районы страны экономически отличались предельно низким уровнем развития. Хотя природные условия горного края позволяют выращивать рис, цитрусовые, овощи, разводить скот, английские колонизаторы старались искусственно тормозить экономику окраинного района, провоцируя недовольство, сея смуту среди населения, вызывая расовое, лингвистическое и региональное соперничество с другими народами Индии.

1950 год оказался особенно беспокойным: местные феодалы подняли мятеж, который принял форму перманентного антиправительственного движения под лозунгом отделения от Индии.

За это по-настоящему взялись и священники из американского общества миссионеров-баптистов. Они появились в этих местах в конце прошлого века, приобщили население к христианству, а заодно приучили к безропотному повиновению власть имущим и покорности судьбе.

Всего лишь за один день до провозглашения Индии независимым государством, 14 августа 1947 года, американские миссионеры с амвонов храмов призвали племенное население нага по-своему отметить день независимости. Возглавил поход подкупленный миллионерами сепаратистски настроенный лидер племени на-

га Физо. В 1949 году он отказался от соглашения с правительством Индии об объединении, а в 1954 году создал в джунглях Ассама так называемую «федеративную республику нага».

По всему Нагаленду начались повальные карательные экспедиции. Отряды Физо вырезали и сжигали деревни, насиловали, грабили, убивали непокорных. Последний налет Физо совершил в конце 1957 года на крошечную деревушку неподалеку от бирманской границы. 45 крестьян из 60 были убиты. Их изувеченные тела каратели сбросили в ущелье. После кровавой бойни Физо исчез. Полиция объявила розыск убийцы. За его голову было обещано вознаграждение в 10 000 рупий. Минувло три года. И вот сенсация: сам директор ЦРУ США Аллен Даллес встречается с Физо в Лондоне!

Главарь сепаратистов вновь привлекает к себе внимание печати, общественности. «Президент федерального правительства нага» в эмиграции держится довольно нагло. С наигранной улыбкой он, слюнявя по привычке пальцы, позирует перед объективами фоторепортеров, развязно раздает интервью.

Интерес к Физо неожиданно воскрешает некоторые пикантные стороны его былой деятельности, о которых до тех пор мало кто знал. Индийские журналисты разведали, что в 1949—1952 годах Физо совершил длительный вояж по некоторым столицам западных стран, ведя переговоры о поставках мятежникам оружия. Дольше всего он задержался в США. Поставками оружия, писала в те дни «Дейли таймс», для антииндийских выступлений нага руководила американская военная миссия в Таиланде. «Хиндустан таймс» расширила географию «дружественных связей» Физо: сторонники Физо обратились за оружием к гоминдановцам, окопавшимся в Бирме, и отдельным американским посольствам в Юго-Восточной Азии. Но самый потрясающий резонанс вызвал попавший в итальянскую печать доклад американского посла в Бирме У. Себолда, из которого явствовало, что Физо завербован ЦРУ и выполняет, по существу, функции резидента американской разведки в Нагаленде.

Концы сходились: Даллес не стал бы тратить драгоценное время на лондонский вояж, если бы за ним не скрывались далеко идущие цели. ЦРУ было крайне

заинтересовано тогда в создании неподалеку от тибетских границ надежной базы со «своими людьми».

Начиная примерно с 1948 года ЦРУ осуществило не одну тайную операцию в различных государствах мира. Как-то бывший заместитель шефа американской разведки Ричард Биссел, так сказать, «научно» обобщил весь перечень зарубежных акций ЦРУ и разделил его на восемь главных категорий:

1. Советы и рекомендации ЦРУ политическим деятелям.
2. Денежные отчисления политическим деятелям.
3. Техническая помощь политическим деятелям.
4. Оказание помощи частным организациям (службы, фирмы, агентства).
5. Скрытая идеологическая (подрывная) пропаганда.
6. Тайное обучение полицейских и прочих агентов для засылки в иностранные государства.
7. Акции экономического характера.
8. Операции, носящие полувойенный характер.

Как известно, первым президентом США, который в наши дни дал санкцию на проведение тайных операций, был Трумэн. Актом, вытекающим из его доктрины, явилось создание им же в 1948 году так называемого управления по координированию политики. На него возложили функции по согласованию тайных действий государственного департамента, Пентагона, Совета национальной безопасности (СНБ) и ЦРУ. Шефом управления стал Фрэнк Уизнер. Этот институт получил официальное утверждение после появления на свет секретной директивы СНБ NSC 10/2. В ней значилось, что все тайные операции не должны «выглядеть как акции, проводимые американским правительством».

Дальше — больше. В 1949 году принимается специальный закон о деятельности ЦРУ, который освобождает это независимое ведомство от необходимости сообщать данные о зарплате, численности, фамилиях своих сотрудников, как это требуется от прочих организаций.

А 4 января 1951 года управление по координированию политики вместе с управлением по особым операциям (оно занималось сбором секретной информации) влились в ЦРУ, образовав директорат по планированию, больше известный как служба по проведению тайных операций. Вскоре для непосвященных ста-

ло ясно, против кого должны были быть направлены эти «тайные операции»: 14 апреля 1951 года в СНБ был подписан документ NSC-68, который в качестве альтернативы открытой войне выдвигал «интенсификацию решительных и своевременных тайных мероприятий в области экономической, политической и психологической войны с целью подстрекательства населения к волнениям и мятежу в отдельных стратегически важных странах-сателлитах».

В последующем в дополнение к этому общему меморандуму было издано немало совершенно секретных, но более конкретных директив СНБ, расшифровывающих многочисленные аспекты тайных операций ЦРУ, но, естественно, о них можно лишь догадываться или судить по проведенным, а чаще провалившимся операциям американской разведки. По мнению специалистов, главными объектами всей этой деятельности были Советский Союз и другие страны социалистического содружества.

В акциях, проводимых в обширном регионе Южной, Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока, ЦРУ опиралось на своих матерых специалистов — Эдварда Лэндсдейла, Рэя Клайна, Уэйна Купера, Уильяма Нельсона, Уильяма Блоу, Рокки Стоуна, Ричарда Ли Столлинга, Кейна и других. Все операции, включая Лаос, Вьетнам, Иран, Индонезию, Таиланд, Бирму, Филиппины, Камбоджу, Сикким и другие страны региона, проводились с санкции упоминавшегося нами «Комитета 40» — высшего руководящего органа по осуществлению тайных операций.

Поскольку проведение любой секретной акции за рубежом сопряжено с повышенным риском, спецслужбы США стараются использовать для прикрытия своей агентуры самые различные организации, включая частные фирмы. Например, стало известно, что отделение фирмы «Маллен» в Сингапуре было укомплектовано агентами ЦРУ. А как заявил бывший шеф ЦРУ Уильям Колби, в различных корпорациях и фирмах «работает свыше 200 агентов ЦРУ». Одной из наиболее солидных организаций для прикрытия сотрудников ЦРУ в различных странах мира является так называемое Агентство международного развития. На него, кроме того, возложена особая роль по вербовке иностранцев.

Именно этому агентству «Комитет 40» поручил в свое время проведение подрывных операций в ряде стратегически важных районов Гималаев.

...Однажды безлунной ночью на естественной площадке у бедного горного селения в непосредственной близости от границы Сиккима приземлился вертолет. Он принадлежал Агентству международного развития США. Пилот-американец, судя по всему, неплохо ориентировался в здешних местах. Сбросив шлем, перчатки, он по-кошачьи выпрыгнул из машины, огляделся и стукнул по фюзеляжу. В двери возник силуэт пассажира.

— Пройдешь на северо-запад ровно пятьсот метров. Там будет скала, напоминающая минарет. Остановишься и дождешься рассвета. Стальное тебе известно... Привет! — И скрылся в кабине.

Сикким — этот затерянный в Гималаях уголок скалистой тверди, стиснутый между Непалом, Бутаном, Индией и Китаем, жил своей обособленной жизнью по стародавней поговорке Востока: соседние народы, разделенные высокими горами, как два глаза на лице — сидят рядом, но не видят, не знают друг друга. Завоевав независимость в 1947 году, Индия получила право протектората над Сиккимом, которым правил махараджа. При нем находился выборный совет со статусом законодательной инициативы. Однако последнее слово в решении вопросов всегда оставалось за махараджей при условии, что оно согласовано с индийским политическим советником.

Путь в Сикким начинается сразу же за висячим мостом, перекинутым через горную реку Рантпо. Здесь находятся, как некоторые считают, символический полицейский пост и крошечный поселок местных жителей.

Ранним утром длинноногий верзила подошел к дремавшему стражнику. На нем были широкие штаны и пестрая рубашка навыпуск. Из перекинутой через плечо изодранной холщовой торбы торчали растрепанные книги и край грязного махрового полотенца.

— В гости пускаешь? — небрежно пробасил он, кивнув на убегающую вдаль дорогу.

— Разрешение есть? — лениво поинтересовался стражник.

— А как же? — гость порылся в суме и, сопя, извлек оттуда мятую, в масляных разводах бумагу.— От самого-самого главного...

— От кого? — стражник прислонил старую английскую винтовку к шлагбауму и принял в заскорузные руки документ.— Кто подписал?

— Читать не умеешь?!

Полицейский чин зевнул и, безразлично махнув рукой, изрек:

— Э, ступай!

Пост и в самом деле создавал впечатление чисто символического барьера. У гостя поднялось настроение, и он уверенно зашагал по дороге.

В столице — Гангтоке разговаривать с властями пришлось по-иному. Гость представился студентом-геологом. Назвался Местлером. Из Соединенных Штатов. Предъявил документы: паспорт, справку, что он студент, и просьбу к «местным властям оказывать ему всяческие услуги по части собирания образцов минералов».

— Что вас интересует прежде всего? — поинтересовались сиккимские власти.

Студент спросил, нет ли в столице национального музея, который бы он мог для начала осмотреть. Нет, не оказалось. Тогда, может быть, геологический департамент при правительстве? Ему объяснили, что Сикким — бедная, слаборазвитая земля, своей промышленности здесь нет. Он также понял, что единственная электростанция в Гангтоке, снабжающая город энергией, работает всего несколько часов в сутки и, как и тот полицейский пост, представляет лишь символическую связь средневековья с веком двадцатым.

Ему пояснили: когда, например, встал вопрос о необходимости начать разработки минеральных богатств (в недрах «страны риса» есть и уголь, и железо, и графит), то первыми против этого замысла восстали буддийские монастыри. А они здесь сила — их более 400! Монахи считают, что нарушение поверхности земли приведет к непоправимой катастрофе: по поверью, Сикким может провалиться в бездну. С большими трудностями администрации удалось открыть несколько школ и больниц. Правда, индийское правительство выделяет для развития Сиккима средства, и немалые.

Это хорошо. Почти половина из них — на развитие транспорта и коммуникаций...

Закончив рассказ, старший чиновник внимательно посмотрел на американца. Тот был явно чем-то озабочен. Быстро поблагодарив за «интересную беседу», Местлер вышел на улицу. В возбуждении он часа два бродил по городу. «Какая оплошность! — раздраженно рассуждал он сам с собой. — Куда с большим успехом я мог бы, по легенде, представиться студентом факультета инженеров транспорта или дорожного строительства! Было бы намного разумнее! Почему шеф решил, если я скажу, что интересуюсь «дорожным строительством», меня тут же обвинят в шпионаже? А теперь, когда они сами положили мне в рот то, что нам нужно, я должен говорить, что сыт. Ну, надо же, как все нескладно! Земля — луна. Сикким летит в тартарары. И никакой тебе геологии, никаких минералов из-за этой неистовой буддийской веры! Ведь я попался на элементарном незнании буддизма. — Он хлопнул себя по бедру. — Не я «попался», а мы «попались», мы, сотрудники хваленной американской разведки!»

И все же Местлер предпринял еще одну попытку. На другой день он заглянул к знакомому чиновнику. Тот принял его столь же вежливо и обходительно.

— Рады помочь. Нам бы ученых людей, — вздохнул он. — Религиозные догматы, может быть, и отступили бы. Жизнь есть жизнь. Разве без железной руды можно отковать уздечку для мула?

— Вы правы. Но для этого нужно шире открыть путь в Сикким нам, людям науки. Идеи через границу перелетают с трудом. Особенно тяжело в горных краях, в Гималаях. Идеи должны приносить с собой люди и распространять их среди масс. Процесс длительный, но благородный.

Чиновник задумался и снова повернул разговор в русло буддийской веры.

— Вот, например, буддизм строго-настрого запрещает убивать животных. Даже земляные черви считаются священными, даже саранча...

— Вы сказали, что на строительство коммуникаций для Сиккима выделены миллионы рупий. А можно хотя бы взглянуть на одну из существующих дорог? Это так интересно! Представьте себе, что лет через семь-восемь я вновь приеду в Сикким и напишу

для американского научного журнала статью, подкрепив ее, разумеется, фотографиями: «Вчера и сегодня сиккимской инфраструктуры».

Чиновник не разобрал смысл мудреного слова, но точно схватил общую направленность просьбы.

— А куда бы вы хотели, например, проехать, господин Местлер? Я правильно произношу ваше имя?

Местлер знал, что нужно ответить, и поэтому не медлил ни минуты. Требовалась решительность, хотя он и не должен был внешне раскрывать чрезмерную заинтересованность маршрутом, который ему подсказал Центр.

— Ну, например,— начал он небрежным тоном,— например, к перевалу Натхула...

— Это к самой китайской границе? — доверчиво переспросил чиновник.

— Разве эта дорога доходит до китайских пограничных постов?

Чиновник промолчал, сделал запись на листке бумаги и поднял карие в крапинку глаза.

— Еще что?

— Пока этого хватит...

— Я сообщу вам через день-другой. Заходите! — И он поклонился с врожденной грациозностью.

На следующий день в местную гостиницу, где Местлер снимал крошечный номер с высоченным потолком, с которого на длинной штанге свисал вентилятор-пропеллер, и окошком-бойницей на уровне его лопастей, пришел знакомый чиновник.

— Извините,— сказал он.— Вам придется, к сожалению, покинуть нашу страну. Вы прошли полицейский пост с неправильно оформленным пропуском... То есть с фальшивым...

Местлер пытался что-то возразить, но чиновник был неумолим:

— В течение двадцати четырех часов, если угодно... — Он поклонился, попятился, по традиции, задом и неслышно закрыл за собой дверь.

В Вашингтоне к истории с выдворением Местлера, а, стало быть, и с провалом операции отнеслись с раздражением. На эту миссию возлагалась надежда по сбору информации о поселениях, дорогах, подходах к китайской границе в районе Тибета. И вот — осечка.

Агентству международного развития поручили до-

сконально разобраться в причинах невыполнения задания агентом. А вскоре возникла еще одна неприятность: после того как в 1973 году наследник сиккимского престола, сын махараджи Палден Тхондуп, развелся со своей женой — американкой Хоуп Кук, оппозиционно настроенные к правителю деятели Сиккима называли ее шпионкой, которая «была внедрена в их страну ЦРУ».

В апреле 1975 года национальная ассамблея Сиккима приняла решение об упразднении в Сиккиме власти правителя и вхождении этого бывшего княжества в состав Индии на правах полноправного штата. Все вместе взятое осложнило ситуацию, и ЦРУ отказалось от некоторых своих акций в этой стране.

Теперь давайте снова мысленно вернемся к концу шестидесятых годов. Соседние с Китаем государства внимательно следили за ходом так называемой «культурной революции», которую развязала тогда группа Мао Цзэ-дуна и которая вызвала в стране серьезнейший политический кризис.

Как показала история, Пекин за последние годы становился особенно агрессивным в периоды обострения внутренних политических кризисов. Именно в эти моменты китайское руководство стремилось ослабить противоречия в своей стране за счет авантур на международной арене и, в частности, в Юго-Восточной Азии. В политике Пекина, например, отчетливо проявились тенденции навязать свою гегемонию и разобщить национально-освободительное движение народов Индокитая, усилить вмешательство в их внутренние дела. Особую роль Пекин отводит связям с левозэкстремистскими группировками в странах ЮВА. Основной упор китайское руководство делает на подрыв связей патриотических сил стран Индокитая со странами социалистического содружества. В 1978 году Пекин занял открытую гегемонистскую позицию в отношении единого социалистического Вьетнама.

И что примечательно, отмечает газета «Лос-Анджелес таймс», «Пекин и США действуют теперь в ЮВА абсолютно согласованно, желая такого разрешения проблем этого района, которое позволило бы им сохранить свое влияние среди азиатских народов и вместе с тем избежать напряженности в отношении друг с другом».

Об этой «согласованности» свидетельствуют и все последующие события, связанные с Нагалендом и агентом ЦРУ Физо. В Вашингтоне давно поддерживалась идея отделения Нагаленда от Индии и создания «первого христианского государства в ЮВА — Нагаленда». Ему уготовили роль очага перманентного напряжения в отношениях между Индией, Бирмой, Китаем и Пакистаном. Главным лозунгом сепаратистов Физо стал призыв: «Нагаленд для Христа». Отбросив религиозные предрассудки, согласовав операцию с шефами американской разведки, набожный христианин Физо постучался в двери лидеров Китая. Его приняли с распростертыми объятиями, невзирая на то, что баптистская церковь демонстративно потребовала от верующих нага «не иметь ничего общего с партийным Пекином». Но в Пекине знали, что этот окрик был инспирирован ЦРУ для обмана общественного мнения, и были спокойны.

Пекинские раскольники приступили к снабжению мятежников из Нагаленда оружием, финансами, проповедями маоистской идеологии.

А в 1967 году руководитель мятежников и ближайший сторонник Физо, так называемый генеральный секретарь «национального совета нага» Т. Муриваха вместе с первой группой сепаратистов прошел обучение в Китае в школе «партизанской борьбы».

Но, несмотря на все происки Пекина и американских спецслужб, стремящихся иметь в этом районе «очаг перманентного напряжения», правительству Индии удалось заключить мирное соглашение с представителями подпольного движения нага в Шиллонге 11 ноября 1975 года. Правда, судя по последним сообщениям печати, Пекин и американские спецслужбы не могут никак успокоиться. Их не устраивает шиллонгское соглашение.

Осенью 1977 года газета «Стейтсмен» вновь писала о 400 сепаратистах, обученных в Китае и устраивающих провокации на индийско-бирманской границе. Вновь подчеркивалось, что Т. Муриваха сколачивает отряды националистов, вооружает их китайскими автоматами и для начала намеревается забросить на индийскую территорию двух-трех агентов для диверсионной работы и изучения обстановки. Все это происходило на фоне подготовки и в ходе выборов в законо-

дательное собрание самого маленького штата Индии — Нагаленд, который в связи с обострившейся ситуацией с марта 1975 года управлялся непосредственно из Дели.

Реакция, которой дирижировали все из той же штаб-квартиры ЦРУ, прилагала максимум усилий, стремясь провалить эту кампанию призывала саботировать выборы, требовала уничтожения шиллонгского соглашения, по которому сепаратистски настроенные элементы племени нага согласились признать индийскую конституцию и сложить оружие.

Однако черные силы потерпели провал. На выборах убедительную победу одержала партия Объединенный демократический фронт Нагаленда.

Но пребывающий в Лондоне в изгнании агент ЦРУ Физо никак не желает сдаваться. Под диктовку специалистов из Лэнгли он сочиняет послания правительству Индии, грозит новыми «санкциями» и подстрекает сепаратистов из племени нага «усилить боевую деятельность». Характерно, что, как и несколько лет назад, небольшой группе антинародных элементов всячески помогают пекинские лидеры.

Индийский еженедельник «Блиц» пишет, что Пекин за последнее время стал предоставлять националистическим группировкам из племени нага помощь оружием во все более широких масштабах для проведения подрывных действий в северо-восточных районах Индии. Известно также, подчеркивает журнал, что Китай активно финансирует определенную группу лиц, чтобы вызвать беспорядки в индийском штате Сикким. Так называемое «движение за независимость Сиккима», совершенно определенно, по убеждению «Блиц», организовано пекинскими агентами. Конечная цель этих провокаций — оказать нажим на Индию и заставить ее согласиться с концепцией Пекина по пограничной проблеме. Об этом также свидетельствует информация о крупном сосредоточении китайских подразделений вблизи перевала Натхула. Если читатель помнит, то именно в этот район и хотел пробраться американский «геолог» Местлер...

По сообщениям иностранных агентств, газет Индии, Непала, Пакистана, китайские войска сосредоточены во многих других стратегически важных пунк-

тах на китайско-индийской границе, равно как и в различных районах Тибета. Таковы факты.

Интересно, а что же думают китайские лидеры по поводу утери американскими спецслужбами радиоактивной установки в Гималаях, у самой их границы? Пекин ни словом не обмолвился об индийцах, проживающих в долине реки Ганг, который берет начало в тех горах, где была утеряна ядерная установка ЦРУ, и для которых теперь возникла настоящая угроза. А ведь пекинское руководство не устает прикидываться другом развивающихся стран и национально-освободительного движения...

Невольно вспоминается мысль, высказанная индийским журналом «Линк», который считает, что в этом высокогорном районе ЦРУ США действует в контакте не только с сепаратистами, но и с соответствующими китайскими службами.

Тень ЦРУ над Гималаями продолжает витать...

Косметика для Лэнгли

Начнем с цитаты из газеты «Вашингтон пост»: «Сейчас мы столкнулись с очередным ежегодным скандалом в духе комедий плаща и кинжала, касающимся бесконтрольности ЦРУ; такое событие обычно рождает надежды на то, что конгресс наконец-то поставит это управление под эффективный контроль, но эти надежды всегда рушатся».

Действительно, не было такого года, чтобы вокруг грязной деятельности ЦРУ не разыгрывались бы публичные скандалы. Дело в том, что американские тайные операции часто приводят к явным провалам. В связи с этим с момента организации ЦРУ, то есть за три десятилетия «с гаком», в конгресс было внесено свыше 200 законопроектов.

Нет, американские законодатели не покушались, не покушаются и не собираются покушаться на разведывательные службы. Они не только не осуждают, но готовы аплодировать любому действию ЦРУ, будь то разговоры против иностранных правительств, шпионаж, подкупы, похищения людей и кража документов, рас-

пространение заведомо ложных сведений или использование в качестве агентов секретных служб дипломатов, журналистов, научных работников, туристов и пр. и пр. ЦРУ журят не за то, что оно делает, а за то, что оно во многих случаях не умеет прятать концы в воду. Директоров ЦРУ меняют не потому, что им не хватает политического цинизма, а за то, что они не умеют им до конца пользоваться. В самом деле, только первый директор ЦРУ, так сказать, «патриарх» ведомства грязных дел Аллен Даллес прочно сидел в своем кресле. А потом пошла чехарда: Хелмс, Маккоун, Колби, Буш и, наконец, Тэрнер, ставший обер-шпионом в звании адмирала.

Так как по приведенному в начале свидетельству «Вашингтон пост» скандалы, связанные с ЦРУ, происходят ежегодно, репутация ни одного из шефов американской разведки не осталась безупречной. Но, как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров. Возрастают масштабы скандалов. Вьетнам, Уотергейт разрушили не одну политическую карьеру. Их эхо гулко отозвалось и в Лэнгли — штаб-квартире ЦРУ. Пришлось срочно накладывать грим на изрядно помятые физиономии сотрудников американских секретных служб, начиная от самых высших чинов и кончая агентами, действующими под внешне самыми невинными «крышами». Но что пущенная в ход косметика для ЦРУ ничего не меняет в существе дела и что федеральная администрация и конгресс США хотят навести только косметический глянец на остающиеся столь же грязными, как и до сих пор, методы и приемы шпионского ведомства американского империализма, — это неопровержимо доказывают обстоятельства, сопутствующие одному из последних по времени скандалу, разразившемуся в вашингтонских коридорах власти.

На сей раз стали известны (наверное, не полностью, а частично) тесные связи ЦРУ с органами массовой информации.

Какие органы массовой информации конкретно? На этот вопрос очень трудно ответить, так как, по существу, вся система массовой информации Соединенных Штатов, многие буржуазные органы печати, радио и телевидения за их рубежами или принадлежат ЦРУ, или выполняют его поручения, кто постоянно, а кто и

слорадически, печатают составленные по инструкциям, поступившим из Лэнгли, а то и сочиненные там опусы, направленные, по весьма мягкому выражению «Нью-Йорк таймс», к тому, «чтобы влиять на общественное мнение других стран, побуждая его к поддержке американской политики...».

Кстати, «Нью-Йорк таймс» претендует на роль объективного свидетеля и даже разоблачителя связей ЦРУ с американской печатью. Но нет! Этой газете такая роль не пристала, так как ее страницы также предоставлялись в течение многих лет для материалов Центрального разведывательного управления. Об этом поведал не кто иной, как бывший директор ЦРУ Колби. Кроме «Нью-Йорк таймс», он назвал «Геральд трибюн», журнал «Тайм», агентства ЮПИ и Ассошиэйтед Пресс.

Но и это только часть «айсберга». Ведь в различные времена ЦРУ непосредственно владело более чем 50 газетами, информационными службами, радиостанциями, периодическими изданиями. Значительная часть акций одной из крупнейших американских телевизионных компаний, «Нэшнл бродкастинг», принадлежит американской разведке. Около десяти американских издательств выпустили по крайней мере 200 книг, написанных либо по заданию, либо сотрудниками ЦРУ.

Не так давно стало известно, что ЦРУ содержит сотни журналистов в... 53 странах мира!

Здесь уместно рассказать, как появлялись на свет эти «сочинения». В одних случаях они составлялись в соответствующем отделе, расположенном в Лэнгли, и распространялись через органы массовой информации, принадлежащие непосредственно ЦРУ, бесплатно рассылались в различные зарубежные страны. Следующий прием: «подсказка» журналистам тем, снабжение их соответствующе подобранными сведениями, включая заведомую дезинформацию и фальшивки. Наконец, бывало и так. В вашингтонских резиденциях ЦРУ и военной разведки США — РУМО составлялись корреспонденции, они пересылались по закрытым каналам в страны пребывания американским корреспондентам, а затем уже поступали в редакции как репортажи якобы с места событий.

Ныне в Вашингтоне уже не отрицают, что ряд американских журналистов, находящихся за границей,

работал в качестве агентов ЦРУ. И это кроме тайно состоящих на службе американской разведки корреспондентов и обозревателей буржуазной печати, радио и телевидения других стран. Интересно, как после этого разоблачения чувствуют себя те американские корреспонденты, работающие в других странах, которые отрицали «с благородным негодованием» свою причастность к разведке, хотя эта причастность была доказана неопровержимо.

У Центрального разведывательного управления, как сообщили его бывшие сотрудники и некоторые американские органы печати, существовала одна проблема, которая для людей с нормальным мышлением может показаться по меньшей мере странной. Но эта проблема существовала, и была разработана довольно сложная система ее решения. Дело в том, что в ряде случаев американские секретные службы проводили пропагандистские кампании, от первого до последнего слова лживые, но при этом рассчитанные исключительно на другие страны. Между тем подобные материалы проникали и в американские органы массовой информации, фигурировали на внутреннем пропагандистском рынке, а это не всегда было желательно. Более того, оказывались дезинформированными даже официальные американские органы.

Чтобы избежать этого, как явствует из опубликованных сообщений бывших сотрудников Центрального разведывательного управления, в нем существует так называемая «система раннего оповещения». Она заключается, когда нужно поставить в известность вашингтонские ведомства, видных должностных лиц, дипломатов, чтобы они «не принимали к сведению те или иные информационные сообщения, распространенные управлением за границей». Ну, а то, что вводится в заблуждение широкая американская общественность,— это никого не беспокоит.

Как писала «Нью-Йорк таймс», «нет никакого аппарата для предупреждения газет, журналов и радиостанций в Соединенных Штатах о том, какие сообщения из-за рубежа, поступающие на телетайпы, искажают факты, а какие представляют собой откровенную фальшивку. Просто не существует никакого практического способа предупредить американцев о том, что отдельные сообщения, которые они просма-

тривают за утренняя кофе; были написаны не иностранным корреспондентом, а сотрудником ЦРУ где-то в укромном уголке какого-нибудь американского посольства.

Очередное расследование деятельности ЦРУ, принятое по поводу очередного скандала, в данном случае после разоблачения связей американской разведки с органами массовой информации, подошло к концу. Расследования в конгрессе, как и участие в нем вашингтонской администрации, были весьма дозированными. И на этот раз было сделано все необходимое, чтобы не дать скандалу выйти из-под контроля. Что касается американской печати, то она со всей тщательностью соблюдала «правила игры», публиковались, да и то выборочно, факты, касающиеся прошлого. Это, мол, дела давно минувших дней. Что же касается наших дней, а тем более будущего, то и в печати и в конгрессе клятвенно заверяли, что «с черной практикой» покончено, что дальше все будет о'кэй. Послушать некоторых ораторов в Капитолии, поверить американским газетам — так грязные пятна, то и дело обнаруживающиеся на физиономиях американских секретных служб, попали туда случайно. Так сказать, по недосмотру. А вообще-то американские разведывательные органы — образец высокой морали, хороших манер и респектабельности. Как и после прежних скандалов, утверждается, что больше они не повторятся. Особенно стараются заставить поверить в это ныне, когда представители вашингтонской администрации изображают себя поборниками законности, пекущимися о «защите прав человека», преданности демократическим идеалам.

Оставляя в данном случае в стороне лицемерные разглагольствования о правах человека в стране, где эти права попираются ежедневно и ежечасно, коснемся лишь одной группы вопросов.

Первый из них — о соотношении прошлого, настоящего и будущего. Есть ли какие-либо основания предполагать, что теперь ЦРУ не использует в своих интересах средства массовой информации, что среди его агентов больше нет и не будет журналистов? На этот вопрос нынешний руководитель ЦРУ Тэрнер старался ответить как можно уклончивее, но отказался дать подобные заверения. Еще «эластичнее» сформу-

лирован вопрос о дальнейших отношениях между ЦРУ и органами массовой информации в меморандуме «о новых правилах, касающихся отношений Центрального разведывательного управления с американскими органами массовой информации». Меморандум этот, появившийся в ответ на расследование в конгрессе, обещает лишь заручаться при установлении таких связей «конкретным определенным одобрением высшего руководства соответствующей организации». ЦРУ отнюдь не намерено отказываться от «услуг» и отдельных журналистов. Оно обещает лишь, что эти услуги будут добровольными и неоплачиваемыми. Блажен, кто верует! Судя по всему, таких блаженных в США немного. Во всяком случае, адмирал Тэрнер к ним не принадлежит.

Вопрос второй близко примыкает к изложенному выше и относится к американской буржуазной печати в целом. «Претензии американской печати на правдивость, объективность и независимость абсолютно беспочвенны». Это цитата не из советского источника. Такое мнение высказали в связи с вынужденным участием той же «Нью-Йорк таймс» в разоблачении связей ЦРУ со средствами массовой информации три известных в США деятеля в этой области — президент общества газетных редакторов Паттерсон и два редактора крупных провинциальных газет Крэнберг и Киркпатрик.

И в заключение о том, как представляют себе в Вашингтоне деятельность секретных служб американского империализма в дальнейшем. 23 января 1978 года Белый дом объявил о реорганизации разведывательной службы Соединенных Штатов. Нет, отнюдь не с целью «очищения» ее методов, ограничения ее функций и влияния. Особо следует отметить, что реорганизация предусматривает расширение полномочий руководителя самого грязного американского шпионского ведомства — ЦРУ. Он теперь становится координатором деятельности всех американских тайных служб. Адмирал Тэрнер поспешил заявить: «Как у директора центральной разведки, у меня будет больше полномочий, чем этот пост (директора ЦРУ) давал прежде».

Тэрнер продолжает: «Мы должны вступить в новый век разведки».

Это означает только одно: цепь преступлений американской разведки пополнится новыми звеньями.

Все те, кому дорог мир, ответят на зловещие замыслы американских супершпионов и их агентуры, в каком бы обличье они ни выступали, какими бы «крышами» ни прикрывались, повышением бдительности.

Шпионы и бизнес

— У нас их называют шпионами без оружия. И тем не менее их нужно причислить к своре самых нечистоплотных разведчиков — диверсантов, — говорил одному из авторов этой книги прогрессивный американский журналист Элсберг в Нью-Йорке.

Кто же эти люди? Прежде всего следует заметить, что они порождение безудержной конкуренции западных фирм и компаний. Это люди, занимающиеся так называемым промышленным шпионажем.

Если с помощью империалистической пропаганды осуществляются в наше время замаскированное «идеологическое насилие и диверсии», подрыв международного правопорядка, то с помощью промышленного шпионажа конкурирующие фирмы стараются, образно говоря, перегрызть друг другу глотки, загнать соперника в угол, затянуть на его шее петлю. Это с одной стороны. С другой — спецслужбы США и других капиталистических стран используют дельцов, набивших руку на промышленном и военно-промышленном шпионаже против Советского Союза и других социалистических государств.

Журналист Элсберг показал как-то любопытную вырезку из журнала «Кемикл инджиниринг», издающегося в США. Она, по существу, представляла собой подробную инструкцию начинающим шпионам. Вот, например, о чем там шла речь. «Человек, посвятивший себя этому бизнесу, должен иметь в виду, что нас интересуют биржевые документы, выставочные экспонаты фирм, буклеты конкурирующих между собой компаний; стенографические отчеты научно-технических конференций; различного рода лицензии на то или иное изобретение». Далее авторы инструкции касались методов, к которым должен прибегать шпион для по-

лучения информации: «Втираться в доверие к нужным специалистам; устраивать на работу служащих из конкурирующей фирмы для получения необходимых сведений; идти на прямой подкуп специалиста из конкурирующей компании; подслушивать разговоры между сотрудниками конкурирующей фирмы (включая телефонные); стараться перехватить письма или телеграфные сообщения».

Итак, можно считать, что будущий шпион получил первое представление о своем «бизнесе», затем прослушал (в этом не приходится сомневаться) соответствующий более глубокий курс лекций в своей фирме и выполнил, к примеру, вот такое задание.

Шпиона звали Юджин Мэйфилд. Официально он числился служащим компании «Проктер энд Гэмбл». Мэйфилд длительное время занимался изучением секретов выпуска новой зубной пасты «Крест», которая стала завоевывать рынок. Другая, уже широко известная старая фирма «Колгейт» почувствовала угрозу потерять значительную часть прибылей. Мэйфилд оказался человеком «покладистым». За 20 000 долларов он дал согласие фирме «Колгейт» выложить на стол секрет производства новой пасты, который оценивался в один миллион долларов. Вечером в туалете международного аэропорта Нью-Йорк встретились двое мужчин. Точнее, они даже не видели друг друга в глаза, стоя за перегородкой, разделяющей кабины. Они были одинакового роста, схожего телосложения (все эти детали были заранее оговорены). Им предстояло лишь... обменяться брюками. В кармане одних брюк лежала означенная сумма долларов, а в кармане других — технологические выкладки производства новой зубной пасты... Но афера в данном случае потерпела провал. За Мэйфилдом давно уже следили, и он был схвачен за руку.

А вот другой случай. Один крупный американский промышленник получил в подарок в день своего рождения «от верных сослуживцев» чучело крокодила. Дети, жена — все были в восторге. «Ты посмотри, дорогой, — ворковала жена, — какие у него глаза, горят, точно живые». Глаза действительно оказались «живыми». В них находилась миниатюрная телекамера, которая фиксировала и передавала на специальный пост, вынесенный за пределы квартиры, все, что находилось

по отношению к крокодильим глазам под углом до 180 градусов. В гостиной незадачливого промышленника бывало много людей, с которыми он вел доверительные разговоры, демонстрировал некоторые чертежи, схемы изобретений. Что ж, после этого ему пришлось в полном смысле проливать крокодиловы слезы. Но было уже поздно.

Стоит заметить, что получить «на пост» сигнал со схемой или часть чертежа изобретения — это еще далеко не все. Конкуренты данного промышленника должны были иметь специальный центр для обработки разрозненных, обрывочных данных. И они его имели в виде «электронного мозга» — ЭВМ.

Данные, заимствованные «из глаз» крокодила, поступают на эту чудо-машину, их «разбавляют» другой информацией, добытой из прочих источников о фирме означенного промышленника. И в конечном итоге конкурент получает именно ту, нужную справку о характере производства данной фирмы.

Сейчас тысячи специалистов-аналитиков империалистических государств, добывая шпионскую информацию, пристально изучают ее в своих кабинетах. Американский журнал «Форчун» пишет, что из 500 крупных компаний США 400 являются постоянными клиентами знаменитого агентства «Пинкертон». Ему помогают организация сыщика У. Камминга, который провел не менее 30 000 шпионских операций для самых крупных юридических контор США, а также целая отрасль промышленности по производству и продаже электронных и других приборов, находящихся на вооружении шпионов. Как свидетельствует в своей книге «Промышленный шпионаж» бывший французский военный разведчик Жак Бержье, оборот владельца компании «Континентал телефон энд сзпплай» Бен Джаниля составляет полтора миллиона долларов в год. Почему? Да потому, что эта компания как раз и производит электронные приборы, которыми пользуются шпионы. Подсчитано, например, что на промышленный шпионаж в США тратится ежегодно более одного миллиарда долларов (приблизительно одна двадцатая часть расходов на научно-исследовательскую работу).

В Италии в миланском издательстве «Ростро» сравнительно недавно вышла любопытная книга под наз-

ванием «Электронный шпионаж». У книги еще более любопытный подзаголовок: «Практический монтаж аппаратуры». Одним словом, настоящий учебник для шпионов. В книге действительно целое собрание различных приспособлений, схем, чертежей, конструкций и их описаний.

Здесь же рассказывается о различных приемах подслушивания телефонных разговоров и т. д. и т. п. А в заключение книги рекламируется другой учебник, в котором речь идет о том, каким образом можно обезвредить электронный шпионаж, нарушить работу приборов. Итальянская общественность с возмущением отнеслась к пособиям по шпионажу. Пресса отмечала, что эта специализированная электроника, достойная осуждения не только в юридическом, но и в моральном плане, с некоторых пор вышла за пределы ультраспециализированной промышленности. Из полуподпольной лаборатории поставщика информации для осведомителей, частных полицейских, шпионов, она перекочевала на стол радиотехника... Этот новый или по крайней мере неожиданный аспект типичных приспособлений для шпионажа, будь то политического, промышленного или «частного», лишний раз разоблачает хваленую буржуазную демократию, является прямым нарушением прав человека, наносит удар по Хельсинкским соглашениям.

Промышленный шпионаж имеет давнюю историю. И если на первых порах в этом грязном бизнесе буржуазного мира подвизались доморощенные шпионы, то теперь дело поставлено там на широкую ногу. Считается даже, что шпионская деятельность в области промышленности — одна из самых прибыльных, хотя и сопряжена с немалым риском. Надо, правда, сказать, что этот риск не везде одинаков. Так, в Англии промышленный шпионаж не квалифицируется как преступление. О нем нет даже упоминания в уголовных кодексах. Полицейским предписывается выступать на охрану «промышленных тайн» и арестовывать похитителей технических секретов только тогда, когда эта акция может привести к человеческим жертвам. И даже в этом случае, когда шпион попадает с поличным, его судят как за обычную мелкую кражу. Так, кстати, было с известным шпионом Дауни, который похитил у одной химической фирмы архисекретные до-

кументы огромной стоимости. Лондонский суд определил это крупнейшее хищение как... мелкое жульничество. Основание? Пожалуйста! Стоимость самой канцелярской бумаги, похищенной Дауни, была оценена всего лишь... в несколько фунтов стерлингов. Судья умудрился не принять в расчет главное — на какую поистине неслыханную сумму несла на себе эта бумага информацию о производстве нового препарата.

Нам неизвестно, где и когда учился обер-шпион Дауни. Зато доподлинно известно, что тысячи ему подобных оканчивают специальные школы промышленного шпионажа, имеют дипломы, удостоверяющие их специализацию, которые хранят в тайниках. Считают, что в этом отношении особенно хорошо поставлено дело в Швейцарии, США и Японии. Кстати, о специализации. В документах по расследованию промышленного шпионажа, проведенному одной из комиссий американского сената, перечисляются некоторые из наиболее невероятных приспособлений, которыми пользуются эти пираты. Передатчик, который помещен в маслину, брошенную в коктейль с миниатюрной металлической вилочкой, которая воткнута в нее и служит антенной, говорящие шариковые ручки, шляпы-радиопередатчики, звукозаписывающие зажигалки, футляры от очков, которые «забывают» в зале заседания и которые начинают работать, когда слышат голос. В докладе сенатской комиссии даются даже некоторые практические советы возможным жертвам: не доверяйте портному, который может зашить в подкладку пиджака радиопередатчик, способный передавать все, что говорится в вашем кабинете в интимной обстановке; удостоверьтесь в том, что в корзине с цветами, посланной в знак уважения вашей супруге или вашей секретарше, нет телекамер или передатчиков и т. д.

Но комиссия комиссией, а промышленные шпионы продолжают свой бизнес, совершенствуют мастерство, прибегают к еще большим ухищрениям. В тех же Соединенных Штатах, где трудилась вышеупомянутая сенатская комиссия, произошел такой случай. Один из владельцев крупнейшей автомобильной фирмы «Дженерал моторс» как-то обследовал технический центр, где сотрудники демонстрировали некоторые новинки техники под открытым небом. Внезапно раздался грохот мотора, и над центром повис вертолет, снабжен-

ный фотоаппаратурой с мощными телеобъективами. Рабочие бросились закрывать новые образцы техники чехлами. Но было уже поздно. Неизвестный конкурент с отснятой фотопленкой был таков...

А теперь перенесемся в Японию. Во время одного делового ужина в токийском ресторане «Ханьан» был подан традиционный рис. Участники встречи представляли одну и ту же фирму. Разговоры велись непринужденно, так как стол, за которым собрались мужчины, был предварительно и тщательно обследован специалистами по контршпионажу. И тем не менее два важных документа, от которых зависели дела фирмы в будущем, через несколько дней стали достоянием другой фирмы, выпускающей аналогичную продукцию. Не будем утомлять читателя подробностями работы контршпионов, которая тянулась целый год. Скажем лишь, что им удалось выяснить, где в тот вечер был запрятан микропередатчик: он в виде рисового зернышка был помещен в порцию риса и за трапезой, естественно, проглочен одним из гостей... Между прочим, таким же образом микропередатчик японского производства может быть преподнесен человеку, у которого вдруг заболела голова, в виде обычной таблетки аспирина, а потом вещать... из желудка.

Выше отмечалось, что Япония — одна из ведущих стран в области подготовки специалистов по промышленному шпионажу. Вспоминается, как однажды на встрече со студентами Токийского университета речь зашла об уникальном изобретении профессора Исио Като (тогда профессор вместе со своими учениками завершал испытания новой модели робота). Названный «Вабот-1», этот робот мог видеть, слышать, поднимать и переносить вещи и даже разговаривать. «Вабот-1», которого специалисты считают пока одной из самых совершенных в мировой практике моделей роботов, натолкнул на мысль поближе познакомиться с данной отраслью промышленности Японии. Знакомые японцы посоветовали съездить на заводы крупнейшей электротехнической компании «Тосиба».

В городе Футю в просторной приемной административного корпуса нас встретил инженер конструкторского отдела господин Наката. Он был любезен, вежлив, подчеркнуто услужлив. Правда, после почти часовой беседы можно было лишь уяснить, что компания

выпускает роботы различной конструкции «как для своих целей, так и на продажу». И это все.

Затем инженер пригласил в демонстрационный зал, предварительно попросив оставить фотоаппараты в приемной. «Мы их сохраним в сейфе, не волнуйтесь, с ними ничего не случится!» Познакомившись на почти-тельном расстоянии с работой чудо-машин, мы ровно через пять минут вышли на заводской двор. Мы не удержались и спросили: «Господин Наката, мы не специалисты в этой области промышленности, но для журналиста полученной информации определенно мало. Она не позволит написать даже самую элементарную, самую популярную статью. Может быть, вы объясните, почему вы уходите даже от столь элементарного вопроса: можно ли создать универсальный робот, похожий на пылесос с разными щетками, и делается ли что-нибудь в этом направлении в Японии?»

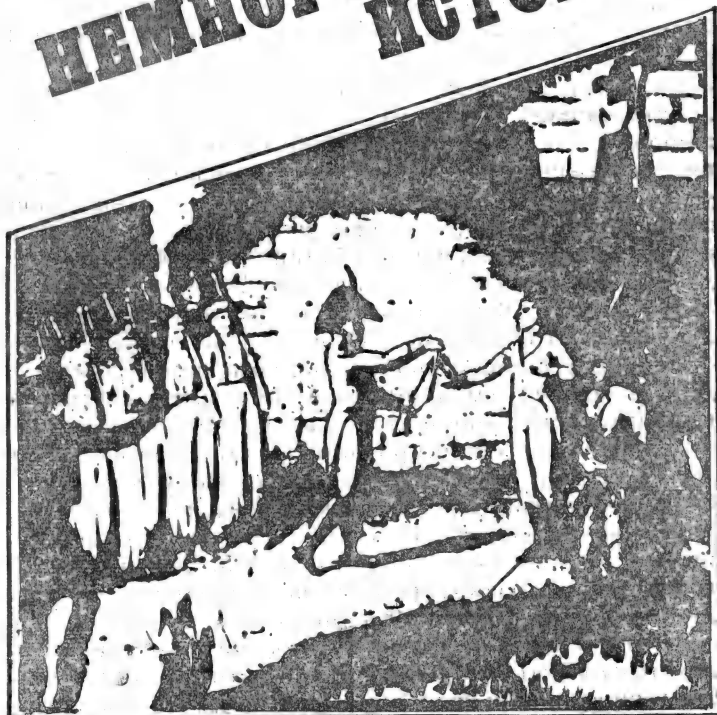
Японец задумался на долю секунды и быстро заговорил: «Пылесос... Вы напомнили мне... Когда в 1973 году в Японии разразился энергетический кризис, наши конструкторские бюро первыми занялись в обстановке строжайшей тайны разработкой моделей электроприборов с пониженным потреблением электроэнергии. Но инженеры не успели еще завершить схему модели первого «экономичного» пылесоса, как на одной из аналогичных фирм специалисты уже занимались тем же самым... Мы понесли убытки... Кто-то выведал наши замыслы, и все было кончено... Украли не модель, а самую идею... Вам, надеюсь, теперь все понятно? Если я скажу хоть полслова лишнего — мне будет конец».

Японская фемида сквозь пальцы взирает на деятельность и тех, кто нанимает на службу специалистов по экономическому шпионажу. Законы не предусматривают карательных мер против их деятельности, считая это «частным, внутренним делом» самих компаний. Ну, а если шпион будет схвачен за руку полицейским и доставлен в участок (в случае нелегального проникновения со взломом в лабораторию или цех), все отдается на откуп хозяину фирмы: он сам решает, казнить или помиловать пойманного шпиона.

В мире капитала все решают деньги. Подтверждением тому могут еще раз служить и эти заметки о промышленном шпионаже наших дней в некоторых западных странах.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Когда родилось невидимое оружие?

Не так уж редко на страницах газет и журналов появляются сообщения о коварных действиях империалистических разведок. Они в свое время стояли за спиной «черных полковников» в Греции, они помогали кровавому палачу чилийского народа Пиночету установить в стране диктаторский режим фашистской хунты, и нынешние разоблачения американской печатью грязной деятельности ЦРУ — ярчайшее тому доказательство. Империалистические разведки и секретные службы НАТО продолжают свои интриги на Средиземноморье и на Ближнем Востоке и в других уголках нашей планеты.

Они поддерживают всевозможные группки антисоветского толка, осуществляют идеологические диверсии против Советского Союза и социалистических стран. Деятельность нынешних «рыцарей плаща и кинжала», состоящих на службе монополистического капитала, столь же многообразна, сколь грязна и коварна. Но, как всякая деятельность, она имеет свою историю. В западной литературе создан этакий «героический» ореол вокруг разного рода «сверхчеловеков» типа Мата Хари, Лоуренса Аравийского и некоторых других, ореол дешевый и, как правило, не соответствующий исторической истине. Тайные шпионы Римской империи, британской короны и французских императоров всегда были слугами тирании и подавления свободы, слугами, которых покупали за звонкую монету сословия власть имущих. И наша первая история — рассказ о том, как родился шпионаж.

«Верьте мне: анализируя исходы военных батальей, невольно пришел я к выводу, что не столько храбрость пехоты или отвага кавалерии и артиллерии решали судьбы многих сражений, сколько это проклятое и невидимое оружие, называемое шпионами».

Тот, кто произнес эти слова, не был ни историком, раздумывающим в тиши своего кабинета о необратимости времени, ни гражданским министром, склонным

к скепсису в отношении военного решения проблем вообще, а одним из воинственных людей прошлого... Эти слова произнес Наполеон I, император Франции. Ни минуты не сомневаясь в своем военном гении, Наполеон прекрасно понимал, что без ловкости и смелости своего секретного агента Шульмейстера он не одержал бы тех блестящих побед, которыми была отмечена кампания 1805 года. Ульм и Аустерлиц были в такой же степени триумфом стратегического гения, как и секретной деятельности «императорского шпиона» Карла Шульмейстера, одного из важнейших советников генерального штаба Австрии и шефа австрийской службы информации.

Фуше — министр полиции подтверждает в своих «Мемуарах» важность шпионажа в подготовке планов войны своего императора. «Лошади, которые везли золото французского банка к будущим полям сражений в Австрии для оплаты секретных агентов,— утверждает он,— имели большее значение, чем стремительная и отважная конница Мюрата». Что же, Фуше — полицейский «гений», состоявший на службе у императора Франции, видимо, ничего не писал зря...

Даже библия и та утверждает, что Иисус Навин, осаждая Иерихон, послал заранее в город двух согладатаев, чтобы подготовить его захват и разрушение.

История шпионажа стара, как сам мир. Древние и средние века, так же как и Ренессанс, изобилуют примерами секретной деятельности людей, которая иногда решала судьбы не только императоров... Могущество Римской империи основывалось на тщательно организованной полицейской секретной службе. В Европе церковь в течение многих веков через монастыри и приходы получала тайную информацию по всем вопросам, касавшимся настроений, действий и побуждений «христово стада». Венеция торжествовала победы в значительной степени благодаря ловкому шпионажу своих послов и огромным денежным фондам, которыми они располагали для подкупа «нужных людей». В XVI веке Великий Могол установил свое владычество в Индии, пользуясь услугами тысяч шпионов, которые информировали его о настроениях в этой необъятной и неустойчивой империи, о деятельности наместников, особенно тех, кто в личных интересах использовал данную им власть.

Еще за шестьсот лет до нашей эры китайский ученый Сун Цзе написал книгу об искусстве шпионажа, которая называлась «Происхождение стратегии — искусства войны». В ней автор, в частности, утверждает: «Нельзя обладать тем, что называется предвидением через духов и богов, через изучение аналогий истории и через собственные размышления. Только люди могут дать это, люди, знающие, что делается у врага... Нужно различать пять категорий шпионов: местные, внутренние, обращенные, обреченные, прижившиеся. Когда эти пять категорий шпионов начинают действовать, никто не в состоянии раскрыть их секретную систему. Но нужно держать в своих руках всю сеть. На этом держится могущество владыки. Местные шпионы — это те, которые действуют среди населения того или иного района. Внутренние шпионы, как правило, — люди, занимающие определенные посты в различных организациях противника. Обращенные шпионы — это шпионы врага, используемые в наших целях. Обреченные — те, что работают открыто в целях обмана противника, сообщения ему заведомо ложных сведений, в которые, как мы того хотели бы, он должен поверить. Прижившиеся — это те, что приносят нам информацию из вражеского лагеря... В войске необходимо подерживать самые тесные отношения со шпионами и вознаграждать их работу с щедростью. Никакая другая деятельность не должна осуществляться с такой строгой секретностью, как шпионаж. Нельзя работать со шпионами, не обладая собственной тонкой интуицией, которая помогала бы разбираться в преданности этих людей...»

В Европе одной из самых старых секретных служб считают английскую. Ее создал сэр Френсис Уолсингем, государственный секретарь королевы Елизаветы, окружив себя специалистами в самых разнообразных областях. Одни из них обладали даром незаметно вскрывать чужие письма, другие — подделывать государевы печати, третьи — искусно имитировать почерки и подписи. Некто Томас Филлипс специализировался, например, исключительно на дешифровке тайнописных кодов и составлении шифров для агентов британской секретной службы. Ему удалось, кстати, полностью расшифровать закодированные послания к Марии Стюарт, политической противнице Елизаветы,

которые шотландская королева получала, находясь в своем изгнании в Бэдингтоне.

Уолсингем весьма активно помогал королеве Елизавете в ее интригах. Он засылал своих агентов в высшие английские круги, которые путем всевозможных инсинуаций натравливали одних аристократов на других. Шпионы Уолсингема находились при дворах королей Франции и Испании, при послах больших и малых государств, от которых британская секретная служба черпала обширную и ценную информацию. Один из его людей — некто Энтони Стэнден завязал настолько крепкую дружбу с представителем итальянской республики Тосканы при мадридском дворе, что ему удалось пристроить английского агента в посольство республики в Мадриде. Именно этому агенту удалось загодя предупредить Френсиса Уолсингема о готовящемся походе испанской «непобедимой армады», которую, как известно, постигла печальная участь.

Руководитель тайной службы при Елизавете обладал, видимо, недюжинными способностями, ибо, несмотря на скудность средств, выплачиваемых его ведомству королевой, оно функционировало весьма эффективно.

Положение значительно изменилось, когда позже в Англии было создано «Бюро информации», которым занимался лично Оливер Кромвель (1599—1658 гг.), выдававший на ведение дел немалые средства — около 60 тысяч фунтов стерлингов в год. Шефом этой службы стал Джон Терло, политик, юрист, депутат парламента. Он впервые ввел почтовую цензуру и создал отдел политической полиции, то бишь службу контршпионажа против внешних и внутренних врагов государства. После падения Кромвеля Терло был оставлен, несмотря на свои «кромвельские» убеждения, руководителем секретной службы, получившей название ««Интеллиженс департамент». Метод его работы основывался в основном на коррупции. Он беззаветно верил лишь в одну силу убеждения — в деньги, за которые покупал необходимых ему людей. Его агентурная сеть значительно расширилась. Терло имел своих шпионов практически во всех странах, снабжавших его информацией по вопросам, которые в той или иной степени затрагивали интересы Великобритании. Шеф «Интел-

лидженс департамент» умер собственной смертью 21 февраля 1668 года.

Френсис Уолсингем и Джон Терло стали в истории шпионажа наиболее крупными из первых шефов секретных служб, которые нашли позднее своих «ярких» последователей во многих странах. О некоторых из них мы расскажем дальше.

Ошибка Мата Хари

Еще не занялась заря, а они уже стояли, поеживаясь от холодного ветра, на тюремном дворе. Их было одиннадцать, французских солдат из комендантского взвода, не знавших, кого будут расстреливать, и невольно притихших, когда во двор вывели высокую женщину в длинном платье с широкополой шляпой на голове. По заведенному обычаю, им выдали уже заряженные карабины, предупредив, что в патроннике одного из них — холостой заряд. Так делали, чтобы не отягощать совесть солдат. Но именно теперь каждый из одиннадцати страстно желал, чтобы этот патрон без пули оказался бы у него — убивать женщину всегда трудно. А она медленно шла по двору, рядом с тюремным священником отцом Арбо, бормотавшим вполголоса душеспасительные молитвы. Никто не сказал смертнице, где ей встать, она сама выбрала себе место перед взводом, ни дальше, ни ближе, чем полагалось по инструкции. К ней приблизился один из офицеров и протянул черную повязку. «Это так необходимо?» — спросила женщина, удивленно вскинув брови. Офицер вопросительно взглянул на адвоката осужденной доктора Клюне. «Это действительно столь необходимо, месье?» — переспросил адвокат. «Если мадам не желает, — ответил офицер, — повязки не будет. Нам, собственно, все равно...» Подошел тюремный надзиратель с веревкой. Клюне поморщился: «Моя подзащитная вряд ли захочет, чтобы ей связывали руки...»

Женщина молча глядела на солдат. Прозвучали резкие слова команды, но залпа не получилось. Выстрелы затрещали вразнобой. Тюремный врач осмотрел

труп, тихо шепнул стоявшему рядом с ним лейтенанту: «Солдаты плохо стреляют, мон шер. Всего три пули в теле. Впрочем, ваших услуг не потребуются, одна из них попала в сердце...»

Комендантский взвод увели с тюремного двора. «Кто желает получить тело казненной?» Лейтенант повторил вопрос трижды. Молчание. Офицер взглянул на адвоката. Ключи развел руками.

Так ранним утром 15 октября 1917 года оборвалась жизнь голландки Маргарет Целле, вошедшей в историю под именем Мата Хари и расстрелянной по обвинению в шпионаже. Никто потом так и не смог вспомнить, куда девалось ее тело — то ли было похоронено в одной из общих могил, то ли попало в анатомический театр под скальпели студентов медицинского факультета. Впрочем, сие, может быть, и не так важно. Любопытно другое — вокруг имени Мата Хари уже шесть десятилетий бушуют страсти западных историков. И не только историков, пытающихся оправдать или, напротив, опровергнуть справедливость смертного приговора, вынесенного французским военным трибуналом, но и разнокалиберных представителей второй древнейшей профессии, не упускающих случая поспекулировать на экстравагантной истории. И каких только небылиц не накрутили вокруг имени «исполнительницы ритуальных танцев» и одновременно «шпиона-двойника», которой удалось якобы не только покорить весь Париж своим искусством, но и столкнуть лбами две европейские секретные службы.

Где же все-таки кончается история и начинаются сказки о Мата Хари? Где правда, а где ложь? Впрочем, в истории Вольтер, например, видел «...всего лишь перечень человеческих преступлений», а его далекий предшественник Цицерон, напротив, утверждал, что она «посланница времен и луч правды». Байрон считал ложь «...не чем иным, как замаскированной правдой», а философ Блез Паскаль был убежден, что «...правда — благо для тех, кому ее говорят, и зло для тех, кто ее говорит...». Впрочем, не будем увлекаться изречениями великих, ибо и они, в конечном итоге, уязвимы в своих определениях, тем более что и случай, о котором пойдет речь, отнюдь не философский.

Решению взяться за жизнеописание Маргарет Целле дала толчок статья о ней в итальянском журнале и сохранившаяся с 1968 года запись в журналистском блокноте одного из нас, сделанная в Вечном городе. Римское телевидение разыскало тогда некоторых оставшихся в живых «знакомых» Маргарет Целле. Вот из уст одного из них — бывшего солдата комендантского взвода Гастона Роше довелось впервые услышать подробности расстрела Мата Хари. Так сказать, рассказ очевидца. Но нас, честно говоря, заинтересовали не эти частности. Бывший французский солдат высказал абсолютную, даже, мы бы сказали, яростную убежденность в том, что правосудие его «патри», его родины, допустило роковую ошибку, убив ни в чем не повинную женщину. «Я был среди тех одиннадцати, — говорил Роше, — и по сей день не могу забыть удивленного лица Мата Хари перед дулами наших карабинов, хотя прошло уже полвека. Поначалу я убеждал себя в том, что, исполнив приказ, мы уничтожили ядовитую змею в образе женщины. Но иллюзия искупления греха не принесла облегчения. Тогда-то и родилась идея заново проанализировать все факты, которыми жонглировало обвинение, вынесшее Мата Хари приговор за шпионаж в пользу Германии. Являлась ли она шпионкой? Сомнительно. Да, ей платили деньги из секретных фондов — это доказано, хотя она получала их, пардон, от своих любовников — профессиональных разведчиков. Но Мата Хари могла об этом не знать, так же как и находиться в абсолютном неведении в отношении того, что ее имя фигурирует в списках германской и французской секретных служб. Ведь обвинение не представило ни одного доказательства о конкретных фактах ее шпионской деятельности. Разговоров было много, а работы — никакой. Да, сплетен о Мата Хари ходило и ходит великое множество. Достаточно привести распространенную версию «свидетелей» о том, что она разделась донага перед взводом солдат. Какая чушь! Ведь я был среди них и все видел своими глазами... Мне кажется, что она до самой последней секунды, пока не прогремели выстрелы, верила, что ее помилуют... Вы знаете нашу старинную поговорку: «Шерше ля фам» — «Ищите женщину». Так вот, женщину наше правосудие нашло, но не ту...»

Говорят, что эмоции не лучший союзник в определении истины. Показания бывшего солдата, отрицающего вину Мата Хари, не единственные в своем роде. Кем же была в действительности Маргарет Целле? Давайте и мы пробежим еще раз по страницам ее не совсем праведной жизни.

Голландский шляпочник Адам Целле, всеми уважаемый горожанин и глубоко верующий человек, конечно же, не мог предположить, что его любимая дочь Маргарет, родившаяся 7 августа 1876 года, доставит ему, несмотря на пуританское воспитание, столь много огорчений. А они начались неожиданно, когда Маргарет, едва ей исполнилось 19 лет, вышла наперекор родительской воле замуж за капитана колониальных войск Кэмпбелла Маклида и упорхнула из отчего дома в далекую Индонезию. Из семейной жизни у разновозрастных супругов ничего не получилось. Капитан был немолод, чертовски ревнив и к тому же страдал периодическими запоями. Ревность и алкоголизм — две родные сестры. Какая из них появилась первой у Маклида, сказать трудно. Для истории сохранилось одно из его писем, которое он написал своему другу уже после того, как Маргарет уехала в Европу. «Эта каналья, — утверждал он, — не только развратна, как Мессалина, но и коварна, как змея». Не будем, однако, строги к капитану. Покинутый супруг, да еще и пьяница к тому же, мог быть и не совсем объективным...

Так или иначе, но Маргарет удалось получить развод. В 1903 году она оказалась в Париже без денег и без дела. Видимо, именно тогда и родилась у нее идея заняться имитацией ритуальных танцев, которые она видела в Индонезии. Попытка воплотить идею в жизнь поначалу не нашла поклонников. Впрочем, поклонники появились, но не танцев. Сначала фотограф, которому Маргарет позировала на предмет изготовления порнографических открыток, затем другие. Однако они не принесли ни денег, ни славы бывшей жене колониального офицера. Не поправила положения и поездка в родную Голландию.

Поэтому Маргарет вновь вернулась в Париж, но уже под именем Мата Хари, которое она выбрала в память о пребывании в Индонезии. В переводе два слова эти означают «дневное око». Новое имя было неплохой рекламой для ночных кабачков, где начала

танцевать новоявленная балерина. Ее заметили. Среди друзей Мата Хари оказался богатейший лионский фабрикант Гуиме, большой любитель восточного фольклора и продажной любви. В марте 1903 года он собрал в одном из парижских залов весь столичный «бомонд», чтобы представить восходящую «звезду» религиозных танцев Востока. Оценка современниками искусства Мата Хари представляется весьма разноречивой. Тем не менее странные танцы голландской дивы с экзотическим именем, заканчивавшиеся полным раздеванием, явились для Парижа тех времен, еще не избалованного стриптизом, хотя и скандальной, но достаточно громкой сенсацией. Деньги потекли рекой к новой примадонне. Таких гонораров парижские импресарио не платили никому. У Мата Хари самые шикарные апартаменты, самые богатые поклонники, и среди них — «шоколадный король» Менье. Но сладкое тоже приедается. Надоели «бомонду» и ночные танцы «дневного ока». Наступил период безденежья. «Бывали моменты, — признавалась позднее своим близким друзьям танцовщица, — когда я готова была идти как последняя потаскушка на панель, чтобы расплатиться с кредиторами». Свое тридцатилетие Мата Хари встретила в Берлине. Видимо, к этому периоду и относится ее вербовка агентом германской секретной службы Шрагмюллер, известной под кличкой «фрейлен доктор». Во всяком случае, практически все ранние и поздние биографы Мата Хари сходятся именно на этой версии. В то же время они абсолютно разноречивы в отношении личности «фрейлен доктор», фигуры, пожалуй, еще более загадочной и противоречивой. Действительно, в период первой мировой войны в германской секретной службе работала единственная в кайзеровской армии женщина-офицер, которая окончила шпионскую школу в Антверпене и затем стала сама преподавателем и руководителем этого отнюдь не богоугодного заведения. Звали ее Мартой Шрагмюллер. В историю шпионажа она вошла под псевдонимом «фрейлен доктор». Тот же самый псевдоним носила разведчица Анна-Мария Лессер, которая руководила агентурной сетью Германии в Европе, отличалась большой ловкостью и умением избавляться от ставших ненужными агентов, выдавая их контрразведывательным службам Антанты. Были ли две «фрейлен

доктор» или одна? Пока в этом никто досконально не разобрался. Английская газета «Дейли экспресс» сообщила 23 августа 1934 года, что в одном из швейцарских санаториев неподалеку от Цюриха скончалась в преклонном возрасте некая фрейлен Анна-Мария Лессер. Перед смертью она сказала, что настоящее имя ее Элизабет Шрагмюллер и что именно она в свое время выдала французской контрразведке Мата Хари, так как последняя оказалась абсолютно бесполезной для германской секретной службы. Перед этим в той же Швейцарии были изданы «Мемуары фрейлен Шрагмюллер», к которым мы еще вернемся...

Не будем гадать, кто скрывался под псевдонимом «фрейлен доктор». Важно другое. Мата Хари была завербована «фрейлен» в момент самого своего острого безденежья и попала в списки германской агентуры под кодом «Н-21». Латинская буква «Н» означала страну происхождения агента (Голландия), цифры («21») — порядковый номер вербовки. Конечно, одно дело — списки, другое — работа. Чем занималась в этот период Мата Хари? Трудно сказать. И все же обращают на себя внимание участвовавшие гастрольные танцовщицы, вновь возродившей свой псевдоритуальный репертуар с раздеванием. Берлин, Милан, Мадрид и опять Берлин... В августе 1916 года Мата Хари вновь приезжает в Париж. Первая мировая война в полном разгаре. Но гастролершу почему-то тянет в небольшой курортный городок Виттель, где врачи якобы прописали ей лечение. Виттель — военная зона. Там находится аэродром, с которого французские аэропланы бомбят германские города. Чтобы попасть в Виттель, нужно иметь специальное разрешение, которое выдается в доме № 282 на бульваре Сен-Жермен. А здесь размещалось тогда «хозяйство» капитана Ладу — шефа французской контрразведки. У капитана, как утверждают поздние исследователи «дела» Мата Хари, уже имелись данные о том, что голландская танцовщица завербована германской разведкой. Однако это не только не смутило Ладу, но, напротив, подсказало ему идею начать с немецкими коллегами «большую игру» через агента-двойника. Капитан предлагает Мата Хари тайное сотрудничество. Она без долгих колебаний соглашается. Более того, Ладу сразу же дает ей первое задание, так сказать, пробный вояж в Бельгию с секретным поручением.

чением. И тут происходит довольно странная вещь. Пароход «Голландия», на котором плывет новый агент французской секретной службы, посещают представители английского Скотленд-Ярда. Они разыскивают якобы сбежавшую из Великобритании преступницу. Мы говорим «якобы», потому что из многочисленных женщин — пассажирок корабля полицейские в штатском выбирают почему-то Мата Хари и арестовывают ее. Конечно, ошибка выясняется сразу же после беседы экстравагантной голландки с учтивым сэром Бэзил Томсоном, главой Скотленд-Ярда, которому она безо всякого принуждения признается в «близком знакомстве с капитаном Ладу». Англичане и французы союзники. Сэр Бэзил Томсон поддерживает с месье Ладу не только деловые, но и дружественные отношения. Настолько дружественные, что, принеся джентльменские извинения за ошибку, допущенную Скотленд-Ярдом, и посоветовав мадемуазель Мата Хари возвратиться в Париж, «сэр» направил «месье» зашифрованную телеграмму, в которой выразил полную уверенность в том, что она ведет «двойную» игру не с немцами, а с французами.

Вполне вероятно, что арест Мата Хари был не случайным. Вполне вероятно, что сэр Томсон тоже имел в виду начать «большую игру» с немцами, но, поняв, что будет третьим «хозяином» их агента, решил воздержаться от вербовки...

Мата Хари не последовала совету своего нового английского «друга». Она отправляется в Мадрид, добивается приема у французского военного атташе полковника Данвина и сообщает ему о том, что работает на французскую секретную службу... Полковник доволен Мата Хари. Доволен ею и как любовницей и как агентом, который каждый раз приносит ему информацию, полученную непосредственно из уст германского военного атташе фон Калле, находящегося также на нейтральной земле Мадрида. Французский полковник, конечно, не подозревает о том, что его «любимая женщина» передает слово в слово фон Калле все то, что он ей рассказывает в интимных беседах о французских делах. Оба атташе в совершеннейшем восторге. Не бог весть какая информация идет от этой дамы, но все же есть о чем написать в центр. Впрочем, двойная игра продолжается недолго. В январе 1917 года Мата

Хари неожиданно для всех уезжает в Париж, где ее вскоре арестовывают как «немецкую шпионку».

Следствие длилось несколько месяцев. В качестве основы обвинительных материалов были представлены несколько телеграмм германского военного атташе в Мадриде фон Калле, направленные им в Берлин, которые дешифровала французская контрразведывательная служба. В одной из них говорилось: «Агент Н21, направленная в марте во Францию, прибыла в страну. Она дала согласие сотрудничать с французской службой информации и приняла предложение отправиться с особой миссией в Бельгию за счет этой службы. По пути из Испании в Голландию Н-21 была арестована англичанами, которые приняли ее за другое лицо. Когда ошибка была обнаружена, они выпустили ее на свободу, хотя и продолжают подозревать в связях с нами».

«Н21 прибудет в Париж завтра,— говорилось в другой телеграмме фон Калле.— Она просит, чтобы через Крамера на имя ее служанки Анны Линтъянс были бы срочно переведены 5000 франков».

Крамер — германский консул в Голландии и один из резидентов секретной службы Германии — был близок знаком с Мата Хари, и она не смогла опровергнуть этой связи с ним во время судебного процесса. Более того, она была вынуждена признать, что получила от Крамера за время их «дружбы» в 1915 году 20 тысяч франков. В распоряжении французской контрразведки имелись и другие сообщения фон Калле, из которых явствовало, что Мата Хари в свое время получила от него симпатические чернила и другие приспособления для тайнописи. И все же доказательств обвинения было недостаточно. Да, бывшая исполнительница псевдоритуальных танцев состояла в списках германской и французской секретных служб. Да, она получала от них значительные суммы денег. Да, она выезжала в разные страны с «особыми» заданиями. Не хватало одного — фактических данных о характере этих заданий и о том, как они выполнялись... Однако судебная машина была запущена на полный ход; скандальная история подорвала престиж французской секретной службы, и никто из судей не захотел вникать в частности. Напрасны были усилия старого друга Мата Хари адвоката Клюне, который обил все пороги

французского правосудия. Смертный приговор, вынесенный 25 июля, был приведен в исполнение 15 октября 1917 года.

Уже после расстрела Мата Хари начальник кабинета парижской префектуры Анри Монури, один из ближайших коллег капитана Ладу, заявил в частной беседе: «Эта бедная Мата Хари... Может быть, мы и допустили юридическую ошибку, но она была столь же глупа, как и неженственна». Что ж, не будем упрекать Монури за не присущее французам непочтительное отношение к женщине. В данном случае обратим внимание на слова о юридической ошибке и вернемся к упоминавшимся ранее мемуарам фрейлен Шрагмюллер. «Нет, это не было юридической ошибкой,— писала она.— Приговор соответствовал букве закона и духу времени. Но французский трибунал все же ошибся, думая, что ликвидировав агента Н21, он нанес чувствительный удар германской службе информации (т. е. германской разведке.— Авт.). В том-то и дело, что агент Н21 не причинила никакого ущерба Франции, ибо вся информация, которая передавалась ею нашей службе, никогда не была использована. Она не представляла никакого интереса — ни экономического, ни политического, ни военного. И в этом смысле судьба Мата Хари может быть названа трагической. Она рисковала своей жизнью впустую».

Диаметрально противоположного мнения на этот счет придерживался Фриц Регельс, один из шефов германской секретной службы того времени. «Мата Хари сделала чрезвычайно много для Германии,— читаем мы в его мемуарах.— Она была курьером, обслуживавшим наших информаторов, находившихся за рубежом. Передавала им деньги, чеки, приказы и получала от них информацию, в которой нуждалась наша служба. Она была в курсе всех военных и политических проблем, ибо прошла отличную подготовку в одной из наших лучших школ по шпионажу. Она была самым опасным агентом, который когда-либо находился на службе германской разведки».

Вот так. Две крайности. Как в общем-то они характерны и для всей мемуарной литературы, посвященной Мата Хари. А может быть, имеет право на существование третья версия? Почему нельзя предположить, что не очень талантливая танцовщица могла быть

исполнительным курьером? Перевозить деньги, передавать агентам устные приказы и получать информацию... Кстати, ее экзотические гастроли во многих европейских городах были неплохим прикрытием для выполнения этих хотя и «особых», но в общем-то «технических» поручений. Но эти «технические поручения», согласитесь, имели все же большее отношение к шпионажу, нежели к танцевальному искусству. И, может быть, ошибался бывший солдат Гастон Роше, убедив себя и убеждая других в абсолютной невинности Маргарет Целле? Была ли она шпионкой-«двойником»? Скорее всего Мата Хари работала в основном на германскую секретную службу и не приняла всерьез то предложение о сотрудничестве, которое сделал ей капитан Ладу...

Историю создают люди. А им свойственно ошибаться. Вольно или невольно. Впрочем, история иногда исправляет человеческие ошибки. Но для этого нужно время. Оно, время, как резец скульптора, отбивает от глыбы мрамора все лишнее. Кто допустил ошибку в отношении Маргарет Целле? История или люди? А может быть, сама Маргарет, взявшаяся не за свое дело...

Поуренс: легенды

и быль

Тот вечер выдался особенно душным в Каире, и гости, собравшись на очередной дипломатический раут, который устроил шеф британской военной миссии — Арабского бюро генерал Клейтон, мучаясь в тесных смокингах и мундирах, с нетерпением ожидали момента, когда можно будет исчезнуть из отеля, не обидев хоть и сонного на вид, но всевидящего хозяина приема.

Маркиза Маргерит д'Андюрэн, неизменно вызывавшая восхищение разновозрастных «рыцарей» не только своим «шармом», но и весьма легкомысленным отношением к святости брака, пришла на прием без мужа. Впрочем, маркиз Пьер д'Андюрэн, преподнес-

ший своей жене титул и весьма приличное состояние, давно уже махнул рукой на проделки юной грешницы. Три с лишним десятка лет разницы в возрасте делали свое дело. Война застала их в Египте во время свадебного путешествия, и маркиз не очень торопился возвращаться в родные пенаты. Франция могла подождать, тем более что Пьер д'Андюрэн интересовался древними египетскими фресками и имел в виду приобрести кое-что у местных торговцев ворованной стариной для своей парижской коллекции. Маргерит тоже не торопилась в Париж, поскольку коллекция ее поклонников пополнилась еще одним, на сей раз молодым английским офицером.

Он стоял в углу зала, крутя в руке фужер с сельтерской, в котором звенели кусочки льда. Белокурые волосы над высоким лбом, голубые глаза, сухое, гладко выбритое лицо. Нет, красавцем его не назовешь, этого невысокого офицера, который ничем не выделялся среди своих коллег. Но Маргерит уже испытала на себе его «тайное оружие». Она знала наверняка, что не устоит перед странной, гипнотизирующей обаятельностью этого человека. Выждав, когда от маркизы отлетит рой вздыхателей, он подошел к ней со скучающим лицом, церемонно поклонился, тихо шепнул: «Я жду вас в номере на втором этаже», — и вышел из зала.

...Это было самое странное свидание в богатой любовными приключениями жизни Маргерит. Офицер не стоял на коленях, не целовал рук и не клялся в вечной любви. Он сказал очень просто, как будто бы они были знакомы много-много лет и уже неоднократно говорили об этом деле: «Моя дорогая маркиза, помогите Британии. Нам крайне необходимо, чтобы вы познакомились с Саид Пашой. Мы не останемся в долгу. Согласны?»

Через несколько месяцев маркиза Маргерит д'Андюрэн стала любовницей одного из вождей арабских племен и начала поставлять необходимую информацию. Военный разведчик Лоуренс получил из Лондона благодарность за очередную вербовку. Она была одной из наиболее трудных для него. Лоуренс очень не любил женщин. Вообще не любил их всю жизнь...

Лоуренс, он же «Т. Е.», он же «Шоу», «некоронованный король арабов», «руководитель восстания» против турок, английский военный разведчик времен

первой мировой войны в чине полковника,— личность настолько же известная, сколь и противоречивая. О нем писали научные и ненаучные книги, ставились черно-белые и цветные кинофильмы, высказывались самые разнополюсные суждения, в которых слову «гений» противопоставлялся антипод в виде отнюдь не джентльменского существительного «интриган». Впрочем, и шекспировского Яго нередко называли «гением злодейства». Все ведь зависит от того, чему, какому делу, какой цели служит талант человека. Добру или злу, правде или лжи. Скажем откровенно: Лоуренс был вне всякого сомнения незаурядным военным разведчиком для своего времени. Он прекрасно знал арабский язык и наречия многих бедуинских племен, изучил не только их быт и нравы, но и религию, к которой относился без присущего чужестранцам пренебрежения. Еще до начала первой мировой войны он исколесил практически всю Аравию, установил тесные связи с вождями наиболее крупных арабских племен, знал их слабые струны, что и позволило ему в конечном итоге выдвинуться в первые ряды организаторов арабского восстания. Именно такой актер был нужен британскому империализму на подмостках арабийского театра войны. Он имел свои особенности, этот театр, заключавшиеся прежде всего в отсутствии дорог и колодцев с питьевой водой, в непривычном для британских солдат знойном климате и в совершенно не соизмеримой с английской теснотой необозримости пустынь, в которых чахлое деревце попадалось еще более редко, чем человек.

Что привязывало британские войска к столь неудобному плацдарму, где приходилось не только вести военные действия, но и вкладывать немалые средства в создание коммуникаций и баз? Прежде всего стратегическое значение этого района. Здесь проходили Хаджазская и Дамасская железные дороги — основные артерии снабжения турецкой армии в зоне Суэцкого канала. Воевать с турками, используя регулярные войска, привязанные к своим базам, было очень неудобно. Возникла необходимость в мелких подвижных отрядах, привыкших к длительным переходам по безлюдной пустыне, которые могли бы неожиданно появляться в тылах турецких войск и совершать диверсии на железных дорогах. Поэтому-то

английскому генеральному штабу и пришла идея воспользоваться антитурецкими настроениями арабов, чтобы сколотить из них именно такие «летучие» повстанческие соединения. Дело было за человеком, который вошел бы в доверие к вождям арабских племен и направил их действия в единое русло, необходимое британскому империализму, чтобы воевать с Турцией чужими руками, не отвлекая дополнительных сил с западного фронта...

Томас Эдвард Лоуренс родился 15 августа 1888 года в Северном Уэльсе в довольно бедной семье, которая после длительных скитаний по Шотландии и Британии осела в Оксфорде. Здесь Эдвард начал учиться. «Школа,—писал он впоследствии,—была бесполезным и отнимавшим много времени занятием, которое я ненавидел ото всей души. Времени действительно не хватало. Не хватало для чтения книг о крестовых походах. Мальчишеская увлеченность историей переросла позже в серьезное увлечение археологией. Уже будучи в университете, Лоуренс написал дипломную работу на тему «Влияние крестовых походов на средневековую военную архитектуру Европы», которая была отмечена первой премией. Высокая оценка работы учеными зубрами Оксфорда была не случайной. Прежде чем сдать диплом на их суд, Лоуренс побывал в Сирии, где изучил все известные доселе развалины замков крестоносцев и следы древних племен. Их культуру, так же как и жизнь современных арабов, Лоуренс изучал не один. Им руководил известный археолог профессор Хоггарт, человек, сыгравший не последнюю роль в резком повороте судьбы молодого историка. Дело в том, что Хоггарт был профессором не только в археологии, но и в шпионаже, которым занимался долгие годы, работая на Интеллидженс сервис — британскую разведку, одну из старейших секретных служб Европы. Готовясь к мировой войне, Англия постоянно держала на границе Турции с Египтом ту или иную «экспедицию», которую неизменно возглавлял профессор Хоггарт.

Лоуренс проработал бок о бок с профессором Хоггартом с 1910 по 1914 год, неоднократно выезжал по его заданиям в Сирию и Палестину для сбора необходимой британской разведслужбе информации и установления перспективных контактов. Начав военную

карьеру в географическом отделе военного министерства, Лоуренс перешел затем в филиал Интеллидженс сервис, постоянно действовавший в Каире под названием Арабского бюро, возглавлявшийся генералом Клейтоном, который с началом первой мировой войны превратился в координационный центр английской секретной службы на Арабском Востоке.

Английскими и неанглийскими историками исписана не одна сотня страниц, посвященных тому, как Лоуренс — «друг» арабов — стал незаменимым человеком при свите саудовского короля Хуссейна, а затем вторым «я» одного из его сыновей — Фейсала, под властью которого находились многие племена. Используя недовольство арабов, Фейсал и Лоуренс сумели поднять восстание среди местного населения, сплотить его и создать вполне боеспособную армию, состоящую из диверсионных отрядов, которая доставляла много неприятностей регулярным турецким войскам. До самых последних дней войны полковник Лоуренс находился при армии Фейсала в официальном качестве военного советника и офицера связи арабского фронта со ставкой английского командования на Среднем Востоке.

«Друг» арабов? Мы взяли это слово в кавычки. И не случайно. «Инструкция по обращению с арабами», написанная Лоуренсом в качестве не подлежащего разглашению «руководства» для вновь прибывающих офицеров британской армии, была позже рассекречена и стала тоже достоянием истории. Двадцать семь статей руководства — весьма яркое доказательство того, что Лоуренс относился к тем «друзьям», которые держали за пазухой увесистые британские булжники. Приведем некоторые из этих статей.

Добейтесь доверия вождя и удерживайте это доверие. Укрепляйте, если можете, престиж вождя перед другими. Никогда не отказывайтесь и не разбивайте тех планов, которые он может предложить. Всегда одобряйте их, а похвалив, изменяйте мало-помалу, заставляя самого вождя вносить предложения до тех пор, пока они не будут совпадать с вашим собственным мнением...

— Если можете, то, не впадая в расточительность, делайте подарки. Хорошо сделанный подарок весьма часто является наиболее верным средством для того,

чтобы привлечь на свою сторону самого подозрительного шейха...

— Маскировка не рекомендуется... В то же время, если вы, находясь среди арабов, сумеете носить их одеяние, вы приобретете такое доверие и дружбу, какие в военной форме вам никогда не удастся приобрести. Однако это и трудно, и опасно. Поскольку вы одеваетесь, как арабы, они не будут делать для вас никаких исключений. Вам придется себя чувствовать, как актеру в чужом театре, играя свою роль днем и ночью в течение ряда месяцев, не зная отдыха и с большим риском...

— Нередко вам придется участвовать в дискуссиях по вопросам религии. Говорите о ваших убеждениях что угодно, но избегайте критиковать их взгляды...

— Весь секрет обхождения с арабами заключается в непрерывном их изучении. Будьте всегда настороже, никогда не говорите ненужных вещей, следите все время за собой и за своими товарищами. Слушайте то, что происходит, доискивайтесь действительных причин. Изучайте характеры арабов, их вкусы и слабости и держите все, что вы обнаружите, при себе...

Если бы арабы могли ознакомиться тогда с этой секретной инструкцией, которую с такими психологическими нюансами подготовил их «друг»... Но тогда они верили Лоуренсу, потому что он был блестящим актером, сумевшим завоевать доверие вождей, сумевшим получить власть над территориями и людьми, сумевшим «без расточительства» подкупать шейхов, умевшим маскироваться и играть свою роль в «чужом театре», не зная отдыха, с риском для жизни, но всегда безошибочно.

Итальянский институт «Агостини», выпустивший сравнительно недавно несколько томов «Истории шпионажа» и посвятивший немало страниц «Лоуренсу Аравийскому», дает такую характеристику «другу» арабов: «Только в лоне Арабского бюро Лоуренс смог до конца раскрыть свой талант интригана. Он был по-лихих хитер, дьявольски ловок, не считался ни с кем и плевал на начальство, чем восстановил против себя почти весь британский генеральный штаб. Лишь небольшая группа экспертов ценила его поистине энциклопедические знания и умение вести дела с арабами...»

Лоуренс, как и любой из актеров, неплохих, подчеркнем, актеров, иногда настолько входил в свою роль, что и сам начинал верить в то, что он друг арабов и борется за их свободу и независимость. Может быть, этим и объясняется его популярность среди бе-дуинских племен?

Но полковник Лоуренс никогда не болел душой за освободительное движение арабов. Он был скорее его провокатором в самом широком понимании этого слова, ибо арабское восстание не было средством осуществления «великой задачи создания арабского государства», как это пытался представить сам Лоуренс. Оно, это движение, вместе с восстанием явилось орудием политики британского империализма, стремившегося превратить арабские земли в свои колонии, что, собственно говоря, ему и удалось сделать после окончания первой мировой войны, используя мандаты Лиги наций. Один из наиболее последовательных защитников «дела» Лоуренса, английский историк Лиддель Гарт, восхваляя мандатную систему, под прикрытием которой Британия пыталась закабалить арабский народ, писал: «Таким образом, Британия была в состоянии поддержать свою честь и дать блестящее подтверждение того, что идея, лежащая в основе мандата, может быть проведена в жизнь и по духу и по букве. Честь Лоуренса также была восстановлена. Для арабов он приобрел больше того, на что первоначально рассчитывал».

Таким образом, по Лиддель Гарту, получается весьма привлекательная картина: арабы добились того, чего добивались. Британия осталась довольной, и Лоуренс стал героем. Так ли это? Что получили арабы? Фейсал, сын Хуссейна, сел на трон Ирака. Его второй сын — Абдулла сел на трон Трансиордании. Они сели на троны для того, чтобы проводить политику британского империализма по удушению национально-освободительного движения арабов. Что получила Великобритания? Новые колонии и военно-морскую базу в Хайфе и т. д. Короче говоря, британский империализм на время укрепил свое господство над Ближним Востоком. Что получил Лоуренс? Моральное удовлетворение, утверждает Лиддель Гарт. Может быть... Именно «моральное», ибо арабское восстание, вдохновителем которого считал себя английский военный разведчик,

не оказало никакого влияния на исход послевоенных конференций, определявших судьбу Османской империи и ее арабских областей. На совещании союзников Антанты в Сан-Ремо, а оно состоялось в апреле 1920 года, мандаты были окончательно распределены. Под давлением Франции Англия вывела свои войска из Сирии, и французы заняли Дамаск, куда в сентябре 1918 года с небольшим отрядом арабов на верблюдах первым вошел Лоуренс, воспользовавшись отступлением турок. Лучший «друг» англичан Фейсал, свергнутый с трона, осыпал проклятиями своего вероломного «брата» полковника Лоуренса.

Правда, некоторые буржуазные исследователи пытались доказать, что Лоуренс, будучи глубоко оскорбленным тем, что англичане не выполнили своих обязательств перед арабами, окончательно порвал с Интеллидженс сервис и удалился от практических дел. Однако эта версия вряд ли имеет право на существование. Просто Лоуренс как военный разведчик выполнил возложенную на него задачу и занялся другими делами.

Послевоенная биография Лоуренса более запутанна и менее любопытна. В 1921 году Уинстон Черчилль, возглавивший министерство по делам колоний, предложил ему пост политического советника в новом управлении по делам Среднего Востока. На конференции в Каире в марте 1921 года Лоуренсу удалось убедить Черчилля в том, чтобы посадить на трон Ирака, подпадавшего под мандат Англии, изгнанного из Сирии Фейсала. Таким образом, полковник оплатил свой старый долг бывшему «брату». После этого Лоуренс подал в отставку и, несмотря на уговоры Черчилля, оставил министерство по делам колоний. В августе 1922 года он неожиданно поступает рядовым в британский воздушный флот под фамилией Росса. Сам Лоуренс мотивирует свой поступок следующим образом: «Каждый должен или сам поступить в авиацию, либо помогать ее развитию». На вопрос, почему он не желает получить звание офицера, Лоуренс якобы ответил: «Я не возражаю повиноваться глупым приказаниям, но возражаю против того, чтобы отдавать их самому, что необходимо делать в звании офицера». Несколько позднее он вступает в танковые войска под именем Шоу. Экстравагантность? Может быть. Но скорее всего же-

ление уйти от политических дел, поскольку Лоуренс понял, что звезда его на арабском небосклоне закатилась.

Однако вскоре он уходит из авиации и из танковых войск и начинает заниматься литературным трудом. Из-под его пера выходят две книги: «Восстание в пустыне» и «Семь столпов мудрости». Одновременно он переводит на английский язык «Одиссею» Гомера.

Вечером 19 мая 1935 года по одной из провинциальных лондонских дорог с бешеной скоростью мчался мотоцикл. Никто не видел, как произошла авария. Свидетели подоспели на место происшествия тогда, когда мотоциклист был при смерти. Им оказался сэр Томас Эдвард Лоуренс, 47 лет... Куда спешил бывший английский военный разведчик? Из некоторых источников известно, что за день до катастрофы Лоуренс получил от одного из своих друзей письмо, в котором тот предложил ему встретиться с Гитлером. Обдумав это предложение, Лоуренс помчался на почту (он жил за городом), чтобы отправить срочную телеграмму о своем согласии на встречу. На обратном пути с мотоциклом произошла авария. Известно также, что незадолго до смерти Лоуренс завязал тесные отношения с английскими фашистами и их фюрером Освальдом Мосли. Но это так, кстати...

Однажды в беседе с уже упоминавшимся историком Лиддель Гартом Лоуренс, когда речь зашла о его жизни, заметил, что сам себе он напоминает «ловкого пешехода, который увертывается от автомобилей, движущихся по главной улице». Это, пожалуй, близко к истине. Именно ловкий, но не пешеход, а авантюрист, не лишенный специфических индивидуальных качеств, необходимых разведчику, умевший талантливо использовать любую ситуацию в своих честолюбивых целях, типичный продукт своей эпохи. Именно такие «герои» нужны были Англии для проведения колониальной политики. И если бы не было Лоуренса, британский империализм непременно изобрел бы его...

Послесловие

Закончив последнюю главу книги, мы, авторы, мысленно еще раз перечитали все ее страницы. Конечно, жизнь не стоит на месте и каждый новый день приносит новые факты все более усиливающейся идеологической борьбы между двумя социальными системами.

В докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества» Леонид Ильич Брежнев сказал, касаясь противостоящей социализму общественной системы: «...Капитализм все нагляднее проявляет себя как общество без будущего. Его экономику хронически лихорадит. Технический прогресс выбрасывает за ворота предприятий такие массы рабочих, что это угрожает потрясением всей социально-политической системе. Беспрерывно растут цены, проблемой номер один остается инфляция. Скандальные разоблачения темных политических махинаций, продажности, злоупотреблений властью, грубых нарушений закона со стороны наиболее высокопоставленных деятелей взрываются, как бомбы, то в одной, то в другой стране, демонстрируя разложение правящего класса. Рекордный рост преступности дополняет картину».

Это картина глубокого неизлечимого кризиса, который, словно рак, поразил капиталистическое общество и разлагает устои буржуазной «демократии». Именно поэтому так кричат апологеты капитализма о «нарушении прав человека» в социалистических странах, именно поэтому и стремятся отвлечь внимание общественности этой беспардонной шумихой от своих собственных язв.

Как свидетельствуют неопровержимые факты, враги социализма, ненавистники советского строя не оставляют попыток вмешиваться во внутренние дела нашей страны, ведут против нее тайную и явную борьбу. На «психологическую войну» против мира социализма ассигнуются огромные средства, используется огромный аппарат разведывательных служб, в первом ряду которых находится американское ЦРУ.

Грязные провокации империалистов заставляют нас постоянно помнить о необходимости разоблачать и пресекать любые попытки идеологических диверсий, ставящих целью помешать мирному, созидательному труду советского народа, нанести вред безопасности нашей Родины.

С этой мыслью мы писали свою книгу. С этой мыслью мы отдаем ее на суд читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	5
----------------------	---

МАСКА СОРВАНА

У позорного столба	9
Паяцы	27
Турне балаганной звезды	34
Получил, что заслужил	36
Плоды самовыражения	38
Римский цирк	42
Троянский конь пасквилянтов	48
О чем молчит говорящая рыба	57
Мафиоза в юбке	70
Отщепенцы	79
Из-за угла	95
Откуда вы, доктор Мамантов?	102
Путешественники с начинкой	108

ФАЛЬШИВЫЕ ГОЛОСА

Кто есть кто	117
Логово	130
Отлучение	141
Чад из мюнхенской радиокухни	148
Информация против дезинформации	156
Мастер абсурдов	168
В разных ролях	170
Тайны «Славянской миссии»	173
Слуги двух господ	184

ФАКТЫ ОБЛИЧАЮТ

Набат совести	195
Одиссея старого художника	201
Прерванная стажировка	222
Сфабриковано охранкой	225
Кому это на руку?	233
Под звуки гавайских гитар	238
Испанцы говорят «нет»!	253
Секретный формуляр Е-10-13	270

Преступники в белых халатах	283
Лжерадетели	290
«Дух Оноды»	298
Лицо фашистского призрака	308
Альпинизм по-американски	322

КИТАЙСКАЯ «КАРТА»

Великоханьские шовинисты	337
За китайской стеной	343
Выстрелы на «крыше мира»	351
Сставка на национализм	360
Для кого открывались секреты	366

СЕКРЕТЫ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ

«Электра» не вернулась	371
Длинные руки Сеула	378
Человек, пришедший с Запада	394
Арена адмирала Тэрнера	443
Тень над Гималаями	458
Косметика для Лэнгли	470
Шпионы и бизнес	476

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Когда родилось невидимое оружие?	485
Ошибка Мата Хари	489
Лоуренс: легенды и быль	498
Послесловие	507

Вадим Борисович КАССИС
Леонид Сергеевич КОЛОСОВ
Михаил Александрович МИХАЙЛОВ

ЗА КУЛИСАМИ ДИВЕРСИЙ

М., «Известия», 1979, 512 стр. с илл.

Редактор-составитель **М. Зубко**
Художественный редактор **И. Смирнов**
Технический редактор **А. Гинзбург**
Корректоры **Е. Патица, В. Прошина**

В книге использованы
фотографии авторов, а также
из зарубежных газет и журналов

В 03945. Подписано к печати 22/II 1979 г.
Формат 84×108¹/₃₂. **Бумага** печ. № 1. **Печ. л.**
16,0+1,0. печ. л. вкладок. **Усл. печ. л.** 28,56.
Уч.-изд. л. 28,56. **Заказ** 4026. **Тираж** 100.000.
(1-й завод 1—50 000 экз.).

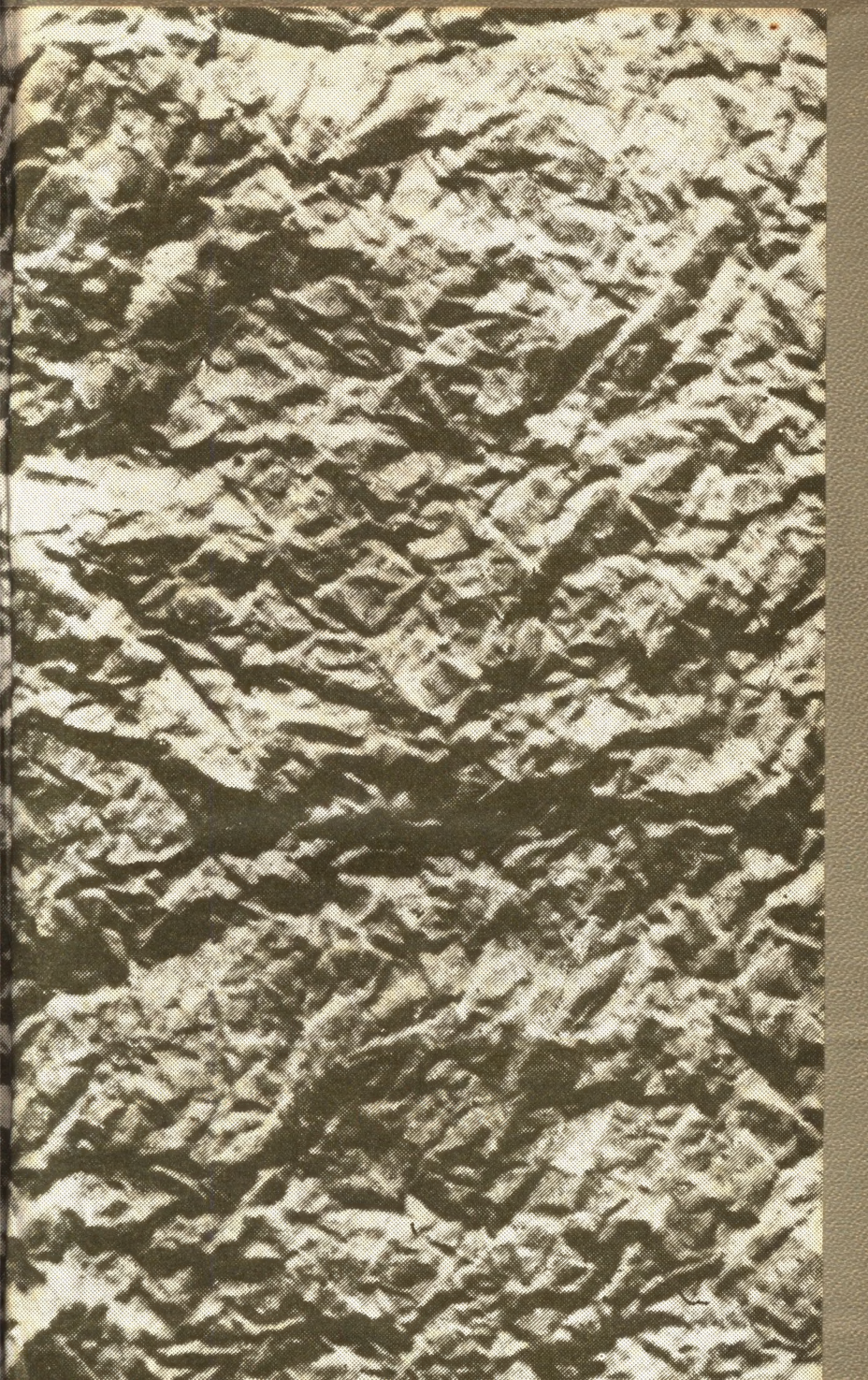
Цена 1 руб. 30 коп.

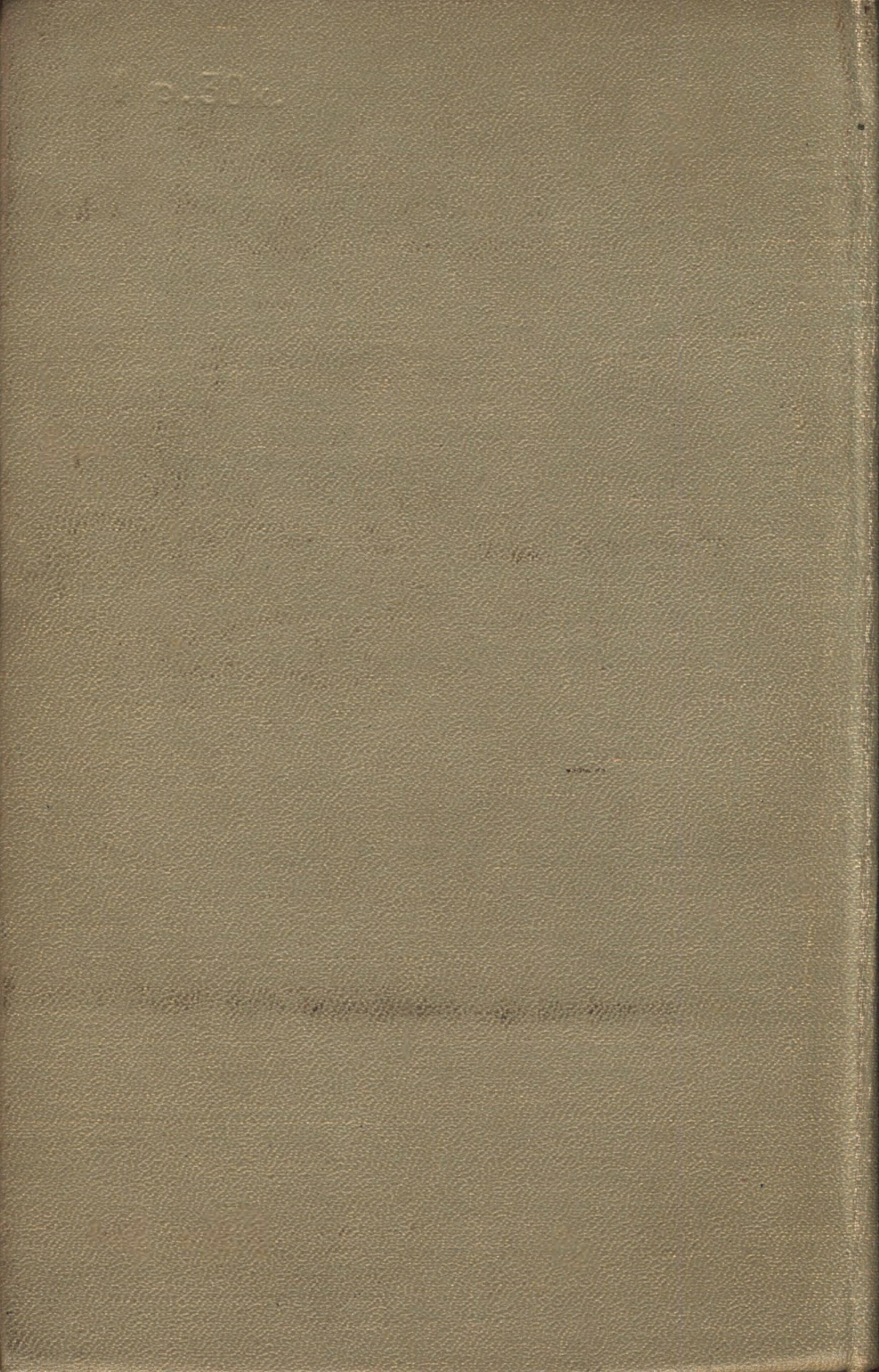
Издательство «Известия Советов народных
депутатов СССР». Москва, Пушкинская пл., 5.

Ордена Трудового Красного Знамени
типография «Известий Советов народных
депутатов СССР» имени И. И. Скворцова-
Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

В. КАСКИС
В. КОЛОСОВ